

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Российский государственный гуманитарный университет**

На правах рукописи

Павленко Ольга Вячеславовна

**Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской
империи и монархии Габсбургов (1830-е гг. – 1914 г.)**

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва
2022

Оглавление	
Введение	5
Глава I. Славянский фактор в отечественных и зарубежных исследованиях	39
1.1. Славянство и славизмы в зарубежной историографии межвоенного периода .41	
1.1.1. Дискуссии о крахе Австро-Венгрии.....	41
1.1.2. Славянская тема в чехословацкой историографии.....	46
1.1.3. Кризис славяноведения в марксистской исторической науке в СССР.....	55
1.2. Славянский фактор и образы империй в исторической науке в эпоху холодной войны	58
1.2.1. Реконструкция истории монархии Габсбургов в австрийской историографии в 1950-80 гг.	58
1.2.2. Миф о панславизме в западной историографии	65
1.2.3. Дискуссии о славянской идентичности и русофильстве в чехословацкой историографии.....	70
1.2.4. Советские исследования славянского фактора в истории монархии Габсбургов и России в XIX – начале XX в.....	79
1.3. Новые направления современной историографии в 1990–2000-е гг.	92
1.3.1. Междисциплинарная методология в исторических исследованиях: потребности и опыт применения	94
1.3.2. Историографические образы Австро-Венгрии в современных австрийских исследованиях.....	100
1.3.3. Спад интереса к славянским исследованиям в историографии стран Центральной Европы	108
1.3.4. Габсбургские и славянские исследования в России: методология – интерпретации – исследовательские практики.	113
Глава II. Зарождение панславизма и славянского вопроса в Российской и Австрийской империях в 1830–1840-е гг.	126
2.1. Священный союз России, Австрии и Пруссии как основа Венской системы международных отношений в первой половине XIX в.	126
2.2. Российско-австрийские отношения в 1830–1840-е гг.: «розы, в которых полно шипов»	132
2.3. Рождение панславизма в 1830–1840-е гг.: надежды, иллюзии, фантомы	140
2.3.1. «Истинный панславизм» Яна Коллара или «разнообразие в гармонии»	141
2.3.2. Угроза панславизма или «византизм» в европейской либеральной публицистике	145
2.4. Богемская общность как несостоявшийся проект региональной идентичности в Австрийской империи	150
2.5. Национальные проекты и символы свободы в революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи	155
2.6. Славянский съезд в Праге в 1848 г. как политическая декларация австрославизма	164
2.7. Сближение Вены и Петербурга в конце 1840-х – начале 1850-х гг.	176
Глава III. Славянский фактор в формировании коллективной идентичности и внешней политики Российской империи и монархии Габсбургов в 1850–1860-е гг. ..	188
3.1. «Имперская нация» и кристаллизация национальных сообществ	188

3.2. Крымская война как рубеж в российско-австрийских отношениях.....	192
3.2.1. Экономический фактор в Крымской войне 1853-56 гг.	192
3.2.2. Крымская война как геополитический вызов России: мобилизационные стратегии	197
3.3. Новый внешнеполитический курс России: от имперской солидарности к национальным приоритетам.	208
3.3.1. Изменение баланса сил в Европе в 1860-е гг.	208
3.3.2. Новый внешнеполитический курс России и проект Наполеона III: союз против Австрии	212
3.3.3. Австрийские инициативы в 1860-е гг.: сближение с Петербургом.....	218
3.4. Проект государственной нации России и генезис имперского панславизма....	224
3.4.1. «Возвращение к истокам» в царствование Александра II	224
3.4.2. Возникновение имперского панславизма в России во второй половине 1850-х – 1860-е гг.	227
3.4.3. Создание Славянского благотворительного комитета в России	248
3.4.4. Радикальные версии панславизма в российской политической мысли в 1850–1860-е гг.	254
3.5. Имперские и национальные проекты в монархии Габсбургов в 1850–1860-е гг..	261
3.5.1. Общеимперские скрепы коллективной идентичности.	261
3.5.2. Австрофильство и национальная идентичность.....	263
3.6. Славянский съезд в России в 1867 г.....	284
Глава IV. Геополитическая конкуренция России и Австро-Венгрии в Восточном вопросе во второй половине XIX в.....	304
4.1. Факторы, определявшие динамику и качество российско-австрийских отношений.	305
4.2. Отторжения и притяжения во внешнеполитических стратегиях России и Австро-Венгрии.....	309
4.2.1. Возрождение Союза трех императоров в первой половине 1870-х гг.....	309
4.2.2. Восточный кризис 1875-1878 гг. и прославянское общественное движение в России.....	319
4.2.3. Агония Союза трех императоров в 1880-е гг.	335
4.2.4. Противостояние России и Австро-Венгрии в балканской политике: 1887-1897 гг.	348
4.3. Славянское благотворительное движение в России.....	357
Глава V. Славянский вопрос в политической культуре России и Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX вв.	376
5.1. Образы имперской власти и ресурсы общегражданской лояльности в политических культурах Австро-Венгрии и России	377
5.2. Церемонии – ритуалы – символы общегосударственной идентичности в России	382
5.3. Славянские дискурсы в политической мысли России.....	395
5.3.1. Имперский панславизм в консервативной среде	396
5.3.2. Либеральная критика имперского панславизма.....	403

5.4. Академическое славяноведение и общественный интерес к Австро-Венгрии в российском обществе	407
5.5. Использование «славянства» в национальных проектах австрийских славян	412
5.6. Общеимперские праздники и символы в Австро-Венгрии.....	417
Глава VI. Славянский вопрос и кризис российско-австрийских отношений: от сближения к противостоянию и распаду монархий (1897-1917 гг.)	426
6.1. «Медовый месяц» между Веной и Петербургом: 1897-1908 гг.	427
6.2. Боснийский кризис 1908 г. и резкое обострение российско-австрийских отношений	434
6.3. Неославизм как общеславянский проект в Австро-Венгрии и России	441
6.4. Балканские войны и славянская политика России.....	457
6.5. Прогноз будущей европейской войны от Морского Генерального штаба России (1912 г.).....	467
6.6. План мобилизации Генерального штаба России и угроза большой европейской войны: 1910-1912 гг.	472
6.7. Особое Совещание 31 декабря 1913 г.	478
6.8. Июльский кризис 1914 г. и геополитические интересы России в Первой мировой войне.....	485
 Заключение	 515
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	526

Введение

Актуальность и проблематика исследования. Многие актуальные проблемы уходят корнями в «долгий» XIX в. Историки пытаются понять, как зарождалась современная политика в европоцентричном веке, когда еще доминировали индивидуализм и элитарность, но уже с неотвратимой силой поднимались массовые идеологии и движения. Многие ситуации в международных отношениях прошлого и настоящего повторяются в моделях политического поведения и презентациях власти, внешнеполитических амбициях и восприятиях «Другого». Немецкий философ и социолог Теодор Адорно связывал этноцентризм с противопоставлением «своих» и «чужих»¹. Сегодня вновь переосмысливаются «вечные темы»: колониализм/империализм; нации/империи; глобализация/фрагментация. В трудах немецкого историка Юргена Остерхаммеля и британского Кристофера Бейли, в российском издании «Всемирной истории» воссоздана масштабная панорама экономических циклов и миграций, трансформаций пространств, границ, империй и регионов².

Европейские империи, борясь за расширение жизненного пространства и геополитическую гегемонию, соединяли в своих стратегиях задачи внутренней и внешней политики. «Государственная целесообразность» (понятие, которое активно использовалось в XIX – начале XX вв.) включала новые формы коллективного служения Отечеству, продвижение национальных интересов, приоритет имперского суверенитета над универсальными ценностями. В бурлящем котле этатистских идей, ставивших превыше всего государство, выплавлялось кредо политики реализма, сформулированное лордом Пальмерстоном в выступлении в Палате общин в 1848 г.: «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их — наш долг»³.

Исторический опыт двух империй на европейском Востоке со значительной долей славянского населения – России и Австрии⁴ – позволяет не только сопоставить модели их

¹ Исследование авторитарной личности / Т. Адорно, Р. Н. Сэнфорд, Э. Френкель-Брюнсвик, Д. Дж. Левинсон. М., 2001. 416 с.

² Bayly C. A. The birth of the modern world, 1780–1914 : global connections and comparison. Malden ; Oxford, 2004. 540 p. ; Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt : eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009. 1568 S. ; Всемирная история. Т. 5 : Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В. С. Мирзеханов. М., 2014. 939 с.

³ Виноградов В. Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история, 2006. № 5. С. 182–209.

⁴ Название «Австрия» (Österreich) употребляется в австрийской и мировой историографии применительно к XIX – началу XX вв. как условное понятие, соответствующее по смыслу терминам «монархия Габсбургов», «Австрийская империя», «Дунайская монархия». Официальное название государства «Австро-Венгрия» используется только для периода с 1867 по 1918 гг., когда

государственного развития, внутренние и внешние стратегии, но и понять многие современные процессы. В отличие от империй Запада, Россия и Австрия смогли создать свои пространства на материке. Одна вобрала в себя большую часть Евразии, другая – Центральную Европу и часть Балкан. К началу модернизации огромная Россия и большая по европейским понятиям Австрия уже сложились как имперские государства. Правда, Австрия была более интегрирована в систему европейских коммуникаций, чем Россия. И все же ритмы их развития вплоть до 1860-х гг. во многом совпадали.

Обе империи прошли испытания на прочность. Россия пережила Крымскую войну, Австрия – войны с Италией и Германией, которые стремились объединить свои национальные территории, вырвав их из-под влияния Дома Габсбургов. Экзистенциальные вызовы заставили Вену и Петербург приступить в 1860-е гг. к либеральным реформам. Но у каждого государства были свои пределы допустимых компромиссов на пути ограничения власти монарха и свое понимание компромисса как основного механизма существования многосоставного государства.

В 1880-е гг. династия Романовых сделала выбор в пользу политического консерватизма. Австро-Венгрия, напротив, вступила в полосу длительных конституционных экспериментов. Развитие ее парламентаризма и конституционных основ было подчинено поиску эффективной модели сосуществования разнородных наций под скипетром Габсбургов. Австро-Венгрия в большей степени, чем другие европейские державы, испытала на себе мощный натиск национализма, который стал самым серьезным вызовом за всю историю ее существования. По сути, дунайское государство превратилось в своеобразную лабораторию, в которой ставились многочисленные опыты по поиску национального согласия. Но проекты «общего дома» рассыпались как карточные домики из-за острой конкуренции между образующими империю нациями.

Чем длиннее становится историческая дистанция между современностью и империями прошлого, тем острее проявляется интерес к их историческому опыту.

было провозглашено дуалистическое государство. Но параллельно с ним в научных текстах допускается употребление терминов «монархия Габсбургов», «Дунайская монархия». В современной историографии, как правило, избегают название «Австрийская империя» применительно к эпохе дуализма, поскольку считается, что имперское начало было размыто в структуре дуалистического государственного организма. Тем не менее, имперская идеология и атрибутика сохранялась вплоть до распада Австро-Венгрии в 1918 г. В тексте диссертационного исследования чаще всего используется термин «монархия Габсбургов», поскольку он применим к любому из изучаемых исторических периодов и принят всеми историографиями. Понятия «Россия», «Российская империя» используются в исторических трудах применительно ко всему изучаемому времени. Реже встречается название «монархия Романовых». Для определения царствования Николая II в зарубежных исследованиях используется также понятие «поздняя Российская империя». Подробнее о дискуссиях по терминологии см. главу 1, раздел 1 диссертации.

Изучение моделей взаимодействия власти и общества в имперском пространстве – актуальная задача исторической науки. Ведь здесь веками складывались особые социокультурные матрицы, определявшие типы политического поведения. Этот «возвышенный исторический опыт»⁵ (по определению нидерландского философа и историка Франклина Рудольфа Анкерсмита) воспроизводится в исторической памяти потомков, независимо от политических режимов, общественных и интеллектуальных предпочтений. Понять современные процессы в регионах, хранящих печать уникального имперского наследия России и монархии Габсбургов, невозможно без изучения истоков их национализмов и форм коллективной идентичности.

Проблематика представленного исследования включает в себя изучение внутреннего и внешнего контуров имперской политики, соотношения идеологических процессов с международными, сопоставление моделей коллективной идентичности на национальном, региональном и общегосударственном уровнях.

Эти исследовательские линии объединяет комплексное изучение *славянского фактора*, под которым понимается:

во-первых, совокупность многообразных межславянских коммуникаций, взаимоотношений между людьми, разделявшими идеи славянской взаимности, социальными группами, корпорациями, общественными объединениями на основе интеграционных программ и проектов, включая различные формы славянской благотворительности;

во-вторых, интересы и стратегии двух империй в двусторонних контактах и европейской политике, равно как их геополитическая конкуренция на Балканах и отношение имперских элит к славянскому вопросу;

в-третьих, трансформация славянских кодов в национальных и имперских дискурсах.

Для раскрытия темы исследования важно понять, как соотносились интересы и идентичность двух государств, какую роль играл славянский фактор в процессах формирования их имперской идентичности и внешней политики, как изменялось соотношение общеславянских и национальных паттернов в политических дискурсах австрийских славян; насколько глубоко российское общество было увлечено славянолюбием, и какие формы оно принимало на массовом уровне; что представлял собой панславизм в реальных и воображаемых проекциях его адептов и противников? Наконец, необходимо проанализировать, как трансформировалась славянская проблематика в исследованиях национальных сообществ историков в разные эпохи.

⁵ Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. 609 с.

Список вопросов можно продолжить. Они свидетельствуют о необходимости разработки комплексного подхода к изучению роли «славянства» и «славизмов» в истории Российской империи и монархии Габсбургов.

Объектом исследования является славянский фактор в России и монархии Габсбургов, который рассматривается в динамике и качественных изменениях на четырех уровнях:

- политической культуры имперских государств;
- национальных движений австрийских славян;
- стратегий внешней политики и особенно – геополитической конкуренции Вены и Петербурга на Балканах;
- историографических подходах и концепциях, начиная с межвоенного периода до современности.

Предметом исследования являются взаимоотношения Российской империи и монархии Габсбургов с 1830-х гг. до 1914 г. во всем многообразии: от внешнеполитических союзов и дипломатических комбинаций до взаимовосприятий в общественных и политических рефлексиях; от общественных движений до военно-стратегических планов.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе анализа аутентичных исторических источников и литературы изучить роль и влияние славянского фактора на каждом из этапов развития российско-австрийских отношений и в политической культуре обоих государств с 1830-х гг. до 1914 гг.

Рабочая гипотеза состоит из четырех позиций:

Первая. Крымская война 1853-55 гг. стала рубежом в российско-австрийских отношениях. Был не только разрушен консервативный союз двух континентальных империй, обеспечивавший стабильность в Европе, но и задан новый формат их дипломатическим стратегиям. В то же время «дуализм соперничества и сотрудничества» позволял Петербургу и Вене длительное время находить компромиссы в кризисных дипломатических ситуациях, несмотря на нарастание противоречий в славянском вопросе и обострение геополитической конкуренции на Балканах.

Вторая. Символическое пространство монархии Габсбургов было проникнуто идеей «идеальной имперской власти», возвышавшейся над всеми национальными, политическими и религиозными силами. Австро-Венгрия представлялась как прибежище малых народов в Центральной Европе и на Балканах – общий дунайский дом. Начиная с 1880-х гг. модель коллективной идентичности вбирала славянские коды, присваивая право выступать защитницей и покровительницей балканских славян. Это стало прямым

вызовом для России, в которой после Крымской войны новая имперская идентичность строилась на идее «русско-славянской общности».

Третья. Славянская политика России имела два направления – балканское и австрийское. С 1860-х гг. приоритет отдавался балканским славянам. В монархии Габсбургов дальше мягкой силы российские интересы не простирались. Материальная и моральная поддержка была достаточно скромной по сравнению с масштабным финансированием российской помощи на Балканах. Конкретных проектов создания всеславянской империи или раздела австро-венгерского наследия МИД России вплоть до Первой мировой войны не рассматривал.

Четвертая. Панславизм представлял собой сложное макронациональное явление, порожденное процессами формирования коллективных идентичностей модерна. Панслависты в России, Центральной Европе и на Балканах расходились в понимании целей и образа будущего, реализации политических программ и восприятии России, Австро-Венгрии и других европейских государств. Как бы ни желали его адепты, панславизм так и не стал реальным геополитическим проектом ни одной из славянских наций.

Для достижения цели и доказательства рабочей гипотезы решаются следующие **исследовательские задачи:**

1. Изучить российско-австрийские отношения с 1830-х гг. до 1914 г., выделив в них отдельные фазы развития, чтобы рассмотреть в динамике влияние славянского фактора.

2. Проанализировать интеграционные проекты, программы и движения, которые выдвигались в монархии Габсбургов и были ориентированы на всех австрийских славян, выявить соотношение в них общеславянских и национальных интересов, степень лояльности к династии Габсбургов и восприятие России. Особо стоит подчеркнуть, что изучение отдельных региональных вариантов славизмов, которые возникали в большом количестве в среде австрийских народов (югославизм; польский мессианизм; чехословакизм; триализм и т.д.) не входит в задачу данного исследования. Важно изучить только те варианты, которые были рассчитаны либо на всех славян монархии Габсбургов, либо имели общеславянский масштаб.

3. Исследовать генезис и природу панславизма, рассмотреть основные панславистские дискурсы в политической культуре обеих империй.

4. Рассмотреть особенности процессов формирования имперской нации в политической культуре России и Австро-Венгрии, а также проанализировать роль славянских кодов.

5. Изучить механизмы финансирования, направления деятельности и масштаб славянского благотворительного движения в России. Провести сопоставительный анализ балканского и австрийского направлений славянской политики России. Определить степень вовлеченности российского общества в славянское движение. Выявить отношение к нему российского МИДа.

6. Проанализировать развитие историографических подходов и концепций, начиная с межвоенного периода до современности, выделив следующие тематические направления:

- эволюция понятий и концептуальных объяснений;
- трансформация подходов к исследованию имперских государств; а также внешней политики России и монархии Габсбургов;
- изучение панславизма в историографических практиках на Западе, в России и странах Центральной Европы;
- развитие исследований славянских движений и идеологий в Австрии / Австро-Венгрии.

7. Выяснить, насколько реальной была угроза панславизма, которая культивировалась в общественном мнении Европы? Существовали ли конкретные проекты создания всеславянской империи и раздела австро-венгерского наследия в российском МИДе?

Хронологические рамки работы охватывают период с 1830-х гг. до начала Первой мировой войны. Славянский вопрос возник в 1830-е гг., когда появился трактат словака Яна Коллара «О славянской взаимности». Очень скоро он стал предметом многочисленных обсуждений в славянской и пангерманской среде, а через несколько лет и в европейской публицистике. Примерно в это же время в России славянская тема получила осмысление в славянофильском учении. Исследование заканчивается разделом об июльском кризисе 1914 г., который привел к Первой мировой войне. Но для логического завершения было необходимо провести также анализ документальных источников российского МИДа с момента начала военных действий до февраля 1917 г., чтобы определить линии переговорного процесса, который вели российские дипломаты с союзниками по проектам послевоенного переустройства.

Методология и методика работы. Учитывая сложность проблематики и высокую степень ее политизации, теоретическая часть диссертации посвящена изучению теорий, концепций и интерпретаций «славянства» и «славизмов» в отечественной и зарубежной историографии на протяжении последних ста лет. Методологическую основу

исследования составили как традиционные принципы историзма, научной достоверности и объективности, так и новые междисциплинарные подходы.

В основу диссертации был положен *принцип историзма*. События и процессы исследуются в их диалектическом взаимодействии применительно к каждой конкретной исторической ситуации.

Принцип научной достоверности подразумевает привлечение значительного объема источников и их сопоставление, критический анализ теорий и объяснений в историографии, соотнесение полученных результатов с уже существующими знаниями по изучаемой теме. Для научной достоверности исследования проведен сопоставительный анализ политической публицистики с дипломатическими документами, мемуарами государственных деятелей и корреспонденцией участников событий. В диссертации рассматриваются случаи, когда в историографии были допущены намеренные искажения и выявляются их причины.

С развитием исторического знания реализация *принципа объективности* стала возможной только на основе междисциплинарной методологии. Структуралистский подход, в котором преобладают причинно-следственные связи, позволяет выявить типологии в международных процессах. Но описание дипломатических отношений между государствами раскрывает лишь линейную последовательность событий: предпосылки – причины – ход действия – последствия.

Основными игроками на международной сцене выступают великие державы. Они продвигают свои интересы, продиктованные тем пониманием «суверенитета» и «безопасности», которое сложилось на данный момент в среде власти. Сторонники традиционалистского подхода к истории международных отношений исходят из логико-интуитивного метода и парадигмы реальной политики. Безусловно, такой подход дает нам представление о балансе сил, но не объясняет действие глубинных механизмов взаимовлияний между великими, региональными и малыми державами.

В этой связи в диссертации был применен также конструктивистский подход, позволяющий провести сравнительное изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе⁶. Онтологическое понимание международного мира в конструктивистской методологии объединяет социологические, лингвистические, сравнительно-политологические и сравнительно-исторические методы. Конструктивисты смогли

⁶ Onuf N. Constructivism: a user's manual // International relations in a constructed world / ed. V. Kubálková [et al.]. Armonk, 1998. P. 58–78 ; *Idem*. World of our making : rules and rule in social theory and international relations. Columbia, 1989. 341 p.

доказать, что недостаточно исходить из прагматичных ситуационных интересов, чтобы в полной степени раскрыть взаимосвязи между игроками и структурами мирового порядка. Особое внимание они уделяют изучению коллективной идентичности, на основе которой элиты формулируют «вечные» и актуальные интересы и вырабатывают внешнеполитические стратегии.

Коллективная идентичность в международных отношениях реализуется на двух уровнях. Внутреннем – «государство в себе» и «для себя» и внешнем – государственный имидж в мире. Процесс восприятия «себя» и «других» чрезвычайно важен. При контактах с другими игроками и структурами международной системы рождается понимание собственной уникальности и значимости. Для конструктивистов особое значение приобретает изучение дискурсов «других», моделей взаимодействия с «другими», поскольку именно эти контактные процессы создают матрицу коллективной идентичности⁷.

Исторический опыт формирует особую систему кодов и смыслов в культуре государств и социумов, которые раскрываются через символическое взаимодействие «Я – Другой»⁸.

Теоретические размышления русской школы Михаила Бахтина о гносеологических и онтологических основах диалога культур позволили расширить рамки междисциплинарных подходов⁹. Процесс размежевания «Я» и «Другие» всегда создавал в интеллектуальной традиции особые смыслы. В диссертации показано, что монархии Габсбургов и Романовых связывала не только общая граница, но и длительный опыт исторического взаимодействия. Между двумя империями сложилась многоуровневая социокультурная система коммуникаций. Это обстоятельство служит еще одним аргументом в пользу конструктивистского подхода при сравнительном изучении роли славянского фактора.

⁷ *Wendt A. Levels of analysis vs. agents and structures: part III // Review of International Studies. 1992. Vol. 18, № 2. P. 181–185 ; Idem. Social theory of international politics. Cambridge, UK ; New York, 1999. P. 47-92, 165-178, 313-321 ; Idem. The agent-structure-problem in international relations theory // International organization. 1987. Vol. 41, № 3. P. 335–370.*

⁸ *Бородавкин С. В. Гуманизм и гуманность как два языка культуры. СПб., 2004. С. 11–60 ; Onuf N. Constructivism... P. 58–78 ; Wendt A. The agent-structure-problem in international relations theory... P. 335–370 ; Campbell D. Writing security : United States foreign policy and the politics of identity. Minneapolis, 1992. 269 p. ; Checkel J. T. Norms, institutions, and national identity in contemporary Europe // International Studies Quarterly. 1999. Vol. 43, № 1. P. 83–114.*

⁹ Нойманн Ивэр в своем исследовании «Использование «Другого» особо подчеркивает значение уникальной русской школы «диалогизма» для постмодернистских теорий: *Нойманн И. Б. Использование "Другого" : образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 37-41 (Neumann I. B. Uses of the other : "The East" in European identity formation. Minneapolis, 1999).*

Однако отметим, что теоретическое конструирование «дискурсов» и «контентов» таит опасность умозрительных схем, которые рассыпаются как песок под влиянием фактических знаний. Необходим скрупулезный анализ источников. Только на основе сочетания «архивного» подхода и междисциплинарных методов можно исследовать дипломатическое и социокультурное измерения исторических процессов.

В центре внимания – диалектика взаимодействия двух империй в общем пространстве славянского вопроса. Соответственно, стратегия исследования была ориентирована на компаративный и системный подходы, поскольку история обоих государств содержит богатый и адекватный материал для сопоставления. Внешнеполитические, экономические, военно-стратегические, научно-образовательные, религиозные, культурные, общественные аспекты развития обоих государств исследуются в сравнительно-исторической ретроспективе. Это позволяет наиболее полно раскрыть общие черты и различия в моделях власти, качестве и динамике развития общества и государства.

Системный подход позволяет изучать имперское государство как универсальное, инклюзивное и многосоставное пространство, в котором выстраивались различные балансы сил между центром и регионами. В этой связи важно было проанализировать различные интеграционные проекты, созданные славянскими интеллектуалами и политиками, а также возможности их реализации.

В диссертационном исследовании применялись также историко-генетический метод, необходимый для изучения природы тех или иных исторических явлений и процессов. В данном случае – генезиса и эволюции панславизма. На основе источниковедческого анализа удалось выявить первоначальные смыслы в употреблении этого понятия и их последующих интерпретации в научных и политических текстах. Дискурс-анализ использовался при изучении различных интерпретаций панславизма в политической мысли XIX – начала XX вв.

Сочетание вышеперечисленных методов позволяет по-новому исследовать диалектику политической культуры и ее взаимосвязь с внешней политикой. Новые методологии открывают возможности вписать славянский фактор не только в геополитику империй, но и в трансформации коллективных идентичностей, ценностно-смысловых ориентиров, экономических интересов.

Понятийный аппарат. Исследователи давно пытаются описать и проанализировать феномен «славянства». Однако, ухватить ускользающую реальность

многочисленных «славизмов» удавалось немногим¹⁰. Вокруг славянского вопроса в XIX – первой половине XX вв. ломали перья журналисты, плели интриги политики, возникали модные увлечения в аристократических салонах, велись дебаты в буржуазных собраниях и парламентах. Сложность для исследователя состоит в том, что широко распространенные понятия: «славянская взаимность», «панславизм», «панруссизм», «славянский вопрос» – не имеют однозначного толкования, вызывают разные политические аналогии. Попытки выработать четкую типологию и критерии их употребления не привели к ощутимым результатам¹¹. В исследовании российского автора В.И. Косика упоминается формула, выведенная консервативным мыслителем Константином Леонтьевым в конце XIX в.: «Есть славянство, нет славизмов»¹².

Само понятие «славизмы» более распространено в зарубежных исследованиях, чем в отечественных, где привычнее звучат термины «славянская идея» или «славянская идеология». Тем не менее, под ним подразумевается логически завершенная форма представлений о славянстве, которая могла и не сложиться в цельную идеологическую систему. Его употребление позволяет уйти от обязывающего понятия «славянская идеология», если ее не существовало в изучаемом контексте.

Острые общественные и научные дискуссии вызывает понятие «панславизм», которое Л. Снайдер в своей авторитетной «Энциклопедии национализма» характеризовал как «одно из наиболее значительных и ранних проявлений макронационализма в Европе»¹³. Следует различать смыслы, которые вкладывали в это понятие разнообразные политические силы в XIX – начале XX вв., от последующих историографических интерпретаций. В диссертации используется широкое толкование этого термина. Под ним понимается вся совокупность объединительных общеславянских идей, проектов и движений.

Понятие «славянская взаимность» возникло в конце 1830-х гг. как определение чувства сопричастности индивидуума к исторической, этноязыковой, славянской общности. В отличие от панславизма, оно мало изменилось в общественных и академических дискурсах, сохранив первоначальный смысл.

В 1840-е гг. в общественных дискуссиях сначала в монархии Габсбургов, а затем и в Российской империи появился термин «панруссизм». Под ним понимали проект

¹⁰ Первое системное исследование славянской идеологии было проведено А. Н. Пыпиным в книге «Панславизм в прошлом и настоящем» (СПб., 1913). Выведенная им типология легла в основу многих трудов, исследующих типы славянской идентичности.

¹¹ Павленко О. В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.

¹² Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 176.

¹³ Snyder L. L. Encyclopedia of nationalism. Chicago ; London, 1990. P. 209.

«русско-славянского мира» во главе с Россией, будь то принятие русского языка как общеславянского или Православия как единого для славян вероисповедания. Сюда же включались различные проекты создания единой славяно-русской империи или отдельных славянских государств под скипетром Дома Романовых. Нередко «панрусизм» отождествляют с «панславизмом», что приводит к еще большей терминологической путанице и подмене смыслов.

Как известно, в политической лексике XIX в. острые проблемы, вызывавшие противоречия среди великих держав, дипломаты и журналисты определяли как «вопросы». С 1830-1840-х гг. славянский вопрос стал объектом полемики в европейской публицистике. Особое значение в этих дискуссиях приобретала географическая и историко-культурная принадлежность славянских регионов, расположенных между Востоком и Западом. С середины XIX в. немецкие публицисты стали писать о России как о «Востоке», стране «византизма», а русские, в свою очередь, воспринимали Германию как наиболее яркое воплощение «Запада»¹⁴.

Геополитические проекции двух противостоявших миров – «российско-славянского» и «латино-германского», а также зажатой между ними монархии Габсбургов быстро распространились не только в политической публицистике, но и в академических изданиях второй половины XIX – начала XX вв. В диссертации показано, что целостного славянского вопроса в европейских делах не существовало. В реальной политике он распадался на ряд отдельных тем и проектов, нередко порожденных конфликтом интересов больших и малых государств на Балканах и в Центральной Европе.

Прагматические подходы отодвигали на задний план все прекраснодушные рассуждения о великом будущем славянского мира. В сухом остатке оставалась такие «вопросы», как территория, размежевание границ, раздел сфер влияния между великими державами. Историческая роль малых народов и малых держав в большой европейской политике сильно недооценена. Внимание исследователей, как правило, обращено на стратегии крупных игроков. Между тем, в XIX в. нередко возникали ситуации, когда незначительные на первый взгляд политические игроки, умело лавируя между конкурентами, сталкивали их лбами ради достижения собственных интересов. История славянского вопроса – один из наиболее показательных примеров такой политики.

Источниковая база. Исследование основано на широком круге источников на русском, немецком, французском, английском, чешском и польском языках. Для

¹⁴ Наиболее подробно развитие этой дихотомии в немецкой политической мысли в XIX в. было исследовано Дитером Гро: *Groh D. Russland im Blick Europas : 300 Jahre historische Perspektiven.* Frankfurt am Main, 1988. 439 S.

раскрытия темы привлекались источники официального и личного происхождения, хранящиеся в архивных коллекциях и опубликованные. В разделах диссертации содержится более подробный анализ архивных и опубликованных источников, поэтому ограничимся общим обзором.

Неопубликованные источники. Для раскрытия темы были проанализированы фонды из 6 российских архивов и 4 зарубежных архивов Австрии, Чехии, Венгрии и Германии.

В хранилище *Архива внешней политики Российской Империи (АВП РИ (МИД РФ))* содержатся ценнейшие сведения по теме исследования. Особое значение имеют документы фонда 146 «Славянский стол». Они раскрывают внутренние механизмы мягкой силы России на Балканах и в монархии Габсбургов, дела частных лиц и общественных организаций. Значительное количество сюжетов связано с поддержкой Православия в монастырях и церквях на Балканах (д. 3799-3858); выдачей пособий (д. 4162-4992; д. 6330-6497), обучением болгарских, сербских, черногорских юношей в российских учебных заведениях (д. 6741-6908, 6909-7264). Особо отметим дела, объединенные общим названием «Покровительство России славянам» (д. 9205-9245). Эти уникальные документы содержат важную статистическую, правовую, финансовую информацию, раскрывают содержание гуманитарного сотрудничества России с зарубежными славянами, преимущественно южными. Документы «Славянского стола» позволяют изучить цели и определить формат славянской политики, четкое ее деление на балканское и австрийское направления.

Последнее также представлено документами фонда 172 (Посольства в Вене) и 151 (Политархив). В фонде 137 (Отчеты МИДа) содержатся сведения об острой геополитической конкуренции России и Австро-Венгрии на Балканах.

В диссертации проанализированы также документы «Секретного архива министра иностранных дел» (фонд 138), прежде всего связанные с внешнеполитическим планированием в 1910-1914 гг., а также записи секретных переговоров и бесед министра с представителями российской политической элиты и зарубежными дипломатами (фонд 133; фонд 135).

Уникальные документы Канцелярии Обер-прокурора Святейшего Синода (**фонд 797**) хранятся в *Российском государственном историческом архиве (РГИА)*. В частности, переписка протоиерея Русской Посольской церкви в Вене и общественного деятеля славянофильского направления Михаила Федоровича Раевского (1811-1884) с обер-прокурором Святейшего Синода (впоследствии министром народного просвещения) графом Д.А. Толстым за 1857-1865 гг. На 385 листах раскрываются планы российского

правительства по распространению морального влияния России на австрийских и балканских славян; представлена уникальная карта вероисповеданий зарубежных славян¹⁵. В этом же фонде собраны донесения российских представителей о настроениях в среде славянских политиков и интеллектуалов.

В фонде 733 (Департамент народного просвещения) собраны многочисленные свидетельства благотворительности России в славянских землях. Средства поступали в основном по двум каналам: через Святейший Синод и Министерство народного просвещения. Здесь также хранятся скрупулезно собранные современниками разнообразные сведения о положении австрийских и балканских славян, их умонастроениях, восприятии России, личные и общественные инициативы благотворителей.

В *Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)* содержится интересные материалы о презентациях власти в поздней Российской империи (Фонд 826 В.Ф. Джунковского), которые существенно дополняют представления о жизни царского двора, взаимоотношениях в придворной среде. Там же хранятся письма министра внутренних дел, владимирского губернатора и других лиц Джунковскому В.Ф., а также материалы о подготовке празднования 300-летия дома Романовых¹⁶.

Не меньший интерес представляет Фонд 541, в котором представлены корреспонденция, сочинения, записки активного поборника панславизма, издававшего журнал «Славянский век» Д.Н. Вергуна.

Особую ценность для изучения заявленной темы диссертации имеет коллекция документов о деятельности Славянских благотворительных комитетов (прежде всего Московского). В ней содержатся сведения о финансовых средствах, деятельности пророссийских структур в монархии Габсбургов и на Балканах, организации славянского движения во время обострений Восточного вопроса.

В личных фондах *Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ)* представлена интеллектуальная история славяноведения в России. В ходе работы над диссертацией были просмотрены фонды известных ученых и общественных деятелей, имевших многочисленных корреспондентов среди зарубежных славян. Коллекции писем М.П. Погодина, В.И. Ламанского, И.С. Аксакова, И.И.

¹⁵ Письма настоятеля Посольской церкви нашей в Вене, протоиерея Михаила Раевского. Началось 3 июля 1857 г. по 8 марта 1865 г., в архив сдано в 1868 г. // РГИА. Ф. 797 (Канцелярия Обер-прокурора Синода). Отд. 1. Ст. 2. Оп. 27. Д. 224.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 826 (Джунковский В.Ф.). Оп. 1. Д. 161. Л. 5–26 об.

Срезневского, А.Н. Пыпина, Н.А. Попова, В.А. и Г.А. Рачинских¹⁷ представляют интерес для исследования генезиса славянской идеи в России. Поскольку большая часть этих документов была уже введена в научный оборот в трудах Л.П. Лаптевой, М.Ю. Досталь, З.С. Ненашевой, Н.И. Цимбаева, Е.А. Аксеновой, в тексте диссертации использовались материалы Ф. 10 (Аксаковы) и Ф. 72 (Блудовы), которые дают представления об отношении к славянству в среде аристократии, а также содержат разрозненные сведения о деятельности Московского славянского комитета¹⁸. Аналогичные материалы представлены также в Фонде 3 (Аксаковы) в *Институте русской литературы (ИРЛИ, Пушкинский Дом)*.

Подробная информация о деятельности Петербургского и Московского отделений СБК представлена также в личных фондах *Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ)*¹⁹. Особый интерес вызывает фонд М.Ф. Раевского, в котором содержится его дневник и записки о помощи австрийским славянам²⁰.

В австрийском *Haus-Hof-und Staats Archiv* (Придворном, Государственном и Дома Габсбургов Архиве) (*HNSA, Вена*) были исследованы материалы, раскрывающие внешнеполитические интересы Австрии на Балканах и взаимоотношения с балканскими славянами. В фонде «Политический Архив» представлена дипломатическая переписка с австрийским посольством в Санкт-Петербурге. Особый интерес вызывает «Секретный фонд министра иностранных дел», в котором собраны ценные сведения о развитии панславизма в России, наблюдений за деятельностью т.н. «славянской партии» в Москве и Санкт-Петербурге и ее взаимоотношениях с австрийскими славянами.

В литературном Архиве национальной письменности (*Literární Archiv Národního Pisemnictví – LA PNP, Прага*), который по праву считается крупнейшим хранилищем личных фондов в Чехии, представлены материалы о политиках, журналистах,

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 373 (Погодин М. П.). Оп. 1 ; Ф. 427 (Рачинские С.А., В.А., Г.А. и др.). Оп. 1 ; Неустановленный автор. Восточный вопрос с русской точки зрения // РГАЛИ. Ф. 427 (Рачинские С.А., В.А., Г.А.). Оп. 1. Д. 3484.

¹⁸ Речь председателя Московского славянского благотворительного общества И. С. Аксакова на общем собрании членов Общества по поводу пересмотра Сан-Стефанского договора на Берлинском конгрессе // РГАЛИ. Ф. 1571 (Аксаковы С. Т., И. С., К. С.). Оп. 1. Д. 2015.

¹⁹ *Раевский М. Ф.* Отчеты его Московскому и Петербургскому отделениям Славянского Благотворительного Комитета. 1869–1877 // ОР РНБ. Ф. 608 (Помяловский И. В.). Оп. 1. Д. 3361; Ф. 182 (Гильфердинг А. Ф.). Оп. 1. Д. 10, 14, 16, 21, 27 ; Ф. 850 (Шевырев С. П.). Оп. 1. Д. 120 ; Ф. 120 (Бычковы А. Ф., И. А.). Оп. 1. Д. 547 ; *Раевский М. Ф.* 43 письма Ламанскому, 1861–1880, Вена // ОР РНБ. Ф. 608 (Помяловский И. В.). Оп. 1. Д. 3387.

²⁰ *Раевский Михаил Федорович*, протоиерей Посольской церкви в Вене. Дневник (октябрь–декабрь 1848 г. – февраль 1850–декабрь 1854) // ОР РНБ. Ф. 627 (Раевский М. Ф.). Д. 1 ; *Раевский М. Ф.* Какими средствами Россия может действовать с пользой для себя на славян. Записка, апрель 1864 // Там же. Д. 4.

интеллектуалах, их взаимоотношениях с богемскими немцами, высшей австрийской аристократией, российскими общественными деятелями. На основе обширной корреспонденции и рукописей можно реконструировать процессы формирования коллективной идентичности и исследовать роль славянского, особенно русского, фактора в чешском движении. Наибольший интерес вызывает фонд Франтишка Палацкого (Ф. 15/A/2) – знаменитого «историографа чешского народа» и основателя первой национальной партии. Содержащаяся в этом фонде переписка составляет 169 единиц хранения. Значительная ее часть представлена письмами различных российских обществ, благотворительных комитетов, частных лиц. Материалы для исследования позиции чешской элиты в отношении России содержатся в корреспонденции Ф. Палацкого с чешскими политиками Й. Калоусеком и Й. Фричем (Ф. 13/E/9). Большая часть переписки посвящена избирательным кампаниям, изданию газеты «Národ», поездке в Россию на Славянский съезд в 1867 г.²¹ Изучен фонд Йозефа Фрича – публициста, склонного к национальному радикализму, который большую часть жизни провел в эмиграции. В его переписке с либералом Я. Челаковским и влиятельным лидером младочешского партийного крыла Юлиусом Грегром, а также братом Карлом Фричем, содержатся детальные наблюдения за настроениями в различных слоях чешского общества и оценка общей ситуации в Австро-Венгрии²².

Особо стоит отметить обнаруженный в этом архиве дневник Франтишка Скрейшовского за 1867-1876 гг. В рукописи 219 листов, из которых 21 посвящен его участию в Славянском съезде в России 1867 г. Дневник представляет собой последовательное описание общественных событий в монархии Габсбургов, в которые был вовлечен Ф. Скрейшовский, а также его издательской и общественно-политической деятельности²³.

Архив Национального Музея – Archiv Národního Musea (ANM, Прага), как и пражский Литературный архив, сдержит фонды чешских политиков, в частности, Франтишека Ригера. Его политический тандем с Франтишком Палацким был скреплен семейными узами: Ригер был женат на дочери Палацкого. Семейная переписка членов этой влиятельной чешской семьи является ценным источником о внутренних течениях в чешской и австрийской политике²⁴.

²¹ LA PNP. Poz. Palacký F. Sign. 11/A/2; 14/CH/31; 15/A/2-13.

²² Čelakovský J. – Fričovi J. V. // LA PNP. Poz. Frič J. V. F. XIII. Sign. IH17 ; Frič K. – Fričovi J. V. // Ibid. Sign. 13/E/9.

²³ Zápisknik // LA PNP. Poz. Skrejšovský F. Sign. 6/F/39. Č. 3-7.

²⁴ ANM. Poz. Frant. Lad. Riegra. F. 1078.

Документы *Национального Архива Венгрии – National Archives of Hungary* (Ф. 296. Министерства полиции в Прессбурге) содержат интересные статистические данные о национальной принадлежности славянских патриотов.

Опубликованные источники представлены как материалами официального происхождения (дипломатическими документами; статистическими данными; правительственными распоряжениями), так и личного (научными и публицистическими сочинениями, историософскими трактатами, мемуарами, дневниками и корреспонденцией).

Помимо видовой классификации, были выделены также три группы источников, объединенных конкретной тематикой: «Монархия Габсбургов в российских изданиях в XIX – начале XX вв.»; «Документы по презентациям власти в России и монархии Габсбургов в XIX – начале XX вв.»; «Документы и материалы по меморизации памяти о Крымской войны в Российской империи». В каждую группу были включены источники разного происхождения: официальные документы, мемуары, художественные произведения, беллетристика, памятные альбомы, путеводители, музейные каталоги и т.д. Объединение их в отдельные тематические группы объясняется задачами исследования. Важно было показать многообразие источников, которое свидетельствует о масштабной исторической политике в Австро-Венгрии и России, направленной на укрепление основ имперской нации. Таким образом, опубликованная база источников была сгруппирована по видовым и тематическим параметрам.

1. Публицистика и труды российских авторов о славянстве и славянской взаимности

Основной корпус опубликованных источников составляют политическая публицистика, историософские сочинения, академические исследования, принадлежащие перу нескольких поколений интеллектуалов, вовлеченных в острые дискуссии о русско-славянском мире и будущем России. Среди них как искренние сторонники панславизма (И.С. Аксаков, М.П. Погодин, М.Н. Катков, В.Н. Вергун, Ф.И. Свистун, Н.П. Аксаков), так и убежденные его противники (А.Н. Пыпин, Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен, Н.И. Кареев, П.Н. Милюков, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев)²⁵. Безусловно, этот список может

²⁵ *Кареев Н. И.* Славянское возрождение, панславизм и мессианизм // История Западной Европы в новое время / Н. Кареев. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 5. С. 395–421 ; *Милюков П. Н.* Разложение славянофильства : Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев : [публичная лекция, чит. 22 янв. 1893 г. в аудитории Исторического музея]. М., 1893. 53 с. ; *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913. 189 с. ; *Соловьев В. С.* Славянофильство и его вырождение // Национальный вопрос в России / В. Соловьев. 3-е изд. СПб., 1891. Вып. 2. С. 30–121 ;

насчитывать еще тысячи имен, поскольку в изучаемый период славянский дискурс был одним из наиболее значимых в политической мысли России. С каждым десятилетием общественный интерес к нему только возрастал. Публиковались в больших тиражах и объемах сочинения различного качества на славянскую тему.

В диссертации были привлечены в основном те труды, которые оказывали ключевое влияние на формирование референтных моделей – имперского панславизма (Ф.И. Тютчев, Н.Я. Данилевский, Р.А. Фадеев, К.Н. Леонтьев) и проектов общеславянской интеграции, с которыми выступали российские ученые-слависты (А.Ф. Гильфердинг, В.И. Ламанский, А.С. Будилович, С.Н. Палаузов). Научные труды, посвященные истории и письменности славянских народов, не были предметом исследования. Важно было проанализировать отношение ведущих российских славистов к настоящему и будущему «славянского мира».

II. Публицистические и историософские сочинения в монархии Габсбургов

В этот раздел источников вошли разнообразные тексты, написанные мыслителями, учеными, публицистами, политиками в монархии Габсбургов. Большая их часть была опубликована «по горячим следам», в те моменты, когда разворачивались бурные дискуссии вокруг панславизма, роли России, славянского вопроса в монархии Габсбургов. Из огромного круга подобной литературы были выбраны сочинения, повлиявшие на развитие национальной идеологии и общих ценностей австрийских славян (Я. Коллар, Л. Штур, К. Гавличек, Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Т.Г. Масарик, К. Крамарж)²⁶.

За каждым именем стоит значительная библиография, представленная историко-политическими сочинениями, сборниками статей и публичных выступлений, полемическими текстами в периодических изданиях. Как уже отмечалось, основное внимание в диссертации было уделено источникам на чешском языке, поскольку именно

Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы: «Современник», 1855–1856 гг. СПб., 1892. 386 с. ; *Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954–1966. 30 т.

²⁶ *Масарик Т. Г.* «О новославизме» // Речь. 1908. 24 декабря (№ 317) ; *Штур Л.* Славянство и мир будущего : послание славянам с берегов Дуная. М., 1867. 191 с. ; *Havlíček K.* Epištoly Kutnohorské a vybrané články politické. Praha, 1906. 143 s. ; *Idem.* Cestou do Haliče // Národní Noviny. 1848. 5. května (č. 26) ; *Kollár J.* O literární vzájemnosti mezi rozličnými kmeny a nářečnými slovanského národu. Praha, 1853. 82 s. ; *Idem.* Über die literarische Wechelseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation. Pesth, 1837. 132 S. ; *Kramář K.* Na obránu slovanské politiky. Praha, 1926. 107 s. ; *Idem.* Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. 112 s. ; *Rieger F. L.* Řeči Dra Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Praha, 1884. D. 2 : Z let 1861–1862. 204 s. ; *Palacký F.* Manifest českého Národního Výboru o žádoucím spojení zemí moravské a slezské s Korunou Českou dne 6. máje 1848 // Františka Palackého spisy drobné / uspoř. B. Rieger. Praha, 1898. D. 1 : Spisy a řeči z oboru politiky. S. 28–32.

чеши на протяжении изучаемого периода пытались объединить разрозненные движения австрийских славян на основе общей платформы. Изучение в хронологической последовательности текстов лидеров чешской политики позволяет выявить эволюцию общеславянских – национальных – австрославянских основ в политических дискурсах, а также понять, почему чешские инициативы так и не были полностью реализованы.

Другую группу составляют антиславянские и антироссийские сочинения, которые активно публиковались в австро-немецкой либеральной публицистике (Й.Ф. Фаллмерайер, Й.Ф. Шлоссер, А. Краус)²⁷. Они содержали намеренные искажения и воспроизводили различные обвинения России и австрийских славян в планах по разрушению монархии Габсбургов.

III. Периодические издания

Большой объем материалов содержится на страницах периодических изданий на русском, чешском и немецком языках. В то же время стоит отметить, что пресса была и остается наиболее изученным источником по истории общественной мысли XIX – начала XX вв. В последнее время интерес к российским течениям консерватизма возрос, соответственно внимание исследователей привлекают издания «катковского направления»²⁸, которые были также использованы в диссертационном исследовании. Газета «Московские Ведомости» и журнал «Русский Вестник», издававшиеся М.Н. Катковым, считались наиболее влиятельными общественно-политическими изданиями в России. М.Н. Катков много сделал для поддержки и расширения славянского движения, имел тесные контакты с членами Московского славянского благотворительного комитета. На страницах его изданий славянская тема находила широкое освещение - от внешнеполитических сюжетов до обзоров литературных новинок. Славянский вопрос трактовался в духе консервативного панславизма, но без идеи всеславянской империи, ограничиваясь призывом к «племенной», культурно-языковой общности. В более мягкой форме славянский вопрос был представлен на страницах газеты «Голос», которую издавал выдающийся журналист А.А. Краевский.

²⁷ Kraus A. Böhmisches oder Tschechisch? // Naše doba. 1917. Roč. 24, č. 5 (únor). S. 341–348 ; č. 6 (březen). S. 429–436. ; Schlosser J. F. H. Die morgenländische orthodoxe Kirche Rußlands und das europäische Abendland. Heidelberg, 1845. 132 S. ; Fallmerayer J. Ph. Gesammelte Werke. München, 1861. Bd. 2 : Politische und culturhistorische Aufsätze. 503 S. ; Thun L. Die Stellung der Slowaken in Ungarn. Prag, 1843. 63 S.

²⁸ Котов А. Э. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х-1890-х годов: М. Н. Катков и его окружение : автореф. дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2016. 51 с. См. также: Перевалова Е. В. Славянская тематика в журнале М. Н. Каткова «Русский Вестник» в 1860-1870-е гг. // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2015. № 4. С. 48–56.

«Патриотическая печать» (так называли себя в середине XIX в. чешские периодические издания) играла важную роль в воспитании национальных чувств. Журналисты глубоко осознавали свое «апостольское призвание» и имели высокую репутацию в обществе²⁹. Особое внимание в диссертации было уделено материалам *Národní listy* (Народни Листы) – наиболее влиятельной газеты младочешского направления. Ее редактор Юлиус Грегр периодически вступал в конфликт со старочешскими изданиями, к которым относилась газета *Národ* (Народ). В диссертации было интересно сопоставить позиции двух направлений чешской политики по отношению к России; монархии Габсбургов; панславизму и национальным интересам. Несмотря на ряд расхождений, оба издания отдавали приоритет австрофедерализму и были лояльны Габсбургам.

Материалы австро-немецкой прессы представлены в диссертации популярными газетами и журналами общественно-политической и развлекательной направленности. Австрийская исследовательница Гертрауд Маринелли-Кениг собрала в одном томе тексты о России и русских, которые публиковались в монархии Габсбургов с 1805 по 1848 гг.³⁰ Эти сведения дают представление о внутренних противоречиях между империями во время их Священного Союза. В диссертации также использовались материалы австрийской прессы второй половины XIX в. (*Neue Freie Presse*; *Das Vaterland: Zeitung für die österreichische Monarchie*).

Для раскрытия темы исследования определенный интерес представляют также материалы журнала «Славянский век» (1900-1904 гг.), который издавался в Вене под редакцией Д.Н. Вергуна. На страницах этого журнала панславистской направленности разворачивались острые дискуссии среди представителей различных направлений. Ценность его публикаций заключается в подробном анализе статуса каждого из австрийских народов, распрей между ними, состояния культурных и образовательных учреждений, преподавания на родных языках. Особое внимание было обращено на тяжелое положение русинов. В отличие от чешских политиков, Д.Н. Вергун не был австрофилом и жестко критиковал венскую политику, которая стремилась, по его мнению, сталкивать представителей славянских народов друг с другом, не давая возможности им выступать общим фронтом. Неудивительно, что именно это издание стало предметом

²⁹ *Heller S. Z minulé doby našeho života národního, kulturního a politického : upomínky a zápisky. Praha, 1916. Sv. 1. S. 93.*

³⁰ *Marinelli-König G. Rußland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848) : ein Beitrag zur Geschichte der österreichisch-russischen Kultur- und Literaturbeziehungen. Wien, 1990. 898 S.*

детальных исследований в трудах В.А. Болдина, С.В. Фоминых, В.П. Зиновьева, А.О. Степнова³¹.

IV. Дневники и мемуары

Большинство мемуаров, использованных в диссертационном исследовании, принадлежит представителям высшего общества: председателям Совета министров П.А. Столыпину (1906-1911) и В.Н. Коковцову (1911-1914); министрам иностранных дел В.Н. Ламздорфу (1900-1906) и А.П. Извольскому (1906-1910), военному министру В.А. Сухомлинову (1909-1915)³², а также начальнику канцелярии министерства императорского двора А.А. Мосолову (1900-1916), вел. кн. Александру Михайловичу, фрейлине императрицы А.Ф. Тютчевой, дочери поэта и дипломата Ф.И. Тютчева и жене И.С. Аксакова. На этом фоне особняком выделяются воспоминания лидера кадетской партии, влиятельного российского либерала и англофила П.Н. Милюкова.

Большинство мемуаров было написано после крушения Российской империи. Каждый из царских чиновников с ностальгией и болью описывал последнее царствование, пытался осмыслить и оправдать собственные действия. Во всех мемуарах в подробностях описывается жизнь петербургского двора, настроения, группы влияния в среде высшей аристократии, приводятся дословные высказывания императора, хотя проверить их достоверность довольно сложно. Безусловно, этот тип источников, отшлифованный временем и личным опытом авторов, содержит уникальные сведения о том, что происходило за кулисами большой политики, но нуждается в привлечении дополнительных сведений.

Интерес вызывают воспоминания канцлера Отто фон Бисмарка, достаточно хорошо известные историкам, особенно его оценки перспектив и рисков российско-германских отношений и роли Австро-Венгрии в тесном переплетении имперских интересов³³. Представление о настроениях при венском дворе отчасти дают мемуары генерал-

³¹ Болдин В. А. Рупор «нового славянского мировоззрения»: журнал «Славянский век» (1900-1904 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 1. С. 1–8 ; *Его же*. Эволюция панславистских политических концепций в начале XX века : (на примере журнала «Славянский век», 1900–1904) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2018. 25 с. ; Фоминых С. Ф. Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов / С. Ф. Фоминых, В. П. Зиновьев // Русин. 2015. № 1 (39). С. 83–94 ; Фоминых С. Ф. Статус славянский языков в университетах Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX вв. : (на материалах журнала «Славянский век») / С. Ф. Фоминых, А. О. Степнов // Русин. 2016. № 4 (46). С. 141–151.

³² Коковцов В. Н. Из моего прошлого: воспоминания, 1911–1919. М., 1991. 591 с. ; Ламздорф В. Н. Дневник, 1894–1896 : пер. с фр. М., 1991. 453 с. ; Столыпин Д. А. Из личных воспоминаний о Крымской войне // Русский архив. 1874. № 5. Т. 1. С. 1358–1374 ; Извольский А. П. Воспоминания. Минск, 2003. 221 с. ; Сухомлинов В. А. Воспоминания. Минск, 2005. 623 с.

³³ Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания : в 3 т. М., 1940–1941.

фельдмаршала, начальника Главного штаба Конрада фон Хетцендорфа (1906-1911; 1913-1918), который пользовался особым доверием наследника престола Франца Фердинанда, не скрывавшего своей славянофобии и рассчитывавшего на победоносную войну³⁴. Воспоминания руководителя германской разведки В. Николаи и начальника нелегальной разведки России Ю.И. Дроздова позволяют существенно дополнить наши знания о том, как нарастало недоверие и противостояние между Россией и Австро-Венгрией³⁵.

В дневниках, напротив, гораздо откровеннее отражена позиция автора к происходящим событиям. Большую ценность представляет дневник министра внутренних дел П.А. Валуева (1861-1868)³⁶, в котором содержатся сведения о первом в России Славянском съезде 1867 г. В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского за 1873 и 1876 гг. приводятся размышления о славянской миссии России³⁷. В нем отразились мысли и чувства, которыми было наполнено российское общество во время Восточного кризиса.

V. Корреспонденция

Источники этого вида можно разделить на две группы: 1) переписка российских императоров и 2) собрание писем видных общественных деятелей – поборников славянской взаимности.

Ценные сведения содержатся в переписке Николая I с генерал-фельдмаршалом графом И.Ф. Паскевичем во время европейских революций 1848-1849 гг., опубликованной в журнале «Русская старина»³⁸. Император откровенно высказывался о кризисной ситуации в монархии Габсбургов. Судя по переписке, ему трудно давалось решение направить русские войска под предводительством И.Ф. Паскевича в помощь союзному государству, несмотря на настойчивые просьбы венского двора. Только опасение бури польского восстания, которое могло охватить и российские земли, заставило Николая I решиться на интервенцию.

Не менее важные сведения можно почерпнуть в издании корреспонденции Александра II со своим братом вел. кн. Константином в конце 1850-х гг., осуществленном историками Л.Г. Захаровой и Л.И. Тютюнником³⁹. Стоит отметить высокое качество археографической обработки и научные комментарии составителей. Конфиденциальные переговоры Константина с Наполеоном III раскрывают новые правила игры, которые

³⁴ *Conrad von Hötendorf F.* Aus meiner Dienstzeit, 1906–1918. Wien [et al.], 1921–1922. Bd. 1, 3.

³⁵ *Николаи В.* Тайные силы: записки руководителя германской разведки и контрразведки периода Первой мировой войны Вальтера Николаи. М., 2015. 590 с.

³⁶ *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. М., 1961.

³⁷ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1873 и 1876 годы. М. ; Л., 1929. 512 с.

³⁸ [Николай I – И. Ф. Паскевичу, 1848 г.] // *Русская старина.* 1904. Т. 118. Апрель. С. 35–63 ; Май. С. 265–290.

³⁹ Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861. Дневник великого князя Константина Николаевича [1858–1861] : сборник. М., 1993. 381 с.

французский император хотел предложить России сразу после поражения в Крымской войне.

Для реконструкции общественных настроений и контактов между российскими и славянскими деятелями были привлечены четыре крупных эпистолярных издания. В корреспонденции Ф.И. Тютчева отражается его позиция по славянскому вопросу⁴⁰. В диссертационном исследовании доказывается, что он был первым, кто смог представить в более-менее завершенном виде концепцию имперского панславизма. Основные его идеи нашли отражение в переписке с зятем И.С. Аксаковым, М.П. Погодиным, М.Н. Катковым, а также ведущими журналистами «Московских Ведомостей». Эпистолярное наследие Ф.И. Тютчева, посвященное славянскому вопросу, представляет не меньшую ценность, чем его трактаты, поскольку в письмах он постоянно развивал тему славяно-русской империи и живо откликался на все события в землях зарубежных славян.

Издание корреспонденции И.С. Аксакова позволяет расширить представления о славянолюбивой среде в аристократических, академических, журналистских и военных кругах⁴¹. Талантливый, с неумной энергией и убежденностью в правоте своего дела, консерватор и государственник И.С. Аксаков активно способствовал славянскому движению в России.

Исследователи чешской истории и российско-славянских связей всегда обращают внимание на «Славянскую корреспонденцию» ученого и общественного деятеля, русофила Карла Яромира Эрбена⁴². Несмотря на то, что его переписка с видными представителями австрийских славян, а также российскими славистами, журналистами, аристократами и политиками хорошо известна, в ней находятся новые сюжеты, в частности, связанные с делами Московского славянского благотворительного комитета.

Особый интерес вызывает публикация семейной переписки лидера чешского движения Франтишка Палацкого с дочерью Марией и зятем Франтишком Ладиславом Ригером⁴³. Только с ними он был откровенен, обсуждая острые проблемы взаимоотношений с младочехами и радикалами, официальными венскими чиновниками и богемской аристократией. Корреспонденция раскрывает «кухню» чешской политики,

⁴⁰ Благой, Д. Д. Из материалов о Ф. И. Тютчеве : (письма к М. П. Погодину) // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 383–392.

⁴¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах : эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой. М., 2003–2004. 3 т.

⁴² *Erben K. J. Slovanská korespondence Karla Jaromíra Erbena : korespondence s cizími korespondenty / k vyd. přípr. V. Bechyňová, J. Jirásek. Praha, 1971. 497 s.*

⁴³ *Příspěvky k lístáři Dra Frant. Lad. Riegra / sebr. J. Heidler. Praha, 1924. D. 1 : Z let 1836 až 1871. 245 s.*

внутренние мотивы, побуждавшие Ф. Палацкого принимать те или иные решения, а также взаимоотношения политиков из среды австрийского славянства.

VI. *Дипломатические документы*

Важное значение для раскрытия темы исследования имеют дипломатические документы, содержащие свод договоров, нот, соглашений, меморандумов, дипломатическую переписку. В 1870-1890-е гг. юрист-международник Ф.Ф. Мартенс, член Совета Министерства иностранных дел России, осуществил фундаментальное издание дипломатических документов в 15 томах. В них раскрываются двусторонние контакты России с великими державами – Австрией, Германией, Англией и Францией. Первые четыре тома охватывают дипломатию России и монархии Габсбургов с 1648 г. по 1878 г.⁴⁴ Эта публикация заложила основу изучения российско-австрийских отношений и многократно использовалась исследователями. Представленные в ней документы вошли впоследствии в крупные документальные издания по внешней политики.

Представляет также интерес сборник дипломатических документов, изданный в 1881 г. к 25-летию юбилею службы министром иностранных дел А.М. Горчакова. В нем избирательно опубликованы материалы, раскрывающие тяжелую ситуацию после Крымской войны и борьбу МИДа за отмену Парижского трактата 1856 г. В центре внимания – дипломатическая победа А.М. Горчакова 1871 г., а также Восточный кризис и русско-турецкая война 1877-1878 гг.⁴⁵

С начала XX в. тема Проливов активно поднималась не только в политических дебатах, но и дипломатических документах, о чем свидетельствует публикация С.М. Горяинова из Государственного и Санкт-Петербургского главных архивов⁴⁶.

Закулисная история российско-австрийских отношений, а также секретные переговоры и соглашения МИДа Российской империи были раскрыты большевиками в первые десятилетия после Октябрьской революции. Материалы секретного фонда министра иностранных дел, равно как и секретные конвенции с Францией и Англией по послевоенному переделу мира, были опубликованы в «Красном архиве» или отдельными изданиями. Масштаб рассекречивания дипломатических документов был значительным,

⁴⁴ Особый интерес вызывает Т. 4, часть 1 (1815–1849) и часть 2 (1849–1878) ; *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874–1909. 15 т.

⁴⁵ Сборник, изданный в память двадцатипятилетия управления Министерством иностранных дел государственного канцлера светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова. 1856–1881. СПб., 1881. 234 с.

⁴⁶ *Горяинов С. М.* Босфор и Дарданеллы: исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургском главном архивах. СПб, 1907. 316 с.

что позволило создать нарративное описание дипломатических событий в истории России XIX – начала XX вв.⁴⁷

Дальнейшее наращивание источниковой базы произошло благодаря фундаментальной публикации «Внешняя политика России в XIX – начале XX вв.», осуществленной в 1960-1990-е гг. МИД СССР⁴⁸.

Особое внимание в диссертационном исследовании было уделено новой документальной публикации «Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны».⁴⁹ В этом сборнике собраны все ключевые документы, известные ранее исследователям и впервые введенные в научный оборот, позволяющие с высокой степенью достоверности делать выводы о целях, мотивах, интересах внешней политики России накануне и во время Первой мировой войны. Раздел 6.8 диссертации «Июльский кризис 1914 г. и геополитические интересы России в Первой мировой войне» написан на основе этой уникальной публикации дипломатических документов.

VII. Статистические и финансово-экономические материалы

Изучение экономических вопросов не входило в задачи данного исследования. Тем не менее, в текст диссертации были включены сюжеты, позволяющие дополнить представления об экономических мотивах принятия тех или иных решений. Во-первых, важно было понять, какое место занимала Россия среди великих держав по экономическому развитию; как мировые финансово-экономические кризисы влияли на международную повестку и балансы сил в Европе; какие экономические интересы включались в геополитические стратегии; как развитие капиталистической индустриализации и внешней торговли влияло на общественные унастроения. Для изучения этих вопросов были привлечены экономико-статистические материалы, обзоры развития железнодорожного сектора, статистические сборники по внешней торговле.

Значительное количество данных мы находим в трудах крупных русских экономистов В.П. Безобразова, П.П. Мигулина, И.С. Блюха, И.Б. Гливица⁵⁰. Их работы,

⁴⁷ Константинополь и проливы // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 57–58 ; *Нелидов А. И.* Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов // Красный архив. 1931. Т. 3 (46). С. 179–187 ; Царское правительство о проблеме проливов в 1898–1911 гг. // Красный архив. 1933. Т. 6 (61). С. 135–140 ; Циркулярное письмо мин. ин. дел послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Риме, Константинополе; посланникам в Софии, Белграде, Цетинье, Афинах и Бухаресте. С.-Петербург. 18 (31) октября 1912 г. № 6782 // Красный архив. 1926. Т. 3 (13). С. 15.

⁴⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века : документы российского Министерства иностранных дел. М., 1960–1985. 14 т.

⁴⁹ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны : сборник документов. Тула, 2014. 957 с.

⁵⁰ *Безобразов В. П.* Народное хозяйство России : Московская (центральная) промышленная область. СПб., 1882–1889. 3 ч. ; *Его же.* О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. М., 1863–1864. 3 т. ; *Блюх И. С.* Финансы

насыщенные сравнительными таблицами и показателями из разных статистических изданий и ведомств, можно, на наш взгляд, отнести к группе источников. Тем более, все они были современниками изучаемого периода.

Глубокий анализ со значительным количеством сравнительных данных содержится в трудах российского экономиста-статистика академика В.П. Безобразова (1828-1889). Он приводит сведения из разных источников по денежному обращению, государственным доходам, развитию промышленности в России. Труды другого крупного экономиста П.П. Мигулина являются, по сути, сводом статистических данных по промышленному и финансовому развитию России на рубеже XIX – XX вв. В работе использовались также данные сборника по статистике внешней торговли России в XIX в.

Из зарубежных источников были привлечены сборники статистических сведений по денежно-кредитным операциям и внешней торговле, собранные английским экономистом М. Малхоллом⁵¹, а также отдельные издания по экономической статистике европейских государств.

VIII. Монархия Габсбургов в российских изданиях в XIX – начале XX вв.

Для анализа восприятия австрийского Другого в российском обществе важно было понять, какие сведения публиковались как в популярных изданиях («Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Русская мысль»), так и ведомственных («Журнал министерства внутренних дел», «Журнал министерства государственных имуществ», «Военный журнал»)⁵². В основном, это были либо перепечатки из австрийских изданий, либо общие обзоры, посвященные конституционализму, финансовой политике, вопросам государственного управления, национальному вопросу, армии, истории внешней политики Австрии. Соответственно, здесь представлены разные виды источников – от статистических до исторических сочинений. В совокупности они были проанализированы в разделе «Академическое славяноведение и общественный интерес к Австро-Венгрии в российском обществе» пятой главы диссертационного исследования.

России XIX столетия : история – статистика. СПб., 1882. Т. 2. 295 с. ; *Гливиц И. Б.* Железная промышленность в России. СПб., 1911. 148, 104 с. ; *Его же.* Потребление железа в России. СПб., 1913. 134 с. ; *Мигулин П. П.* Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902). Харьков, 1903. 360 с.

⁵¹ *Mulhall M. G.* Industries and wealth of nations. London ; New York, 1896. 451 p. ; *Mulhall, M. G.* The dictionary of statistics. London, 1886. 504 p.

⁵² Австрия, ее военное положение в Италии // Библиотека для чтения. 1859. Т. 155. № 5. С. 1–17 ; Австрия и ее военное могущество в Италии // Отечественные записки. 1859. Т. 124. Отд. 1. № 5. С. 213–236 ; *Бушен А. Б. фон.* Обзор административной статистики Австрии // Журнал Министерства внутренних дел. 1860. Ч. 44. Кн. 10. С. 19–68 ; Военная статистика Австрийской империи // Военный журнал. 1841. № 6. С. 21–140.

IX. Документы и материалы по меморизации памяти о Крымской войны в Российской империи

В структуре диссертации раздел о Крымской войне занимает особое место, поскольку это трагическое и эпическое событие перевернуло коллективное сознание российского общества, вызвав невероятный подъем патриотических чувств и мобилизацию всех слоев населения на защиту Отечества. Соответственно, в разделах диссертации 3.2.2. (Крымская война как геополитический вызов: мобилизационные стратегии) и 3.2.1. (Героический дискурс Крымской войны в общественном мнении России) проанализирована вся совокупность источников.

Значительный объем занимают пропагандистские тексты, которые издавались во время войны и поднимали боевой дух солдат и патриотический настрой общества (анекдоты; стихи; описания доблестных подвигов; информация о формировании «Всеобщего ополчения за Веру, Царя и Отечество»)⁵³. Особняком в этих публикациях стоят репортажи из Севастополя, напечатанные Львом Толстым в «Современнике» – глубокое философское осмысление смерти и героизма на поле боя⁵⁴.

Воспоминания ветеранов Крымской войны составляют отдельную категорию⁵⁵. Небольшая часть была написана участниками сразу после боевых действий. Но с 1870-1880-х гг. Севастополь стал превращаться в символ «мученического подвига», а память о Крымской войне кристаллизовалась как код коллективной идентичности. Когда заработали механизмы государственной идеологии, появились сотни новых воспоминаний «севастопольцев», были созданы музейные экспозиции и мемориальный комплекс⁵⁶.

⁵³ Всеобщее ополчение России за Веру, Царя и Отечество, или Русские ратники во времена императора Александра I и ныне царствующего императора Александра II. М., 1855. 45 с.

⁵⁴ Толстой Л. Н. Севастополь в августе 1855 года // Современник. 1856. № 1. С. 71–122 ; *Его же*. Севастополь в декабре месяце // Там же. 1855. № 6. С. 333–348.

⁵⁵ Ночь весною 1855 г. в Севастополе // Современник. 1855. № 9. С. 5–30 ; От управления Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. СПб., 1861. 7 с. ; Парский Д. П. Памятники Севастопольской обороны. Одесса, 1901. 81 с. ; Рассказ Павла Алексеевича о войне с Турцией, Англией и Францией и кое-что об Индии и Китае. СПб., 1854. 86 с. ; Рачинский А. В. Походные письма ополченца из Южной Бессарабии, 1855–1856 г. М., 1858. 76 с. ; Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения Н. Путиловым. Отд. 2. Военные известия, кн. 13–24 : Известия с берегов Черного моря. СПб., 1856. 667 с.

⁵⁶ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя : сборник, издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея / под ред. Н. Дубровина. СПб., 1871–1874. 4 вып. ; Исторический каталог Музея Севастопольской обороны. 3-е изд., испр. и доп. к 1 октября 1910 г. СПб., 1911. 188 с. ; Исторический каталог Музея Севастопольской обороны. 4-е изд., испр. и доп. к 1 ноября 1913 г. СПб., 1914. 186 с. ; Каталог Музея Севастопольской обороны с кратким описанием Малахова кургана, памятника вице-адмиралу Корнилову, франко-русской братской могилы, 4-го бастиона, Девичьей батареи, Братского кладбища и храма на том кладбище / сост. ген.-майор А. П. Литвинов. Севастополь, 1897. 82 с.

Крымский дискурс вошел в патриотические чтения для народа («Досуг и дело»)⁵⁷. Императоры Александр III и Николай II лично поддерживали историческую память об этой войне, а ветераны и члены их семей получали льготы и почетный статус в обществе.

Х. Документы о презентациях власти в России и монархии Габсбургов в XIX – начале XX вв.

В диссертационном исследовании ставилась задача проанализировать процессы формирования и распространения имперских и общегражданских кодов в общественном пространстве России и монархии Габсбургов. Для сравнительного исследования были привлечены российские и австрийские источники, которые включают каталоги, описания новых храмов и музейных пространств, символизовавших генетическую связь династии с народом⁵⁸. В ходе работы над этой темой удалось найти большое количество источников австрийского происхождения, поскольку государственная пропаганда работала на всех оборотах, продвигая образ императора Франца Иосифа как отца нации. Сюда вошли брошюры о его жизни и деятельности, нравоучительные рассказы для детей и юношества, празднично украшенные альбомы, посвященные юбилеям царствования императора; многочисленные фотоальбомы о его путешествиях по коронным землям и др.⁵⁹.

⁵⁷ Рукописи, представленные его Императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу севастопольцами о Севастопольской обороне : для солдат и народа. СПб., 1873–1874. 3 кн. Репринт: Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. М., 1998. 475 с.

⁵⁸ В память освящения собора Св. Владимира и открытие памятника императору Николаю I. Киев, 1896. С. 40–47 ; *Иванов Н. А.* Столетие Бородинской битвы. 1812–1912. Одесса, 1912. 16 с. ; Киевский собор св. Владимира и работы в нем В. М. Васнецова и М. В. Нестерова // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» на 1896 г. за январь, февраль, март и апрель. СПб., 1896. С. 577–588 ; Императорский Московский Исторический музей : альбом фототипий. М., [19--]. 22 л.

⁵⁹ Franz Joseph I. und seine Zeit : cultur-historischer Rückblick auf die Francisco-Josephinische Epoche... : Gedenkbuch zur Jubelfeier / hrsg. von J. Schnitzer. Wien ; München, 1898. 2 Bde ; *Henop C.* Jubiläumsjahr 1898. Ein Gedenkbuch an die humanitären und festlichen Veranstaltungen aus Anlass des 50. jährigen Regierungsjubiläums Sr. Majestät des Kaiser Franz Josef I. am 2. Dezember 1898. Wien, 1898. Bd. 1 ; Jubiläums-Ausstellung Wien 1898 / hrsg. von J. Laurencic. Wien, 1898. 42 Bl. ; Kaiser Jubiläum Festblatt der Wiener Zeitung // Wiener Zeitung. 1898. 2. December (№ 278) ; Österreichisches Kaiser-Jubiläums-Dichterbuch : 50 Jahre österreichische Literatur : Huldigungsgabe zur fünfzigsten Jahreswende der Thronbesteigung Seiner Majestät des Kaisers Franz Joseph I. / hrsg. von E. Hassenberger. Wien, 1899. 325 S. ; *Ratzel F.* Politische Geographie. München ; Leipzig, 1897. 715 S. ; *Smolle L.* Das Buch von unserem Kaiser, 1848–1888 : Festschrift aus Anlass des 40 jährigen Jubiläums Seiner Majestät des Kaisers Franz Joseph I. Wien, 1888. 240 S. ; *Idem.* Fünf Jahrzehnte auf Habsburgs Throne, 1848–1898 : Festschrift aus Anlass des fünfzigjährigen Regierungsjubiläums Seiner Majestät des Kaisers Franz Joseph I. Wien, 1898. 242 S. ; *Idem.* Kaiser Josef II : Gedenkschrift zur Feier seiner 100-jährigen Thronbesteigung 29. November 1880 : für das Volk und die Jugend Österreichs. Wien, 1880. 32 S. ; *Idem.* Unser Kaiser : sein Leben und Wirken : der Jugend erzählt aus Anlass des sechzigjährigen Regierungsjubiläums Seiner k. u. k. Apostolischen Majestät des Kaisers Franz Joseph I. Wien, 1908. 139 S. ; Verordnungsblatt für den Dienstbereich des K. K. Ministeriums für Kultus und Unterricht. Wien,

Таким образом, в диссертационном исследовании была привлечена значительная источниковая база (более 330 наименований), включающая основные виды источников по истории XIX – начала XX вв. Многообразие документов позволило провести выверенный источниковедческий анализ и составить масштабную картину развития славянской идеологии и славянских движений в имперском пространстве России и монархии Габсбургов.

Степень изученности темы. Историография темы огромна: она насчитывает тысячи трудов. В общем обзоре Введения было невозможно проанализировать основные линии развития российской, австрийской, англо-американской, немецкой историографий, а также исторических исследований в странах Центральной Европы более чем за сто лет. Эволюция историографических концепций и методологий отражена в первой главе диссертационного исследования. Важно было проследить трансформацию ключевых понятий, влияние политической актуализации на славянскую проблематику, специфику национальных историографических подходов.

Однако за более чем столетний период так и не сложился единый массив исследовательской литературы. Это объясняется тем, что в отечественной и зарубежной историографиях славянский фактор как комплексное явление не исследовался. Традиционно сложилось несколько направлений тематических исследований: 1) дипломатия великих держав в Восточном вопросе; 2) панславизм в истории монархии Габсбургов и взаимоотношениях России с зарубежными славянами; 3) развитие славяноведения в России и славяно-российские связи; 4) славизмы как часть проектов формирования славянских наций; 5) процессы формирования государственной общности и имперской нации в Австро-Венгрии и в России.

Историографическая фрагментация привела к неравномерному изучению исследовательских сюжетов. В каждом из перечисленных направлений сложились свои понятия, объяснительные схемы, методы и подходы. Даже корпус источников существенно различается. Многомерность историографической ситуации можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, серьезные трудности в отечественной историографии создает традиция отдельного изучения Австро-Венгрии и национальных историй славянских народов. Между тем в общем пространстве многонационального государства, как в плавильном котле, выплавлялись национальные идентичности и одновременно – имперская (государственная) общность. Попытки внедрить комплексный подход в изучении

монархии Габсбургов дали обнадеживающие результаты. Тем не менее, в России, в отличие от Запада, отдельного направления, получившего название «габсбургские исследования», так и не сложилось.

Во-вторых, в отечественной историографии балканские исследования сформировались как крупное научное направление. Тема «Россия и Балканы» имеет глубокую интеллектуальную традицию и обширную базу источников. Исторически сложилось так, что развитие отношений России с австрийскими и балканскими славянами рассматривается в большинстве трудов отдельно, что весьма затрудняет понимание природы и интересов славянской политики России.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. В диссертационном исследовании привлечена обширная база архивных и опубликованных источников на русском, чешском, немецком, французском языках, часть которых впервые вводится в научный оборот отечественной исторической науки.
2. Междисциплинарная методология исследования позволила сформировать общее поле комплексного и сравнительно-исторического подходов к изучению политической культуры двух государств и их внешней политики. Славянская проблематика была вписана в контекст сравнительных имперских исследований, что дало возможность проанализировать встречные процессы формирования национальных общностей и общегосударственной нации в пространстве многосоставного государства.
3. Впервые в отечественной историографии обобщены результаты исследований панславизма, реконструирована история этого понятия и предложена систематизация его референтных моделей в России и общем европейском контексте. Доказано, что российский МИД вплоть до Первой мировой войны не рассматривал планы разрушения Австро-Венгрии и создания всеславянской империи.
4. В диссертации показано, что Россия после Крымской войны развернула новое внешнеполитическое направление, направленное на расширение влияния и поддержку зарубежных славянских народов. Проведен сравнительный анализ австрийского и балканского векторов славянской политики, исследована степень вовлеченности различных кругов российского общества в славянское благотворительное движение и его тесная взаимосвязь с процессами формирования общегосударственной коллективной идентичности.

5. В диссертации реконструирована история двусторонних отношений между Россией и монархией Габсбургов в широком хронологическом диапазоне – с 1830-х гг. вплоть до Первой мировой войны. Выделены, уточнены и проанализированы этапы взаимодействия двух государств, а также раскрыто влияние на них славянского фактора в исторической динамике.
6. Научная новизна диссертационного исследования состоит также в комплексном изучении отечественной и зарубежной историографии более чем за сто лет, начиная с межвоенного периода до современности. Обобщены концепции и методологии в изучении природы власти в монархии Габсбургов и России, эволюции славянской идеологии и движений, внешней политики и политической культуры. Комплексный подход позволил преодолеть разрывы в историографических описаниях и осмыслить логику и результаты исследований в советской / российской, англо-американской, австрийской, немецкой, чешской, словацкой и отчасти – польской и венгерской историографиях.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы состоит в новой постановке темы, дальнейшей разработке комплексного подхода к изучению славянской проблематики, применении новых междисциплинарных методов, уточнении понятийного аппарата исследования, проведении масштабного историографического исследования и сопоставлении его результатов с актуальными тенденциями развития исторической памяти современных обществ, расширении базы источников и их новой интерпретации.

Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах для студентов, специализирующихся по зарубежной и отечественной истории, истории международных отношений, а также будут полезны студентам – культурологам, международникам, политологам и филологам.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Для взаимоотношений России и монархии Габсбургов было характерно чередование циклов притяжений и отторжений. На отдельных этапах каждая из сторон использовала славянский фактор на ценностном и геополитическом уровнях. С 1860-х годов Россия стала осваивать славянскую политику в двух направлениях – балканском и австрийском. Со второй половины 1870-х-начала 1880-х гг. Австро-Венгрия также начала активно проявлять себя как покровительница славянских народов. Конфликт двух моделей имперской идентичности на ценностном уровне перерастал в их геополитическое соперничество на Балканах и за влияние на австрийских славян. Соперничество двух империй, по сути, проявлялось как столкновение двух парадигм славянского вопроса при

кардинальном различии целей и задач. Обе державы воспринимали друг друга как препятствие на пути к достижению великих целей. Тем не менее, обе до июльского кризиса 1914 г. были готовы идти на компромисс даже в острых кризисных ситуациях, несмотря на резкое обострение их геополитической конкуренции на Балканах после Боснийского кризиса 1908-1909 гг.

2. Австрийские славяне были увлечены не столько общеславянскими проектами, сколько политическими программами, которые гарантировали бы им полноправный статус в монархии Габсбургов. Крупные объединительные инициативы, поддержанные в их среде, можно выстроить в одну логическую линию: австрославизм – австрофедерализм – неославизм. Все три интеграционных проекта имели выраженную прогабсбургскую лояльность. Общеславянские коды, равно как и русофильство, играли для них инструментальную роль, усиливали собственную значимость на фоне обострения борьбы со сторонниками пангерманизма и мадьяризма. Однако, надежды на политическую, финансовую, экономическую, культурную поддержку России сохранялись на протяжении всего изучаемого периода.

3. Проведенное исследование позволило выделить три модели панславизма, созданные сторонниками славянской взаимности: 1) российский панславизм; 2) славизмы в среде австрийских славян; 3) панславизм в среде балканских народов. Острая конкуренция и разное понимание национальных целей не позволило создать мощное панславистское движение ни в самой России, ни за ее пределами. Как бы ни желали его адепты, панславизм так и не стал реальным геополитическим проектом ни одной из славянских наций.

В австро-немецкой либеральной публицистике был также искусственно создан фантом панславизма, который быстро распространился в европейском общественном мнении и впоследствии прочно вошел в западные исследования как историографическое клише. Этот мнимый панславизм был порожден негативной рефлексией на усиление России и подъем славянских движений в Европе. Мифы о славяно-русской угрозе и всеславянской империи не подтверждаются российскими дипломатическими документами. Конкретных проектов раздела австро-венгерского наследия МИД России вплоть до Первой мировой войны не рассматривал.

4. Панславизм в России имел множество интерпретаций. В наиболее завершенной форме был представлен «имперский панславизм», разработанный интеллектуалами из среды консерваторов – государственников. В его основе лежала идея Великой российско-славянской империи. Выдвигались и более умеренные варианты «культурного»/«литературного панславизма», ориентированные на продвижение русского языка как

общеславянского и принятие Православия как общего вероисповедания. Все объединительные проекты вливались в мощный славянский дискурс политической мысли в России. Славянские коды глубоко вошли в коллективное подсознание российского общества и использовались официальной пропагандой как важный материал в конструировании общегосударственной идентичности.

5. Россия после эпохи Великих реформ пошла по пути усиления «политической религии» в сфере государственной идеологии. Эта тенденция изменила российский проект коллективной идентичности, дополнив его консервативным историзмом и образами «народной монархии». Австрийская государственность развивалась в другом направлении, уступая общественным инициативам, постоянно находясь в поиске компромисса и создавая иллюзии высоких ожиданий. По сути, перед нами – два проекта формирования коллективной идентичности в многосоставных государствах, нацеленных на общегосударственную сплоченность.

Если в монархии Габсбургов пропагандистская машина была нацелена на персонификацию образа императора Франца Иосифа как «добротного отца всех народов», то в России большее внимание уделялось дискурсу «великих Побед» и общегосударственным историческим юбилеям. Механизмы формирования памяти о Крымской войне и «священных могилах Севастополя» были такие же, как и во время массовых кампаний в поддержку славян. Масштабное увлечение славянством формировало чувство сопричастности индивидуума к славянской миссии России, которая воспринималась как гражданский и религиозный долг.

6. Славянская политика России стала активно развиваться с 1860-х гг. и играла особую роль в системе национальных интересов. С самого начала она развивалась в парадигме «Россия – защитница угнетенных славянских народов» и четко разделялась на австрийское и балканское направления. Поддержка балканских славян (финансовая, образовательная, религиозная, гуманитарная, военная) осуществлялась на системном уровне и имела значительные объемы как государственного финансирования, так и в различных формах пожертвований – от церковных кружечных сборов до личных вкладов благотворителей. В отношении австрийских славян дальше мягкой силы интересы России не простирались. Благотворительная помощь и поддержка оказывалась в значительно меньших объемах, чем на Балканах. В Петербурге понимали вовлеченность австрийских славян в габсбургские проекты и не испытывали иллюзий относительно их демонстративного русофильства.

7. Неравномерность и фрагментацию в изучении славянского фактора в российской и зарубежной историографиях можно объяснить высокой степенью актуализации

славянской темы как таковой. За последние тридцать лет произошли мощные сдвиги в методологии, аргументации и взаимодействии научных сообществ в исторической науке. Историография развернулась от упрощений мифографии к поиску новых исследовательских практик и критическому анализу. Ключевая тема «малые народы и империи» претерпевает глубокие концептуальные изменения. Тезис о сильной этноязыковой дискриминации и национальном угнетении в монархии Габсбургов был вытеснен из круга референтных концепций. Осмысление феномена многосоставного государства в настоящее время развивается в сторону дискуссий о критериях и пределах его демократизации.

В австрийской, немецкой, американской историографиях, исследованиях в странах Центральной Европы наблюдается спад интереса к славянской теме, иногда доходящий до полного забвения. «Славянство» потеряло свою актуальность в новых интерпретациях европейской истории и истории регионов. Но без компетентной реконструкции этого мощного паттерна прошлого сложно понять процессы интеграции и фрагментации на востоке Европы и многоуровневые российско-европейские отношения в целом.

Апробация результатов исследования прошла на крупных отечественных и зарубежных конференциях, а также в рамках работы Российско-Австрийской и Российско-Словацкой комиссий историков, публикацией выводов диссертации и ее основных положений в авторитетных научных изданиях России, Австрии, Германии, Чехии и Польши.

По теме диссертационного исследования было опубликовано 16 научных публикаций в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, и 46 научных публикаций в других изданиях, из которых 7 было опубликовано за рубежом.

Структура исследования. Диссертационное исследование имеет введение, шесть глав, заключение, список источников и литературы.

Во **Введении** обоснованы цель и задачи, определена междисциплинарная стратегия исследования, описаны подходы и методы в изучении заявленной проблематики, охарактеризована источниковая база в соответствии с видовыми и тематическими параметрами, а также научная новизна, вынесены основные положения диссертационного исследования.

Первая глава «Изучение славянского фактора в отечественных и зарубежных исследованиях» посвящена анализу российской и зарубежной историографий. На основе проблемно-хронологического принципа в ней рассматриваются исследования монархии

Габсбургов и Российской империи как моделей многосоставного государства; подходы и методы изучения славянского фактора в их политической культуре и внешней политики. Эволюция понятий и концептуальных объяснений, степень политической актуализации и интеллектуальных взаимовлияний между различными сообществами историков изучается на протяжении более ста лет – от межвоенного периода до современности. Был привлечен значительный круг советских и постсоветских работ, а также труды австрийской, немецкой, американской, английской, чешской, словацкой, отчасти – польской и венгерской историографий. Важно было определить уровень развития методологической культуры мировой историографии в осмыслении данной проблематики, а также проанализировать эффективные исследовательские практики.

Понятно, что не все исследования вошли в первую главу, определенная их часть была включена в отдельные разделы других глав диссертации для того, чтобы глубже высветить поставленные в них темы. Свести воедино все историографические сюжеты не представлялось возможным из-за тематического многообразия, тем более это привело бы к значительной перегрузке объема первой главы.

Вторая глава «Зарождение панславизма и славянского вопроса в Российской и Австрийской империях в 1830–1840-е гг.» охватывает период Священного Союза, когда обязательства консервативных монархий, создавших Венскую систему, превалировали над их национальными интересами. В разделах второй главы последовательно показано, как нарастали внутренние противоречия между Веной и Петербургом вокруг славянского вопроса. Именно в этот период зародился панславизм в среде австрийских славян и как рефлексия на него мнимый панславизм, созданный австро-немецкой публицистикой, нагнетавшей страх перед русско-славянской угрозой. Отдельно рассматривается генезис имперского панславизма в России, выросшего из славянофильского учения и великодержавных консервативных утопий.

Отдельный раздел посвящен первым опытам славянской миссии России в землях австрийских славян, секретной материальной и моральной поддержке, но имевшей весьма ограниченный характер. Три раздела главы посвящены изучению трансформации общеславянских идей среди австрийских славян, их первой политической программе – австрославизму, заявленной на Славянском съезде в Праге в 1848 г. Наконец, в последнем разделе раскрываются мотивы подавления российскими войсками венгерской революции по просьбе австрийского правительства, а также официального запрета славянской темы в России.

В третьей главе «Славянский фактор в формировании коллективной идентичности и внешней политики Российской империи и монархии Габсбургов в

1850–1860-е гг. рассматриваются два встречных процесса – формирование имперских наций в России и монархии Габсбургов, а также самоопределение славянских сообществ. Второй раздел посвящен Крымской войне, сыгравшей ключевую роль в трансформации мирового порядка и роли в нем России. Особое внимание уделяется изучению мобилизационных стратегий российского общества, а также нарастанию героических дискурсов «Великих Русских побед» и «священных могил Севастополя», поскольку именно в это время стали закладываться новые коды в коллективную идентичность Российской империи. Последовательно рассматривается генезис славянской политики и ее тесная взаимосвязь с новым проектом государственной нации в России.

В четвертом разделе представлена эволюция имперского панславизма и других вариантов общеславянской интеграции в совокупности с началом системной благотворительности России в землях австрийских славян и на Балканах. В пятом разделе показано, как формировался новый имперский проект монархии Габсбургов, и насколько вписывалась в него программа австрофедерализма, разработанная австрийскими славянами. Параллельно исследуется эволюция общеславянских и национальных идей в чешском движении, дискуссии о панславизме и русофильстве. Завершает третью главу раздел о славянской съезде в России в 1867 г., когда впервые в Петербург и Москву приехали представители славянских народов, потрясенные размахом торжеств в российском обществе.

В четвертой главе «Геополитическая конкуренция России и Австро-Венгрии в славянском вопросе во второй половине XIX – начале XX вв.: внешнеполитические и общественные аспекты» исследуются факторы, определявшие динамику и качество российско-австрийских отношений. Славянский вопрос в изучаемый период распадался на проблемы, связанные с положением славян в монархии Габсбургов, и Восточный вопрос, в котором периодически вспыхивали острые кризисы, вызванные освободительными движениями балканских славян. Во втором разделе уточнены фазы соперничества и сотрудничества между Россией и Австро-Венгрией, показана динамика конкуренции на дипломатическом, финансово-экономическом, идеологическом уровнях в разных балканских регионах, особенно в Сербии и Болгарии. При анализе каждого из выделенных периодов сравниваются внешнеполитические стратегии двух государств, возможности и ресурсы их влияния на балканских славян. В третьем разделе анализируется славянское благотворительное движение в России, его инфраструктура, направления деятельности, источники финансирования. Основное внимание было уделено изучению российских инициатив в среде австрийских славян.

В пятой главе «Славянский вопрос в политической культуре России и Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX вв.» проведено сравнительное исследование политической культуры в двух империях. Были проанализированы образы имперской власти и ресурсы общегражданской лояльности в обоих государственных пространствах, а также церемонии – ритуалы- символы общегражданской идентичности. Третий раздел посвящен изучению славянских дискурсов в политической мысли России, проанализирована эволюция имперского панславизма, его критика со стороны либеральных демократов. Отдельно было рассмотрено отношение славянолюбивых кругов к русинам, поскольку именно их считали наиболее искренними русофилами из всех австрийских славян. В четвертом разделе анализируются различные материалы об Австро- Венгрии, которые публиковались в российских изданиях и направления академического славяноведения.

Пятый раздел включает сравнительное изучение славизмов, разработанных австрийскими славянами, в которых общеславянские коды играли инструментальную роль. Основное внимание было обращено на чешский опыт. Во-первых, потому что именно из чешской среды вышли наиболее значимые политические интеграционные программы, признанные австрийскими славянами. Во-вторых, в чешской политической мысли довольно глубоко были осмыслены вопросы славянской идеологии. В шестом разделе были проанализированы общеимперские праздники и символы в Австро-Венгрии, куда органично вошла и славянская атрибутика.

В шестой главе «Славянский вопрос и кризис российско-австрийских отношений: от сближения к противостоянию и распаду монархий (1897-1917 гг.)» разделы были структурированы в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Проанализированы фазы взаимоотношений между Веней и Петербургом от сближения на рубеже XIX – XX вв. до июльского кризиса 1914 г. На этом фоне отдельный раздел посвящен неославизму как общеславянскому проекту в Австро-Венгрии и России. В нем рассматриваются интеграционные инициативы, исходившие прежде всего от представителей австрийского славянства, которые поддерживались сторонниками славянской взаимности в России и на Балканах.

Особое внимание уделяется анализу панславистских представлений в российском обществе. Анализируются причины краха неославизма не только как программы славянской солидарности от предпринимательства до медийной сферы, но и как проекта сближения России и Австро-Венгрии. Отдельный раздел посвящен Боснийскому кризису 1908-1909 гг., положившему конец колебаниям петербургского кабинета между пронемецким курсом и Антантой. В разделах с 4 по 6 рассматриваются сюжеты, разные

по своему содержанию, но в совокупности раскрывающие особенности восприятия высшей элитой России угрозу надвигающейся «большой европейской войны». Доказано, что с 1912 г. Германия и Австро-Венгрия считались наиболее вероятными противниками. Примерно те же процессы проходили и в австро-немецкой элите, осознававшей неизбежность военного столкновения со странами Антанты. Последний раздел главы посвящен июльскому кризису 1914 г. и геополитическим интересам России в первой мировой войне. Реконструкция событий была проведена на основе фундаментальной публикации «МИД России в Первой мировой войне». Проведенный анализ еще раз подтвердил результаты исследований в предшествовавших главах диссертации. Первоочередной задачей России были Проливы (Босфор и Дарданеллы), планы создания российско-славянской империи на руинах монархии Габсбургов не обсуждались с союзниками по Антанте.

В *Заключении* приведены выводы диссертационного исследования и определены перспективы дальнейшей комплексной разработки славянской проблематики. Завершает текст диссертации *Список источников и литературы*.

Глава I. Славянский фактор в отечественных и зарубежных исследованиях.

В историографии есть темы, которые имеют особую судьбу. Общество и политика то возносят их на вершину интереса, возбуждая бурные дискуссии, то предают забвению. Осмысление феномена «славянства» в интеллектуальной традиции России, Запада, стран Восточной Европы и Балкан было вызвано историческими травмами и противостояниями государств, их геополитической конкуренцией и формированием наций модерна. Пики острого интереса сменялись потерей актуальности. Затем снова начиналось бурное движение, дискуссии, в эпицентре которых опять вспыхивали образы «великого славянства» и фантомы панславизма. Как правило, совокупность многочисленных «славизмов» была тесно связана с историей двух империй на востоке Европы – Российской и Австрийской, прежде всего потому, что в «век пришествия национализма» (точное определение XIX в., данное Э. Хобсбаумом) большинство их населения составляли славянские народы.

Как ни парадоксально, изучение имперской проблематики развивалось параллельно славянским исследованиям, лишь изредка пересекаясь, поэтому цельного исследовательского массива не существует. За столетие в исторической науке сложились различные исследовательские практики, которые можно объединить в пять направлений:

- (1) коллективные идентичности модерна – национальные и общегосударственные/имперские общности;*
- (2) славянский/восточный вопрос в контексте международной политики великих держав;*
- (3) «славянский мир» как интеллектуальный и политический проект славянских народов в монархии Габсбургов и на Балканах;*
- (4) славянство как код российской национальной идеи и внешнеполитическая стратегия XIX – начала XX в.;*
- (5) империи модерна как особая модель управления многосоставным государством (для нашей темы наибольший интерес представляют внешнеполитические и идеологические аспекты).*

В каждом из этих тематических блоков сформировался свой понятийный аппарат, методология, подходы, аргументация, корпус источников и авторитетные концепции. Вот почему потребовалась отдельная глава в диссертационном исследовании, чтобы свести воедино и показать различные уровни в осмыслении славянской и имперской проблематики. Только поняв логику и аргументацию отдельных

историографических направлений, можно двигаться дальше, анализируя предшествующий опыт и пытаясь на этой основе предложить комплексный подход.

Вокруг понятия «славянский вопрос» полно предрассудков, поскольку сложно провести грань между его научным познанием и политической актуализацией. История славянских национализмов всегда сопровождалась острыми дискуссиями вокруг роли России. В любой историографии стран Центральной и Восточной Европы российская тема – наиболее чувствительная. Каждая новая эпоха привносит свои акценты в ее интерпретацию, нередко изменяя смысловые коды и вызывая новые конфликты и альянсы в интеллектуальных сообществах.

Славянская проблематика в России традиционно занимает особую нишу в научных исследованиях и общественных симпатиях. Она вбирает в себя как внутриполитические, так и международные контексты. Ведь речь идет не только о складывании идентичности российского общества, но и о роли славянского вопроса в дипломатических комбинациях всего «европейского концерта» на протяжении долгого XIX столетия.

В первой главе речь пойдет о тех исследованиях, которые стали, на мой взгляд, интеллектуальными прорывами и заложили новые направления. Сложно выбрать наиболее значимые из тысячи трудов⁶⁰, ведь любая селекция носит субъективный характер, зависит от авторских предпочтений. Предложенная здесь схема не претендует на универсальную систематизацию и не может охватить всей историографии. Скорее это попытка выявить основные направления в изучении внешнеполитических и внутренних процессов в двух монархиях, осмыслить различные интерпретации славянского вопроса в российской / советской / постсоветской историографиях; рассмотреть традиционные и новые подходы к истории международных отношений и внешней политике великих империй прошлого.

Пересмотрев разные варианты историографического описания, я остановилась на хронологическом принципе. Так будет лучше ощутить веяние времени в разные исторические эпохи, понять, как интеллектуальные предпочтения и политическая

⁶⁰ Существует три наиболее значимые, на мой взгляд, библиографии российских, советских и постсоветских исследований монархии Габсбургов. Полная библиография с указанием значительных дореволюционных трудов: *Пашаева Н. М.* Австрия и австро-славянские отношения в русской и советской исторической литературе (X в. – 1918 г.) // *Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография* / отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1966. С. 240–276. Выборочная библиография с упором на чисто австрийские исследования (вне внимания остались многочисленные славистические труды): *Австрия X – XXI веков. История. Политика. Культура* : библиография / сост. О. И. Величко. М., 2012. 68 с. Современные исследования по истории австрийских славян отмечены в: *Труды Института славяноведения, 1997–2007* : библиографический указатель / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2007. 60 с.

актуализация влияли на методологию исследований, проникая в ткань научных трудов, создавая новые форматы исторической памяти. В первой главе были выделены три периода, отмеченные сменой тематических приоритетов и методов познания. Они соответствуют историческим эпохам, которые традиционно выделяются в истории XX в. – межвоенное время, холодная война, современность (с начала 1990-х гг. до настоящего времени).

1.1. Славянство и славизмы в зарубежной историографии межвоенного периода

1.1.1. Дискуссии о крахе Австро-Венгрии

После распада Австро-Венгрии произошел интеллектуальный разрыв между прежней имперской парадигмой и новыми научными школами в государствах, возникших на ее руинах. Неудивительно, что габсбургская мифография канула в прошлое вместе со «старой, доброй Коканией»⁶¹. Ученые из стран Центральной и Юго-Восточной Европы, порожденных Версальской системой, с патриотическим пылом ударились в апологетику национальных движений и новых государств, освободившихся из оков габсбургской «тюрьмы народов».

У каждой из сторон была своя логика целесообразности. Если в новых государствах создавался нарратив героической борьбы за национальное освобождение, то в поверженной метрополии господствовали совсем иные настроения. Это была острая смесь ностальгии по утраченной монархии и болезненный поиск ответов на вопрос, волновавший тогда многих в Европе. Почему рухнули империи – столпы мирового порядка?

После Первой мировой войны сразу вспыхнули острые споры среди военных, политиков и интеллектуалов. Победителям и побежденным не давал покоя вопрос, кто виноват в том, что конфликты между великими державами переросли в кровавую бойню, унесшую миллионы жизней. Межвоенный период прошел в бесконечных дискуссиях. Вопрос о вине приобретал ключевое международно-правовое и гуманитарное значение. Проигравшие страны были объявлены победившей Антантой виновными за все неслыханные бедствия и потери. С самого рождения Версальско-Вашингтонская система оказалось расколотой на два мира – победителей и побежденных.

Можно выделить ряд особенностей исторических исследований межвоенного периода. Во-первых, в них была заострена проблема вины, которая

⁶¹ «Коканией» называли в художественной литературе, публицистике, повседневном общении Австро-Венгрию от официальной аббревиатуры двух «К» – Kaiser und König – в названиях всех государственных учреждений (К.и.К). В начале XX в. слово «Кокания» получило широкое хождение в австрийском обществе.

рассматривалась в контексте истории дипломатических отношений XIX – начала XX в. Первая мировая война дала мощный импульс развитию истории международных отношений как интегральной науки на стыке истории, дипломатии, политических наук и социологии. В 1920-е гг. в крупных университетах Великобритании, Германии, Франции, США стали активно создаваться кафедры международных отношений, где приоритет отдавался изучению дипломатических отношений рубежа XIX – начала XX в.

Одна из первых кафедр по истории дипломатических отношений была создана в Университете Уэльса в 1919 г. В послевоенной Германии, тяжело переживавшей поражение, через два года появилась такая же кафедра. Причем ее финансировал американский Фонд Вудро Вильсона для изучения политических основ мирового порядка и «поиска лучших методов сохранения мира, чтобы избежать военных столкновений»⁶². США «входили» в Веймарскую республику с самыми серьезными намерениями, и американские стратегии «мягкой силы» набирали обороты.

Во-вторых, фокус дискуссий на Западе о причинах войны был сосредоточен на балканском конфликте, который рассматривался сквозь призму конфликта России и Австро-Венгрии, как пролога великой войны. Весьма показателен в этом отношении труд профессора Оксфордского университета Бенджамина Самнера «Россия и Балканы: 1870–1880 гг.», изданный в 1937 г. В нем детально анализировались позиции ведущих держав во время Восточного кризиса. Правда, публикации русских дипломатических документов из «Красного архива» автор так и не использовал. Но им были привлечены некоторые документы из личного фонда графа Шувалова, хранившегося в Лондоне в собрании бывшего царского посольства. Особый интерес у оксфордского профессора вызывала тема панславизма. Он делал вывод, что в середине XIX в. панславизм был лишь «продуктом сознания, отражением определенных умонастроений и чувств» ограниченного круга интеллектуалов и политиков в России, для которого было характерно «смешение идей славянофильства и панрусизма». Но уже в 1870–1880-е гг. панславизм стал «неотъемлемой чертой внешней политики России»⁶³. В нем соединились политический консерватизм, религиозная трактовка миссии России в мире, восприятие славянства как хранителя традиционных здоровых ценностей.

Панславистские ориентиры, как считал Б. Самнер, существенно изменили внешнеполитический курс России на Балканах. Петербург не был склонен к дипломатическим компромиссам и остро реагировал на любые попытки Германии и

⁶² Reynolds P. A. International studies: retrospect and prospect // British journal of international studies. 1975. Vol. 1, № 1. P. 2.

⁶³ Sumner B. H. Russia and the Balkans, 1870–1880. Oxford, 1937. P. 56–57.

Австро-Венгрии усилить свои позиции в этом регионе. Б. Самнер подводил читателей к мысли, что именно панславизм привел к резкому обострению геополитической ситуации на Балканах и стал катализатором Первой мировой войны.

Дипломатию Великобритании ученый, напротив, характеризовал как стабильную и миротворческую. Основную вину он возлагал на Петербург и Вену за то, что обе империи так и не смогли найти компромисс по славянскому вопросу. Обходя молчанием непримиримые противоречия между Германией и Великобританией, Б. Самнер переключал внимание читателей на славянский вопрос. Подобная позиция соответствовала умонастроениям британской элиты. Тем более спросить было не с кого. Российская империя и Австро-Венгрия рухнули. Большевики и австрийские социал-демократы начинали внешнюю политику с чистого листа и менее всего хотели защищать прежние режимы. В итоге формула вины приобретала законченный вид. В центре внимания оказывался фантом панславизма как продукт российско-австрийского конфликта.

Подобная формула вины была в упрощенном виде быстро усвоена не только немецкой историографией, жаждавшей обелить дипломатию Германской империи. Довольно долго ее воспроизводили в разных интерпретациях и американские исследователи во время холодной войны, придавая панславизму идеологический смысл противостояния Востока и Запада.

«Панславистская угроза» как нельзя лучше вписывалась в любую политизированную конструкцию, в которой обосновывалась идея политического и религиозного раскола Европы. Историографический миф о панславистском заговоре дополнялся еще одним мифом о противостоянии Вены и Петербурга как главной причине Первой мировой войны. Роковой конфликт между Великобританией и Германией уходил на задний план, терялся под грудой исследований о роли панславизма в мировой политике.

Показательна в этом отношении книга немецкого ученого и публициста Альфреда Фишеля «Панславизм до Первой мировой войны», изданная в 1919 г. В ней были систематизированы все мнения в австро-немецкой литературе относительно славянских движений в России и за рубежом. Недаром до войны он увлекался изучением конфликтов вокруг статуса национальных языков в Австро-Венгрии⁶⁴. Сразу после войны, не скрывая горечи и обиды от поражения, А. Фишель написал объемный труд, в котором пытался доказать, что причиной катастрофы стал панславистский заговор. Его нити якобы

⁶⁴ *Fishel A. Der Panslawismus bis zum Weltkrieg. Stuttgart ; Berlin, 1919. 590 S. ; Materialien zur Sprachenfrage in Österreich / hrsg. von A. Fischel. Brünn, 1902. 344 S.*

тянулись из Петербурга в Галицию, на Балканы, в Вену, Прагу, Люблян и Загреб. Реальные доказательства так и не были представлены. Автор ограничился цитированием публицистических брошюр сомнительного содержания и историософских сочинений из России. Но все равно он настойчиво убеждал читателей в том, что в Европе накануне войны существовала мощная агентурная сеть панславистов, которая возбуждала национализм и сепаратизм среди австрийских славян и на Балканах.

Несмотря на откровенную политизацию, эта книга стала заметным явлением в западной историографии. Миф об угрозе панславизма переплавился из предмета политических дискуссий в научную концепцию об истоках Первой мировой войны. Уже во второй половине XX в. сочинение А. Фишеля, больше похожее на публицистический памфлет, вообще не подвергалось сомнению, стало наиболее упоминаемым и приобрело в западной историографии статус бесспорного доказательства.

Что же касается австрийской историографии, то в ней документальные публикации преобладали над концептуальными объяснениями. Первая республика в Австрии, созданная на руинах монархии Габсбургов, столкнулась с затяжным экономическим кризисом. Но главное – с кризисом общественного сознания. Постимперский синдром проникал во все слои общества. Вопрос о новой австрийской идентичности так и оставался неразрешимым. Ни общество, ни историческая наука не смогли тогда выработать общего понимания своего имперского прошлого. Многие историки покинули страну в поиске лучшей доли в США или Германии. Оставшиеся пытались понять причины распада монархии. Этот вопрос интересовал послевоенное поколение историков гораздо в большей степени, чем создание нового исторического нарратива. Тема «вины» и причин распада приобрела в то время самодовлеющий смысл.

В центре внимания оказался не старый император Франц Иосиф – патриархальный символ распавшегося государства, а Министерство иностранных дел Австро-Венгрии, на которое и возлагалась основная вина за политику, приведшую к катастрофе. Исследовались организационные и правовые основы дипломатии, личные взаимоотношения при дворе и правительстве⁶⁵. Постепенно в австрийской историографии в 1920–1930-е гг. закреплялось представление об ошибочной внешней политике как основной причине трагедии Австро-Венгрии.

⁶⁵ *Mayr J. K. Geschichte der Österreichischen Staatskanzlei im Zeitalter des Fürsten Metternich. Wien, 1935. 159 S. ; Albers D. Reichstag und Aussenpolitik von 1871–1879. Berlin, 1927. 151 S. ; Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. 2 Aufl. Berlin, 1922. Bd. 1 : Vom Attentat in Sarajevo bis zum Eintreffen der serbischen Antwortnote in Berlin nebst einigen Dokumenten aus den vorhergehenden Wochen / hrsg. im Auftrage des Auswärtigen Amtes ; nach gemeinsamer Durchsicht mit K. Kautsky ; hrsg. von M. Montgelas, W. Schücking. 268 S.*

Иной взгляд на тему «вины» предложил Йозеф Редлих, сосредоточив внимание на государственно-правовой ситуации в монархии в отношении “volksstämme” («народных племен» – так определяли в межвоенной историографии национальные общности)⁶⁶. По его мнению, нерешительность и половинчатость государственных реформ привели к тому, что монархия балансировала между «не полностью реализованным централизмом» и «полуфедерализмом». Но, как считал автор, и проект федерализации, за который боролись славянские политики, в правовом отношении был плохо разработан и не мог стать эффективным инструментом перестройки монархии в либерально-конституционную федерацию.

По сути, для каждой национальной историографии идея применения того или иного политического решения, ориентированного на рациональную целесообразность, трактовалась не иначе как способ избежать войны. Но кто следовал этой логике в конце XIX – начале XX в. в среде европейской элиты? Слишком очевиден был разрыв между целесообразностью и геополитической реальностью. Острая рефлексия на тему «кто виноват» и поиск соответствующих доказательств создавали особую историографическую ситуацию, балансировавшую на грани науки и идеологии.

1.1.2. Славянская тема в чехословацкой историографии

Иные задачи стояли перед историками в странах, созданных Версальско-Вашингтонской системой. Новые государства остро осознавали необходимость формирования национальных нарративов. Они стремились обосновать неизбежность гибели монархии Габсбургов и возводили «национальную борьбу за освобождение» на пьедестал высших моральных ценностей своих молодых наций. Апологетика освободительного движения стала своего рода кодом их лояльности. Отторжение памяти об Австро-Венгрии быстро впитывалось не только интеллектуальным сообществом, но и самыми широкими слоями.

В первые десятилетия после распада многосоставных государств, как правило, историческая память об общем отечестве предается анафеме со стороны молодых национальных сил. Новая государственность нуждается в усиленной исторической легитимации. Неудивительно, что историческая наука использовалась как инструмент для перформативирования имперской памяти в национальную.

⁶⁶ Redlich J. Das österreichische Staats- und Reichsproblem : geschichtliche Darstellung der inneren Politik der habsburgischen Monarchie von 1848 bis zum Untergang des Reiches. Leipzig, 1920. Bd. 1, T. 1. S. 141–164.

Почему чехословацкая историография представляет для нашей темы особый интерес? Во-первых, с 1840-х гг. среди чешских и словацких патриотов закрепилось представление, что именно они открыли славянскому миру путь к культурному и политическому обновлению, разработав такие понятия, как «истинный панславизм», «идея славянской взаимности», «австрославизм» и «австрофедерализм».

Во-вторых, славистика как комплексное академическое направление в исследовании истории, культуры и письменности славянских народов весьма успешно развивалась в чешских землях. К концу XIX в. изучение славянства достигло достаточного высокого уровня и в России, особенно в позитивистских трудах по истории и культуре, но после революции 1917 г. стало быстро угасать⁶⁷.

Межвоенная Чехословакия, словно принимая эстафету от России и Австро-Венгрии, развернула масштабные славянские исследования. В Прагу эмигрировали многие русские ученые-слависты. Они получали субсидии от правительства Первой республики, работали в Русском свободном университете⁶⁸, открытым чехословацким правительством. В межвоенный период именно Прага не только сохранила, но и укрепила свою репутацию ведущего славистического центра Европы.

В-третьих, славянская традиция имела настолько глубокие корни в научной мысли чехов и словаков, что смогла сохранить приоритетное положение вплоть до конца 1980-х гг. Именно чехословацкой историографии, на мой взгляд, принадлежало первенство в осмыслении славянской идентичности в Центральной Европе.

В-четвертых, основатель Первой Чехословацкой республики Томаш Гарриг Масарик (1850–1937 гг.) оставил значительное интеллектуальное наследие, в том числе труды о роли России в политической истории не только его страны, но и всей Европы. Он уделял большое внимание разработке моральных ценностей и идеологии чехословацкой нации, оказывая сильное влияние на методологию национальной историографии⁶⁹.

⁶⁷ Лантева Л. П. Кризис славяноведения в России в период с 1917 до середины 30-х годов // *Slavia*. 2010. Roč. 79. S. 167–180.

⁶⁸ *Československá slavistika v letech 1918–1939* / red. F. Hejl. Praha, 1977. S. 11–13.

⁶⁹ Фурсов А. И. Чехословакия-68 и вокруг. Размышления историка 40 лет спустя... // Политический класс. 2008. Т. 8 (44). С. 31–47 ; *Сератионова Е. П.* Томаш Гарриг Масарик // Пленники национальной идеи : политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.) / отв. ред. М. Д. Ерещенко. М., 1993. С. 119–136 ; *Ее же.* Чешские земли, чехи и немецкий вопрос (1918–1945 годы) // *Славяноведение*. 2000. № 5. С. 43–51 ; *Ее же.* Т. Г. Масарик и К. Крамарж: отношение к России // *Европейские сравнительно-исторические исследования* / отв. ред. Ар. А. Улуян. М., 2002. Вып. 1 : Европейское измерение политической истории. С. 124–144 ; *Ее же.* Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик // До и после Версаля : политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2009. С. 322–329. Личности Т. Г. Масарика посвящено большое количество исследований российских ученых.

Научное наследие Т.Г. Масарика вбирает в себя политические, исторические и социологические труды, философские размышления, культурологические эссе. В них ощущаются не только академические подходы, но и пульс времени, те насущные задачи, которые он решал, как лидер чешской политики, вовлеченный в борьбу партий и идей. Действительно, политика буквально пропитывала всю ткань его научных исследований. Тем интереснее их изучать, поскольку работы Т.Г. Масарика во многом способствовали созданию особых славянских кодов в коллективной памяти народов Центральной Европы.

О Масарике написаны сотни исследований, среди которых отдельное направление посвящено его взглядам на славянскую идентичность⁷⁰. Он давал ответы на вопросы, десятилетиями волновавшие чешское общество. Как относиться к панславизму? Как соотносить славянскую, чешскую и чехословацкую идентичности? Какое место занимает славянская идея в системе национальных приоритетов? Как воспринимать Россию?

Т.Г. Масарик признавал расширительное толкование понятия «панславизм», несмотря на накал полемики с австро-немецкой публицистикой. В знаменитом труде «Россия и Европа» (первое издание – в 1918 г., Вена) он подчеркивал, что национальное возрождение славянских народов с самого начала имело «более или менее выраженную панславистскую программу»⁷¹. Первые опыты Т.Г. Масарик расценивал как «академический панславизм», который впоследствии был заменен осознанным «чешством» (*češství* – по его терминологии). «Малым панславизмом» он называл австрославизм⁷². Разработанная Т.Г. Масариком типология развития славизмов в России и Европе была похожа на концепцию русского академика либерального направления А.Н. Пыпина, изложенную им в книге «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878; 1903). Хотя сам Т.Г. Масарик на эту работу не ссылался. Возможно, оба ученых пришли к схожим выводам самостоятельными путями.

Типология славизмов в России включала, по мнению Т.Г. Масарика, следующие направления: славянофильство, западничество, панрусизм, консерватизм.

⁷⁰ В материалах российско-чешской комиссии историков (2016) тему славянских исследований Т.Г. Масарика поднимают известные ученые двух стран: *Доббек В.* Динамика критики антидемократического режима: Т. Г. Масарик, Э. Бенеш и большевистская революция // Россия и Чехия : научные, культурные и общественные связи : материалы комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики / редкол.: Е. И. Пивовар [и др.]. СПб., 2016. С. 82-110 ; *Задорожнюк Э. Г.* Идеи Т. Г. Масарика о государственности малых народов и славянской федерации: история и современность // Там же. С. 110–137 ; *Ее же.* Т. Г. Масарик и Россия // Россия в глазах славянского мира / отв. ред. А. В. Липатов. М., 2007. С. 188–208. См. также: *Opat J.* Průvodce životem a dílem T. G. Masaryka : česká otázka včera a dnes. Praha, 2003. 534 s.

⁷¹ *Masaryk T. G.* Rusko a Evropa. 2., opr. vyd. Praha, 1930. D. 1. S. 472.

⁷² *Ibid.* S. 476 : "...panslavism, jakožto neurčity kosmopolitism, byl nahrazen plně uvedomělým češtvím, na místo "velikého" panslavismu byl postaven panslavism "malý", totiž austoslavism" (...панславизм как некий неопределенный космополитизм был заменен сознательным чешством, вместо «большого» панславизма был создан панславизм «малый»).

Славянофильство он воспринимал как консервативную философскую систему – «особый тип русского романтизма» с абсолютизацией православия и «классического национализма»⁷³. В отличие от славянофилов, для западников (П.Я. Чаадаев, Н.Г. Чернышевский, А.Н. Герцен) славянская идея не имела ключевого значения. Скорее она использовалась ими для доказательства тезиса, что Россия сама способна воплотить социализм и омолодить Европу⁷⁴. К панруссистам Т.Г. Масарик относил М.П. Погодина и С.В. Шевырева, доказывая их принципиальное отличие от славянофилов⁷⁵. Консервативная доктрина в России, по его мысли, подменяла религиозные размышления «официальным клерикализмом и русификаторской церковной политикой Синода»⁷⁶. Он резко критиковал русский консерватизм, называя его «официальной теократией с национально-шовинистическим содержанием»⁷⁷.

По политическим взглядам Т.Г. Масарик был близок к русским либералам. Неудивительно, что он воспринимал российский консерватизм, к которому относил М.Н. Каткова, К.П. Победоносцева, Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, сквозь призму либеральной критики и использовал ту же аргументацию. Он не понял и не хотел понять природы российского консерватизма, подчеркивая в нем только «реакционное начало».

В 1921 г. один из первых исследователей творчества Т.Г. Масарика, чешский ученый А. Черны проанализировал русские источники его воззрений. Он доказал, что идеи В.С. Соловьева, М.Н. Милюкова, Н.И. Кареева оказали наибольшее влияние на формирование концепции «критического славянства» Т.Г. Масарика⁷⁸. Вслед за русскими либеральными мыслителями Т.Г. Масарик повторял, что в России первично «чувство национальности», а все славянские идеи вторичны. Само влияние русских панславистов было, по его мнению, сильно преувеличено западной публицистикой, намеренно нагнетавшей «русско-славянскую угрозу» в европейском обществе. На самом деле панславистские увлечения разделял, по его мнению, довольно узкий круг интеллигенции. В качестве доказательства Т.Г. Масарик указывал на провал неославизма (по его терминологии – «панславистского славянофильства») в России в начале XX в.⁷⁹

Гораздо большее внимание он уделял изучению природы коллективных идентичностей в Австро-Венгрии. Пристально всматриваясь в современное ему общество,

⁷³ Масарик особо подчеркивал: «Славянофильский мессианизм не тождественен национальному шовинизму и национальному панславизму» (Ibid. S. 496, 504).

⁷⁴ Ibid. S. 620–622.

⁷⁵ Ibid. S. 492.

⁷⁶ Ibid. S. 492.

⁷⁷ Ibid. D. 2. S. 269.

⁷⁸ Černý A. Masaryk a slovanstvo. Praha, 1921. S. 20–25.

⁷⁹ Masaryk T. G. Rusko a Evropa. D. 1. S. 496.

Т.Г. Масарик делал вывод, что национальное сознание наиболее успешно распространяется там, где резче проявляются контрасты «Своего» и «Чужого». В остром соприкосновении с «Другими» общество начинает на подсознательном уровне, а затем все более осмысленно понимать, где проходят границы собственной идентичности. Фактор неравенства всегда был стимулом национальной борьбы. Это обрекало многосоставные государства либо на поиск консенсуса, либо на распад.

Но одновременно действовал и другой фактор, сдерживавший процессы фрагментации и сепаратизма. Общая практика повседневной жизни разнородных сообществ в одном государстве, историческая привычка к совместному проживанию. Подобная дихотомия, подмеченная Т.Г. Масариком, действительно оказывала влияние на все стороны жизни «старой доброй Австрии». Сепаратизм удивительным образом уравнивался историческим сознанием общей родины. Будучи искушенным политиком, он прекрасно осознавал, как важно находить баланс между национальными и общегосударственными интересами. Но реализовать этот опыт в политической практике Первой республики так и не смог, наделив чехов доминирующим статусом в новом государстве.

Чешский крен проявлялся и в оценках внутренних ресурсов словацкой политики, явно недооцененной Т.Г. Масариком. Он не скрывал критичного отношения к идее славянской взаимности, созданной словаком Яном Колларом. В труде «Чешский вопрос» (2003) Масарик доказывал, что это лишь повторение идей немецкого философа Иоганна Готфрида Гердера, к которым было добавлено собственное понимание славянского мессианизма. Он критиковал Коллара за «философско-историческую двойственность», колебание между «гуманистической взаимностью и панславизмом национального толка»⁸⁰. Учение Коллара, в котором воспевалась идентичность «татранских славян» (словаков), расценивалось им как вызов доктрине «чехословакизма», согласно которой чехи, словаки и мораване образуют единый народ. На этом идеологическом фундаменте возводилась Первая республика в межвоенный период. Иные толкования воспринимались как эклектичные и неполноценные.

Неудивительно, что в трудах Масарика последовательно проводилась мысль, что именно чешские слависты Йозеф Добровский и Павел Шафарик оказали прямое влияние на мировоззрение Яна Коллара и создали «академический панславизм» в противовес пангерманскому движению⁸¹.

⁸⁰ *Opat J.* Op. cit. S. 118–119 ; *Masaryk T. G.* Jana Kollára Slovanská vzájemnost // *Naše doba.* 1894. Roč. 1. S. 724–726.

⁸¹ *Ibid.*

В сравнительных исследованиях Масарик нередко использовал один и тот же прием, противопоставляя идеи словака Яна Коллара и чеха Карела Гавличека-Боровского. Так выстраивалась дихотомия двух начал – «умозрительного, общеславянского» и национального, чешского. Эволюция славянской идеи была представлена им как непрерывная традиция: Йозеф Добровский – Ян Коллар – Карел Гавличек-Боровский – Франтишек Палацкий. Согласно концепции Масарика, первые формы проявления патриотизма имели общеславянские черты, но постепенно из них стала выкристаллизовываться чешская идентичность и понимание собственных национальных интересов. Он ставил также в вину Я. Коллару антагонистическое противопоставление немцев и славян. Такой подход, по его мнению, создавал «барьеры на пути к чешскому равноправному положению в Австро-Венгрии»⁸².

Т.Г. Масарик предлагал другое видение славянской идентичности, удачно используя две метафоры. Если в первой половине XIX в. многие разделяли позицию ученого-слависта Йозефа Юнгмана – «славянин и патриот», то после революции 1848 г. под влиянием идей Ф. Палацкого и К. Гавличека-Боровского укрепилось другое убеждение – «чех, не славянин»⁸³. Во многом благодаря трудам Масарика и его политическому авторитету в коллективной памяти чехов закреплялась общая установка: гуманистическая, но абстрактная идея славянства неизбежно должна была переродиться в чешскую национальную идею.

В эту линейную схему был вписан дискуссионный сюжет о русофильстве австрийских славян. Масарик и здесь нашел объяснение, намеренно упрощая всю его сложность и многогранность. Согласно его объяснениям, в первой половине XIX в. австрийские славяне идеализировали Россию, испытывая «естественные надежды на самосохранение», «русославизм или русофильский панславизм, или прямо панрусизм»⁸⁴. Но постепенно осознали, что нужно верить только в собственные силы.

Таким образом, концепция «критического славянства» Т.Г. Масарика, которую он последовательно развивал с конца XIX в. вплоть до 1920-х гг., включала три основных компонента. Во-первых, обоснование последовательного перехода от общеславянской к национальной идентичности у народов монархии Габсбургов. Во-вторых, осмысление

⁸² *Masaryk T. G. Rusko a Evropa. D. 1. S. 473.* О противостоянии чехов и немцев много писали в межвоенный период. См.: *Bittner K. Herders Geschichtsphilosophie und die Slawen. Reichenberg, 1929. 150 S.* ; *Ergang R. R. Herder and foundation of German nationalism. New York, 1931. 288 p.* ; *Wiskemann E. Czechs and Germans. London ; New York, 1938. 299 p.* ; *Krebs H. Kampf in Böhmen. Berlin, 1936. 228 S.* ; *Radl E. Der Kampf zwischen Tschechen und Deutschen. Reichenberg ; Böhmen, 1928. 208 S.*

⁸³ *Masaryk T. G. Jana Kollára Slovanská vzájemnost. S. 754.*

⁸⁴ *Ibid. S. 739.*

общности малых народов, проживавших на территории монархии Габсбургов, их общего исторического опыта и политических интересов. В-третьих, либеральную интерпретацию развития славянской идеи в России. Эта триада не только не развеялась со временем в чехословацкой историографии, но, напротив, еще глубже вошла в концептуальное пространство исторической науки. По сути, она стала той безусловной позицией *a priori* в последующих исторических исследованиях, которая уже не требовала дополнительных доказательств, а принималась не только учеными, но и обществом как достоверное явление.

Несмотря на видимые искажения и политизацию, концепция «критического славянства» Масарика стала особым явлением в национальной историографии, вызвав резкую поляризацию исследовательских позиций. С межвоенного времени до конца 1960-х гг. чехословацкая историография развивалась в дискуссиях о смыслах славянской идеологии и политики. Несмотря на то, что высказывались различные взгляды, политическая актуализация темы «Славянство и Россия» была характерна для всех направлений. Это была как раз та ситуация, когда грани между исторической наукой, коллективной памятью и политикой оказались подвижными, трансформируясь под влиянием международных процессов.

В труде профессора Пражского университета Ярослава Бидло «История славянства» было показано, как пространство Восточной Европы соединяет в себе влияния «греко-славянского» и «романо-германского» культурно-исторических типов. Славянская идея, по его мнению, сыграла важнейшую роль в становлении идентичностей славянских народов, без нее не смогла сформироваться ни одна из современных славянских наций⁸⁵. Но общеславянские мотивы изжили себя, констатировал этот авторитетный ученый, во главу угла нужно ставить сугубо национальные интересы.

В противовес этому подходу звучали другие мнения. Знаток творчества Коллара Милош Вайнгарт выступал с идеей создания особой «науки о славянской взаимности», занимающейся комплексным анализом синхронных процессов в развитии славянских культур, политики и общественных устремлений. М. Вайнгарт предлагал разработать вертикальную и горизонтальную шкалу для сравнительного изучения трансформаций славянских идей и теорий. Следующей ступенью должен был стать более сложный синтез социологических и структурных методов. По его мнению, изучение синхронных и асинхронных процессов позволило бы лучше понять динамику европейской истории⁸⁶. Эти идеи вообще были характерны для межвоенного времени, когда среди гуманитариев

⁸⁵ *Bidlo J. Dějiny slovanstva. Praha, 1927. S. 255–256.*

⁸⁶ *Weingart M. Slovanská vzájemnost. Bratislava, 1926. S. 192.*

доминировало представление, что развитие человечества можно измерять циклами и закономерностями.

Иное понимание славянского фактора в европейской политике содержалось в трудах известного политика Карела Крамаржа⁸⁷. В определенной степени он был антиподом Т.Г. Масарика. Активно продвигал общеславянские идеи в конце XIX – начале XX в. Имел обширные связи в российских политических и торгово-финансовых кругах. Крах Российской империи отразился на его политической карьере, стал личным крахом его надежд и общественных проектов. В отличие от Т.Г. Масарика, он высоко оценивал влияние славянской идеи на чешское движение. Будучи убежденным русофилом, К. Крамарж так и не принял русской революции. Он считал, что Российскую империю погубила антигосударственная «фронта интеллигенции», но не был склонен идеализировать и монархию Романовых, критикуя бездарную социальную политику, коррумпированность государственной бюрократии, приверженность высшей власти к традиционализму и опасение либеральных реформ. В то же время К. Крамарж отдавал должное последовательной славянской политике России, которая была направлена на защиту интересов зарубежных славян, их моральную и финансовую поддержку⁸⁸.

В 1927 г. был создан Славянский институт в Праге, целью которого стало комплексное изучение культуры, истории и политики славянских народов. На страницах его изданий постоянно разворачивалась полемика между сторонниками и оппонентами концепции критического славянства. Даже в трагический для Чехословакии 1938 год в материалах Славянского института, посвященных столетнему юбилею трактата Ян Коллара о славянской взаимности, снова сталкивались два подхода. В статье ученого из Братиславы Франка Воллмана в очередной раз выстраивалась типология идей славянского мессианизма. Он не признавал существование цельной панславистской доктрины, но указывал на существование двух исторических «доминант». Первая – «интеграционная», рожденная из осознания общности всех славян. Вторая – «дифференциальная», возводящая «в абсолют индивидуализм каждого славянского народа». По мнению Ф. Воллмана, она чужеродна и была привнесена западным влиянием. В душе каждого славянина происходит «диалектическое взаимодействие этих двух доминирующих начал». Развитие

⁸⁷ На мой взгляд, наиболее яркие современные исследования, посвященные К. Крамаржу, были изданы в Германии и России, несмотря на то, что библиография насчитывает несколько десятков книг. См.: *Winkler M. Karel Kramář (1860–1837) : Selbstbild, Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers. München, 2002. 413 S. ; Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия, 1890–1937 годы. М., 2006. 510 с.*

⁸⁸ *Kramář K. Ruská krize. Praha, 1921. 584 s. ; Idem. Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. 112 s. ; Idem. Na obránu slovanské politiky. Praha, 1926. 107 s.* Взгляды К. Крамаржа подробно проанализированы в книге: *Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. С. 322–380.*

славянских народов виделось автору как непрерывная цепь сменяющих друг друга идеологических систем – интеграционной и дифференционной⁸⁹.

Славяноцентричный подход резко критиковал А. Штефанек, который подчеркивал, что формирование чехословацкой нации основывается «на национальном сознании, а не на отвлеченных славянских построениях»⁹⁰. А. Штефанек выступал с позиций «критического славянства», как и ученые-слависты М. Мурко, Й. Горах, Я. Якубец⁹¹. Ему была созвучна тональность книги Йозефа Ирасека «Россия и мы» (1929 г.), которая доказывала, что в основе чешского русофильства было «сознание собственной малочисленности и слабости», в то время как в России интерес к чехам был вызван «только желанием утвердить там православие»⁹². Односторонность этого вывода не смущала автора, который не вдавался в тонкости анализа русских источников и доводил постулаты Т.Г. Масарика до ригористических формулировок.

В острые дискуссии включались и новые силы. Основным представителем коммунистического направления в чехословацкой историографии выступал Зденек Неядлы. В чешском русофильстве он предложил новую классификацию по классовому признаку: «реакционное царфильство» и «прогрессивную, революционную борьбу». Критерием служило польское национальное движение. З. Неядлы вообще позволял себе произвольные политические аналогии и метафоры. Польское движение XIX в. он напрямую ассоциировал с современной ему советской Россией. А сам открыто признавал, что идеалом славянской взаимности является Советский Союз⁹³. По сути, это была попытка противопоставить концепции критического славянства, имевшей много сторонников среди историков и политиков - концепцию революционного славянства, получившей распространение среди коммунистов Восточной Европы но и в советской историографии.

Полонофильский подход был также характерен для первой книги Вацлава Жачека, изданной в 1935 г. в Славянском институте. Полонофильство в чешской патриотической среде отражало, по мнению автора, освободительную, «прогрессивную тенденцию»,

⁸⁹ *Wollman F. Kollárův mesianismus // Slovanská vzájemnost, 1836–1936 / uspoř. J. Horák. Praha, 1938. S. 34–59.* Эти же идеи Ф. Воллман высказывал в своей книге: *Idem. K metodologii srovnávací slovesnosti slovanské. Brno, 1936. S. 39, 56–57.*

⁹⁰ *Štefánek A. Kollárův nacionalismus // Slovanská vzájemnost, 1836–1936. S. 378–379.*

⁹¹ *Murko M. Jan Kollár, der Dichter und philosophische Begründer des literarischen Panslavismus // Murko M. Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhmischen Romantik. Graz, 1897. S. 226; Idem. Slovanská myšlenka před Kollárem // Slovanská vzájemnost... S. 71–78.*

⁹² *Jirásek J. Rusko a my : studie vztahů československo-ruských od počátku 19. století do r. 1867. Praha, 1929. D. 1. S. 180–193.*

⁹³ *Nejedlý Z. České rusofilství // Nové Rusko. 1925. № 1. S. 50–54 ; Idem. Slovanství // Var. 1925–1926. Roč. 4, č. 17. S. 497–498.*

которой противостояла «реакционная» идея интеграции славянских народов под эгидой царской России⁹⁴. Так закладывалась новая система координат в осмыслении славянской идеологии. Если в имперской традиции центром «славянского мира» мыслилась Россия, то в коммунистической историографии 1920-30-х гг. ее замещала революционная Польша. Эта смена акцентов неизбежно вела к искажению исторической реальности, но облегчала национальным историографиям Восточной Европы поиск оптимальных ориентиров. Можно было отойти от неудобных дискуссий о роли Российской империи и перенести внимание на революционные смыслы национальных движений.

Таким образом, концепции чехословацкой историографии, несмотря на кипящие дискуссии и противостоящие позиции, так или иначе выстраивались вокруг тех вопросов, которые были поставлены в трудах Т.Г. Масарика. Ученые пытались найти на них ответы в зависимости от профессионального опыта и личных убеждений. За рассуждениями об исторических судьбах славянской идеи прослеживались острые общественные дискуссии о молодой чехословацкой демократии, ее отношении к своему прошлому и к советской России.

1.1.3. Кризис славяноведения в марксистской исторической науке в СССР

В России после революций новая историография создавалась на основе синтеза трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина – учения марксизма-ленинизма. Социально-экономическая теория Маркса и теория революции, разработанная Лениным, были в упрощенной форме сведены в общую методологию классовой борьбы и формационного подхода.

Исследования истории монархии Габсбургов не избежали общей участи. В основу были положены высказывания Маркса и Энгельса, опубликованные в газете “*Neue Rheinische Zeitung*” в период революций 1848–1849 гг. Тогда они призывали к пангерманскому маршу против «реакционных славян» и царской России, а также резко критиковали политику Габсбургов⁹⁵. Негативные суждения Маркса и Энгельса о

⁹⁴ *Žáček V.* Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935. S. 26–28.

⁹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Статьи из “*Neue Rheinische Zeitung*” 1 июня – 7 ноября 1848 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1956. Т. 5. С. 83–85, 160–162, 212–215, 391–393, 401–402, 488–489, 490–491, 492–494 ; *Их же.* Статьи из “*Neue Rheinische Zeitung*” 9 ноября 1848 – 19 мая 1849 г. // Там же. М., 1957. Т. 6. С. 175–180, 208–209, 289–306, 357–359, 409–412, 550–560 ; *Энгельс Ф.* Начало конца Австрии // Там же. М., 1955. Т. 4. С. 471–478 ; *Его же.* Революция и контрреволюция в Германии : Гл. VIII : Поляки, чехи и немцы ; Гл. IX : Панславизм. Шлезвиг-Гольштейнская война // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения : в 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 355–362 ; *Его же.* Большой человек Австрии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1959. Т. 15. С. 132–135 ; *Маркс К.* Россия использует Австрию. Варшавский конгресс // Там же. С. 183–186 ; *Энгельс Ф.* Австрия. Развитие революции // Там же. С. 242–245.

«реакционной сущности» славянских народов стали постулатом для ранней советской исторической школы. Один из ее основоположников М.Н. Покровский утверждал, что панславизм и поддержка славянских движений служили «реакционным целям царского правительства»⁹⁶.

Особое значение имели негативные оценки Австро-Венгрии как «тюрьмы народов» в трудах В.И. Ленина, где он анализировал пути решения национального вопроса в многосоставных государствах⁹⁷, что надолго определило позицию советской историографии. Критика, построенная по эталонному для марксизма-ленинизма классовому принципу, распространялась на все империи, но ее острее было направлено прежде всего против Российской империи. Как точно подметил петербургский историк Борис Миронов, до середины 1930-х гг. в советских исследованиях по имперской проблематике доминировала установка: «Российская империя – тюрьма народов и абсолютное зло», сформулированная школой М.Н. Покровского. Потом «ее сменила предложенная И.В. Сталиным парадигма “Российская империя – наименьшее зло”, согласно которой вхождение народов в Российскую империю представляло собой добровольный по преимуществу выбор ими России как “наименьшего зла”»⁹⁸. Большевики отвергали исторический опыт царской России, обвиняя династию Романовых и правительство в «империалистических устремлениях» и развязывании Первой мировой войны. Соответственно, панславизм был объявлен инструментом агрессивной внешней политики царской России.

Смена парадигмы в исторической науке не обошла и славяноведение. Идеологи марксизма-ленинизма видели в нем продукт «реакционного панславизма». Многие видные ученые (А.Л. Погодин, В.А. Францев, И.В. Ястребов и др.) вынуждены были эмигрировать. Российские университеты накрывали одна за другой волны реорганизации, проводились чистки «буржуазных кадров», на смену которым приходила «красная профессура» – носители марксистско-ленинской методологии. Академия наук была

⁹⁶ Покровский М. Н. Погодин // Историческая наука и борьба классов. М. ; Л., 1933. Вып. 2. С. 44–47 ; *Его же*. Панславизм на службе империализма // Правда. 1927. 26 июня.

⁹⁷ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полное собрание сочинений (далее – ПСС). Изд. 5-е. М., 1973. Т. 24. С. 113–150 ; *Его же*. Либералы и демократы в вопросе о языках // ПСС. Т. 23. С. 423–426 ; *Его же*. Национал-либерализм и право наций на самоопределение // ПСС. Т. 24. С. 247–249 ; *Его же*. О развращении рабочих утонченным национализмом // ПСС. Т. 25. С. 144–147 ; *Его же*. Тезисы по национальному вопросу // ПСС. Т. 23.

С. 314–322.

⁹⁸ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1. С. 78.

лишена автономии⁹⁹. Академик Н.С. Державин пытался было возродить традицию комплексных исследований в созданном им в 1931 г. Ленинградском институте славяноведения. Он предполагал развернуть историю классовой борьбы в новых славянских странах, образованных Версальской системой. Славянское языкознание должно было воспроизводить классовый подход, стать проекцией будущих революционных взрывов. Однако амбициозный проект долго не просуществовал. Уже в середине 1930-х гг. разразилось «Дело славистов», по которому были арестованы более 70 ученых в Москве и Ленинграде, а институт закрыли¹⁰⁰.

х х х

Таким образом, политические реалии межвоенного периода кардинально изменили матрицу исторического анализа. На исторических исследованиях резко отпечатались интеллектуальные надрывы и разломы обществ, тяжело преодолевавших послевоенные синдромы и создававших новую реальность на основе отрицания прежней. Историческая наука вольно или невольно превращалась в инструмент новой государственности, множившейся на руинах прежних империй. Политики и идеологи, создававшие новый мир в отдельных национальных государствах, искали и находили в историческом прошлом подтверждения жизнеустойчивости и значимости именно своего народа. История великих империй разрывалась на национальные нарративы, либо предаваясь забвению, либо подвергаясь ожесточенной критике.

Неудивительно, что именно в этот период были созданы упрощенные историографические мифы, востребованные разными идеологическими системами уже в период холодной войны: миф о «великой революции» как высшей созидательной силе; о национальном и социальном равноправии; об империях как неизбежном зле и «тюрьмах народов»; дихотомия «национального» и «общегосударственного»; политический панславизм как пролог Первой мировой войны; ключевая роль российско-австрийского противостояния в развязывании мировой войны; девальвация русофильства среди зарубежных славян; дискредитация славянской политики России; противопоставление «общеславянского» и «национального». Эти «черно-белые образы» формировали особую напряженность в исторической науке. Подобная упрощенность и линейность в

⁹⁹ См. подробнее: *Лаптева Л. П.* Кризис славяноведения в России в период с 1917 до середины 30-х годов. С. 167–180 ; *Аксенова Е. П.* Очерки из истории отечественного славяноведения, 1930-е годы. М., 2000. 222 с ; *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. 429 с. ; *Горяинов А. Н.* В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. 318 с.

¹⁰⁰ *Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 88–206.

осмыслении исторической реальности легко усваивались молодым поколением историков и были востребованы новыми государственными идеологическими системами.

1.2. Славянский фактор и образы империй в исторической науке в эпоху холодной войны

1.2.1. Реконструкция истории монархии Габсбургов в австрийской историографии в 1950-80 гг.

Вторая мировая война и десятилетняя оккупация Австрии союзными державами по антигитлеровской коалиции стали рубежом в истории австрийского общества. Во-первых, Австрия оказалась в фокусе повышенного внимания Москвы и Вашингтона. Обе державы хорошо понимали геополитическое и символическое значение Вены для народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Процессы советизации и установления коммунистических режимов в этом регионе выдвинули на первый план вопрос о судьбе исторического наследия Австро-Венгрии. Большая часть стран находилась в зоне советского влияния, а Австрия оказалась на границе двух формировавшихся мировых систем. После тяжелого дипломатического противостояния между СССР и США, длившегося 10 лет, мирный договор был подписан. Страна обрела суверенитет и вместе с ним – нейтральный статус¹⁰¹.

Это обстоятельство вызвало резкую политизацию темы Габсбургской монархии и размежевание методологических позиций между историками Востока и Запада. В условиях холодной войны сама постановка темы Австро-Венгрии как интеграционного ядра региона Центральной и Юго-Восточной Европы воспринималась как исторический вызов.

Во-вторых, после Второй мировой войны австрийское общество остро нуждалось в формировании новой коллективной идентичности, которая освободила бы его от идей о тевтонской расе и германо-австрийской общности. Требовалось «самоочищение», по выражению австрийского академика Адама Вандрушки, чтобы осознать свое место в мире и по-новому осмыслить историческое прошлое, восстановив континуитет между монархией Габсбургов и Второй республикой¹⁰².

В-третьих, в 1950–1960-е гг. развернулись дискуссии между сторонниками европейского федерализма и защитниками национального суверенитета. Закручивался

¹⁰¹ *Ruggenthaler P.* Warum Österreich nicht sowjetisiert werden sollte // *Die Rote Armee in Österreich* / hrsg. von St. Karner, B. Stelzl-Marx. Graz ; Wien, 2005. S. 61–91 ; *Pavlenko O.* Österreich im Kraftfeld der sowjetischen Diplomatie, 1945 // *Ibid.* S. 565–603.

¹⁰² *Wandruszka A.* Planung und Verwirklichung // *Die Habsburgermonarchie, 1848–1918.* Wien, 1973. Bd. 1 / hrsg. von A. Brusatti [et al.]. S. XII.

первый виток процесса европейской интеграции. В этом контексте вековая история монархии Габсбургов воспринималась как оптимальная модель сосуществования европейских народов. Такой подход был актуализирован объединительными настроениями в Западной Европе. Требовалось его осмыслить и выработать новую концепцию имперской истории.

Наконец, именно в 1950-е гг. в западной историографии стало набирать силу направление, изучавшее формы национализма с применением методов социальной психологии и историко-социологического анализа. Мультиэтнический материал Австро-Венгрии стал бездонным источником сравнительных аналогий и обобщений. На его основе Карл Дойч провел одно из первых системных исследований форм национального сознания¹⁰³. Английский исследователь Э. Баркер сопоставил «биологически неизменную природную сущность» и мобилизационные навыки общества, используя имперский опыт Великобритании и Австро-Венгрии. Монархия Габсбургов на страницах его книги вступала как искусственно созданный конгломерат отдельных культур, языков, традиций, не связанных общей исторической основой, без внутренней скрепляющей связи. Удержать все эту конструкцию, по его мнению, можно было только авторитарными методами. Встав на путь парламентаризма, государственная власть, по мысли автора, обрекла себя на внутреннюю эрозию и будущий распад¹⁰⁴. Правда, такой критический подход не привился в последующих интерпретациях габсбургского прошлого.

Первая фаза становления историографии Австро-Венгрии заняла примерно двадцать лет – с начала 1950-х до начала 1970-х гг. Постепенно формировалась сеть университетов и академических центров, которые приступили к разработке общих концептуальных основ и понятий. В начале этого пути стояли два ученых, благодаря личному энтузиазму и авторитету которых развернулась масштабная исследовательская программа, – профессор новейшей истории Венского университета Хуго Хантч и американский ученый австрийского происхождения Роберт Канн.

В 1952 г. была вновь создана Австрийская академия наук. Фонд Дж. Рокфеллера предложил основать международный центр по изучению Австро-Венгрии. В Вене было открыто представительство фонда, которое возглавил Хуго Хантч, автор первой послевоенной «Истории Австрии»¹⁰⁵. В 1957 г. он посетил более 20 американских университетов, чтобы привлечь ученых, эмигрировавших в США из Центральной Европы. В рамках Американской исторической ассоциации был учрежден Комитет США по

¹⁰³ *Deutsch K. W.* Nationalism and social communication. Cambridge, 1953. P. 7–10, 155.

¹⁰⁴ *Barker E.* National character and the factors in its formation. 4th, rev ed. London, 1948. P. 248–249, 254.

¹⁰⁵ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. Graz ; Wien, 1950. Bd.1–2.

поддержке исследований Габсбургской монархии, председателем которого стал Роберт Канн. Становилось понятно, почему именно США готовы оказывать финансирование проекту реконструкции истории Австро-Венгрии: чтобы противопоставить идеологии советизации в странах Восточной Европы концепцию «центрально-европейской общности», ядром которой была Вена. На начальной стадии важно было преодолеть дискриминационную установку в историографиях Центральной Европы, что монархия Габсбургов была «тюрьмой народов».

На становление нового направления особое влияние оказали труды Роберта Канны¹⁰⁶. В центр внимания он поставил «Компромисс» как ключевой фактор в понимании логики государственного управления Австро-Венгрией. Компромисс определял отношения Центра с национальными провинциями, был регулирующим принципом во взаимоотношениях династии с бюрократией, религией, армией, аристократией. Канн доказывал, что монархия была не «тюрьмой народов», а их общим домом, в котором национальные общности развивались в сравнительно благоприятных политических и экономических условиях¹⁰⁷. Другой американский ученый, эмигрировавший в США из Австрии, Карл Шорске, написал классический труд о венской эпохе “Fin de siècle”¹⁰⁸, открыв дискуссию о корнях австрийского модерна и специфике модернизации монархии Габсбургов¹⁰⁹.

В послевоенной Австрии общественный запрос на реконструкцию имперского прошлого был поддержан государственной властью, понимавшей важность его переосмысления в исторической памяти общества. В 1958 г. Хантч совершил поездки по университетам и исследовательским центрам Великобритании, Франции, Швейцарии. Австрийские ученые стремились вывести проблематику Австро-Венгрии на международный уровень. Был подготовлен меморандум из 13 пунктов «Габсбургская монархия и проблема наднационального государства», ставший основой деятельности новой Комиссии по истории монархии в системе Академии наук, которую возглавил

¹⁰⁶ *Stourzh G.* The multinational Empire revisited: reflections on the late imperial Austria // *Austrian history yearbook*. 1992. Vol. 23. P. 1–22.

¹⁰⁷ *Kann R. A.* The multinational Empire. New York, 1950. Vol. 1–2 ; *Idem.* Werden und Zerfall des Habsburgerreiches. Wien ; Köln, 1962. 283 S. ; *Idem.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie : Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918. 2. erw. Aufl. Graz : Köln, 1964. Bd. 1–2 ; *Idem.* Kaiser Franz Joseph und der Ausbruch des Weltkrieges. Wien ; Köln ; Graz, 1971. 23 S. ; *Deutschland und Österreich : ein bilaterales Geschichtsbuch / hrsg. von R. A. Kann, F. E. Prinz.* Wien ; München, 1980. 596 S ; *Kann R. A.* Erzherzog Franz Ferdinand Studien. Wien, 1976. 256 S. ; *Idem.* Geschichte des Habsburgerreiches, 1526–1918. 2. Aufl. Wien ; Köln ; Weimar, 1982. 617 S.

¹⁰⁸ “Fin de siècle” – «конец века» (франц.). Период 1890–1910 гг. в истории европейской культуры. В России этот период более известен как «Серебряный век».

¹⁰⁹ *Шорске К. Э.* Вена на рубеже веков: политика и культура. СПб., 2001. 509 с.

Хантч. На первом этапе было невозможно отделить мифографию о «великом государстве» и научные методы. Даже строго академические исследования пронизывали ностальгические рефлексии.

В мае 1960 г. Хуго Хантч выступил в Австрийской академии наук с программным докладом о перспективах изучения Габсбургской монархии¹¹⁰. На его основе был разработан проект исследования общего исторического прошлого с привлечением историков Запада и Востока Европы, представленный на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме. На очередном конгрессе в Вене в 1965 г. проблематика Австро-Венгрии впервые была включена в программу и вызвала серьезную полемику между сторонниками концепции «общего государства и общеавстрийской идеи», с представителями стран Восточной Европы, которые выступали за усиление национального компонента, а также учеными немецкого направления «остфоршунга». Первый опыт больших дебатов показал, насколько различны позиции национальных историографий в восприятии прошлого.

Шестидесятые годы прошли под магией исторических юбилеев – 50-летие начала и окончания Первой мировой войны; 100-летие Австро-венгерского компромисса 1867 г.; 50-летие распада монархии и образования новых государств. В память об этих датах собирались международные конференции и издавались крупные коллективные труды¹¹¹. Наиболее яркой из них стала конференция «Национальная проблема в Габсбургской монархии в XIX веке: критическая переоценка», организованная в 1966 г. в Блумингтоне (США) Чарльзом и Барбарой Елачич. Австрийская и американская школы изучения Австро-Венгрии уже тогда смогли сформировать общую научную среду.

В США сложилась разветвленная инфраструктура научных центров – Комитет США по поддержке исследований по истории Габсбургской монархии, Институт русских и восточноевропейских исследований Университета Индианы, Университет Райса. Важную роль в двустороннем сотрудничестве играли периодические издания – журнал «Австрийский исторический ежегодник», издававшийся в США с 1960 г., а также серия «Исследования по истории Австро-Венгерской монархии» под эгидой Австрийской академии наук.

¹¹⁰ *Hantsch H.* Das Forschungsprojekt zu einer Gesamtdarstellung der Geschichte und Kultur der Österreichisch-Ungarischen Monarchie // *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse.* 1960. № 13. S. 65–74.

¹¹¹ *Die Auflösung des Habsburgerreiches: Zusammenbruch und Neuorientierung im Donauraum* / hrsg. von R. G. Plaschka, K. Mack. München, 1970. 556 S. ; *Der österreichisch-ungarische Ausgleich von 1867 : Vorgeschichte und Wirkungen* / Gesamted. Peter Berger. Wien ; München, 1967. 232 S.

К середине 1960-х гг. был успешно разработан комплексный подход в осмыслении исторических процессов. Понятие «габсбургские исследования» (Habsburg Studies) стало общеупотребимым. Его использовали не только австрийские и американские авторы, но и ряд чешских, венгерских, югославских, румынских и польских ученых¹¹². Однако историографический образ «старой, доброй монархии» был мифологизирован, воссоздавался в патерналистских тонах. На все лады превозносилось династическое государство, в котором Дом Габсбургов с гибкостью и толерантностью управлял всеми нациями и социальными группами¹¹³. В этой идеальной конструкции уместно звучал вопрос, поставленный американским ученым, выходцем из Австрии Гансом Коном: «Были ли крах неизбежным?»¹¹⁴

Вторая фаза комплексных исследований пришлась на начало 1970-х гг., когда стал разрабатываться масштабный проект «Габсбургская монархия 1848–1918». Планировалось издать 9 томов, которые охватывали бы экономическое развитие, социальную структуру, географические и этнические основы, развитие конституционной жизни, политические идеи и партийное строительство, управление и правовую структуру, внешнюю политику, культурную жизнь, роль династии, аристократии и бюрократии. Но с течением времени этот замысел был изменен. После смерти Хантча инициатива перешла к академику Вандрушке.

Первый том по экономике был издан в 1973 г.¹¹⁵ Авторы развернули объемную картину индустриализации, выделили фазы подъемов и финансовых кризисов, рассмотрели региональный, земельный, общегосударственный уровни. Вторым том был уже посвящен управлению и праву в Габсбургской монархии¹¹⁶. В центре внимания оказался феномен австрийской бюрократии, представлявший собой особый общественный слой, на который опиралась государственная система. Этот слой отличался образованностью, имперским патриотизмом, высоким социальным престижем¹¹⁷.

Изучение государственно-правовых основ монархии неизбежно вызывало споры о сущности самой формы управления. До введения дуализма в 1867 г. в официальном делопроизводстве и общественной лексике использовался термин «Австрийская империя». Но с созданием уникального двойного государства, в котором каждая часть

¹¹² Austrian history yearbook. Houston, 1967. Vol. 3 : The Nationality Problem in the Habsburg Monarchy in the Nineteenth Century: a Critical Appraisal, pt. 1–3.

¹¹³ Kann R. The Dynasty and the imperial idea // Ibid. 1967. Vol. 3, pt. 1. P. 11–32.

¹¹⁴ Kohn H. Was the collapse inevitable? // Ibid. 1967. Vol. 3, pt. 3. P. 250–263.

¹¹⁵ Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Wien, 1973. Bd. 1 : Die wirtschaftliche Entwicklung / hrsg. von A. Brusatti. 666 S.

¹¹⁶ Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Wien, 1975. Bd. 2 : Verwaltung und Rechtswesen / hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. 791 S.

¹¹⁷ Wandruszka A. Ein vorbildlicher Rechtsstaat? // Ibid. S. X–XIII.

имела собственную систему управления, неизбежно вставал вопрос: была ли Австро-Венгрия империей?

Р. Канн предложил новый подход, чтобы выйти из бесконечного круга дискуссий. Вместо традиционной дихотомии «национальный – антинациональный» он сделал акцент на государственно-правовую аргументацию по линии «национальный – наднациональный»¹¹⁸. Важно было преодолеть инерцию в восприятии «национализма» как базового фактора модерна и переместить акцент на экономические, политические, правовые и культурные механизмы, приводившие в движение всю государственную жизнь.

Появление книги итальянского ученого К. Магриса, исследовавшего зарождение имперского мифа Габсбургов, формы общественных репрезентаций династии и восприятие власти на основе литературных произведений и изобразительного искусства, стало интеллектуальным прорывом¹¹⁹. Это была первая работа, созданная на основе синтеза исторических и культурологических методов. Постепенно стал намечаться отход от габсбургской мифографии. Росло понимание, что монархии была более свойственна модель «мир – безопасность – правосудие», чем демократическая триада «свобода – равенство – братство»¹²⁰.

В историографии усилился интерес к «культуре функциональной гуманизации жизни»¹²¹. Особое место заняли труды венгерского ученого Питера Ханака¹²². Большой знаток истории и культуры региона, он обосновал понятие «центральноевропейская идентичность» как отражение общности народов Центральной Европы, скрепленной системой габсбургских символов и кодов, независимо от внутренних конфликтов и фобий. В пространстве монархии складывались нормы и традиции взаимного существования на основе консенсуса между национальными элитами и династией. По мнению Ханака,

¹¹⁸ *Kann R. A. Die Habsburgermonarchie und das Problem des übernationalen Staates // Ibid. S. 2.*

¹¹⁹ *Magris C. Il mito asburgico nella letteratura austriaca moderna. Torino, 1963. 336 p. ; Idem. Der habsburgische Mythos in der österreichischen Literatur. Salzburg, 1966. 355 S.*

¹²⁰ *Kiss E. Der Tod der k.u.k. Weltordnung in Wien: Ideengeschichte Österreichs um die Jahrhundertwende. Wien ; Köln ; Graz, 1986. S. 227 ; Bled J.-P. Franz Joseph : der letzte Monarch der alten Schule. Wien ; Köln ; Graz, 1988. S. 562.*

¹²¹ *Rumpler H. Eine Chance für Mitteleuropa: bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997. S. 15.*

¹²² *Die nationale Frage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1900–1918 / red. von P. Hanák. Budapest, 1966. 358 S. ; Hanák P. Ungarn in der Donaumonarchie : Probleme der bürgerlichen Umgestaltung eines Vielvölkerstaates. Wien ; München ; Budapest, 1984. 468 S. ; Idem. The first attempt at the Austro-Hungarian compromise 1860 // Études historiques hongroises, 1975 / comité de réd.: D. Nemes [et al.]. Budapest, 1975. Vol. 1. P. 567–600 ; Idem. Gab es mitteleuropäische Identität in der Geschichte? // Europäische Rundschau. 1986. № 2. S. 115–123 ; Idem. Probleme der Krise des Dualismus am Ende des XIX. Jahrhunderts // Studien zur Geschichte des österreichisch-ungarischen Monarchie / red. von*

V. Sándor, P. Hanák. Budapest, 1961. S. 337–382.

осознание общей исторической судьбы было для народов Центральной Европы формой самозащиты от потенциальной угрозы со стороны великих держав с Запада и Востока¹²³.

Идеи Ханака нашли отражение в третьем томе проекта «История Габсбургской монархии 1848–1918». Работа над такой сложной темой растянулась на 5 лет и была завершена только в 1980 г. Были изданы две части одного тома под общим названием «Народы империи», что свидетельствовало о продолжении острых дискуссий относительно геополитических, национальных и культурно-географических смыслов пространства Габсбургской монархии¹²⁴. Рассматривалось политическое, правовое, социокультурное, демографическое и экономическое развитие народов монархии, как титульных (немцев и венгров), так и других - чехов, поляков, евреев, русинов, румын, хорватов, сербов, словаков, словенцев, итальянцев. Австрийский историк Г. Штурц показал, как нарастала в законодательной сфере борьба за национальное равноправие. Он проанализировал законодательство о правовом положении национальных групп и еще раз подтвердил мнение Канна об их лоббистских возможностях.

Таким образом, в 1950–1980-е гг. во главу угла был поставлен исторический процесс, в котором каждая национальная группа рассматривалась как микрокосмос в своем культурном, экономическом, внутривнутриполитическом и внешнеполитическом развитии. Историческая модель Габсбургской монархии реконструировалась как сложная система взаимодействия многочисленных компонентов государства на разных уровнях – изолированно или тесно переплетаясь, они создавали отдельные или общие, в различных сочетаниях, балансы сил¹²⁵.

1.2.2. Миф о панславизме в западной историографии

Пик интереса к славянскому фактору в истории международных отношений пришелся также на 1950–1960-е гг. Идеология противостояния в эпоху холодной войны придавала изучению этой темы острый политический привкус. Во главу угла ставилась категория «политического противостояния», на основе которой создавалась шкала контрастных оценок. Если в межвоенный период оценки «прогрессивный/реакционный» были скорее казусом в западной историографии, то в 1940–1960-е гг. эта нормативная предвзятость утвердилась в исторических исследованиях на Западе и Востоке. Установка представлять прошлое в категориях современного мира и проводить прямые политические аналогии была результатом влияния холодной войны на западную и советскую

¹²³ *Idem.* Gab es mitteleuropäische Identität in der Geschichte? S. 123.

¹²⁴ Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Wien, 1980. Bd. 3 : Die Völker des Reiches / hrsg. von A. Wandruszka, H. Rumpler, Teilbd. 1–2.

¹²⁵ *Ibid.* Teilbd. 2. S. 1337.

историографии. Резко менялась тональность исторических исследований, где становилось нормой придавать изучению прошлого актуальные политические смыслы.

Неудивительно, что в фокусе пристального внимания оказалась тема панславизма. Восточный блок, созданный СССР после Второй мировой войны, в интерпретациях западной историографии казался воплощением идей русского панславизма конца XIX в. Соблазн подобных аналогий был настолько велик, что исследователей не смущала ограниченность базы источников и заданная предвзятость подобного подхода. Сочинение Альфреда Фишеля уже трактовалось как достоверный источник, не требующий критического анализа. Из одной работы в другую перетекали одни и те же ссылки на сочинения славянофилов и панславистов. Различие состояло лишь в ригоризме выводов авторов. Это время совпало со становлением россиеведения и советологии в американских университетах, когда резко возрос спрос на изучение «русской политики». Общий тон в славянских исследованиях задавали американские ученые, большинство из которых были эмигрантами из Восточной Европы в первом или втором поколении.

Благодаря стараниям американского историка Ганса Кона, выходца из Чехии, был реанимирован миф о панславизме, которому он придал статус историографической концепции, не подлежащей сомнению. К тезису о панславизме, который изнутри взорвал благополучную жизнь Дунайской монархии, Г. Кон добавил современные политические аналогии. В 1953 г. он издал книгу «Панславизм. Его история и идеология» на основе курса лекций, прочитанного в Университете Нотр-Дам. Он пытался проанализировать развитие славянской идеологии «от Гердера до Сталина». Будучи убежденным русофобом, Г. Кон расценивал панславизм как движение «с ультранационалистическими элементами», «проявление политической слабости» и «реакции славянских народов на германизацию и мадьяризацию»¹²⁶.

В книге «Сознание современной России» (1955) Кон ставил вопрос: «В чем истоки экспансионистского способа мышления русских?» Историческую дихотомию «Россия – Запад», сложившуюся в русской интеллектуальной традиции, он описывал через категорию «русский национальный характер». Не утруждая себя анализом источников, Кон повторял вывод, сделанный западными либералами еще в середине XIX в.: русским свойственен социальный утопизм, склонность к мифологическому мышлению, романтические рефлексии¹²⁷. В этом он видел причину неприятия России в европейской среде – «глубокий антагонизм, который, по мнению некоторых русских интеллектуалов,

¹²⁶ Kohn H. Pan-Slavism : its history and ideology. Notre Dame, 1953. P. 1–7, 251–252.

¹²⁷ The mind of modern Russia : historical and political thought of Russia's great age / ed. by H. Kohn. New Brunswick, 1955. P. 9–11.

отделяет Россию от Запада, наряду с возрастающей силой и агрессивностью русского государства, создал действительно фантом страха перед Россией в Европе в XIX в.»¹²⁸. Кон шел дальше, утверждая, что коммунистическая идеология СССР генетически связана с имперским панславизмом: «Со времени Погодина до последних лет Сталина, в течение целого столетия, панславизм играл доминирующую роль в русском сознании. Русские не только провозглашали свою роль защитника и лидера всех славян, но также подчеркивали единство славян до такой степени, что для многих русских стали синонимами слова “русский” и “славянин”»¹²⁹.

Несмотря на подобные утверждения, более соответствовавшие политической публицистике, Ганс Кон пользовался репутацией признанного специалиста по панславизму и российской политике. В авторитетной энциклопедии «Британика» (1965) именно ему была доверена статья о панславизме¹³⁰. Не будет преувеличением констатировать, что он заложил основу в изучение панславизма и российской внешней политики в западной историографии, продержавшуюся не одно десятилетие. Российские дипломатические источники были зарубежным ученым недоступны, многие из «специалистов по России» не знали толком русского языка, трудов советской историографии по сопредельным темам и архивных публикаций. Большинство зарубежных работ вращалось вокруг сочинений русских историософов, которые цитировали их предшественники еще в конце XIX – начале XX в. Главным было довести до массового сознания мысль о том, что просоветская Восточная Европа является воплощением «великодержавного панславизма»¹³¹.

Исключением из общего потока стали несколько исследований, которые пытались шире взглянуть на славянскую проблематику и выйти из замкнутого круга расхожих идеологических клише. В книге американского ученого Михала Боро Петровича «Возникновение русского панславизма в 1856–1870 гг.» (1956), ставшей частью крупного проекта Русского института при Колумбийском университете, теоретические положения и фактические материалы были сходны с известной книгой А.Н. Пыпина «Панславизм в прошлом и настоящем» (1908). Автор неоднократно на нее ссылался и многие положения заимствовал. Понятие «панславизм» он широко трактовал как «различные проявления славянской культурной солидарности, более-менее выраженные политические

¹²⁸ Ibid. P. 22.

¹²⁹ Ibid. P. 69.

¹³⁰ Kohn H. Pan-Slavism // Encyclopaedia Britannica. Chicago [et al.], 1965. Vol. 17.

¹³¹ Fadner F. Seventy years of Pan-Slavism in Russia: from Karamzin to Danilevsky, 1800–1870. Washington, 1962. P. 404.

программы, идеи региональных межславянских союзов»¹³². Отчетливо были выделены две модели – «русский панславизм» и «славянский панславизм», причем последний трактовался исключительно как «культурное явление», не связанное с политикой. Такая позиция хоть и выглядела наивной, но повторяла утверждения славянских интеллектуалов XIX в., которые пытались доказать своим немецким оппонентам, что требование языкового и культурного равноправия славян с немцами не имеет никакой политической подоплеки¹³³. «Русский панславизм», по мнению Петровича, превратился в политическую доктрину после поражения России в Крымской войне и стал неотъемлемой частью «государственного национализма»¹³⁴.

В исследовании другого американского слависта, ученика Бенджамена Самнера Николаса Рязановского «Россия и Запад в учении славянофилов» (1952) был проанализирован консервативный тип мышления. Он доказывал, что русский консервативный национализм – совершенно особое явление, которое включает следующие установки: (1) фундаментальные противоречия между Россией и Западом обусловлены историческим развитием; (2) Россия обладает выраженными преимуществами перед западным обществом; (3) традиционные ценности России истинны и вечны, поэтому в будущем она будет доминировать в мире.

«Панславизм» в трактовке Н. Рязановского – это «консервативное националистическое течение», которое «разрушило целостность славянофильского учения» и использовало отдельные его постулаты для обоснования «наиболее экстремальной формы монархизма и консерватизма»¹³⁵. Таким образом, критика российского консерватизма соответствовала той полемической тональности, с которой его критиковали либеральные мыслители в России на рубеже XIX – начала XX в.

В этом же ключе была выдержана книга Ф. Фаднера «Семьдесят лет панславизма в России. От Карамзина к Данилевскому» (1962). «Великодержавный панславизм» исследователь рассматривал как консервативную рефлексию, которую поддерживало царское правительство в условиях «спада международного влияния России после Крымской войны»¹³⁶. В то же время Ф. Фаднер подчеркивал, что славянская идея в России имела не только имперскую трактовку. В противовес «государственному национализму» существовало радикально-демократическое направление. В публицистике А. Герцена, М.

¹³² *Petrovich M. B.* The Emergence of Russian Pan-Slavism, 1856–1870. New York, 1956. P. X.

¹³³ *Ibid.* P. 17–31.

¹³⁴ *Ibid.* P. 51–53.

¹³⁵ *Riasanovsky N. V.* Russia and the West in the teaching of the Slavophiles : a study of romantic ideology. Cambridge, 1952. P. 202–210. Впоследствии эти же идеи были ученым изложены в книге: *Idem.* A history of Russia. New York, 1963. 711 p.

¹³⁶ *Fadner F.* Seventy years of Pan-Slavism in Russia: from Karamzin to Danilevsky, 1800–1870. P. 404.

Бакунина содержался призыв к славянской «демократической солидарности» против тронов Габсбургов и Романовых.

Особо стоит отметить, что во всех вышеперечисленных трудах ощущалось влияние концепции А.Н. Пыпина. Эти работы составили отдельную группу в американских славистических исследованиях, существенно отличавшуюся от упрощенных идеологических схем в духе Ганса Кона.

Исследование славянского фактора было продолжено в работах Д.Ф. Брэдли, специалиста по дипломатической истории. Особое внимание он уделил чешскому национализму, который рассматривал как «типичное проявление чувства национального самосохранения у “малого” народа, поставленного перед угрозой ассимиляции»¹³⁷. Панславизм, по его мнению, использовался чехами как средство политического давления на Вену и не являлся целью национальной политики. Более того, ссылаясь на донесения французских дипломатов, имевших конфиденциальные источники информации среди чешских политиков, Брэдли отмечал, что Россия также не стремилась к перекройке государственных границ Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны. Чехи лавировали между Петербургом и Парижем, пытаясь выработать свою внешнеполитическую стратегию. При знакомстве с дипломатическими документами профессиональные историки понимали, что историографический миф о «панславистской угрозе» России не выдерживает критики.

По-новому смог осмыслить тему панславизма профессор Иллинойского университета Стэнли Б. Кимбалл в монографиях «Чешский национализм. Исследование национального театрального движения. 1845–1883 гг.» (1964) и «Австро-славянское возрождение» (1973). Он обратил внимание на компенсаторную функцию национализмов малых народов. «Это была в определенной степени манифестация, стремление возродить утраченные средневековые традиции и достоинство»¹³⁸. Ему удалось провести успешное сравнительное изучение всех славянских матиц, существовавших на территории монархии Габсбургов. На основе широкого массива источников С. Кимбалл пришел к выводу, что панславизм представлял собой широкое движение среди патриотической интеллигенции, направленное на расширение культурных взаимосвязей и укрепление политической солидарности австрийских славян¹³⁹.

¹³⁷ *Bradley J. F. N. Czech nationalism in the light of French diplomatic reports, 1867–1914 // The Slavonic and East European Review. 1963. Vol. 42, № 98. P. 38–53 ; Idem. Czech Pan-Slavism before the First World War // Ibid. 1961. Vol. 40, № 94. P. 184–205.*

¹³⁸ *Kimball S. B. Czech nationalism : a study of the national theatre movement, 1845–83. Urbana, 1964. P. 110.*

¹³⁹ *Idem. The Austro-Slav revival : a study of nineteenth-century literary foundations. Philadelphia, 1973. 83 p.*

Так постепенно идеологическая предвзятость в отношении понятия «панславизм» в западной историографии преодолевалась, несмотря на заданную политизацию русской темы. Если в многотомной энциклопедии «Американа» (1986) еще продолжали сохраняться упрощенные формулировки¹⁴⁰, то во французской энциклопедии «Ларусс», напротив, отмечалось, что панславизм потерял свое влияние в России еще в царствование Александра II, а к концу XIX в. эти взгляды были свойственны лишь представителям крайне правой оппозиции. В самом движении за общеславянское объединение выделялись различные политические течения – консервативное, либеральное и радикально-демократическое¹⁴¹. В немецком энциклопедическом издании «Бертельсманн» (1977) понятие «панславизм» трактовалось широко, как движение с целью культурного и политического объединения всех славянских народов. К нему были отнесены австрославизм, иллиризм, польский мессианизм. Особо подчеркивалось, что в России под влиянием «деспотического государственного устройства» мессианские идеи превратились в панруссизм – «мощный инструмент проникновения России на Балканы». Однако осторожно добавлялось, что «понятие “панславизм” было отвергнуто советским правительством, стремившимся возродить идею славянской взаимности во время Второй мировой войны»¹⁴².

Таким образом, геополитические реалии холодной войны упрочили историографический миф о панславизме, созданный еще в межвоенный период. На волне интереса к россике и советологии в западной историографии он легко вошел в многочисленные исследования по истории международных отношений и внешней политике России не только XIX, но и XX столетий, без должного критического анализа и научного осмысления. Тем не менее, наряду с литературой, построенной на идеологических штампах, свойственных мышлению холодной войны, в США и Западной Европе развивалось научное направление, изучающее славянский фактор во всей его сложности, каждый раз применительно к конкретной исторической ситуации на основе сопоставления корпуса источников.

¹⁴⁰ Панславизм трактовался как «движение XIX в., корни которого уходят в более ранний период, обосновавшее идею унификации всех славян на географической, языковой, этнической и религиозной основе. Движение, которое возродилось в результате усилий советского правительства во время Второй мировой войны» (*Czap P. Pan-Slavism // Encyclopedia Americana. Danbury, Vol. 21).* 1993.

¹⁴¹ *Panslavisme // Grand Dictionnaire Encyclopédique Larousse. Paris, 1984. Vol. 8.*

¹⁴² *Panslawismus // Das Bertelsmann-Lexikon. Gütersloh ; Berlin, 1977. Bd. 7.*

1.2.3. Дискуссии о славянской идентичности и русофильстве в чехословацкой историографии

Установление просоветских режимов в странах Восточной Европы повлекло качественные изменения в национальных историографиях региона, в которых утверждалась марксистско-ленинская методология. Внимание историков переключалось на «прогрессивные» революции и «освободительные движения». Однако в чехословацкой исторической науке вплоть до Пражской весны 1968 г. сохранялся плюрализм мнений и концепций. Вопрос, поставленный Т.Г. Масариком, еще больше стал волновать интеллектуалов в 1960-е гг. Что было благом для национальных движений славян? Какую роль сыграла Россия в их национальном освобождении? На этот счет существовали различные суждения. Со временем их только прибавилось.

В марксистской историографии основной акцент делался на связях местных радикалов с российскими и польскими революционерами. Уже в который раз история российско-славянских отношений превращалась в поле научного противостояния. Причем все стороны использовали селективный отбор информации, что придавало даже академическим дискуссиям характер жесткой политической полемики. По сути, славянские исследования нового и новейшего времени стали типичным примером проникновения политики в науку и науки в политику. Разделительные идеологические линии как метастазы пронизывали западную, советскую, восточноевропейские историографии.

В чехословацкой марксистской историографии особенно востребованными оказались работы Зденка Неедлы о чешском русофильстве и революционном движении. За короткий срок их переиздавали трижды – в 1948, 1952, 1953 гг. Нередко научный анализ подменялся апологетикой «русско-славянского братства»¹⁴³. В книге другого историка Йиржи Ирасека, посвященной русско-чешским связям, констатировалось, что русофильство «наполняло чехословацкую мысль энергией и отвагой». Автор утверждал, что все славянские проекты возникали и развивались под влиянием безусловного русофильства¹⁴⁴.

Но чем сильнее оказывалось политическое давление, тем упорнее чешские историки сохраняли интерес к концепции критического славянства. После смерти Т.Г. Масарика его идеи развивал Эдуард Бенеш, преданный соратник и последователь, второй президент Первой республики. Книгу «Размышления о славянстве» (1947 г.) он начал

¹⁴³ *Clementis V. Slovanstvo kedysi a teraz. Praha, 1946. 141 s. ; Macůrek J. Slovanská idea a dnešní skutečnost. Brno, 1947. 39 s.*

¹⁴⁴ *Jirásek J. Op. cit.*

писать в Лондоне, где во время Второй мировой войны находилось чехословацкое правительство в изгнании. Это был плод горького осмысления опыта чехословацкой государственности и ее крушения в 1938–1939 гг. Лавирование между Лондоном и Москвой, сложные отношения со Сталиным, политическая конкуренция с чехословацкими коммунистами, быстро набравшими силу, наконец, всплеск русофильства и славянской взаимности, поднявшийся в Чехословакии на волне освобождения от нацизма, – все эти события вплелись в ткань его труда.

В шестой главе Э. Бенеш анализировал панславизм, панруссизм и пангерманизм. Он не скрывал, что в основе его подхода лежит концепция критического славянства Т.Г. Масарика. Рассматривая понятие «панславизм», Э. Бенеш выделял несколько его значений:

- (1) в политическом смысле, как любые целенаправленные действия по объединению славянских народов в некую общую социально-политическую структуру;
- (2) как отдельная стратегия в российской политике по усилению политического и морального влияния России на зарубежных славян, особенно балканских;
- (3) как совокупность разнообразных культурно-просветительских акций, призывов к солидарности славян с Россией, но без нарушения территориальной целостности и суверенитета отдельных государств (расширительное толкование «панславизма») ¹⁴⁵.

Если пангерманизм обладал мощной философской основой, то панславизм, за исключением трудов Н.Я. Данилевского и Р.А. Фадеева, не имел, по мнению Э. Бенеша, общей ценностной системы и целевых установок, скорее напоминая рефлексию славянских патриотов, опасавшихся усиления пангерманских настроений ¹⁴⁶. Он не без основания считал фактор пангерманизма ключевым в развитии панславистских проектов.

Вторая мировая война жестко расставила новые акценты в осмыслении славянской темы. Под влиянием борьбы с нацизмом Э. Бенеш придал дискуссии о соотношении панславизма и пангерманизма смысл исторической альтернативы. Отметим, что обе мировые войны создавали такое высокое напряжение и противостояние в Европе, что каждый раз возрождалась идея о якобы «вековой и фатальной» борьбе между славянством и германством. Книга Э. Бенеша тоже была написана под влиянием подобных настроений.

В этом же ключе была выдержана книга Яна Белича о Кареле Гавличеке-Боровском. Автор использовал выдвинутую Франком Вольманом концепцию идеологических доминант в чешском движении, но не критиковал «дезинтеграционную тенденцию», а, напротив, усиливал ее историческую значимость, определяя термином

¹⁴⁵ Beneš E. Úvahy o slovanství. Praha, 1947. S. 79–81, 128–130.

¹⁴⁶ Ibid. S. 82, 130.

«чешство» (ceštvi). Если осторожный политик Э. Бенеш предпочел обойти острые углы, то Я. Белич обрушился не только на пангерманизм, но и на «реакционное царифильство», которое мешало прогрессивным славянским классам воссоединиться в общем революционном порыве. В духе концепции «революционного славянства», разработанной З. Неядлы, автор эмоционально писал о «реакционном сращивании славянофильства с самодержавием», повторяя, что «царская империя стремилась к созданию огромного всеславянского государства»¹⁴⁷. Таким образом, миф о панславизме обретал второе дыхание и в марксистских трудах.

Чехословацкая историография по славянской теме раскололась на два лагеря. В 1947 г. под редакцией Йозефа Мацурека был опубликован сборник «Славянство в чешской национальной жизни». Одни авторы критиковали идею славянской взаимности, другие, напротив, признавали ее «ведущим принципом чешской национальной политики»¹⁴⁸. Столкновение позиций наблюдалось и на страницах труда Славянского института, приуроченного к столетию Пражского съезда 1848 г.¹⁴⁹ Дискуссии снова и снова совершали бесконечные круги вокруг интерпретаций «славянской идеи» и ее роли в становлении чешской и словацкой наций.

Шестидесятые годы можно с полным правом назвать кульминацией научного интереса к славянству и славизмам. Неизбежно сторонники и противники концепции «критического славянства» сталкивались с терминологическими сложностями. Основные понятия – «славянская взаимность» (или «общность»), «славянство», «панславизм», «панруссизм», «русифильство» – употреблялись в разных контекстах и с различными, зачастую прямо противоположными смыслами. Это снижало качество и результативность научных споров, усиливало идеологическую напряженность.

Историческая память активно впитывала новые смыслы. Возникали прямые аналогии между национальными движениями чехов и словаков в монархии Габсбургов и стремлением отстаивать свою модель социализма от диктата Кремля в конце 1960-х гг. Споры о славянстве вызывали повышенный общественный интерес. Недаром многие крупные историки выступили на стороне реформаторов в 1968 г. Примером может служить широкое обсуждение исторических судеб “slovanství”, развернутое на страницах ведущего чехословацкого научного журнала «Словански пршеглед»¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Bělič J. Karel Havlíček Borovský a Slovanstvo. Praha, 1947. S. 11, 17, 23, 282–282.

¹⁴⁸ Slovanství v českém národním životě / red. Josef Macůrek. Brno, 1947. 249 s.

¹⁴⁹ Boháč A. Obrisy slovanstva : sborník přednášek Slovanského ústavu v Praze. Praha, 1948. 229 s.

¹⁵⁰ Hostička V. Vznik Českého Austroslavismu a jeho vztah k sourozeneckému slovanství // Slovanský přehled. 1968. Roč. 54, č. 3. S. 225–232 ; Kolečka J. “Evropská myšlenka” a “středoevropanství” v 19. a 20. století // Ibid. Roč. 54, č. 4. S. 297–303 ; Křížek J. Slovanské národy a konec habsburské říše // Ibid. Roč. 54, č. 5. S. 353–360.

В Чехословакии были организованы крупные международные конференции – в 1959 и 1961 гг. – в Братиславе; в 1959 и 1966 гг. – в Смоленице; в 1966 г. – в Опаве. Славянская тема была выделена как ключевая в изучении международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Началось с того, что на конференции в Смоленице в 1959 г. Людовит Голотик призвал к разработке новых методологических подходов и отказу от абсолютизации понятия «славянство / slovanství» как такового. Дискуссии действительно нередко заходили в тупик из-за терминологической путаницы.

В 1964 г. вышли две монографии Йозефа Колейки и Франка Воллмана, ставшие заметным явлением в чехословацкой историографии. В книге Й. Колейки «Славянские программы и идея славянской взаимности в XIX–XX вв.» доказывалось, что феномен «славянства» был ограничен во времени и возможностях. Славянская идея, по его мнению, была способна воспроизводиться только в кризисных ситуациях, когда требовалась национальная мобилизация¹⁵¹. Этот взгляд соответствовал общему настрою сторонников концепции критического славянства, которые отстаивали тезис, что славянская идея была лишь инструментом чешской политики в целях политического шантажа Вены¹⁵².

Книга Ф. Воллмана «Славизмы и антиславизмы в весну народов» представляла новый взгляд на историю понятий – славизмов. В отличие от многих своих коллег он начал с главного – изучения эволюции их смыслов в различных исторических источниках. Одним из первых он использовал не только сравнительно-исторические, но и культурологические методы анализа. Исследуя лексические пласты XIX в., ученый убедительно доказал, что сам термин «панславизм» имел всегда широкое и неоднозначное толкование. Его смысловая неустойчивость и многозначность объяснялась прежде всего негативной рефлексией западноевропейской публицистики.

Искусственно созданный фантом «политического панславизма» отражал специфику мышления интеллектуалов из стран Западной Европы. Антипанславизм и русофобия были настолько типичным явлением, что они не хотели и не могли видеть протест славянских обществ против германизации и неравноправного положения. Ф. Воллман делал вывод, что «панславизм» понимался западными интеллектуалами в колониальных, экспансионистских категориях¹⁵³. Это было важное наблюдение, не

¹⁵¹ Колейка Й. Славянские программы и идея славянской взаимности в XIX и XX веках. Прага, 1964. С. 12–50.

¹⁵² Materiály z konferencie o myšlienke slovanskej vzájomnosti a jej úlohe v narodno-osvobodzovacom boji našich národov (Smolenice, 12.–14. októbra 1959) // Historický časopis. 1960. Roč. 8, č. 2–3. S. 195–196, 241–242.

¹⁵³ Wollman F. Slavismy a antislavismy za jara národů. Praha, 1968. S. 447–448, 451, 465–466.

характерное для чехословацкой историографии, с особым пиететом воспринимавшей англо-американскую историческую науку.

Другая тема, поднятая Ф. Воллманом, – это развитие славянской идеи в России. Вслед за Т.Г. Масариком и Э. Бенешем он подчеркивал, что после Крымской войны русское славянофильство переродилось в панславизм. Если в Чехии панславизм представлял собой цепь последовательно изменявшихся славизмов от литературно-языковых до политических, то в России преобладала как раз та политическая форма панславизма, которая напрямую развивала идеи самодержавия. Ф. Воллман отличал имперскую форму панславизма от общественных симпатий к «угнетенным славянам». Он подчеркивал, что «циничное использование правительством религиозных и национальных чувств славянских народов не имело ничего общего с идеями писателей, основанными на традициях народного православия»¹⁵⁴.

Широкий резонанс вызвала конференция в Братиславе в 1967 г., организованная Историческим институтом, где развернулись острые дискуссии между историками из Западной Европы и США, СССР и стран Восточной Европы. Эта конференция, инициатором которой выступил Людовит Голотик, имела большой научный успех и была отмечена в крупных публикациях по истории монархии Габсбургов. Доклад Роберта Канны о внутренних и внешнеполитических факторах, вызвавших дуализм 1867 г., еще более усилил интерес к панславизму. Ведь Канн настойчиво продолжал повторять тезис о панславистской угрозе России¹⁵⁵.

Продолжением дебатов стал сборник статей, ведущих чешских и словацких ученых «Славянство в национальной жизни чехов и словаков», изданный в 1968 г. В нем был поставлен вопрос об исторической терминологии и необходимости определиться с использованием тех или иных понятий. Исследователи стали осознавать, что в славянской проблематике кроется ловушка. В каждом конкретном случае понятия, столь хорошо знакомые, подобно хамелеонам, меняли окраску и смыслы.

Историки тогда попытались найти консенсус в использовании базового концепта “slovanství”. Решено было признать наиболее универсальное толкование, т. е. всю совокупность исторически меняющихся форм общественного сознания, в которых проявлялась идея славянской общности. Основная задача заключалась в том, чтобы

¹⁵⁴ Ibid. S. 478.

¹⁵⁵ Kann R. A. The Austro-Hungarian compromise of 1867 in retrospect : causes and effect // Der österreichisch-ungarische Ausgleich 1867 / hrsg. von L. Holotík. Bratislava, 1971. S. 24–44.

выявить сущность и формы этого общественно-исторического явления, а также определить его роль и место в национальных идеологиях славян монархии Габсбургов¹⁵⁶.

В ряде текстов этого сборника были поставлены темы, необходимые для осмысления роли славянской идеологии в монархии Габсбургов и влияния России на австрийских славян. Вацлав Жачек показал, что русофильство и полонофильство в середине XIX в. выступали как две альтернативы для чешского движения. Польское восстание 1863 г. стало водоразделом для чешской политики. Те, кто поддержал польских революционеров, одновременно выступали против «славянской взаимности» с Россией. В статье Владимира Гостички была проанализирована эволюция представлений о всеславянстве от первых будителей 1830-х гг. до политической программы австрославизма. Наконец, Владимир Штястны поставил вопрос о «так называемой славянской политике России» и ее влиянии на чешскую среду¹⁵⁷. Тогда чешским историкам еще представлялся дискуссионным сам термин «славянская политика», поскольку не хватало достаточного количества источников, чтобы делать выводы о самостоятельном направлении внешней политики России, ориентированном на зарубежных славян.

Радикализация общественных настроений в 1967–1968 гг. подпитывала исторические исследования сильными эмоциями, особенно если это касалось темы чешского и словацкого русофильства. За сравнительно короткий отрезок времени сложился целый спектр мнений – от резко критических (русофильство отвлекало от национальной борьбы, заводило политику в область утопий) до апологетических (источник борьбы против германизации, средство национальной самооценности). Между этими двумя крайними точками зрения выдвигался ряд компромиссных формулировок – «реакционное царфильство» и «прогрессивное русофильство», ориентированное на сотрудничество с радикальными демократами из России.

Становилось очевидным, что споры об историческом прошлом имели прямые аналогии с настоящим. Но дискуссии были прерваны. После ввода войск Варшавского договора в августе 1968 г. в Чехословакию последовала волна репрессий среди «неблагонадежных» интеллектуалов. Многие ученые были вынуждены покинуть страну, многие лишились права публиковать свои работы в научных журналах и преподавать в университетах. Оставшиеся уже не решались на столь откровенные размышления.

¹⁵⁶ Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / red. V. Št'astný. Praha, 1968. S. 5–14.

¹⁵⁷ Žáček V. Polonofilství a rusofilství – dvě alternativy českého slovanství let šedesátých // Ibid. S. 227–247 ; Hostička V. Od všeslovanství k austroslavismu v českém prostředí // Ibid. S. 143–157 ; Št'astný V. Vliv tzv. slovanské politiky Ruska v českém prostředí // Ibid. S. 256–264.

В противовес славянской теме в чешском диссидентском движении получил широкую популярность центральноевропейский дискурс. Он стал активно развиваться в научных центрах Австрии, ФРГ, США, где работали политические эмигранты и интеллектуалы из Чехословакии. Не будет преувеличением констатировать, что, несмотря на политическую цензуру 1970-х гг. и ее ослабление в 1980-е гг., центральноевропейский дискурс стал для чешских и словацких интеллектуалов своеобразным кодом «свободы», выражением протеста. Об исторической роли русофильства можно было говорить только в прошедшем времени. В коллективной памяти оно было перечеркнуто 1968 годом.

Только к середине 1980-х гг. вновь стали появляться крупные исследования по славянской проблематике. В качестве примера можно привести монографию ведущего официального историка Милоша Куделки, в которой рассматривались европейские представления о научной дисциплине – славистике¹⁵⁸. Вопросы славянской идеологии через двадцать лет снова стали обсуждаться на совместном заседании чехословацко-югославской комиссии. Результатом ее работы стал сборник статей, в которых отразилась новая тенденция изучения национальных движений не только сквозь призму идеологии, но прежде всего на основе сравнительного анализа их социального состава. Историко-социологический подход позволил выйти на новый уровень осмысления национализма и сосредоточить внимание на роли отдельных социальных групп в политических процессах¹⁵⁹.

Новые подходы стали проявляться и в изучении славянской темы. Чешские и словацкие историки пытались найти выход из замкнутого круга дискуссий об исторических альтернативах национальных движений. В концептуальной статье Владимира Штястны и Мирослава Шестака (1988) был предложен новый взгляд на соотношение национального и общеславянского начал. Авторы отказались от прежней интерпретации альтернативности двух начал. По их мнению, идеология чешского буржуазного национализма органично включала славянскую идею, которая являлась важной частью чешской идентичности¹⁶⁰. Такой подход снимал многие вопросы прошлых дискуссий.

В книге словацкой исследовательницы Татьяны Ивантишиновой был проведен анализ славянских представлений в русской интеллектуальной традиции. На основе

¹⁵⁸ *Kudělka M.* O pojetí slavistiky : vývoj představ o jejím předmětu a podstatě. Praha, 1984. S. 39–40.

¹⁵⁹ *Myšlenkový vývoj Čechů, Slováků a Jihoslovanů od poloviny 18. století do buržoazní revoluce 1848–1849 / Československo-jugoslávská historická komise, Československá sekce.* Praha, 1985. 459 s.

¹⁶⁰ *Šesták M., Št'astný V.* České slovanství v boje proti dualismu (do konce 19. století) // *Československá slavistika 1988 : lingvistika, historie / přípr. Československý komitét slavistů.* Praha, 1988. S. 265–275.

большого количества источников она смогла раскрыть особенности взаимовосприятия русских, чехов и словаков в 1830–1860-е гг. Т. Ивантишинова отказалась от оценочных комментариев, применяя конструктивистскую методологию. Она показала роль социокультурного фактора в процессах восприятия образа Другого¹⁶¹. Но на рубеже 1980–1990-х гг. славянская проблематика уже не была так активно востребована в историографии. На первый план вышли сравнительные историко-социологические исследования, блестящим примером которых стали труды Мирослава Гроха, посвященные национальным движениям малых народов Европы¹⁶².

В 1988 г. вышло фундаментальное исследование профессора Карлова университета Отто Урбана «Чешское общество 1848–1918 гг.», которое пересматривало прежние подходы к политической истории. На этот раз чешская история была органично вписана в общий контекст монархии Габсбургов. Славянские сюжеты растворились в национальной канве чешской политики. О. Урбан благоразумно обошел молчанием вопросы о панславизме, посвятив лишь несколько абзацев русофильскому направлению¹⁶³. Это было новым прочтением чешской истории, в котором существенно изменялись смысловые акценты. Славянская тема как несущественная отходила на задний план. Во главу угла ставились вопросы чешско-немецких отношений, политические взаимосвязи Праги и Вены, интеграционные и дезинтеграционные процессы в общегосударственном пространстве.

Таким образом, изучение славянской идеологии XIX – начала XX в. имело в чехословацкой историографии разные оттенки политической актуальности. Пики интереса – академического и общественного – пришлись на экзистенциальные для Чехословакии периоды (1948 и 1968 гг.), когда перед обществом остро стояла проблема выбора. Каждый раз в научных исследованиях возникали прямые аналогии с современностью, дискуссии о прошлом открыто или скрыто вбирали в себя проблемы настоящего. В этом смысле развитие чехословацкой историографии – пример того, насколько бывает тонка грань, отделяющая историческую науку от современных процессов развития коллективных идентичностей. Тем не менее чешские и словацкие историки внесли существенный вклад в осмыслении этой сложной проблематики.

¹⁶¹ *Ivantišynová T.* Češi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov (40.-60. roky XIX. storočia). Bratislava, 1987. 276 s.

¹⁶² *Hroch M.* Social preconditions of national revival in Europe : a comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. Cambridge ; New York, 1985. 220 p.

¹⁶³ *Hroch M.* Přeměny české společnosti a jejich vliv na národní obrození // Struktura společnosti na území Československa a Polska v 19. století do roku 1918 / sest. a red. F. Hejl [et al.]. Praha, 1988. S. 16–37 ; *Urban O.* Vzpomínka na Hradec Králové : (drama roku 1866). Praha, 1986. 424 s. ; *Idem.* Česká společnost, 1848–1918. Praha, 1982. 690 s.

Во-первых, они заложили основы для исследования запутанной истории славянских понятий, показали их многозначность и текучесть в разных исторических контекстах. Во-вторых, был сделан существенный вклад в систематизацию различных проектов славянской интеграции. Наконец, был преодолен односторонний подход, заложенный в концепции критического славянства об альтернативности общеславянского и национального начал в чешском движении. Было доказано, что эти представления взаимно дополняли друг друга в складывавшейся ценностной системе идентичностей модерна, как у чехов, так и у словаков.

1.2.4. Советские исследования славянского фактора в истории монархии Габсбургов и России в XIX – начале XX в.

Историографическая ситуация в СССР резко изменилась во время Второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие. В советской идеологии вновь оказался востребованным славянофильский тезис о «вековой борьбе славянства и германства». В Кремле стал обсуждаться проект «нового славянского движения» в Европе. В 1941 г. был учрежден Всеславянский комитет, издававший журнал «Славяне», проводились общеславянские митинги¹⁶⁴. Эти акции стали частью новой стратегии, направленной на включение стран Центральной и Юго-Восточной Европы в зону геополитического влияния СССР.

Историческая политика снова делала крутой вираж, оживляя славянское наследие, но уже на фундаменте марксизма-ленинизма. Перед исторической наукой была поставлена задача, которую советская делегация озвучила на Славянском съезде в Белграде в 1946 г., – «теоретически обобщить революционно-демократический опыт и классовую борьбу славянских народов»¹⁶⁵. Для этой цели были созданы Институт

¹⁶⁴ *Державин Н. С.* Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943. 94 с. ; *Его же.* Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами. М. ; Л., 1942. 38 с. ; *Зинич С.* Вековая борьба хорватского народа против немецких, итальянских и венгерских угнетателей // *Славяне.* 1942. № 5–6. С. 48–52 ; *Базилевич К. В.* Победа славянских народов в вековой борьбе против немецких захватчиков и немецкой тирании. М., 1945. 20 с. ; *Бахрушин С. В.* Героическое прошлое славян. М. ; Ашхабад, 1941. 15 с. ; *Густинич Д.* Национально-освободительная война хорватского народа // *Исторический журнал.* 1942. № 7. С. 86–92 ; *Ефимова А.* К истории австро-германской агрессии на Балканах // *Славяне.* 1944. № 9. С. 12–16 ; *Козырев А. В.* Славяне : очерки о культуре славянских народов и их борьбе за свою независимость. Ставрополь, 1945. 110 с. Об идеологическом обосновании «славянской борьбы с фашизмом» см.: *Кириллов А. В.* Всеславянский комитет // *Вопросы истории.* 1977. № 7. С. 25–30.

¹⁶⁵ *Досталь М. Ю.* Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. // *Славянские съезды XIX – XX вв.* / отв. ред. М. Ю. Досталь. М., 1994. С. 128–142.

славяноведения в системе Академии наук и кафедра истории южных и западных славян в Московском университете. Хотя Кремль отказался от проекта «нового славянского движения» уже в начале 1950-х гг., славянский дискурс в исторических исследованиях оставался актуальным весь советский период.

Во время холодной войны советские и западные исследования развивались параллельно, создавая собственные академические пространства, разделенные идеологическими барьерами. Связующим мостом между ними выступали историографии стран Восточной Европы, в которых проникновение западных концепций и методологий облегчалось не только знанием иностранных языков, но и личными контактами между историками.

В интеллектуальной среде Восточной Европы в этот период существовало два полюса. Один – официальный, утверждавший марксистско-ленинские установки, связанный с научными структурами в СССР. Другой – оппозиционный, проводивший западные подходы и концепции. Было бы неверным утверждать, что советская историография не впитывала новые яркие идеи и не пробовала их воплотить на собственном эмпирическом материале. Но процесс трансформации понятийного аппарата и методологии развивался очень медленно. Качественные изменения стали происходить только на рубеже 1970–1980-х гг. Как правило, советские историки усваивали новые концепции через историографии стран Восточной Европы, которые подпитывались в свою очередь из западных научных источников. Но были принципиальные различия, которые сохранялись на протяжении всего советского времени.

Во-первых, это отсутствие комплексного подхода к истории монархии Габсбургов. В национальных историографиях стран Восточной Европы с межвоенного периода утвердился приоритет национального над общим имперским прошлым. Этот подход разделялся советской исторической наукой. В СССР детально исследовалась национальная история чехов, словаков, поляков, словенцев, хорватов, но при этом игнорировался фактор общегосударственного пространства, почти 400-летний опыт их совместного проживания под скипетром Габсбургов. Так и не было преодолено негативное восприятие монархии как «тюрьмы народов». Вслед за восточноевропейскими историками в СССР уже с 1940-х гг. стал активно разрабатываться концепт «освободительных движений» и создаваться национальные истории, проникнутые пафосом революционной борьбы и апологетикой «национально-освободительных движений».

Во-вторых, институциональное разделение также закрепляло фрагментарность исторических нарративов стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Институт

истории Академии наук СССР был разделен на Институт российской истории и Институт всеобщей истории. Славянские исследования были сосредоточены в Институте славяноведения и на кафедре истории южных и западных славян МГУ, а австрийские и германские исследования – в Институте всеобщей истории. При этом история российской дипломатии изучалась во всех трех институтах. Тематическое разделение осуществлялось не по «славянскому» критерию, а по географическому. Румынская, венгерская истории стали объектом изучения Института славяноведения, а австро-германская, австро-итальянская и история самих австрийских земель – Института всеобщей истории. Созданная инфраструктура научных исследований закрепила практику отдельного изучения стран Дунайского региона.

В-третьих, в советских работах резкой критике подвергались любые исторические формы германского национализма. Подобно тому, как в западной историографии тема панславизма воспринималась как стигмат в истории международных отношений, в советских исследованиях такое же дискриминационное отношение культивировалось к теме пангерманизма. Не только Второй рейх, но и его союзница Австро-Венгрия трактовались как оплот пангерманизма. Упрощенный образ был создан уже первым поколением историков-марксистов (В.М. Турок, И.С. Галкин, Е.И. Рубинштейн, А.И. Молок) под влиянием оценок классиков марксизма-ленинизма¹⁶⁶.

В-четвертых, на развитие советских славистических исследований оказывала прямое воздействие официальная трактовка Российской империи. Как отмечает Б.Н. Миронов, начиная с 1950-х гг. в исторической науке стала утверждаться новое положение о «цивилизаторской роли России». Под влиянием революционных событий народы империи смогли выйти из «вековой отсталости» и подняться к «вершинам исторического прогресса». «По сути, Россия из империи зла превратилась в империю добра, в своего рода дом дружбы народов»¹⁶⁷.

Похожие процессы протекали и в австрийской историографии. Историческая реабилитация обеих империй не избежала апологетических образов. Если новый образ «монархии Габсбургов» трактовался австрийской историографией в духе общегосударственного консенсуса, то в советской традиции закладывались прямо

¹⁶⁶ Турок В. М. Кризис революционного режима Габсбургов (январь – март 1918 г.) // Ученые записки Института славяноведения / отв. ред. П. Н. Третьяков. М., 1953. Т. 7. С. 325–347; *Его же*. Очерки истории Австрии, 1929–1938. М., 1962. 551 с. Определенное влияние оказала книга австрийского историка-марксиста: Пристер Е. Краткая история Австрии. М., 1952. 511 с. См. также: Галкин И. С. Австро-Венгрия (1867–1914 гг.) : стенограмма лекции... М., 1940. 21 с. ; *Его же*. Австро-Венгрия и Италия в 1870–1914 годах : лекции. М., 1952. 40 с. ; Рубинштейн Е. И. Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963. 427 с.

¹⁶⁷ Миронов Б. Н. Российская империя от традиции к модерну. С. 78–79.

противоположные смыслы. Основной акцент делался на совместном опыте радикально-демократических групп во всех национальных окраинах, позволившем развить классовое сознание масс и организовать их на уничтожение «имперско-буржуазного строя». Если в «габсбургских исследованиях» национализм малых народов изучался как ключевая проблема имперского прошлого, то в советской историографии – как результат исторически неизбежного национального освобождения.

В СССР длительное время в центре внимания историков были революции и протестные движения, рабочие и крестьянские вопросы. Любые проявления социальных конфликтов становились предметом подробного изучения. На основе революционной парадигмы создавалась новая концепция «освободительных движений» народов Восточной Европы. Начало было положено в 1948 г., когда отмечалось столетие революции – «весны народов»¹⁶⁸. В работах Р.А. Авербуха, С.Б. Кана, И.И. Удальцова острой критике подвергались национальные либеральные силы, которые «предали» революционное дело. Влияние и рост радикальных групп сильно преувеличивались. Австрославизм, ставший кредо Славянского съезда 1848 г. в Праге, расценивался как «реакционно-консервативное» явление.

Надо отметить, что на советских историков оказывали сильное влияние марксистские исследования в самих странах Восточной Европы. Их переводили на русский язык, сопровождая рецензиями в ведущих журналах. Концептуальные подходы перенимались в том случае, если они не противоречили классическим канонам марксизма-ленинизма¹⁶⁹. Революциям 1848–1849 гг. придавалось ключевое значение в истории

¹⁶⁸ К столетию революции 1848 года / под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. А. Бендриковой. М., 1948. 350 с. ; Революции, 1848-1849. М., 1952. Т. 1–2 ; *Авербух Р. А.* К столетию венгерской революции 1848 г. // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 115–117 ; *Его же.* Октябрьское восстание в Вене в 1848 г. // Там же. 1948. № 10. С. 93–106 ; *Его же.* Предпосылки и начало революции 1848–1849 гг. в Венгрии // Революционное движение и строительство социализма в Венгрии / отв. ред. Л. Н. Нежинский. М., 1963. С. 214–277 ; *Кан С. Б.* Революция 1848 года в Австрии и Германии. М., 1948. 232 с. ; *Удальцов И. И.* Из истории Пражского восстания 1848 г. // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 97–114 ; *Его же.* Национально-политическая борьба в Чехии в 1848 г. и Ф. Палацкий : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949. 23 с. ; *Его же.* Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951. 252 с. ; *Его же.* К характеристике политической деятельности Франтишка Палацкого // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 72–85.

¹⁶⁹ Документы о венгерской революции и освободительной борьбе 1848–1849 гг. / ред. и изд. Э. Ланди. Будапешт, 1948. 80 с. ; *Удальцов И. И.* Рецензия: Клима А. 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения. М., 1949 // Вопросы истории. 1948. № 7. С. 123–127 ; *Авербух Р. А.* Рецензия: Ханак П. Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция 1848–1849 гг. Будапешт, 1953 // Там же. 1955. № 6. С. 161–163 ; *Крейчи К.* Борьба чехов и словаков за национальное освобождение в XIX – начале XX в. // Вестник истории мировой культуры. 1953. № 3. С. 78–97.

монархии Габсбургов. С них начинали отсчет в развитии рабочего движения и европейской социал-демократии. Выстраивалась линия исторической преемственности между революциями 1848–1849 гг. в Австрийской империи и Германии и русскими революциями 1905 и 1917 гг., а также революциями 1918 г. в Центральной Европе¹⁷⁰.

В 1940–1950-е гг. была создана официальная концепция дипломатической истории XIX – начала XX в., в которую была вписана внешняя политика России. Впервые ее представили в 5-томном издании «История дипломатии», вышедшем в 1945 г. под редакцией академика В.П. Потемкина. Особый интерес представлял второй том, в котором внешнеполитические события с 1872 по 1917 гг. были изложены В.М. Хвостовым, а с 1917 по 1919 гг. – И.И. Минцем. Факты, выстроенные в хронологической последовательности, строго подгонялись под заданную теоретическую схему, обозначенную в трудах В.И. Ленина и И.В. Сталина¹⁷¹. Тем не менее авторы подробно реконструировали ход политических событий, дипломатические переговоры, отметили основные договоры и конвенции. Это первое крупное описание дипломатической истории создавалось на базе значительного массива документов из архивных фондов, опубликованных в 1920–1930-е гг.¹⁷²

Объяснительная схема, разработанная на основе марксистско-ленинской парадигмы, продержалась в историографии на протяжении всего советского периода. Можно выделить несколько ее компонентов.

Во-первых, все дипломатические процессы с 1870-х гг. объяснялись посредством категории «империализм» - «переделом мира между сильнейшими державами». Как

¹⁷⁰ *Хренов И. А.* Влияние русской революции 1905–1907 гг. на славянские страны // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1956. № 20. С. 3–12 ; *Писарев Ю. А.* Положение трудящихся масс и рабочее движение в южнославянских областях Австро-Венгрии в 1905–1907 гг. // Труды Московского государственного историко-архивного института / под ред. С. Л. Утченко, Ю. А. Писарева. М., 1958. Т. 12. С. 79–115 ; *Беранек Я., Долежал И.* Влияние русской революции 1905–1907 гг. на революционное движение в чешских землях // Вопросы истории. 1955. № 11. С. 94–104 ; *Рубинштейн Е. И.* Из истории рабочего и социалистического движения в Австрии (Цислейтании) весной и летом 1917 г. // Новая и новейшая история. 1960. № 4. С. 36–52 ; *Турок В. М.* Кризис революционного режима Габсбургов (январь – март 1918 г.). С. 325–347 ; *Его же.* Подъем австрийского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Январская забастовка 1918 г. // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1952. № 3. С. 280–290; *Фюрнберг Ф.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Австрию. М., 1957. 23 с.

¹⁷¹ *Сталин И. В.* Об основах ленинизма // *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Изд. 11. М., 1939. С. 1–77 ; *Его же.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 1–5; *Ленин В. И.* Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 года // *Ленин В. И.* Тетради по империализму. М., 1939. С. 622–639.

¹⁷² *Ключников Ю. В., Сабанин А. В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925–1926. Ч. 1–2 ; Международные отношения в эпоху империализма : документы из архивов царского и Временного правительств, 1878–1917. Серия 2 : 1900–1913. М. ; Л., 1938–1940. Т. 18–20 ; Серия 3 : 1914–1917. М. ; Л., 1931–1938. Т. 1–10.

указывали авторы, «этой задаче отныне служит внешняя политика и дипломатия руководящих империалистических государств». Во-вторых, инициатором ревизии Венской системы объявлялся германский империализм, который поставил «со всей резкостью вопрос о коренном переделе мира» и отличался от других типов европейских империализмов «исключительно агрессивным характером». В-третьих, российский империализм трактовался как наиболее отсталый, находившийся в финансовой зависимости от Франции, и вообще был «тормозом на пути развития России». В-четвертых, с 1871 г. в Европе установился «вооруженный мир», «под его покровом шла непрерывная подготовка к неизбежной новой войне». Россия и Франция «стали искать друг в друге опору против милитаристской Германии и ее союзников». Ситуацию осложняли «взаимные распри России и Англии» на Ближнем и Среднем Востоке. Только нараставшие амбиции Германии вынудили Лондон отказаться от «блестящей изоляции» и войти в Тройственную Антанту.

Основной причиной Первой мировой войны авторы считали англо-германское соперничество. Царская же дипломатия, согласно их утверждению, «играла сравнительно подчиненную роль, и преувеличивать ее влияние не следует». Россия и Австро-Венгрия характеризовались как «наиболее слабые звенья» в обоих противостоявших блоках и «оказались не в состоянии вести войну»¹⁷³. Отдельные положения официальной концепции дипломатической истории были отчасти откорректированы советскими историками в 1970–1980-е гг., но основные постулаты прочно вошли в учебники, обобщающие коллективные монографии, крупные документальные публикации.

Конечно, в условиях цензуры для историков всегда был выход – углублять свои изыскания в архивах и восстанавливать исторические нарративы до мельчайших деталей. Архивный позитивизм стал своего рода «ответом» советских историков на методологический догматизм¹⁷⁴. Многие советские исследования отличало точное эмпирическое знание, глубокий источниковедческий анализ и широкий охват архивных материалов.

С 1960-х гг. под влиянием международных контактов стал несколько расширяться тематический диапазон. Советские ученые получили возможность участвовать в крупных научных конференциях в Блумингтоне (США), Вене, Братиславе, Варшаве, Праге. Под воздействием академических коммуникаций начали корректироваться

¹⁷³ Дипломатия в Новое время (1872–1919 гг.). Введение // История дипломатии. М., 1945. Т. 2 / сост. В. М. Хвостов, И. И. Минц. С. 1–7.

¹⁷⁴ Лантева Л. П. Как мы писали историю (автобиографические заметки) // Полвека в славяноведении / отв. ред.: О. В. Павленко, И. В. Крючков. М., 2012. С. 6–21.

историографические образы, подходы, смягчаться ригоризм некоторых методологических установок.

Ситуация постепенно менялась в течение двух десятилетий – с конца 1960-х до конца 1980-х гг. Этому способствовало ослабление идеологического контроля над исторической наукой внутри страны и несколько внешних обстоятельств. Можно выделить несколько тенденций, которые свидетельствовали о постепенном преодолении прежней концептуальной ограниченности даже в жестких рамках марксистско-ленинской парадигмы.

Во-первых, острый интерес к панславизму в зарубежных исследованиях и откровенная политизация славянской темы. Во-вторых, интеллектуальный заряд чешских и словацких дискуссий, давший импульс ее новому осмыслению. Советские историки не могли тогда достойно ответить. Изучение панславизма не приветствовалось властями. Рамки исследования истории зарубежных славян были весьма узкими – классовый подход и революционная проблематика. Потребовались серьезные усилия со стороны профессионального сообщества, чтобы подняться на качественно новый уровень.

На 1970–1980-е гг. пришелся пик интереса к внешнеполитической проблематике. В научный оборот были введены массивы дипломатических документов, позволившие по-новому оценить глубину и степень воздействия России на балканские народы в период их борьбы за независимость. Особую роль в развитии внешнеполитических исследований сыграла фундаментальная публикация по инициативе МИД СССР «Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел». Под эгидой Комиссии по изданию дипломатических документов МИД СССР было выпущено 14 томов, каждый по 70–100 уч.-изд. листов. Публикации осуществлялись на языке оригинала (в основном – французском) и в русском переводе с подробными комментариями. Приведенные источники свидетельствовали о серьезной военной и финансовой поддержке, которую оказывала Россия освободительным движениям греков и славян на Балканском полуострове, заступничестве России перед Портой за Дунайские княжества¹⁷⁵. Были пересмотрены прежние дискриминационные характеристики «царской политики» России как отсталой и второстепенной по сравнению с другими великими державами.

Интерес к дипломатии России подогревался острой полемикой, которую начали историки ГДР, СССР и ФРГ вокруг вопросов происхождения двух мировых войн и трактовки кайзеровской политики. Ведущие представители западногерманской

¹⁷⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века : документы российского Министерства иностранных дел. М., 1960–1985. Т. 1–14.

историографии пытались переложить вину за конфликтные ситуации на Балканах в начале XX в. исключительно на Россию. Разрабатывая теорию о «комплексе русской опасности» и росте «российского милитаризма», ряд немецких историков доказывали, что именно русские военные круги стремились поскорее напасть на Австро-Венгрию, несмотря на «миролюбие» Вены и Берлина. Острые дискуссии между советскими и западногерманскими историками вспыхнули на симпозиуме в Майнце в 1973 г. по теме «Германия и Россия в период капитализма, 1861–1914 гг.»¹⁷⁶

По сути, в советской историографии открылся новый «идеологический фронт с нашими идейными противниками»¹⁷⁷. На волне борьбы с «буржуазным ревизионизмом» и «остфоршунгом» (восточно-европейскими исследованиями в ФРГ) началось активное изучение истории «германского и австрийского милитаризма». Монархия Габсбургов в этом контексте продолжала расцениваться как репрессивное государство, инструмент политического господства немцев над славянами¹⁷⁸. Научная полемика с «остфоршунгом», которую вели советские историки, затрагивала напрямую вопросы дипломатической истории. В ряде исследований появились важные дипломатические документы из советских архивов, раскрывающие экспансионистский характер политики Германии и Австро-Венгрии на Балканах во второй половине XIX – начале XX в.¹⁷⁹

¹⁷⁶ Deutschland und Rußland im Zeitalter des Kapitalismus, 1861–1914 / hrsg. von K. O. Frhr. von Aretin, W. Conze. Wiesbaden, 1977. S. 173–236.

¹⁷⁷ *Аветян А. С.* Историография ФРГ о некоторых вопросах внешней политики Германии и русско-германских отношениях накануне Первой мировой войны // *Внешняя политика России : (историография)* / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1988. С. 127.

¹⁷⁸ *Туполев Б. М.* Австро-Венгрия в планах пангерманцев в конце XIX – начале XX в. // *Славяно-германские отношения* / отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1964. С. 95–134 ; *Турок В. М.* Некоторые проблемы истории Австро-Венгрии // *Советское славяноведение*. 1965. № 4. С. 17–27 ; *Писарев Ю. А.* Военная угроза и антимилитаристское движение в южнославянских землях Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны // *Труды Московского государственного историко-архивного института* / под ред. М. Т. Панченковой. М., 1963. Т. 18. С. 375–390 ; *Его же.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии, 1905–1914. М., 1962. 419 с.

¹⁷⁹ На развитие этих тем в советской историографии оказали влияния следующие работы: *Коржалка И.* О характере и особенностях пангерманизма в Германии и Австрии в конце XIX в. // *Славяно-германские отношения*. М., 1964. С. 63–94 ; *Ладыженский А. М.* Рецензия: Беранек Я. Австрийский милитаризм и борьба против него в Чехии // *Вопросы истории*. 1957. № 4. С. 177–181. Наиболее интересные, на мой взгляд, советские исследования этого времени: *Ратнер Н. Д.* Австрийский пангерманизм и славянские народы Австрии // *Советское славяноведение*. 1965. № 4. С. 40–49; *Виноградов К. Б.* Внешняя политика и дипломатия Австро-Венгрии в начале Балканских войн (октябрь 1912 – январь 1913 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. 22 с. ; *Ерусалимский А. С.* Борьба держав за Балканы и проливы в конце XIX в. // *Вопросы истории*. 1947. № 9. С. 83–104; *Шнеерсон Л. М.* Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав. Минск, 1962. 350 с. ; *Кондратьева В. Н.* Сговор Австрии и Турции с целью подавления национально-освободительного движения на Балканах в 60-е годы XIX в. // *Краткие сообщения Института славяноведения*. 1963. Вып. 36. С. 44–60.

Книга профессора Московского университета Сергея Александровича Никитина «Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг.» (1960) стала, на мой взгляд, настоящим прорывом в изучении славянского фактора во внутренней и внешней политике России¹⁸⁰. Ученый проанализировал динамику общественного интереса к славянам, социальный состав и географию распространения славянолюбия в России, изменчивое отношение к нему официального Петербурга. В ряде трудов С.А. Никитин доказал четкое разделение славянской политики России на балканское направление, которое было в приоритете, и весьма сдержанное «австрийское».

Концептуальные разработки С.А. Никитина были продолжены в работах его учеников – Искры Васильевны Чуркиной и чехословацкого ученого Владимира Матулы. Им удалось выявить в архивах массив документов, раскрывающих разные аспекты деятельности настоятеля Русской посольской церкви в Вене Михаила Федоровича Раевского и его обширные контакты с австрийскими славянами во второй половине XIX в. Работы Зои Сергеевны Ненашевой о неославизме существенно дополнили знания о славянских проектах в России в начале XX в.¹⁸¹ Она смогла реконструировать сложные взаимоотношения между неославистами Австро-Венгрии и их российскими партнерами на основе значительного количества российских архивных документов. Это стало первым значительным исследованием неославизма в отечественной историографии. Однако, в целом приоритет отдавался балканским темам.

Значительное академическое и общественное внимание было сосредоточено на теме «Восточный вопрос и Балканы». В связи со 100-летним юбилеем Балканского кризиса 1875–1878 гг. проводились масштабные конференции в СССР, Югославии и Болгарии. Прежняя концепция имперской политики России была существенно пересмотрена благодаря балканским сюжетам. Во главу угла был поставлен тезис о решающей роли России в освободительных движениях на Балканах и создании независимых балканских государств¹⁸². Восточный кризис трактовался как предтеча

¹⁸⁰ О научных трудах С. А. Никитина, его трудной судьбе и создании авторитетной школы балканских исследований см. подробнее: Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С. А. Никитина / отв. ред. И. В. Чуркина. М., 2013. 791 с.

¹⁸¹ *Ненашева З. С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века. М., 1984. 238 с.; *Данченко С. И., Чуркина И. В.* С. А. Никитин и его научная школа историков-славистов // Славяне и Россия... С. 8–35.

¹⁸² *Виноградов В. Н.* Восточный вопрос и Балканы. Размышления о современном этапе исследования // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 61–79; Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. Н. С. Киняпина М., 1978. 434 с.; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос : из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. 368 с.; Международные отношения на Балканах, 1856–1878 гг. / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1986. 414 с.

балканской государственности, когда было создано Болгарское государство, получили независимость Сербия и Румыния¹⁸³.

Но и на этом направлении возникал свой «идеологический фронт». Перед советскими историками стояла задача бороться с «буржуазными фальсификациями» истории России, которые «раздувают мифы о том, что со времен Петра I она якобы неизменно стремилась захватить Константинополь и выход к Персидскому заливу, установить господство над Европой»¹⁸⁴. В трудах Ф.А. Ротштейн, А.Л. Нарочницкого, Н.С. Киняпиной, В.М. Хевролиной, В.Н. Виноградова, К.Б. Виноградова были изучены дипломатические стратегии России в восточном вопросе, ход переговорного процесса по спорным делам с Германией и Англией, особые интересы Румынии, роль Франции и Австро-Венгрии в закулисных комбинациях с балканскими элитами. Советским историкам удалось ввести в научный оборот значительный массив дипломатических документов, раскрывающих роль и интересы каждой из великих держав на Балканах. Это позволило существенно откорректировать предвзятые подходы «остфоршунга», в которых Россия объявлялась единственной виновницей затяжного балканского кризиса¹⁸⁵. Но если политические аспекты внешней политики России (особенно на балканском направлении) подробно изучались, то ее торгово-экономические интересы, роль на мировых рынках были исследованы фрагментарно¹⁸⁶.

В советских славистических исследованиях к концу 1980-х гг. был достигнут достаточно высокий уровень в систематизации форм и типов освободительных движений зарубежных славян. Но сохранялось негласное табу на темы о панславизме. Первая попытка его преодолеть была сделана В.К. Волковым в 1969 г., когда он решил сравнить пангерманизм и панславизм в монархии Габсбургов¹⁸⁷. Но это смелое начинание не получило продолжения. Как правило, исследователи славянской идеологии предпочитали уходить от терминологических дискуссий, ссылаясь на отсутствие четких критериев для их типологии¹⁸⁸. Только в труде «Польша на путях развития и утверждения капитализма»

¹⁸³ *Нарочницкая Л. И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах, 1875–1878. М., 1979. 142 с. ; Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. / под ред. И. А. Федосова [и др.]. М., 1981. 224 с.

¹⁸⁴ *Нарочницкий А. Л.* Итоги и задачи изучения политики России и международных отношений в Юго-Восточной Европе // Внешняя политика России (историография). М., 1988. С. 11.

¹⁸⁵ *Ротштейн Ф. А.* Международные отношения в конце XIX в. М. ; Л., 1960. 705 с.

¹⁸⁶ *Субботин Ю. Ф.* Внешняя торговля России конца XIX – начала XX в. Итоги и задачи исследования // Внешняя политика России (историография). С. 121.

¹⁸⁷ *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «панславизм» и «пангерманизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения / отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1969. С. 25–69.

¹⁸⁸ *Лещиловская И. И.* Концепция славянской общности в конце XVIII – первой половине XIX века // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 75-92 ; Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. В. И. Злыднев. М., 1977. С. 114; *Дьяков В. А.*

(1984) признавалось, что наряду с «официальным панславизмом» в России существовала и «идея польского панславизма», мечта о Славянской федерации во главе с Польшей. Авторы подчеркивали, что всеславянский мессианизм был вообще свойственен молодым нациям австрийских славян.

Историографический перелом в советской историографии был связан с отказом от идеализации антигабсбургских освободительных движений. Постепенно приходило понимание, что гуманистически ориентированный «культурный национализм» эпохи Просвещения и романтизма с идеальной фигурой «гражданина мира» со второй половины XIX в. стал уступать место интегральному национализму – радикальному и воинственному.

Наиболее яркие новые тенденции получили отражение в теории «полной и неполной социальной структуры» национальных движений Австро-Венгрии, которую в 1970–1980-е гг. разрабатывали Илья Соломонович Миллер, Владимир Израилевич Фрейдзон и Тофик Муслимович Исламов под влиянием трудов польского историка Юзефа Хлебовчака. Акцент делался на наличие или отсутствие «исторического дворянства» в социальной структуре складывавшихся наций. Именно эта привилегированная, наиболее образованная группа обладала развитым национальным сознанием, воспитанным в лоне аристократических семей, где предания не менее ценны, чем имущество. В соответствии с этой теорией, те движения, где были сохранены исторические элиты (венгерские, польские), смогли достичь наибольших успехов в консолидации наций модерна. Такой подход позволил отойти от нормативной марксистско-ленинской парадигмы, привлечь внимание к социально-историческому анализу.

В центр исследований было поставлено сравнительное изучение славянской идеологии и процессов формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. В противовес прежним марксистским установкам признавалась ведущая роль национальных

Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения с конца XVIII в. до 1939 г. // Методологические проблемы истории славистики / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1978. С. 232 ; *Его же*. Славянский вопрос в общественной мысли дореволюционной России // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X Международный съезд славистов / отв. ред. И. И. Костюшко. М., 1988. С. 29–41; *Мыльников А. С.* Роль культуры в становлении национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон. М., 1981. С. 48 ; *Его же*. Об истоках становления славяноведения в России // Историографические исследования по славяноведению и балканистике / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1984. С. 10–17, 25–30 ; *Чуркина И. В.* Идея славянской взаимности в словенском национальном самосознании // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 37–50.

элит, предпринимателей и интеллигенции¹⁸⁹. Но оценочные критерии («реакционные» буржуазно-либеральные и «прогрессивные» буржуазно-демократические группы) продолжали воспроизводиться¹⁹⁰. В крупном обобщающем исследовании «Освободительные движения народов Австрийской империи» (1981 г.) отдельная глава была посвящена типологии «славизмов». В.И. Фрейдзон выделял «прогрессивные и реакционные моменты» в национализме каждого малого народа. Различные проекты славянской солидарности были, по его мнению, инструментом в борьбе национальных партий ради собственных политических целей¹⁹¹. Таким образом, положение о вторичности славизмов по сравнению с национальной идентичностью, которое отстаивала критическая историография Чехословакии в 1960-е гг., через двадцать лет было принято и советскими историками.

На волне интереса к сравнительно-историческим обобщениям стали разрабатываться комплексные модели национальных движений с учетом локальных особенностей, социальной структуры и роли славянской идеологии. Возросло качество и интенсивность польских (С.М. Фалькович, Г.Ф. Матвеев, А.И. Миллер, Л.Е. Горизонтов), хорватских (В.И. Фрейдзон, С.А. Романенко), словенских (И.В. Чуркина), чешских и словацких исследований (Л.П. Лаптева, З.С. Ненашева, К.П. Гогина)¹⁹².

Несмотря на декларируемый метод социального анализа, все же сохранялась традиционная приверженность советских славистов к политико-идеологической проблематике. Были пересмотрены представления о безусловном русофильстве зарубежных славян, проанализированы их прагматичные интересы в отношениях с Россией и прогабсбургские приоритеты. В целом можно констатировать, что в 1980-е гг. намечился отход от славяноцентризма, который постепенно оттеснялся опытами системной концептуализации исторического региона.

Таким образом, в эпоху холодной войны историческая наука оказалась еще более активно вовлечена в политическое мифотворчество, особенно если это касалось тем,

¹⁸⁹ Польша на путях развития и утверждения капитализма, конец XVIII – 60-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 1984. С. 235–237.

¹⁹⁰ Дьяков В. А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности... С. 234 ; *Его же*. Славянский вопрос в общественной мысли дореволюционной России. С. 29-41.

¹⁹¹ Освободительные движения народов Австрийской империи : период утверждения капитализма / отв. ред. В. И. Фрейдзон. М., 1981. С. 241–244.

¹⁹² По предложению «Австрийского исторического еженедельника» в 1995 г. под руководством Т.М. Исламова была подготовлена обзорная статья о достижениях советской историографии в области исследования монархии Габсбургов, поскольку западные исследователи имели поверхностное представление о советских научных исследованиях: *Islamov T., Miller A., Pavlenko O. Soviet historiography on the Habsburg Empire // Austrian history yearbook. 1995. Vol. 26. P. 165–188.* В этой работе была сделана попытка подробно охарактеризовать достижения в страноведческих исследованиях советских славистов и представить библиографию наиболее значимых трудов.

связанных с историей международных отношений. Латентная идеологизация проблематики имперского XIX века усиливалась оценочными подходами и исследовательскими практиками, направленными на «разоблачение агрессивной политики» того или иного государства.

Тем не менее за полвека холодной войны происходили сложные сдвиги в научных сообществах историков Востока и Запада. Линии «идеологических фронтов», прочерченные в 1950–1960-е гг. с резкими, в черно-белых тонах суждениями и оценками, постепенно размывались. Взаимный интерес исследователей, волею судеб оказавшихся по разные стороны идеологий, помогал преодолевать возведенные барьеры. К 1980-м гг. национальные историографии вышли на качественно новый уровень обобщений, существенно расширив диапазон тем (особенно на стыке историко-социологических и культурологических методов). Но если западные исследователи (прежде всего австрийские) смогли сформировать целостную концепцию государственного развития монархии Габсбургов, то советское славяноведение скорее достигло успехов в детальной реконструкции национальных движений вне их увязки с общегосударственным пространством.

1.3. Новые направления современной историографии в 1990–2000-е гг.

Глобальные трансформации 1990-х гг. разрушили барьеры противостояний в научном гуманитарном пространстве. Интеллектуальные прорывы за последние четверть столетия лет изменили качество знания о прошлом. Идеи и методологии, взаимопроникая и дополняя друг друга, создали новую научную среду, открытую и восприимчивую к альтернативным идеям и аргументам¹⁹³. Но при этом современная историографическая ситуация, расширяя возможности для осмысления и объяснения опыта прошлого, создает и новые вызовы для историков.

Во-первых, междисциплинарные методы открыли дорогу новым концептуальным обобщениям и аналогиям. Но иногда научным рефлексиям не хватает серьезной эмпирической основы. Источниковедческий анализ зачастую просто не успевает за стремительной модернизацией понятий.

Во-вторых, в каждой из национальных историографий продолжают сохраняться свои традиции и предпочтения. Одной из примет нашего времени стал огромный общественный интерес к истории и «присвоение прошлого» в политических и медийных

¹⁹³ Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. М., 2011. 559 с.

проекциях¹⁹⁴. История никогда не существовала только в формате академической науки. Любая национальная историография как целостный интеллектуальный объект содержит стратегическую программу по осмыслению и развитию ценностных гражданских ориентиров. Понятно, что в международной корпорации историков сложно выработать *modus vivendi*, который бы соответствовал запросам разных национальных школ, снижал потенциал агрессивности в историческом восприятии друг друга, закладывал коды гуманности и созидания, а также гордости за свою страну и веру в ее будущее. В каком сочетании должны быть представлены государственная трактовка и локальные исторические практики, гражданское общество и восприятие Других сквозь призму исторического опыта? Эти актуальные вопросы активно обсуждаются научными сообществами в России и за рубежом.

В-третьих, постмодернистская парадигма раскрыла огромный потенциал жизнеустойчивости коллективной памяти на различных временных отрезках и в масштабе исторических эпох. В современной историографии на первый план вышло изучение способов и форм присвоения прошлого, роли памяти в историческом конструировании коллективной идентичности. Вслед за социологами, антропологами и культурологами историки включились в исследование соотношений памяти / истории / идентичности¹⁹⁵. Даже внешнеполитические задачи «исторических войн», которые вспыхивают между отдельными сообществами историков (профессиональными и любительскими) уже стали отдельным предметом изучения¹⁹⁶.

Наконец, «мемориальный бум», охвативший мировую историографию, вызвал необходимость разработки новой методологии, применимой к сравнительному изучению коллективных представлений о прошлом и историческому опыту. Как подчеркивает авторитетный ученый в области интеллектуальной истории Л.П. Репина, «множественность идентичностей, наличие конкурентных версий исторической памяти,

¹⁹⁴ *Зверева Г. И.* «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России : (дискурсивный анализ публикаций последних лет) // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 540–556.

¹⁹⁵ *Репина Л. П.* Память о прошлом и история // Диалоги со временем : память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2018. С. 7–18 ; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом : теория и история. СПб., 2003–2006. Т. 1–2. Стоит отметить, что на российскую интеллектуальную историю существенное влияние оказали идеи известного немецкого историка Йорна Рюзена и крупного культуролога Яна Ассмана: См.: *Rüsen J.* Studies in metahistory. Pretoria, 1993. 239 p. ; *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. С. 8–26 ; *Assmann J.* Das Kulturelle Gedächtnis : Schrift, Erinnerungen und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992. 344 S. (*Ассман Я.* Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 363 с.)

¹⁹⁶ Историческая политика в XXI веке сборник статей / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2012. 646 с. ; Россия и Польша : история общая и разобшенная / под ред. Е. И. Пивовара, О. В. Павленко. М., 2015. 413 с.

альтернативных воспоминаний даже об одних и тех же событиях и существование разных моделей интерпретации требуют разработки теоретических процедур, которые бы позволили поставить изучение соотношения «память / история / идентичность» на научную основу»¹⁹⁷.

1.3.1. Междисциплинарная методология в исторических исследованиях: потребности и опыт применения

Действительно, историческая наука сегодня все больше вызывает расхожую ассоциацию «плавильного котла», в котором формируется новое знание и понимание прошлого, более объемное и многомерное, чем создавали прежние научные школы. Сдвиги происходят и в истории международных отношений, хотя российские исследования в большинстве своем отличаются приверженностью к традиционному стилю событийного описания, пристрастием к архивным документам, эмпирической точностью и детализацией. В то же время направления, которые ярко заявили о себе в 1980-е гг. в западной историографии, за последние десятилетия утвердились и в отечественных исследованиях. Социальная история, лингвистический поворот, синергетический и конструктивистский подходы с разной степенью успешности дали свои плоды на российской почве. Можно выделить несколько направлений, которые в современной российской историографии весьма успешно могут применяться в комплексных исследованиях по истории славянского вопроса.

Конструктивизм в истории международных отношений

Третья волна «великих дебатов» в западной историографии международных отношений подняла на пик интереса дискуссии о междисциплинарной парадигме исследования, более глубоком постижении взаимосвязей между объектами и предметами. В истории международных отношений все больше позиций отвоевывает направление, которое в англо-саксонской традиции называется «социальный конструктивизм» или просто «конструктивизм» (в немецких и французских исследованиях)¹⁹⁸. Конструктивисты выдвинули на первый план онтологическое понимание «международного мира» как социальной структуры, где все игроки действуют в соответствии с теми коллективными представлениями о себе и своих действиях во внешнем мире, которые сложились в их сообществах. Обоснованная одним из лидеров

¹⁹⁷ Репина Л. П. Память о прошлом и история. С. 11.

¹⁹⁸ Павленко О. В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 6 (149). С. 53–67.

этого направления Александром Вендтом теория «актор – структура» акцентировала внимание на социальной мотивации поведения и интересов международных игроков¹⁹⁹.

Во французской школе международных исследований конструктивистский поворот был сразу органично воспринят²⁰⁰. В американской историографии методы исследования международной реальности сначала сопровождались жаркими спорами со сторонниками «архивного» взгляда на историю международных отношений. Но уже в 1990-е гг. конструктивисты активно стали изучать роль классов, идеологии, политической культуры в их взаимосвязанности с внешней политикой²⁰¹.

Наибольшее распространение получила концепция трансформации мирового порядка, согласно которой исторические формы международных систем всегда обладали достаточным потенциалом устойчивости. Но крупные игроки (прежде всего великие державы), продвигая свои интересы, неизбежно входили в противоречия друг с другом, начинали ревизию и подрывали основы мирового порядка.

Все системы международных отношений создавали определенный набор ограничителей для сдерживания амбиций наиболее сильных игроков. Но никогда не существовало жестких правовых норм контроля над их действиями, поскольку это не соответствовало интересам ни одной великой державы. Возможности обходить ограничители всегда использовали великие, региональные и даже малые державы, используя негласные правила игры в дипломатических коллизиях. Ключ к разгадке политического поведения игроков в мировой политике, по мнению конструктивистов, следует искать в социальной природе их интересов и идентичности²⁰². Такой подход позволяет высветить в новом свете роль насилия во внешней политике и ролевые функции таких понятий, как «друг», «враг», «соперник», «союзник»²⁰³.

¹⁹⁹ Само понятие «конструктивизм» стало использоваться только со второй половины 1990-х гг. и было введено Николасом Онуфом (1989). В его определении конструктивизм формирует межсубъектное качество социального мира, раскрывает взаимосвязи между акторами и структурами, ставя во главу угла изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе. См.: *Onuf N. Constructivism: a user's manual // International relations in a constructed world / ed. V. Kubálková [et al.]. Armonk, 1998.*

P. 58–78; *Spindler M., Schieder S. Theorie(n) in der Lehre von den internationalen Beziehungen // Theorien der internationalen Beziehungen / S. Schieder, M. Spindler (Hg.). Opladen, 2003. S. 7–10 ; Ulbert C. Sozialkonstruktivismus // Ibid. S. 391–420 ; Wendt A. Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics // International Organization. 1992. Vol. 46, № 2. P. 394.*

²⁰⁰ *Soutou G.-H. Die französische Schule der Geschichte internationaler Beziehungen // Internationale Geschichte : Themen – Ergebnisse – Aussichten / W. Loth, J. Osterhammel (Hg.). München, 2000. S. 42.*

²⁰¹ *Hunt M. H. Die lange Krise der amerikanischen Diplomatiegeschichte und ihr Ende // Ibid. S. 78–82.*

²⁰² *Wendt A. Anarchy is what states make of it. P. 394.*

²⁰³ *Idem. The agent-structure-problem in international relations theory // International organization. 1987. Vol. 41, № 3. P. 335–370 ; Adler E. Constructivism and international relations // Handbook of international relations / ed. by W. Carlsnaes [et al.]. London, 2002. P. 95–118; Checkel J. T. Norms,*

Согласно конструктивистскому подходу, коллективная идентичность реализуется на микроуровне – «государство в себе» и «для себя», а также на макроуровне – миссия государства в мире. Если первый подразумевает общественно-государственные проекты, то второй – сложную систему внешних взаимодействий. Процесс восприятия «Других» чрезвычайно важен, потому что только при контактах с другими сообществами рождается понимание собственной уникальности и значимости. Исторический опыт взаимодействия с «Другими», смены фаз гуманитарных притяжений и отторжений в международных отношениях, слепки памяти о триумфах и поражениях, дружбе и предательстве – все эти контактные процессы во внешнем мире тысячами невидимых нитей связаны с глубинным пониманием собственного «Я» в масштабе национально-государственного социума.

Замечу, что конструктивистский подход не альтернативен позитивистскому отношению к источникам или реалистичному подходу к истории международных отношений. Просто он открывает больше возможностей для всестороннего изучения механизмов внешней политики, глубинных социокультурных кодов политического поведения различных игроков на международной арене. В этом ракурсе международная система предстает как совокупность социальных общностей, каждая из которых обладает собственной ценностной структурой и исторической индивидуальностью.

Комплексный подход к историческим явлениям

Необходимость новой междисциплинарной методологии остро ощущается не только в области интеллектуальной истории или международных исследованиях. Историк Б.Н. Миронов критически оценивает тенденцию к фрагментации и микроисследованиям в отечественной историографии и призывает к выработке комплексного подхода на основе междисциплинарного синтеза – «новой социальной истории»²⁰⁴. Трудно согласиться с принижением значения микроисторических исследований. Без них невозможно понять во всей спонтанности и противоречивости жизнь обычных людей с ее рутиной, эмоциями, восприятиями, формальными и неформальными ритуалами повседневности. Но важнее другое – поставлен вопрос о комплексной методологии как инструменте познания прошлого.

Действительно, историческая перспектива позволяет преодолеть наивное представление о том, что любое изменение есть новация в повседневном масштабе. Как соотносить современность и воображаемую реальность прошлого? Ведь настоящее приобретает особый смысл и значимость только при сопоставлении с прошлым.

institutions, and national identity in contemporary Europe // *International studies quarterly*. 1999. Vol. 43, № 1. P. 84–114.

²⁰⁴ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. С. 27.

Современность создает свою историческую хронометрию и интерпретацию эпох. Русский философ М.В. Ильин писал о зависимости между «реальным» и «историческим временем», которое измеряется циклами политических обновлений. Отдельный интерес вызывает *качество повторяемости*.

Структуралистский подход с его причинно-следственными объяснениями позволяет выявить типологии в историческом развитии. Но описательные нарративы раскрывают лишь линейную последовательность событий: предпосылки – причины – ход действия – последствия. Для нас особый интерес представляют те масштабные исследования, авторы которых смогли применить комплексный подход, перешагнуть через барьеры жесткой хронометрии и по-новому осмыслить межсубъектное качество социального мира в «долгом XIX веке».

Фундаментальное исследование немецкого историка Юргена Остерхаммеля «Трансформация мира. История XIX века» стало настоящим прорывом в мировой историографии²⁰⁵. Он признает, что написал свой труд в полемике с книгой Кристофера Бейли «Рождение современного мира, 1780–1914 гг.: глобальные связи»²⁰⁶. Оба автора по-своему видят истоки глобализации и «вечные темы» XIX в. – колониализм, империализм, рождение наций модерна, геополитику империй.

По сути, книга Ю. Остерхаммеля – это контролируемая игра ассоциаций и аналогий на основе междисциплинарного синтеза. Но если К. Бейли интересуют прежде всего вопросы национализма и религии, то Ю. Остерхаммель создает масштабную панораму миграций, экономических циклов, трансформации пространств, империй, регионов. «Долгий XIX век» понимается в философско-историческом смысле, как многоуровневая социальная структура. Читатели погружаются в потоки времени, жизнь людей, обществ, национальных государств, империй, где локальные традиции постепенно и неотвратимо вытеснялись нормативной универсализацией.

Во главу угла поставлено сравнительное изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе на уровне как региональных, так и глобальных коммуникаций. Критически оценивая стремление структуралистов везде находить «коды целостности», Остерхаммель выделяет непрерывные линии наиболее значимых процессов, пронизывающие XIX в. Для него важно описать изменения в их стихийном

²⁰⁵ *Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt : eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009. 1568 S. Первые пять изданий книга выдержала в 2009–2010 гг. Новое издание, переработанное, было осуществлено в 2011 г.*

²⁰⁶ *Bayly C. A. The birth of the modern world, 1780–1914 : global connections and comparison. Malden; Oxford, 2004. 540 p.*

развитии, своеобразии – «изначальной неинтегрированности». Такой подход позволил сформировать новый взгляд на международный мир и повседневность XIX в.

Все знают, что это был век Европы. Соответственно, Ю. Остерхаммель пытается создать «наиболее европоцентричный» портрет эпохи, открывающий широкие возможности для сравнительных исследований в истории международных отношений²⁰⁷. Особый интерес представляет VIII глава, где он сопоставляет империи и национальные государства, посвящая разделы не только дипломатии великих держав и империалистической экспансии, но и повседневности (тому, как жилось в империях). Эта глава логично связана со следующей – «Система великих держав, войны, интернационализмы», – в которой характеризуются пути развития мирового порядка. Выделены темы: роль войн и «мирная Европа»; отсутствие мира в Азии и Африке; внешнеполитические инструменты и «интеркультурное искусство»; интернационализмы и нормативная универсализация в имперских государствах.

Такой же масштаб видения XIX в. задан и в пятом томе российского издания «Всемирной истории»²⁰⁸. В первом разделе показаны те коренные изменения на протяжении всего XIX в. в организации экономики, государства, общества и политики, которые привели в движение гигантские массы капитала, товаров, услуг, миграционных потоков, вызвали демографический взрыв. Но приоритет был отдан темам о человеке. Ведь все глобальные преобразования влекли серьезные изменения в структурах повседневности. Авторы ставят важные вопросы. Как менялось качество и стиль жизни людей в бурных потоках индустриализации? Как преобразилась роль женщин в обществе? Как политика, благодаря газетам, перестала быть привилегией аристократических гостиных и правительственных кабинетов, превратилась в массово растиражированное явление?

Настоящей удачей, на мой взгляд, можно считать раздел книги «Мир-система XIX века: империи и нации», где А.И. Миллер поставил методологический вопрос о «национализме имперских наций» и необходимости преодоления в историографии противопоставления наций-государств империям²⁰⁹. В страноведческих разделах этого фундаментального коллективного труда было показано, как имперские проекты взаимно дополняли и развивали локальные интересы национальных сообществ.

²⁰⁷ *Osterhammel J.* Op. cit. S. 16.

²⁰⁸ *Павленко О. В.* Рецензия: Всемирная история. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / гл. ред. А. О. Чубарьян ; отв. ред. В. С. Мирзеханов. Москва : Наука, 2014. 939 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 4 (81). С. 257–262.

²⁰⁹ *Миллер А. И.* Империя и нация в «долгом XIX веке» // Всемирная история / отв. ред. В. С. Мирзеханов. М., 2014. Т. 5. С. 246–263.

Третий раздел «Межгосударственные и международные отношения в XIX – начале XX века» воссоздает масштабную картину дипломатических отношений. Три главы, в соответствии с устоявшейся хронологией, последовательно описывают военно-дипломатическую историю и интересы держав от наполеоновских войн до революций 1848–1849 гг.; от Крымской войны до войны 1870–1871 гг. и провозглашения Германской империи; от наступления эпохи «реальной политики» до Первой мировой войны. В них подробно излагаются основные изменения, которые происходили в системе европейского равновесия, когда принцип монархической солидарности стал постепенно вытесняться «политикой интересов», соображениями прямой и ощутимой выгоды. Как подчеркивает автор раздела А.В. Ревякин, хотя «соотношение в силах основных держав изменилось, но их общий баланс, заметно поколебленный революциями и войнами 1848–1871 гг., несмотря ни на что, сохранялся». В то же время «грубая военная сила по-прежнему играла большую роль, чем право»²¹⁰. Одновременно развивалась «политическая культура компромиссов». В целом, этот раздел развивает лучшие традиции дипломатической истории в отечественной историографии, заложенные еще известным изданием «История дипломатии».

Вышеперечисленные российские и зарубежные издания закладывают новый комплексный подход к осмыслению процессов и явлений «долгого XIX века». Историческая реальность анализируется в изменчивых пространственных и временных параметрах, во всей сложности и многомерности социальных систем. Сквозь призму этого подхода границы между внутренней и внешней политикой государств стираются. Высвечивается тесная взаимозависимость интересов элит и моделей коллективной идентичности, проектов укрепления власти с внешнеполитическими и экономическими стратегиями.

1.3.2. Историографические образы Австро-Венгрии в современных австрийских исследованиях

За последнее десятилетие в габсбургских исследованиях существенно усилились позиции конструктивистов, отказавшихся от типичных схем структуралистов, что вызвало переход от «описательных» к «рефлексивным» интерпретациям²¹¹. Наиболее ярко это направление представлено научной школой академика Морица Чаки, возглавляющего Комиссию по истории культуры и театра²¹² Австрийской академии наук. М. Чаки создал среду единомышленников по изучению австрийского модерна, объединившую научные

²¹⁰ Ревякин А. В. Мировая политика последней трети XIX – начала XX века // Там же. С. 813–824.

²¹¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. С. 359–360.

²¹² В настоящее время – Институт по изучению культуры и истории театра.

центры Австрии, Германии, США, Италии, стран Центральной и Восточной Европы, России.

В основе разработанного им «антикварного» подхода лежит представление о функциональности культуры в многосоставном государстве. Отсюда особая значимость «памяти культуры», ее цементирующей связи в формировании коллективных общностей вплоть до современности. Этот подход в австрийской историографии возник на базе синтеза историко-социологических, историко-антропологических и культурологических методов. В центре внимания конструктивистов – история эмоций. Поэтому так интересен феномен австрийского модерна с его «вибрирующей смятенностью», когда люди пытались любыми способами быть открытыми, свободными, раскованными, чтобы выжить в бесчисленных установках и обременительных условностях монархии.

В серии исследований на основе анализа живописи, архитектуры, поэзии и музыки реконструируется субъективное восприятие кризиса модерна в разных социальных слоях австро-венгерского общества²¹³. Научная школа М. Чаки доказала, что модернизация монархии Габсбургов оказалась успешной в экономической сфере и улучшила качество жизни. Но вместе с тем произошло разрушение традиционных структур, исчезали вековые нормы, существовавшие на безусловном уровне в массовом сознании²¹⁴.

Большой интерес в 2000-е гг. вызвала тема государственной власти и династического мифа. В совместных проектах Чешско-немецкой и Словацко-немецкой комиссий историков исследовалась габсбургская иконография – героическая интерпретация биографий правителей из дома Габсбургов²¹⁵. Важно было понять, какие концепты закладывались в его литературных, художественных и монументальных образах. В книге В. Телеско исследовались формы проявления «общей государственной идеи» в литературных произведениях, изобразительном искусстве, архитектуре,

²¹³ Csáky M. Das Gedächtnis der Städte : kulturelle Verflechtungen – Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa. Wien ; Köln ; Weimar, 2010. S. 129–268.

²¹⁴ Модерн. Модернизм. Модернизация : по материалам конференции "Эпоха "модерн". Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX – XX веков. Россия, Австрия, Германия, Швейцария" / отв. ред. Н. С. Павлова, О. В. Павленко. М., 2004. 524 с. ; Механизмы власти : трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX – XX вв. / редкол.: О. В. Павленко [и др.]. М., 2009. 421 с. Одна из книг этой общей серии была издана в Австрии: Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell / hrsg. von P. Deutschmann [et al.]. Wien, 2011. 406 S.

²¹⁵ Telesko W. Die Rezeption der Ikonographie Kaiser Josephs II. im Spannungsfeld tschechischer und deutscher Identitätsstrategien im späten 19. Jahrhundert // Kultur als Vehikel und als Opponent politischer Absichten : Kulturkontakte zwischen Deutschen, Tschechen und Slowaken von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis in die 1980er Jahre / hrsg. von M. Marek [et al.]. Essen, 2010 ; *Idem.* Das Haus Habsburg und seine dynastischen "Helden" im 19. Jahrhundert // Zeitreise Heldenberg – lauter Helden : Katalog zur Niederösterreichischen Landesausstellung 2005 / W. Müller-Funk, G. Kugler (Hg.). Horn ; Wien, 2005. S. 67–74.

памятниках, топонимике городов и улиц, поздравительных и видовых открытках, декоративных орнаментах вокзалов и оперных зданий. В этом фундаментальном исследовании была детально проанализирована динамика «кодирования общественного пространства», государственный заказ на формирование лояльности и патриотизма среди подданных²¹⁶.

Привлечение широкого круга неписменных источников, окружавших человека в повседневной жизни, позволило откорректировать теорию «распада», выдвинутую еще в межвоенный период. До этого считалось, что причиной распада Австро-Венгрии стал острейший конфликт между национальностями и государственной властью.

Но все оказывалось гораздо сложнее в жизненном пространстве монархии, сформированном из мозаики народов, языков и культур, где органично уживались католицизм, протестантизм, православие и иудаизм. М. Чаки обосновал понятия «плюрализм» и «взаимодействие», чтобы подчеркнуть специфику центральноевропейской общности. Все настолько тесно было переплетено в самосознании жителей большого дунайского государства, что в реальности было трудно провести четкие этнонациональные границы²¹⁷.

Новые подходы стали активно применяться и в традиционных для австрийской историографии исследованиях, охватывающих крупные исторические периоды. В 1997 г. были изданы несколько томов общего проекта «Австрийская история: 1804–1914 гг.» под редакцией В. Гервига. Этот труд отличался от фундаментальной истории Габсбургской монархии 1848–1918 гг. не только концептуально, но и хронологически (включалась вся первая половина XIX в.). Особое внимание в нем было обращено на методологические объяснения.

Наибольший интерес представляет том, написанный Гельмультом Румплером, крупным специалистом по дипломатической истории, особенно австро-германских отношений²¹⁸. Он представил периодизацию истории монархии в XIX – начале XX в. в

²¹⁶ *Telesko W.* Kulturraum Österreich : die Identität der Regionen in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts. Wien ; Köln ; Weimar, 2008. 632 S. ; Barock – ein Ort des Gedächtnisses : Interpretament der Moderne/Postmoderne / Hg. Moritz Csáky [et al.]. Wien ; Köln ; Weimar, 2007. 314 S.

²¹⁷ *Csáky M.* Op. cit. S. 37–83.

²¹⁸ *Rumpler H.* Eine Chance für Mitteleuropa : bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997. 672 S. (Österreichische Geschichte. 1804–1914) ; Bund und deutsche Frage, 1815–1866 : europäische Ordnung, deutsche Politik und gesellschaftlicher Wandel im Zeitalter der bürgerlich-nationalen Emanzipation / hrsg. von H. Rumpler. Wien, 1990. 316 S. ; Innere Staatsbildung und gesellschaftliche Modernisierung in Österreich und Deutschland, 1867/71 bis 1914 / hrsg. von H. Rumpler. Wien ; München, 1991. 288 S. ; *Rumpler H.* Monarchisches Prinzip und Ministerverantwortlichkeit in Österreich und Preussen, 1848–1867 // Bericht über den 11. Österreichischen Historikertag in Innsbruck in der Zeit vom 4. bis 8. Oktober 1971. Wien, 1972. S. 68–76

соответствии с классической схемой: «Австрия и Французская революция (1790–1809)»; «Эра Меттерниха (1809–1848)»; «Революция и реформы (1848–1867)»; «Блеск и нищета национального либерализма (1867–1903/5)»; «Дорога к гибели (1903/5–1914)». Обращает на себя внимание выделенный автором период с 1903 по 1905 г., когда, по его мнению, «потенциал либерального реформирования был полностью исчерпан». Румплер не отходит от традиционной трактовки монархии как парламентского, конституционного государства, но указывает на пределы допустимого компромисса императора с либеральными силами.

Его подход интересен тем, что в нем не возводятся границы между внутренней и внешней политикой. Характеризуя процесс принятия решений отдельными правительственными кабинетами, ученый показывает, как внутренние вызовы в государстве, личные взаимоотношения при дворе и пристрастия императора напрямую влияли на внешнеполитический курс. Дипломатические стратегии и понимание государственных интересов видоизменялись. На них воздействовали социальные процессы модернизации и дуалистические структуры. Венгерская политика и сами венгерские аристократы стали занимать влиятельные позиции при императорском дворе со второй половины XIX в. Постепенно венгерские элиты подчинили своему влиянию Министерство иностранных дел Австро-Венгрии. Особенно заметно это стало на рубеже XIX–XX вв. Замечу, что вывод, сделанный австрийскими учеными еще в межвоенный период, неоднократно был подтвержден современными исследованиями.

При изучении внешней политики Австро-Венгрии необходимо учитывать следующие позиции, разработанные Г. Румплером:

во-первых, он четко выделил и охарактеризовал этапы возникновения австро-немецкого союза, связав его с усилением пангерманизма в самой монархии Габсбургов;

во-вторых, органично вписал внешнеполитические интересы чехов, венгров, словаков, хорватов, словенцев, поляков в общий контекст имперской истории. Правда, галицийский вопрос он подробно не рассматривал. Важно, что ученый обратил особое внимание на внешнеполитические интересы малых народов монархии и показал, что они существенно влияли на имперские стратегии.

В этом смысле работы Г. Румплера закрепляют традицию, сложившуюся в австрийской историографии еще со времени Р. Канна. Габсбургская монархия трактуется как государство, в котором последовательно развивался конституционализм и парламентаризм. Власть готова была идти на конституционные эксперименты, чтобы

через этот политический опыт обрести наконец консенсус в многонациональном пространстве и обеспечить его стабильность. Гельмут Румплер ставит вопрос об эффективности политики консенсуса и показывает, что все возможные политические инструменты были правительством и императором использованы. Но поставить заслоны бурным национальным потокам, которые вырвались словно из «ящика Пандоры», монархия Габсбургов так и не смогла.

Что же касается российской внешней политики, то, в его изложении, она не играла значительной роли для Вены. Гельмут Румплер ограничивается только намеками на «панславистские» стратегии России, но, не имея в своем распоряжении существенных источников, не рискует делать далеко идущие выводы. В его интерпретации «славянский фактор» как таковой имел второстепенное значение. Гораздо большее внимание он уделяет отношениям Вены и Берлина, которые «задавали тон всей политике Габсбургской монархии». Российская политика начинает его интересовать только в связи с аннексией Боснии и Герцеговины в 1908 г., которая спровоцировала дипломатическое противостояние между Веной и Петербургом и стала, как считает Г. Румплер, «началом пути к сараевской трагедии 1914 г.»

Другой том этой серии – «Длинные тени государства. История австрийского общества в XX веке» – был написан ученым из Зальцбурга Эрнстом Ханишем²¹⁹. Как признает автор, работа над книгой заняла шесть лет и стала для него серьезным личным вызовом. Историк методологически близок к конструктивистской школе Морица Чаки. Неудивительно, что особое значение Ханиш придает рубежу XIX–XX вв., поскольку без его изучения невозможно понять новейшую историю Австрии²²⁰. Для сравнительного анализа Австро-Венгрии в качестве «референтных моделей модерности» им были выбраны Германская империя и Швейцария.

Анализируя политическую культуру монархии, Эрнст Ханиш тонко улавливает австрийскую специфику, отмечая такие ее черты, как вертикальная социальная иерархия, особая чувствительность к титулам и регалиям, склонность к формальным процедурам. Без рангов и титулов человек ощущал себя изгоем в системе жесткой социальной иерархии. Отсюда – огромное внимание к церемониям и общественным презентациям власти. Внешняя их декоративность и театральность показательна для обществ, склонных к визуализации политики. Особое значение Э. Ханиш придает доминированию личных связей над общественными принципами. В этом он видит «феодалные атавизмы» и

²¹⁹ *Hanisch E.* Der lange Schatten des Staates : Österreichische Gesellschaftlichegeschichte im 20. Jahrhundert. Wien, 1994. 599 S. (Österreichische Geschichte. 1890–1990).

²²⁰ *Ibid.* S. 16.

живучесть «абсолютистско-барочной традиции персональной близости к власти имущим»²²¹.

Исследователь не ставит под сомнение основную идею австрийской историографии, что Австро-Венгрия была конституционным государством на пути к реальной парламентской монархии. Но, по его мысли, это было все-таки «государство единоначалия», где доминировала династия – Австрийский императорский дом с бюрократическо-централистской формой правления. Правда, власть регламентировалась правовыми нормами и парламентской практикой.

Ученый затронул принципиальный для австрийской историографии вопрос – о сочетании демократических и имперских компонентов в устройстве монархии Габсбургов²²². Германская империя, к примеру, смогла осуществить успешную модернизацию экономики и социальной сферы, но политическая модернизация «в понимании демократии модерна» здесь не удалась. Традиционные элиты, находившиеся у власти, заблокировали развитие парламентаризма. В монархии Габсбургов процессы формирования наций имели запоздалый характер. Пошаговая демократизация политической системы после 1882 г. могла бы существенно снизить остроту национальных конфликтов, но новые демократические элиты не были склонны к компромиссам. Их агитация и политические действия только усиливали социальную разобщенность²²³.

Другой, не менее важной темой, которую рассматривает Э. Ханиш, стала «двойная идентичность». Если процессы государственного строительства развивались достаточно успешно, то формирование общегосударственной идентичности не давало ощутимых результатов. Структурная дифференциация была здесь больше выражена, чем в западных странах. Столкновения между «народными племенами» (Volksstämmen), разнообразные географические условия и культурные антагонизмы, локальные противостояния религий, языков, менталитетов – все это приводило к конфликту с идеологией «общего государства». Немецкоязычные австрийцы воспринимались другими нациями именно как «немцы». В среде высшей аристократии, государственной бюрократии, руководящем составе армии, крупной буржуазии, отчасти в католической церкви австрийская идентичность воспринималась как «наднациональная» форма сознания. Ее поддержка

²²¹ Ibid. S. 26–27.

²²² Ibid. S. 209.

²²³ Ibid. S. 210.

осуществлялась в основном сверху. По своей сути, проект «имперской общеавстрийской нации», по мнению Э. Ханиша, оставался консервативным и элитарным²²⁴.

Как видно, в австрийской историографии за последние два десятилетия существенно поменялись смысловые акценты. Если в 1990-е гг. основным концептом для описания кризисных явлений в монархии Габсбургов признавался национализм, который, как правило, исследовался с позиций целесообразности и рационализации политических действий, то в современных трудах традиционное противопоставление «национализм – империя» методологически усложнилось.

Мы наблюдаем, как постепенно изменяется историографическая ситуация, которую австрийский ученый Й. Файхтингер удачно назвал «методическим национализмом»²²⁵. Привлечение широкого круга визуальных источников, осуществленное прежде всего научной школой модерна М. Чаки, поставило вопрос о пересмотре подходов к изучению многонационального государства. В центре внимания оказалась жизнь большой империи, во всех красках повседневности различных сообществ. В своей совокупности они составляли общий живой организм, внутри которого одновременно развивались процессы интеграции и фрагментации.

Стоит особо отметить, что свойственная в 1960–1980-е гг. австрийской историографии «патока» в характеристиках монархии Габсбургов сменилась в 1990-е гг. критическим анализом, стремлением исследовать историческую реальность во всем ее многообразии. Но инерция «умиления» Габсбургами и «старой доброй Коканией» все-таки сохраняется, поскольку историческая память о монархии стала неотъемлемой частью коллективной идентичности австрийского общества. Тем не менее новое поколение австрийских историков пытается критически осмыслить каноны героизации Габсбургов и «славного прошлого». Отдавая должное роли исторического образования в воспитании гражданской лояльности и патриотизма, они хотят понять, в какие периоды истории и в каких формах происходило формирование великого мифа австрийской историографии – о династии Габсбургов, безупречно служившей отечеству и преумножавшей блага своих подданных²²⁶.

²²⁴ Ibid. S. 154.

²²⁵ Файхтингер Й. По ту сторону методического национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 32–38.

²²⁶ Decloedt L. R. G. *Imago Imperatoris : Franz Joseph I. in der österreichischen Belletristik der Zwischenkriegszeit*. Wien ; Köln ; Weimar, 1995. 260 S. ; *An meine Völker : die Literarisierung Franz Joseph I.* / L. R. G. Decloedt (Hg.). Bern, 1998. 300 S. ; *Dickinger C. Habsburgs schwarze Schafe : über Wüstlinge, Schwachköpfe, Rebellen und andere Prinzen*. Wien, 2000. 223 S. ; *Idem. Ha-Ha-Habsburg : eine wirklich wahre Familiengeschichte*. Wien, 2001. 207 S. ; *Doppelbauer W. Zum Elend noch die Schande : das altösterreichische Offizierskorps am Beginn der Republik*. Wien, 1988. 296 S. ; *Erbe M.*

Появление работы Ханнеса Лейдингера, Верены Мориц и Берндта Шипплера «Черная книга Габсбургов. Неславная история одного царствующего дома» вызвало большой общественный резонанс и острые дискуссии²²⁷. В предисловии к изданию академический учитель авторов, крупный историк Г. Ягшиц справедливо замечает, что династии были свойственны не только блистательные успехи, но и темные, насильственные действия. По его мнению, необходимо избавить австрийскую историческую науку от безусловного преклонения перед династией Габсбургов²²⁸.

На основе многочисленных источников в книге показано, что абсолютизм и чиновничье упрямство были сильнее готовности к компромиссам и способности к реформам. Авторы жестко и критично анализируют внешнюю политику и приходят к выводу, что Франц Иосиф не обладал дипломатическим даром, ввергая страну в опасные конфликты. «Немыслимой глупостью» названа позиция Австрийской империи в Крымской войне, повлекшей расторжение «союза консервативных держав». Вена провоцировала враждебность России, особенно в балканских делах. После Берлинского конгресса 1878 г. габсбургская «игра в великую державу» ввергла ее в череду тяжелых конфликтов, которые в конце концов привели к Первой мировой войне²²⁹. Столь острая трактовка габсбургской политики не привилась в австрийской историографии. Однако она стала блестящей научной провокацией в бесконечном потоке литературы, воспевающей деяния как всей династии, так и ее отдельных представителей. Естественно, эта книга не прекратила «моду на Габсбургов», но обратила внимание на необходимость более критичного подхода.

Значительный вклад в австрийские исследования был сделан Институтом по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (Грац – Вена – Клагенфурт), который за последние десятилетия по праву стал одним из крупнейших международных научных центров не только в Австрии, но и в Европейском союзе. Хотя значительное количество трудов института посвящено международным процессам XX столетия, его сотрудники под руководством профессора Штефана Карнера организовали ряд крупных выставок, связанных с историей монархии Габсбургов, которые привлекли большое внимание общественности. Выраженная концептуализация тематики ярко проявляется не только в залах экспозиций, но и в научных изданиях по материалам каждой из выставок. Такая

Die Habsburger, 1493–1918 : eine Dynastie im Reich und in Europa. Stuttgart ; Berlin ; Köln, 2000. 292 S.

²²⁷ *Leidinger H., Moritz V., Schippler B.* Das Schwarzbuch der Habsburger : die unrühmliche Geschichte eines Herrschergeschlechtes. Wien ; Frankfurt am Main, 2003. 319 S.

²²⁸ *Ibid.* S. 8.

²²⁹ *Ibid.* S. 48–49.

визуализация научных текстов – яркий пример проникновения науки в общественное сознание и формирования гражданской идентичности австрийцев.

В 2008 г. в австрийском парламенте была открыта многоплановая выставка «Австрия. 90 лет республики»²³⁰, которая демонстрировала исторический континуитет между Дунайской монархией, Первой и Второй республиками. Экспозиция выстраивалась вокруг двух ключевых концептов – «политические традиции» и «многонациональность». Было наглядно показано, как важен феномен монархии Габсбургов для современной коллективной идентичности Австрии, исторической памяти обществ Центральной и Юго-Восточной Европы. По сути, эта выставка подводила черту под 90-летним периодом, когда австрийское общество, преодолевая постимперский синдром, искало новые ценностные ориентиры. Ее материалы свидетельствовали о том, что исторический континуитет восстановлен и для австрийского общества не осталось закрытых тем и белых пятен в осмыслении эпох и эпизодов австрийской истории.

Проблема границ в сознании граждан и между государствами была продолжена выставкой «Границы. Без них. Австрия, Словения, Венгрия. 1914–2004», которая реконструировала жизнь национальных обществ, их местный колорит в регионе, где сходятся границы трех государств²³¹. Концепция экспозиции была ориентирована так, чтобы показать историю одного региона с трех национальных ракурсов – австрийского (штирийского), словенского и венгерского.

Еще одна выставка была посвящена взаимоотношениям чехов и немцев. Эта тема вызывала на протяжении XIX–XX вв. самые острые и болезненные дискуссии. В 2009 г. на австрийско-чешской границе экспозиция «Австрия. Чехия. Разобщенные – разделенные – объединенные» впервые на широком общественном уровне представила сложную историю взаимоотношений двух народов внутри одной «конфликтной общности»²³². Исторический диапазон охватывал период от раннего средневековья до современности. Концептуально выставка была ориентирована на выявление механизмов и мотивов враждебности в различные исторические эпохи. Но одновременно было показано, насколько тесно переплетались судьбы людей и как много создавали совместно чехи и австрийские немцы.

²³⁰ Österreich – 90 Jahre Republik : Beitragsband der Ausstellung im Parlament / S. Karner, L. Mikoletzky (Hg.). Innsbruck ; Wien ; Bozen, 2008. 636 S.

²³¹ Grenzenlos : Österreich, Slowenien und Ungarn, 1914-2004 : Beitragsband zur Ausstellung im Gerberhaus Fehring / hrsg. von W. Dornik [et al.]. Graz ; Fehring, 2007. 284 S.

²³² Österreich. Tschechien. Geteilt – getrennt – vereint : Nachlese zur Niederösterreichischen Landesausstellung 2009 / S. Karner [et al.]. Graz ; Wien, 2009. 111 S.

Не меньший интерес вызывают научные публикации Института им. Л. Больцмана. В фундаментальном издании «Война и экономика: от античности до XXI столетия» исследуется феномен войны как фактор модернизации, ставятся дискуссионные вопросы о типологии войн в исторических эпохах. Отдельное внимание уделяется экономическим мотивам военных конфликтов и поствоенных переделов собственности и территорий²³³.

Таким образом, в современных габсбургских исследованиях удалось реализовать три уровня анализа. На микроуровне изучить повседневность, «австрийского человека», его мир и эмоции. На мезоуровне реконструировать социальную реальность, ценностные ориентиры и модели поведения отдельных групп и общественных объединений. На макроуровне осмыслить противоречивое сочетание процессов национальной и государственной интеграции и фрагментации.

1.3.3. Спад интереса к славянским исследованиям в историографии стран Центральной Европы

В историографии стран Центральной Европы уже со второй половины 1980-х гг. активно развивались новые методологии и концепции, перенесенные из австрийских и немецких исследований. Хотя определенная вторичность обновленных историографий стала заметна еще в 1990-е гг., ряд научных трудов оказались прорывными и пользовались заслуженно высокой репутацией в мировой исторической науке. К ним относятся исследования профессора Пражского университета Мирослава Гроха, в которых был проведен сравнительный анализ социального состава национальных движений и обоснованы фазы их становления и развития²³⁴.

Новые подходы в исследовании славянской темы проявились в дискуссии, организованной Институтом истории Восточной Европы в Праге в 1990 г. Обсуждение было построено по проблемно-хронологическому принципу. В докладах Владимира Гостички, Йозефа Ганзалы, Ярослава Вавры настойчиво звучала мысль о существовании двух альтернатив в национальной идеологии – «славянофильской» (этот термин трактовался широко, как славянолюбие), которая по своей сути была русофильской, и проевропейской, направленной на более тесную интеграцию Чехии в общеевропейский процесс. Чешские исследователи доказывали, что русофильство было искусственным, романтическим явлением, не имевшим глубоких корней в общественном сознании.

²³³ Krieg und Wirtschaft : von der Antike bis ins 21. Jahrhundert / Hg. W. Dornik [et al.]. Innsbruck ; Wien ; Bozen, 2010. 634 S.

²³⁴ Hroch M. Přeměny české společnosti a jejich vliv na národní obrození ; Urban O. Vzpomínka na Hradec Králové... ; Idem. Česká společnost...

Противоположную позицию занимали Мирослав Шестак, Владимир Штясны, Ярослав Микулка. М. Шестак убеждал своих оппонентов в том, что система славянских представлений постоянно видоизменялась. На разных этапах национального развития она выполняла определенные функции, поэтому нельзя однозначно отрицать ее роль и значение. Славянская идеология (славизмы) имела разнообразные формы воплощения (славянофильство, полонофильство, русофильство, всеславянство, австрославизм). Но она всегда была важным инструментом национального самосознания. В критические моменты истории, когда возникали экзистенциальные ситуации, срабатывал надежный механизм самозащиты идеологии «славянства». Она помогала преодолевать исторические травмы и снова мобилизовать общество на борьбу за национальные цели.

Рассматривая вопрос о панславизме, М. Шестак указывал на необходимость признания двух его основных типов – «русский панславизм» и «славянский панславизм». Особо он подчеркивал, что «панславизм в качестве реальной или стратегической политической цели царской России никогда не существовал в действительности и у малых народов исполнял только защитную функцию, практически не выходил за рамки культурной взаимности»²³⁵. В который раз М. Шестак вынужден был признать, как и несколько поколений историков-славистов до него, что славянская тема остается заложницей политических процессов в регионе Центральной Европы, поэтому никак не может вырваться из замкнутого круга оценочных характеристик в черно-белом варианте.

Славянская тема была подхвачена крупным австрийским историком Андреасом Моричем, возглавлявшим Институт истории Восточной и Юго-Восточной Европы Венского университета, а затем аналогичный институт в университете г. Клагенфурта. Он был инициатором и организатором симпозиумов в память Матия Майар-Зилински – видного словенского пропагандиста иллирийских и всеславянских идей в XIX в. А. Морич смог объединить усилия ученых-славистов из России, стран Центральной Европы и Балкан (Искра Чуркина, Зоя Ненашева, Татьяна Ивантышинова, Мирослав Шестак, Владислав Штясны, Зоран Константинович и др.).

Задумывая серию сравнительных исследований, он хотел рассмотреть идеи славянской интеграции в разных национальных контекстах в истории Австро-Венгрии и России. Национальное движение он понимал в традиционном смысле, как освобождение от власти центра и отделение «Своего» от «Других». В своих проектах, посвященных славянским идеям в монархии Габсбургов, австрославизму, Пражскому съезду 1848 г., он ставил вопросы о том, какие механизмы были задействованы для мобилизации национального единства; как славянская идея была использована в идеологии славянских

²³⁵ Šesták M. K otázce panslavismu // Slovanský přehled. 1990. Roč 76, č. 4. S. 273.

национализм; был ли панславизм всего лишь образом врага, специально созданным немецкой публицистикой; в чем уникальность австрославизма и его отличие от австрофедерализма; какие мотивы лежали в основе славянских идей²³⁶.

Материалы этих симпозиумов, которые проходили в 1990-е гг., дают представление о новых тенденциях в переосмыслении славянской проблематики. Ученый из Словакии Татьяна Ивантышинова сравнивала не критическое русофильство Яна Коллара с «прагматичным австрославизмом» Людовита Штура. По мнению исследователей из Чехии В. Штясны и М. Шестака, у чехов была более глубокая поляризация в ориентации на русофильство или австрославизм, чем у словаков. Оба исследователя подчеркивали, что чехи ожидали от славянской идеи конкретных политических результатов. Славизмы как таковые характеризовались ими как «гибкий инструмент национальных движений австрийских славян». В то время как у болгар, по мнению Милоша Лалкова, на формирование славянской идеи особое влияние оказывали геополитическое положение и религиозный фактор. Хотя болгарская интеллигенция, по его мнению, критически относилась к русской политической системе, но саму Россию воспринимала как освободительницу от османской власти. Русофильство в среде болгарской элиты серьезно блокировалось сильным прозападным влиянием. Феодосий Стебли подчеркивал, что идея славянской взаимности оказала сильнейшее влияние на становление русинского движения, прежде всего в его стремлении к освобождению от поляков.

В 1990-е гг. активно обсуждались пути интеграции стран Восточной Европы в Европейский союз. Неудивительно, что в австрославизме и австрофедерализме историки стали находить прообразы идей европейской интеграции. Изучение идей и программ «объединений различных национальных территорий» получило особую значимость. В этом новом формате общеславянская проблематика не вписывалась ни в одну актуальную тенденцию, стала тихо исчезать из научных дискуссий и исследований. Ее место заняли исследования моделей центрально-европейской общности, которые теперь трактовались как эффективная альтернатива русофильству и панславизму. Именно концепт «Центральной Европы» стал использоваться как опорный в дискурсах общегосударственного патриотизма, которые изучались на примере монархии Габсбургов. Чешский ученый Иржи Коржалка в своей концепции пяти идеологических доминант с предельной ясностью сформулировал: именно общеавстрийская доминанта была

²³⁶ *Moritsch A. Einleitung // Die slavische Idee / hrsg. von A. Moritsch. Bratislava, 1993. S. 11.*

единственным прибежищем малых народов Центральной Европы, которая защищала их от экспансионизма соседей – Российской и Германской империй²³⁷.

В соответствии с новыми подходами были откорректированы интерпретации ключевых событий в национальной истории славянских народов. Вопреки выводам предшествовавшей историографии и традиции немецких исследований (от Альфреда Фишеля до Эриха Целлнера) об общеславянском характере Пражского съезда 1848 г. на первый план была выдвинута другая трактовка²³⁸. Не только категорически отвергался тезис, что съезд был «манифестацией панславизма», но и особо подчеркивалось, что он был первым выражением общегосударственного патриотизма на широком публичном уровне²³⁹.

Правда, в самой австрийской историографии съезд 1848 г. раньше рассматривался как эпизод на бурном фоне парламентской революции во Франкфурте, протестных выступлений в Вене, венгерского восстания и волнений в Галиции. Его рубежное значение ранее признавалось только национальными историографиями Восточной Европы и в СССР. Тезис об общегосударственном патриотизме все же нуждается в дополнительных разъяснениях. Ведь на Пражском съезде славянские лидеры готовы были выступить защитниками Габсбургской монархии. Но только при условии, что им будет обещано национальное равноправие наряду с немцами. Дискуссии на съезде показали, что представители каждого народа, отстаивая свои «исторические права» на территории, так и не достигли согласия между собой, не говоря уже о спасении Австрии перед угрозой венгерской революционной армии.

Не вдаваясь в подробности описания современных исследований, можно кратко охарактеризовать основные тенденции. Во-первых, утвердился национальный дискурс «малых народов» как монологи национальной памяти об их исторических травмах, стратегиях в отстаивании своего национального достоинства и интересов, особенно в отношениях с великими державами. Во-вторых, особое внимание стало фокусироваться на формах массовой медиализации. Применительно к политической культуре XIX в. речь идет о национально-территориальных образах. Иными словами, об изучении способов кодирования своего национального пространства и их геополитической аргументации. «Территория» приобретала особый смысл в

²³⁷ Pavlenko O. Rußland und die Donauslaven, 1848–1871 // *Der Austroslavismus : ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas* / A. Moritsch (Hg.). Wien ; Köln ; Weimar, 1996. S. 156–177. О концепции И. Коржалки см. подробнее: Павленко О. В. Иржи Коржалка: новый взгляд на процессы формирования наций в Центральной Европе // *Национализм и формирование наций : теории – модели – концепции* / отв. ред. А. И. Миллер. М., 1994. С. 94–111.

²³⁸ *Der Prager Slavenkongress 1848* / A. Moritsch (Hg.). Wien ; Köln ; Weimar, 2000. S. 3–4.

²³⁹ Moritsch A. Revolution 1848 – Österreichs Slaven wohin? // *Ibid.* S. 5–18.

проектировании коллективных идентичностей как на имперском, так и на национально-региональном уровнях²⁴⁰.

В-третьих, в официальной интерпретации коллективной идентичности важное значение приобретал «образ врага», которому уделялось не меньшее внимание, чем созданию собственного образа. Как показывают современные исследования, имитация «врага» была даже более развита, чем представления о самих себе. Концентрация на внешних угрозах придавала особые смыслы мобилизационным стратегиям как молодых национальных сообществ, так и многосоставных имперских наций²⁴¹.

1.3.4. Габсбургские и славянские исследования в России: методология – интерпретации – исследовательские практики.

За последние десятилетия российская историография переживала масштабные дебаты и размежевания, поиск новых парадигм, рассекречивание архивных коллекций и смену поколений. До сих пор среда профессиональных историков не может преодолеть методологические разрывы и восстановить континуитет между имперской – советской – постсоветской эпохами. До сих пор в обществе возникают острые дебаты вокруг тем революций и войн, и кодов коллективной идентичности²⁴².

В российской историографии пересмотр подходов к истории монархии Габсбургов начался в 1990-е гг. параллельно с новыми тенденциям в изучении Российской империи. Для историков важно было не только вписать имперский опыт России в широкий формат отечественной истории, но и объяснить, как он отражается в культуре воспоминаний современного общества. Ракурсы «множественности» и «цельности» преобладают при

²⁴⁰ Добржанский А. В. «Буковинизм» как разновидность регионального самосознания в Австро-Венгрии конца XIX – начала XX в. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О. В. Хаванова. М., 1997. С. 75–83 ; Рупник А. Специфические черты исторического развития словенцев в рамках Габсбургской империи // Там же. С. 84–87 ; Станчич Н. Хорватская нация и национализм на рубеже XIX – XX вв. // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI – XX вв.) / отв. ред. С. А. Романенко [и др.]. СПб., 2011. С. 209–233.

²⁴¹ Рупник А. Путь словенцев к государственной независимости // Славянский альманах, 1998 / отв. ред. М. А. Робинсон. М., 1999. С. 211–228.

²⁴² Чубарьян А. О. Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 5. С. 387 ; Его же. Роль гуманитарного знания в современном обществе // Роль гуманитарных наук в современном обществе: состояние и перспективы / отв. ред.: Е. И. Пивовар [и др.]. М., 2015. С. 38–42 ; Историческое знание и профессиональное гуманитарное образование / А. Б. Безбородов, А. В. Корчинский, О. В. Павленко, П. П. Шкаренков // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4–2. С. 290–299 ; Их же. Культурная история как основа исторического образования гуманитариев // Там же. С. 300–305 ; Павленко О. В. Катастрофа «русской Марсельезы» 1917 г. и ее осмысление в современной историографии // Исторический вестник. 2018. Т. 23. С. 12–37 ; Pavlenko O., Bezborodov A. Die Aktualisierung historischer Erfahrung in russischen Lehrbüchern der 1990er- und 2000er-Jahre // Wirtschaft. Macht. Geschichte : Brüche und Kontinuitäten im 20. Jahrhundert : Festschrift Stefan Karner / G. Schöpfer, B. Stelzl-Marx (Hg.). Graz, 2012. S. 589–606.

описании процессов становления и развития российского государства²⁴³. Акцент делается на историческом опыте взаимного сосуществования. Подобная позиция сближает подходы российской и австрийской историографии в изучении феномена многосоставного государства. Но историки существенно расходятся в оценках эффективности моделей развития двух монархий на востоке Европы.

В 1990-е гг. основным концептом для описания кризисных явлений в монархии Габсбургов для российских исследователей оставался «национализм». Национальные движения анализировали с позиций целесообразности и рационализации политических действий. Этот способ научного объяснения сложился в простую, доступную схему, когда история монархии сводилась к процессам социально-культурной эмансипации национальных сообществ от «гнета немецкого централизма». Несмотря на качественные изменения в методологии исследований, усложнение терминов и подходов, все же сохранялось традиционное противопоставление «национализм – империя».

С начала 1990-х гг. центром притяжения новой историографии стал сектор изучения народов Австро-Венгрии Института славяноведения, который возглавлял Тофик Исламов. Его работы по истории Венгрии и Австрии XIX – начала XX в., со знанием актуальных тенденций в зарубежных исследованиях, оказали существенное влияние на отечественную историографию. Вокруг него собрались основные исследовательские силы, стремившиеся преодолеть прежние методологические разрывы в национальных и общегосударственных нарративах. В институт приезжали ведущие ученые из Австрии, Венгрии, США, Германии, Канады. Были подготовлены совместные издания, в которых рассматривались дискуссионные аспекты истории Австро-Венгрии²⁴⁴. Они открывали новые перспективы в осмыслении социальных, экономических и политических процессов. Впервые на русском языке были опубликованы тексты таких авторитетных авторов, как Соломон Вэнк, Петер Ханак, Валерия Хойбергер, Джон К. Свонсон, Гэри Коэн.

Можно только сожалеть, что сборники, объединявшие материалы нескольких международных конференций по истории Австро-Венгрии, так и не переросли в крупные тематические издания. Но они дали сильный импульс дальнейшим российским

²⁴³ Парсамов В. С. Русский XIX век // Всемирная история. Т. 5. С. 450–504 ; Миллер А. И. Указ. соч. С. 255–263 ; Миронов Б. Н. Концепции и парадигмы в современной историографии // Преподавание истории в школе. 2016. № 6. С. 37–41 ; *Его же*. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 31–69, 75–94, 228–233, 251–258 ; Т. 3. С. 606–607.

²⁴⁴ Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред. Т. М. Исламов, А. И. Миллер. М., 1995. 231 с. ; Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991. 293 с. ; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О. В. Хаванова. М., 1997. 318 с. ; Очаги тревоги в Восточной Европе / редкол.: В. Н. Виноградов [и др.]. М., 1994. 328 с.

исследованиям и формированию тесных контактов с зарубежными учеными. Подобное сотрудничество в рамках изучения истории монархии Габсбургов стало примером глубоких процессов в российской гуманитарной науке, когда новые идеи и подходы, взаимопроникая и видоизменяя друг друга, создавая общее научное пространство.

Не менее важным фактором в развитии новых подходов стало открытие в 1993 г. в Москве и Петербурге Австрийских библиотек по инициативе политика, культуролога и писателя Вольфганга Крауса. Исследователь австрийской литературы Н.А. Бакши так характеризует ситуацию 1990–2000-х гг.: «В Петербурге библиотека объединила вокруг себя круг германистов – А. Березину, А. Белобратова, А. Жеребина, Л. Полубояринову²⁴⁵. Наиболее заметное место здесь занимает А. Жеребин с исследованиями русско-австрийских связей и соответствий на рубеже XIX–XX вв. Он вступает в полемику с постмодернистской интерпретацией австрийского модернизма, связывая его зарождение и особенности с травмой заката Австро-Венгерской монархии. Кризис имперской идеологии и политики, по мысли А. Жеребина, приводит к тому, что на рубеже веков *belle époque* подвергается переоценке как парадоксальная эпоха “веселого апокалипсиса” (Брох), а упадок империи – как вступление в пограничную ситуацию, за которой должен последовать переход в идеальное состояние бескризисного бытия-в-мире. Так начинается процесс изобретения будущего, который вошел в историю культуры под именем австрийского, или венского, модерна. Созданная им картина мира была окрашена ностальгией по утраченному имперскому прошлому и конструировалась на основе модернизации теократической утопии. Именно так понятый венский модерн роднит его с русским модерном и русской философской мыслью рубежа XIX–XX вв.

С осени 1992 г. при библиотеке стали проводиться регулярные симпозиумы об австрийской культуре и литературе: „*Österreich und Russland in literarischen Widerspiegelungen*“ (1992), „*Dostojewskij und die russische Literatur in Österreich seit der Jahrhundertwende*“ (1994), „*Interkulturelle Erforschung der österreichischen Literatur*“ (1996), „*Wien und St. Petersburg um die Jahrhundertwende(n): kulturelle Interferenzen*“ (2000) и т. д.

В 1994 г. при поддержке Министерства науки Австрии был создан “Ежегодник Австрийской библиотеки” в Санкт-Петербурге (*Jahrbuch des Österreich-Bibliothek in St. Petersburg*). При библиотеке в Санкт-Петербурге также возникла инициатива создания

²⁴⁵ *Березина А. Г.* Австрийская литература на кафедре истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского университета // *Австрийская литература XIX – XX вв.* / под ред. А. В. Русаковой. СПб., 1995. С. 106–109; *Белобратов А. В.* Роберт Музиль : метод и роман. Л., 1990. 159 с.; *Жеребин А. И.* Вертикальная линия: венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб., 2011. 533 с. ; *Полубояринова Л. Н.* Поэтика австрийской прозы XIX века. Кемерово, 1995. 99 с. ; *Ее же.* Леопольд фон Захер-Мазох – австрийский писатель эпохи реализма. СПб., 2006. 645 с.

книжной серии, в которой публикуются переводы современных австрийских авторов: Бернхарда, Елинек, Менассе, Винклера, Розай, Главинича и др.»²⁴⁶

На становление новых школ и направлений в исторических исследованиях монархии Габсбургов в России особое влияние оказали труды Соломона Вэнка и Петера Ханака. С ними велась полемика в концептуальных исследованиях Т.М. Исламова и В.И. Фрейдзона, одновременно критичное и очень заинтересованное обсуждение новейших концепций и подходов в мировой историографии монархии Габсбургов²⁴⁷.

Современная историографическая ситуация в России насыщена альтернативными гипотезами и объяснениями. Выделяются несколько направлений, которые, на мой взгляд, существенно расширяют научное понимание истории Австро-Венгрии: (1) сравнительные имперские исследования; (2) изучение процессов взаимовосприятий и взаимовлияний на основе конструктивистской методологии; (3) славянские интеграционные проекты в дипломатических отношениях Вены и Петербурга; (4) гуманитарное измерение российско-австрийских отношений.

В то же время стоит отметить определенную вторичность российских исследований 1990-х гг. по сравнению с западными трудами. Важно было освоить теории и исследовательские практики за рубежом, осмыслить новые понятия, интеллектуальный стиль аргументаций, прежде недоступный советской историографии. Новый комплексный подход пробивал себе дорогу в 1990-е гг., преодолевая сопротивление сторонников традиционного славяноцентричного взгляда на историю Центральной и Юго-Восточной Европы. По сути, в российской историографии почти десятилетие сосуществовали два дискурса – центральноевропейский и славянский. Только в первое десятилетие 2000-х гг. началось их постепенное методологическое сближение.

В настоящее время география австрийских исследований в России достаточно широка. Наиболее влиятельные научные центры сложились в Москве и Санкт-Петербурге. Они тесно взаимодействуют с региональными научными школами, которые существуют

²⁴⁶ Приношу благодарность профессору РГГУ Н.А. Бакши за этот текст, написанный по моей просьбе, чтобы полнее осветить процессы осмысления не только австрийской истории, но и литературы, происходившие в российской интеллектуальной среде в 1990–2000-е гг.

²⁴⁷ Ханак П. Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция 1848-1849 гг. Budapestini, 1953. 80 с. ; *Его же*. Национальная компенсация за отсталость // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. С. 48–62 ; Вэнк С. Династическая империя или многонациональное государство : размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе // Там же. С. 5–24 ; Исламов Т. М. Конец средневропейской империи : размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Там же. С. 25–48 ; *Его же*. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI – XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 11–40 ; *Его же*. Модерн в Средней Европе. Историческая обусловленность. Зарождение. Реализация // Модерн. Модернизм. Модернизация. С. 47–84 ; Фрейдзон В. И. Не увлекаться крайностями // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. С. 9–13.

на Кавказе (в Ставрополе)²⁴⁸ и Тамбове²⁴⁹. Следует также отметить интерес к австрийской теме специалистов из Томска²⁵⁰, Нижнего Новгорода²⁵¹, Воронежа²⁵².

В Москве каждый из научных центров развивает свое направление, что обеспечивает взаимодополняемость и тесное сотрудничество. В Институте всеобщей истории РАН особое внимание уделяется XVIII в. и первой половине XIX в. (Е.В. Котова²⁵³, М.А. Петрова²⁵⁴). В Институте славяноведения РАН исследуются общеавстрийские темы (О.В. Хаванова (эпоха просвещенного абсолютизма), Л.Ю. Пахомова, М.Ю. Дронов и др.)²⁵⁵; история регионов Австро-Венгрии (Венгерское королевство – О.В. Хаванова²⁵⁶; польские земли – М.Э. Клопова²⁵⁷, словенские земли –

²⁴⁸ Kryuchkov I. V., Kryuchkova N. D. Russia and Austria-Hungary: non-political dialogue of two empires in the last third of the XIX – the beginning of the XX century // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49, № 3. P. 1175–1185. URL: http://ejournal52.com/journals_n/1535634587.pdf (дата обращения: 22.10.2020) ; Крючков И. В., Крючкова Н. Д. Историческая память и габсбургский миф: посттравматический синдром человека XX в. и товар общества массового потребления // *Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории*. 2019. № 66. С. 86–100 ; Крючков И. В., Чернов М. С. Индустриализация австрийской половины империи Габсбургов (Цислайтании) во второй половине XIX – начале XX в. Ставрополь, 2018. 183 с. ; Птицын А. Н. Кризис российско-австро-венгерских отношений во второй половине 1880-х годов и его последствия // *Проблемы отечественной и зарубежной истории: мнения, оценки, размышления / редкол.: А. П. Горбунов [и др.]*. Пятигорск, 2008. С. 262–282.

²⁴⁹ Миронов В. В. Австро-венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011. 408 с.

²⁵⁰ Фоминых С. Ф., Степнов А. О. Статус славянских языков в университетах Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX в. : (на материалах журнала «Славянский век») // *РУСИН*. 2016. № 4 (46). С. 141–151.

²⁵¹ Медоваров М. В. Кризис Австро-Венгрии и русская консервативная мысль накануне Первой мировой войны // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2015. № 1. С. 69–77.

²⁵² Семенов М. Ю. Исторический опыт организации народного просвещения в Австро-Венгрии и России в конце XIX – начале XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2016. № 1 (63). С. 159–164.

²⁵³ Котова Е. В. Восточный вопрос в российско-австрийских отношениях в 20–30-е гг. XIX в. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. Вып. 5 (79). URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840006138-0-1> (дата обращения: 02.07.2021) ; *Ее же*. Проблема трансформации абсолютистской империи Габсбургов в конституционную монархию в 1860-е гг. и национальный вопрос // *Там же*. 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002462-7-1/> (дата обращения: 02.07.2021).

²⁵⁴ Петрова М. А. Внешнеполитические проекты Екатерины II и Иосифа II // *Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели*. Ставрополь, 2014. Вып. 5. С. 27–41 ; *Ее же*. Йозефинизм и проблемы религиозного образования в австрийской монархии в последней четверти XVIII в. // *Религиозное образование в России и Европе в конце XVIII – начале XIX в. / под ред. Е. Токаревой*. М. ; СПб., 2009. С. 95–116.

²⁵⁵ Хаванова О. В. Усердие, честолюбие и карьера. Чиновничество в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма. М., 2018. 359 с. ; *Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. / отв. ред. О. В. Хаванова*. М., 2018. 406 с.

²⁵⁶ Хаванова О. В. Венгрия в «большом пестром саду» Франца Иосифа: политическая реальность и исторический миф // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2017. № 12. С. 274–281.

²⁵⁷ Клопова М. Э. Национальные движения восточнославянского населения Галиции XIX – XX вв. в современной русской и украинской историографии // *Славянский альманах*. 2015. № 1–2. С. 365–

И.В. Чуркина²⁵⁸, Л.А. Кирилина²⁵⁹). В обоих академических институтах австрийские исследования включены в научную программу по сравнительному изучению империй²⁶⁰.

На кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ успешно развиваются исследования по неославизму, чешско-немецким отношениям, отечественному славяноведению (Л.П. Лаптева²⁶¹, З.С. Ненашева²⁶², А.А. Ждановская²⁶³, Е.Ф. Фирсов²⁶⁴).

В Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) уже несколько десятилетий реализуются проекты сравнительных исследований Российской империи и монархии Габсбургов. Междисциплинарные исследования объединили историков, культурологов, литературоведов из России, Австрии, Германии и Швейцарии. Научная международная кооперация позволяет ученым осмыслить феномен монархии Габсбургов на междисциплинарном уровне, с привлечением большого массива источников,

378 ; *Ее же*. Галиция // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914. Гл. 1–7.

²⁵⁸ Чуркина И. В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. М., 2017. 574 с. ; *Ее же*. Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте : тезисы международной научной конференции / редкол.: М. Л. Ремнева [и др.]. М., 2016. С. 114–116.

²⁵⁹ Кирилина Л. А. Некоторые аспекты партийной борьбы в словенских землях в конце XIX – начале XX в. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII – XXI вв. / отв. ред. С. И. Данченко. М., 2017. С. 158–176 ; *Ее же*. Влияние Балканских войн 1912–1913 годов на национально-политические процессы в словенских землях // Славяноведение. 2014. № 1. С. 3–11.

²⁶⁰ Центр по изучению истории многонациональной Австрийской империи, Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/nauchnye-podrazdeleniya/centr-po-izucheniyu-istorii-mnogonacionalnoy-avstriyskoj-imperii> ; отдел Новой и Новейшей истории, Институт всеобщей истории РАН. URL: <http://igh.ru/departments/30?locale=ru>

²⁶¹ Лаптева Л. П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – первой четверти XX века. По данным переписки ученых // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 68–93 ; *Ее же*. Галицкий славист Яков Федорович Головацкий (1814–1888) и его связи с чешскими учеными // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 335–344 ; *Ее же*. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. 839 с.

²⁶² Ненашева З. С. Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и реальность // Современная Европа. 2017. № 7 (79). С. 88–97 ; *Ее же*. «Консервативное» русофильство и «прогрессивное» западничество чехов накануне и в начале Великой войны в трактовке российского общества и официальных структур // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне : материалы IV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Степанова С. С., Шкундина Г. Д. М., 2015. С. 506–521 ; Австро-Венгрия в период Первой мировой войны / Т. М. Исламов, О. В. Хаванова, С. А. Романенко, З. С. Ненашева // Война и общество в XX в. / отв. ред. С. В. Листиков. М., 2008. Кн. 1. С. 415–471.

²⁶³ Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. ; Ждановская А. А. Первый среди равных? Австрийское языковое законодательство 1880-х гг. и дискуссия о государственном языке Цислейтании // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. 2018. № 4. С. 46–59.

²⁶⁴ Фирсов Е. Ф. Чешский народ на пути к независимости: увековечение памяти Яна Гуса в Праге в 1915 г. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год : материалы V Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Степанова С. С., Шкундина Г. Д. М., 2016. С. 601–606 ; *Его же*. Т. Г. Масарик в предвоенной России и развитие чешско-русских связей // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. С. 532–540.

введенного в исследования за последнее время. Ведь ключевые вопросы продолжают сохранять свою актуальность. Какое влияние, прямое или опосредованное, оказывала монархия Габсбургов на Россию? Какие видимые и глубинные формы взаимодействия сложились между этими крупными многосоставными государствами в течение почти 300 лет? Как отражаются эти великие империи, исчезнувшие, но не забытые, в исторической памяти и историографии современных обществ?

Первые успешные совместные проекты были осуществлены по австрийской литературе XIX – начала XX в. Наиболее значительным стало исследование «Вена как магнит?», изданное под редакцией Нины Сергеевны Павловой и Гертруд Маринелли-Кониг²⁶⁵. Еще один крупный проект был реализован в РГГУ по инициативе академика М. Чаки. Российские ученые совместно с австрийскими, немецкими, американскими коллегами из Университета г. Граца провели крупное сравнительное исследование «Друг или враг. Австро-Венгрия и Россия как два многосоставных государства в конце XIX – начале XX в.»

В результате были изданы три книги: «Модерн. Модернизм. Модернизация. По материалам конференции «Эпоха “модерн”: нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX–XX вв.: Россия, Австрия, Германия, Швейцария», «Механизмы власти. Трансформация политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX веков» и «Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell»²⁶⁶. Российские, австрийские, немецкие и швейцарские исследователи сравнивали модели презентации власти, коды и символы коллективной идентичности двух государств, динамику и результаты модернизаций, национальную политику и местные условия, сценарии конфликтов и восприятие будущего в среде интеллектуалов и политиков на рубеже веков. Это был первый опыт тесного международного сотрудничества, в ходе которого не только происходил интенсивный обмен знаниями, но и были намечены новые подходы для сравнительного изучения двух монархий в эпоху модерна.

Крупные проекты по сравнительному изучению художественной культуры Австро-Венгрии были осуществлены Институтом искусствознания²⁶⁷.

Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ) совместно с РГГУ и Институтом славяноведения смог объединить исследовательские силы из региональных

²⁶⁵ Wien als Magnet? : Schriftsteller aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa über die Stadt / hrsg. von G. Marinelli-König, N. Pavlova. Wien, 1996. 613 S.

²⁶⁶ Модерн. Модернизм. Модернизация. М., 2004 ; Механизмы власти. М., 2009 ; Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell. Wien, 2011.

²⁶⁷ Художественные центры Австро-Венгрии, 1867–1918 / редкол.: Н. М. Вагапова [и др.]. СПб., 2009. 543 с. ; Художественная культура Австро-Венгрии (1867–1918) : искусство многонациональной империи / отв. ред. Н. М. Вагапова, Е. К. Виноградова. СПб., 2005. 284 с.

университетов России. На его базе издано семь выпусков «Российско-австрийского альманаха: исторические и культурные параллели»²⁶⁸. В СКФУ регулярно защищаются диссертации, посвященные изучению истории Австро-Венгрии²⁶⁹.

Все российские исследования истории Австро-Венгрии объединяет созданная в 2008 г. Российско-австрийская комиссия историков (сопредседатели – академик Александр Оганович Чубарьян и проф. Штефан Карнер). В центре внимания – история взаимоотношений Российской империи и монархии Габсбургов, поддержка и проведение научных исследований различных аспектов истории отношений России и Австрии в XIX–XX вв.

При участии Комиссии был проведен ряд международных конференций, в том числе посвященных Наполеоновским войнам, Первой мировой войне, международным отношениям в Европе. В 2017–2018 г. членами Комиссии была опубликована на русском и немецком языках книга «Россия и Австрия: вехи совместной истории»²⁷⁰. В издании представлен общий взгляд ученых двух стран на события совместной истории – с момента установления первых контактов в конце XV в. до наших дней.

Важно, что в этих трудах политика рассматривалась как поле действия империй, когда отдельные национальные сообщества исследовались в общегосударственном контексте. Такой ракурс позволил не только более детально и точно реконструировать жизнь большой империи, во всех красках повседневности, но и понять стратегии легитимации национализма отдельных ее народов. Но так и остается открытым вопрос о том, как давать оценки эффективности тех или иных имперских механизмов. Нужна ли выработка критериев устойчивости имперского центра перед различными социальными и политическими вызовами? Что важнее – опыт парламентаризма и конституционного развития или сильное централизованное управление?

²⁶⁸ См., например: Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь, 2004–2019. Вып. 1. 2004. 274 с. ; Вып. 5. 2014. 273 с. ; Вып. 6 : К 150-летию образования Австро-Венгерской империи. 2018. 185 с.

²⁶⁹ Новикова О. Н. Боснийско-герцеговинская политика Австро-Венгрии последней трети XIX – начала XX в. и ее роль в развитии международных отношений на Балканах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 26 с. ; Гоголев Б. Б. Социально-экономическое и политическое положение венгерского национального меньшинства в Чехословакии и Румынии в 1918–1939 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 25 с. ; Бекмухаметова Д. Х. «Еврейский вопрос» в Австро-Венгрии в последней трети XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2015. 25 с. ; Чернов М. С. Индустриализация Австрии во второй половине XIX – начале XX в.: особенности и основные направления : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2015. 29 с.

²⁷⁰ Россия – Австрия: вехи совместной истории / отв. ред. С. Карнер, А. Чубарьян. М., 2017. 249 с. ; Müller W., Pavlenko O. Russland und die Habsburgermonarchie, 1853–1914 : von Krisen zum Untergang // Österreich – Russland : Stationen gemeinsamer Geschichte / S. Karner, A. Tschubarjan (Hg.). Graz ; Wien, 2018. S. 63–90 ; Leidinger H., Sergeev E. Der Erste Weltkrieg. Der Prozess des Zerfalls beider Monarchien // Ibid. S. 91–120.

Выводы

В первой главе невозможно было охватить все многообразие подходов и концепций, которые создавались несколькими поколениями историков. Крупные труды, не вошедшие в историографический обзор, будут еще рассмотрены в последующих главах применительно к отдельным темам. Важно было показать динамику интеллектуального процесса, как совокупность аргументов и понятий порождала новый уровень осмысления славянской проблематики. Не только творческая энергия интеллектуалов, но и смена исторических эпох открывала новые мыслительные пространства и формировала контексты борющихся позиций.

История изучения славянского движения – это история не столько реализованных интеграционных проектов, сколько создания линий противостояния и интеллектуального соперничества в исследовании «славянского мира» в целом и роли каждого народа. Динамика концептуальных трансформаций напрямую определялась политическими интересами элит, вне зависимости от исторических периодов. Неудивительно, что в национальных историографиях дискуссии о понятиях, порождавших множество смыслов (как «панславизм», «славянская взаимность», «славизмы», «славянский мир», «панрусизм», «славянофильство») тянулись десятилетиями и не находили общей позиции. Спецификой славянской проблематики изначально было тесное слияние интеллектуального и политического в исторических контекстах XIX – XX вв., что создавало в историографии особую эмоциональную напряженность и чувствительность. Для российских и зарубежных историков до сих пор невозможно наметить общие контуры и выстроить четкие объяснительные конструкции к теме «Россия и славянство». Каждый раз в интеллектуальных сообществах происходят существенные сдвиги, направленные к поиску концепций, наиболее соответствующих исторической культуре своего времени и современным тенденциям.

В межвоенный период из матрицы исторического анализа была вытеснена имперская проблематика, которую заменили темы, попавшие в фокус общественного и академического внимания. В одних случаях – поиск виновных в Первой мировой войне, в других – «сакрализация» национальных движений и освободительной борьбы. В зарубежной и новой советской историографиях создавались упрощенные мифы об империях как неизбежном зле и «тюрьмах народов», политическом панславизме как прологе Первой мировой войны; дихотомиях «национального» и «общегосударственного», девальвировалось русофильство среди зарубежных славян и в целом – славянская политика России. Но помимо геополитических сюжетов, в

историографии стали изучаться вопросы межславянского взаимодействия, процессы кристаллизации национальных идеологий у славянских народов, соотношения панславизма и пангерманизма.

После Второй мировой войны, когда глобальное противостояние двух систем охватило все сферы жизнедеятельности, изучение славянского вопроса, как совокупности многообразных тем, обусловленных геополитическими, культурными, языковыми, этно-религиозными аспектами на межславянском и международном уровнях, получило мощный импульс. Можно выделить четыре основные тенденции: во-первых, реалии холодной войны еще более упрочили миф об «агрессивном» панславизме в западных исследованиях без должного критического анализа, без корпуса источников и комплексного осмысления. Но наряду с литературой, построенной на идеологических штампах, свойственных мышлению холодной войны, в США и Западной Европе развивалось научное направление, рассматривавшее славянскую фактор во всей его сложности на основе компаративного анализа. Это позволило уже в 1970-е гг. приступить к комплексному, сравнительно-историческому изучению генезиса славянских наций.

Во-вторых, австрийская историография при поддержке американских интеллектуальных центров смогла совершить прорыв в изучении монархии Габсбургов. Историческая модель империи была реконструирована как сложная система взаимодействия многочисленных компонентов государства на разных уровнях – изолированно или тесно переплетаясь, они создавали балансы сил. Общая позиция в австрийских/ габсбургских исследованиях основывалась на концепции Компромисса, который был заложен в структуре многосоставного государства и имперской политике.

В-третьих, пики интереса к славянской теме – академического и общественного – пришлось на напряженные кризисные годы конца 1940-х гг. и 1960-х гг. когда перед обществами в Восточной Европе остро возникала проблема выбора. Каждый раз в научных исследованиях возникали прямые аналогии XIX в. с современностью. Бурные дискуссии о прошлом открыто или скрыто вбирали в себя проблемы настоящего. Чешские и словацкие историки внесли существенный вклад в осмыслении славянской идеологии, заложили основы для изучения запутанной истории славянских понятий, показали их многозначность и текучесть в разных исторических контекстах. Они внесли существенный вклад в систематизацию различных проектов славянской интеграции. Наконец, был преодолен односторонний подход, заложенный в концепции «критического славянства» об альтернативности общеславянского и национального начал в чешском движении. Было доказано, что эти представления взаимно дополняли друг друга в складывавшейся ценностной системе идентичностей модерна у австрийских славян.

В-четвертых, советская историография прошла путь трансформации от упрощенной апологетики национального радикализма и «революционного освобождения» до комплексных исследований национальных движений в Центральной и Юго-Восточной Европе, когда каждое из них изучалось как микрокомос в своем культурном, экономическом, внутривнутриполитическом и внешнеполитическом развитии. За этот период существенно изменились подходы к российской внешней политике по отношению к зарубежным славянам, на основе большого массива дипломатических источников была доказана огромный вклад России в освобождении балканских славян, началось изучение славянского благотворительного движения и его роли в общественном понимании «миссии России» во второй половине XIX- начале XX вв.

Таким образом, за полвека холодной войны происходили сложные сдвиги в научных сообществах историков Востока и Запада. Линии «идеологических фронтов», прочерченные в 1950–1960-е гг. с резкими, в черно-белых тонах суждениями и оценками, постепенно размывались. Взаимный интерес исследователей, волею судеб оказавшихся по разные стороны идеологий, помогал преодолевать возведенные барьеры. К 1980-м гг. национальные историографии вышли на качественно новый уровень обобщений, существенно расширив диапазон тем (особенно на стыке историко-социологических и культурологических методов). Но если западные исследователи (прежде всего австрийские) смогли сформировать целостную концепцию государственного развития монархии Габсбургов, то советское славяноведение больше достигло успехов в детальной реконструкции национальных движений вне их увязки с общегосударственным пространством.

Следующий этап развития славянских исследований пришелся на последние тридцать лет, когда произошли мощные сдвиги в методологии, аргументации и взаимодействии научных сообществ в исторической науке. Историография развернулась от упрощений мифографии к поиску новых исследовательских практик и критическому анализу. Ключевая тема «малые народы и имперско-бюрократическая власть» претерпевала на это время серьезные концептуальные изменения. Тезис о сильной этноязыковой дискриминации и острых национальных конфликтах в монархии Габсбургов был постепенно вытеснен из круга референтных концепций. В то же время национальные дискурсы малых народов, вбирающие память об исторических травмах и отстаивании собственного достоинства в отношениях с «большими» (титულными) народами сохранили свое влияние.

Осмысление феномена многосоставного государства в настоящее время развивается в сторону дискуссий о критериях и пределах его демократизации. Соответственно базовые

концепты «парламентаризм» и «конституционная монархия» занимают особое место в научных исследованиях. Однако у каждой из изучаемых монархий были свои пределы, перейти которые власть императора просто не могла. Сама идея демократического устройства и национального равенства была чем-то вроде священного Грааля (по меткому выражению Р. Канна), о котором много говорили политики, но практика была далека от реального воплощения.

За последние десятилетия в австрийской, немецкой, американской историографиях, исследованиях в странах Центральной Европы и на Балканах наблюдается спад и интереса к славянской теме, иногда доходящий до полного забвения. «Славянство» потеряло свою актуальность в новых интерпретациях как европейской истории, в целом, так и истории регионов. Но без компетентной реконструкции этого мощного паттерна прошлого сложно понять процессы интеграции и фрагментации на востоке Европы, как и специфику многоуровневых российско-европейских отношений, в целом. Новые методологии позволяют вписать славянский фактор в историю империй не только в геополитических контекстах, но и на уровне моделей коллективной идентичности, ценностей различных социальных групп, экономических интересов и прагматичных решений.

Синтез культурологического подхода с политической антропологией, историко-социологическим анализом, экономической историей и социологическим подходом, наряду с традиционными объяснениями в духе неореализма, позволяет поднять изучение славянской проблематики и внешнеполитических процессов на качественно новый уровень, перейти от описательной последовательности к системным, многофакторным исследованиям. Ведь сущность, смысл, ролевые функции и значение явлений и событий становятся понятными только в масштабе, который задается историческим временем и пространством.

Глава II. Зарождение панславизма и славянского вопроса в Российской и Австрийской империях в 1830–1840-е гг.

2.1. Священный союз России, Австрии и Пруссии как основа Венской системы международных отношений в первой половине XIX в.

С конца XVIII в. Россия и Австрия выступали как два союзных государства на основе имперской солидарности, закрепленной Венской системой 1815 г.²⁷¹. Один из ее создателей – австрийский канцлер Клеменц Меттерних (1773–1859 гг.) усматривал тесную взаимосвязь между революциями и пересмотром государственных границ. Альянс исторических монархий на европейском континенте – России, Австрии и Пруссии, – вошедший в историю как Священный союз, был рожден консервативной рефлексией на либеральные и национальные идеи Великой Французской революции.

Венская система вбирала в себя формальные и неформальные правила взаимодействия великих держав, основанные на принципе легитимизма, понимания ценности территориального суверенитета любого государства в Европе. Ее создатели предполагали, что найдено универсальное средство безопасности для монархических престолов, с помощью которого можно противостоять пришествию национализма²⁷². После огня наполеоновских войн победители пытались защитить имперское пространство от вспышек национального радикализма и сепаратизма. Осью континентальной стабильности должен был стать имперский союз России и Австрии²⁷³.

Австрийский исследователь Г. Румплер сделал точное наблюдение – канцлер Меттерних, будучи прагматиком, не питал больших надежд на европейских монархов, но понимал, что принцип баланса сил необходим Европе. Не стоит рассматривать Священный союз как средство приручения послереволюционной Франции или инструмент гегемонии России, Пруссии или Австрии²⁷⁴. Скорее Меттерних пытался

²⁷¹ Подробнее см.: Россия – Австрия: веки совместной истории. М., 2017. С. 21.

²⁷² Ревякин А. В. Венская система в современной отечественной историографии // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии : материалы IX Конвента РАМИ, Москва, 27–28 октября 2015 г. / под ред. А. В. Ревякина. М., 2016. С. 6–40 ; Мирзеханов В. С. Мир в XIX веке: исторические итоги и обращенность в будущее // Всемирная история : в 6 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019. Т. 5 : Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. тома В. С. Мирзеханов. С. 845–860 ; Его же. 1815 г. в истории: европейская система и европейская идентичность между кризисами и равновесием в эпоху модерна // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, вып. 11 (85). URL: <https://history.jes.su/s207987840008097-5-1/> (дата обращения: 10.12.2020).

²⁷³ Павленко О.В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX века // Российско-австрийский альманах : исторические и культурные параллели. Ставрополь, 2014. Вып. 5. С. 153–179 ; Langewiesche D. Europa zwischen Restauration und Revolution, 1815–1849. 5. Aufl. München, 2007. 261 S. ; Siemann W. Metternich : Stratege und Visionär. München, 2016. 983 S. ; Rußland und Österreich zur Zeit der Napoleonischen Kriege / hrsg. von A. M. Drabek. Wien, 1989. 206 S.

²⁷⁴ Rumpler H. Eine Chance für Mitteleuropa: bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997. S. 135.

противопоставить идею европейского баланса сил всем источникам политической нестабильности и бесконечной борьбе держав за передел европейских границ.

Проект Священного союза изначально предполагал незыблемость границ и ограничивал территориальные амбиции, столь естественные для империй. Сужение воображаемого пространства империи до установленных государственных границ все же трудно усваивалось мышлением имперских элит.

Уже во время Венского конгресса в феврале 1815 г. Россия сделала осторожную попытку дипломатического зондажа, чтобы подчеркнуть свои особые интересы на Балканах. В циркулярной ноте, обращенной к представителям держав на конгрессе, указывалось, что российский император настаивает на своем праве выступать в качестве «естественного покровителя христиан греческого восточного исповедания, находящихся под властью оттоманов». Особо оговаривалось право вступить за сербов, поскольку они нуждаются в «законной самозащите», даже если пожелают «перейти под непосредственную власть той или другой европейской державы»²⁷⁵. Никакой реакции на эту ноту не последовало. Император Александр I не стал настаивать на обсуждении.

Тем не менее в этом документе, написанном только что поступившим на русскую дипломатическую службу графом Каподистрия, греком по происхождению, можно увидеть истоки зарождения будущего узла противоречий, связавшего воедино интересы трех крупных империй – Российской, Австрийской и Османской. Естественно, речь не шла о славянской мотивации политики России на Балканах. Но был поставлен вопрос о религиозной общности русских с греками и сербами. Мотив «единоверия», впоследствии усиленный идеями «единокровной», этноязыковой общности, был использован как обоснование «исторического права России» на территориальный раздел турецких владений.

Фактор общего вероисповедания возвращал к византийским первоисточкам и дополнял раннюю форму российского этатизма – «Москва – Третий Рим». Пространственное восприятие пределов империи значительно расширилось до мифологического образа собирательницы «единоверных братьев». Подобная имперская мифологема апеллировала к глубинным культурным кодам российской идентичности, строившейся на конфессиональных и державных основах.

Однако сценарий имперского союза разворачивался совершенно в другом направлении. Впервые за свою историю Россия оказывалась столь глубоко вовлеченной в

²⁷⁵ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. 3. С. 178.

систему европейских договорных отношений. Бремя ответственности за европейские дела предполагало одновременно сдерживание собственных амбиций.

Еще в 1801 г. император Александр I в инструкции новому послу в Вене графу Разумовскому обозначил условия военно-стратегического союза с Австрией: «Одно из основных начал моей политической системы всегда будет состоять в том, чтобы всеми своими средствами содействовать сохранению этого государства (Османской империи. – *О.П.*), которого бессилие и плохое внутреннее управление служит драгоценным ручательством безопасности (...) Интересы Австрии сходятся в этом отношении с выгодами России, и я полагаю, что венский кабинет слишком просвещен, чтобы не осознавать этого»²⁷⁶. Сохранение Османской империи рассматривалось создателями Венской системы в качестве важнейшего условия соблюдения европейского равновесия.

Начиная с Венского конгресса и вплоть до Крымской войны, австро-русский союз основывался на общей позиции по трем главным пунктам: (1) политика «консолидации» Турции в восточном вопросе; (2) взаимные соглашения по польскому вопросу и (3) поддержание status-quo в европейской политике²⁷⁷.

Но время вносило свои коррективы. Освободительные движения на сербских и греческих территориях, формально не поддержанные странами – гарантами Венской системы, заставляли российских и австрийских дипломатов разрабатывать возможные сценарии раздела Османской империи. В богемском городе Мюнхенгретц (Мнихово-Градиште) в 1833 г. были заключены две важные конвенции. Первая, по восточному вопросу, содержала секретную статью, согласно которой в случае распада Османской империи Австрия и Россия обязывались действовать по обоюдному согласию, т. е. фактически контролировать притязания друг друга.

Вторая конвенция касалась польских владений. Россия и Австрия взаимно гарантировали сохранность своих польских территорий и обязались оказывать друг другу содействие и военную помощь в случае возникновения там беспорядков. Примечательно, что процедура максимально упрощалась – достаточно было обращения монарха к соседнему правительству. При этом допускалась возможность прохода войск одной стороны по территории другой. Оба государства обещали выдавать друг другу государственных преступников и учредить строгий контроль за участниками польских восстаний. Наконец, в конвенции констатировалось, что в случае необходимости австрийские войска могут занять вольный город Краков²⁷⁸.

²⁷⁶ Жигарев С. А. Русская политика в восточном вопросе. М, 1896. С. 255.

²⁷⁷ Горяинов С. М. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. 316 с.

²⁷⁸ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 375.

Вслед в Берлине была заключена конвенция между Австрией, Пруссией и Россией, в соответствии с которой было признано право каждого монарха во время внутренних смут и внешней опасности призывать на помощь одну или несколько соседних держав. При этом прочие государства не имели права самостоятельно вмешиваться или препятствовать вмешательству приглашенных держав. По аналогии с Мюнхенгрещкой конвенцией процедура целиком и полностью зависела от воли монарха²⁷⁹.

Самый опасный враг для любой империи – национальный сепаратизм. Закрепленное на международно-правовом уровне «право вмешательства» одной европейской державы во внутренние дела другой при согласии правящих престолов, естественно, усиливало идею имперской солидарности Священного союза. Цементирующей основой союза России и Австрии стало общее для имперских элит представление о вездесущем, опасном и скрытном враге – националистах и радикалах. Если в начале XIX в. в Австрийской империи развернулась активная борьба против масонских лож (чиновники всех рангов давали письменное подтверждение, что не являются их членами), то уже в 1820–1840-е гг. совокупный образ «внутреннего и внешнего врага» включал итальянских карбонариев, польских ксендзов и дворян, балканских националистов. Все эти силы потенциально представляли угрозу уже тем, что были готовы на радикальные, революционные действия.

Геополитический порядок, основанный на принципе равновесия сил и сохранения исторических престолов, противостоял молодому европейскому национализму, идеям ирредентизма и национального государства, либеральной парадигме фритредерства, которую активно продвигала Великобритания. По мере роста ее индустриального и торгово-финансового могущества подобное положение дел в центре Европы все меньше устраивало Лондон. Но британская дипломатия не торопилась раскрывать свои карты, ведя тонкую, сдержанную и при этом весьма жесткую игру, разжигая взаимное недоверие между Веной и Петербургом²⁸⁰.

Священный союз не только подразумевал взаимный контроль над геополитическими амбициями каждой из сторон, но и создавал условия для континентальной оппозиции Великобритании, которая после наполеоновских войн претендовала на роль арбитра европейской (мировой) политики. Лондон ревниво следил за сближением европейских консервативных держав. Блок традиционных монархий уравнивал силу и моральный авторитет конституционного, самого развитого в

²⁷⁹ Там же. С. 445.

²⁸⁰ Павленко О. В. Геополитическое проектирование «большой европейской войны» в 1910–1914 гг.: российский ракурс // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2012. № 7 (87). С. 18.

индустриальном отношении британского государства и существенно сдерживал его мировое влияние.

Как уже отмечалось, имперская солидарность стала основой для Венского порядка – первой международно-правовой модели коллективной безопасности. Такой уровень обязательств предполагал высокую степень доверия между членами Священного союза и совпадение позиций по многим европейским вопросам. Но, несмотря на бесконечные декларации о дружбе, уже на рубеже 1830–1840-х гг. между двумя дворами в Вене и Петербурге наметилось резкое дипломатическое охлаждение. Причин оказалось предостаточно: двойственная позиция Австрии в вопросе о закрытии Дарданелл и Босфора, нестабильность в российско-французских отношениях, укреплявшиеся контакты России с Англией и активизация австрийской дипломатии в Сербском княжестве.

Впоследствии сорокалетняя история Священного союза подверглась критическому переосмыслению в российской науке и обществе. Уже на рубеже 50–60-х гг. XIX в. при дворе молодого императора Александра II сложилось мнение, что катастрофа Крымской войны была вызвана прежде всего политикой имперской солидарности, которую активно проводил в России канцлер Карл Нессельроде (1780–1862)²⁸¹. В российских исследованиях до сих пор весьма критично оценивается внешняя политика Николая I²⁸². Преобладает мнение, что дипломатия Нессельроде, в течение 40 лет возглавлявшего Министерство иностранных дел России (1816–1856), поставила консервативный легитимизм выше национальных интересов.

Традиция рассматривать Священный союз как изначально невыгодный для России проект была поддержана советскими исследователями, которые рисовали эпоху Николая I в мрачных тонах²⁸³. Редкий случай в отечественной историографии, когда историки разных поколений были единодушны в критических оценках Священного союза. До сих пор считается, что австрийский канцлер К. Меттерних, подавший идею консервативного союза России и Австрии, связал руки российской дипломатии, которая упустила шанс доминировать на Балканах.

²⁸¹ Горяинов С. М. Указ. соч. С. 38.

²⁸² См.: Таубе М. А. Восточный вопрос и австро-русская политика в первой половине XIX века. Петроград, 1916. 38 с.; Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. 639 с.; Горяинов С. М. Указ. соч. О негативном восприятии царствования Николая I в российской историографии см.: Олейников Д. И. Николай I. М., 2012. 336 с.

²⁸³ История дипломатии / под ред. В. П. Потемкина. М., 1945. Т. 2. 423 с. Более взвешенный подход к оценке роли дипломатии К. Нессельроде содержится в статьях: Пономарев В. Н. Финал долгой карьеры К. В. Нессельроде и Парижский мир // Российская дипломатия в портретах / редкол.: А. В. Игнатъев [и др.]. М., 1992. С. 180–198; Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 192–210.

Однако стоит учитывать важное обстоятельство. После наполеоновских войн Россия, конечно, могла сохранить свободу рук и действовать только в соответствии с собственными интересами. Но тогда пришлось бы стать аутсайдером европейской дипломатии. Существовала ли после разгрома Наполеона иная дипломатическая альтернатива, кроме имперского союза России, Австрии и Пруссии? Представление о том, что российская внешняя политика в царствование Николая I находилась в зависимости от Вены, также нуждается в корректировке. Между Россией и Австрией сложились далеко не безоблачные отношения. Они все более отягощались скрытыми попытками каждой из сторон действовать в собственных интересах и открытыми проявлениями недовольства на дипломатическом уровне.

В статье историка С.С. Татищева «Император Николай I и австрийский двор»²⁸⁴, опубликованной в 1887 г., приводилась любопытная периодизация российско-австрийских дипломатических отношений. С.С. Татищев убедительно показал, что с начала 40-х гг. XIX в. между двумя императорскими домами проявилось «довольно продолжительное охлаждение», длившееся до 1846 г. Лишь Краковское восстание заставило две империи забыть о взаимных претензиях²⁸⁵. Что же было одним из основных раздражителей во взаимоотношениях между Петербургом и Веной? В 1830-40-е гг. возник панславизм, новое и непонятное явление, которое пытались осмыслить австрийские и российские официальные круги, каждый по-своему, не имея достаточной информации, лишь искаженно представляя последствия, при этом значительно преувеличивая его силу и масштаб. С этого времени славянский фактор стал одновременно своего рода магнитом, который притягивал интересы России и монархии Габсбургов и причиной острейших конфликтов между ними.

2.2. Российско-австрийские отношения в 1830–1840-е гг.: «розы, в которых полно шипов»

При назначении нового австрийского посланника в Петербург графа Война в 1841 г. князь Меттерних откровенно заметил, что «отношения Вены с российским двором подобны розам, в которых полно шипов»²⁸⁶. Несмотря на узы личной дружбы между императорами и уверения в политическом единомыслии, взаимное отчуждение и

²⁸⁴ *Татищев С. С.* Император Николай I и австрийский двор // Исторический вестник. 1887. Т. 27. Февраль. С. 364–401.

²⁸⁵ *Havlíček K.* Nové volby do Frankfurtu // Narodni Noviny (далее – NN). 1849. 22. února (č. 45) ; *Idem.* Zásady Národních Novin // NN. 1848. 7. června (č. 53) ; *Idem.* Přátelům našim na venkově srdečné pozdravení! // NN. 1848. 29. června (č. 63) ; *Idem.* Z Moravy // NN. 1848. 4. listopadu (č. 177).

²⁸⁶ Князь Меттерних – графу Война, 28 июня (10 июля) 1841 г. Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I и австрийский двор. С. 364.

раздражение усиливалось. В инструкции графу Война Меттерних замечал: «В сущности, мы стоим на той же черте принципов, как и русский двор. Во многих манипуляциях оба двора идут различным путем (...). Мы ищем в предметах лишь то, что они вмещают, не стремясь к иной выгоде, как только торжеству принципов и к удалению шансов беспорядка, покрывающих политическое поле. В России стремятся, правда, к той же цели, но, сверх того, и какой-либо одинокой выгоде»²⁸⁷.

Уже в 1840-е гг. панславизм стал открыто и жестко обсуждаться между Веной и Петербургом. Австрийское правительство было весьма озабочено ситуацией в Хорватии в ноябре 1842 г. Волнения были вызваны размахом иллирийского движения, выступавшего с требованием объединить югославянские земли в составе «Иллирийского королевства». По этому поводу между двумя императорскими дворами состоялось довольно резкое объяснение. В ответ на подозрительные намеки Вены Николай I заявил, что Россия никогда не опустится до того, чтобы поддерживать «революционную агитацию» в дружественном государстве, хотя сам он давно обратил внимание на «общее возбуждение умов в южнославянских землях Австрии»²⁸⁸.

В качестве контрмеры Австрия демонстративно заинтересовалась судьбой людей неправославного вероисповедания в России. Канцлер Меттерних открыто осудил положение католиков в России, хотя и считал это внутренней проблемой: «Одна из сторон русской политики страшна и готовит величайшие затруднения императору и стране; это религиозное преследование. Пока тучи собираются, гром не замедлит грянуть»²⁸⁹.

В венских газетах развернулась кампания поддержки бедственного положения иноверцев в России. Довольно часто приводилась конфессиональная статистика российских подданных, описывались примеры «морального и физического насилия, которое применяется против лютеран (латышских крестьян), католиков (в Литве, Подолии и на Волге) и израильского населения в западных губерниях»²⁹⁰. Стали появляться сюжеты о тяжелой жизни политических заключенных в России. Их скорбные образы в Сибири, мытарства по этапам особенно интересовали венские развлекательные журналы.

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ См. подробнее в статье: Император Николай I и европейские революции // Русская старина. 1904. Т. 118. Апрель. С. 4.

²⁸⁹ Князь Меттерних – графу Война, 31 марта (12 апреля) 1842. Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I и австрийский двор. С. 382.

²⁹⁰ *Illustrierte Theaterzeitung*. 1845. 23. Dezember (№ 306) ; *Feuilleton*. *Aus der Gegenwart*. *Verfolgung und Misshandlung katholischer Nonnen in Rußland* // *Österreichisches Morgenblatt*. 1845. 6. October (№ 120) ; *Aus der Gegenwart*. *Die Abtissin der in Rußland verfolgten Nonnen in Marseille* // *Österreichisches Morgenblatt*. 1845. 8. November (№ 134).

Открытые симпатии выражались ссыльным полякам – участникам восстания Костюшки, которые в Сибири «по существу умерли для мира»²⁹¹.

Другой критический сюжет – правовое угнетение евреев, которые вынуждены искать пути эмиграции из России. Венские журналы подробно освещали миссию сэра Мозеса Монтефиоре, которому удалось получить разрешение от Николая I на эмиграцию 10 тыс. евреев из России в Алжир. Он пытался улучшить их материальное положение и распорядился доставить в еврейские гетто Вильны и Варшавы немецкие костюмы, поскольку за ношение еврейских налагался денежный штраф²⁹².

В 1845 г. при встрече с Николаем I Меттерних с невинным видом поинтересовался, «будет ли император или не будет жить в мире с 14 или 15 миллионами своих католических, протестантских и еврейских подданных»²⁹³. Все эти демонстративные выпады во многом были ответом на скрытый, но весьма чувствительный интерес, который Петербург стал испытывать к славянским подданным Габсбургов. Негативная реакция Николая I предвиделась, но на языке дипломатии это означало предупреждение не вмешиваться в дела австрийских славян.

Какую дистанцию держала Россия в отношениях с ними? В чем реально заключался интерес Николая I? Отчасти ответы на эти вопросы помогают найти архивные документы из фонда Святейшего Синода.

В 1838 г. после путешествия в Австрийскую империю генерал-майор Муравьев сообщил в Святейший Синод, что в Галиции, Трансильвании, Кроации, Славонии, Венгрии и Далмации насчитывается более 4 млн славян, исповедующих православие, которое хотят обратить в униатство. Но сами славяне тянутся к России и выражают сожаление, «что в Одессе нет специального склада церковных и светских книг, которые можно было бы переправлять в австрийские земли»²⁹⁴.

Обер-прокурор Синода граф Н.А. Протасов (1836–1855) доложил об этом императору в Царском Селе 1 ноября 1838 г. Николай I поддержал идею создания книжной лавки в Одессе и даже согласился выделить «значительную сумму». Он повелел Н.А. Протасову переговорить с графом Нессельроде о посылке православным в Австрию

²⁹¹ *Marinelli-König G.* Rußland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848). Wien, 1990. S. 556–561.

²⁹² *Ibid.* S. 536, 572–574.

²⁹³ Князь Меттерних – графу Аппони, 24 ноября (11 декабря) 1845. Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I и австрийский двор. С. 385.

²⁹⁴ Записка генерал-майора Муравьева «Взгляд на положение Православия и Унии в австрийских владениях» // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 797 (Городской судья 1-го участка города Кронштадта округа Петроградского окружного суда. Кронштадт. 1890–1917). Оп. 87. Д. 20. Л. 1.

духовных книг через русское посольство в Вене²⁹⁵. Сигнал сверху был услышан государственными структурами. Получалось, что император лично заинтересовался славянской и православной темой в Австрии.

На следующий год известный историк М.П. Погодин был командирован в земли австрийских славян благоволившим к нему министром народного просвещения графом С.С. Уваровым. По возвращении он подал донесение, в котором с воодушевлением утверждал, что славяне в Австрии стремятся к России: «Там витают их надежды, планы и мечтания»²⁹⁶. Одно из таких «мечтаний» было подробно описано. Славяне хотели бы отделиться от Австрии и образовать Славянское федеративное государство во главе с Россией от «Восточного океана до Адриатического моря». Опытный царедворец С.С. Уваров не преминул это донесение представить императору. Не смутило даже то, что М.П. Погодин запрашивал на поддержку зарубежных славян 25 тыс. руб. ежегодно – сумму по тем временам весьма значительную.

Конечно, Погодин лукавил, рисуя славян истинными русофилами. В дорожных записках он сам с неудовольствием замечал, что славянская интеллигенция испытывает лояльность к габсбургскому трону и не торопится проявлять симпатии к России²⁹⁷. Да и ситуация в Богемии не располагала к подобному прожектерству. Но об этих наблюдениях М.П. Погодин, естественно, умолчал. От него ожидали другой информации.

Министр С.С. Уваров точно уловил новые настроения при дворе. Николай I весьма благосклонно принял донесение и написал своей рукой: «Очень любопытно, но требует большой осторожности, 2 тысячи серебром выдать можно». Впоследствии царская щедрость увеличилась до 3 тыс. руб. серебром²⁹⁸. Действия разворачивались на удивление быстро. В том же году одесский купец Милованов, кандидатуру которого утвердил Святейший Синод, открыл книжную лавку, под прикрытием которой стала пересылаться религиозная литература²⁹⁹.

С конца 1830-х гг. в Канцелярию обер-прокурора под грифом «секретно» начали поступать регулярные сообщения о бедственном положении Православной церкви в

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Погодин М. П. Письмо министру народного просвещения по возвращении из путешествия по Европе в 1839 г. // Сочинения М. П. Погодина. М., 1874. Т. 4. С. 19–23.

²⁹⁷ Погодин М. П. Год в чужих краях (1839) : дорожный дневник М. П. Погодина. М., 1844. Ч. 1–2. С. 123.

²⁹⁸ Докладная записка С. С. Уварова Николаю I от 23 февраля 1840 г. // ЦГИА СПб. Ф. 735 (Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Село Шапки, Шлиссельбургский уезд, Петроградская губерния. 1786–1918). Оп. 2. Д. 127 ; О пособии М. П. Погодину в 3 тыс. рублей серебром 1839–1840 // Там же.

²⁹⁹ Об учреждении в Одессе книжной лавки для продажи духовных книг. 1838 – 1 ноября, 1839 – 2 мая // Там же. Ф. 797. Оп. 8. Д. 24170. Л. 8.

различных областях австрийского государства. Как правило, в них описывалось тяжкое существование православных священников. Послушник при русской посольской церкви в Вене архимандрит Порфирий в 1841 г. докладывал, что им «даже запрещают говорить материнным языком, им угрожают северным кнутом, им вменяют в преступление сродство их с русскими, они стоят между тремя истребительными огнями: паписты принуждают их к Унии, немцы стараются германизировать их, венгерцы селятся сделать их мадьярами». Он с горечью восклицал: «Могут ли далее простираться страх и ненависть к России и ко всему славянскому народонаселению? Бедные славяне так угнетены, так напуганы, что не смеют открыто изъявлять своей любви ко всему русскому»³⁰⁰. В таком же духе выдержаны подробные сообщения, которые посылал из Австрии отец Филарет (Дроздов) с 1841 по 1861 г.³⁰¹

Стоит также отметить, что информация о распространении православия в Австрийской империи и русофильстве австрийских славян, столь благожелательно принятая при петербургском дворе, была сильно преувеличена. Возвратившись после очередного путешествия в 1842 г., М.П. Погодин попытался честно признать, что среди австрийских славян преобладают симпатии к трону Габсбургов, но министр С.С. Уваров не рискнул представить такое донесение царю. М.П. Погодин настаивал, что «старыми методами нельзя действовать ни дипломатам, ни политикам», что Россия должна начать открытую и масштабную поддержку славян, и запрашивал уже сумму в 10 тыс. руб. В красках он описывал, как агенты из Германии, Франции и Англии стремятся подорвать «русско-славянский колосс»³⁰². Но ему дали понять, что слишком резкие и откровенные формулировки неуместны.

Заинтересованность судьбами австрийских славян не могла быть открытой. Ведь Россия и Австрия были самыми тесными союзниками и гарантами Венской системы. Действия Святейшего Синода и Министерства народного просвещения осуществлялись тайно. Поддержка, весьма ограниченная, имела точечный характер. Тем не менее это вызвало очень болезненную реакцию Вены. Канцлер Меттерних был чрезвычайно обеспокоен развитием событием. Последовала череда адекватных ответов.

³⁰⁰ Письмо послушника, состоящего при Императорском Российском посольстве в Вене, архимандрита Порфирия. Из Вены 1841 года октябрь 15/ 27 дня // Там же. Ф. 832 (Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Село Ропша, Петергофский уезд, Петроградская губерния). Оп. 1. Д. 101. Л. 9.

³⁰¹ О. Филарет (Дроздов). О положении православных славян в Австрии. 1841–1862 гг. // Там же. Ф. 832. Оп. 1. Д. 101.

³⁰² *Погодин М. П.* Второе донесение министру народного просвещения о путешествии 1842 года преимущественно в отношении к славянам // Сочинения М. П. Погодина. Т. 4. С. 47–50, 55–67.

В июле 1840 г. был окончательно отозван из Петербурга австрийский посланник Шарль-Луи Фикельмон, которому лично благоволил Николай I. Он был удостоен ряда высших знаков отличия, в том числе особенно почетного ордена Андрея Первозванного. Австрийский посланник был женат на внучке Михаила Кутузова Дарье Федоровне, имевшей блестящий литературно-политический салон в Петербурге, который часто посещал А.С. Пушкин. В своих дипломатических отчетах Ш.-Л. Фикельмон не скрывал русофильских симпатий и преклонения перед Николаем I. Ему пришлось оставить свой пост неожиданно и не по своей воле. Вплоть до революции 1848 г. он выполнял разные дипломатические поручения, однако, как утверждала Дарья Федоровна, «его держали вдали от всех дел»³⁰³. Это был предупреждающий дипломатический жест со стороны канцлера Меттерниха, один из первых симптомов недовольства Вены вмешательством России в ее внутренние дела со славянами.

Поощрения «единокровных и единоплеменных» братьев-славян со стороны Петербурга, равно как и заинтересованность Вены положением католиков, протестантов и иудеев в России, были тесно взаимосвязаны. Религиозно-этническая благотворительность еще не стала одним из эффективных и признанных методов внешней политики, но уже тогда были заложены основы политики «мягкой силы». Империи обменивались довольно чувствительными ударами друг против друга под сенью Священного союза.

Русская посольская церковь в Вене стала в 1830–1850-е гг. центром, в который сходились все основные контакты с австрийскими славянами и собиралась информация о положении Православной церкви и отношении к России. Главным организатором всей этой кипучей деятельности был священник Михаил Федорович Раевский (1811–1884), пользовавшийся большим доверием не только в Святейшем Синоде, но и в Министерстве иностранных дел, а главное – при императорском дворе. История жизни этого выдающегося поборника славянской взаимности – отдельная тема для исследований³⁰⁴. Отметим только несколько эпизодов из его контактов с чешским ученым Вацлавом Ганкой, который в 1830–1840-е гг. был, пожалуй, одним из наиболее активных русофилов в Австрийской империи.

³⁰³ Раевский Н. А. Фикельмоны // Раевский Н. А. Избранное. Минск, 1978. С. 52–137.

³⁰⁴ См. о М. Ф. Раевском: Зарубежные славяне и Россия : документы архива М. Ф. Раевского, 40–80-е годы XIX в. / сост. В. Матула, И. В. Чуркина. М., 1975. 576 с. ; Павленко О. В. Культурные и политические аспекты «православной миссии» России в землях австрийских славян в XIX в. // Российское общество и зарубежные славяне XVIII – начало XIX в. / отв. ред. Л. П. Лаптева. М., 1992. С. 89–105 ; Cesty na východ : Češi v korespondenci M. F. Rajevského / V. Doubek (ed.). Praha, 2006. 378 s.; Чуркина И. В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011. 200 с.

Записки и прошения В. Ганки через посольскую почту нередко переправлялись самому министру С.С. Уварову и обер-прокурору Н.А. Протасову. Благодаря посредничеству М.Ф. Раевского, В. Ганка напрямую был связан с русскими дипломатическими представительствами в Константинополе, Берлине, Вене. С 1843 г. в переписке между ними стал обсуждаться вопрос о необходимости строительства православного храма в Праге. Этот проект вызывал резкую критику со стороны немецко-австрийских публицистов³⁰⁵. Несмотря на многочисленные препятствия, храм был построен (правда, гораздо позже).

В. Ганка составлял списки русской духовной, научной и светской литературы для библиотеки Чешского музея и Матицы чешской, которую ему поставляли через посольство в Вене и книжную лавку в Одессе. Сам он пересылал в Петербург издания о славянских письменных древностях, в том числе и свои собственные³⁰⁶. В переписке нередко проступают сведения о финансовой помощи, которая осуществлялась через М.Ф. Раевского для Матицы чешской и Чешского музея, а также предоставлялась самому В. Ганке и влиятельному ученому-слависту П.Й. Шафарику³⁰⁷.

Заслуги М.Ф. Раевского были высоко оценены при петербургском дворе. Николай I лично оказывал ему милости. В 1845 г. по распоряжению императора отцу Михаилу было увеличено ежегодное пособие на 1 тыс. руб.³⁰⁸ В 1843 г. он стал протоиереем Свято-Никольского храма при Русском посольстве в Вене. Во время визита царской семьи в Австрию в июне 1846 г. М.Ф. Раевский получил в дар от императора бриллиантовый крест. Вся его семья удостоилась высочайшей аудиенции в знак особого благоволения³⁰⁹. Великая княжна Ольга Николаевна испытывала, как и ее могущественный отец, интерес к судьбам австрийского славянства. В Петербурге она отдельно встречалась с М.Ф. Раевским, расспрашивала о славянах и православии в монархии Габсбургов³¹⁰.

Не остался без царской милости и Вацлав Ганка. Его перевод Сазаво-Эмаузской рукописи Евангелия был преподнесен великой княжне Ольге Николаевне и благосклонно принят. Во время их личной встречи он получил в подарок бриллиантовый перстень³¹¹. По ходатайству М.Ф. Раевского его представили даже к ордену Анны второй степени.

³⁰⁵ М. Ф. Раевский – В. Ганке. Вена, 22.07.1843 ; 28/16.03.1844 // *Cesty na východ...* S. 260–261.

³⁰⁶ М. Ф. Раевский – В. Ганке. Вена, 10.03/26.02.1845 ; 09.09.1845 // *Ibid.* S. 262–263.

³⁰⁷ М. Ф. Раевский – В. Ганке. Вена, 31.03.1845; 02.04.1846 // *Ibid.* S. 263. О пособии чешским ученым Шафарику и Ганке // ЦГИА СПб. Ф. 735. Оп. 2. Д. 60.

³⁰⁸ М. Ф. Раевский – В. Ганке. Вена, 31.03.1845 // *Cesty na východ...* S. 263.

³⁰⁹ М. Ф. Раевский – В. Ганке. Вена, 02.06.1846 // *Ibid.* S. 264.

³¹⁰ М. Ф. Раевский – В. Ганке. Вена, 26/14.01.1846 // *Ibid.* S. 265.

³¹¹ М. Ф. Раевский – В. Ганке. Вена, 02.04.1846 // *Ibid.* S. 264 ; В. Ганка – М. Ф. Раевскому. Вена, 06.06/25.05.1846 // *Ibid.* S. 230.

Хотя при петербургском дворе в конце 1830-х – первой половине 1840-х гг. высказывались суждения о стремлении австрийских славян к России и православию, разделял их узкий круг славянофилов и дворян-интеллектуалов, близких к ним³¹². Отчасти это была дань романтическому традиционализму, ставшему модным интеллектуальным течением. В Европе уже преобладала антиромантическая тенденция, а в России еще были увлечены натурфилософией Шеллинга, провозглашавшего идею универсального синтеза на основе религиозного преобразования жизни³¹³. Это рождало представление, что Россия есть классическая страна романтической культуры, несопоставимая с Западом, «миром бездуховной рассудочности» и «логического формализма», где разбито «святое единство веры».

Не только в салонных кружках славянофилов, но и в среде высшей государственной бюрократии распространялось мнение, что православие является объединяющей формой религиозного самосознания и проверкой на истинность всего «русско-славянского» начала, отличного от Запада.

Но в широких слоях общества эта тема не вызывала большого интереса. Примером может служить печальная история изданий «Москвитянин» М.П. Погодина и «Денницы» П.П. Дубровского, пропагандировавших идеи славянской взаимности и вынужденных прекратить существование из-за отсутствия подписчиков³¹⁴. Российское образованное общество не было готово к восприятию идей славянской взаимности. Лишь отдельные фактические сведения публиковались на страницах журналов «Телескоп», «Отечественные записки» и «Журнала Министерства народного просвещения».

Романтический пафос славянолюбия был характерен для узкого круга славянофилов и первых профессиональных славистов в России, которые развивали знания о славянах на кафедрах славистики, открытых в четырех университетах – московском, петербургском, казанском и харьковском.

Славянское самосознание было частью их мировоззрения, и они искренне верили в возможность культурной интеграции славянских народов. Это способствовало складыванию в славянолюбивой среде весьма упрощенного образа «угнетенных

³¹² Цимбаев Н. И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986. 269 с. ; Чуркина И. В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне. М., 2020. 365 с. ; Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 85–97 ; Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. 272 с. ; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6. С. 120–130.

³¹³ Степун Ф. Немецкий романтизм и русское славянофильство // Русская мысль. 1910. № 3. С. 65–75.

³¹⁴ Лантева Л. П. Русский славист XIX в. П. П. Дубровский (1812–1882) // Советское славяноведение. 1991. № 6. С. 93–101.

славянских братьев», проникнутых искренней любовью к России и стремившихся вернуться к «исконным началам» – православию и «духовно-нравственной» консолидации с единственным сильным славянским государством. Подобные стереотипные установки легли в основу и ряда славистических исследований, которые в современной историографии характеризуются как особое «славянофильское» направление³¹⁵.

Насколько реальными были подобные славянолюбивые настроения в российском обществе? Образ славянского Другого за пределами России рождал иллюзии, что «угнетенные славяне» безусловно тянутся к российской государственности. В 1830–1840-е гг. происходили глубокие процессы самопознания в европейских обществах. «Пришествие национализма» в Европу, по выражению Эрнеста Геллнера. В Германии зарождалось пангерманское движение за объединение всех немцев в «великий германский народ» и «великую Германию». Эпоха национального романтизма рождала либеральные и консервативные проекты коллективной идентичности на основе общей «крови и почвы». Славянофилы в России, а также российские путешественники, чиновники, священники, ученые-слависты, которые путешествовали по землям зарубежных славян, плененные общностью языковых форм и историко-культурных традиций, видели в зарубежных славянах то, что хотели видеть. Единокровных и единоверных братьев. Образ славянского Другого рождал новое понимание Себя. Особенность исторической ситуации 1840-х гг. заключалась в том, что новые коллективные идентичности модерна создавались в государствах-империях в остром конфликте между консервативным порядком и либеральными ценностями.

В это время Россия только открывала для себя зарубежных славян, ощущая дефицит правдивой информации и знаний. Для русских картина «славянского мира» еще не разделилась на балканскую и австрийскую, еще не сформировалось понимание, насколько сложными и противоречивыми были отношения между отдельными сообществами. Неудивительно, что на этом напряженном, эмоциональном фоне, где смешивались романтические иллюзии, политические амбиции, философские представления о миссиях народов в мировой истории, возник панславизм.

2.3. Рождение панславизма в 1830–1840-е гг.: надежды, иллюзии, фантомы

Панславизм возник как европейский феномен. Из всех разновидностей европейских национализмов именно он вызывал наиболее острые общественно-

³¹⁵ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Кн. 9. С. 279 ; Лантева Л. П. Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в. – 1917 г.). М., 1978. С. 27–101 ; Рокина Г. В. Деятель словацкого национального возрождения Ян Коллар и его связи с Россией : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 20 с.

политические дискуссии в XIX–XX вв. Его пытались осмыслить политики, мыслители, дипломаты, журналисты. Спектр восприятия был широк: от боязни славянского нашествия во главе с Россией на Европу и страха перед уничтожением европейской цивилизации до мечтаний о ее славянском омолаживании. Так или иначе, различные версии панславизма строились по линии «Россия – славяне – Запад». Как ни парадоксально, но все панслависты были ориентированы на Европу и вбирали в себя чисто европейский опыт интеграционных процессов.

В настоящее время в историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы зачастую пытаются забыть о панславизме, как будто это понятие активно не использовалось массовыми общественными движениями в XIX в., национальной публицистикой в европейских странах, не было предметом острых парламентских и медийных дискуссий. Почти забыто противостояние между панславистами и пангерманистами, политические пророчества о фатальном столкновении германства и славянства, которыми была так насыщена европейская и российская публицистика XIX в. Между тем научная реконструкция прошлого не может руководствоваться принципом избирательности и предавать забвению те факты, что составляли важную часть исторической реальности прошлого.

Нас будет интересовать прежде всего эволюция самого понятия «панславизм» в интеллектуальных и политических текстах. Слова и смыслы, которые определяли многочисленные и противоречивые, мессианские и фантомные представления об общности судеб славянских народов. Недаром американский историк Луис Снайдер, автор «Энциклопедии национализма», назвал панславизм «одним из наиболее значительных и ранних проявлений макронационализма в Европе»³¹⁶. Из большого разнообразия попробуем выделить наиболее типичные модели панславизма в европейских дискурсах первой половины XIX в.

2.3.1. «Истинный панславизм» Яна Коллара или «разнообразие в гармонии»

Впервые слово «панславизм» появилось в труде евангелического проповедника Яна Геркеля, словака по происхождению. Его грамматика общеславянского языка была издана в г. Буде в 1826 г. и провозглашала «союз в литературе между всеми славянами», т. е. «истинный панславизм»³¹⁷. Геркель пытался доказать необходимость создания

³¹⁶ Snyder L. L. Encyclopedia of nationalism. Chicago ; London, 1990. P. 209.

³¹⁷ Herkels J. Elementa universalis linguae slavicae e vivis dialectis eruta et sanis logicae principiis suffulta. Budaе, 1826. S. 4 ; Матевчик А. Ян Геркель и его идея славянского литературного единства // Lúdvít Štúr und die slawische Wechselseitigkeit / hrsg. von L. Holotík. Bratislava, 1969. S. 27–31.

общего языка на основе всех полузабытых тогда славянских языков. В первоначальном значении слово «панславизм» использовалось как код культурного единства австрийских славян. Лингвистический эксперимент, задуманный Геркелем, ограничивался пределами Австрийской империи, где славянская культура находилась в плачевном состоянии. Осознавать себя славянином в те времена означало бросить вызов полностью германизированному обществу. Имперская власть в Австрии, под скипетром которой находились венгерские, румынские, итальянские и славянские земли в Центральной Европе и на Балканах, с большим подозрением относилась к любым проявлениям национальной индивидуальности. На официальном уровне признавался только «государственный австро-немецкий народ», интерес к национальным формам идентичности расценивался как опасный сепаратизм.

Ученый-славист из Богемии Павел Йозеф Шафарик в 1826 г. сетовал на большое количество сочинений немецких авторов с предвзятыми суждениями о славянах³¹⁸. Его соотечественник, словацкий интеллигент Ян Коллар в 1837 г. посвятил главу своего трактата «О славянской взаимности» вопросу о том, как европейцы относятся к славянам. Вывод был малоутешительным: славянство считают «чудовищем, которого следует опасаться». Коллар с горечью писал: «Мир против славян... До сих пор есть еще в Европе народы, которые в каждом славянине видят своего врага, любого славянского писателя, живущего с ними в одном государстве, считают предателем и любую славянскую книгу расценивают как преступление против собственной литературы»³¹⁹.

Трактат Коллара, изданный на немецком языке в Пеште, стал пользоваться большой популярностью среди славянских профессоров и студентов. Его даже называли «славянским евангелием». Это был первый манифест, провозглашавший право славян на свою историческую индивидуальность.

Смелый поступок Коллара удивлял и восхищал. В Австрийской империи было нормой дискриминационное отношение к славянам. В начале 1840-х гг. этноним «чехи» не был признан официально. Пражский публицист Карел Гавличек-Боровский активно пользовался им в своих патриотических изданиях, бросая вызов многочисленным австро-немецким газетам, которые откровенно издевались над этим словом. «Чехов» называли «упертыми богемцами», им приписывались косность, замшелость, бескультурие. Австрийский исследователь А. Готтсман провел анализ австро-немецкой публицистики в середине XIX в. Ему удалось реконструировать стереотипное восприятие «чеха» в

³¹⁸ *Schafarik P. J. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen, 1826. S. 46–47.*

³¹⁹ *Kollár J. Über die literarische Wechelseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation. Pesth, 1837. S. 103.*

немецкоязычной среде: «Талантливый, деятельный, спокойный народишко, но коварный, фальшивый, твердолобый, раздражительный и жестокий»³²⁰.

Понятие «панславизм» Коллар и Геркель понимали в широком культурном контексте, как «охватывающее всех славян и по своему содержанию касающееся всех славян»³²¹. Изначально оно относилось к социокультурным категориям, которые формируют горизонт ожиданий, описывают желаемое состояние общества в будущем. Это была большая общеславянская утопия, основанная на гармонии общих ценностей. Наряду с понятием «панславизм» Коллар ввел в политический дискурс понятие «славянская взаимность». Этим двум понятиям было суждено находиться в эпицентре общественных дискуссий в Европе весь XIX в. вплоть до Первой мировой войны.

Аллегория панславизма, созданная Колларом, неоднократно воспроизводилась в программах славянских партий и общественных движений, превратилась в их политическое кредо. Коллар использовал образ могучего дерева, каждая ветвь которого символизировала группы славянских народов: «Славянский народ и культура подобны дереву, которое делится на четыре большие ветви, каждая ветвь цветет и дает собственные плоды, каждая касается и обнимает ветви другие, и все они произрастают из одного корня и вместе образуют единую крону, но ни одна из них не может засохнуть или обломиться, ибо тем самым целое дерево станет червоточить»³²².

Согласно Коллару, единственно возможная форма интеграции славян – это «разнообразие в гармонии». Новое понятие «славянская взаимность» символизировало право каждого славянского народа на культурное самоопределение. Его трактат пронизывала мысль о приоритете национального над общеславянским: «Каждое славянское наречие черпало новые жизненные силы из другого наречия, омолаживалось, обогащалось, становилось все более образованным, но не вмешивалось бы в систему другого языка, оставалось бы на собственной почве... Каждый останется под своим кровом, имея дома то, что мог бы получить у соседа... ибо взаимность остановит стремление к соединению с другими славянами или хотя бы сильно его ослабит»³²³.

Я. Коллар, находясь под влиянием немецкой философии романтизма, особенно Фихте и Гердера, считал, что в будущем германо-романские народы передадут свою миссию славянам, начнется «новая эпоха для новой или омолаживающейся

³²⁰ *Gottsmann A.* “Stockböhmén“ oder „Russenknechte“? Das Bild der Tschechen im Spiegel der deutschsprachigen österreichischen Presse in den Jahren 1848 // Österreichische Osthefte. 1992. Bd. 34, № 2. S. 284.

³²¹ *Kollár J.* Über die literarische Wechselseitigkeit... S. 14.

³²² *Idem.* O literární vzájemnosti mezi rozličnými kmeny a nářečími slovanského národu. Praha, 1853. S. 29.

³²³ *Idem.* Über die literarische Wechselseitigkeit... S. 7–8.

образованности». Отсюда его идея об особом культурно-историческом типе, который образуют славянские народы. Некий «голубиный народ», обладающий глубокой религиозностью, трудолюбием, «невинной (безгрешной) веселостью», любовью к своему языку и терпимостью к другим. Коллар создал собирательный образ народа, который, по его убеждению, предрасположен к обновлению европейской цивилизации³²⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что в 1853 г. в издании трактата Коллара на чешском языке переводчик Я. Томичек самовольно заменил в тексте слово «панславизм» на «всеславянство»³²⁵. Смысл не был искажен, но это дало повод утверждать, что Коллар никогда не признавал панславизма. Хотя в немецком первом издании слово «панславизм» употреблялось им неоднократно³²⁶.

Первая версия «истинного панславизма» была генетически связана с идеей «культурной немецкой нации» и набиравшим силу в 1830-е гг. пангерманским движением. Во многом она копировала идеи немецких патриотов, призывавших к объединению разрозненных «немецких народов» на основе общего языка и культурных ценностей. В их среде были популярны представления о духовной взаимосвязи всех, кто говорит и думает на немецком языке. Но Коллар, переосмысливая немецкий опыт, пошел другим путем. Провозглашенный им принцип «разнообразия в гармонии» имел ключевое значение для славянских наций. Во главу угла было поставлено категоричное неприятие любого проекта унификации. Умозрительное построение общеславянской (панславистской) общности возводилось на фундаменте национальной самобытности.

Такая конструкция заранее обрекала любые общие проекты на провал. Именно эта культурная утопия «всеславянства» была быстро усвоена различными кругами славянских патриотов, поскольку не содержала требований ограничить собственные интересы в угоду общим целям. В этом заключалась сила и слабость «истинного панславизма». Он так и не смог стать основой интеграционного движения австрийских славян. Все попытки создать «общеславянский фронт» в австрийском парламенте и публичной политике на протяжении XIX – начала XX в. оказались несостоятельными. Возникали лишь тактические союзы, и то на короткое время. Слишком сильны были национальные приоритеты, которые так доходчиво обосновал Я. Коллар. Любые устремления к более тесному объединению наталкивались на опасение славянских политиков потерять свою национальную самобытность.

³²⁴ *Idem.* Dobré vlastnosti národu slovanského. Pesth, 1822. S. 5, 10.

³²⁵ *Idem.* O literární vzájemnosti...

³²⁶ *Idem.* Über die literarische Wechselseitigkeit... S. 14.

На рубеже XIX–XX вв. русский славист А.Н. Пыпин в книге «Панславизм в прошлом и настоящем» точно описал состояние, в котором находились австрийские славяне. «Истинный панславизм», по его наблюдениям, давал «нравственную энергию ослабевшему и запуганному обществу», «был одной из попыток патриотических сил вывести свой народ из состояния апатии», разбудив в нем «инстинкт народного самосохранения»³²⁷. Но неожиданно для славянских интеллектуалов понятие «панславизм» получило новое осмысление, о котором они и не помышляли.

2.3.2. Угроза панславизма или «византизм» в европейской либеральной публицистике

В Европе почти одновременно с появлением «истинного панславизма» стал распространяться иной взгляд на панславизм, далекий от сладких всеславянских мечтаний. Немецкая либеральная журналистика взяла на вооружение рассуждения о «панславистском ориентализме», обратив внимание на полемику ученых-славян Е.Б. Копитара и П.Й. Шафарика о подлинности славянских средневековых рукописей. Но журналистов не интересовали академические споры, интерпретация оказалась чисто политической³²⁸.

Над германоязычной Европой поднимался призрак панславизма. Как и современный ему призрак коммунизма, он оказался на удивление живучим, основанным на негативных стереотипах в отношении славян и Российской империи, которая воспринималась как оплот славянства. С этого времени на протяжении всего XIX в. и начала XX в. европейские газеты и журналы с завидным постоянством пугали читателей угрозой панславизма³²⁹. Из круга этой литературы особенно выделяются труды немецких публицистов Я.Ф. Фаллмерайера и М.В. Хеффтера.

Я.Ф. Фаллмерайер приобрел известность благодаря своей работе «Фрагменты с Востока» (1845), в которой доказывал, что славяне произошли от греков. Он исходил из того, что «романство, германство и славянство являются тремя великими элементами мирового процесса», и предсказывал «расцвет огромной славянской империи», которая станет прямой угрозой Европе. Для защиты европейских ценностей от «византийско-русской империи» Я.Ф. Фаллмерайер призывал немецкий народ вступить в борьбу

³²⁷ Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913. С. 52 ; *Его же*. Возрождение и панславизм // Пыпин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 493–495.

³²⁸ Fallmerayer J. Ph. Gesammelte Werke. München, 1861. Bd. 2. 503 S.

³²⁹ Groh D. Russland im Blick Europas. Frankfurt am Main, 1988. 439 S. ; Wollman F. Slavismy a antislavismy za jara národů. Praha, 1968. 494 s.

«против тирании разума»³³⁰. В своем памфлете он редко употреблял слово «панславизм», предпочитая более выразительный и еще более неопределенный термин «византийство». В очередном опусе «Царь, Византия и Восток» (1850) он вновь с еще большей настойчивостью призывал немцев объединиться с Австрией в борьбе против России и славян. Причем борьба с «византийством» должна была развернуться «не на жизнь, а на смерть»³³¹.

Эта же тема о фатальной непримиримости славянства и германства была продолжена в весьма популярном сочинении М.В. Хеффтера «Славянство» (1852). Если Фаллмерайер считал, что не только Россия, но и славянские народы, находившиеся за ее пределами, имеют особую внутреннюю силу и характерный для славянской расы экспансионизм, то М. Хеффтер, напротив, отказывал славянам в каком-либо проявлении способностей. Все достижения в области культуры и науки были сделаны в этих землях, по его мнению, только немцами. Политический панславизм страшен не своим экспансионизмом, а природным варварством – такова основная идея этого произведения. М. Хеффтер доказывал, что славяне могут существовать только в условиях германизации, постепенно растворяясь в немецком народе. Но по своей природе они не способны участвовать в мировом историческом процессе³³². Подобные расистские представления были широко распространены в немецкоязычном обществе в первой половине XIX в.

Известно, к примеру, что К. Маркс и Ф. Энгельс были знакомы с сочинениями М. Хеффтера. Европейские либеральные и национал-демократические круги не делали различий между «реакционными славянами» и «русским деспотизмом». К. Маркс и Ф. Энгельс со страниц «Новой рейнской газеты» призывали к пангерманскому революционному маршу против «осколков реакционных народов в Австрии» и царской России³³³.

Славянская угроза, ставшая одной из популярных тем во второй половине 1840-х гг., обосновывалась, как правило, огромной численностью славян в Европе, существенно

³³⁰ *Fallmerayer J. Ph. Gesammelte Werke. S. 416, 443, 491.*

³³¹ *Idem. Byzanz und das Abendland : ausgewählte Schriften. Wien, 1943. 372 S.*

³³² *Wollman F. Slavismy a antislavismy...*

³³³ *Маркс К., Энгельс Ф. Статьи из “Neue Rheinische Zeitung” 1 июня – 7 ноября 1848 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1956. Т. 5. С. 83–85, 160–162, 212–215, 391–393, 401–402, 488–489, 490–491, 492–494 ; Их же. Статьи из “Neue Rheinische Zeitung” 9 ноября 1848 – 19 мая 1849 г. // Там же. М., 1957. Т. 6. С. 175–180, 208–209, 289–306, 357–359, 409–412, 550–560 ; Энгельс Ф. Начало конца Австрии // Там же. М., 1955. Т. 4. С. 471–478 ; Его же. Революция и контрреволюция в Германии : Гл. 8 : Поляки, чехи и немцы ; Гл. 9 : Панславизм. Шлезвиг-Гольштейнская война // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 355–362 ; Его же. Больной человек Австрии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1959. Т. 15. С. 132–135 ; Маркс К. Россия использует Австрию. Варшавский конгресс // Там же. С. 183–186 ; Энгельс Ф. Австрия. Развитие революции // Там же. С. 242–245.*

превышавшей остальное население монархии Габсбургов. Насколько реальными были все эти опасения?

В 1843 г. в Лейпциге вышла книга Ф. Шуселки «Является ли Австрия немецкой?» (Ist Österreich deutsch?). Автор приводил статистические сведения: из 29 млн подданных Габсбургов 15,4 млн составляли славяне, 6,9 млн – немцы, 5,3 млн – венгры. Эта публикация, несмотря на известные искажения, обращала особое внимание читателей на факт значительного численного превосходства славян. Автор в ярких красках рисовал страшное будущее, когда разбушевавшаяся «славянская стихия» сметет Австрийскую монархию и заодно – всю утонченную европейскую цивилизацию. Неудивительно, что в это время венская печать увлеченно обсуждала факт численного превосходства славянского населения в Европе. 50 млн в России – такая цифра не могла не впечатлять, особенно если к ним прибавить 30 млн зарубежных славян³³⁴.

Однако ряд моментов заставляет усомниться в достоверности подобной статистики. Официальных данных о национальном составе подданных Габсбургов до середины XIX в. не было. Со времени императрицы Марии Терезии перепись велась не по культурно-языковому, а по территориальному принципу. В 1842–1843 гг. Э. Фенеш опубликовал свой первый опыт распределения населения Венгерского королевства по национальному признаку. В основу переписи был положен языковой критерий: каждый должен был добровольно определить, какой язык является для него родным. Сопоставляя «материнский язык» и вероисповедание, Фенеш пытался определить национальность опрошенных³³⁵. Однако оба эти «титულных» признака в условиях Габсбургской монархии оказывались весьма условными. В Венгерском королевстве, как известно, существовала билингвистическая (а нередко и полилингвистическая) ситуация, когда население, независимо от этнического происхождения, свободно разговаривало на немецком языке, понимало венгерский, могло общаться на итальянском, немного на румынском и одном из славянских языков.

В официальных кругах национальная статистика не поощрялась. Само представление о «национальности» в документах государственных учреждений монархии Габсбургов ограничивалось, как правило, констатацией вероисповедания. К примеру, в фонде полицейского управления г. Прессбурга (нынешняя Братислава), хранящемся в Венгерском государственном архиве, содержится любопытный документ. Это список «особ, скомпрометированных в период революции 1848–1849 гг.» В отдельной графе

³³⁴ Havlíček K. Výklad hesla Národních Novin // NN. 1848. 4. července (č. 67).

³³⁵ Fényes E. Az ausztriai birodalom statistikája és földrajzi leírása. Pest, 1857. 303 o.

«национальность» чиновники полицейского ведомства отмечали три позиции: возраст, конфессию, семейное положение³³⁶. Ни слова о национальности как таковой.

Национальная статистика появилась в Австрийском государстве лишь в 1867 г., когда в опросных листах стали спрашивать о месте рождения, на каком языке говорят в семье, какой язык считается родным³³⁷. Только тогда были введены языковые критерии как показатели этнонациональной идентичности. Эти новшества в статистику были введены под влиянием национальных движений, которые в 1860-е гг. приобрели массовый масштаб. Но в 1840-е гг. славянские сообщества только начинали пробуждаться, четкие границы между национальными группами еще не сформировались, равно как и языковые критерии для их классификации³³⁸.

Даже во второй половине XIX в. возникали проблемы с национальной идентификацией населения Австро-Венгрии. К примеру, до начала XX в. словаков, проживавших в Цислейтании, относили к «чехам». Вплоть до 1880 г. существовал общий этноним «сербо-хорват»³³⁹. Таким образом, мы видим, что «игры» со статистикой были обычным приемом политической публицистики, когда необходимо было нагнетать чувство угрозы панславизма. Реальная же ситуация, особенно в первой половине XIX в., была далека от подобных эсхатологических прогнозов.

Но факт остается фактом: в немецкой, австро-немецкой и венгерской среде существовало глубокое предубеждение против славян, особенно против попыток их этноязыкового самоопределения³⁴⁰. Английские и французские публицисты в основном разделяли это мнение, но с меньшим эмоциональным напряжением. Первые политические дискуссии о панславизме с резким отторжением всего славянского пришли на конец 1830-х гг. и достигли своего апогея во время европейских революций 1848–1849 гг.

³³⁶ *Ausweis B.* Über die durch Entlassungen aus der Strafe, durch den Compromittirungen und sonstige Wahrnehmungen sich ergebenden Zuwachs im Stande der politisch-bedenklichen Individuen im Gebiete dem Polizei Direktion zu Pressburg // Országos Levéltár. Szekció D 296 (K. K. Polizeiministerium: Oberste Polizeibehörde (1827–1867)). L. 123–234.

³³⁷ Statistisches Handbüchlein der österreichisch-ungarischen Monarchie für das Jahr 1867 / hrsg. von der k. k. Statistischen Central-commission. Wien, 1868. 61 S.

³³⁸ На 4-м Международном конгрессе по статистике в Лондоне мнения делегаций разошлись по вопросу о методах учета национально-этнического состава многонациональных государств. Наиболее активно дискутировался вопрос, насколько отличается национальность, определяемая по признаку гражданства, от национальной (этнической) принадлежности по языковому принципу. Французская делегация считала, что последнее обстоятельство учитывать излишне. Немецкая же настаивала на необходимости учета этнического состава населения, приняв за основной критерий разговорную речь («говорит и думает на данном языке»). См.: *Horváth R.* A nemzetiségi és a nemzeti Kisebbségi Statisztika Módszertana // Statisztikai Szemle. 1992. № 7. O. 590–600.

³³⁹ *Kann R. A.* Geschichte des Habsburgerreiches, 1526 bis 1918. 3. Aufl. Wien, 1993. S. 576–577.

³⁴⁰ *Wollman F.* Slavismy a antislavismy... S. 73–75, 317–367 ; *Groh D.* Russland im Blick Europas. S. 328–343.

В социальной психологии проблема страха, основанного на чувстве внешней опасности, занимает особое место³⁴¹. Иррациональное чувство страха легче всего усваивается на коллективном уровне. Осознание общей угрозы оказывает сильное мобилизирующее воздействие. Коллективная консолидация невозможна без противопоставления «свой – чужой»³⁴². Фантом панславизма был необходимым не только для консолидации немецкой и венгерской наций, но и для пропаганды общегосударственных ценностей монархии Габсбургов³⁴³. В обоих случаях «панславизм» десятилетиями воспроизводился как угроза национальной и государственной безопасности. Причем одновременно и как внутренняя, и как внешняя угроза.

Но и в славянской публицистике также нагнеталось чувство опасности. На этот раз против пангерманистов и сторонников мадьяризма. Немцы и венгры объявлялись «врагами всего славянства». Эти встречные процессы создавали особое поле напряжения человеческих страхов и эмоций, которое вращалось вокруг жизни и смерти, поднимая символическую ценность своих молодых наций как защитниц от внутренних и внешних врагов.

Имитационный панславизм предрекал неизбежное кровавое столкновение между славянством и германством. Этот тезис, появившийся в текстах немецких либералов 1840-х гг., оказался на редкость живучим³⁴⁴. В 1845 г. была издана очередная брошюра Иоганна Шлоссера «Восточно-православная церковь России и европейский Запад». Автор утверждал, что русские являются «агентами панславизма» и используют все средства, чтобы распространить в Европе православие. Вновь И. Шлоссер, подобно целой когорте публицистов, без всякой доказательной базы вбрасывал в общественное сознание мысль о славянской угрозе³⁴⁵.

Влиятельный богемский политик граф Лео Тун пытался объяснить своим соотечественникам, что панславизм – просто политическая выдумка, с помощью которой славяне пытаются выглядеть значительнее и шантажировать австрийское

³⁴¹ Krieg // Wörterbuch der Ethnologie / B. Streck (Hg.). 2. und erw. Aufl. Wuppertal, 2000. S. 118 ; Scheffler T. Einleitung: Ethnizität und Gewalt im Vorderen und Mittleren Orient // Ethnizität und Gewalt / T. Scheffler (Hg.). Hamburg, 1991. S. 9-32.

³⁴² Нойманн И. Использование «Другого» : образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2002. С. 52 ; Shapiro M. J. Reading the postmodern polity : political theory as textual practice. Minneapolis, 1992. P. 160.

³⁴³ Groh D. Russland im Blick Europas. S. 278.

³⁴⁴ Fallmerayer J. Ph. Byzanz und das Abendland : ausgewählte Schriften ; Šuhajda L. M. Der Magyarismus in Ungarn in rechtlicher, geschichtlicher und sprachlicher Hinsicht mit Berichtigung der Vorurtheile, aus denen seine Anmassungen entspringen. Leipzig, 1834. 76 S. ; Hojč S. Sollen wir Magyaren werden? Karlstadt, 1833. 92 S. ; Protestantismus, Magyarismus, Slawismus. Leipzig, 1841. 78 S. ; Gottsmann A. Op. cit. S. 283–311.

³⁴⁵ Schlosser J. F. H. Die morgenländische orthodoxe Kirche Rußlands und das europäische Abendland. Heidelberg, 1845. 132 S.

правительство³⁴⁶. В брошюре «Положение словаков в Венгрии» (1843 г.) он не исключал, что политический панславизм может когда-нибудь угрожать Австрии, но австрийские славяне не имеют с ним ничего общего. Эти планы, по его мнению, приписывают им пангерманисты. Сами же австрийские славяне хотят только признания прав своих национальных языков, чтобы развивать собственную культуру, им не нужна ни Россия, ни панславизм³⁴⁷.

2.4. Богемская общность как несостоявшийся проект региональной идентичности в Австрийской империи

“De Panslawismo in Bohemia” ... Папка под таким названием хранится в Государственном центральном архиве в Праге. В ней – письмо папы римского Григория XVI и переписка венского нунция Л. Алтиери с пражским архиепископом Алоизом Й. Шренком, датированная весной 1844 г. Папу волновала «вредная и опасная борьба схизматов, протестантов и остатков гуситов» против Святого престола, а также распространение «греко-русской схизмы в Богемии». Пражскому архиепископу предписывалось собрать достоверную и полную информацию о «состоянии умов» в Богемии³⁴⁸.

Архиепископ Шренк постарался предоставить все возможные сведения. Согласно его сообщению в Рим, развитие «нового движения» началось в 1804 г. с создания кафедры чешского языка и литературы в Пражском университете: «Люди, преданные своей родине, начали старательно развивать литературу, находившуюся в забвении, пробуждать любовь к языку и своим соотечественникам». Однако некоторые из них «в этом устремлении, достойном похвалы, стали проявлять еретические наклонности, которые не могут вызвать симпатии по церковным и государственным соображениям»³⁴⁹.

Примечательно, что в письме, написанном на латыни, Шренк использовал слово “Bohemi” в значении «чехи» и “Bohemicum” как «чешский язык». Причем в тексте пражский архиепископ противопоставил «богемцев» и «немцев» (Germanos), которым новое движение «причиняет беспокойство». В начале 1840-х гг. этноним “Tschechen” (чехи) имел весьма ограниченное хождение и не был признан в официальной лексике. Описывая ситуацию в Богемии (как тогда определялись земли Чешского королевства), он

³⁴⁶ Thun L. Die Stellung der Slowaken in Ungarn. Prag, 1843. 63 S.

³⁴⁷ Ibid.

³⁴⁸ Křivský P. Papež Řehoř XVI. a vídeňský nuncius o panslavismu a husitství v Čechách v roce 1844 // Husitský Tábor. 1987. Č. 9. S. 357–359.

³⁴⁹ 1844, 31. května, Praha. Arcibiskup Alois Schrenk papeži Rehořovi XVI. o náboženské situaci v Čechách a o českém nacionalismu (koncept) // Ibid. S. 363, 365.

констатировал, что большая часть населена немцами, а чехи, «называемые так в виде исключения, по причине собственного равнодушия давно пренебрегли изучением своего языка и литературы, а кое-где и полностью онемечились»³⁵⁰. Сообщение А. Шренка точно отражает ситуацию в чешских землях в 1840-е гг.

Термин “Bohemismus”, введенный иезуитским монахом и ученым Б. Больцано, обозначал особую этнокультурную общность, состоявшую как из чешского, так и из немецкого этносов, проживавших на одной территории, имевшей официальное название «земли короны святого Вацлава» (другое название – Богемия, впоследствии – Чешское королевство). Эта своеобразная билингвистическая общность сложилась в результате взаимосвязанных исторических процессов: немецкой колонизации XIII–XIV вв., затем – объединения земель чешской короны с Габсбургским домом, а также последовавшей за поражением на Белой Горе в 1620 г. германской ассимиляцией. Чешское историческое дворянство было в большинстве своем либо уничтожено, либо германизировано. Все это способствовало складыванию особой наднациональной исторической общности – богемской, из которой впоследствии суждено было возродиться чешской нации. В историографии также доказано, что параллельно с этим процессом происходило складывание общности у богемских немцев³⁵¹.

Своеобразие этой ситуации иллюстрируют слова графа И.М. фон Туна, представителя богемской аристократии (в литературе эту социальную группу называют, на наш взгляд, несправедливо, «чешским дворянством», хотя по духу, стилю жизни и политическим пристрастиям оно в большинстве своем «чешским» не было): «Ни чех, ни немец, а только богемец»³⁵². В среде чиновников, аристократии и интеллигенции было весьма распространено убеждение: «Богемия должна принадлежать богемцам»³⁵³.

Обратимся к пражским городским реестрам, фиксировавшим на протяжении XV–XVIII вв. сведения о домовладельцах. Здесь присутствует одна любопытная особенность: в XV–XVII вв. в этих списках преобладали чешские имена. Далее ситуация изменилась. К середине XIX в. значительное большинство пражских домовладельцев составляли уже лица со смешанными именами (как правило, чешское имя и немецкая фамилия). Такая же история повторяется и со списками пражских промышленников³⁵⁴.

³⁵⁰ Ibid. S. 363.

³⁵¹ Křen J. *Konfliktní společenství : Češi a Němci, 1780-1918*. Praha, 1990. S. 11.

³⁵² Thun J. M. von. *Der Slawismus in Böhmen*. Prag, 1845. S. 17.

³⁵³ Kraus A. *Böhmisch nebo Tschschisch? // Naše doba*. 1917. Roč. 24, č. 5 (únor). S. 341–348 ; č. 6 (březen). S. 429–436.

³⁵⁴ Čarek J. *Z dějin staroměstských domů // Pražský sborník historický*. 1980. № 12. S. 5–67 ; Mika Z. *Počátky průmyslové výroby v Praze // Ibid.* S. 109–110, 116–117, 121, 132.

Прага, подобно всем городам Австрийской империи, внешне выглядела как типичный немецкий город. В середине XIX в. в этой «славянской столице» все говорили по-немецки: от официанта в трактире до университетского профессора. Кругом были надписи на немецком языке, и редко можно было встретить человека, который хотя бы понимал чешскую речь. В это время не сформировались четкие границы между чешским и немецким сообществами, их разделение имело условный, во многом субъективный характер и напрямую зависело от личных предпочтений каждого человека. Подобная ситуация сказалась, например, и на положении многочисленной еврейской общины Праги, 44,4 % представителей которой присоединились к «немецкой нации», а 55,4 % – к чешской, хотя и продолжали отдавать своих детей в немецкие школы³⁵⁵. Заметим, спустя полстолетия после рассматриваемых нами событий.

Ведущий чешский политик Франтишек Палацкий, стоявший у истоков национальной идеологии, отчетливо осознавал это своеобразие земель Чешской короны и подчеркивал, что современная ему Богемия представляет собой синтез между первоначальной формой «славянства» и возникшим впоследствии «германством». В июне 1868 г. он писал: «Богемская нация – на это, господа, мы не можем и не должны закрывать глаза – уже довольно давно является двуязычной нацией»³⁵⁶.

«Богемская идея», строившаяся на основе исторического права земель короны святого Вацлава и богемской (чешско-немецкой) протонациональной общности, была ориентирована в первую очередь на осознание исторической, региональной самобытности Богемии в пределах империи Габсбургов. Это было проявление провинциального патриотизма, ушедшего корнями в сословную оппозицию XVI–XVII вв., который уже к XIX в. утратил резкую оппозиционность по отношению к универсальной имперской идеологии, но стремился к корректировке соотношения между центром и провинцией в пользу последней.

Подобная ситуация совершенно естественна для государства имперского типа, когда национальные движения только формируются и представляют собой поток патриотических сил без выраженной социальной и партийной дифференциации. Согласно статическим сведениям, которые приводит чешский историк Мирослав Грох, до середины 40-х гг. XIX в. самый высокий процент патриотической активности приходился на католическое духовенство, на втором месте была богемская аристократия, далее следовала разночинная интеллигенция (учителя, чиновничество, представители свободных

³⁵⁵ *Boháč A.* Hlavní město Praha : studie o obyvatelstvu. Praha, 1923. S. 30–37.

³⁵⁶ *Palacký F.* Františka Palackého spisy drobné. Praha, 1898. D. 1. S. 303.

профессий)³⁵⁷. Действительно, самые крупные патриотические начинания (создание Матицы чешской, издание «Журнала Чешского музея» и т. д.) субсидировались в основном богемской аристократией. Те же графы Туны серьезно поддерживали интеллектуалов, которые продвигали в обществе представления об исторических правах Богемии и ее роли в имперской структуре. Недаром Ф. Палацкий был так тесно связан с представителями видных семей богемских аристократов: Штернбергами, Турн-и-Таксисами, Клам-Мартиницами, Тунами.

Движущей пружиной столь разнородных социальных сил могла быть только общая идея, доступная пониманию каждой социальной группы, отвечающая ее интересам и эмоциональному настрою. Аристократа, священника и мещанина могло объединять лишь сознание сопричастности с судьбой своей родины – земский богемский патриотизм. Но одновременно с ним в образованном обществе возрождалось славянское сознание, на основе которого создавалась новая чешская идентичность.

Два встречных процесса – пангерманизм и панславизм – увлекли смешанное население Богемии и раскололи историческую богемскую общность. Постепенно критерии «славянства» и «германства» стали регулируемыми в понимании идентичности для жителя Богемии, у которого поколениями смешивались чешские и немецкие корни. Каждый раз это была ситуация личного выбора. Чешская и австро-немецкая нации рождались в муках, поскольку разрывались вековые нити, связывавшие воедино население крупного региона со своей особой исторической самоидентичностью. Болезненные разрывы, приводившие к отторжению «Другого», политическому и культурному противостоянию чехов и богемских немцев, растянулись на несколько десятилетий. Их активно подогревала национальная пропаганда с двух сторон, каждая из которых настаивала на праве своей «исторической территории» и «исторической индивидуальности». Тем не менее инерция взаимного сожительства была весьма сильна.

В формировании чешской коллективной идентичности соединялись две тенденции – буржуазная, предпринимательская, ориентированная на либерализацию и демократизацию общественных институтов, и консервативная, для которой были характерны традиционные ценности и боязнь любых потрясений. После революции 1848–1849 гг. идеи австрославизма и чешской нации были глубоко переосмыслены К. Гавличек-Боровским.

В академической среде многознание об этом человеке до настоящего времени так и не дает возможности ответить на вопрос: в самом деле, кем же он был – «первым чешским диссидентом», по выражению чешско-австрийского историка Иржи Моравы, или

³⁵⁷ *Hroch M. Social preconditions of national revival in Europe. Cambridge ; New York, 1985. P. 48.*

носителем идеологии «многонационального австрийства», как считает чешский историк Иржи Коржалка; ревнителем славянской взаимности или убежденным противником России, основоположником чешской национальной идеологии или человеком с трагическим ощущением собственной несвоевременности, так и оставшимся до конца жизни непонятым современниками?³⁵⁸

5 апреля 1848 г. под влиянием начавшейся во Франции революции Гавличек стал издавать газету на чешском языке «Народни новины». Собственных средств он не имел. Финансировал издание его друг граф Войтех Дейм. Тогда же Гавличек принимал самое активное участие в организации Славянского съезда в Праге, объезжал славянские провинции империи. В июне 1848 г. он был вместе с восставшими на пражских баррикадах. После подавления революции в Вене и наступления реакции начал резкую антиправительственную кампанию в своей газете.

2.5. Национальные проекты и символы свободы в революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи

Революционное брожение, охватившее Центральную Европу во второй половине 1840-х гг., стало серьезным вызовом не только для Австрийской империи, но и для Священного союза. Испытанием на прочность консервативной Венской системы. Революция 1848–1849 гг., приведшая к большому подъему либеральных сил, была окрашена в национальные цвета. В монархии Габсбургов стал тогда особенно популярен лозунг: «Нет свободы политической без свободы национальной!» Если борьба за гражданские права и конституционализм объединяла лидеров национальных движений, то понимание ими «национальной свободы» существенно различалось, что вызывало ожесточенные дискуссии и конфликты.

Как правило, определение масштабов и границ собственной «национальной свободы» противоречило интересам соседних народов. Ситуация драматичная, но, увы, естественная в условия мозаичной этнической структуры Австрийской монархии. «Свобода» воспринималась не только как стремление получить конституционные гарантии для каждого гражданина, но и в качестве символа полноценного развития каждой национальной общности. Грань между «национальным» и «гражданским», весьма прозрачная в статьях и публичных выступлениях того времени, на деле превращалась в огромную пропасть, разделившую участников политических движений 1848–1849 гг.

³⁵⁸ *Kořalka J.* Tschechen im Habsburgerreich und in Europa, 1815–1914. Wien ; München, 1991. S. 28–37; *Morava G. J.* Der k. k. Dissident Karel Havlíček, 1821–1856. Wien, 1985. 246 S.

Самым популярным словом того времени стала «эмансипация» (освобождение). С одной стороны, оно понималось как освобождение от опеки «полицейского государства», регламентировавшего общественную и частную жизнь в империи. Борьба с «сословностью» и «аристократизмом» получила почти повсеместную поддержку. В германских и австрийских землях с воодушевлением говорили о конституционализме, гражданских свободах, реформе избирательного права. Эти идеи были подхвачены венгерскими, чешскими, хорватскими, польскими и словацкими политиками³⁵⁹. Но, с другой стороны, революционные события были недаром названы «весной народов», их первым реальным опытом борьбы за национальное равноправие. По терминологии Бенедикта Андерсона, границы «воображаемых национальных сообществ» еще не были четко прочерчены, как не были сформированы смыслы и коды коллективной идентичности каждого из них. Все будущие нации находились тогда на разных стадиях взросления, что сказалось на их национальных программах и политическом поведении во время революции 1848–1849 гг.

Весной 1848 г. империя Габсбургов переживала тяжелейший кризис. Немецкая либеральная публицистика не скрывала своих надежд на ее близкий крах и присоединение ряда «немецких земель» (в том числе и Богемии) к Немецкому союзу. В богемских и моравских городах Либерец, Литомержице, Жатце, Карловых Варах, Хебе и Румбурке активно создавались общества пангерманской ориентации. Сочетание цветов красного, черного и золотого – символ германского объединения – все чаще появлялось на улицах богемских и моравских городов.

Уникальность исторического момента 1848–1849 гг., когда прежние, ставшие давно привычными имперские устои могли рухнуть в любой день, впервые поставила перед богемским обществом альтернативу: «немец или чех». Именно революционные события в империи впервые высветили глубинные процессы распада протонациональной богемской общности. Выбор своей национальности был скорее эмоциональным или прагматичным (с политическими и коммерческими расчетами) и в гораздо в меньшей степени определялся на основе этнической принадлежности.

Признавая себя немцем и включаясь в пангерманское движение, человек открыто отказывался от общеимперских уз, от своей большой «дунайской родины». Неслучаен

³⁵⁹ Политические программы национальных движений в Австрийской империи в период революции 1848–1849 гг. подробно рассмотрены в исследовании: Der Prager Slavenkongress 1848 / A. Moritsch (Hg.). Wien ; Köln ; Weimar, 2000. 187 S.

лозунг пангерманских изданий того времени: “Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt” («Германия, Германия превыше всего, превыше всего в мире»).

Признание же себя «австрийским славянином» было равносильно не только демонстрации собственной преданности династии Габсбургов и лояльности по отношению к Австрии, но и осознанию собственной национальной идентичности.

Символами свободы в венгерской трактовке стали программа либерализации общества и идея венгерского единства. Внешние атрибуты должны были подчеркивать принадлежность к венгерской нации: цвета венгерского флага, включение в светскую моду элементов венгерского народного костюма, широкое распространение народных шествий с распеванием венгерских песен. Это были знаки национальной интеграции и коллективной солидарности венгров. Особое значение приобрели в то время католические мессы, проводившиеся не в кафедральных соборах, а на центральных площадях, запруженных тысячами людей. На левой руке все, кто считал себя венгерскими патриотами, в течение 1840-х гг. носили повязку бело-красно-зеленых цветов или бант на левой стороне сюртука. Патриотические настроения проявлялись и в дамской моде, где также преобладали цвета венгерского флага, которые ассоциировались с героической традицией Венгерского королевства.

Но в новых рождавшихся символах и ритуалах национальной интеграции не нашлось места для невенгерских народов. В отличие от общегосударственной трактовки «австрийства», официально одобренной в монархии, идеологическая конструкция «венгерской политической нации» не была ориентирована на межнациональный компромисс. Венгерские политики в 1848 г. пытались построить национальное государство для «единого венгерского народа».

Действительно, «весна народов» дала уникальный опыт осмысления миссии своего народа. Естественно, политики пытались придать большую значимость своим нациям, еще не сформировавшимся в реальности, но уже воплощенным в политических текстах и символических репрезентациях. Так, К. Гавличек доказывал существование «единого чешско-моравско-словацкого народа», игнорируя при этом интересы словаков³⁶⁰. Хорватские политики увлекались идеей «единого иллирийского народа», который должен был объединить в своем лоне всех южных славян³⁶¹. Венгры отстаивали идею «венгерской политической нации». Во время революции 1848–1849 гг.

³⁶⁰ Павленко О. В. «Мечта, не ставшая реальностью...» // Славянский альманах, 1999. М., 2000. С. 100–115.

³⁶¹ Suppan A. Der Illyrismus zwischen Wien und Ofen-Pest. Die illyrischen Zeitungen im Spannungsfeld der Zensurpolitik (1833 bis 1843) // Der Austroslavismus / A. Moritsch (Hg.). Wien ; Köln ; Weimar, 1996. S. 102–125.

Лайош Кошут, лидер венгерской революции, руководствовался тем, что «единую венгерскую политическую нацию» составляет все население Венгерского королевства, независимо от этнической принадлежности, но венгры должны играть лидирующую роль³⁶².

В ряде исторических исследований сделано любопытное наблюдение: в революционное время этнонимы «венгерский» и «мадьярский» имели различное содержание. Если понятие «венгерский» распространялось на все население, составлявшее «политическую нацию» Венгерского королевства, то «мадьярский» было по смыслу более приближено к этническим венграм. Этот термин имел тогда выраженное этнокультурное содержание³⁶³. Значительное влияние на трактовку «венгерской политической нации» оказывало венгерское дворянство. Из 12 млн населения Венгерского королевства 800 тыс. были дворянами, 80 % которых говорило на венгерском языке и ощущало свою принадлежность к “*natio hungarica*”³⁶⁴.

Само понятие “*natio hungarica*”, заложенное еще в средневековой традиции, включало прежде всего дворянство как главного хранителя идеи венгерской государственности. Конечно, это было данью сословной (элитарной) трактовки политической нации. Венгерское движение, основной силой которого выступало сплоченное и сильное венгерское дворянство, значительно выигрывало на фоне бюргерских сил, составлявших ядро чешской политики или образованного духовенства с разночинной интеллигенцией в малых городках, характерных для словацкой, словенской и хорватской патриотической среды.

Первое национальное венгерское правительство во главе с графом Л. Баттани еще в апреле 1848 г. начало так называемую «правовую революцию», призванную реформировать основы государственного и гражданского строя Венгерского королевства. Оригинал текста знаменитых «12 пунктов», составленных Шандором Петефи (с которых, собственно, и началась венгерская революция), украшала кокарда цветов венгерского флага с надписью: «Свобода, равенство, братство».

В марте 1848 г. в Государственное собрание Венгрии посылались петиции от комитатских собраний сербов из Военной Границы, хорватов из Загреба, словаков из Липтосентмиклоша, в которых выражались требования широкой национальной автономии (введение национального языка в делопроизводстве и образовании, широкая компетенция земских представительских органов, формирование национальных правительств).

³⁶² *Katus L.* Die ungarische Gesellschaft // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Wien, 1980. Bd. 3, Teilbd. 1 / hrsg. von A. Wandruszka, H. Rumpler. S. 460–468.

³⁶³ *Weber J.* Eötvös und die ungarische Nationalitätenfrage. München, 1966. S. 102–143.

³⁶⁴ *Fényes A.* Statistik des Königreichs Ungarn. Pest, 1843–1844. Bd. 1–2.

Заметим, что во всех петициях, наряду с национальными требованиями, обязательно содержалось перечисление необходимых гражданских свобод и протест против принципов сословной организации общества³⁶⁵. Ни один из этих документов не ставил тогда под сомнение целостность земель Венгерского королевства. Компромисс был возможен, но, скорее всего, нереален.

Апрельское законодательство уничтожило даже саму возможность компромисса. Уже в мае 1848 г. венгерское общество содрогнулось от ужасающих известий из южных областей о кровавой межэтнической резне. А венгерское правительство, не получив поддержки в Вене, взяло курс на выход из состава монархии Габсбургов. «Апрельские законы» 1848 г., провозглашенные Государственным собранием Венгрии, содержали широкую программу либерализации: отмену крепостного права и барщины (с большими оговорками и значительным выкупом), равенство граждан перед законом (с сохранением имущественного ценза в избирательном праве), гарантии свободы слова, печати, собраний и вероисповедания. Авторы законодательства исходили из идеи «единого государственного народа» с титульной венгерской нацией, не признавая национальную идентичность румын, сербов, хорватов, словаков, русинов, проживавших на территории королевства. По существу, весной 1848 г. венгры не только потребовали, но и попытались реализовать проект государственно-правового суверенитета Венгерского королевства.

Трагедия венгерской революции заключалась прежде всего в том, что для большинства невенгерского населения так и остался непонятым ее демократический пафос. Либерально-демократические ценности, провозглашенные венгерскими политиками, и борьба за гражданскую свободу были вытеснены идеей национального государства. Венгерская революция, давшая мощный импульс национальным движениям славянских народов, воспринималась ими не как борьба венгров с абсолютистским режимом, тормозившим развитие австрийского государства, а скорее в качестве угрозы его целостности и воплощение насильственной мадьяризации. В состав корпуса хорватского бана Й. Елачича, призванного Веной усмирить венгров, входили добровольческие отряды, представленные всеми невенгерскими народами королевства.

Лишь в июле 1849 г. венгерское правительство приняло закон о равноправии национальностей, который предоставил невенгерским народам право использовать национальный язык в муниципалитетах, комитатах и судах, а также гарантировал внутреннюю автономию в сфере образования и религии. Но этот закон принимался в условиях, когда судьба венгерской революции уже была предрешена. Мятежному правительству оставалось существовать считанные недели. Это была скорее отчаянная

³⁶⁵ Sked A. Úpadek a pád habsburské říše. Praha, 1995. S. 116–123.

попытка заручиться поддержкой славянского и румынского населения королевства, когда венгры оказались в политической изоляции, а венгерская национальная армия – на грани *истощения*.

Венгерский пример был заразителен, он показал, что именно венгры являются после австро-немецкой общности наиболее зрелым и политически консолидированным народом в монархии Габсбургов. Славянские политики попытались противопоставить венгерскому натиску свою программу автрославизма. Именно в ней они видели единственное средство спасения общего австрийского государства от угрозы венгерской и итальянской революций. Автрославизм, в отличие от венгерской программы, не был ориентирован на создание национального государства. Такая цель не могла быть поставлена славянскими политиками, поскольку процессы национальной интеграции среди славян только разворачивались. Сама идея автрославизма отражала тот уровень национального сознания, который сформировался у патриотически настроенной части славянских интеллектуалов.

С политической точки зрения автрославизм был не только слабо разработан, но и абсолютно нереален. Его целью было создание федералистского государства из Австрийской империи, в котором административное деление осуществлялось бы по принципу «национально-исторических индивидуальностей». Границы субъектов федерации должны были совпадать с этнокультурными границами национальных общностей³⁶⁶. В отличие от венгерского понимания «национальной свободы», автрославизм основывался на идее территориально-административной автономии.

Численное преобладание славян в монархии Габсбургов рождало иллюзию, что федерализация Австрии возможна, так же как и славянское большинство в имперском парламенте. Австрийские славяне надеялись, что смогут легально, без радикальных потрясений добиться гражданского и национального равноправия с австро-немецким населением. Казалось, вот он путь к «справедливому равенству», альтернативный венгерской революции и пангерманизму. Основная проблема заключалась в том, что так и не было найдено оптимального ответа на вопрос, какие из славянских народов имеют права считаться «национально-политическими индивидуальностями» и претендовать на автономный статус, а какие – нет. Программа автрославизма была разработана в среде чешских политиков, полагавших, что они смогут возглавить славянское большинство империи, а Богемское (Чешское) королевство станет ядром обновленной федералистской Австрии.

³⁶⁶ Moritsch A. Der Austroslavismus. Ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas // Der Austroslavismus. S. 11–23.

Карел Гавличек-Боровский, которого по праву считают не только основателем национальной журналистики, но и ярким чешским политиком, был первым, кто сумел четко сформулировать кредо чешской идентичности. О Гавличеке написаны сотни исследований³⁶⁷. Он был противоречивым, радикальным, страстным в своих политических убеждениях, нередко воспринимая окружающую реальность в контрастных черно-белых цветах. Себя он искреннее считал чешским патриотом, отдавая силы борьбе за равноправие чехов в Австрийской империи. Нас будет интересовать прежде всего его отношение к славянству и панславизму, поскольку в публицистических текстах 1840-х гг. он заложил идеи, ставшие через 20 лет, в 60-е гг., главными ориентирами для чешской национальной политики. Важно отметить две основные позиции. Во-первых, им была выведена формула «чехославянского народа» и определены его союзники. Во-вторых, предложена политическая теория австрославизма в качестве альтернативы панславизму Яна Коллара.

Вот краткая хронологическая сводка, составленная из личных и общих дат. К. Гавличек родился 31 октября 1821 г. в семье купца из Борова. С 17 лет он стал жить в Праге. Сначала хотел стать священником, штудировал богословие. Но затем увлекся славянской идеей. В Пражском университете на философском факультете центром притяжения патриотически настроенной молодежи была кафедра чешского языка и литературы. Примечательный факт: ее воспитанники были в основном выходцами из среднеобеспеченных городских слоев, а дети высокопоставленных родителей (адвокатов, высших чиновников, профессоров) составляли лишь 2 %. Начало биографии Гавличека типично для представителя формирующегося в чешских землях среднего класса.

Увлечение славянством было искренним. Впоследствии К. Гавличек с иронией вспоминал «блаженное время» студенчества в Пражском университете: «В то время, когда большая часть молодых людей была влюблена в девушек, другая, меньшая – в идею, осенило меня тогда нечто о великом Славянском народе, о братстве, одинаковом образе мысли различных племен (...) Отрывки из “Дочери Славы” мы декламировали тихо и вслух, мы также сами создавали стихи, учили различные алфавиты и грамматики разных славянских языков, мы почитали за великую честь спеть две польские, одну русскую и две

³⁶⁷ *Bělič J. Karel Havlíček Borovský a Slovanstvo. Praha, 1947. 260 s. ; Chalupný E. Havlíček : obraz psychologický a sociologický. Praha, 1908. 600 s. Подробное биографическое исследование было сделано Карелом Тумой: Tůma K. Karel Havlíček Borovský : nejslavnější publicista českého národa. Kutná Hora, 1883–1885. Sv. 1–2. Т. Масарик рассматривал взгляды Гавличека как первую концепцию политического радикализма в чешской общественной мысли: Masaryk T. G. Karel Havlíček: snahy a tužby politického probuzení. Praha, 1896. 496 s. Иржи Коржалка анализирует наследие Гавличека в контексте становления идеологий многонационального «австрийства»: Kořalka J. Tschechen im Habsburgerreich und in Europa, 1815–1914. S. 28–37. См. также: Morava G. Der k. k. Dissident Karel Havlíček.*

иллирийские песни»³⁶⁸. В 1842 г. он получил место воспитателя в семье С.П. Шевырева, близкого друга М.П. Погодина. Гавличек жил в Москве, Петербурге и Киеве. Через два года пребывания в России окончательно «излечился» от всеславянских мечтаний и вернулся на родину, по его собственному выражению, «чехом, настоящим, необратимым чехом»³⁶⁹. Начал работать в редакциях чешских газет «Чешска вчела» и «Пражске новины».

Летом 1848 г. К. Гавличек сетовал, что издаваемая им на чешском языке патриотическая газета «Народни новины» имеет всего 1050 подписчиков, а большинство соотечественников предпочитает читать немецкие газеты с тиражом более 6000 экземпляров. Обращаясь к своим сторонникам, Гавличек признавал: «Народ не понимает вас, потому что его язык на кухне да в хлеву и не имеет слов для обозначения более высоких предметов, остальные же, неразумные, злобно посмеиваются над вами, те, о которых вы печетесь, не нуждаются в этом и не признают ваших стараний... Мы, чехи, в своей собственной стране были поставлены на колени, и считалось постыдным и необразованным говорить в обществе по-чешски, даже сейчас найдется очень мало образованных людей, которые могли бы читать и писать на родном языке так же, как по-немецки»³⁷⁰.

Весной 1848 г. он совершил поездку в Моравию, чтобы добиться более тесного союза чешских и моравских политиков. Первый шаг к столь желанному для него национальному единству – объединению Чехии и Моравии – был сделан. Гавличек был полон энтузиазма. «Наше племя чешско-моравское достигнет большей силы и признания в мире», «мы, славяне моравско-чешские», «единый народ чешский и моравский» – все эти определения, которыми награждал Гавличек будущую нацию, должны были показать историческое единство двух ее составных частей. Однако реальное положение дел приносило ему большие разочарования. Путевые впечатления от Моравии были безрадостны: «...Любой образованный человек выглядит как немец, славянство и пошлость там – одно и то же»³⁷¹.

Когда на престол вступил юный Франц Иосиф, Гавличек был полон радужных надежд, полагая, что даже самое невозможное станет возможным. Он рассчитывал на то, что новый двор поймет: единственная опора монархии – австрийские славяне. В своей

³⁶⁸ *Havlíček K. Slovan a Čech // Havlíček Borovský K. Epištoly Kutnohorské a vybrané články politické. Praha, 1906. S. 37.*

³⁶⁹ *Ibid.*

³⁷⁰ *Havlíček K. Výklad Hesla Národních Novin // Karla Havlíčka Borovského politické spisy / k vyd. upr. Zdeněk V. Tobolka. Praha, 1901. D. 2, č. 1. S. 67–68.*

³⁷¹ *Idem. Nové volby do Frankfurtu. S. 177 ; Idem. Zásady Národních Novin. S. 209.*

программной работе «Статья, которую хотелось бы, чтобы прочел каждый и поразмыслил» он прямо заявлял, что в сохранении престола Габсбургов заинтересованы только две силы – сам императорский дом и его славянские подданные: «Династия наша имеет свою древнюю легитимность и историческое право, она также за границей имеет могущественных друзей», «у нее значительное, лично преданное ей войско и, кроме этого, большое количество населения старого настроя во всей монархии»³⁷².

Но в интерпретации К. Гавличека лояльность австрийских славян не была безусловной. Выдвигался ряд политических требований для достижения компромисса австрийских славян с властью Габсбургов. Цели были четко обозначены – борьба за введение конституционных свобод и либерализацию общественной жизни, за создание равных прав и политических возможностей для всех национальных сообществ³⁷³.

«Мы, западные славяне, – писал он в апреле 1848 г., – свободные славяне, чехославяне, югославяне и поляки, твердо выступаем за австрийскую империю, считаем ее естественным поясом, связующим воедино нас, братьев по крови, и в этом единении защита от любой опасности»³⁷⁴. Самая важная идея была высказана Гавличеком в редакционной статье «Принципы “Народних новин”»: «Мы не хотим быть только австрийской провинцией», Австрия сможет существовать, лишь став «федерацией самостоятельных земель и народов»³⁷⁵. Предвосхищая события на несколько десятилетий, он одним из первых призывал монархию Габсбургов вытеснить Россию с позиции «центра славянского мира», рисуя величественные картины «панславизма наоборот». Если бы в Австрии имперский принцип был заменен на федерализацию, то и турецкие славяне обратились к ней с надеждой, а Польша стала бы ее верной союзницей³⁷⁶. Но сам он не представлял, как должна осуществляться федерализация, ограничиваясь расплывчатой формулировкой «каждый народ – у себя дома». Но как быть с народами, находившимися в «чужом» доме? Ответа у Гавличека не было.

Здесь проявилась свойственная ему пылкость и противоречивость. В его взглядах весьма своеобразно сочетались чешский национализм и демократические убеждения. Так, он предлагал разделить Венгрию по национально-территориальному принципу, высвободив тем самым словаков и хорватов. План, который мог родиться только в условиях военного противостояния Вены и Венгрии. Он не только отрицательно

³⁷² *Idem.* Článek, o kterém bych si přál, aby jej každý přečetl a rozvážil // NN. 1848. 30. srpna (č. 119). S. 467–468.

³⁷³ *Idem.* Rakouská vláda a Poláci // NN. 1848. 12. května (č. 32). S. 125–126.

³⁷⁴ *Idem.* Naše politika // NN. 1848. 19. dubna (č. 13). S. 49.

³⁷⁵ *Idem.* Zásady Národních Novin. S. 209.

³⁷⁶ *Idem.* Naše politika. S. 49.

относился к историческим правам венгерской короны, но и весьма скептически оценивал будущее словацкого движения.

2.6. Славянский съезд в Праге в 1848 г. как политическая декларация австрославизма

Славянский съезд в Праге в июне 1848 г. объединил представителей всех славянских народов Австрийской империи. Несмотря на внутренние разногласия, его участники смогли выработать общие политические требования, в которых отразились их представления о смысле и сущности «свободы»³⁷⁷.

Судя по протоколам заседаний секций, организованных по этническому принципу, а также итоговым документам, первостепенное значение придавалось консолидации славян против пангерманистов и венгерского национализма. Съезд должен был стать антиподом Франкфуртскому собранию немецких либералов и венгерской революции. Славянским ответом на процессы национальной консолидации немцев и венгров. Отражением коллективной политической воли австрийских славян. В этом смысле “slovanství” (славянство) стало формой национальной самозащиты.

В тексте «Манифеста Славянского съезда к европейским народам» с пафосом была отражена общая позиция: «Теперь поднял голову и давно притеснявшийся славянин, он сбрасывает с себя иго насилия и мощным голосом требует своего старого достоинства – свободы»³⁷⁸. Новое, славянское качество идентичности стало востребовано прежде всего теми политическими движениями, которые развивались в условиях билингвистических смешанных общностей. Неудивительно, что чешские и словацкие идеологи активно использовали фактор славянства в собственной национальной пропаганде³⁷⁹.

В серии статей «Наша политика», опубликованных Гавличеком как раз в период созыва Франкфуртского собрания, славянская тема приобрела особое звучание: «Нам, чехам, дано судьбой благородное предназначение быть первой славянской крепостью на Западе... Дунай будет нашей славянской рекой, Австрия будет славянской империей»³⁸⁰.

Хотя участники пражского съезда зачастую могли договориться между собой только по-немецки, славянская тема на нем звучала весьма убедительно. Отличительным

³⁷⁷ *Moritsch A.* Revolution 1848 – Österreichs Slaven wohin? // *Der Prager Slavenkongress 1848.* S. 5–18.

³⁷⁸ Манифест Славянского съезда 1848 г. к европейским народам // *Славянские движения XIX – XX веков : съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения / отв. ред. М. Ю. Досталь. М., 1998. С. 254.*

³⁷⁹ *Pavlenko O.* Die “Slawische Frage“ im Kontext der russisch-österreichischer Beziehungen während der Revolution 1848–1849 // *Der Prager Slavenkongress 1848.* S. 19–20 ; *Eadem.* Rußland und die Donauslaven, 1848–1871 // *Der Austroslavismus.* S. 156–160.

³⁸⁰ *Павленко О. В.* «Мечта, не ставшая реальностью...». С. 103–113.

знаком славянина, точнее, того, кто сознательно протестовал против включения Богемии в Немецкий союз, был внешний атрибут – голубой головной убор с красно-белой лентой. С этого времени славянский триколор стал одним из символов национальной чешской политики.

Представление о гражданской свободе было определено в тексте «Манифеста» как борьба с «оковами феодализма», чтобы «вернуть людям неотъемлемые права человека и гражданина»³⁸¹. Австрийские славяне выступили против принципов сословного разделения общества, сословных привилегий и преимуществ, за реализацию «безусловного равенства перед законом и равной меры прав и обязанностей для каждого»³⁸². Однако та часть манифеста, в которой речь шла о либерально-демократических основах гражданского общества, не имела первостепенного значения. Более того, позиции либеральных программ славянских движений периода революции были схожи между собой и представляют скорее перечисление значимых гражданских свобод без детальной разработки путей их реализации.

Хотя идея «гражданской свободы» носила декларативный характер, но был открыто, выражен протест против принципов сословности и регламентирующего контроля государства над обществом. Национальные движения (за исключением незначительных радикальных группировок) не выходили за рамки легальности и лояльности трону Габсбургов. Более того, констатируя необходимость «конституционной власти императора», славянские политики либеральной ориентации не ставили перед собой задачу парламентского контроля над компетенциями имперской власти.

Таким образом, первые опыты национальной политики, которые пытались осуществить славянские деятели, были ориентированы на достижение союза династии Габсбургов со славянами. Династия воспринималась не только в качестве символа государственной целостности Австрии, но и гарантии существования входивших в нее национальных общностей. Неудивительно, что ключевым понятием в тексте «Манифеста» стала «национальная свобода»: «Не в меньшей степени, чем человек с его прирожденным правом, священна для нас нация с совокупностью ее духовных потребностей и достижений»³⁸³.

Федерализация монархии Габсбургов на основе принципов национальной и политической свободы – именно такую цель ставили славянские политики на съезде в

³⁸¹ Манифест Славянского съезда 1848 г. к европейским народам. С. 255.

³⁸² Там же. С. 254.

³⁸³ Там же. С. 256–257.

Праге³⁸⁴. Гавличек активно включился в организацию пестрой толпы общественных деятелей, стал секретарем Славянского съезда³⁸⁵. Он старался поддерживать тесные контакты с ведущими политиками из австрийских славян – баном Иосифом Елачичем, Станко Вразем, Э. Ховцким, В. Караджичем, Й.П. Йордану, Л. Штуром и др. Во время подготовки съезда, вернувшись после поездок по славянским провинциям, Гавличек с горечью писал, что славянской взаимности мешают «польская гордость, непоследовательность и незнание обстоятельств»³⁸⁶. Разногласия с польской шляхтой привели даже к тому, что осенью 1848 г. Гавличек причислил ее к «врагам славянства» наряду с франкфуртистами и венграми. Трагический опыт польских восстаний показал, что поражение чревато усилением репрессий и внутренними расколами. Гавличек не признавал польских методов, критиковал их, с раздражением констатируя: «Где революция, там сразу поляк, где есть поляк, там сразу революция»³⁸⁷. Когда в Вене вспыхнули революционные волнения, Гавличек считал, что решается судьба не только империи Габсбургов, но и австрийских славян. «Югославяне, русины, словаки остались славянами, и только поляки перестали быть славянами и снова стали только поляками»³⁸⁸.

В уже упомянутой «Энциклопедии национализма» Л. Снайдера Славянский съезд 1848 г. в Праге характеризуется как первое проявление панславистского движения в Европе³⁸⁹. Трудно согласиться с этим утверждением, хотя бы по той причине, что в «Манифесте» всеславянство упоминается только один раз³⁹⁰. Протоколы заседаний подготовительного комитета показывают, что не столько славянская идея, сколько прагматичные проавстрийские (против «венгров и франфуртистов») чувства руководили его организаторами. Приглашенный в качестве почетного председателя Л. Тун настаивал на том, чтобы в «Манифесте» как можно ярче была выражена идея верности империи и династии. Франтишек Ладислав Ригер, второе после Ф. Палацкого лицо в чешском движении, вообще предлагал изъять славянскую атрибутику из материалов съезда, чтобы не спугнуть богемских немцев, которых хотели привлечь на свою сторону³⁹¹.

³⁸⁴ Подробнее см.: *Павленко О. В.* Проблемы панславизма в Чехии и в России в первой половине XIX в. // *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в.* / отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991. С. 98–105 ; *Ее же.* Концепция «нравственной политики» в чешском движении в XIX – начале XX вв. // *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика* / редкол.: О. В. Хаванова (отв. ред.) [и др.]. М., 1997. С. 53–68.

³⁸⁵ *Slovanský sjezd v Praze roku 1848 : sbírka dokumentů / k vyd. přípr. V. Žáček.* Praha, 1958. S. 35–40.

³⁸⁶ *Havliček K.* Cestou do Haliče // *NN.* 1848. 5. května (č. 26). S. 104.

³⁸⁷ *Idem.* Slované v revoluci Vídeňské // *NN.* 1848. 21. října (č. 165). S. 647.

³⁸⁸ *Ibid.*

³⁸⁹ *Snyder L. L.* *Op. cit.* P. 310–311.

³⁹⁰ Манифест славянского съезда 1848 г. к европейским народам.

³⁹¹ *Slovanský sjezd v Praze roku 1848...* S. 35–40.

Политическая публицистика К. Гавличека приобрела еще более острый характер, чем воззвания Славянского съезда. Участников пангерманского движения в чешских землях он называл «чехо-немцами», «наиболее рьяными франкфуртистами»³⁹². Но после разгона Славянского съезда правительственными войсками, уже с осени 1848 г. он все реже упоминал, что «немцы – противники интересов чехов»³⁹³. «Противниками» назывались только «франкфуртисты». Возрастало понимание различий между немцами в Богемии и сторонниками пангерманизма в германских землях.

Действительно, богемское сообщество распалось не столько по этническому принципу, сколько по политическим причинам, определявшим личный выбор каждого человека. Сам Гавличек признавал, что во время революции «огромное и ревнивое раздвоение настало между двумя народностями в Чехии». Больше всего «франкфуртистов», по его наблюдениям, было в Либерце, Жатце и в моравских городах, где «о Праге ... говорят не иначе, как если бы мы там и в будни, и в праздники ели немецкое мясо и пили немецкую кровь»³⁹⁴. В публицистике Гавличека резко противопоставлялись два понятия – «чехославяне» и «чехо-немцы» (франкфуртисты).

Но если процесс созревания чешской нации довольно глубоко исследован в исторической литературе, то вопрос о дальнейшем развитии национального самосознания богемских немцев так и остался вне внимания отечественной историографии³⁹⁵. Между тем в книге чешского историка Яна Кржена «Конфликтная общность. Чехи – немцы, 1780–1918» убедительно представлена концепция параллельного формирования этих двух ментально близких, но в силу политических пристрастий противостоявших национальных общностей. Исследователь доказывает, что к началу XX в. можно говорить не только о чешской нации, но и о богемско-немецкой³⁹⁶.

Во время Славянского съезда в Праге весной 1848 г. К. Гавличек сблизился со словаком Людовитом Штуром, особенно по вопросу о федерализации, но никогда так и не признал литературный словацкий язык. Впоследствии он не был столь категоричен в оценке словацкого движения, но оставался верным мысли, что чехи и словаки – ветви одного «чехославянского народа»³⁹⁷.

³⁹² *Havlíček K.* Čeští deputovaní na sněmu říšském a jejich nynější postavení k ministerstvu // NN. 1848. 10. září (č. 129). S. 507.

³⁹³ *Павленко О. В.* Символы «свободы» в политических движениях народов Австрийской империи в 1848–1849 гг. // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 129.

³⁹⁴ *Slovanský sjezd v Praze roku 1848...* S. 40.

³⁹⁵ *Павленко О. В.* «Мечта, не ставшая реальностью...».

³⁹⁶ *Křen J.* Konfliktní společenství...

³⁹⁷ *Havlíček K.* O Slovanském klubu // NN. 1849. 20. února (č. 43). S. 169.

По мнению Гавличека, инструментом для реализации федералистского плана должна была стать политическая славянская взаимность. Необходимо отметить, что он был убежденным противником силового решения национального вопроса. Идея революционного пути была для него не только лишена перспективы, но и губительна. Только легальная борьба, только парламентские методы – вот путь решения славянского (и прежде всего чешского) вопроса. Отсюда резкое неприятие революционных, радикальных методов борьбы. Это была принципиальная позиция не только Гавличека, но и политического руководства чешского движения – тандема Ф. Палацкого с Ф.Л. Ригером.

Таким образом, в интерпретации К. Гавличека, славянская взаимность – это политический инструмент для реализации программы австрославизма. Цель – мощный славянский блок в имперском парламенте, чтобы эффективно противостоять централистскому австро-немецкому курсу и добиться федерализации Австрии. В качестве первого шага должно было произойти, по его мнению, объединение чешского и моравского движений, чтобы вместе давать отпор возраставшему с каждым месяцем пангерманизму³⁹⁸.

Однако этим политическим проектам не суждено было сбыться. Славянский съезд был разогнан правительственными войсками под командованием знаменитого маршала Радецкого. Достаточно было выставить пушки и окружить здание войсками, чтобы депутаты в спешном порядке разошлись. Существуют разные мнения в историографии относительно целесообразности разгона этого собрания, которое клялось от имени всех австрийских славян в верности и преданности династии Габсбургов³⁹⁹. После многих месяцев нерешительности, когда империя балансировала на грани краха, никто в Вене не задумывался над смыслом австрославистской лояльности. Нужно было жестко подавить очаги политической активности. Такова была логика императорского двора и молодого императора Франца Иосифа, вступившего на престол в тот роковой год.

Последняя надежда для чешских политиков сохранялась на поле парламентской борьбы. Они надеялись, что смогут сформировать блок славянских партий в имперском рейхсрате. Комментируя его состав в июне – августе 1848 г., Гавличек надеялся, что сложится блок чехов, поляков, словенцев из Штирии и Крайны, итальянцев, а также «истинно либеральных немцев», которые смогли бы образовать федералистское большинство и успешно противостоять как франкфуртистам, так и централистам, ратовавшим за сохранение абсолютизма.

³⁹⁸ *Idem.* O naší budoucnosti // NN. 1848. 7. dubna (č. 3). S. 9.

³⁹⁹ Павленко О. В. Символы «свободы» в политических движениях народов Австрийской империи в 1848–1849 гг. С. 126.

Постепенно идея общего антицентристского блока ушла на второй план, уступив место проекту Славянского парламентского клуба. Гавличек активно пытался объединить славянских депутатов вокруг программы федерализации монархии Габсбургов. Он искренне считал, что в Славянский клуб могли бы войти чешская, моравская, русинская и югославянская делегации, чтобы проводить «политику неприсоединения и занять независимое положение»⁴⁰⁰ между группами централистского толка.

Ф. Палацкий пытался создать федералистское крыло в конституционном комитете парламента. Гавличек поддерживал его на страницах «Народных новин». Но разобщенность федералистов с августа 1848 г. только нарастала. Единую позицию чешские депутаты так и не смогли согласовать с хорватами и словенцами⁴⁰¹.

В начале 1849 г. федералистское крыло во главе с Ф. Палацким потерпело в конституционном комитете полное поражение, централисты праздновали победу. В статье «Чешское послание к братьям югославянам» Гавличек, сетуя на вероломство австрийского правительства, продолжал все же настаивать на том, что «можно добиться свободы легальным путем, дорога к революции ни к чему хорошему не приведет; даст только реакции оружие против славян. Даже в условиях поражения, по его мнению, «чехославянам» и «югославянам» необходимо создать мощную оппозиционную силу в парламенте»⁴⁰². 13 февраля 1849 г. в «Народных новинах» был опубликован устав Славянского клуба. Неизвестно, насколько эффективным был бы этот опыт австрославянского сотрудничества, но 7 марта сейм в Кромержице был, так же как и Славянский съезд, разогнан правительственными войсками.

Мартовская конституция, названная «обрезанной», закрепляла централизм в качестве ведущего политического принципа монархии Габсбургов. Но Гавличек продолжал оптимистично верить в будущее австрославизма. 5 мая 1849 г. он писал: «Рано или поздно Австрия все-таки должна стать объединением славянских земель... Славянское упорство и возвышенная наша демократия, которая ни у кого ничего не отбирает, а только ко всем справедлива, должны победить...»⁴⁰³ Однако «контрреволюционная осень» 1850-х гг. разбила австрославистские иллюзии чешских политиков.

В июле 1850 г. К. Гавличек, зрелый и умудренный политическим опытом, прошедший сквозь череду поражений, подводил итоги в своей статье «Славянская политика». Он пытался осмыслить новые задачи для чешского движения и

⁴⁰⁰ Havlíček K. O politické situaci // NN. 1848. 10. listopadu (č. 182). S. 715.

⁴⁰¹ *Idem.* Proudý v sněmu říšském // NN. 1848. 1. srpna (č. 93). S. 365.

⁴⁰² *Idem.* Hlas Český k bratrům Jihoslovanům // Karla Havlíčka Borovského politické spisy / k vyd. upr. Z. V. Tobolka. Praha, 1901. D. 2, č. 1. S. 311.

⁴⁰³ *Idem.* Potřeba foederace // Ibid. Praha, 1902. D. 2, č. 2. S. 494.

сформулировать подходы к межславянским отношениям исходя из национальных интересов. Гавличек был уже менее категоричен и язвительнее, чем раньше, значительно уменьшилась и восторженная риторика. Все большее внимание он начал уделять славянской взаимности: «Славянство стало самым центром и основой чешской политики и останется таковым навсегда»⁴⁰⁴. Он выделял литературную взаимность, которая должна базироваться на принципе индивидуального культурно-языкового развития каждого славянского народа, и политическую взаимность между австрийскими славянами.

События «весны народов» показали, что богемское дворянство готово было оказывать покровительство патриотическим силам только до тех пор, пока патриотические настроения не выходили за пределы земского богемизма. Когда же в идеологии стали проявляться черты чешского политического самосознания, многие аристократы не пожелали участвовать в движении национального сепаратизма. Понимая, что большая политика делается в дворцовых гостиных Вены, чешские идеологи вынуждены были использовать любые средства, чтобы компенсировать отсутствие элитарности у своего движения. Таким средством стала славянская взаимность, удобная и эффективная, позволявшая ощутить себя значительнее и в то же время дать почувствовать это другим – в Вене, Будапеште, Берлине и Франкфурте.

Чешское движение развивалось в сравнительно более благоприятных условиях, нежели большинство национальных движений «малых народов» Центральной Европы: наличие традиционного центра – Праги – и столичного Карлова университета, богатое историко-культурное наследие на национальном языке, традиция (пусть формального) земского самоуправления, густая сеть городов и развитых коммуникаций, связующих центр с провинцией. Эти объективные исходные условия, естественно, благоприятствовали процессу выделения чешской нации из протонациональной богемской общности.

Гавличек продолжал настаивать, что только на основе славянской взаимности можно проводить легальную парламентскую борьбу за реорганизацию империи. «Чехославяне», «югославяне», поляки и русины должны объединиться в единый парламентский блок, чтобы добиться «федерации австрийских земель с действительно демократической конституцией». Политическая взаимность славян – это «чувство общей опасности» и «чувство общего успеха»⁴⁰⁵.

⁴⁰⁴ *Idem.* Slovanská politika : (Slovan v červenci r. 1850) // *Idem.* Epištoly Kutnohorské a vybrané články politické. S. 87.

⁴⁰⁵ *Ibid.* S. 93–94.

Врагов всех австрийских славян он видел в «немцах и венграх». Ведь забылись конфликты и противоречия между Белградом и Загребом, когда встала угроза венгерского национализма. Борьба с общими врагами должна была, по его мнению, сплотить также чехов и словаков. Однако он не отказался от своей предубежденности против словацкой идентичности, считая, что словаки не смогут создать своей нации, поскольку общество сильно мадьяризовано, а интеллигенции мало. Поэтому призывал чешских юношей получать места чиновников и преподавателей в Словакии, чтобы «ошибочная политика Штура не пустила там корни». Тем не менее Гавличек вынужден был заявить: «Если большинство словаков захочет, чтобы их считали самостоятельным народом, я, хотя и имея другое убеждение, буду первым, кто признает их право на независимость»⁴⁰⁶.

В отличие от словаков, которых он причислял к «единому чехославянскому народу», русины, по его мнению, были самостоятельным 12-миллионным народом, проживавшим в южной части России, Галиции и Венгрии. Он неоднократно призывал австрийское правительство признать «народность русинскую», которая находится в тяжелом «духовном порабощении» польской аристократией⁴⁰⁷.

14 августа 1851 г. Гавличек сам прекратил издание «Славянина». Но, один из немногих, не сдался. Вновь пытался наладить в Праге выпуск политической газеты. Безуспешно. Кругом боязнь и равнодушие. 12 ноября 1851 г. его опять обвинили «в нарушении общественного мира и порядка, а также в подстрекательстве народа против правительства». И снова суд. И вновь – победа. Его признали невиновным. Уникальный случай в тех условиях. Вскоре он все же был отправлен, без публичного суда, по личному приказу императора в ссылку в альпийскую деревню Бриксен, которую Гавличек в «Тирольских элегиях» назвал «моя Сибирь». В ссылке его морально поддерживали письма от Ф. Палацкого, его советы написать популярную историю России, книги, которые ему посылали родные и друзья из Праги.

На родину он вернулся лишь спустя четыре года. Смерть жены Юлии, разделившей с ним годы лишений, окончательно подорвала здоровье. Карел Гавличек умер 29 июня 1856 г.⁴⁰⁸

Вот и все о человеке, который прожил 35 лет и только три года (с 1848 по 1851 г.) активно занимался политикой. Вторая его биография – это многочисленные статьи в «Народных новинах» и «Славянине» и их интерпретации в патриотической среде.

⁴⁰⁶ Ibid. S. 95.

⁴⁰⁷ Ibid. S. 94.

⁴⁰⁸ Первые опыты подробных биографических исследований о К. Гавличеке: *Chalupný E.* Op. cit. ; *Tůma K.* Op. cit.

Выработать четкую программу действий после крупного поражения австрославизма и провала идей федерализации чешские политики не могли. В 1850-е гг. в политической публицистике вспыхивали разнообразные идеи, зачастую совершенно нереальные в условиях монархии Габсбургов. Так, в статье «Славянская политика» Гавличек настаивал на принципе национально-территориальной автономии. Земли Чешской короны должны быть поделены по языковому критерию на автономии в соответствии с тем, какое население (чешское или немецкое) в них преобладает. Там, где большинство составляют чехи, национальным языком должен стать чешским. Учитывая этническую мозаичность и весьма условные границы между чехами и немцами в то время, реализация подобного плана создала бы полную мешанину. Но Гавличека это не смущает. Для него принцип национально-территориальной автономии был высшим отражением «подлинного демократизма»: «Мы не хотим иметь свободу без национальности и национальность без свободы»⁴⁰⁹.

В любом случае, он был убежден в том, что единственный путь для австрийских славян – найти консенсус с Домом Габсбургов и австрийским правительством. Как ни парадоксально, при этом он оставался убежденным борцом с «аристократизмом» за демократическое равноправие. Австрославизм, который Гавличек разрабатывал все 1840-е гг., в отличие от панславизма, имел четко определенное пространство, ограниченное монархией Габсбургов. Он постоянно пытался найти наиболее приемлемую формулу ее союза со своими австрийскими подданными.

По своим политическим взглядам Гавличек был убежденным противником русофильства в среде австрийских славян. И в пику этому призывал Вену проявлять большую гибкость по отношению к своим «малороссийским подданным». Уехав в Россию, будучи убежденным русофилом, после возвращения на родину он кардинально изменил свои взгляды, нередко допуская самые саркастичные высказывания о «русском кнуте» и «деспотии». В исследованиях, посвященных его биографии, так и не найдено четких объяснений, почему произошла переоценка ценностей и поворот Гавличека от русофильства к австрославизму⁴¹⁰.

В любом случае, он был убежден в том, что единственный путь для австрийских славян – найти консенсус с Домом Габсбургов и австрийским правительством. Как ни парадоксально, при этом он оставался убежденным борцом с «аристократизмом» за демократическое равноправие. Австрославизм, который Гавличек разрабатывал все 1840-е

⁴⁰⁹ *Havlíček K. Slovanská politika... S. 86.*

⁴¹⁰ *Bělič J. Op. cit. ; Tůma K. Op. cit. ; Kořalka J. Tschechen im Habsburgerreich und in Europa, 1815–1914.*

гг., в отличие от панславизма, имел четко определенное пространство, ограниченное монархией Габсбургов. Он постоянно пытался найти наиболее приемлемую формулу ее союза со своими австрийскими подданными.

В историографии сложилось мнение, что его статья «Славянин и чех» (1846 г.) была первым публичным изложением программы австрославизма⁴¹¹. Согласиться с этим утверждением можно лишь с некоторыми оговорками. Гавличек сам часто путался с пониманием современного ему положения славянских народов. То он доказывал, что «славянин» – лишь научное, географическое понятие и говорить о «славянском братстве» так же глупо, как и об «индоевропейском патриотизме». Славяне не могут быть «единым народом», а разделены на четыре самостоятельных, независимых друг от друга ветви – русских, поляков, чехов и иллиров. То выделял три «независимые части славянства» – западные славяне («чехославяне»), южные славяне («иллиры») и восточные славяне («русские, поляки, малорусы»)⁴¹². Гавличек то отрицал мысль о всеславянском братстве, доказывая, что панславизм – смешная умозрительная идея, вредная для славян. То восхвалял славянскую взаимность как прекрасное средство национального возрождения, благодаря которому славяне смогли бы осознать свои исторические корни и создать союз «во имя сохранения Австрийской империи»⁴¹³.

Но одно для него было бесспорным – австрийские славяне должны жить в своем многонациональном государстве, сохраняя его суверенитет и территориальную целостность. В этом смысле он был не только чешским патриотом, но и лояльным гражданином своей страны. Он писал: «Монархия Австрийская является наилучшей гарантией сохранения нашей и иллирийской национальностей, и чем больше будет сил у Австрийской империи, тем прочнее будет положение нашей национальности»⁴¹⁴.

Политическая публицистика К. Гавличека представляет большой интерес не только потому, что она внесла смысловые коды в формулу чешской нации модерна, определила направления национальной политики во второй половине XIX – начале XX в. Важно также, что Гавличек одним из первых попытался сформулировать коллективную идентичность для всех австрийских славян – подданных Габсбургов. Недаром он часто

⁴¹¹ *Ненашева З. С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 45.

⁴¹² Наибольшей критике Гавличек подвергал мысль Коллара о славянском едином народе. Коллар так определял введенное им понятие «славянская нация»: «Все славяне – это одна кровь, одно тело, один народ, все их наречия одинаковы, различия в образованности славянских племен заключаются лишь в степени, а не в характере» (*Kollár J. Dobré vlastnosti národu slovanského. S. 17*). Это же обоснование содержится в трактате: *Idem. O literární vzájemnosti... S. 57*. См.: *Havlíček K. Slovan a Čech. S. 37–40*.

⁴¹³ *Ibid.*

⁴¹⁴ *Ibid. S. 45.*

употреблял множественное число – «мы, славяне и демократы», «мы, австрийские славяне», «мы, чехославяне, югославяне, поляки и русины».

Однако чешская форма “*slovanství*” (точнее будет назвать – «славизма») так и не сложилась в цельную идеологическую конструкцию, скорее она представляла собой совокупность различных, часто прямо противоположных идей. Славянская аргументация в чешской политике использовалась разными политическими силами, но никогда не являлась самодовлеющей и самоценной, как, к примеру, в словацком движении. Рискну утверждать, что чешский подход к славянской взаимности с самого начала отличал выраженный прагматизм. В нем не было универсального понимания «славянского мира», дихотомии «славяне – неславяне», характерной для российского панславизма, отсутствовала претензия на глобальную мировую роль, как в польском мессианизме, не было идеалистического представления о «славянском будущем», свойственного некоторым словацким интеллектуалам. Гавличек видел в славянской взаимности (точнее – в славянской солидарности) единственную гарантию внутреннего равновесия Австрийской империи. Австрославизм он мыслил как альтернативу имперскому панславизму в России, мощному пангерманскому движению. Своего рода третий путь, при котором возможно сохранить центральноевропейскую безопасность. Данная интерпретация была строго ограничена рамками Габсбургской монархии. В то же время она оставалась всего лишь идеальной моделью межславянской политической интеграции, со всей присущей ей условностью, демократическим пафосом и чешскими национальными амбициями.

Чешская «мечта, не ставшая реальностью...» – так назвал Томаш Гарик Масарик чешское “*slovanství*”⁴¹⁵. Само это понятие в чешском языке имеет гораздо более емкое культурно-историческое и политическое содержание, чем в русском. Оно определяет не только этноязыковую общность, но и культурный код славян, взаимозависимость их исторических судеб. Этот термин нередко использовался для определения так называемой «славянской политики», бывшей неотъемлемой частью национального движения в Чехии в XIX в.

Славянская политика представляла совокупность различных акций, направленных на создание политических блоков славянских народов в австрийском парламенте, демонстрацию силы славянской солидарности, как в пределах монархии Габсбургов, так и в общеевропейском масштабе. Чешский ученый Г. Морава относил ее к стратегиям

⁴¹⁵ *Masaryk T. G. Česká otázka : snahy a tužby národního obrození ; Naše nynější krise : pád strany staročeské a počátkové směrů nových.* 6 vyd. Praha, 1948. S. 139–140.

выживания «малых» народов, которые пытались выработать собственный подход к «проблемам центральнойвропейской безопасности»⁴¹⁶.

Действительно, для малых народов Центральной Европы «австрийский дом» представлялся наиболее надежной и стабильной формой существования. Но только при условии равных национальных прав и возможностей. Другая причина изначальной лояльности австрийских славян Дому Габсбургов заключалась в социальном составе патриотических сил. Ни чешскому, ни словацкому, ни словенскому или русинскому движениям не был свойственен аристократический блеск. В отличие от венгров, поляков, австрийских немцев эти движения были разночинными или сельскими по своему составу. Только у чехов преобладало городское население. В словенском, словацком и хорватском движениях доля участия городского и сельского населения в патриотических акциях сравнилась только во второй половине XIX в. При этом наиболее активными являлись представители духовенства и учителя начальных и средних школ⁴¹⁷.

2.7. Сближение Вены и Петербурга в конце 1840-х – начале 1850-х гг.

С 1846–1847 гг. наступил новый период в истории славянского вопроса в России, который продлился до середины 1850-х гг. Под влиянием революционных потрясений в Европе произошла значительная радикализация славянской идеи. Стали распространяться различные национально-радикальные теории и лозунги революционного воссоединения славянских народов. В феврале 1846 г. грянуло восстание в Кракове с радикальными лозунгами общеславянской революции. Это сразу же побудило Россию и Австрию забыть о прежних разногласиях и вспомнить о конвенциях и праве на военное вмешательство, которое было положено в основу их союза. Император Николай I убедил прусского короля Фридриха Вильгельма IV в неизбежности присоединения Кракова к австрийским владениям. Восстание было жестко подавлено. Имперский консервативный порядок торжествовал победу. Правда, только на короткое время.

Казалось, в отношениях Вены и Петербурга с 1846 г. вновь наступил «медовый месяц». Оба императорских двора демонстрировали своим подданным и всей Европе, как тесно связаны они общими интересами. Под влиянием первого в истории Европы экономического кризиса 1847 г. радикальные настроения повсеместно нарастали, в том числе в прусских и австрийских владениях. Традиционные монархии, как бастионы,

⁴¹⁶ *Morava G.* Palacký : Čech, Rakušan, Evropan. Praha, 1998. S. 200–201.

⁴¹⁷ *Hroch M.* Evropská národní hnutí v 19. století. Praha, 1986. S. 295–355, 103–146 ; *Idem.* Das Europa der Nationen : die moderne Nationsbildung im europäischen Vergleich. Göttingen, 2005. S. 201–217 ; *Moritsch A.* Die nationale Differenzierung in Kärnten in der Zeit Matja-Zilijski // Die slavische Idee / hrsg. von A. Moritsch. Bratislava, 1993. S. 130–131.

пытались сплотиться, чтобы выдержать извержение революционной лавы. Неудивительно, что в этих условиях Николай I и петербургское правительство полностью потеряли интерес к славянскому делу. Российский император опасался революционного брожения среди славянолюбивых кругов. Вслед за разгромом Кирилло-Мефодиевского братства последовали аресты видных славянофилов.

В секретном циркуляре Министерства просвещения от 30 мая 1847 г., разосланном попечителям учебных округов, содержалось публичное отречение от славянства: «Все, что имеем мы на Руси, принадлежит нам одним, без участия других Славянских народов, ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве, не столько по внушению братской любви, как по расчетам мелкого и не всегда бескорыстного эгоизма»⁴¹⁸

Историк литературы, цензор, профессор Санкт-Петербургского университета, действительный член Академии наук Александр Васильевич Никитенко, присутствовавший при чтении уваровского циркуляра на чрезвычайном собрании совета университета, так передавал в своем дневнике его общий смысл: «Народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении Самодержавию, а славянство западное не должно возбуждать в нас никакого сочувствия. Оно само по себе, а мы сами по себе. Мы сим самым торжественно от него отрекаемся»⁴¹⁹.

В известную триединую формулу российской державности «самодержавие – православие – народность» вносились коррективы. Из понятия «народность» как одного из важнейших «исконных начал» исключался «русско-славянский» смысл. Славянофильская установка на неотделимость этих двух основ («русское» может быть понято только через «славянское», а «славянское» – только через «русское») теперь полностью отрицалась. Во главу угла была поставлена идея исключительно «русского начала и русского духа». Понятие «народность» трактовалось в великодержавном, имперском ключе. Сам государь следил за строгим исполнением этой кампании по искоренению «славянских мечтаний».

Россия демонстративно доказывала Австрии, что ставит имперскую солидарность выше иных интересов. Попечитель Московского округа граф С.С. Строганов, поддерживавший М.П. Погодина, позволил себе в письме к министру С.С. Уварову усомниться в необходимости изъятия из учебных университетских планов курсов по зарубежным славянам. В ответ он получил письмо от графа А.Ф. Орлова, видного дипломата, доверенного лица императора, который в то время возглавлял III Отделение. В

⁴¹⁸ Циркуляр Министра народного просвещения от 30 мая 1847 года // Русский архив. 1892. № 7. С. 350.

⁴¹⁹ *Никитенко А. В.* Записки и дневник (1826–1877). СПб., 1893. Т. 1. С. 488.

нем сообщалось, что Николай I посчитал письмо С.С. Строганова в высшей степени неприличным и предписал ему строго следовать официальной линии⁴²⁰.

Парадокс ситуации 1847–1849 гг. заключался в том, что, когда Россия вела борьбу за искоренение «славянских мечтаний», западную публицистику буквально захлестнула волна антироссийских и антипанславистских разоблачений. Либерально-демократическая пресса в Англии, Франции, Германии обвиняла Петербург в захватнических планах создания всеславянской империи в Европе. Шок в европейских либеральных кругах вызвало военное вмешательство корпуса российской армии под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского в Венгрию.

Военное подавление венгерской революции в июне – августе 1849 г. вызвало шквал ожесточенной критики. Европейское общественное мнение, проникнутое русофобией, негодовало по поводу панславистской угрозы со стороны России⁴²¹. Но юридическим обоснованием ввода российских войск на территорию Габсбургской монархии послужили как раз конвенции, заложившие основу Священного союза и права на военное вмешательство. Венгерская мятежная армия была уже на подступах к Вене, когда австрийские власти официально обратились к российскому императору за помощью.

В этой связи уместно поставить вопрос о корректности употребления термина «интервенция» в историографии при описании боевых действий российской армии в Венгрии в 1849 г. «Вмешательство» (*interventio* – лат.) России не имело характер вооруженной агрессии, поскольку существовавший тогда Священный союз основывался на юридически закреплённом принципе вмешательства в случае угрозы государственной безопасности.

Заметим, что император Франц Иосиф и правительственный кабинет апеллировали именно к этим конвенциям, когда обращались с просьбой к Николаю I о вооруженной помощи против венгерских революционеров. Тем не менее европейская либеральная традиция, а впоследствии и историография, зарубежная и нередко – отечественная, использовали такие термины, как «вооруженная агрессия», «вторжение», «интервенция» России. Это обстоятельство в немалой степени повлияло на формирование негативного образа Российской империи в европейском либеральном мнении⁴²².

Сам же российский император, по-видимому, испытывал полное равнодушие к идеям панславистского величия в период революционных потрясений 1848–1849 гг. В начале XX в. в журнале «Русская старина» впервые была опубликована переписка

⁴²⁰ Орлов А. Ф. Письмо графа А. Ф. Орлова к графу С. Г. Строганову. 3 августа 1847 (получено) // Русский архив. 1892. № 7. С. 355–356.

⁴²¹ Groh D. Russland im Blick Europas. S. 278–353.

⁴²² *Idem.* Russland im Blick Europas.

Николая I с И.Ф. Паскевичем, светлейшим князем Варшавским, наместником в Царстве Польском. Эта корреспонденция ярко характеризует личное отношение императора к европейским событиям в целом и особенно к славянскому вопросу на рубеже 40–50-х гг. XIX в.

Хотя 14 марта 1848 г. Россия в ответ на вспыхнувшие революции во Франции и Германии провозгласила грозный манифест, тяжелое впечатление от которого пытался впоследствии сгладить министр Нессельроде в газете “Journal de St.-Petersbourg”. Но сам император не стремился ввязываться в европейские волнения. На крайний случай в западных пограничных областях было мобилизовано 420 тыс. человек, еще 100 тыс. оставалось в запасе. Из доверительной переписки императора следует, что основное его беспокойство в то время вызывала ситуация в Познани и особенно в Галиции.

Он не хотел допустить, чтобы революционная волна перекинулась на его владение – Царство Польское. Новое либеральное правительство в Австрии не внушало доверия. Свое отношение Николай I выразил в письме от 10 (22) марта 1848 г. к И.Ф. Паскевичу: «Однако быть может, что при новом австрийском правлении они дадут волю революции, запоят что-либо против нас в Галиции; в таком случае, не дав сему развиваться, но именем самого императора Фердинанда займу сей край и душу замыслы»⁴²³. Он опасался, что союзники – Австрия и Пруссия – будут не в состоянии противодействовать революционному брожению в польских землях: «Им же хуже, ибо тогда Польша будет наша, а не для других»⁴²⁴. Почти в каждом письме император указывал на необходимость проведения строгих мер в Царстве Польском и не исключал, что в крайнем случае отдаст приказ 4-му армейскому корпусу вступить в Галицию⁴²⁵. Но когда новый австрийский министр Феликс Шварценберг сообщил российскому послу графу Меду, что Вена просила бы о военной помощи, Николай I колебался⁴²⁶. Он выжидал. Во время Славянского съезда откровенно признавался в письме к Паскевичу: «Пражское воззвание к славянам надо было ожидать по довольно известному мне там духу, но отвечать на оное не будем; не наше дело. Будем ждть и смотреть, чем все это кончится»⁴²⁷.

К маю 1848 г. ситуация предельно обострилась. Венгерская революционная армия находилась в 250 верстах от Вены. Но просьба австрийского правительства о помощи вызвала у Николая I раздражение: «... мы потеряли Москву, но не погибли, неужели

⁴²³ Николай I – Паскевичу, 10 (22) марта 1848 г. // Русская старина. 1904. Т. 118. Апрель. С. 55.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Николай I – Паскевичу, 27 апреля (9 мая) 1849 г. // Там же. С. 287.

⁴²⁶ Николай I – Паскевичу, 13 (25) марта 1848 // Там же. С. 58. Донесение графа Меду было опубликовано в статье: Соловьев С. М. Россия, Австрия и Англия во время движений 1848 и 1849 годов // Русская старина. 1877. Т. 20. Ноябрь. С. 423.

⁴²⁷ Николай I – Паскевичу, 10 (22) мая 1848 г. // Русская старина. 1904. Т. 118. Май. С. 280.

Австрия, столь часто терявшая Вену, на сей раз не может обойтись без нее?»⁴²⁸ Российский император весьма скептически расценивал будущее Австрийского государства, где «нет единства, ибо национальности все злобно возбуждены одна против другой». В случае его распада Николай I был уверен только в одном – необходимости сразу вступить в Галицию, чтобы «присоединить к России древнее ее достояние. Ибо край сей может быть или австрийским, или русским, иного не смогу допустить, во что бы то ни стало»⁴²⁹. Особо стоит отметить, что никаких других славянских земель из австрийского наследия он не предполагал присоединять к России: «Ни Богемии, ни Моравии – ничего другого не приму под скипетр России, даже нежели б об этом настоятельно просили, ибо оно бы прямо противно выгодам нашим. Готов отдать половину Польши, но Галиции никому не уступлю, коль скоро она перестанет быть областью Австрии»⁴³⁰.

Галиция была главным побудительным мотивом для Николая I, в наибольшей степени повлиявшим на его решение осуществить «право на военное вмешательство» и подавить венгерскую революцию и вместе с ней польское революционное движение. Речь шла не столько о защите легитимного порядка в монархии Габсбургов, сколько о сохранении порядка в Галиции и соседнем с ней Царстве Польском.

Даже когда 29 мая в Варшаве была заключена конвенция об общем плане военных действий между Россией и Австрией против венгерской революционной армии, российский император не торопился. Он потребовал через генерала Берга, чтобы австрийское правительство очистило Галицию от бежавших туда польских эмигрантов и революционеров. «Доколе не получено будет удовлетворительного ответа, – настаивал Николай I, – русские войска не двинутся»⁴³¹. Это требование было выполнено за несколько дней. 24 мая (5 июня) русская армия перешла австрийскую границу, а 1 (13) августа Венгрия, по выражению Паскевича, лежала у ног Николая I.

В самый разгар революции в Австрийской империи Николаю I была подана записка «Россия и революция», составленная Федором Ивановичем Тютчевым. Знаменитый поэт и один из ярчайших мыслителей своего времени более 20 лет прожил в Мюнхене, работая в русской дипломатической миссии. Его статья «Россия и Германия», изданная анонимно в 1844 г. в Мюнхене, была положительно оценена царем. Поводом для ее написания послужили нападки на Россию в западной прессе. Ф.И. Тютчев доказывал, что единственно верный путь для немецких политиков – это тесный союз с Россией, которая является законной и полноправной частью христианской Европы.

⁴²⁸ Там же. 27 апреля (9 мая). С. 287.

⁴²⁹ Там же. С. 281.

⁴³⁰ Николай I – Паскевичу, 10 (22) июня 1848 г. // Там же. С. 281.

⁴³¹ Николай I – Паскевичу, 10 (22) мая 1848 г. // Там же. С. 287.

Новая записка была написана уже в апреле 1848 г. под непосредственным впечатлением от революционных событий. В ней Ф.И. Тютчев задавался вопросом о будущем славянских земель Австрии: «Раз так, что Австрия после потери Ломбардии и настоящего полного освобождения Венгрии, должна распасться, что сделает Богемия с окружающими ее народностями, моравами, словаками, словом, с семью и восемью миллионами людей одного с ней языка и происхождения?» Он особо подчеркивал, что все надежды патриотов в Богемии сосредоточены только на России, которая «менее чем когда-либо имеет право отвращать от себя те симпатии, которые она внушает». Для укрепления этого влияния важно, по его мысли, уничтожить главного врага, расторгающего звенья одной цепи славянских народов, – «мадьярскую Венгрию», которая питает «инстинктивную ненависть к России»⁴³². Как видим, идеи, высказанные в записке, не могли заинтересовать императора, геополитические расчеты которого были далеки от объединения славянских земель. Тем более что Дом Габсбургов смог выстоять в противостоянии с пангерманизмом и венгерским национализмом.

Известно, что в 1849 г. трактат анонимно был опубликован в Париже и вызвал чрезвычайно острую полемику. В июне 1849 года Ф.И. Тютчев был отозван с дипломатической службы и вернулся в родное имение Овстуг, где начал работать над очередным трактатом «Россия и Запад», так и оставшимся незавершенным. Граф Нессельроде критически относился к полемическим сочинениям поэта, но, зная о его широких придворных связях, старался соблюдать формальный нейтралитет. Лишь в 1853 г. ему был предложен незначительный пост генерального консула в Лейпциге.

В первой половине 1850-х гг. Россия оставалась демонстративно равнодушной к славянским делам. Николай I основной упор делал на союзнические отношения с Австрией. В одном из писем к И.Ф. Паскевичу он откровенно писал: «...признаюсь Тебе, что я в Германии ничего доброго не предвижу; жду междоусобия и резни. Ежели Австрия не будет вести дело твердой рукой и дома, и за границей, она одна может взять в ней верх. Пруссия же – никогда, помни мое предсказание»⁴³³.

Для России важно было тогда удержать равновесие сил между Австрией и Пруссией в вопросе о «германском объединении», а также сохранить независимость мелких германских государств, чтобы иметь возможность контролировать ситуацию изнутри. Но в спорах между Австрией и Пруссией Николай I предпочитал поддерживать Габсбургов. Как правило, ему удавалось преодолевать сопротивление берлинского двора.

⁴³² Тютчев Ф. И. Россия и революция // Тютчев Ф. И. Политические статьи. Париж, 1976. С. 46–47.

⁴³³ Цит. по: Татищев С. С. Император Николай I и австрийский двор // Исторический вестник. 1887. Т. 27. Февраль. С. 397–400.

В первой половине 1850-х гг. Петербург и Вена неоднократно обменивались визитами членов императорских семей, подчеркивая особый доверительный характер двусторонних взаимоотношений.

В инструкции генерал-адъютанту князю Меншикову, назначенному чрезвычайным послом в Константинополь, граф Нессельроде особо указывал на полное тождество интересов петербургского и венского двора, «наиболее нам близкого и союзного, совершенную взаимность содействия, которая происходит от стремления к одной цели и желания достигнуть одних и тех же результатов»⁴³⁴. Последующие события, однако, не оправдали этих надежд. Действия австрийского кабинета настолько расходились с ожиданиями Николая I, что он сам пытался в сентябре 1853 г. выяснить отношения с любимым союзником, молодым императором Францем Иосифом, которого, по собственному признанию, любил как родного сына. Такое признание было сделано в присутствии австрийского двора и воспринято как крайне нетактичное проявление дружеских чувств. Ситуация «отец – сын», в которую Николая I поставил Франца Иосифа не соответствовала церемониалу императорских дворов. Подчеркивание Петербургом своей особой роли в спасении монархии Габсбургов и попытки иметь доминирующее положение в имперском союзе вызывали серьезное раздражение при дворе молодого австрийского императора.

Таким образом, побудительным мотивом для Николая I согласиться на призыв к помощи со стороны австрийских властей во время революции 1848-49 гг. стала ситуация в Галиции. Более всего он опасался, что венгерская революция вызовет «эффект домино» в польских землях, перекинется на Царство Польское и в Галицию. Восторжествовавшая имперская солидарность в начале 1850-х гг. исключала какой-либо интерес России к австрийским славянам. Но уже тогда стало ясно, что славянский вопрос превратился в своеобразный индикатор российско-австрийских отношений. Петербургский двор ясно понимал, насколько чувствительной является славянская тема для австрийских властей, которые напрямую ее связывали с государственной безопасностью и стабильностью.

Выводы

Славянский вопрос зародился в Европе примерно в 1830-40-е гг., когда в интеллектуальных сообществах под влиянием романтической философии Фихте и Гегеля начались глубокие процессы самопознания. Эпоха национального романтизма рождала либеральные и консервативные проекты коллективной идентичности на основе общей «крови и почвы». Этно-языковое родство создавало новые горизонты надежд для малых

⁴³⁴ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. СПб. 1877. Т. 1. С. 36.

народов, вселяло в их лидеров уверенность в достижении национального равноправия и рождало интеграционные проекции. Малочисленность и слабость культурного капитала компенсировались сознанием принадлежности к 80-миллионной славянской семье с мощной Российской империей. Уже на стадии генезиса сложилось несколько линий развития общеславянской идей, некоторые из них со временем превратились в референтные модели, заряженные эмоциональной энергией своих адептов и обладавшие значительными символическими и общественными репрезентациями.

1. *«Истинный панславизм»*, разработанный словаком Яном Колларом, наиболее ранняя форма славянской интеграции, генетически связанная с идеей «культурной немецкой нации». Коллар переосмыслил опыт пангерманского движения и поставил во главу угла принцип «разнообразия в гармонии», что подразумевало апологетику национальной самобытности каждого славянского народа и неприятие любого проекта унификации.

Такая конструкция заранее обрекала на провал объединительные усилия. Культурная утопия «всеславянства» была быстро усвоена различными кругами славянских патриотов, поскольку не содержала требований ограничить собственные интересы в угоду общим целям. Слишком сильны были опасения в ассимиляции под воздействием более мощных этно-культурных центров. В этом заключалась сила и слабость «истинного панславизма». Все попытки создать «общеславянский фронт» в австрийском парламенте и публичной политике на протяжении XIX – начала XX в. оказались несостоятельными. Возникали лишь тактические союзы между отдельными славянскими движениями, да и то на короткое время. Несмотря на общеславянский масштаб «истинный панславизм» имел четко заданные границы Австрийской империи и был направлен прежде всего на достижение равноправного статуса австрийских славян с титульной австро-немецкой общностью. Русофильство, равно как и общеславянский пафос играли в этой концепции инструментальную роль – показать, что за малыми народами стоит мощный российский колосс и многомиллионное славянство.

2. *Австрославизм* можно считать первой политической доктриной федерализации монархии Габсбургов, где субъектами выступали бы «национально-исторические индивидуальности». «Весна народов» 1848-1849 гг. дала уникальный опыт славянским патриотам в осмысления миссии своих народов. Чешские политики, инициаторы австрославизма, выдвигали его не только в качестве альтернативы пангерманизму и венгерскому проекту общей нации, но и как платформу для создания славянского парламентского большинства в австрийском рейхсрате. В ответ на демонстративную лояльность трону Габсбургов и преданность австрийскому «общему дому» славянские

политики надеялись получить равноправный национальный, языковой и гражданский статус в империи. Австрослависты пытались доказать, что на основе славянской взаимности можно осуществить легальную парламентскую борьбу за реорганизацию империи. «Чехославяне», «югославяне», поляки и русины должны были объединиться в единый парламентский блок, чтобы добиться «федерации австрийских земель с действительно демократической конституцией». Политическая взаимность славян трактовалась как «чувство общей опасности» и «чувство общего успеха». Но на практике осуществить этот принцип оказалось невозможным. Дебаты во время Славянского съезда в Праге 1848 г. показали, что попытки достичь согласия между славянскими общностями оборачивались территориальными или языковыми спорами. Порой невозможно было провести четкие границы между этно-языковыми общностями.

Как политическая программа австрославизм был слабо разработан, его адепты не имели влиятельных связей в правительстве и при венском дворе, где преобладало дискриминационное отношение к славянам в целом. Несмотря на разгон Славянского съезда 1848 г. и последовавшие гонения со стороны официальных властей, австрославизм оставался идеальной моделью интеграции в сознании славянских интеллектуалов и политиков. В отличие от «истинного панславизма», в нем отсутствовало безусловное русофильство, а славянская взаимность ограничивалась пределами Австрийской империей. Это была первая попытка разработки реальной политической платформы, во многом наивная, со всей присущей ей условностью, демократическим пафосом и чешскими амбициями возглавить политическое движение австрийских славян.

Таким образом, первые опыты национальной политики, которые пытались осуществить славянские деятели в Австрийской империи, были ориентированы на достижение союза династии Габсбургов со славянами. Династия воспринималась не только в качестве символа государственной целостности Австрии, но и гарантии существования входивших в нее национальных общностей.

3. **Мнимый панславизм** возник в 1840-е гг. как рефлексия австрийской, немецкой, венгерской либеральной публицистики на идеи славянской взаимности. Создавался миф о славяно-русской универсальной империи, которая уничтожит европейскую цивилизацию. Численность славянского населения, дискриминационные образы «деспотичной России», «реакционных славянских народов», обладающих низким культурным уровнем, неспособных к самостоятельным политическим действиям, «русская варварская угроза», - все эти фантомы, сложенные воедино рождали страх перед славяно-русским заговором. Уже в 1850-е гг. представления о славяно-русской угрозе широко распространились за пределами монархии Габсбургов, особенно после подавления венгерской революции и

разгона пангерманского Франкфуртского собрания. Панславизм был объявлен врагом либерально-демократических ценностей и трактовался как реакционная экспансионистская доктрина России и «славянских сепаратистов». Этот взгляд разделяли многие представители высших кругов в монархии Габсбургов, воспринимая его как внутреннюю и внешнюю угрозу государственной безопасности.

Но и в славянской публицистике уже в это время стало нагнетаться чувство опасности. На этот раз – против пангерманистов и сторонников мадьяризма. Немцы и венгры объявлялись «врагами всего славянства». Эти встречные процессы создавали особое поле напряжения человеческих страхов и эмоций, которое вращалось вокруг жизни и смерти, поднимая символическую ценность молодых наций как защитниц от внутренних и внешних врагов.

4. *Российское славянофильство*, возникшее в узком московском круге аристократов – интеллектуалов, соединивших романтический традиционализм и натурфилософию Шеллинга с идеей универсального синтеза на основе религиозного преобразования жизни. Славянофилы сформировали представление, что Россия есть классическая страна романтической культуры, несопоставимая с Западом, «миром бездуховной рассудочности» и «логического формализма», где разбито «святое единство веры». Отсюда рождалось убеждение, что православие является объединяющей формой религиозного самосознания и критерием истинности всего «русско-славянского» начала, отличного от Запада.

Такой образ мысли разделяли первые профессора-слависты и их ученики на славянских кафедрах, представители духовенства, путешественники, консервативная среда российской элиты. Образ славянского Другого за пределами России рождал иллюзии, что «угнетенные славяне» безусловно тянутся к русским. В России только начала кристаллизоваться славянолюбивая среда, которая видела в зарубежных славянах единокровных и единоверных братьев. Образ славянского Другого рождал новое понимание Себя. Славянофильское учение представляло собой одну из ранних форм философского осмысления идентичности России в духе консервативного романтизма. Выдвинутый постулат о генетической и историко-культурной взаимосвязи «русского» и «славянского» дал импульс к зарождению новой версии панславизма на рубеже 1840-50-х гг.

Особо стоит отметить, что проявленный официальными властями России интерес к зарубежным славянам в 1830-первой половине 1840-х гг. имел эпизодический характер, ограничиваясь отдельными акциями религиозной и культурной благотворительности.

Заметим, однако, что раздражение союзного венского двора по этому поводу не стало причиной отказа от поддержки славян. Но с 1847 г. славянская и славянофильская темы были официально запрещены из-за опасений в политической радикализации славянских движений, особенно польского.

Священный Союз двух империй сдерживал их территориальные и геополитические амбиции взаимными обязательствами, закрепленными системой соглашений. Несмотря на все трения и охлаждения, Россия и Австрия в первой половине XIX в. были жизненно заинтересованы в стратегическом партнерстве как факторе стабильности на европейском континенте.

Итак, славянский вопрос возник постепенно в 1830-40-е гг. под влиянием макронациональных интеграционных проектов, получивших широкое распространение в Европе. Осознание своей идентичности развивалось параллельно в славянских обществах и России. В это время модели различных «славизмов» только складывались, но уже стало очевидным, что благоприятных условиях для формирования общей славянской идеологии и панславистского движения нет и не может быть в силу исторически обусловленных обстоятельств: устойчивого австрофильства славянских народов в монархии Габсбургов; взаимно пересекавшихся процессов формирования их коллективных идентичностей; имперского понимания миссии России среди славянолюбивых кругов российского общества; наконец, имперских обязательств России и Австрии перед угрозой революционного брожения.

Обязательства России перед Австрией в рамках Священного Союза не позволяли развернуть масштабную кампанию, хотя личная заинтересованность Николая I была очевидной. Эпизодические поощрения «единокровных и единоплеменных» братьев со стороны Петербурга, равно как и беспокойство Вены о «притеснениях католиков в России», были логически взаимосвязаны. Религиозно-этническая благотворительность еще не стала одним из эффективных и признанных методов внешней политики, но уже в это время закладывались ее основы.

Глава III. Славянский фактор в формировании коллективной идентичности и внешней политики Российской империи и монархии Габсбургов в 1850–1860-е гг.

3.1. «Имперская нация» и кристаллизация национальных сообществ

К середине XIX в. имперский универсализм стал изживать себя. Динамичная модернизация увеличивала разрыв между победившими и проигравшими нациями в индустриальной и колониальной гонке. «Принцип национальности», провозглашенный Наполеоном III, привел к сращиванию идеи Государства и идеи Нации. На этой основе каждое государство-империя приступило к осуществлению своей идеи. Необходимо было создать *имперскую нацию*, чтобы упрочить полиэтническую и многоконфессиональную структуру, сделать ее более устойчивой под натиском национализма.

Под термином «имперская нация» понимается многонациональная общность, исторически сложившаяся в пределах государства, вбирающая в себя различные формы региональной и локальной идентичности, объединенная общим пониманием исторического опыта и перспектив развития, лояльностью к имперской власти, осознанием общих интересов. Иными словами, модель государства - нации, которую осваивали европейские империи во второй половине XIX – начале XX в., представляла собой особую историческую общность модерна, в которой культивировался приоритет национальных интересов, особенно в сфере политики и экономики, коллективная солидарность граждан на основе имперского этатизма.

Парадокс исторической ситуации состоял в том, что Европу в это время охватили почти одновременно два встречных процесса. С одной стороны, под влиянием ирредентизма и национализма внутри многосоставных государств начали кристаллизоваться нации модерна. С другой стороны, разворачивался проект создания общегосударственной/имперской нации, инициированный «сверху» и поддержанный на разных социальных и политических уровнях. В столкновении этих двух потоков зарождался новый европейский мир и порядок.

Таким образом, имперский универсализм первой половины XIX в. стремительно перерастал в эпоху национализма, насыщенную острой конкуренцией – финансово-экономической, геополитической, индустриальной. Этот период в истории международных отношений продолжался примерно двадцать лет и отличался высокой степенью турбулентности, характерной для переходных эпох. Можно выделить следующие тенденции⁴³⁵:

⁴³⁵ Kroll F.-L. Industrialisierung und Imperialismus // Chronik des 19. Jahrhunderts / I. Geiss (Hg.). Gütersloh, 1997. S. 575–576.

во-первых, молодые нации модерна, выросшие в лоне имперских государств, пытались самоутвердиться не только на внутреннем уровне, но и в европейской дипломатии. Государства-империи, столкнувшись с вызовами национализма и ирредентизма, вынуждены были искать новые формы коллективной идентичности для своих подданных. В культуре и политике эпохи национализма получили широкое распространение националистические и мессианские идеи, расизм, колониальные мотивы и ксенофобия;

во-вторых, бурное развитие индустриальных и финансовых технологий существенно изменило взаимоотношения государственной власти и капитала в европейской системе. Если в первой половине XIX в. основные решения принимались в замкнутом круге императорских дворов, то уже во второй половине столетия интересы капитала и крупной буржуазии все активнее внедрялись во внутреннюю и внешнюю политику. Циклы экономических подъемов и рецессий, свойственные природе капиталистического развития, стали оказывать прямое влияние на государственную внешнюю и внутреннюю политику. Весь европейский мир превращался в общее пространство, в котором пульсировали экономические, геополитические, культурные токи, создавая взаимозависимые общественные процессы.

Немецкий ученый Вернер Зомбарт, известный своими трудами по экономике, философии и социологии, одним из первых доказал тесную связь между политикой и движением капиталов в Европе во второй половине XIX в. Он показал, что анатомия современной войны строится на финансово-экономических интересах разных буржуазных лоббистских групп, которые не заинтересованы в устойчивых обязательствах своих правительств. Ведь регламентированные статьи союзнических договоров связывали руки не только политикам, но и крупному бизнесу⁴³⁶.

Политика, вторгаясь в пространство религии, имитировала формы массового поклонения, подменяя святыни кодами коллективной идентичности. Религиозные ритуалы и символика постепенно осваивались государственной идеологией. Национализм становился, по сути, новой секулярной религией в обществах, где развивались процессы модернизации. В Европе и США под влиянием культа Нации абстрактные мифы об исторической миссии своего народа превращались в реальность, все больше вовлекая граждан в священное служение Нации и Отечеству. Для этой цели разрабатывались соответствующие символы, ритуалы и коллективные праздники.

⁴³⁶ *Sombart W. Der moderne Kapitalismus. Leipzig, 1902. Bd. 1–2 ; Idem. Luxus und Kapitalismus. München ; Leipzig, 1913. 220 S. ; Idem. Krieg und Kapitalismus. München ; Leipzig, 1913. 232 S.*

Существует широкий круг литературы, посвященной исследованию функций и символики коллективной идентичности индустриальной эпохи⁴³⁷. Эта идентичность создавалась как системный проект власти, своеобразный ответ на сепаратистские национальные движения в имперских государствах, радикально-демократические настроения среди молодежи и в интеллектуальной среде, социальные противоречия и протестные движения в фабричных центрах. Требовались новые «скрепы» в общественном сознании, мобилизационные ресурсы, которые смогли бы сплотить разнородные социальные и национальные группы населения вокруг властного ядра.

Начиная с середины XIX в., политическая мифология европейских государств, независимо от формы правления, неизбежно включала в себя ряд ключевых идеологем. В империях, от Великобритании до России, существенно изменялась идеологическая трактовка власти и престола. Прежние представления об их универсальной природе и божественном предопределении уходили в прошлое, уступая место идеям об «исконном», народном происхождении правящей династии, их естественной (по «земле и крови») связи.

В 1850–1970-е гг. произошла существенная трансформация модели европейского государства и алгоритмов государственной политики. Эндрю Портер в книге «Европейский империализм, 1860–1914» пришел к выводу о том, что «строительство империй модерна и новые формы доминирования распространялись повсеместно», «импульсы силовых мотивов шли из Атлантики или европейского мира, эти масштабные процессы глобальной интеграции и европейской экспансии прямо или опосредованно были взаимосвязаны»⁴³⁸.

В этой главе речь пойдет о формировании новых форм коллективной идентичности в Российской империи и монархии Габсбургов. Важно не только проследить их генезис, влияние внутренних и внешних факторов, определивших новое понимание национальных интересов и миссий государств, но и понять, как переходные процессы повлияли на

⁴³⁷ *Kastner R. H. Glanz und Glorie. Wien, 2004. 160 S. ; Das Zeitalter Kaiser Franz Josephs. Wien, 1987. T. 2. 1880–1916 – Glanz und Elend, Bd. 1. Beiträge. 343 S. ; Paulmann J. Pomp und Politik. Paderborn ; München ; Wien, 2000. 482 S. ; Peckham R. S. National histories, natural states. Oxford, 2000. 224 p. ; Модерн. Модернизм. Модернизация / редкол.: Н. С. Павлова (отв. ред.), О. В. Павленко (отв. ред.). М., 2004. 524 с. ; Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи, вторая половина XIX – начало XX века / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова. М., 2007. 298 с. ; Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М., 1998. 510 с. ; Захарова О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX века. М., 2003. 398 с. ; Russlands imperiale Macht : Integrationsstrategien und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive / hrsg. von B. Pietrow-Ennker. Wien ; Köln ; Weimar. Bonn, 2012. 400 S.*

⁴³⁸ *Porter A. European imperialism, 1860–1914. Houndmills ; New York, 1994. P. 2, 3.*

разработку новых стратегий во внешней политике и характер российско-австрийских отношений.

Для обоих государств бурные события 1850–1860-х гг. стали испытанием на прочность. Россия тяжело пережила Крымскую войну, столкнулась с радикализацией разночинцев и студенческой молодежи, одновременным усилением либеральных и консервативных тенденций, вызванных эпохой Великих реформ. Для монархии Габсбургов вызовом стал рост национализмом малых народов, пангерманское движение и возвышением Пруссии. Геополитическое напряжение 1860-х гг. нарастало и вылилось в создание дуалистического государства – Австро-Венгрии (1867 г.). Россия и Австро-Венгрия в эти годы пытались освоить потенциал либерализма и национализма, «войти» в либеральные реформы, чтобы расширить возможности модернизации и либерализации общественной жизни. Одновременно в обоих государствах власть создавала проекты имперской нации.

Крымская война подвела черту под российско-австрийским союзом, длившимся почти столетие, и стала поворотным пунктом в истории международных отношений. Некогда гибкая система равновесия сил в Европе, основанная на общих ценностных установках, начала давать сбои. Восстановить прежний консервативный порядок было уже невозможно. Крымская война открыла череду кровавых войн в Европе во имя культа Нации, которые через полвека привели к Первой мировой войне⁴³⁹. Ключ к пониманию этих процессов лежит в изучении сложного взаимодействия Капитала и Политики, которое во многом определяло балансы сил в европейской системе.

3.2. Крымская война как рубеж в российско-австрийских отношениях

3.2.1. Экономический фактор в Крымской войне 1853-56 гг.

В 1935 г. английский исследователь Вернон Пьюрьер детально проанализировал взаимосвязи между интересами английского бизнеса и внешней политикой⁴⁴⁰. Англия, по его мнению, в 1853 г. стояла перед альтернативой. Можно было поддержать Россию и тогда совместно «расчленить» Османскую империю. Но английский крупный капитал был

⁴³⁹ Комплексный анализ феномена Крымской войны представлен в книге известного польского ученого Ежи Борейши, собравшего для своего проекта исследователей из всех стран, которые были когда-то вовлечены в этот глобальный конфликт: *The Crimean war, 1853–1856: colonial skirmish or rehearsal for world war? : empires, nations, and individuals / ed. by J. W. Borejsza. Warszawa, 2011. 536 p.*

⁴⁴⁰ *Puryear V. J. International economics and diplomacy in the Near East : a study of British commercial policy in the Levant, 1834–1853. Stanford ; London, 1935. 264 p.* Эта же концепция была высказана в исследованиях: *Anderson O. A liberal state at war : English politics and economics during the Crimean war. London ; New York, 1967. 306 p.* ; *Hughes J. R. T. Fluctuations in trade, industry and finance : a study of British economic development, 1850–1860. Oxford, 1960. 344 p.*

чрезвычайно заинтересован в экспорте своей продукции в османские владения. Россия и Англия были связаны соглашением 1844 г. по восточному вопросу. В то же время Россия переживала промышленный рост, ее текстильная отрасль вступила в прямое соперничество с английской. Назревал конфликт экономических интересов. В 1838 г. была заключена торговая конвенция, превратившая Порту в открытый рынок для европейских фабрикантов. Это оказало губительное воздействие на местную экономику. Вступив на путь военных займов, Османская империя превратилась фактически в полуколонию, периферию европейского сырья и сбыта. В. Пьюрьер доказывал, что войны можно было избежать. Но она стала следствием ошибочных расчетов политиков и чрезмерных амбиций европейских монархов.

В советское время историки также обратили особое внимание на экономические мотивы антирусской коалиции. Е.В. Тарле в фундаментальном исследовании о Крымской войне подчеркивал нарастание конфликтов в экономической сфере между Англией и Россией. К этому же выводу пришел А.Г. Аполлов⁴⁴¹. В.А. Золотов обратил внимание на резкое увеличение ввоза в Англию сельскохозяйственной продукции из России накануне Крымской войны. По его мнению, английские предприниматели, предвидя неизбежное столкновение интересов Лондона и Петербурга, увеличили вывоз продукции, необходимой во время войны⁴⁴².

Л.А. Мендельсон в книге «Теория и история экономических кризисов и циклов» пришел к выводу, что превосходство английской промышленности возрастало, а отставание других стран усиливалось. Именно внешние рынки приобрели особую значимость и стали мощным инструментом промышленного подъема, который происходил под знаком победы фритредерства. В 1853 г., накануне Крымской войны, сырье и полуфабрикаты были полностью освобождены от ввозных пошлин, а пошлины на промышленные товары снижены до уровня, не превышавшего 10 % их цены. Россия смогла осуществить прорыв только в хлопкопрядильной промышленности, приблизившись к Германии, но сильно отставала от Франции и тем более – Англии. Стремясь защитить своих производителей, она продолжала удерживать высокую пошлину на импортную пряжу, составлявшую почти 50-процентную надбавку к цене. Это

⁴⁴¹ Тарле Е. В. Крымская война. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Л., 1950. Т. 1–2 ; Аполлов А. Г. Развитие торговых отношений между Россией и Англией после Крымской войны (1856–1858) // Исторические науки: научные доклады высшей школы. 1959. № 4. С. 24–37.

⁴⁴² Золотов В. А. Внешняя торговля южной России в первой половине XIX века. Ростов-на-Дону, 1963. 192 с. Эта же идея развивается в статье: Нифонтов А. С. Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853–1856 гг. // Проблемы социально-экономической истории России / редкол.: Л. М. Иванов (отв. ред.) [и др.]. М., 1971. С. 69–90.

затрудняло конкуренцию английских фабрик на российском рынке и вызывало большое раздражение у англичан⁴⁴³.

Посол России в Великобритании Ф.И. Бруннов внимательно следил за дебатами в английском парламенте и статьями в ведущих журналах о целесообразности войны с Россией. В октябре 1853 г. он докладывал в Петербург о «неясной смеси коммерческих спекуляций, распространении железных дорог, политического влияния и протестантской пропаганды», которые играли серьезную роль при возбуждении общественного мнения⁴⁴⁴. При этом, по его мнению, английский истеблишмент имел прагматичные соображения о необходимости устранения не в меру амбициозного конкурента на восточном направлении.

В январе 1853 г. Николай I пробовал провести дипломатический зондаж относительно позиции Лондона в беседах с британским послом сэром Джорджем Гамильтоном Сеймуром, которому предложил устное соглашение о совместном разделе сфер влияния в случае падения Османской империи. Россия могла бы взять под свой протекторат Дунайские княжества, а Англия получила бы Египет и Крит. Но министр иностранных дел Великобритании Дж. Рассел отказался обсуждать подобные перспективы, дав понять через своего посла в Петербурге, что подобные планы могут привести к войне на Ближнем Востоке⁴⁴⁵.

Крымская война, рожденная геополитическими и геоэкономическими противоречиями России с самой мощной державой, была с воодушевлением поддержана европейскими деловыми кругами. Антироссийская коалиция, которую возглавила Англия, должна была обеспечить европейскому (прежде всего английскому) экспорту благоприятные условия на дунайских и черноморских торговых путях, не зависящий от России транзитный путь для английской торговли со странами Персидского залива, а также сохранить выгодный рынок сбыта и сырья в ослабленной Османской империи.

Таким образом, этот крупный военный конфликт вырос из динамичного экономического подъема начала 1850-х гг. Более того, он стал его мощным рычагом, продлившим на несколько лет фазу экономического процветания. Данные экономической статистики показывают, что в этом цикле дважды – в 1851 г. и в последнем квартале 1853

⁴⁴³ Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. М., 1959. Т. 1. С. 426–592. Таблица была им составлена на основе значительного статистического материала, приведенного в ряде исследований: *Mulhall M. G. The dictionary of statistics. 4th ed, rev. London, 1909. P. 369* ; *Idem. The dictionary of statistics. London, 1886. 504 p.* ; *Idem. Industries and wealth of nations. London ; New York, 1896. 451 p.*

⁴⁴⁴ Цит. по: *Тарле Е. В. Указ. соч. Т. 1. С. 348*: Бруннов Ф. И. – Нессельроде 9/21 октября 1853.

⁴⁴⁵ История дипломатии / под ред. В. П. Потемкина. М., 1941. Т. 1. С. 434.

г. – проявлялись признаки экономических трудностей в Великобритании и Франции⁴⁴⁶. Но Крымская война, в которую Англия и Франция вступили в марте 1854 г., по сути, сдержала падение производства и торговли. Она создавала значительный дополнительный спрос для металлической, шерстяной, судостроительной и других отраслей промышленности. Даже в США война вызвала подъем судостроения и торговли судами.

Военные действия с 1853 по 1855 г. велись не только на Балтике, Черном и Азовском морях, в Закавказье и Крыму, но и на Белом море и Тихом океане. Это была единственная война, которую Россия вела не только без единого союзника, но и без крупных внешних займов. В табл. 2 представлены военные расходы воюющих.

Таблица 2

Военные расходы (в млн фунтов по курсу периода войны)

Страны	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Россия	15,6	19,9	31,3	39,8	37,9
Франция	17,2	17,5	30,3	43,8	36,3
Великобритания	10,1	9,1	76,3	36,5	32,3
Турция	2,8	-	-	3,0	-
Сардиния	1,4	1,4	1,4	2,2	2,5

Источник: *Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Power. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 1900. London. 1989. P. 168–169.*

В России общая сумма военных дефицитов составила почти 780 млн. рублей. Государство дважды вынуждено было прибегать к внешним займам у немецких банков по 50 млн руб. под 5 % годовых⁴⁴⁷. Но основным ресурсом войны стали внутренние заимствования, правительство вынуждено было увеличить выпуск кредитных билетов к 1855 г. более чем на 215 млн руб. В целом, формальный долг государства, включая довоенные внешние заимствования и разного рода внутренние долги, достиг фантастической суммы в 1,5 млрд руб. серебром.⁴⁴⁸

С одной стороны, Крымская война чрезвычайно ухудшила экономическую ситуацию в стране, уничтожила ценности примерно на 1 млрд руб., вызвала инфляцию. Размен кредитных билетов был приостановлен. За несколько лет в обращение была брошена огромная сумма – 400–450 млн руб. С другой стороны, война стала источником

⁴⁴⁶ *Annuaire de l'économie politique et de la statistique pour 1855 / par MM. Joseph Garnier et Guillaumin. Paris, 1855. P. 593.*

⁴⁴⁷ *Блюх И. С. Финансы России XIX столетия : история – статистика. СПб., 1882. Т. 2. С. 17–28.*

⁴⁴⁸ *Безобразов В. П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. М., 1863. Т. 1. С. 34. Впоследствии В. П. Безобразов обобщил свои исследования и наблюдения в книге: *Безобразов В. П. Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение (1866–1872). СПб., 1872. 214 с.**

обогащения огромного количества интендантов – промышленников, военных поставщиков, государственных чиновников, обратившихся к биржевым спекуляциям.

В.П. Безобразов, один из наиболее авторитетных русских экономистов, современник этих событий, свидетельствовал: «Из неудачных в военном отношении турецких походов, из опустошенного Крыма, из-под огнедышащих укреплений Севастополя воротились в Россию люди с огромными состояниями; внезапное промышленное оживление увлекло эти состояния; многие бросились на новые пути, которые, как всем казалось, открывались перед Россией. О сбережении накопленного, о благонадежном помещении капиталов никто не думал; все только и хлопотали о том, чтобы нажиться и обогатиться. Здесь следует упомянуть об акционерной лихорадке и о вызванном ею биржевом ажиотаже в столице». Пик биржевых спекуляций в России пришелся на 1857–1858 гг.⁴⁴⁹

Несравненно больший размах в период Крымской войны приобрели банковские и биржевые спекуляции в странах антирусской коалиции и Пруссии, воздержавшейся от военных действий. Не стоит, конечно, приписывать этот невероятный спекулятивный рост только военным заказам и поставкам. Особый размах во многом был обусловлен большим потоком в 1850-е гг. дешевого калифорнийского и австралийского золота, осевшего в европейских банках и стимулировавшего биржевую игру и грюндерство.

Главным центром различных финансовых операций стала Франция. Государственные расчеты по военным поставкам проходили в основном через банк *Crédit Mobilier*, созданный близким кругом императора Наполеона III. Этот банк вообще стал одним из основных действующих лиц экономического подъема 1850-х гг. Он развил крупную финансовую деятельность, скупая акции и учреждая железнодорожные, промышленные, газовые, пароходные компании во Франции и за границей, участвуя в государственных и иностранных железнодорожных займах. С 1852 по 1854 г. средний курс акций на Парижской бирже утроился⁴⁵⁰.

Таким образом, экономические интересы, которые уже в середине XIX в. определялись торгово-промышленной и финансовой конкуренцией между великими державами, подорвали изнутри основы Венской системы международных отношений. Великобритания, обладавшая большинством торговых и индустриальных активов, стремилась обеспечить максимальное продвижение своих интересов на мировых рынках. Геоэкономический конфликт между Лондоном и Петербургом из-за хлебного экспорта и османских рынков усиливался надвигающимся экономическим кризисом. В результате

⁴⁴⁹ Безобразов В. П. О некоторых явлениях денежного обращения в России. С. 32.

⁴⁵⁰ *Ormesson W. d'*. La grande crise mondiale de 1857. Paris, 1933. P. 109.

Крымской войны его удалось отодвинуть на несколько лет, поскольку в европейских странах – участницах антироссийской коалиции военные заказы дали сильный импульс развитию капиталов и активов.

Интересы национальной буржуазии все активнее вторгались в сферу внешней политики. В европейской дипломатии постепенно менялись ценностные ориентиры – от идей «имперского универсализма» и монархической солидарности к продвижению интересов национального капитала и обеспечению сфер экономического влияния за пределами государственных границ. Нарастала финансово-экономическая и колониальная конкуренция, которая подчас принимала острые формы. Сочетание геополитических и геоэкономических факторов становилось определяющим в большой европейской игре великих держав.

3.2.2. Крымская война как геополитический вызов России: мобилизационные стратегии

В военной летописи нового времени Крымская война занимает особое место, ее по праву можно отнести к категории глобальных военных конфликтов, в который были вовлечены пять империй – Российская, Британская, Французская, Австрийская и Османская, а также Сардинское королевство, примирявшее на себя роль объединителя Италии. Пруссия, начавшая осознавать миссию германского объединения, сохраняла нейтралитет, чтобы избежать обострений с Англией. Театр военных действий растянулся от русского Севера до Кавказа и Крыма.

Решившись на столь масштабный конфликт, Англия не только действовала в пользу своих экономических интересов, но, по сути, начала ревизию Венской системы. Священный союз воспринимался как континентальный противовес британскому величию, поэтому требовался новый формат международных отношений, более соответствовавший ее интересам как ведущей мировой державе.

Официальная версия причины войны была озвучена в России сразу после начала военных действий. Она долго сохранялась в российской историографии. Суть сводилась к «славянской миссии» России, которой «издавна принадлежало право покровительствовать и защищать от притеснений диких турок более 14 миллионов христианского населения Турции»⁴⁵¹. По просьбе Иерусалимского патриарха император Николай I потребовал от турецкого султана уважать права христианской церкви и святынь в Палестине. Спор

⁴⁵¹ Ковалевский Е. П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. СПб., 1871. С. 28 (1-е изд. – в 1868 г.) ; Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб., 1858. С. 118–121.

между католическим и греко-православным духовенством о том, кто будет владеть Святыми местами в Вифлееме и Иерусалиме, перерос в дипломатический конфликт. Православную церковь поддержала Россия, католическую – Франция. Османская империя встала на сторону Франции. В Константинополь был направлен со специальной миссией князь А.С. Меншиков, который представил султану Абдул-Меджиду проект конвенции о защите 9 млн турецких христиан и праве России гарантировать им безопасность. Султан расценил текст конвенции как посягательство на суверенитет Порты. А.С. Меншиков не получил должных уверений и демонстративно покинул Константинополь.

Россия первой втянулась в боевые действия. В июне 1853 г. русские войска перешли Прут. Николай I надеялся принудить Константинополь к уступкам. После долгих дипломатических выяснений 4 октября Турция объявила войну России. 20 октября российский император подписал манифест «О войне с Оттоманской Портой». 18 ноября 1853 г. черноморская эскадра под началом адмирала Нахимова разгромила турецкий флот под г. Синопом. Турция обратилась к Англии и Франции за военной помощью. Флотилии западных союзников двинулись к Черному морю. В ответ Россия в марте 1854 г. объявила войну Англии и Франции. Русская армия перешла Дунай и осадила турецкую крепость Силистрию. Но когда в Варне высадились англо-французские войска, Россия вынуждена была снять осаду и вернуться в пределы своих границ. Случилось непредвиденное. Австрийское правительство, которому Николай I полностью доверял, потребовало в ультимативной форме от России вывести войска из дунайских княжеств. Вена присоединилась к антироссийской коалиции. Кровопролитная Крымская война продолжалась с ноября 1853 г. по февраль 1856 г.⁴⁵²

Неожиданный отказ Австрии от союзнических обязательств вызвал у императора Николая I шок, от которого он так и не оправился. В его личной переписке за несколько месяцев до смерти постоянно звучала тема австрийского предательства – «бесстыдное коварство» Австрии, которое «превзошло все, что адская иезуитская школа когда-либо изобрела». Он даже опасался, что австрийская армия может вторгнуться в пределы России, что существует план, «по которому Австрия еще более поработилась Франции и Англии: и будто бы в нем просто условлено отнять у нас Польшу»⁴⁵³.

⁴⁵² Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и оборона Севастополя. СПб., 1900. Т. 1–3 ; Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908–1913. Т. 1–2 ; Ковалевский Е. П. Указ. соч.

⁴⁵³ Выдержки из этих писем Николая I к главнокомандующему южной армией М. Д. Горчакову от 19 июля 1854 г., 25 ноября 1854 г., 30 ноября 1854 г., 19 декабря 1854 г., 1 февраля 1855 г. были опубликованы в очерке: Татищев С. С. Император Николай и австрийский двор // Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 397–400.

Просчеты его недалёковидной, амбициозной политики детально проанализированы в историографии⁴⁵⁴. В Петербурге не ожидали столь мощного удара. Западные союзники сосредоточили силы не только на Черном море. Их эскадры направились в Балтийское море, угрожая Кронштадту, а небольшие флотилии появились в Белом море, даже у берегов Восточной Сибири. Но главный удар был нанесен Севастополю. С октября 1854 г. по август 1855 г. продолжалась его героическая оборона под бесконечные бомбардировки союзников. Город был хорошо укреплен, благодаря энергичным действиям вице-адмирала В.А. Корнилова, начальника штаба черноморского флота вице-адмирала П.С. Нахимова и военного инженера подполковника Э.И. Тотлебена.

11 месяцев Севастополь не сдавался, превращаясь в полыхающие руины. Когда русская армия вынуждена была отступить, черноморцы потопили часть своих кораблей и взорвали оставшиеся оборонительные укрепления⁴⁵⁵.

Кровавый урок, данный Восточной войной (первоначальное название Крымской войны), был тяжелым. Он показал, что в стране отсутствуют железные дороги, необходимые для регулярного снабжения армии, которая плохо обучена и имеет устаревшее вооружение. Большая часть русских вооруженных сил, разбросанная на широком фронте от Дуная до Северной Финляндии, не сделала за всю войну ни одного выстрела, меньшая, плохо вооруженная и снабженная, – умирала в севастопольских бастионах в борьбе с сильным врагом. Потери России составили 120 тыс. убитыми, союзников – 80 тыс. убитыми.

Статья «Россия и Европа в эпоху Крымской войны» была написана дипломатом А.Г. Жомини в 1863 г. по поручению канцлера А.М. Горчакова и анонимно опубликована в Париже⁴⁵⁶. В ней были разобраны интересы каждой из великих держав, участвовавших в антироссийской коалиции⁴⁵⁷. Сходное объяснение их мотивов мы находим в книге американского дипломата и мыслителя Генри Киссинджера «История дипломатии»⁴⁵⁸.

⁴⁵⁴ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи. 1801–1914. М., 2006. С. 184–185.

⁴⁵⁵ Парский Д. П. Памятники Севастопольской обороны. Одесса, 1901. С. 8–11 ; Бестужев-Лада И. В. Значение Крымской войны 1853–1856 гг. в развитии русского военного искусства // Доклады и сообщения Института истории. М. ; Л., 1955. Вып. 5. С. 43–52 ; Бестужев-Лада И. В. Крымская война 1853–1856 гг. М., 1956. 172 с. ; Бестужева-Лада С. И. Оборона Севастополя // Смена. 2014. № 5. С. 106–123 ; Россейкин В. М. Панорама "Оборона Севастополя" : краткий путеводитель. 2-е изд. Симферополь, 1957. 92 с. (последующие переиздания были в 1956, 1960, 1964, 1971 гг.).

⁴⁵⁶ Жомини А. Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы. 1886. Кн. 2–10.

⁴⁵⁷ Jomini A. H. de. Étude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852 à 1856) / par un ancien diplomate. Paris, 1874. Т. 2. 425 р. См. подробнее о трактате А. Г. Жомини: Тарле Е. В. Указ. соч. Т. 1. С. 195–196.

⁴⁵⁸ Киссинджер Г. А. Дипломатия. М., 1997. С. 80–81. См. также обширное издание дипломатической корреспонденции о мотивах участия европейских держав и Турции в войне против России: Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Serie 1. Österreichische Akten zur Geschichte des

Николай I стремился воплотить в жизнь вечную русскую мечту о «щите на воротах Царьграда» и черноморских проливах – Босфоре и Дарданеллах, но не смог правильно просчитать интересы и действия своих европейских партнеров. Император Наполеон III видел в этой войне возможность покончить с изоляцией Францией и расколоть Священный союз, добиться реванша за поражение в войне 1812 г. Для этого ему было необходимо ослабить Россию. Великобритания стремилась изолировать Россию от черноморских проливов и не допустить ее чрезмерного усиления на европейском континенте. Вечный союзник Австрия, опасаясь нападения Франции на свои итальянские владения, предпочла поддержать коалицию Англии и Франции и предать Россию. Другая союзница – Пруссия отказалась подписать предложенный Петербургом договор о нейтралитете. Более того, заключила с Веной наступательный и оборонительный союз. Правда, Берлин со свойственным прагматизмом не торопился начинать военные действия, предпочитая заниматься реэкспортом русской пшеницы, сала и конопли в Англию, извлекая из этой ситуации немалую выгоду.

3.2.3. Героический дискурс Крымской войны в общественном мнении России

Отличие Крымской войны от других сражений, которые раньше вела Россия, заключалось в широком медийном освещении. Это была, пожалуй, первая европейская война, так ярко и образно представленная в национальной прессе участвовавших государств. На полях сражений сновали сотни военных корреспондентов из России, Англии, Франции, США, Германии, Австрии. Центральные газеты располагали на первых полосах сводки боевых действий, а в нижних отделах – обширные репортажи.

Война в журналистских отражениях превращалась в грандиозный спектакль жизни и смерти. Недаром каждое крупное сражение на суше и на море собирало публику из обывателей, журналистов, художников, с восторгом и ужасом взиравшую с безопасного расстояния на драматичный ход сражений. Сохранилось множество зарисовок, гравюр и картин, на которых запечатлены эпизоды героической обороны Севастополя на мрачном фоне разрушенного города.

Летопись войны писалась прямо по горячим следам. Печатные издания периода Крымской войны в России можно условно разделить на три вида: официальные известия; фольклор для народа (анекдоты, стихи, песни) и информация для образованной публики (военные репортажи и фельетоны). С 1854 г. начали ежедневно публиковать официальные военные сводки. После окончания войны эти тексты объединили вместе с

дипломатическими донесениями в общий сборник, в котором была представлена официальная трактовка военных событий⁴⁵⁹.

В приказах по войскам закладывался особый смысл севастопольской обороны. С самого начала ее сравнивали с Отечественной войной 1812 г. Эта аналогия была воспринята не только военными корреспондентами и читающей публикой, но и в официальном дискурсе. В приказе главнокомандующего Крымской армии об оставлении Севастополя три раза упоминался 1812 г. – «бессмертная битва под Бородино». Спасительные аналогии в судьбе Москвы 1812 г. и Севастополя были необходимы обществу, уже начинавшему осознавать грядущее поражение. По примеру Москвы защитники Севастополя при отступлении сами подожгли оставшиеся после четырехкратных «адских бомбардировок» развалины. В приказе от 30 августа 1855 г., подписанном уже рукой императора Александра II, вновь роковые битвы были упомянуты в одном ряду: «... имя Севастополя и имена защитников его пребудут вечно в памяти и сердце всех Русских, совокупно с именами героев, прославившихся на полях Полтавских и Бородинских»⁴⁶⁰.

Когда русские войска покидали Севастополь и бастионы, все было объято пламенем. В разных местах взрывались пороховые склады. Мост разобрали, ночью потопили все корабли, команды которых переправились на северную сторону. Очевидцы описывали «великолепно-ужасную» картину русского отступления⁴⁶¹. Несколько дней франко-английские войска не решались вступить в город.

В исторической памяти о Крымской войне сохранилось одно из высказываний князя А.М. Горчакова. «В самый острый момент крымского кризиса князь А.М. Горчаков принимал в своем кабинете на третьем этаже МИД английского посла лорда Немира и французского – герцога Монтебелло. Он подошел к окну, обращенному на Дворцовую площадь, и сказал послам: «Вы видите дворец и эти памятники. Флоты ваши могут бомбардировать, сжечь, разрушить все это – Россия останется совершенно равнодушной, и вы никогда не сломите ее сопротивления»⁴⁶². Здесь есть неточность: в 1854–1856 гг. А.М. Горчаков был сначала управляющим русского посольства в Вене, а затем был назначен посланником. Министерство иностранных дел он возглавил в 1856 г., когда

⁴⁵⁹ Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения Н. Путиловым. Кн. 1–25. СПб., 1854–1857 ; Сборник известий, относящийся до настоящей войны. Отд. 1 : Политический, кн. 1–12. 1855. 460 с. ; Отд. 2 : Дунайская армия, кн. 1–12. 1855. 332 с. ; Отд. 3 : Военные известия, кн. 13–24. Известия с берегов Черного моря. 1856. 667 с. ; Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов.

⁴⁶⁰ Цит. по: *Дубровин Н. Ф.* 349-дневная защита Севастополя. СПб., 2005. С. 305.

⁴⁶¹ Там же. С. 285–291.

⁴⁶² Цит. по: *Кессельбреннер Г. Л.* Светлейший князь. М., 1998. С. 19.

«самый острый момент крымского кризиса» прошел. Но важнее другое. В его словах (реальных или мифологизированных) было отражено восприятие событий Крымской войны, которое многократно повторялось повсюду – от аристократических салонов до уличных разговоров в удаленных уголках империи: «Россию нельзя сломить».

В упрощенной народной трактовке этот код воспроизводился в многочисленных брошюрах, которые продавались в центре Москвы, на Никольской улице, в книжной лавке Д. Преснова. Так стихотворец А. Цыклоп с иронией описывал злключения союзников, которые никак не могут сломить оборону Севастополя:

«Корабли их потеряли
Столько горя – что ай, ай!
Изломались, обгорели, –
Хоть в починку отдавай»⁴⁶³.

Но наиболее популярными были анекдоты и короткие рассказы из Севастопольской обороны. Как правило, действовал один герой, бесстрашный, мужественный, уничтожавший нескольких врагов⁴⁶⁴. В этих свидетельствах, передававшихся устно, пересказанных многократно, терялась реальная канва событий, но остро ощущался героический пафос.

Более точные сведения содержались в регулярных военных репортажах, которые публиковали столичные газеты, прежде всего «Русский инвалид», «Морской сборник», «Санкт-Петербургские ведомости». В «Северной пчеле» в большом количестве перепечатывались репортажи иностранных корреспондентов о действиях союзников под Севастополем. Русские газеты охотно перепечатывали известия об эпидемиях холеры и лихорадки в сентябре 1854 г. в английских и французских войсках, их тяжелом полевом быте, плохом снабжении армии неприятеля, отсутствии необходимого медицинского обслуживания⁴⁶⁵.

При этом в военной пропаганде не было резко отрицательного образа «врага». В информационных сообщениях только изредка встречались негативные характеристики. В большинстве текстов противников нейтрально называли «англо-французами» или «союзниками», изображали слабыми, неуверенными в себе, трясущимися перед ночными

⁴⁶³ Крымские новости, или Плохие обстоятельства союзников пред Севастополем. М., 1855. С. 2.

⁴⁶⁴ Анекдоты подвигов боевой жизни русских воинов и чувств православных граждан во время войны с турко-англо-французами с товарищи. СПб., 1855. 8 с. ; Анекдоты из современной войны русских с англо-французами и турками. М., 1855. 69 с. ; Рассказ Павла Алексеевича о войне с Турцией, Англией и Францией и кое-что об Индии и Китае. СПб., 1854. 86 с. ; Слава русского оружия на Черном море и Дунае, или Целый ряд достопримечательных событий. М., 1855. 90 с.

⁴⁶⁵ Перечень иностранных газет, освещавших крымскую кампанию, весьма широкий: “Times”, “Daly-News”, “Standard”; “L’Indépendance Belge”, “Fremdenblatt”, “Morning Herald”, “Soldatenfreund” и др.

вылазками защитников Севастополя. В рядах антирусской коалиции воевали, помимо турецких башибузуков, сардинские солдаты, швейцарские и немецкие наемники, польские добровольцы, даже кавказцы. Но в военных репортажах и письмах с фронта фигурировали в основном «англо-французы», реже – «турки» как собирательные образы неприятеля. Они создавались на контрасте: русские готовы отдать жизни, чтобы выстоять, «англо-французы» же пытаются любой ценой остаться в живых.

Таким образом, нарратив Крымской войны представлял собой своеобразное смешение героического, почти былинного повествования о подвигах русских солдат и ежедневных информационных сводок. Во всех текстах ощущался накал патриотических чувств такой силы, которую может вызвать только война с врагом на собственной территории.

Знаменитые «Севастопольские рассказы» Льва Толстого дают нам бесценные свидетельства реальных эпизодов Крымской войны. Молодым офицером он провел на юге страны более трех лет (1851–1854 гг.). Первый рассказ «Севастополь в декабре месяце» получил самые восторженные отклики⁴⁶⁶. Н.А. Некрасов, редактор «Современника», сообщал автору в письме от 15 июня 1855 г.: «Статья эта написана мастерски, интерес ее для русского общества не подлежит сомнению, – успех она имела огромный... Пожалуйста, давайте нам побольше таких статей!»⁴⁶⁷

Но уже второй рассказ, описывавший сражение в майскую ночь 1855 г., вызвал осложнения с председателем Петербургского цензурного комитета Н. Мусиным-Пушкиным, который посчитал его «насмешкой над нашими храбрыми офицерами»⁴⁶⁸. Текст, откорректированный до неузнаваемости, был опубликован без подписи автора⁴⁶⁹. Лев Толстой в этом рассказе с горечью констатировал, что «вопрос, не решенный дипломатами, еще меньше решается порохом и кровью». Движущую пружину этой войны он видел в людском самолюбии: «Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде – даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого убеждения. Тщеславие! Должно быть, оно есть характеристическая черта и особенная болезнь нашего века. Отчего между прежними людьми не слышно было об этой страсти, как об оспе или холере?»⁴⁷⁰ Только в 1856 г. оригинальный текст был частично восстановлен и опубликован в «Военных рассказах».

⁴⁶⁶ Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце // Современник. 1855. № 6. С. 333–348.

⁴⁶⁷ Цит. по: Линков В. Я. Примечания // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 12 т. М., 1987. Т. 2. С. 511.

⁴⁶⁸ Комментарии // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. М., 1979. Т. 2. С. 98.

⁴⁶⁹ Ночь весною 1855 г. в Севастополе // Современник. 1855. № 9. С. 5–30.

⁴⁷⁰ Толстой Л. Н. Севастополь в мае // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 12 т. М., 1987. Т. 2. С. 26.

Л.Н. Толстой чутко уловил импульсы героизации войны, когда смерть за отечество приобрела в государственной идеологии особый смысл национального подвига, стала основной линией героического дискурса Крымской войны. Самым драматичным из севастопольского цикла был рассказ о штурме и падении Севастополя, потрясший читателей. Вопреки господствовавшему тогда мнению, что каждый готов отдать жизнь за царя и отечество, автор показал, насколько сложен был для человека подобный выбор. Один из героев Владимир Козельцов с ужасом осознает: «Господи! Неужели я трус, подлый, гадкий, ничтожный трус? Неужели за отечество, за царя, за которого я с наслаждением мечтал умереть так недавно, я не могу умереть честно? Нет! Я несчастное, жалкое создание!»⁴⁷¹

К обороне Севастополя было приковано внимание страны. Сознание опасности, которая угрожает отечеству, пронизывало все общественные слои. Впервые после войны с Наполеоном произошел огромный прилив патриотических чувств. Особенно в осенние месяцы 1854 г. после кровопролитного Инкермановского сражения, когда стали просачиваться слухи о бедственном положении раненных солдат и офицеров. Такого рода информация была в последние годы жизни императора Николая I запрещена цензурой, но ее передавали из уст в уста.

Русская армия настолько остро ощущала недостаток вооружения, что после удачных атак на противника солдатам приказывали все французские штуцера сдавать по 5 рублей за штуку. Неприятельские пули, еще горячие, доставались прямо во время сражений. За пуд такого свинца платили 4 рубля. Отчаянные головы лезли под самые пули, чтобы их добыть, нередко погибая. Потери были настолько велики, что эту рискованную торговлю командование вынуждено было запретить, несмотря на острый недостаток свинца⁴⁷². Армия страдала от отсутствия снарядов и перебоев в снабжении, поскольку все необходимое подвозилось только на телегах, а морские пути были перекрыты неприятелем.

Движение в поддержку армии сначала возникло как общественная инициатива снизу. В Севастополь стали стекаться посылки с теплыми вещами, бинтами, рубашками, простынями. Посылали даже иконы в госпитали и действующие войска. Первой из высшего света поддержала эту инициативу Великая княгиня Елена Павловна, которая на свои средства создала «Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия». О «шестидесяти сердобольных вдовах», ставших сестрами милосердия и приехавших в

⁴⁷¹ Толстой Л. Н. Севастополь в августе 1855 года // Современник. 1856. № 1. С. 71–122.

⁴⁷² Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. С. 444–445.

Крым выхаживать раненых, написано много благодарных воспоминаний⁴⁷³. Другой пример коллективной мобилизации русского общества – народные ополчения. Из губерний Центральной России – Курской, Пензенской, Калужской, Тульской, Рязанской и Орловской – было отправлено в Крым 78 добровольческих дружин⁴⁷⁴.

В сентябрьские дни 1855 г. остатки армии были переведены из Севастополя в Николаев. Внимание всей России было приковано к этому городу, где находилась императорская семья с многочисленной свитой, жители, переехавшие из оккупированного Севастополя, Керчи и Симферополя, многочисленные корреспонденты, армейские и флотские части. Матросы – «душа обороны Севастополя» – имели вид «кочующих цыган», как писал домой офицер П.И. Лесли: «кто с французским ружьем, кто с английским, у кого бутылка вместо манерки», «сзади на телегах следовали матросские жены с детьми». Но никто из императорской свиты не смел делать им замечаний. Напротив, их казармы ежедневно посещали высшие лица государства и генерал-адмиралы, расспрашивая, кто и где получил ордена святых Георгия, Анны, Владимира, Станислава за оборону. В трагические дни поражения молодой император был вместе со своей разбитой армией⁴⁷⁵. Не только в высшей элите, но в самых широких слоях общества зарождалось новое понимание миссии России. Недаром пик публикаций о Крымской войне пришелся на 1856 г.

Подписание Парижского мира с ограничительными статьями, нейтрализация Черного моря, оккупация Крыма вызвали шок в российском обществе. Горечь поражения усугублялась сознанием, что Запад теперь действительно может угрожать интересам России, а бывшие дружественные державы по Священному союзу ее коварно предали. Мучительное осмысление поражения проходило через воспоминания о «беспримерном мужестве», «беззаветном служении и готовности умереть за царя, веру и отечество». В честь героев Крымской войны устраивались светские рауты, званые ужины и торжественные обеды с многочисленными речами в дворянском и купеческом собраниях. Везде звучала одна и та же мысль: Севастополь своим мученичеством открыл новую страницу в истории России⁴⁷⁶.

⁴⁷³ От управления Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. СПб., 1861. 7 с.

⁴⁷⁴ Всеобщее ополчение России за веру, царя и отечество, или Русские ратники во времена императора Александра I и ныне царствующего императора Александра II. М., 1855. 45 с.

⁴⁷⁵ Рукописи, представленные Его Императорскому Высочеству Государю наследнику севастопольцами о Севастопольской обороне. СПб., 1873–1874. Кн. 1–3. Репринт : Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. М., 1998. С. 420.

⁴⁷⁶ Кокорев В. А. Застольная речь, произнесенная В. А. Кокоревым, на обеде, данном им 23 февраля 1856 года в Московском купеческом клубе в честь доблестных гг. офицеров Черноморского флота. М., 1856. 8 с.

Общество искало виновных в трагическом поражении. Хотя царствование Николая I подвергалось критическому переосмыслению, никто открыто не выставлял прежней власти счет за погибших солдат, слабую организацию обороны, плохое снабжение. В 1858–1859 гг. в «Русском инвалиде», а затем в «Военном обозрении» стали появляться статьи о коррупции и беспорядках в снабжении продовольствием и боеприпасами армии в Новороссийском крае. Тема была настолько злободневной, что на нее откликнулись зарубежные издания, в том числе оппозиционный «Колокол» А.И. Герцена⁴⁷⁷. Расследования привели к суду над интендантами, которых и сделали основными виновниками поражения в Крымской войне.

Тогда же начали издаваться первые обобщающие сочинения, в которых последовательно воссоздавалась история севастопольской обороны от одного сражения к другому. Но общая картина войны так и не сформировалась. Самой яркой темой оставалась оборона Севастополя. Сражения на Кавказе, русском Севере, тяжелая ситуация в придунайских княжествах находили отражение в воспоминаниях и отдельных статьях, но так и не были вписаны в общую канву истории войны 1853–1856 гг.⁴⁷⁸

В 1860-е гг. число работ, посвященных Крымской войне, заметно сократилось. Страна тяжело вступала в эпоху Великих реформ, оправляясь от сложной финансово-экономической ситуации. Общество было вовлечено в процессы либерализации и занято обсуждением главного вопроса – отмены крепостного права. Почти на десятилетие тема Крымской войны, по сути, потеряла самостоятельный смысл, стала своего рода кодом дихотомии «Россия – Запад».

Вслед за либеральными нововведениями начались преобразования в армии. Памятуя уроки севастопольских сражений, император Александр II приступил к модернизации русского флота на основе парового двигателя. Армия получила нарезное

⁴⁷⁷ Изнанка Крымской войны. Другая сторона // Военный сборник. 1858. Т. 4, № 7. С. 239–306 ; Содержание войск в новороссийском крае, основываясь на примерах минувшей войны // Русский инвалид. 1858. № 52 ; *Затлер Ф. К.* Замечания на статью, помещенную в 52 номере «Русского инвалида» 1858 года под названием «Содержание войск в Новороссийском крае, основываясь на примерах из минувшей войны». Одесса, 1858. 47 с. ; *Его же.* Описание распоряжений, по снабжению Крымской армии в войну с 1854-1856 год, продовольственными и огнестрельными припасами и суда над интендантством. Лейпциг, 1877. 490 с. Впоследствии материалы судов над интендантами были обобщены в издании «Суд над полевым интендантством в 1856-1859 году : материалы для истории Крымской войны», изданном в Лейпциге в 1877 г.

⁴⁷⁸ *Тарасенко-Отрешков Н. И.* Посещение в Крыму армий союзников и исчисление потерь в людях и деньгах, понесенных Францией, Англией и Пьемонтом, в нынешнюю войну их против России. СПб., 1857. 94 с. ; *Рачинский А. В.* Походные письма ополченца из Южной Бессарабии, 1855–1856 г. М., 1858. 76 с. ; Военно-исторические очерки Крымской экспедиции, составленные Генерального штаба капитаном Аничковым. СПб., 1856. Ч. 1. Описание сражений на реке Альме, при Балаклаве и под Инкерманом. 107 с. ; *Зеленецкий К. П.* Записки о бомбардировании Одессы 10 апреля 1854 года. Одесса, 1855. 116 с.

вооружение, войска стали обучаться стрельбе и действиям в рассыпном бою и умению маневрировать. Были открыты новые военно-учебные и военно-инженерные заведения для будущего командного состава. Началось строительство железнодорожных путей сообразно военным требованиям. Страна смогла усвоить исторический урок Крымской войны и встать на путь модернизации.

Одновременно в российском обществе на всех уровнях – от народного до элитарного – стало формироваться новое понимание коллективной идентичности. Антироссийская коалиция европейских держав, тяжелое поражение, потеря Севастополя и оккупация Крыма, ограничения Парижского трактата – все это глубоко отпечаталось в общественном сознании, вызвав резкий поворот от общеевропейского универсализма к осознанию собственных истоков и собственного пути исторического развития. Если в первой половине XIX в. дихотомия «Россия – Запад» задавала тон философским дискуссиям и занимала узкий круг интеллектуалов, то после Крымской войны она превратилась в своего рода геополитический код, который постоянно воспроизводился в разных течениях российской политической мысли и глубоко вошел в коллективное подсознание.

3.3. Новый внешнеполитический курс России: от имперской солидарности к национальным приоритетам.

3.3.1. Изменение баланса сил в Европе в 1860-е гг.

Россия залечивала раны после поражения в Крымской войне. Австрия, потеряв итальянские владения, сцепилась с Пруссией за лидерство в германской политике. Франция включилась в закабаление Китая, в опиумные войны, усиливая свое присутствие в Индокитае и Северной Африке. В январе 1860 г. между Англией и Францией был подписан договор о свободной торговле. Переговоры о его заключении вел крупный британский эксперт по экономической политике Ричард Гобден, а с французской стороны – Мишель Шевалье. Договор стал основой экономического и политического консенсуса двух крупнейших европейских государств, открыв простор для «торговли без границ».

Император Наполеон III пошел на сближение с либеральным кабинетом Пальмерстона, стремясь обеспечить Франции положение ведущей индустриальной державы на континенте. Англо-французская победа в Крымской войне, затем победа в Австро-итало-французской войне 1859 г. сформировали у французской политической и деловой элиты убеждение, что мировая политика действительно делается в Париже. Недаром Наполеон III провозгласил «принцип национальности» ведущим в

международных отношениях. Англия и Франция могли торжествовать победу. Священный союз был разбит.

Казалось, англо-французский тандем выступит основным регулятором международных процессов в 1860-е гг. Но одновременно, борясь с блоком консервативных монархий, правительства Англии и Франции выпустили из-под контроля национализм. Ящик Пандоры открылся. Национальный принцип получил легитимацию со стороны двух наиболее влиятельных держав. 1860–1870-е гг. можно назвать «медовым месяцем» националистов всех оттенков и направлений.

Апофеозом бурного экономического роста 1860-х гг. и при этом ярким отражением эпохи национализма стали мировые выставки. Первая была организована в Лондоне в 1851 г., а через четыре года - в Париже. В рассматриваемый период состоялись сразу три международные выставки – в 1862 г. (Лондон); 1867 г. (Париж); 1873 г. (Вена).

Эти выставки, с каждым разом включавшие все большее количество павильонов, служили внешней демонстрацией проектов общегосударственной идентичности, которые продвигали все ведущие европейские государства. Индустриальное развитие становилось мерилom эффективности «государственной/имперской нации», предметом ее гордости и стимулом в глобальной конкуренции.

На выставках 1855 и 1867 гг. Наполеон III презентовал Францию как «ведущую экономическую державу европейского континента», а Париж – как «мировой город»⁴⁷⁹. Стремясь перекроить карту Европы, он поддержал сначала итальянский ирредентизм против монархии Габсбургов, затем – польское восстание 1863 г. против России. Это вызвало серьезное охлаждение между Россией и Францией с Великобританией, подтолкнуло Петербург и Вену к идеям реставрации Священного союза. Завязывались новые узлы геополитических противоречий. Франко-английский тандем заставил германскую, русскую и австрийскую дипломатии искать новые пути к сближению.

Динамика экономического подъема 1860-х гг. определила новую расстановку сил в мировой политике. Ритмы экономического развития выдвинули вперед два государства по разные стороны Атлантики – США и Германию. Оба смогли осуществить государственное объединение военным путем, благодаря чему сформировались условия для экономического роста. Вновь, как и в период Крымской войны, инструментальную роль в двух параллельных процессах сыграли войны. Они имели двойной эффект. С одной стороны, гражданская война в США между индустриальным Севером и латифундистским Югом вызвала инфляцию, расстройство финансов, отток английских капиталов и в целом сокращение европейских инвестиций. С другой стороны, был дан импульс

⁴⁷⁹ Chronik des 19. Jahrhunderts / I. Geiss (Hg.). Gütersloh, 1997. S. 422.

индустриальному развитию на новом уровне. В несколько раз выросла мощность военных заводов, расширился парк механических двигателей. Интенсивное развитие напрямую стимулировалось военными заказами. Налоговая политика военных лет способствовала высокой концентрации производства⁴⁸⁰. Около четверти промышленного производства направлялось на военные нужды, начался быстрый рост швейных и обувных фабрик, тяжелой промышленности, машиностроения, добычи угля и чугуна.

Прусская армия, модернизированная Бисмарком, в 1864 г. при поддержке Австрии разгромила Данию. Используя нейтралитет Франции, в 1866 г. она нанесла решающее поражение австрийским союзникам, отодвинув монархию Габсбургов на второй план в европейской и германской политике. Третья победоносная франко-прусская (или франко-германская) война в 1871 г. открыла новую веху в истории Германской империи. Все шестидесятые годы Пруссия шла навстречу этой цели. Она смогла догнать и даже опередить Францию, которая раньше прочно держала первенство на европейском континенте. До Англии оставался еще один рывок. В германских землях создавались металлургические заводы, домны, рудники, химические заводы, станкостроительные заводы, судостроительные верфи, угольные шахты.

Под влиянием войн в 1860-е гг. начался огромный рост вооружений. Модернизация военных флотов, строительство бронированных судов, массовое производство нарезных ружей, новшества в артиллерии – эти потребности, вызванные войнами, перезапустили новые механизмы экономического цикла. На первый план стали выдвигаться перспективные сектора производства, требовавшие увеличения продукции угольной и металлургической промышленности. Но их развитие было обусловлено не только военным фактором.

Мощнейшим двигателем роста европейских экономик стало железнодорожное строительство. Во всех крупных городах возводились величественные здания вокзалов, на фасадах которых эклектичные аллегории символизировали национальное и государственное величие. Здесь располагались самые фешенебельные и модные рестораны, а залы ожидания для пассажиров первого класса превращались в подобие светских салонов. Субботние и воскресные прогулки вдоль перронов становились популярным развлечением буржуазной публики, особенно в провинциальных городах⁴⁸¹. Если в 1840-е гг. железнодорожная горячка охватила Англию, то в 1860-е гг. наибольший

⁴⁸⁰ Clark V. S. History of manufactures in the United States. New York, 1929. Vol. 2. P. II.

⁴⁸¹ Таблица: König W., Weber W. Netzwerke, Stahl und Strom, 1840 bis 1914. Berlin, 1990. S. 78.

прирост пришелся на США и Францию. Даже Россия смогла значительно увеличить свой железнодорожный потенциал, совершив настоящий прорыв⁴⁸².

Еще одна примета того времени – беспрецедентный строительный бум, захвативший европейские столицы. По примеру Парижа с его новыми линиями бульваров, широкими проспектами и домами в несколько этажей с роскошными фасадами и парадными, стали перестраиваться многие столицы. Австрийский император Франц-Иосиф начал полную реконструкцию Вены, чтобы, по его выражению, австрийцы не в Париже, а в Вене смогли увидеть мировую столицу. Города покрывались строительными лесами, перерывались узкие средневековые улочки. Ветхие дворцы безжалостно сносились, прокладывались широкие проспекты, вдоль которых возводились новые дома, в которых причудливо смешивались аристократические и буржуазные вкусы. Городское строительство развернулось с небывалой силой. Интенсивное вложение капитала в разные сферы способствовало ускоренному процессу его концентрации⁴⁸³.

Мобилизация капиталов стала возможна только путем эмиссии ценных бумаг. Германский капитал активно инвестировал в австрийские и венгерские ценные бумаги, которые после австро-прусской войны были значительно обесценены. Также активно вкладывались средства в русские займы. После франко-прусской войны часть ценных бумаг перешла от Франции к Германии в качестве уплаты контрибуции. В результате, помимо Лондона, признанным финансовым центром стал Берлин.

Хотя Англия продолжала доминировать, крупные операции уже осуществлялись на биржах Амстердама, Берлина и Парижа. Если американские ценные бумаги выпускались в Лондоне по цене выше номинала, то русские – эмитировались с понижением на 40 %. Из-за низкой кредитоспособности России английские финансисты получали огромные доходы на эмиссии русских займов⁴⁸⁴.

В эти годы в Германии возникли такие будущие финансовые гиганты, как Deutsche Bank, Dresdner Bank, Kommerz-und Privat-Bank. Но финансовый бум неизбежно породил невиданный размах жульничества и денежных афер в Лондоне, Париже, Берлине, Вене – повсюду, где создавались условия для крупной биржевой игры.

Несмотря на динамичный рост в 1860–1870-е гг. новых центров, прежде всего Германии и США, сила британских миллионов пока еще оставалась непоколебимой. Хотя

⁴⁸² Гливиц И. Б. Железная промышленность России. СПб., 1911. Статистическое приложение. С. 41 ; *Его же*. Потребление железа в России : экономико-статистический очерк со статистическими и графическими таблицами в тексте. СПб., 1913. 134 с.

⁴⁸³ Kroll F.-L. Op. cit. S. 575–576. За период с 1869 по 1873 г. в Англии было создано более 4 тыс. акционерных обществ, во Франции – 1170, Германии – 928, Австро-Венгрии – 642, в России – 301.

⁴⁸⁴ Мендельсон Л. А. Указ. соч. С. 437.

появились первые симптомы внутреннего торможения. Англия продолжала успешно наращивать торговые обороты, заниматься масштабными инвестиционными проектами и реэкспортом в США, Германию, Испанию, Италию, Россию. Но в 1866 г. разразился первый серьезный кризис доверия к прочности британского фунта стерлинга. Настоящая паника захлестнула Лондонский Сити. Майский кризис 1866 г. стал первым симптомом ослабления британского превосходства⁴⁸⁵.

Деловая активность России осложнялась в первой половине 1860-х гг. серьезным расстройством финансовой системы из-за последствий Крымской войны. В развернувшейся индустриальной и финансовой схватке ведущих держав Россия пока не могла составлять достойную конкуренцию. Польское восстание 1863 г. вызвало резкий отток иностранных капиталов из России и обострение отношений с Англией и Францией. Для дальнейшей модернизации стране требовались огромные иностранные инвестиции. В 1867 г. Россия продала Аляску Соединенным Штатам за 7,2 млн американских долларов. Великобритания также хотела участвовать в этом торге, но Петербург предпочел соседство с США.

На протяжении почти тридцатилетнего периода отчетливо проявились несколько тенденций. Во-первых, начавшаяся с середины XIX в. индустриальная лихорадка в значительной степени изменила логику мировой политики. Конкуренция ведущих держав имела не только территориально-политический смысл, но все более приобретала геоэкономический характер. В государственной политике росло убеждение, что преодоление экономических кризисов возможно только путем расширения экспортных потоков и сфер влияния. Правительственные кабинеты были заняты привлечением иностранных инвестиций, размещением государственных обязательств, созданием условий для концентрации производства и капиталов.

Во-вторых, войны в этот период получили новое инструментальное значение. По сути, они стали рычагом расширения национального производства и подъема биржевых котировок. В ритмах экономических циклов войны нового типа были способны либо отсрочить наступление кризиса, либо содействовать его быстрому преодолению. Индустриализация неизбежно ускоряла течение жизни европейских обществ, заставляла

⁴⁸⁵ Лескюр Ж. Общие и периодические промышленные кризисы. СПб., 1908. С. 89–90, 102 ; Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. СПб., 1914. С. 128. См. также: Курской Л. В. Теория рынка и промышленных кризисов М. И. Туган-Барановского. М., 1916. 73 с. ; Сорвина Г. Н. Социальный идеал и логика развития рынка: анализ творческого наследия М. И. Туган-Барановского // Вестник Российской академии наук. 1992. № 11. С. 109–125.

правительства пересматривать прежних ценностные ориентиры и базовые установки в международных отношениях.

3.3.2. Новый внешнеполитический курс России и проект Наполеона III: союз против Австрии

На политическую сцену Европы вступало молодое поколение монархов, которое стремилось осмыслить в первую очередь интересы своих государств и использовать все инструменты внешней политики. Революции 1848–1849 гг. поставили во главу угла европейской политики национальный вопрос. Если до Крымской войны Российская и Австрийская империи, связанные союзническими обязательствами, сдерживали до определенной степени рост национализма в Центральной Европе и на Балканах, то в 1860-е гг. наступил «медовый месяц» всевозможных проектов национальных объединений.

Россия кардинально пересмотрела не только систему внешнеполитических приоритетов, но и механизмы внешней политики. Накануне отставки, став мишенью для язвительных замечаний в обществе, канцлер К.В. Нессельроде написал записку «О политических сношениях России», в которой подводил итог своей многолетней дипломатической деятельности. Он осознавал, что России предстоит выработать новую стратегию внешней политики, которая должна руководствоваться «требованиями русских интересов». Тем не менее Карл Нессельроде настаивал, что «обуздать польский вопрос» Россия сможет только в союзе с Австрией и Пруссией. При ином раскладе политических сил система равновесия в Центральной Европе, по его мнению, могла рухнуть⁴⁸⁶.

Но при молодом дворе господствовали иные настроения. Князь А.М. Горчаков сменивший старого канцлера 15 апреля 1856 г., не скрывал личной неприязни к идее восстановления союза с Австрией, считая ее «послушным орудием Англии», которая является «самым непримиримым противником наших интересов и всюду самым агрессивным образом проявляющим свою враждебность»⁴⁸⁷. 14 февраля 1860 г. он откровенно признавался Александру II: «Основываясь на сорокалетнем опыте, в особенности на опыте, полученном от непосредственного участия в делах, соприкосновенных с выгодами России, я Вам всегда скажу, положив руку на сердце: не

⁴⁸⁶ Нессельроде К. В. Записка канцлера графа К. В. Нессельроде о политических соотношениях России // Русский архив. 1872. № 2. С. 341.

⁴⁸⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). Ф. 137 (Отчеты МИД России). Оп. 475. 1856. Л. 239, 238.

доверяйте, Государь, венскому кабинету, какие бы то ни были люди, которые вдохновляются его мыслями»⁴⁸⁸.

В ведущих европейских столицах российские посольства возглавили опытные дипломаты из среды петербургской аристократии: А.Ф. Будберг – в 1862–1868 гг. посол во Франции; Э.Г. Штакельберг – в 1864–1868 гг. – посол в Австрии, затем до 1870 г. – посол во Франции; Ф.И. Бруннов – с 1840 до 1874 г. (с перерывами) посол в Великобритании; П.П. Убри – в 1871–1879 гг. посол в Германии.

России необходим был нейтралитет для проведения внутренних реформ. Однако это не означало, что российская дипломатия отказывалась от активных действий в большой европейской политике. Но происходило постепенно переосмысление стратегий и тактических задач, выраженное в циркуляре от 21 августа 1856 г., который был направлен в российские посольства и миссии: «Говорят, Россия сердится. Нет, Россия не сердится, а сосредотачивается». Одним из направлений нового курса стала балканская политика. В отчете МИД за 1866 г. определялось, что Россия должна взять на себя «моральное руководство» славянскими движениями, чтобы «использовать в этих целях влияние, по справедливости принадлежащее России в силу ее традиций, географического положения и ее законных интересов таким образом, чтобы исполнить нашу историческую миссию на Востоке»⁴⁸⁹.

Славянский вектор внешней политики стал, по сути, ответом на антироссийскую западную коалицию во время Крымской войны и отступление Австрии от союзнических обязательств. Для доказательства права России «законно выражать» интересы славян важно было усилить общественные представления о России как общей славянской метрополии, центре славянского мира. Безусловно, славянский разворот подразумевал серьезное ухудшение отношений с прежней «вечной союзницей» – монархией Габсбургов. После Крымской войны особую роль в новом раскладе сил стал играть французский фактор.

Наполеон III, действовавший в пользу итальянского объединения, начал разыгрывать антиавстрийскую партию. В течение 1857–1859 гг. он пытался выступить с новым проектом франко-русского союза, направленного против Австрии. Переписка Александра II и его брата, великого князя Константина Николаевича, за 1857–1861 гг.

⁴⁸⁸ Цит. по: *Горяинов С. М.* Австрия и Россия после Крымской войны // *Русская старина*. 1908. Т. 136. Октябрь. С. 238–239.

⁴⁸⁹ Отчет МИД за 1866 г. был опубликован в книге: *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX века. М., 1970. С. 150–151.

позволяет понять, как складывался новый баланс сил после краха Священного союза⁴⁹⁰. С 1857 г. французский император пытался сблизиться с Россией, что находило одобрение российского императора и поощрялось А.М. Горчаковым.

Великий князь Константин, игравший видную роль в начавшейся модернизации России, по желанию своего брата императора отправился в длительное путешествие по Европе. Перед ним стояло несколько целей – не только подробно ознакомиться с опытом мореходства за границей, но и выполнить ряд деликатных дипломатических поручений, о которых он детально информировал Александра II. Одно из них состояло в том, чтобы установить дружественные отношения с Наполеоном III и подробнее узнать о его политических планах.

В январе 1857 г. оба императора обменялись конфиденциальными посланиями, в которых подтвердили желание взаимного союза как «залога будущего спокойствия Европы»⁴⁹¹. По прибытии в Париж великий князь Константин был чрезвычайно радушно принят Наполеоном III. Французский император выразил ему сожаление, что Франция участвовала в антирусской коалиции во время Крымской войны. Даже назвал это политической ошибкой и неоднократно обвинял австрийскую политику в двуличии.

Вся беседа должна была создать у великого князя Константина впечатление, что Наполеон III более всего возмущен поведением Вены. Он сообщил, что во время Парижской конференции к нему подходил граф Буоль, австрийский министр иностранных дел, и просил содействия в том, чтобы Измаил и устье Дуная были отданы Австрии. Наполеон убеждал Константина, что Австрия хотела, чтобы все ее владения без исключения, особенно итальянские, были признаны частью Германского союза. Этого Наполеон III никак не хотел допустить. Император намеренно акцентировал внимание на чувствительные для русской политики темы и предложил подумать о новом внешнеполитическом союзе⁴⁹². Наполеона III беспокоила растущая индустриальная и финансовая сила Пруссии и ее великогерманские амбиции. Он прекрасно понимал, что Англия, предпочитая «блестящую изоляцию», не стремится глубоко влезать в континентальные конфликты в Европе, оставаясь над ними как основной дипломатический регулятор. Контур стратегического союза между Парижем и

⁴⁹⁰ Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861. Дневник великого князя Константина Николаевича / сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. М., 1993. 381 с.

⁴⁹¹ Упоминание об этом в письме: Александр II – вел. кн. Константину. Санкт-Петербург, 20.1 (1. II) 1857 // Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем... С. 17.

⁴⁹² Вел. кн. Константин – Александру II. Париж, 4/16 V 1857. Разговоры с императором // Там же. С. 47–48, 50.

Петербургом только прочерчивались, но с самого начала стало ясно, что он задумывался как континентальный противовес пангерманизму во всех его проявлениях.

Считая необходимым провести «ревизии карты Европы», Наполеон посвятил великого князя Константина в свои планы:

(1) Франция изгоняет из Италии Австрию и создает там «союз по типу Германского во главе с Папой»;

(2) Франция для себя желает присоединения всего левого берега Рейна, а чтобы Пруссия могла получить за это компенсацию, можно было бы разрешить ей округлить владения за счет центральных немецких областей;

(3) но самым главным является создание тройственного союза из Франции, Англии и России, что означало бы наступление новой политики – «...мы достаточно сильны, чтобы заставить плясать под нашу дудку всю остальную Европу»⁴⁹³.

Таким образом, Александру II был предложен новый геополитический проект с державами, которые несколько лет назад возглавили коалицию против России и нанесли ей существенный урон. Понятно, что ядро этого блока составлял бы тандем Франции и Англии, а Россию держали бы на коротком поводке, чтобы она не ускользнула в более традиционный для нее союз с немецкими монархиями. Но сам факт подобного предложения опровергает устоявшийся тезис в историографии, что после Крымской войны Россия, якобы, оказалась в дипломатической изоляции.

Все переговоры сохранялись в строжайшей тайне, к которой не допускались даже ведущие дипломаты. Чтобы подтвердить серьезность этих намерений, Наполеон послал наследника принца Евгения на встречу в Варшаве с Александром II. План секретного тройственного соглашения был изложен в письме Наполеона III российскому императору в ноябре 1858 г. Однако последний понимал, что Франция всеми силами пытается втянуть Россию в новую европейскую войну, поэтому предписывал своему брату «соблюдать крайнюю осторожность»⁴⁹⁴. Действительно, Константин подчеркивал на встречах с императором Наполеоном III, королем Сардинии Виктором-Эммануилом и его доверенным лицом графом К.-Б. Кавуром, «что мы не будем помогать или поддерживать Австрию, но не больше». Хотя принц Кариньяк и граф Кавур убеждали его в том, что «Венгрия готова восстать», что там существует заговор, «проходящий сквозь все сословия» и что славянские народы «ждут минуты своего возрождения», брат императора

⁴⁹³ Вел. кн. Константин – Александру II. Ницца, 27.XI (9.XII) 1858 // Там же. С. 77.

⁴⁹⁴ Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 16/28 ноября 1858 г. Царское Село // Российский архив : история Отечества в свидетельствах и документах, XVIII – XX вв. : альманах / редкол.: С. Г. Блинов [и др.]. М., 1992. С. 174–176.

четко следовал установке – поддерживать Австрию Россия больше не будет, но предостерегал от излишней торопливости⁴⁹⁵.

Французский император проявлял все большую настойчивость. Он желал сравнить Вену и Петербург, чтобы в предстоящей войне за объединение Италии, которое он планировал, Австрия вынуждена была бы вести войну на два фронта. Создавалось впечатление, что Наполеон III действительно мыслил себя вершителем судеб в Европе и творцом нового национализма. К концу 1858 г. он уже предлагал новый план – совместными действиями изолировать Англию от континентальной Европы и расчлнить Австрию. Константин подробно изложил предложение Наполеона своему брату: «Чтобы достичь этого единства континента, надо уничтожить силу Австрии, вымарать ее из списка первостепенных держав, дабы материк состоял: 1) из сильной России, 2) из сильной Франции по краям материка и 3) из полусильной Пруссии со слабой Неметчиной посредине, которую мы и вдвоем с Францией всегда можем заставить быть с нами заодно. Тогда, но только тогда Европа будет независима от Англии. Но для этого необходимо, во-первых, уничтожить (*la preponderance de la maison d'Autriche*) двойной борьбой с нею Франции и России, в которой первая распространится на юге в Италии, а Россия возвратит себе старое свое историческое достояние Галицию или старое Галичское княжество»⁴⁹⁶.

Взаимный интерес состоял в том, чтобы Франция освободилась от договоров 1814 и 1815 гг., а Россия – от Парижского договора 1856 г. Это означало бы кардинальную ревизию Венского порядка. Александр II не доверял дипломатическому авантюризму Наполеона III, который пытался разыгрывать опасную карту национализма для возвышения Франции. Но к началу 1859 г. Россия действительно увеличила военный контингент на границе с Австрией. Российский император, желая поддерживать доверительный тон в отношениях с Наполеоном III, несмотря на все соблазнительные предложения, отказался от прямого участия в предстоящей войне с монархией Габсбургов. Он писал Константину в начале февраля 1859 г.: «Дай Бог только, чтобы нам можно было оставаться сколь возможно дольше одними зрителями. Дела в Дунайских княжествах могут заварить новую complication, а тут нам нельзя быть одними зрителями, если Турция и Австрия вздумают действовать военной силой, не дай Бог!»⁴⁹⁷.

Результатом переговоров при посредничестве великого князя Константина стал двусторонний секретный договор, подписанный 19 февраля 1859 г. Россия обязалась

⁴⁹⁵ Вел. кн. Константин – Александру II. Париж, 10/22 XII 1858 // Там же. С. 82 ; Вел. кн. Константин – Александру II. Ницца, 15/27 XII 1858 // Там же. С. 83.

⁴⁹⁶ Вел. кн. Константин – Александру II. Ницца, 15/27 XII 1858 // Там же. С. 83.

⁴⁹⁷ Переписка Императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем... С. 88–89.

сохранять «благожелательный нейтралитет», не втягиваясь в новый европейский конфликт. Идея российско-французского союза так и осталась пока лишь в дипломатической переписке. Но через три года после Крымской войны Россия платила Австрии той же монетой. В результате военного конфликта 1859 г. Вена потеряла итальянские владения, ослабление влияния Габсбургов повлекло подъем пангерманизма в самой империи и немецких землях.

3.3.3. Австрийские инициативы в 1860-е гг.: сближение с Петербургом

Дипломатические документы из Придворного и государственного архива г. Вены показывают, что в течение 1860-х гг., по крайней мере три раза, австрийское правительство пыталось найти пути сближения с Петербургом – в 1859, 1866 и 1867 гг. Всякий раз оно наталкивалось на холодную сдержанность и недоверчивое отношение. Возобновление союза с Российской империей стало первоочередной задачей для австрийской дипломатии по многим причинам. Во-первых, сразу после Крымской войны серьезно обострилось соперничество с Францией в итальянских делах. Во-вторых, особое беспокойство вызывало резкое военно-политическое усиление Пруссии и ее претензии на гегемонию в германской политике. Наконец, внутренняя нестабильная ситуация в самой монархии рождала опасения, что «весна народов» может повториться, а собственных сил может не хватить на ее подавление.

В начале октября 1859 г. состоялась встреча в Варшаве министра иностранных дел А.М. Горчакова с русскими послами при европейских дворах – баронами Будбергом и Брунновым, графами Киселевым и Балабиным. Обсуждалась новая внешнеполитическая стратегия и текущие дела. А.М. Горчаков сообщил, что граф Рехберг, государственный канцлер Австрии, обратился к нему с предложениями «самого чувствительного свойства». Он предлагал начать переговоры с французским, прусским и английским правительствами об отмене статей Парижского договора, касавшихся флота и той части Бессарабии, которая отошла к Молдавии. Это предложение было сделано в расчете на то, что Австрия «достигнет прекращения неестественной и опасной политики в пользу величайших благ общественного мира»⁴⁹⁸.

Однако в высших дипломатических кругах России отнеслись к этой инициативе скептически. Все понимали, что шансы России резко пошли вверх из-за итальянского вопроса. Не только Наполеон III, но и Франц Иосиф были заинтересованы в союзе с ней. Все политические силы в Европе осознавали, что для России предметом дипломатического торга будет отмена ограничительных статей Парижского договора.

⁴⁹⁸ Цит. по: *Горяинов С. М.* Австрия и Россия после Крымской войны. С. 237.

Соответственно, все предложения и проекты, адресованные Петербургу, начинались с этой позиции.

Инициатива графа Рехберга не нашла одобрения на встрече в Варшаве. Посол России в Лондоне барон Бруннов предлагал А.М. Горчакову не спешить, поскольку Франция, единственная страна, с которой лорд Пальмерстон (министр иностранных дел Англии) мог бы «поцеремониться», «имеет серьезный повод щадить Англию» и Наполеон III, «даже если бы он заступался за нас, то очень вяло, чтобы затем сказать: “На нет и суда нет”»⁴⁹⁹. Сдержанная позиция оправдала себя. В Париже австрийский канцлер Рехберг пробовал начать разговор с Наполеоном об отмене Парижского договора, но не получил никакого одобрения. Французский император не был заинтересован, чтобы карту с его отменой разыграла австрийская дипломатия. Получив 3 декабря 1859 г. сообщение Рехберга о неудаче его представлений в Париже, Александр II написал на полях: «По моему, предпочтительнее оставить на время дело»⁵⁰⁰.

В конце 1859 г. послом в Петербург был направлен опытный дипломат граф Фридрих Тун. В инструкции ему было предписано содействовать улучшению австро-российских отношений, а также особо следить за действиями французской дипломатии в северной столице⁵⁰¹. С января 1860 г. он стал посылать в Вену регулярные отчеты, которые содержали ценные сведения о российском высшем свете и состоянии двусторонних отношений. Граф Тун был сторонником сближения с Россией, хотя и не скрывал от графа Рехберга наличие антиавстрийских настроений при петербургском дворе⁵⁰².

Министр А. М. Горчаков, личное мнение которого, как сообщал граф Тун, являлось решающим в определении внешней политики России, был более склонен к профранцузской ориентации. Об этом с тревогой сообщал поверенный при австрийском

⁴⁹⁹ Цит. по: *Сироткина Е. В.* «Я не питаю вражды к Австрии, но и не имею повода сочувствовать ей»: австрийско-российские отношения в 1856-1859 гг. // *Россия и Европа: связь культуры и экономики : материалы VIII международной научно-практической конференции / отв. ред. Н. В. Уварина.* Прага, 2014. С. 432.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Материалы этой дипломатической акции хранятся в Государственном архиве в Вене: *Copie d'une depeche du Prince Gortchakow a Monsieur de Balabine en date de St. Petersburg le 13 Avril 1859 // Haus-, Hof- und Staats Archiv* (далее – ННСА). PAX. K. 48 (Russland, 1859. Waisungen. Varia). 21 v. – 25 v. Русские дипломатические документы были опубликованы в статье: *Горяинов С. М.* Австрия и Россия после Крымской войны. С. 237.

⁵⁰² Граф Тун-Гогенштаен (1810–1881). На дипломатическом поприще с 1835 г. В 1847 г. был императорским посланником в Стокгольме, в 1852 г. назначен посланником в Берлин. Послом в России граф Тун был с осени 1859 г. до 1863 г.: *Wurzbach C. von.* Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Wien, 1882. Т. 45. S. 48–49. Инструкция графу Туноу: *Instruction pour S. E. u. Comte M. de Thun.* Wien, 4.XII.1859 // ННСА. PAX. K. 48. F. 149 v. – 150 r. Донесение посла Ф. Туна № 10, St. Pb. 17/5 Mars 1860 // *Ibid.* F. 209 r.

посольстве граф Фридрих Ревертера, который доказывал, что Наполеон III предоставляет России *carte blanche* в восточном вопросе, поддерживая традиционные русские интересы в обмен на сочувствие его политике в Италии и Германии. В отличие от австрийского посла Туна, граф Ревертера был настроен по отношению к России менее лояльно, критикуя в духе немецкого либерализма «азиатский деспотизм» и внешнюю политику, «строящуюся на принципах “славизма” и “пан-Православия”»⁵⁰³.

С 1861 г. в австрийских донесениях ведущей темой становится польский вопрос, из-за которого резко ухудшились российско-французские отношения. По мнению Фридриха Туна, польский вопрос для русских во многом имел конфессиональную основу. Правительство не относилось толерантно к католическим подданным. Но польское движение с сильной национальной мотивацией и «автономной тенденцией» подогревалось, по его оценкам, французскими либералами. Оно представляло опасность не только для России, но и для австрийских и прусских владений⁵⁰⁴. Нарастание польского конфликта заставило австрийскую дипломатию действовать более активно. В марте 1863 г. граф Тун получил депешу, разосланную в австрийские дипломатические миссии Парижа и Лондона, где обрисовывалась позиция Вены по польскому вопросу. Правительство выражало озабоченность, что революционные действия перекинутся в соседнюю Галицию. В этом случае предполагалось даже начать переговоры с Петербургом о совместных действиях в целях «сохранения общественной безопасности». В целом Вена выражала поддержку действиям российского правительства по пресечению революционных выступлений⁴⁷.

Польский вопрос затормозил сближение между Парижем и Петербургом. Резкий обмен мнениями из-за польского восстания, состоявшийся между двумя правительствами, охладил взаимные отношения. Этим не замедлила воспользоваться австрийская дипломатия, предприняв еще один шаг к сближению. Министр Рехберг писал послу Туну 13 марта 1863 г.: «Цель, которую мы на данный момент преследуем в России, – сохранить хорошие отношения с петербургским кабинетом и представить доказательство, что мы несравненно выше того, чтобы заниматься мелочной мстью и воздавать равным за равное, что мы своей корректной и лояльной политикой оказываем императору Александру гораздо большие услуги, чем самые навязчивые друзья»⁵⁰⁵. В Вене

⁵⁰³ Донесение графа Фридриха Ревертеры, который при Туне являлся императорским посланником в Петербурге, а затем с 18 июля 1864 г. до 14 апреля 1868 г. был послом Австрии в России: N L8. St.-Pb. 16/4 Mai 1860 // Ibid. F. 339 v. – 339 r., F. 344 v. ; № 19 // Ibid. F. 350 v.

⁵⁰⁴ HNSA. PAX. K. 53 (Russland, 1862–1863). F. 76 r. – 77 v. ; G1. An Graf Thun, 13. III. 1863 // Ibid. F. 90 r. – 95 r., F. 92 v.

⁵⁰⁵ 13 Mars 1863, Wien // HNSA. PAX. K. 53 (Russland, 1862–1863). F. 130 r. – 133 r.

расценивали действия французской дипломатии в Петербурге как конкурентные и стремились перетянуть российские интересы на свою сторону.

Для этой цели Австрия демонстративно увеличила численность своих войск в Галиции и заняла весьма осторожную позицию в оценке подавления польского восстания. Вена и Петербург имели достаточно общих резонов, чтобы с большой подозрительностью относиться к пропольским симпатиям Наполеона III. Но даже в этих условиях вернуться к прежнему уровню доверия было уже невозможно. Между ними, словно стена, выросла славянский вопрос.

Граф Тун, разочаровавшись в своей миссии восстановления союза с Петербургом, испрашивал возможность «своего перевода из Петербурга в Берлин». Император Франц-Иосиф сначала предполагал перевести из Берлина в Петербург опытного и доверенного дипломата графа Кароли. Но передумал, решив оставить его на прежнем месте. Фридриху Туну в его просьбе было вежливо отказано: «Берлинский пост сегодня нельзя назвать приятным, уж если у Петербурга есть свои теневые стороны, то положение императорского посланника в Берлине еще хлопотливее, нужно обладать тем спокойствием, которое имеет граф Кароли, чтобы за короткое время полностью там не измотаться»⁵⁰⁶. Однако на посту в Петербурге хватало серьезных проблем. Графу Туну еще не подыскали в Вене преемника, поэтому основные обязанности были возложены на графа Ревертеру. В апреле 1863 г. в Петербург приехал родственник бывшего посла, дипломат граф Гвидо Тун, который продолжил миссию своего предшественника⁵⁰⁷.

В дипломатических донесениях за 1863 г. появляется новая тема – усиление в обществе идей величия России. Все чаще австрийские дипломаты констатировали, что в России, особенно в Москве, действует влиятельная «ультрарусская партия», или «старая русская партия» (*l'ancien parti russe*), которая призывает к «гегемонии России на Балканах» и присваивает себе роль «единственной полноправной защитницы христианских народов в Оттоманской империи». Эта «партия» оказывает сильное влияние на Министерство иностранных дел, что вызывает «активизацию русской политики в восточном вопросе», а также «постоянные интриги русских агентов в Греции, Сербии, Дунайских княжествах и в Черногории»⁵⁰⁸. В донесении от 1 мая 1863 г. сообщалось, что в салоне императрицы Марии Александровны, имевшей определенный вес в русской политике, весьма популярны «панславистские идеи»⁵⁰⁹.

⁵⁰⁶ Berichte. Nr. 3 (7 Fev. / 26 Janv. 1863) // Ibid. F. 53 v.

⁵⁰⁷ Berichte. Nr. 5 (1 mars / 17 Fevr. 1863) // Ibid. F. 105 v.

⁵⁰⁸ Berichte. Nr. 16 (28/16 Avril 1863) // Ibid. PAX. K. 54 (Russland, 1863). F. 207 v. – 208 v.

⁵⁰⁹ Berichte. Nr. 17 (1 Mai / 19 Avril 1863) // Ibid. F. 218 v.

Несмотря на видимое недовольство от активности панславистов, австрийский кабинет продолжал упорно добиваться расположения Петербурга. В письме послу Туну от министра иностранных дел графа Андраши четко было определено: «Поскольку мы не намерены отступить от занятой нами ранее позиции по польскому вопросу, то мы не будем участвовать в шагах, предпринятых Англией в Петербурге, мы верим, что императорский российский кабинет получит тем самым новое доказательство нашей лояльности»⁵¹⁰. Австрийское правительство было даже согласно взять на себя роль посредника в улаживании конфликта России с Папской курией относительно положения католиков в Западном крае. Великий князь Константин специально приезжал в Вену, чтобы уладить это дело⁵¹¹. Но жесты доброй воли не дали желаемого результата. Когда для России вновь встал вопрос о союзнике в отмене нейтрализации Черного моря, выбор пал не на Австрию, а на Пруссию.

Канцлер Бисмарк не менее активно, чем его австрийский коллега, предпринимал шаги к сближению с Петербургом на основе взаимной заинтересованности в наведении порядка в польских землях. В итоге 27 января 1863 г. была подписана российско-германская конвенция. Петербург не стал препятствовать германской объединительной политике Бисмарка. Но австрийские дипломаты еще не теряли надежды. В условиях усиливавшегося германо-австрийского соперничества Вена в 1864 г. вновь попыталась вернуть лояльность России.

В период войны Пруссии и Австрии, вспыхнувшей из-за княжеств Шлезвига и Гольштейна в 1864 г., Россия придерживалась нейтралитета и не препятствовала их захвату Пруссией. Л.М. Шнеерсон в своей книге «Австро-прусская война 1866 года и дипломатия великих европейских держав» на основе обширных архивных материалов убедительно показала, что поведение российской дипломатии в процессе развития австро-прусского конфликта отличалось большой сдержанностью и осторожностью. В Петербурге наблюдали за стремительным развитием национального вопроса в Австрийской империи и находили симптомы глубокого государственного кризиса. Но самые большие опасения были вызваны тем, что австро-прусская война может спровоцировать очередное обострение польского вопроса⁵¹².

⁵¹⁰ Ibid. F. 218 v.

⁵¹¹ Вел. кн. Константин специально приезжал в Вену, чтобы рассмотреть вопросы, связанные с претензиями Римской курии относительно положения католиков в Западном крае. Об этом см.: Copie d'une depeche du Gortchakow a M.de Balabine, en date de S.Peterbourg, 12. Juin 1863 // ННСА. РАХ. К. 54 (Russland, 1863. Berichte Varia). F. 101 v. – 102 v.

⁵¹² Шнеерсон Л. М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав. Минск, 1962. С. 93–106.

После поражения в «молниеносной войне» с Пруссией в 1866 г. австрийское правительство еще раз пыталось обрести утерянную союзницу. Это была отчаянная и очень откровенная попытка, несвойственная осторожной и гибкой австрийской политике. Заветной идеей петербургского кабинета об отмене статей Парижского договора вновь попытался воспользоваться министр иностранных дел Австрии. На этот раз – саксонец граф Бейст, занявший этот пост в октябре 1866 г. После своего назначения он объявил российскому посланнику в Вене графу Штакельбергу о начале новой политики Австрии на Балканах. В депеше от 1 января 1867 г. на имя австрийского посла в Париже князя Меттерниха Бейст однозначно дал понять, что Австрия выступает с инициативой созыва европейской конференции для того, чтобы великие державы смогли пересмотреть статьи Парижского договора и выработать меры по защите восточных христиан⁵¹³.

Наполеон III не одобрил это предложение, вызвавшее сенсацию в дипломатических кругах Европы. Князь Горчаков телеграфировал Штакельбергу, что от «слишком большого рвения со стороны Бейста происходят сплетни в Париже. Его почин там считают нашим. Необходимо соблюдать более сдержанности по отношению к нему»⁵¹⁴. В беседе с Бейстом, получившего к тому времени титул рейхсканцлера Австрии, российский посол упрекнул его за этот шаг, который привел к возбуждению недовольства Франции, и заявил, что Россия в состоянии сама решать свои проблемы и обойтись без всякого иного вмешательства⁵¹⁵. Таким образом, на протяжении 1860-х гг. австрийские кабинеты – либеральные и консервативные – делали попытки загладить трещину в отношениях с Россией, образовавшуюся после Крымской войны. Возможно, в Вене лучше, чем в Петербурге, осознавали, что их союз мог бы препятствовать ревизии Венского порядка. Но Россия больше не готова была связывать себя союзническими обязательствами, предпочитая сохранять в европейской политике свободу рук. Урок Крымской войны был усвоен.

Обе империи переживали переломный момент – нестабильное положение в европейской системе усугублялось внутренними проблемами. Великие реформы Александра II совпали по времени с конституционными экспериментами в монархии Габсбургов. До Крымской войны обе империи, несмотря на противоречия, выступали союзницами в защите принципов консерватизма и монархизма. После распада союза трон Габсбургов лишился важной опоры, необходимой для внутренней стабильности этого

⁵¹³ Цит. по: *Горяинов С. М.* Австрия и Россия после Крымской войны. С. 240–241. В австрийской дипломатической переписке см.: An Graf Revertera, Wien, 22.01.1867 // ННСА. РАЗ. К. 57. (Russland. Berichte, 1866. Weisungen, 1867). F. 1 v. – 5 r.

⁵¹⁴ Цит. по: *Горяинов С. М.* Австрия и Россия после Крымской войны. С. 241.

⁵¹⁵ Там же.

многосоставного государства. Когда стало окончательно ясно, что возобновление прежнего союза осложняется многими причинами, прежде всего недоверием императора Александра и канцлера Горчакова, Вена взяла курс на сближение с возвышающейся Пруссией.

3.4. Проект государственной нации России и генезис имперского панславизма

3.4.1. «Возвращение к истокам» в царствование Александра II

В царствование Николая I историческая традиция трактовала основание государства в соответствии с норманнской (или варяжской) теорией. Династический миф, одним из наиболее активных создателей был историк М.П. Погодин, высочайше одобренный и распространенный в обществе, строился на основе двух легенд – божественном предопределении государственной власти и ее востребованности местным славянским населением. Не завоевание, а именно «призвание варягов» придавало государственным началам мессианский смысл. Династия, демонстрируя приверженность западной имперской традиции, предпочитала цивилизаторскую трактовку своего «пришествия» в русские земли. Мифологизация образа Рюрика и включение его в генеалогию дома Романовых на правах праоснователя формировали универсальный «олимпийский» образ самодержавной власти и подтверждали историческую преемственность между Рюриковичами и Романовыми⁵¹⁶. Легенда основания играла определяющую роль в структуре династических мифов.

Во время Крымской войны в октябре 1854 г. будущий император, великий князь Александр Николаевич признавался близкому окружению: «Мы не проявили достаточно национального эгоизма, но обстоятельства толкнули нас на правильный путь и доказали, до какой степени ложна и опасна наша политическая программа»⁵¹⁷. «Национальный эгоизм» молодого двора резко отличался от прежнего образа власти – универсального, имперского, наднационального. Новую тенденцию можно проследить на примере не только сакрализации памяти о Крымской войне, но и открытия первых национальных музеев. Новый опыт исторической политики в России в эпоху Великих реформ вписывается в процесс формирования имперской нации.

Уже в первый год царствования Александра II по его указу в Москве в 1856 г. началась реконструкция единственной из уцелевших построек городской усадьбы бояр Юрьевых-Романовых. Считалось, что здесь родился Михаил Федорович, первый царь из

⁵¹⁶ *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 1–3. См. о норманнской теории М. П. Погодина: *Павленко Н. И.* Михаил Погодин. М., 2003. С. 110–126.

⁵¹⁷ *Тютчева А. Р.* При дворе двух императоров : воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 75–76.

династии Романовых. Реконструкция здания, анализ исторических документов, подбор коллекции экспонатов – все проходило под личным контролем императора. Открытие первого в России династического музея в Москве – по собственному признанию Александра II – оплоте «русской партии», имело особый смысл. Утверждалась исконность происхождения династии Романовых. Одна из первых акций нового национального проекта власти. Трансформация династического мифа от Рюриковичей к Романовым, от чужеземности к национальным началам.

Присутствие императора и августейшей семьи на двух церемониях – начале реставрационных работ и открытии музея «Дом бояр Романовых» (27 августа 1859 г.) – свидетельствовало о государственном значении торжества, имевшего особый символический контекст. При закладке фундамента государь и члены его семьи положили специально подготовленные золотые и серебряные монеты чекана 1856 г. – даты коронации, 1858 г. – начала реставрации, а также монеты времен царя Михаила Федоровича Романова в знак династической преемственности. Как было отмечено, «в означенном доме родился и возрос этот государь, первый из поколения Романовых»⁵¹⁸. Династия усиливала историческое право «крови и почвы». Недаром в «Доме бояр Романовых», вход в который был для всех бесплатным, посетитель видел древнерусское убранство и старинные семейные реликвии.

«Возвращение к истокам», которое начал император Александр II, отражало новое мышление имперской элиты России, которое кардинально изменилось под влиянием Крымской войны. Проект общегосударственной нации возводился на фундаменте исконных ценностей и традиционализма.

В работах О. Майоровой содержатся тонкие наблюдения о политической символике эпохи Александра II. Проанализировав стилистику празднования Тысячелетия России в Новгороде в 1862 г. и Славянского съезда в России в 1867 г., она пришла к выводу: «Противопоставление метафор в оформлении московского и новгородского праздников, их внутренняя полемика – это не только оппозиция разных моделей прошлого, это еще и противостояние двух проектов национального строительства. Народный нарратив выстраивался как оппозиция династическому и имперскому»⁵¹⁹.

⁵¹⁸ Фролов А. И. Московские музеи. М., 1999. С. 134–136. Музей был открыт для посетителей, но имелись сословные ограничения. Хотя посещение не требовало платы, необходимо было получить специальный билет в Московской дворцовой конторе. Распоряжение было отменено только в конце XIX в., когда вход в музей стал доступен для всех сословий.

⁵¹⁹ Майорова О. Славянский съезд 1867 года: метафорика торжества // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 95; *Ее же*. Бессмертный Рюрик. Празднование тысячелетия России в 1862 году // Там же. 2000. № 43. С. 137–165.

Правда, на мой взгляд, новый стиль имперских репрезентаций демонстрировал скорее не дихотомию «национальное – имперское», а синтез этих двух начал.

Новый проект коллективной идентичности был ориентирован на государственный патриотизм, Империю и Русскую идею. Наряду с Полтавской битвой и Бородино, оборона Севастополя была вписана в легендарную линию «моральных побед» русского оружия, на примере которых демонстрировалось «нечто высшее, чем храбрость»⁵²⁰. Инициативы следовали как «сверху», так и «снизу», создавая особый эмоциональный накал для кристаллизации патриотических идей. Севастополь стал первым городом-героем, «городом-мучеником, «священная русская земля в символическом пространстве «общего Отечества».

Сама Крымская война стала восприниматься как «символ Русского духа». Власть не пыталась стереть из исторической памяти факт поражения, напротив, создавался новый героический дискурс непобежденной нации. Появилась новая категория населения – «ветераны Крымской войны», – которая была окружена почетом в обществе и пользовалась определенными льготами. Ветеранов приглашали выступать с воспоминаниями на различные публичные мероприятия, им были назначены пенсии, их дети могли рассчитывать на льготы при поступлении в императорские университеты. Таким образом, процесс формирования государственной/ имперской нации отличался большим многообразием – от музейных экспозиций и открытия памятников до строительства новых храмов, от создания мест памяти до новых символических и социальных кодов служения Отечеству.

Не будет преувеличением констатировать, что в конце 1850-60-е гг. политическая мысль в России напоминала плавильный котел, бурлила от проектов, великих надежд и иллюзий. Общественная борьба вокруг Великих реформ - объект отдельного изучения в отечественной историографии⁵²¹, выходит за рамки диссертационного исследования. Но

⁵²⁰ *Иванов Н. А.* Столетие Бородинской битвы. 1812–1912. Одесса, 1912. С. 3.

⁵²¹ Александр II. Великие реформы / науч. ред. Н. Карташова. М., 2011. 14 с. ; *Селиверстова Н. М.* Система ценностей российского дворянства накануне и в период проведения великих реформ // *European Social Science Journal*. 2011. № 13(16). С. 302–309 ; *Нурлыгаянов М. Ф.* Формирование элементов гражданского общества России в эпоху Великих реформ // *Социально-экономические науки и гуманитарные исследования*. 2014. № 3. С. 166–172 ; *Селютина Е. Н., Холодов В. А.* Проблемы модернизации Российского государства и Великие реформы Александра II: современный взгляд // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2014. № 4 (15). С. 121–128 ; *Баранов Н. А.* Либерально-консервативный синтез в России: история и перспективы // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2010. Т. 3. № 5. С. 90–102 ; *Гросул В. Я.* Власть и общественное мнение в России XVIII – XIX веков // *Труды Института российской истории* / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2005. Вып. 5. С. 118–172 ; *Его же.* Зарождение русского политического консерватизма // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 1997. № 1. С. 21–33 ; *Медоваров М. В.* Переосмысливая великие реформы Александра II в глобальном контексте // *Историческая экспертиза*. 2016. № 3. С. 201–206.

именно в это время либеральные и консервативные дискурсы увлеченно осваивали славянскую тему. Какие бы интерпретации не возникали, общественный интерес подогревался все же не столько дискуссиями о судьбах «униженных и угнетенных» славянских братьев, сколько о жизни в самой России, понимании внутренних и внешних скрепах российской идентичности. В эпицентре оказалась та форма панславизма, которая была рождена российской консервативной мыслью из сплава идей раннего славянофильства, мессианского национализма, общегосударственного этатизма и имперских геополитических рефлексий. С самого своего возникновения именно имперский панславизм стал краеугольным камнем дихотомии «Россия – Европа». На его фоне меркли другие интерпретации славянской идеи в России, а их было немало.

3.4.2. Возникновение имперского панславизма в России во второй половине 1850-х – 1860-е гг.

Особое место в истории панславизма имеют представления и теории о доминирующей роли России в «славянском мире», создаваемые и культивируемые в славянолюбивых кругах российского общества. Именно эти идеи, ориентированные либо на расширение сферы морального влияния России в Центральной Европе и на Балканах, либо на создание славяно-русской империи, традиционно в историографии характеризовались как экспансионизм и «реакционный панславизм».

Как уже отмечалось, с середины столетия происходили мощные макроэкономические, геополитические, культурные сдвиги на европейском континенте и в Северной Америке, вызванные процессами модернизации. Индустриальные державы расширяли сферы своего влияния, используя все формы геополитической экспансионизма. Если британский, французский, североамериканский, германский экспансионизм рассматривается в историографии как явление закономерное и необходимое, то аналогичная тенденция в российской внешней политике (одной из форм проявления был «имперский панславизм») вызывает негативное восприятие⁵²². Между тем этот тип всеславянских представлений, возникший как рефлексия на поражение в Крымской войне, отражает сложный процесс самоопределения российского общества в общей европейской системе⁵²³.

⁵²² *Kroll F.-L.* Op. cit. S. 575–577 ; *Porter A.* Op. cit. P. 69–77.

⁵²³ *Pavlenko O.* Rußland und die Donauslaven, 1848–1871 // *Der Austroslavismus / A. Moritsch* (Hg.). Wien ; Köln ; Weimar, 1996. S. 161–166 ; *Павленко О. В.* Культурные и политические аспекты «православной миссии» России в землях австрийских славян в XIX веке // *Российское общество и зарубежные славяне в XVIII – начале XIX века / отв. ред. Л. П. Лаптева.* М., 1992. С. 89–105.

27 октября 1854 г. фрейлина великой княгини Марии Александровны, жены будущего императора Александра II, Анна Тютчева стала свидетельницей их разговора по поводу конфиденциального сообщения от посла в Вене А.М. Горчакова. Она записала в дневнике: «Они говорили, что Россия никогда не будет у себя хозяйкой, пока не получит Дарданеллы, что естественными союзниками России являются славянские народы, которые во что бы то ни стало нужно вырвать из-под ига Турции и образовать из них самостоятельные государства. Оба критиковали принципы Священного союза»⁵²⁴.

Подобные мысли приходили в голову не только наследнику престола, они расходились кругами по российскому обществу. Первым, кто назвал Крымскую войну «крестовым походом» славян во главе с Россией против Запада, был профессор Московского университета М.П. Погодин. Еще в 1851 г. он предсказывал неизбежное столкновение России с Западом, в котором победа будет за русскими: «Россия отделится тогда от Европы целой стеной союзных с нею государств славянских, и могла бы делать у себя дома, что угодно, пользуясь силами всего союза»⁵²⁵. Правда, признание это было сделано не публично, а в письме к поэту Ф.И. Тютчеву, разделявшему его взгляды на мировую миссию Российской империи и славянства.

Во время Крымской войны все запреты на славянские темы, действовавшие в России со времени рескрипта Министерства просвещения 1847 г., рухнули. «Политические письма», написанные М.П. Погодиным во время и после завершения военных действий, приобрели большую популярность. Эти страстные обличительные памфлеты передавались в тысячах рукописных экземплярах и разлетались по всей стране. М.П. Погодин, с болью воспринимавший военные неудачи, обрушивался с критикой на прежнее царствование Николая I, а также на европейский Запад. Во многом благодаря его политическим письмам славянская тема вновь была введена в общественные дискуссии. Те мысли и чувства, которые в меру осторожный М.П. Погодин не рисковал выразить публично, со свойственным ему пафосом были изложены в переписке с Ф.И. Тютчевым.

Оба были консерваторами, приверженцами трона, патриотизм которых подпитывался идеей Великой Российской Империи. Оба тяжело переживали поражение в Крымской войне и остро чувствовали глубину общественной травмы, геополитическое «одиночество» России в условиях дипломатической изоляции. Именно в этой среде интеллектуалов и аристократов, скрепленной консервативными ценностями, приверженностью к исторической традиции, возникло новое течение политической

⁵²⁴ Тютчева А. Р. При дворе двух императоров. С. 75–76.

⁵²⁵ Погодин М. П. Письмо о Польше 1851 г. // Погодин М. П. Польский вопрос : собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М., 1867. С. 40.

мысли, которое впоследствии получало разные названия – «панславизм», «панруссизм», «неославянофильство». На мой взгляд, наиболее точный термин, отражающий суть консервативно-державных воззрений, – «имперский панславизм». Под ним понимается система ценностных установок, в соответствии с которой Россия мыслилась как ядро консолидации славянского мира, объединявшего отечественные и зарубежные славянские народы.

Как правило, панславистские модели (а их было немало) выстраивались в двух проекциях – современное состояние «славянского мира» и его великое будущее. В основе панславистских конструкций имперского типа лежала идея Великого Российского государства, которое обязано защищать «угнетенных славянских братьев», подданных Османской империи и монархии Габсбургов. Имперский панславизм был, по сути, проектом возвышения России и создания пояса государств – лимитрофов в форме Славянского союза между «славянским» и «германским» мирами. Подобная конструкция в политической мысли России могла возникнуть только под влиянием глубокой исторической травмы, которую нанесла Крымская война. Это была своеобразная форма самозащиты от «враждебного Запада», который мыслился как основной источник геополитических страхов для российского общества.

В основу имперского панславизма легли идеи Ф.И. Тютчева, выраженные им в трактатах конца 1840-х гг. и переписке с политиками, журналистами, влиятельными аристократами из консервативной среды. К официальной формуле российской державности Ф.И. Тютчев прибавил еще одно звено – «славянство». В трактате «Россия и Запад» (1850) он сформулировал эти представления в лаконичной формуле: «Империя едина: Православная церковь – ее душа, славянское племя – ее тело. Если бы Россия не пришла к Империи, то она зачахла бы (...). Церковь, освящая Империю, приобщила ее к себе, следовательно, сделала ее окончательной». Православие трактовалось как моральная основа имперской государственности России: «Вопрос племенной лишь второстепенный или скорее это не принцип. Это стихия. Принципом является православная традиция. Россия гораздо более православная, нежели славянская»⁵²⁶.

Для Ф.И. Тютчева понятие «империя» раскрывало суть диалектики России – пятой и окончательной, как он считал, имперской державы в истории человечества. Подтверждение незыблемости Российской империи он видел в Православии: «Церковь, освящая Империю, приобщила ее к себе, след(овательно), сделала ее окончательной». Россия должна в своем развитии пройти три ступени. Первую – Российская империя в ее

⁵²⁶ Тютчев Ф. И. Россия и Запад // Литературное наследство. М., 1988. Т. 97, кн. 1 : Федор Иванович Тютчев / отв. ред. С. А. Макашин [и др.]. С. 205–225.

современном состоянии. Вторую – «Империя Востока – это Россия в окончательном виде». Под этой формулировкой он понимал «поглощение Австрии» (*l'absorption de l'Autriche*) и разрешение восточного вопроса путем поглощения Османской империи. Наконец, третью ступень – установление мирового господства: «Мы приближаемся ко вселенской монархии, т. е. восстановлению законной империи»⁵²⁷. В набросках к разделу «Австрия» Ф.И. Тютчев доказывал ее нежизнеспособность и делал вывод: «Вопрос для австрийских славян сводится к следующему: либо оставаться славянами, сделавшись русскими, либо оставаться немцами, оставаясь австрийцами»⁵²⁸.

В 1886 г. И.С. Аксаков объяснял смыслы в трактате Ф.И. Тютчева, особо подчеркивал, что речь не шла о государственности, а только о принятии православия зарубежными славянами в качестве доказательства их нерасторжимой связи с Россией. Выражение «стать русскими» вовсе не означало русификацию и потерю их национальной идентичности⁵²⁹. Тем не менее, трактат Ф.И. Тютчева «Россия и Запад», пусть незавершенный и сохранившийся лишь в предельно откровенных тезисах, можно считать первой декларацией имперского панславизма. Недаром, перечисляя современные ему формы панславизма, поэт называл «истинным панславизмом» общение русского солдата «с первым попавшимся ему славянским крестьянином, словаком, сербом, болгариним и т. п., даже мадьяром (...) все они солидарны между собой по отношению к немцу»⁵³⁰.

В своем воображении Ф.И. Тютчев рисовал картину мирового величия России, не имевшую ничего общего со сложными дипломатическими конструкциями, которыми занималось Министерство иностранных дел. Дистанция между геополитическими рефлексиями, модными в славянолюбивой среде, и реальной политикой России в европейских делах была огромной. Однако эти наброски раскрывают логику геополитического имперского мышления. Именно имперский панславизм стал наиболее заметным явлением из огромного круга теорий славянской взаимности, которыми периодически увлекались различные круги российского общества.

На примере трактата Ф.И. Тютчева можно проследить особую логику великодержавного панславизма. В соединении имперского принципа со славянской идеей на первый план выступало этатистское мировоззрение. Унаследованное еще от прошлого видение мира сквозь призму дихотомии «Россия – Запад», обостренное европейскими

⁵²⁷ Там же. С. 207.

⁵²⁸ Тютчев Ф. И. Россия и Запад. С. 179–200.

⁵²⁹ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 215–216.

⁵³⁰ Ф. И. Тютчев отдельно выделял «панславизм, ставший достоянием революционной фразеологии», имея в виду идеи М. Бакунина и Пражский съезд 1848 г. Другую форму он видел в «литературном панславизме», созданным немецкими теоретиками и идеологами. Третью – в «истинном панславизме».

конфликтами, вызывало в среде консервативно настроенных интеллектуалов стремление оградить «исконные ценности» и, более того, распространить их на весь «славянский мир». Речь шла о специфической логике власти ради власти: Россия – центр славянства, следовательно, Австрия, вбиравшая в себя центральноевропейское пространство, воспринималась как препятствие к вожделенному русско-славянскому воссоединению и утверждению всеславянской монархии. Если основным принципом понимания всеславянства австрийскими славянами было «своеобразие в гармонии», то в основе имперского панславизма лежала идея «гармония в единстве», которая должна привести к созданию единого славяно-русского государственного народа.

Исследователи творчества Ф.И. Тютчева полагают, что поражение России в Крымской войне произвело на него такое сильное впечатление, что сам он больше не возвращался к мыслям о мировом господстве⁵³¹. В октябре 1855 г. он писал М.П. Погодину: «Теперь, как бы ни было грустно и больно, вот вам мое задушевное и роковое убеждение о настоящем кризисе: дело идет не о России одной, но о целом племени. Удержит ли оно за собою свою историческую самостоятельность для будущего развития или окончательно погубит и утратит ее. Более тысячи лет готовилась нынешняя борьба двух великих Западных племен противу нашего. (...) ...от исхода предстоящей битвы зависит решение вопроса: которая из двух самостоятельности должна погибнуть: наша или Западная; но одна из них должна погибнуть непременно – быть или не быть, мы или они»⁵³². В этих размышлениях были заложены идеи, которые постепенно превратились в самореализуемое пророчество. Дихотомия «Россия – Запад» после Крымской войны преобразовалась из философской абстракции в геополитическую проекцию «вековой вражды» и «векового противостояния». Подобная утрированная форма со второй половины XIX века возникала всякий раз, когда обострялись ее отношения с западными державами.

Идеи Тютчева нашли прямое отражение в «Историко-политических письмах» М.П. Погодина. Правда, в них не было убеждения в исторической вражде России и Запада, которое было свойственно воззрениям Ф. Тютчева. Мысли М.П. Погодина были гораздо проще и прагматичнее. Но достижение в будущем «второй ступени», по выражению Ф. Тютчева – «России в окончательном виде», было настолько близко М.П. Погодину, что он рискнул даже представить в будущем создание Славянского союза на руинах Австрийской и Османской империй. М.П. Погодин так описывал его в письме к

⁵³¹ Кожин В. В. Незавершенный трактат «Россия и Запад» // Литературное наследство. Т. 97, кн. 1. С. 175.

⁵³² Ф. И. Тютчев – М. П. Погодину, 11 окт. 1855 г. // Там же. С. 422.

Ф.И. Тютчеву: «Русские Великие князья на престолах Богемии, Моравии, Венгрии, Кроации, Славонии, Далмации, Сербии, Болгарии, Греции, Молдавии, Валахии, а Петербург – в Константинополе»⁵³³. Для этого было необходимо, по его мнению, решить польский вопрос, предоставив полякам автономию в границах Российской империи, заключить союз с Францией и начать системную славянскую политику, поддерживая национальные устремления зарубежных славян против их правительств. Только тогда, по его мнению, «Россия опять станет страшной Западу, вместо того, чтобы теперь страшнее ей Запад»⁵³⁴. Ф.И. Тютчев пытался издать политические письма М.П. Погодина, используя обширные придворные связи, действуя через председателя Государственного совета графа Д.Н. Блудова. Но разрешения на публикацию так и не получил. Через несколько лет эти тексты были выпущены за границей и вызвали шквал обвинений России в панславистском заговоре и экспансионизме⁵³⁵.

Конечно, ни реальных возможностей, ни ресурсов, ни желания осуществлять подобный геополитический проект императорский двор не имел. Панславистские мечтания Ф.И. Тютчева и М.П. Погодина были настолько оторваны от действительности, что их можно расценивать только как определенную компенсацию за травму поражения. Правда вскоре М.П. Погодин быстро сменил акценты в публичных посланиях в соответствии с новым государственным курсом. Панславистский мессианизм был не слишком уместен в начальный период подготовки реформ. Теперь в ряде писем («О влиянии внешней политики на внутреннюю», «О русской политике на будущее время») М.П. Погодин писал о необходимости придерживаться принципа невмешательства, отстраниться от европейских дел и направить усилия на Восток – «осваивать азиатскую часть, налаживать транспортные сообщения, начать добычу полезных ископаемых, стать транзитным государством между Японией, Китаем и Европой»⁵³⁶.

В 1859 г. М.П. Погодин обратился с письмом во французскую редакцию газеты «Ле Норд», в котором призывал к созданию новой европейской системы, основанной на

⁵³³ *Погодин М. П.* Сочинения М. П. Погодина. М., 1874. Т. 4 : Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853–1856 гг. С. 301.

⁵³⁴ М. П. Погодин – Ф. И. Тютчеву. Письмо XVIII // Сочинения М. П. Погодина. Т. 4. С. 301. В передовых статьях «Московских ведомостей» этот подход нашел отражение: МВ. 1866. 29 июня (№ 135), 7 июля (№ 140), 12 июля (№ 145). МВ. 1867 ; Голос. 1867. 3 (15) мая (№ 121). Как правило, «славянская взаимность» трактовалась как некая особая духовная связь, присущая сознанию каждого славянина. При этом подчеркивалась «материальная слабость» зарубежных славян, неразвитость их государственного опыта, неспособность к самостоятельным политическим действиям.

⁵³⁵ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1901. Кн. 15. С. 109–110 ; *Погодин М. П.* Письма и статьи М. Погодина о политике России в отношении славянских народов и Западной Европы. Paris, 1860–1861. Ч. 1–3.

⁵³⁶ *Погодин М. П.* Письмо XVI // Сочинения М. П. Погодина. Т. 4. С. 249 ; *Его же.* Письмо XV // Там же. С. 239–243.

принципе невмешательства и взаимной помощи, признании прав «малых» народов и совместной разработке полезных ископаемых на территориях Азии и Африки. Ведущие государства вместе с Россией могли бы «приготовить новые для себя рынки, избавляясь от лишнего народонаселения, пристроив к месту несчастных своих пролетариев»⁵³⁷.

В целом, «Историко-политические письма» М.П. Погодина представляли собой своеобразную смесь критики внутренней и внешней политики Николая I и утопических картин всеславянской империи. Если в 30–40-е гг. XIX в. в российской консервативной мысли образ «Запада» разлагался под ударами революционных движений, индивидуализма, религиозных распрей, то после Крымской войны упор делался на непримиримую враждебность европейских стран по отношению к России. Это и рождало мысль, что Россия только тогда будет в безопасности, если сама будет «страшна» Западу. Славянофильский постулат о противоположности двух цивилизационных начал теперь уже трактовался как гарантия «славянского мира» от социальных катаклизмов. Но зерна упали на подготовленную почву. Идеи имперского панславизма оказались востребованы в кругу политических консерваторов – государственников, к которым относилась и так называемая «русская партия».

В отличие от М.П. Погодина, чутко менявшего взгляды в зависимости от политических веяний при дворе, Ф.И. Тютчев оставался верен убеждению о фатальной враждебности Запада по отношению к России. Он доказывал, что это «должно жить и действовать в нас, как инстинкт и как сознание». В шестидесятые годы Ф.И. Тютчев предсказывал, что «этот умиротворенный Запад неминуемо и совершенно логично опрокинется на нас всем грузом европейской коалиции. (...) Борьба, следственно, неизбежна. Это будет первая сознательная племенная война между составными частями Европы Карла Великого, т. е. первый шаг к ее разложению, и этим самым определится мировой поворот в судьбах Европы Восточной»⁵³⁸.

На первый план в рассуждениях Ф.И.Тютчева выступила «племенная» несовместимость. Если раньше он видел в России единственную силу, способную уничтожить любую революцию во имя спасения европейских монархий, то теперь доказывал необходимость самообороны России от враждебного Запада. Бастионом должна была стать «Восточная Европа», присоединенная к России: «Для органичного строя всей этой области православного Востока, или, лучше сказать, всей Восточной Европы, пора бы, наконец, понять, хоть нам, по крайней мере, что тут нет мести

⁵³⁷ *Его же*. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867) // Сочинения М. П. Погодина. М., 1876. Т. 5. С. 11.

⁵³⁸ Ф. Тютчев – И. Аксакову, Санкт-Петербург, 16 апр. 1867 г. // Литературное наследство. Т. 97, кн. 1. С. 292–293.

отдельным державам, как в Западной Европе – что для всех этих земель и племен нет и быть не может законной Верховной Власти вне России, вне русского единодержавия, и что всякая попытка созидать там какие бы то ни было организации, отрешенные от нас, от органической солидарности с нами, – никогда ни к чему не поведут, т. е. ни к чему прочному»⁵³⁹.

Эти мысли, выраженные в письмах к ведущему журналисту «Московских ведомостей» А.И. Георгиевскому, настойчиво повторялись Ф.И. Тютчевым не случайно. Ему было важно увидеть их в передовых статьях самой популярной и влиятельной газеты России. Он настаивал, чтобы «Московские ведомости» поставили перед русским обществом вопрос о судьбе 18 миллионов «славянского племени, над которыми австрийская опека упраздняется»: «Может ли Россия без самоубийства передать их всецело немцам?»⁵⁴⁰ И действительно, его идеи были использованы А.И. Георгиевским в передовых статьях «Московских ведомостей» летом 1866 г.⁵⁴¹

В январе 1867 г. Ф.И. Тютчев в письме к И.С. Аксакову горячо критиковал статью С.М. Соловьева «Восточный вопрос», опубликованную в журнале «Москва». В ней предсказывалось, что балканские славяне, освобожденные из-под власти Турции, смогут создать независимые государства. Тютчев писал, что автор не знаком с особенностями славянских народов – «живой, органической связью одного целого» вместе с Россией, без которой невозможно их самостоятельное существование⁵⁴².

В феврале 1867 г. Наполеон III провозгласил право народов, разделенных границами нескольких государств на воссоединение, бросая вызов России, Австрии и Пруссии, неоднократно деливших между собой польские земли. Ф.И. Тютчев советовал И.С. Аксакову сразу воспользоваться этим аргументом: «Основываясь на этих словах, можно составить подлинный манифест панславизма, который таким образом заявит о себе во всеуслышание»⁵⁴³. Действительно, Иван Аксаков на страницах «Москвы» заявил о славянском ирредентизме: «Не чрез поглощение славян Россией, но чрез объединение славян силой объединяющего начала, представленного Россией, только Россию, возможно возрождение славянского мира»⁵⁴⁴.

⁵³⁹ Ф. Тютчев – А. Георгиевскому, Санкт-Петербург, 15 фев. 1866 г. // Там же. С. 398.

⁵⁴⁰ Ф. Тютчев – А. Георгиевскому, 7 мая 1866 г. // Там же. С. 404 ; 26 июня 1866 г. // Там же. С. 410; 3 июня 1866 г. // Там же. С. 311.

⁵⁴¹ Московские ведомости. 1866. 29 июня (№ 135), 12 июля (№ 145).

⁵⁴² Ф. Тютчев – И. Аксакову, Санкт-Петербург, 5 янв. 1867 г. // Литературное наследство. М., 1989. Т. 97, кн. 2. С. 281.

⁵⁴³ Ф. Тютчев – И. Аксакову, Санкт-Петербург, 8 фев. 1867 г. // Там же. С. 287.

⁵⁴⁴ Москва. 1867. 16 фев. (№ 38).

По силе своего убеждения и логике Ф.И. Тютчев мог бы создать в 1860-е гг. программное сочинение об имперском панславизме, но предпочитал оставаться в тени. Между тем он обладал высокими придворными связями. Его дочь Анна была фрейлиной при императорском дворе, сам он неоднократно встречался с канцлером А.М. Горчаковым, имел доверительные отношения с влиятельными журналистами – И.С. Аксаковым, А.И. Георгиевским и М.Н. Катковым. В переписке поэт щедро делился с ними своими идеями, недаром отголоски его мыслей можно найти в передовых статьях «Дня», «Москвы», «Московских ведомостей»⁵⁴⁵.

Федор Тютчев был ярким представителем избранного круга русских консерваторов, который вращался в аристократических салонах графини Антонины Дмитриевны Блудовой, разделявшей во многом взгляды Ф.И. Тютчева и И.С. Аксакова на славянский вопрос. Ее отец – граф Д.И. Блудов также слыл славянолюбом. С 1861 по 1864 г. он был Почетным президентом и попечителем Славянского благотворительного комитета. Этот круг высшей аристократии и консервативно мыслящих интеллектуалов поддерживала сама императрица Мария Александровна. Дипломат Ю.С. Карцев в своих воспоминаниях подчеркивал, что ее окружению были свойственны идеи славянского освобождения: «Императрица Мария Александровна была хоть и несколько маскированным, но влиятельным фактором тогдашнего политического положения. (...) Свое понимание России и ее политических целей Государыня заимствовала из того своеобразного символа, который в увлекательной форме выражен в поэтических произведениях А.С. Хомякова, Ф.И. Тютчева. (...) Она была убеждена, что освобождение единоверных славян – историческое призвание России, и есть дело любви, а не корысти»⁵⁴⁶.

Все они входили в круг политиков, аристократов, интеллектуалов-публицистов и профессоров университетов, которых в 1860-е гг. называли «русской партией». Это название неоднократно можно встретить в дипломатических и придворных документах второй половины XIX в. Хотя оно весьма условно. Конечно, это была не партия, а среда образованных людей, патриотично настроенных, отдававших предпочтение традиционным ценностям. Они были искренне убеждены в том, что российское

⁵⁴⁵ *Досталь М. Ю.* Славянский вопрос в творчестве и общественно-политической деятельности Ф. И. Тютчева // *Общественная мысль и славистическая историография / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики [и др.]. Калинин, 1989. С. 8–14 ; Кожин В. В.* Незавершенный трактат «Россия и Запад» // *Литературное наследство. Т. 97, кн. 1. С. 187–189 ; Благой Д. Д.* Из материалов о Ф. И. Тютчеве (письма к М. П. Погодину) // *Красный архив. 1923. Т. 4. С. 383–392.* Стихотворения: «Пророчество» (1 марта 1850 г.) ; «Гр. К. В. Нессельроде» (май 1850 г.), эпитафия Николаю I (1855 г.) ; «К Ганке» (1841 г.) ; «19 февраля 1864 г.» (1864 г.) ; «Хотя б она сошла с лица земного» (1866 г.) ; «Приписка» (1867 г.).

⁵⁴⁶ *Карцев Ю. С.* За кулисами дипломатии // *Русская старина. 1908. Т. 133, ч. 1. С. 95–96.*

самодержавие – единственная форма государственности, необходимая славянским народам, которые пассивны и слабы, предназначены быть объектами исторических процессов. Россия сможет спасти их от инородной ассимиляции, только включив в свое государственное пространство или защитив под своим протекторатом.

Деятельность Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886), его влияние на общественное мнение вызывает особый интерес у исследователей. Дискуссии о перерождении «истинного славянофильства» в панславизм начались еще в середине XIX в., но и сегодня в историографии не выработано общей позиции о соотношении славянофильства и панславизма⁵⁴⁷. Как правило, исследователи предпочитают видеть в славянофильстве цельную философскую теорию соборности, возникшую в среде российских интеллектуалов-аристократов под влиянием идей европейского романтизма. Панславизм, в его имперской трактовке, так и не получил глубокого философско-исторического осмысления. Он был порожден Крымской войной и обострением Восточного кризиса и имел в российской политической мысли производное значение. По сути, имперский панславизм стал частью глубокой интеллектуальной трансформации российской идентичности второй половины XIX в.

Несмотря на издание эпистолярного наследия и многочисленные упоминания И.С. Аксакова в трудах по истории политической мысли России во второй половине XIX в.⁵⁴⁸, до сих пор в отечественной историографии нет общего мнения о том, кем же был этот выдающийся публицист, обладавший неукротимой энергией, своеволием, искренней убежденностью и огромной работоспособностью. Поздним славянофилом или апологетом имперского панславизма? Православным пропагандистом или христианским историософом?

И.С. Аксаков представлял второе поколение семьи «истинных славянофилов», где тема «Россия и славянство» вызывала самое живое и трепетное отношение. Его брат К.С. Аксаков в рукописи «О Восточном вопросе» пытался соединить философские рассуждения А.С. Хомякова о всеславянстве с реальными интересами России на

⁵⁴⁷ См.: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. 262 с.; *Его же*. Славянофильство : из истории русской общественно-политической мысли XIX века. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 74–133 ; *Ivantyšinová T. Slovanský Zjazd v Moskve 1867 v kontexte vz'uhov ruských slavianofilov k Čechom a Slovákom // Slovanské štúdie*. 1979. Т. 20. S. 87–124.

⁵⁴⁸ *Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849*. М., 1988. 704 с.; *Его же*. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. 653 с.; Иван Сергеевич Аксаков в его письмах : эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой. М., 2003–2004. Т. 1–3 ; *Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность*. М., 2008. 636 с.; *Его же*. О державности и вере. Минск, 2010. 607 с.; Иван Аксаков в воспоминаниях современников / сост., предисл. и коммент. Г. Н. Лебедевой. М., 2014. 535 с.; *Фурсова Е. Б. И. С. Аксаков : апология народности и самодержавия*. М., 2006. 243 с.

Балканах⁵⁴⁹. Не только братья Аксаковы, но и другие славянофилы – например, А.И. Кошелев и Ю.Ф. Самарин – путешествовали по славянским землям, пытаясь понять, как могут быть связаны между собой народы, говорившие на близком к русскому языках. Но наиболее деятельным человеком из славянофильского круга оказался И.С. Аксаков.

В начале 1860-х гг. он активно занялся издательской деятельностью, чтобы объединить сторонников идеи славянской взаимности в российском обществе и развивать панславистские представления. На страницах своих изданий «День» (1861–1865) и «Москва» (1867–1868) он публиковал не только сведения о текущей ситуации в землях зарубежных славян, но и теоретические рассуждения о славянской взаимности. В отличие от Ф.И. Тютчева, который считал, что будущее славянского мира будет решаться в Центральной Европе при распаде Австрийской империи, И.С. Аксаков доказывал особую стратегическую значимость Балкан для интересов России. Для него важное значение имела диалектика религиозного противостояния «мира Славянского вообще и мира Православного в особенности» с Западом – «Римско-Католическим и Протестанским». Конфессиональный фактор был ключевым в его воззрениях. Дихотомия «Россия – Запад» трактовалась И.С. Аксаковым как «антагонизм двух противоположных духовно-просветительских начал и зависть дряхлого мира к новому, которому принадлежит будущность»⁵⁵⁰. Он предсказывал неизбежность столкновения двух «миров» на Балканах. Перед грядущей угрозой зарубежным славянам, особенно южным, необходимо сплотиться вокруг России.

Дискурс «всеславянского братства» проходил через все его тексты. В отличие от М.П. Погодина, он не менял своих взглядов в зависимости от правительственного курса. Будучи убежденным патриотом, действовал иногда вопреки государственным интересам России, понимая их слишком буквально, не вдаваясь в тонкие дипломатические расчеты. В системе его взглядов можно выделить четыре позиции, которые он последовательно отстаивал в своей общественной деятельности: (1) «единство исторической судьбы» всех славянских народов по аналогии с понятием общей «славянской родины», изобретенным Яном Колларом; (2) «высшее духовное объединение в вере», что означало принятие православия всеми славянскими народами; (3) духовная связь славян с Россией, «без которой их собственное развитие и преуспевание – немыслимо и невозможно»; (4)

⁵⁴⁹ Аксаков К. С. О Восточном вопросе // РГАЛИ. Ф. 10 (Аксаковы). Оп. 1. Ед. хр. 212.

⁵⁵⁰ Аксаков И. С. Славянский вопрос. 1860–1886 // Собрание сочинений И. С. Аксакова. М., 1886. Т. 1. С. 40–45, 97; *Его же*. Славянский обзор // День. 1861. № 1 (15 окт.).

нравственный долг России перед славянами – помогать и способствовать их полноценному развитию⁵⁵¹.

Будучи глубоко верующим человеком, И.С. Аксаков был искренне убежден в том, что именно православие должно стать скрепой всего славянского мира. Это представление, унаследованное от славянофильского учения, было усилено им в формуле: вероисповедание – есть критерий «истинного славянства». Неудивительно, что он делал различие между южными славянами – «единоверными братьями» (болгарами, сербами) и западными, находившимся под влиянием «латинской пропаганды»⁵⁵².

В 1860-е гг. И.С. Аксаков выступал решительным противником сближения России с монархией Габсбургов. В серии статей за 1864–1865 гг. он доказывал, что российско-австрийское соглашение обязательно повлечет расхождение с «естественными и единственными нашими союзниками – славянами»⁵⁵³. Чешское движение, ориентированное на федерализацию монархии Габсбургов, вызывало у него резкую критику, поскольку он не верил в ее будущее: «роковая сила влечет ее к неминуемой гибели», а чешские планы неминуемо натолкнутся на сопротивление венгров – «племени энергичного и воинственного». Еще в 1865 г. он точно предсказал, что верх в политической борьбе в монархии Габсбургов одержит «союз немецкого и мадьярского элементов, единственно серьезных политических элементов в Империи»⁵⁵⁴.

Нельзя отказать И.С. Аксакову в способности глубоко понимать политические процессы, происходившие в землях зарубежных славян. Он не испытывал иллюзий относительно австрийских славян в их борьбе за равноправный статус, поскольку видел, что они разобщены, не имеют опыта политической борьбы и не смогут выработать общую программу действий⁵⁵⁵. Видел выход для них – только в консолидации с Россией: «Но до тех пор нельзя ожидать благоприятного поворота судьбы для Австрийского Славянства, пока оно не найдет для себя общей родной почвы, пока не придет к полному сознанию духовной общности и Славянских начал и не выйдет из того духовного с нами противоречия, в которое, как мы показали выше, погружены многие из Славянских

⁵⁵¹ Публикации И. С. Аксакова в «Дне», собранные в сборнике «Славянский вопрос» (далее – СВ): Москва, 13 ноября 1865 г. // СВ. С. 46–49 ; Славянский обзор (День. 1861. № 1) // СВ. С. 9 ; Славянский обзор (День. 1861. № 3) // СВ. С. 10 ; 11 мая 1862 г. в Москве (День. 1862. № 33) // СВ. С. 14. Публикации И. С. Аксакова в «Москве»: Москва, 6 января 1867 г. // СВ. С. 96 ; Москва, 18 января 1867 г. // СВ. С. 108–109 ; Москва, 19 января 1867 г. // СВ. С. 113 ; Москва, 5 февраля 1867 г. // СВ. С. 122–123 ; Москва, 11 февраля 1867 г. // СВ. С. 130–131 ; Москва, 21 февраля 1867 г. // СВ. С. 142.

⁵⁵² Аксаков И. С. Сочинения И. С. Аксакова. М., 1886. Т. 3 : Польский вопрос и западно-русское дело ; Еврейский вопрос : статьи из "Дня", "Москвы", "Москвича" и "Руси". 844 с.

⁵⁵³ Москва, 30 мая (День, 1864) // СВ. С. 44 ; Москва, 13 ноября (День, 1865) // СВ. С. 49.

⁵⁵⁴ Москва, 13 ноября (День, 1865) // СВ. С. 49.

⁵⁵⁵ Москва, 18 февраля (Москва, 1867) // СВ. С. 136.

племен, например Чехи. Славянская Федерация, о которой мечтают Чехи, возможна будет только тогда, когда отыщется для нее высшее политическое, но Славянское же, – не отвлеченное, а живое и действительно сущее начало»⁵⁵⁶.

Большое внимание уделялось обоснованию исторического существования особой «славянской расы». Тезис о «кровном родстве» всех славян, поддержанный славянофилами, получил в трудах И.С. Аксакова дополнительную аргументацию. Понятие «народ», по его мнению, включало не только общий язык и «физиологические характеристики», но прежде всего духовно-нравственную общность, передающуюся каждому поколению⁵⁵⁷.

И.С. Аксаков пытался найти возможные пути сближения славян с Россией. Основное условие для поддержки со стороны России он видел в принятии православия. Стоит отметить, что Ф.И. Тютчев также считал вероисповедание важнейшим фактором процесса консолидации славянского мира вокруг России. Но в отличие от своего тестя, Иван Аксаков не был государственным деятелем. Более того, весьма критично относился к правительственной политике в отношении зарубежных славян. В письмах к графине А.Д. Блудовой он сетовал в 1862 г. на постоянные проблемы с цензурой из-за слишком откровенных публикаций о славянах на страницах «Дня». Для него было важно, чтобы люди одного мировоззрения, желавшие благо славянам и России, держались вместе. Но официальные круги, по его мнению, не могли осознать «истинных потребностей» страны⁵⁵⁸. Его надежды и разочарования, активная общественная деятельность в Славянском благотворительном комитете, обширное публицистическое и эпистолярное наследие сыграли большую роль в распространении панславистских воззрений в российском обществе. В отличие от Федора Тютчева, избегавшего публичности, Аксаков в силу необыкновенной деятельной натуры был постоянно в фокусе общественного внимания.

К этому же славянолюбивому кругу относился видный ученый-славист и дипломат Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872). Вскоре после окончания Московского университета в 1853 г. он был назначен русским консулом в Боснии (1856–1859) в самое тяжелое время после Крымской войны. Потом работал в Азиатском департаменте МИДа. Среди дипломатов именно этого департамента, которым приходилось распутывать сложные хитросплетения Восточного вопроса на Балканах, было немало искренних

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Аксаков И. С. Славянский вопрос. С. 97.

⁵⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 72 (Блудовы). Оп. 2. Ед. хр. 12 ; ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 2. Ед. хр. 8.

сторонников славянской взаимности. Возвышение России виделось им через славянскую интеграцию.

В 1863 г. Александр Гильфердинг вошел в состав Комитета по делам Царства Польского. Подобно Аксакову, он придавал особое значение религиозному фактору. Крымская война и европейская реакция на польское восстание 1863 г. окончательно убедили его в фатальном противостоянии «греко-славянского» и «латинского» миров. Обращение в римско-католическое вероисповедание означало для Александра Федоровича отрешение от исконных славянских начал. В своих научных трудах он доказывал, что принятие католицизма для западных славян стало причиной падения их государственности⁵⁵⁹. Соответственно, интерпретация А.Ф. Гильфердингом чешской и польской истории строилась на концепции постоянной борьбы, которую вели западные славяне, чтобы вырваться из «оков Западного мира» и защитить свою исконную «внутреннюю стихию»⁵⁶⁰.

Он искренне верил, что панславизм, возникнув в среде западнославянской интеллигенции как самозащита от западного мира, постепенно войдет в коллективное сознание России, где «в наибольшей полноте жизнью народною общественные стихии славянского организма и где поколение славянское проявило себя не только пассивным самосохранением, но и деятельным строением общественным и государственным, и открыло в себе поприще всемирно-историческое»⁵⁶¹. А.Ф. Гильфердинг, как и И.С. Аксаков, был убежден в том, что православие, принятое всеми славянскими народами, дало бы мощный импульс всемирно-исторической миссии «греко-славянского мира» под эгидой России.

Наиболее полное воплощение теория «миров» получила в научных и публицистических сочинениях Владимира Федоровича Ламанского (1833–1914), профессора Петербургского университета, создавшего влиятельную научную школу в

⁵⁵⁹ *Гильфердинг А. Ф.* Очерк истории Чехии // Собрание сочинений А. Гильфердинга. СПб., 1868. Т. 1. С. 346–409 ; *Его же.* Письма об истории сербов и болгар. М., 1855. С. 25 ; *Его же.* Польский вопрос // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 2. С. 295–335 ; *Его же.* Значение Кирилла и Мефодия в современности // Там же. Т. 1. С. 334–340. О А. Ф. Гильфердинге писала Л. П. Лаптева: *Лаптева Л. П.* Сотрудничество А. Ф. Гильфердинга с журналом «Русская беседа» (1856-1860) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати / редкол.: С. И. Данченко (отв. ред.) [и др.]. М., 2014. С. 115–127 ; *Ее же.* Гильфердинг А. Ф. // Императорский Московский университет, 1755–1917 : энциклопедический словарь / авт. проекта, сост.: А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М., 2010. С. 163–164 ; *Ее же.* Русский славист А. Ф. Гильфердинг как исследователь лужицких сербов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2009. Т. 4 : Россия и славянские народы во времени и пространстве. С. 151–160.

⁵⁶⁰ *Гильфердинг А. Ф.* Значение Кирилла и Мефодия в современности. С. 334–335.

⁵⁶¹ Там же. С. 339–340.

русском славяноведении⁵⁶². В его интерпретации «миры» представляют собой целостные религиозные системы, противостоящие друг другу. Помимо религиозного противостояния, он обращал особое внимание на историческую хронометрию. Диалектика каждого из «миров», по его мнению, имела собственный ритм и динамику, которые определяли качество социокультурных, экономических и политических преобразований в них. В.И. Ламанский акцентировал идею несовпадения исторических возрастов «западно-европейского» и «славяно-русского» миров. Проведя большое сравнительное хронологическое исследование, он пришел к выводу: «Таким образом, можно сказать, без преувеличения, что нынешний XIX век есть для нас собственно то, чем были для романо-германской Европы XIV–XV вв.»⁵⁶³.

Такой своеобразный подход к процессам модернизации был использован им для ответной критики немецким ученым и публицистам, обвинявшим славянские народы в отсталости. Эта «отсталость» являлась, по его мнению, не недостатком, а, напротив, значительным преимуществом. Славяне и Россия могут использовать опыт более зрелого «западного мира», избегая его ошибок и потрясений. Тем более он был убежден, что «русско-славянский мир» обладает неоспоримыми нравственными преимуществами.

В.И. Ламанский отдавал должное славянофилам И.В. Киреевскому и А.С. Хомякову, признавая их «величайшую заслугу строгого определения отношений нашего просветительского начала к началам Латинско-Протестантского мира»⁵⁶⁴. В отличие от И.С. Аксакова и А.Ф. Гильфердинга, он считал, что не столько единое вероисповедание, сколько общий язык мог бы стать инструментом для консолидации славянского мира. В шестидесятые годы Владимир Иванович особенно активно выступал за идею русского языка как общеславянского – «орган науки и высшей образованности, язык

⁵⁶² О В. И. Ламанском см.: *Робинсон М. А.* Отражение славянофильских концепций в работе В. И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» // *Общественная мысль и славистическая историография.* С. 22–28 ; *Саприкина О. В.* Академик В. И. Ламанский: «патриарх русского славяноведения» // *Новый исторический вестник: избранное, 2000–2004 / гл. ред. С. В. Карпенко.* М., 2004. С. 60–84 ; *Князев Г. М.* Славянский «восточный» вопрос в определении В. И. Ламанского // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1916. Ч. 65. Сентябрь. С. 1–26 ; Ч. 65. Октябрь. С. 45–69 ; Ч. 66. Ноябрь. С. 1–34 ; Ч. 66. Декабрь. С. 50–101 ; *Лантева Л. П.* Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) (к столетней кончине знаменитого слависта) // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2014. Т. 9. С. 47–59 ; *Ее же.* Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) и его ученики // *Славяноведение.* 2014. № 6. С. 82–96.

⁵⁶³ *Ламанский В. И.* Изучение славянства и русское народное самосознание // *Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете.* СПб., 1867. Чтение 1. С. 12.

⁵⁶⁴ Там же. С. 19–22.

дипломатический с сохранением своих наречий и словесностей для местного употребления»⁵⁶⁵.

Принятие единого языка он связывал с идеей «общего славянского союза», особенно популярной в круге русских панславистов. Славянский союз должен формироваться параллельно германскому объединению, которое в шестидесятые годы набирало силу вокруг Пруссии. Патриоты-государственники активно пропагандировали идею славянского союза или федерации, ядром которой должна стать Россия. В.И. Ламанский не скрывал, что главным для него является приоритет России («без гегемонии неосуществимо ни одно народное единство»): «Величие же и благосостояние России и может и должно выражаться в широком, свободном развитии ее образованности, народного богатства и политического могущества. Образованность, гражданственность и внешняя политика каждой страны стоят теперь в самой тесной внутренней связи»⁵⁶⁶.

В.И. Ламанский много путешествовал по славянским землям в 1862–1864 гг., состоял в переписке со славянскими учеными, достаточно глубоко знал об их внутренних проблемах. Конечно, он не испытывал иллюзий о безусловном русофильстве зарубежных славян. Более того, точно подмечал, что происходит «борьба двух неизбежных начал в каждом великом племени – сил центробежной и центростремительной, началах и гегемонии, и автономии». Само понятие «славянство» – «книжный термин», в действительности же оно распадается на девять отдельных народностей, каждая из которых находится «в самых неблагоприятных обстоятельствах, в духовной зависимости от иноплеменных национальностей и народностей, (...) враждебно расположенных между собой, как от исключительного чувства племенной автономии, провинциальной ревности и зависти, так и от различия вероисповедания»⁵⁶⁷.

Подобно И.С. Аксакову, он различал южных славян – «единоверных братьев» и западных, которые «недооценивают силу немецкой духовной ассимиляции». Отсюда довольно критично отношение к австрийским славянам, во многом из-за личных впечатлений во время путешествий, но и по религиозным причинам: «Корень бессилия и ничтожества славян заключается в том, что они, принадлежа к всемирно-историческому племени, одушевлены и проникнуты честолюбием всемирно-исторических народов», но лишены собственной богатой литературы и образованности⁵⁶⁸. Чешские ученые и

⁵⁶⁵ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб., 1865. С. 77 ; *Его же*. Сербия и южно-славянские провинции Австрии : из записок о славянских землях. СПб., 1864. С. 3–36.

⁵⁶⁶ Ламанский В. И. Изучение славянства и русское народное самосознание. С. 1–2.

⁵⁶⁷ *Его же*. Сербия и южно-славянские провинции Австрии. С. 36.

⁵⁶⁸ *Его же*. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 15.

писатели, по его мнению, плохо знают Россию, «еще менее читают русских книг, предполагая, что наша литература бедна и ничтожна в сравнении с чешской и поэтому особенно внимания с их стороны не заслуживает. Так, масса русских книг, в разное время присланная русскими в чешский музей, валяется на полках с неразрезанными страницами»⁵⁶⁹. Балканские славяне, напротив, обладают большим чувством достоинства, патриотизмом и испытывают искренние симпатии к России.

Резкие оценки, особенно в отношении чехов, были вызваны болезненной реакцией В.И. Ламанского на польское восстание 1863 г. Многие чешские политики сочувственно относились к польскому движению и осуждали его подавление в Царстве Польском. Владимир Иванович был в это время в Праге, мог наблюдать изнутри, как менялось восприятие России в чешском обществе. Позиция чешских политиков в поддержку поляков вызывала у него сильное раздражение. В письме к министру народного просвещения от 19 апреля (1 мая) 1863 г. из Вены он писал: «Настоящее польское восстание отличило наших друзей и недругов между славянами. Все католическое в славянском мире, особенно поповство, решительно против нас и совершенно за Поляков. Масса чешской интеллигенции, вся Чешская журналистика опрокидывается на нас пуще Поляков. Чехи в Народных Листах например постоянно твердят, что от России следует отнять Украину, Литву, Белую Русь»⁵⁷⁰.

Польский вопрос в середине 1860-х гг. обострил альтернативность панславистских установок: кто не поддерживает подавление польского восстания со стороны России – тот не славянин. Российская официальная пресса доказывала, что само восстание инспирировано внешними европейскими силами, желавшими ослабить Россию, вместе с «латинизированным» католическим духовенством и шляхтой в польских землях⁵⁷¹. Особое негодование вызывали польские претензии на малороссийские губернии и доктрина полонизма. Польский мессианизм, претендовавший на ведущую роль в славянской среде и отвергавший Россию, воспринимался как вызов, более опасный, чем пангерманское движение. Обращает внимание, что антипольская кампания в прессе сблизила позиции сторонников имперского панславизма, несмотря на различное видение образа славянского будущего. Многие сторонники охранительного направления под влиянием польских событий проникались панславистскими идеями.

⁵⁶⁹ *Его же*. Сербия и южно-славянские провинции Австрии. С. 3.

⁵⁷⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 193. Д. 38.

⁵⁷¹ *Аксаков И. С.* Москва, 21 сентября 1863 г. // Сочинения И. С. Аксакова. Изд. 2-е. СПб., 1900. Т. 3. С. 154; *Его же*. Москва, 10 августа 1863 г. // Там же. С. 108; *Его же*. 2 февраля 1863 г. // Там же. С. 20–21; *Гильфердинг А. Ф.* В чем искать разрешения польскому вопросу // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 2. С. 332.

Если раньше на страницах «Московских ведомостей», самой влиятельной официальной газеты в пореформенной России, лишь изредка появлялись статьи, продвигавшие идеи славянской взаимности, то после польского восстания панславистская тема стала регулярно обсуждаться и пропагандироваться⁵⁷². Во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. «Московские ведомости» стали рупором «русской партии», а их издатель Михаил Николаевич Катков – одним из наиболее влиятельных славянолюбов⁵⁷³.

Таким образом, за период от Крымской войны и до рубежа 1860–1870-х гг. в России происходил интенсивный процесс становления новой панславистской доктрины. Имперский панславизм не смог стать идеологической доминантой российского общества. Идею гомогенной культурно-религиозной общности разделял все же довольно узкий, тесно связанный между собой круг ученых-славистов, мыслителей и публицистов, аристократов и государственных чиновников. Имперский панславизм так и не обрел черты целостного учения. Существовали различные интерпретации, одни из которых были более ориентированы на идею русского языка как общеславянского (А.Ф. Гильфердинг, Н.А. Попов), другие во главу угла ставили идею православия как общего для всех славян конфессионального начала (И.С. Аксаков, В.И. Ламанский). Мысли о тесной интеграции славянских движений под эгидой России находили отражение в публицистике И.С. Аксакова, А.А. Краевского, М.П. Погодина, М.Н. Каткова. Многие из них выражали идеи, которые щедро раздавал в своих письмах Ф.И. Тютчев.

В монографии польского ученого Анджея Валицкого «В кругу консервативной утопии» содержится важное наблюдение. Он показал, что в 1830–1840-е гг. по всей Европе – в Англии, Германии, Франции, Австрии и России – на первый план в политических дискурсах выступил консервативный тип мировоззрения, для которого были характерны традиционализм, опасение резких социальных перемен, абсолютизация устоявшихся форм. В основе консервативной «системы координат» лежало не отрицание прогресса как такового, поскольку остро ощущалась необходимость поиска путей

⁵⁷² Катков М. Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. 1863 год. М., 1887. Вып. 1. 662 с.

⁵⁷³ М. Н. Катков (1(13) ноября 1818 г. – 20 июля (1 августа) 1887 г.) – русский публицист, издатель, литературный критик, влиятельный сторонник консервативно-охранительных взглядов. Редактор газеты «Московские ведомости», основоположник русской политической журналистики. В своих изданиях обеспечивал идеологическую поддержку контрреформам Александра III. Тайный советник (1882 г.). Подробнее о М. Н. Каткове: Павлов А. Т., Сысоева Е. К. Катков Михаил Никифорович // Императорский Московский университет, 1755–1917. С. 311–313 ; Гаврилов И. Б. К характеристике религиозно-философского мировоззрения М. Н. Каткова // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 192–214 ; Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова : идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. М., 2016. 486 с. ; Лубков А. В. Михаил Катков. Молодые годы. М., 2018. 254 с.

совершенствования общественных и государственных отношений, но представление о том, что их источник нужно искать во внутреннем саморазвитии, обращении к исконным началам и сохранению их от «тлетворных» чужеродных влияний⁵⁷⁴. Этот подход, обоснованный А. Валицким еще в 1964 г., помогает понять внутренние механизмы имперского панславизма в истории российской идентичности, который произошел в шестидесятые годы.

Первый для России период либерализации совпал с резким обострением взаимоотношений среди европейских великих держав. Под влиянием поражения в Крымской войне, охлаждения дипломатических отношений с западными странами, подавления польского восстания, вызвавшего очередную волну критики России в европейском общественном мнении, происходили мощные внутренние процессы в российском обществе. Постепенно становилась востребованной культурная стратегия, проявившаяся еще во второй половине XVIII в. при Екатерине Великой и впоследствии осмысленная славянофилами. В ее основе лежал острый интерес «ко всему коренному русскому». Еще М.Н. Карамзин подчеркивал в «Записках о древней и новой России»: «Пусть назовут то заблуждением, но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оного!»⁵⁷⁵

Имперский панславизм в его различных версиях был неотъемлемой частью этой культурной стратегии. Активное присвоение символического потенциала и кодов «славянского мира» создавало особое пространство, которое одновременно имело компенсаторную функцию при восприятии «враждебного» Запада и создавало новую историческую перспективу великой империи.

В символическом пространстве этнокультурной памяти создавался новый «коренной», русско-славянский образ самодержавной власти. Патриотические топы приобретали исконные, народные смыслы, возрождая идею византийского культурного наследия, наполняя традиционные мифологемы новым содержанием. Династия Романовых вновь представала в образе исторической покровительницы славянских народов и их спасительницы от «латинского Запада». Вновь возрождалась славянофильская формула: «русское» может быть понято только через «славянское», а «славянское» – через «русское»⁵⁷⁶.

⁵⁷⁴ Walicki A. W kręgu konserwatywnej utopii : struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa, 1964. S. 12–13.

⁵⁷⁵ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 34.

⁵⁷⁶ О славянской политике России см.: Pavlenko O. Rußland und die Donauslaven, 1848–1871. S. 156–178 ; Павленко О. В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.

Как видим, версия имперского панславизма развивалась в тех интеллектуальных консервативных рефлексиях, где доминировало представление об особых «мирах», разделяющих Европу по этноконфессиональному признаку. В дискурсах того времени понятие «мир» включало философско-исторические смыслы, которые применялись для обоснования отдельных межнациональных общностей, объединенных этническими, языковыми, культурными кодами и историческим опытом. Проекции «римско-католического», «протестантского», «греко-славянского» миров имели воображаемые границы, частично совпадавшие с конфессиональными, но на самом деле они были весьма подвижными. Многие зависело от конкретной геополитической ситуации. Так, к примеру, поляков и чехов то включали в «славянский мир», то исключали. Также протестантов и католиков то объединяли в один «западный мир», то разделяли. Чтобы понять специфику подобных ментальных разграничений, важно учитывать пространственный фактор в русской интеллектуальной традиции.

Как показал Ю.М. Лотман, тяга к моделированию собственного русского пространства всегда осуществлялась в географических категориях⁵⁷⁷. «Построение священного космоса русской жизни» географически вбирало в себя земли зарубежных славян, наделяя «русско-славянский мир» особыми сакральными признаками – единством вероисповедания, «славянской душой», имперским авторитетом. В системе этнокультурных координат особое место занимал Константинополь, который мыслился будущим центром этого мира, и славянские государства, которые Россия должна создать на руинах монархий Габсбургов и Османов. Таким образом, истинно православная держава должна была осветить зарубежных славян новой государственностью, даровать политическую независимость, получая взамен преданность, подкрепленную принятием православия. Интенсивно осваивая семантический потенциал славянской взаимности, русские панслависты реконструировали идею новой Византии – великой империи. В русском политическом сознании вносилась особая историческая перспектива: Россия имеет за своими пределами верных сторонников – славянские народы на Балканах и в Центральной Европе.

3.4.3. Создание Славянского благотворительного комитета в России

Несмотря на обилие фрагментарных исследований в 2000-е гг., посвященных различным аспектам панславизма в России, существует только одна авторитетная работа, в которой подробно изучена история Славянских благотворительных комитетов в России.

⁵⁷⁷ Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 407–412.

Этот труд, изданный еще в 1960 г., принадлежит видному историку-слависту С.А. Никитину. В нем показано, что формально они оставались общественными организациями вне официальной политики. Но наиболее активные их члены в той или иной степени были связаны с Министерством народного просвещения и Министерством иностранных дел.

Еще в начале царствования Александра II на имя канцлера А.М. Горчакова была подана записка о создании общественного комитета с целью «противодействовать распространению между южными славянами пропаганды латинской, иезуитской и политической с целью уничтожения влияния России и сочувствия к ней». Обращает внимание, что не западные, а балканские славяне вызывали политический интерес. 26 января 1858 г. А.М. Горчаков представил этот проект императору и получил Высочайшее утверждение московского Славянского благотворительного комитета (далее – СБК). Император поддержал идею общественного комитета, согласившись на реализацию мягкой силы России на Балканах. Борьба за моральное влияние на южных славян между Россией и Западом получила институциональное обоснование.

Секретарем СБК стал профессор Московского университета, видный ученый-славист Н.А. Попов (1833–1892), который много времени уделял работе комитета, привлекая видных общественных деятелей и влиятельных аристократов. Н.А. Попов был настоящим энтузиастом славянского движения в России⁵⁷⁸.

Сам Нил Попов выделял три периода за двадцать лет существования СБК:

1. 1858-1863 гг., когда российско-славянские взаимоотношения преимущественно были ориентированы на Балканы. Комитет, по его признанию, «лишь случайно соприкасался с потребностями остальных славян, ограничивая свои сношения

⁵⁷⁸ О Н. А. Попове см.: *Воробьева И. Г.* Страницы биографии профессора Нила Попова // *Бежецкий Верх* : сборник статей по истории Бежецкого края / сост. А. С. Дворников. Тверь, 1996. С. 79–90 ; *Ее же.* Археология, этнография и топонимия зарубежных славян в творчестве Н. А. Попова // *Славянский мир: проблемы изучения* / отв. ред. О. В. Хохлова. Тверь, 1998. С. 89–99 ; *Ее же.* Н. А. Попов как профессор и организатор науки // *Российские университеты в XVIII – XX веках* / отв. ред. В. И. Чесноков. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 115–134 ; *Ее же.* Нил Александрович Попов // *Историки России XVIII – XX веков* / сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 1998. Вып. 5. С. 32–43 ; *Ее же.* Постановка профессором Н. А. Поповым курса истории славян в Московском университете // *Вопросы истории славян* / отв. ред. Н. П. Мананчикова. Воронеж, 1998. Вып. 13. С. 71–85 ; *Ее же.* Профессор-славист Нил Александрович Попов : научная, педагогическая и общественная деятельность. Тверь, 1999. 191 с. ; *Ее же.* История российского славяноведения в трудах Н. А. Попова // *Вопросы истории славян* / отв. ред. Н. П. Мананчикова. Воронеж, 2001. Вып. 15. С. 134–155 ; *Ее же.* Н. А. Попов о значении византийского влияния на русскую историческую жизнь // *Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья* : XX конференция памяти В. Д. Королюка / отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2001. С. 28–31 ; *Ее же.* Попов Нил Александрович // *Историки России : биографии* / сост., отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001. С. 281–289 ; *Лантева Л. П.* Попов Н. А. // *Императорский Московский университет, 1755–1917*. С. 584–586.

преимущественно южными славянскими племенами, подвластными Турции»⁵⁷⁹. Пожертвования поступали из разных источников: по открытой благотворительной подписке в газете Ивана Аксакова «День», ставшей печатным органом СБК; от Министерства народного просвещения и единовременных частных пожертвований. В итоге за первое пятилетие в общей сложности поступило до 22 тыс. руб., а было израсходовано до 18 тыс. Из этой суммы правительственные субсидии составили примерно 20%.

2. 1863-1867 гг. СБК испытывал серьезные затруднения не только финансового характера. Польское восстание на короткое время всколыхнуло общественное мнение: увеличилось количество членов и пожертвований, особенно на поддержку православного духовенства в польских землях. Но затем наступил резкий спад. Так нередко бывает с ситуациями, которые попадают в фокус публичного внимания. Несколько месяцев они держат общество в чрезвычайном напряжении, а потом наступает усталость от одного и того же новостного фона. Действительно, как только утихли отечественные и зарубежные страсти вокруг польского восстания и наступила стабилизация, дискуссии вокруг славянства тоже пошли на убыль. Н.А. Попов признавал: «В конце первого и начале второго пятилетия комитетской деятельности общие собрания членов встречаются довольно часто, но потом становятся реже, и наконец известия о них в газетах, а равно и в бумагах Комитета, вовсе прекращаются. Действует только распорядительное собрание, в помощь которому избрана особая комиссия»⁵⁸⁰.

3. 1867-1878 гг. Мощная волна интереса к славянам поднялась в 1867 г. в связи с подготовкой первого в России Славянского съезда. Семидесятые годы стали «медовым месяцем» для славянской журналистики и самыми насыщенными за историю СБК, когда развернулось широкое общественное движение в поддержку славян. Обострение международной ситуации вокруг Восточного вопроса, восстания балканских славян, жесткая дипломатическая игра ведущих держав, - все вызывало живой интерес и сочувствие самых широких слоев российского общества.

С.А. Никитин провел исследование социального состава первой волны славянского движения в России 1850–1870-х гг. Сделанные им выводы представляют особый интерес. В начале 60-х гг. около 40 % членов СБК составляла интеллигенция, в основном профессура Московского и Петербургского университетов. На протяжении этого

⁵⁷⁹ Попов Н. А. Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве. М., 1872. Вып. 2. С. 1–3 ; Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг. М., 1960. 362 с. ; Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858–1868) Славянского благотворительного комитета в Москве / сост. Н. Поповым. М., 1868. С. 2–3.

⁵⁸⁰ Попов Н. А. Указ. соч. С. 2.

десятилетия постоянно увеличивалось количество членов комитета из дворянской среды, как титулованных, так и нетитулованных, чиновных и не служащих. Дворяне-чиновники составляли 36 %, а офицерство – 28 %, причем значительную группу образовывали офицеры, воевавшие на Кавказе. Купеческие фамилии были представлены реже. Они жертвовали иногда много, но не систематически. У комитета не было собственной идеологической программы или каких-либо общих установок. Членов комитета объединяло искреннее сочувствие делу «славянского освобождения», которое, однако, понималось по-разному.

Г.К. Градовский, входивший в московский СБК, оставил воспоминания о его деятельности конца 60-х – начала 70-х гг. Он пишет: «Славянский комитет терпелся, но под условием, чтоб все было шито-крыто и не выходило из пределов умеренности и установленного благоповедения. С каждым годом и довольно быстро, однако, значение комитета разрасталось. К нему предъявлялись более широкие требования со стороны общества, которое как бы стихийно, без достаточного углубления в славянофильской утопии, чувствовало, что надо создать новые опоры против германского национализма»⁵⁸¹.

Основным ресурсом пополнения славянолюбивой среды были университеты Москвы, Петербурга, Варшавы, Гарту и Киева, где были открыты кафедры славянской филологии. Там преподавались не только славянские языки и литература, но и история славянских народов, изучались их древности и современное состояние. Во второй половине XIX в. академическое славяноведение в России не только сложилось в крупное научное направление, но и стало заметным общественным явлением⁵⁸². В каждом университете, в духовных и военных академиях, даже на Высших женских курсах были введены обязательные курсы по истории и литературе славян, издавались отдельные журналы «Славянские известия», «Славянское обозрение» и др.⁵⁸³

Это был тот случай в исторической науке, когда принцип этнокультурной общности, по сути, подчинил принцип историзма. История и культура славянских народов

⁵⁸¹ Градовский Г. К. Итоги (1862–1907). Киев, 1908. С. 344.

⁵⁸² История отечественного славяноведения подробно изучена. См. комплексные исследования: Лантева Л. П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. 847 с. ; *Ее же*. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. 839 с. ; Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России XIX – начале XX века. М., 2008. 831 с. (сама книга была написана в 1924–1929 гг., но увидела свет только спустя 75 лет после смерти ее автора) ; Славяноведение в дореволюционной России : библиографический словарь / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1979. 426 с. ; Славяноведение в дореволюционной России : изучение южных и западных славян / отв. ред. Д. Ф. Марков, В. А. Дьяков. М., 1988. 414 с.

⁵⁸³ Лантева Л. П. Кризис славяноведения в России в период с 1917 до середины 30-х годов // *Slavia*. 2012. Roč. 79. S. 168.

превратились в самостоятельный объект исследования в российской интеллектуальной традиции, что приводило к дуалистическому восприятию монархии Габсбургов и разделению ее истории на «славянскую» и «неславянскую». Это обстоятельство можно объяснить двумя причинами. Во-первых, становление славяноведения совпало с формированием новой коллективной идентичности Российской империи, в формулу которой был заложен код «славянства» (Россия как центр славянского мира без границ и разделительных линий)⁵⁸⁴. Во-вторых, импульсы к выделению славянских историй в качестве отдельных объектов исследования, вне их общей государственной принадлежности с Австро-Венгрией, исходили как раз из среды самих австрийских славян. Национальные движения осознавали свою идентичность и политические цели в определенной оппозиции к центру – Вене и общегосударственному австрийству (*österreichertum*). Концентрация внимания на истории и культуре своего народа, демонстрация его славянской сущности (*slovanství*) стало типичным для поведения патриотов – интеллектуалов из среды австрийских славян.

Как известно, будущие русские профессора проходили 2–3-годичные стажировки за границей, сначала в университетах Германии, затем в монархии Габсбургов, посещая архивы, библиотеки, памятники и музеи в славянских землях. Обширная переписка того времени между российскими учеными и их австрийскими коллегами свидетельствует об интенсивном научном взаимодействии и сильном влиянии чешской, словацкой и польской славистики на российские исследования⁵⁸⁵.

Деятельность СБК была тесно связана с миссией Михаила Федоровича Раевского – настоятель русской посольской церкви в Вене. Документы Святейшего синода второй половины 1850-х – 1860-х гг. свидетельствуют о целенаправленных усилиях по распространению православного вероисповедания в австрийских владениях. Эпистолярный его архив в значительной мере изучен и опубликован, но пока так и не создано биографического исследования об этом уникальном человеке, убежденном в том, что национальные интересы России должны реализовываться через славянскую политику⁵⁸⁶.

⁵⁸⁴ Павленко О. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.

⁵⁸⁵ Л. П. Лаптева на основе обширной корреспонденции русских ученых с коллегами из славянских земель смогла выявить различную степень взаимовлияний и доказать, что до конца XIX в. воздействие академической среды Австро-Венгрии (прежде всего чехов, словаков, поляков) было определяющим на становление славяноведения в России: *Лаптева Л. П. История западных и южных славян в освещении русской историографии XIX – XX вв.* СПб., 2013. С. 7–349; *Павленко О. В. Культурные и политические аспекты «православной миссии» России в землях австрийских славян в XIX веке.* С. 95–105.

⁵⁸⁶ Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами: к 200-летию со дня рождения М. Ф. Раевского / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2013. 475 с. ;

В 1857 г. М.Ф. Раевский вступил в переписку с графом А.П. Толстым, в 1856–1862 гг. обер-прокурором Синода. По его просьбе Раевский стал подробно сообщать о внутренних делах в Габсбургской монархии. «В сношениях моих со славянами, – писал он в первом письме, – не перестаю пользоваться их всегдашней ко мне доверенностью»⁵⁸⁷.

Сам обер-прокурор придерживался мнения, что для славянских народов «единство веры, без всякого сомнения, есть залог прочнейшей связи»⁵⁸⁸. Особый интерес у А.П. Толстого вызывала карта конфессионального разделения народов Австрийской империи, а также отношение венского кабинета к различным вероисповеданиям своих подданных⁵⁸⁹.

Неоднократно в личной переписке и дипломатических рапортах М.Ф. Раевский описывал весьма подозрительное отношение венского кабинета к православию. Он сам выступал с инициативой различных проектов, направленных на укрепление и распространение православия в монархии Габсбургов, которые подавал на рассмотрение в Святейший синод. Отец Михаил убеждал обер-прокурора в необходимости регулярной отправке религиозной литературы и значительной материальной поддержки (частной и государственной) православным церквям и монастырям. Он настаивал на создании в Вене библиотеки духовной литературы, расширении книготорговли, создании в Белграде склада русских книг, чтобы было удобнее их переправлять в Австрию. Наконец, важно было, по его мнению, оказывать финансовую и материальную помощь изданиям русофильской ориентации и национальным движениям славян⁵⁹⁰. Сразу надо отметить, что поток помощи австрийским славянам был несравненно меньше, чем на Балканы. Тем не менее многие из предложений отца Михаила были поддержаны на официальном уровне⁵⁹¹.

Зарубежные славяне и Россия : документы архива М. Ф. Раевского, 40–80-е гг. XIX в. / сост. В. Матула, И. В. Чуркина. М., 1975. 576 с. ; *Гогорян К. Э.* Протоиерей М. Ф. Раевский и студенческое общество «Русская основа» в Вене (1867–1873) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 38–43.

⁵⁸⁷ М. Ф. Раевский – А. П. Толстому, 3 июля 1857 г. // РГИА. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода). Оп. 27. Письма Настоятеля Посольской Церкви нашей в Вене, протоиерея Михаила Раевского, 3 июля 1857 г. – 8 марта 1865 г. Д. 224. Л. 6.

⁵⁸⁸ А. П. Толстой – М. Ф. Раевскому, 26 июля 1857 г. // Там же. Л. 9.

⁵⁸⁹ О сообщении протоиереем Российской миссии в Вене Раевским сведений о состоянии Православной Церкви в Австрии // Там же. Оп. 21. Д. 224в. 12 л.

⁵⁹⁰ М. Ф. Раевский. Какими средствами Россия может действовать с пользой для себя на славян. Записка. Апрель 1864 г. Автограф, 19 л. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 627 (Раевский М. Ф.). № 4 ; По письму протоиерея церкви в Вене Раевского о положении славянских дел. Здесь же о снабжении Униатских церквей в Венгрии ризницей и книгами // РГИА. Ф. 797. Оп. 33. Д. 15. Л. 2 об.–3 об. Подробнее об этом см. в статье: *Павленко О. В.* Культурные и политические аспекты «православной миссии» России в землях австрийских славян в XIX веке. С. 95–105.

⁵⁹¹ 1860. О постройке Православной Церкви в Карлсбаде (1860–1867 гг.) // РГИА. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода). Отд. 3. Ст. 2. Оп. 30. Д. 360. 44 л. ; О суммах для заграничных православных церквей и монастырей // Там же. Оп. 141. Д. 1350 ; В Венгрии,

Особенно поощрялось строительство новых и поддержка уже существующих православных церквей и монастырей за границей. Но значительный объем средств направлялся в славяно-балканские земли, прежде всего в Сербию, Боснию и Герцеговину. Из австрийских владений повышенное внимание уделялось Галиции. Если в конце 1830-х – 1840-е гг. Синод относился к униатам настороженно, то через двадцать лет ситуация изменилась. Со второй половины 1850-х гг. стало укрепляться мнение, что Православная церковь должна поддерживать духовенство в Галиции и восточной Словакии, поскольку именно оно составляет основу национального движения. Протоколы Святейшего синода свидетельствуют, что помощь «единоплеменникам» в австрийских владениях в течение 1860-х гг. только увеличивалась.

Беседа в 1865 г. с новым обер-прокурором А.П. Ахматовым, министр внутренних дел П.А. Валуев пришел к выводу: «Его идеал – величие России». «Следовательно, – записал министр в своем дневнике, – точка отправления обер-прокурора Святейшего синода вовсе не синодальная»⁵⁹². Политика Синода была неотъемлемой частью российской дипломатии, чутко реагировавшей на новые тенденции в правительственных кругах в отношениях с Габсбургской монархией. В то же время церковь способствовала распространению православной миссии за пределами России. Это была четко и умно организованная миссионерская деятельность.

Политический интерес официального Петербурга к австрийским славянам (особенно русинам и словакам) стал проявляться примерно с середины 1860-х гг. Сопоставление дипломатических документов, материалов Министерства народного просвещения и Славянского благотворительного комитета позволяет сделать вывод о совокупности взаимосвязанных акций – осторожной и тонкой «игре в панславизм». В ней переплетались дипломатический прагматизм и потребности в разработке коллективной идентичности России, где панславистский миф получал державную мотивацию.

3.4.4. Радикальные версии панславизма в российской политической мысли в 1850–1860-е гг.

Радикальные группы российских интеллектуалов XIX в. были глубоко изучены советской историографией. Сложилось отдельное направление, которое исследовало интерпретации на славянскую тему в той среде, которую определяли как «радикально-

Иромская. О снабжении ее богослужебными книгами // Там же. Д. 227 ; О высылке в Австрию духовных периодических изданий для снабжения оным православных архиереев и семинарий в австрийских владениях, а также в Турцию для единоверных нам славян // Там же. Оп. 139. Д. 1523.
⁵⁹² Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел / ред., введ., биограф. очерк и коммент. П. А. Зайончковского. М., 1961. Т. 2. С. 135.

демократическую», «революционно-демократическую» или «либерально-демократическую»⁵⁹³. Не останавливаясь на специфике русского радикализма и истории его терминологии (эта тема заслуживает отдельного осмысления)⁵⁹⁴, попробуем выделить ряд черт в трактовке славянской идеи, общих как для либералов, так и радикалов 1860-х гг.

Журнал «Современник», который издавал Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889), вел непримиримую борьбу с изданиями И.С. Аксакова «День» и «Москва». На его страницах настойчиво проводилась идея, что западные славяне исторически более близки Западу, чем России. У них сформировались ценностные ориентиры, отличные от российских, поэтому Н.Г. Чернышевский делал вывод, что «наша жизнь совершенно не соответствует потребностям и привычкам западных славян»⁵⁹⁵. Славяне должны рассчитывать только на свои силы – «у могущественного русского орла много своих домашних русских дел». В отличие от панславистов и ревнителей славянского сближения, Н.Г. Чернышевский неоднократно призывал зарубежных славян: «Не рассчитывайте же на нас, а ищите силы в самих себе»⁵⁹⁶. Нельзя говорить, что «Современник» избегал славянских тем. Напротив, значительное количество материалов этого журнала было посвящено политическим сюжетам, в той или иной степени связанным с российско-славянскими отношениями. Но нередко публиковались также статьи о новинках в славянских литературных кругах, исторических дискуссиях о славянской старине⁵⁹⁷.

Либеральные демократы, объединившиеся вокруг этого журнала, скептически относились к конструктам «славянской взаимности» и «славянского мира». В их

⁵⁹³ Хевролина В. М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях, конец 60-х - начало 80-х годов XIX в. М., 1986. 246 с. ; Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши, 30–60-е гг. XIX в. М., 1962. 427 с. ; Аксенова Е. П. Демократическая печать 60–80-х годов XIX в. об изучении южных и западных славян в России // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии / отв. ред. М. А. Робинсон. М., 1990. С. 117–151.

⁵⁹⁴ Кузьмин А. Г. Русский политический радикализм второй половины XIX в. Сыктывкар, 2004. 75 с.; Омельченко Н. А. Родословная русского политического радикализма // Вестник университета / Гос. ун-т упр. 2009. № 25. С. 88–95 ; Верниченко М. А., Гаганова Е. В., Казбан Е. П. Российский политический радикализм второй половины XIX века как предтеча Великой русской революции // Материалы 9-й Всероссийской научно-практической конференции "Государство, власть, управление и право: история и современность" / Федер. гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования "Гос. ун-т упр.". М., 2018. С. 48–51. ; Тригуб П. В., Федорищенко А. И. Философские идеи русского радикализма: прошлое и настоящее // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки прошлого, угрозы будущего : материалы X научно-практической конференции (16–17 апреля 2020 г.) / Ин-т мировых цивилизаций. М., 2020. Ч. 2. С. 377–381.

⁵⁹⁵ Чернышевский Н. Г. Народная бестолковость // Современник. 1861. № 10. С. 285–310.

⁵⁹⁶ Политика // Современник. 1859. № 4. С. 105–172.

⁵⁹⁷ Славянские материалы на страницах «Современника» в 1860-е гг.: 1857 г. № 3, 5, 10 ; 1858 г. № 2, 9; 1860 г. № 3, 4, 8 ; 1861 г. № 2, 3, 5, 7, 10 ; 1862 г. № 1, 2 ; 1863 г. № 1, 2, 4, 5, 10, 11, 12 ; 1864 г. № 1, 2, 3, 4, 7; 1865 г. № 5, 6 и др.

понимании зарубежные славяне боролись с государственными системами монархии Габсбургов и Османской империи, чтобы стать независимыми и свободными. Для наиболее радикально мыслящих политиков здесь грезилась будущие революции и восстания за национальное и социальное равенство. В этом заключалась для них главная ценность славянской идеи. Неудивительно, что Н.Г. Чернышевский резко критиковал чешских либералов, избравших путь парламентской борьбы за достижение полноправного статуса в лоне Австрийской империи. Он хотел видеть революционную бурю, а не пассивную оппозицию и кабинетные переговоры⁵⁹⁸.

«Современник» вел прицельный огонь против имперского панславизма, который противопоставлялся славянофильскому учению. Но при этом Н.Г. Чернышевский, М.А. Антонович, А.Н. Пыпин, писавшие разгромные рецензии на сочинения этого направления, вынуждены были призвать, что «самые ревностные славянофилы не выражались об этом предмете и в десятую долю так сильно и картинно, как С. П. Шевырев», а слог М.П. Погодина отличает «точность, меткость, оригинальность, непринужденность, сжатость, энергия, совершенная естественность»⁵⁹⁹. Удары приходились по культурно-историческим теориям славянской общности, на которых строилась доктрина панславизма. Резкой критике подверглось сочинение А.Ф. Гильфердинга «История балтийских славян» за утверждение о фатальном противостоянии между немцами и славянами⁶⁰⁰. Защита диссертации В.И. Ламанского также вызвала острую полемику. А.Н. Пыпин писал о ней: «Книга его повторяет у нас те первые увлечения панславизмом, которые уже пройдены самыми благоразумными панславистами. Это то же, что Колларова Старо-Италия – с более научными приемами, но с присутствием тех же всеславянских мечтаний»⁶⁰¹. М.А. Антонович пытался с иронией объяснить причину распространения панславистских идей в российском обществе: «Панславизм никак не хочет уgomониться и решительно не дает нам покоя; куда не помотришь, везде появляются панславистские тенденции, имеющие целью снова подогреть и воспламенить уже было остывшие радужные мечты о воссоединении великого славянского племени в единую семью, главою которой и оплотом будем мы, взлелеянные судьбою, отлично воспитанные и приготовленные к своей роли – отцов славянской семьи»⁶⁰².

⁵⁹⁸ Современник. 1858. № 12 ; 1861. № 6.

⁵⁹⁹ Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы: «Современник», 1855–1856 гг. СПб., 1892. 386 с.

⁶⁰⁰ Чернышевский Н. Г. Рецензия на сочинение А. Ф. Гильфердинга «История балтийских славян». Т. 1. М., 1855 // Современник. 1856. № 6. С. 52–55.

⁶⁰¹ Пыпин А. Н. Новые славянские исследования // Современник. 1860. № 4. С. 309–328.

⁶⁰² Антонович М. А. Рецензия на «Отголоски славянской поэзии». М., 1861 // Современник. 1862. № 1. С. 38–45.

Полемика либеральных демократов с представителями державного панславизма велась по широкому кругу тем. Но какие бы аргументы ни приводились с двух сторон, было очевидно, что суть дискуссий сводится не столько к самим славянам, сколько к пониманию идентичности России. Это был самый принципиальный вопрос, по которому между русскими либералами и консерваторами велась непримиримая вражда. Если державники писали о величии России и ее миссии стать центром притяжения славянских народов в мире, то либералы, напротив, доказывали, что России необходимо сначала разобраться в собственных делах, добиться конституционных свобод, а потом уже думать об освобождении славян.

Александра Николаевича Пыпина, к примеру, возмущала «самолюбивая мечта о собственной непогрешимости», которая, по его мнению, является движущей пружиной панславизма. В 1864 г. он опубликовал на страницах «Современника» статью «Вопрос о национальности и панславизм», в которой доказывал, что российский панславизм порожден «процессом самопознания», дискуссиями о сущности понятия «русский народ» и его «почвы»⁶⁰³.

А.Н. Пыпин точно подметил, что именно дискуссии о национальной идее в России породили «панславизм и разные приятные политические мечтания»⁶⁰⁴. Он видел две линии в развитии русской модели панславизма – «либеральную», которую отстаивал он и его двоюродный брат Н.Г. Чернышевский, и «ретроградную», порожденную «реакционными классами общества или реакционными правительствами»⁶⁰⁵. Не менее критично он расценивал идею общеславянского языка. В рецензии на записки В.И. Ламанского о положении дел в славянских землях он писал: «Останутся чехи бесправными подданными габсбургской династии, над ними по-прежнему будет сильно немецкое влияние, и введение русской образованности будет равносильно целой общественной и политической революции, имеющей пока весьма мало шансов»⁶⁰⁶.

Для либералов, группировавшиеся вокруг «Современника», полемика с таким направлением, как имперский панславизм, имела большое значение. Идеи славянского величия России достаточно быстро распространились среди образованных слоев общества, воспринимались как новое слово в европейской политике России. В отличие от консервативно мыслящих интеллектуалов, либеральная интеллигенция не верила в силу

⁶⁰³ Пыпин А. Н. Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 1. С. 185–214.

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Аксенова Е. П. А. Н. Пыпин как историк и теоретик славянского возрождения // Славянский альманах, 2003 / отв. ред. М. А. Робинсон. М., 2004. С. 22–68.

⁶⁰⁶ Пыпин А. Н. Заметка : (из записок о славянских землях В. Ламанского) // Современник. 1864. № 4. С. 187–200.

российской образованности и ее влияния на южных и западных славян. Но при этом они внимательно относились к их научным и культурным достижениям.

Наиболее влиятельным журналом для радикальных демократов был «Колокол» Александра Ивановича Герцена (1812–1870). Славянская тема серьезно увлекала его в 1860-е гг. Он особо подчеркивал самобытное начало в России: «Народ русский, широко раскинувшийся между Европой и Азией, принадлежащий каким-то двоюродным братом к общей семье народов европейских, он не принимал почти никакого участия в семейной хронике Запада», «мы только начинаем выходить из периода прорастания и это – благо для нас»⁶⁰⁷. В начале шестидесятых годов, когда набирали силу реформаторские идеи, Россия виделась ему как «кладезь новой непочатой силы». В эмиграции он питал обманчивые иллюзии, убеждая своих читателей, что Россия в скором времени станет источником нового революционного брожения, которое уже затихает на Западе. В статье «Молодая и старая Россия» доказывал, что страна «вся в брожении и разложении, валится и строится, везде пыль столбом, стропила и вехи»⁶⁰⁸.

В 1867 г. в среде русских эмигрантов вспыхнула дискуссия о взаимоотношениях России со славянскими народами. Один из основателей русского анархизма Михаил Александрович Бакунин (1814–1876) считал самодержавие опаснейшей силой, которая может лишить славянские народы права на самостоятельное развитие. С увлечением он разрабатывал принципы анархизма и воспринимал любые формы государственной власти как отживавшие явления. Внимание М.А. Бакунина к зарубежным славянам объяснялось тем, что он считал их наиболее подготовленными к пониманию анархизма. Славяне должны восстать против своих правительств, чтобы зажечь огонь революции во всей Европе и на обломках старых режимов создать Соединенные Штаты Европы как высшее воплощение личной и общественной свободы⁶⁰⁹.

А.И. Герцен, напротив, убеждал его в том, что в России есть демократические силы, которые «являются наиболее естественными союзниками славян»⁶¹⁰. В ответном послании М.А. Бакунин утверждал, что между ним и панславистами «есть одно простое и небольшое различие: они ждут освобождения славянства от усиления мощи царской империи, а я – от ее разрушения. Ибо я убежден, что пока существует эта империя, она будет удерживать в самом жестоком рабстве и полуславян Великороссии и чистых славян Малороссии, Подолии, Волыни, Белоруссии, Литвы и Польши – не в силу злонравия нашего правительства (...), а просто по необходимости, вытекающей из самого

⁶⁰⁷ Герцен А. И. Собрание сочинений. М., 1959. Т. 16. С. 199.

⁶⁰⁸ Там же. С. 129.

⁶⁰⁹ Бакунин М. А. Речи и воззвания // Бакунин М. А. Произведения. СПб., 1906. С. 113–123.

⁶¹⁰ Герцен А. И. Указ. соч. Т. 29. С. 88.

существования империи. (...) При неизбежно деспотическом внутреннем устройстве царизм и в своей внешней политике может стремиться только к уничтожению всякой свободы». Логика рассуждений М.А. Бакунина сводилась к тому, что в случае поддержки со стороны России «славяне подвергнутся унижительному деморализующему и потому пагубному воздействию этого правительства, способному уничтожить самую сущность жизни и будущность славянства»⁶¹¹.

А.И. Герцен видел будущее в другом свете. В статье «Что же дальше?» он предсказывал гибель Российской империи и монархии Габсбургов: «Славянский мир идет к федеральному союзу, по дороге его останавливают две империи, одна уже всеми елееми «посвящена Богу», другая кажется сильной и молодой. Но не она сильна и молода, а народ русский с неустоявшимися и полупроснувшимися силами своими». На руинах двух империй должна возникнуть Славянская федерация с равноправными народами»⁶¹².

Таким образом, под влиянием Крымской войны стали развиваться различные интерпретации «славянского мира» и панславизма. Обращает внимание, что интеллектуалы – от радикально-демократических и либеральных до консерваторов и охранителей были увлечены славянской идеей как инструментом достижения великого будущего России. Само представление о славянстве было размытым и утопичным, каждый видел то, что хотел. Отсутствие реальных знаний о состоянии славян, их интересах и целях, рождало большие иллюзии. Демократическая славянская федерация, революционная анархия, Славянский монархический союз под эгидой России, Российско-Славянская империя – все эти образы создавались под влиянием широких общественных дискуссий о том, куда движется Россия.

Имперский панславизм возник как защитная рефлексия российских консерваторов на радикальные настроения в Европе, подъем национализма, усиление геополитической конкуренции среди великих держав. Поражение в Крымской войне дало мощный импульс глубинным процессам самопознания и переосмысления миссии России в мире. Кризис имперского универсализма заставил власть искать новые скрепы коллективной идентичности. Обновление государственной идеологии происходило через приоритет национальных интересов, внедрение кодов «крови» и «почвы» в официальные дискурсы, усиление дихотомии Россия – Запад, восприятие фатальной западной угрозы, идеи интеграции славян вокруг России.

⁶¹¹ Цит. по: *Лицинер С. Д.* Бакунин и Герцен в полемике по славянскому вопросу: открытое письмо М. А. Бакунина к Герцену // Литературное наследство. М., 1985. Т. 96 : Герцен и Запад. С. 408.

⁶¹² Колокол. 1864. 1 дек. (№ 192).

Совокупность мотиваций, аргументов и понятий, созданная славянофильским кружком, породила новую конструкцию, в которой четко и лаконично отразились этатизм и геополитическая мотивация. Можно выделить несколько источников возникновения имперской версии панславизма: (1) славянофильское учение; (2) практические акции поддержки русофильства, культуры и вероисповедания австрийских и балканских славян, разрешенные императором Николаем I и осуществленные Святейшим Синодом и министерством народного просвещения до 1847 г. и возобновленные в конце 1850-60-е гг.; (3) мировоззрение интеллектуалов, высших чиновников и аристократов, близкое славянофильскому кружку, но более прагматично воспринимавшее славянский фактор для усиления роли Российской империи.

Потеря преимуществ ведущей державы, которое было закреплено в конструкции Священного Союза, заставило искать новые формы компенсации за поражение в Крымской войне. В шестидесятые годы Россия не обладала финансовыми, индустриальными и торгово-экономическими ресурсами, которыми могла бы обеспечить ведущее место в европейской политике. Имперский панславизм как раз и раскрывал перед Россией новые конкурентные преимущества – лояльность 30-миллионного зарубежного славянства. По крайней мере его адепты искренне верили в такую возможность.

Впервые идеи имперского панславизма были выражены в трактатах Федора Ивановича Тютчева в конце 1840-х гг., но обрели отчетливую формулу лишь в 1860-е гг. Ядром славянского мира мыслилась Российская империя, которую безусловно должны были поддерживать зарубежные славяне, принявшие русский язык как средство общих коммуникаций и православие как общую религию. Мировая миссия России заключалась в объединении славянских народов на конфедеративной основе, которое было возможно только при разрушении монархии Габсбургов и Османской империи. Соответственно новый геополитический расклад мог возникнуть только в результате большой европейской войны или серии локальных военных конфликтов при столкновении России с коалицией европейских держав. Подобная имперская проекция никак не соответствовала ни ресурсам России, ни реальному балансу сил в Европе, ни национальным интересам славянских народов. Великодержавная консервативная утопия, рожденная из убеждения о фатальной дихотомии России и Запада.

В этом изначально заключалась двойственность имперского панславизма. С одной стороны, он заряжал эмоциональной энергией новое понимание мировой миссии России. С другой стороны, создавал неудобства в дипломатической игре с другими великими державами, особенно с монархией Габсбургов. Славянолюбивые общественные порывы не всегда вписывались в политические расчеты и договоренности министерства

иностранных дел, и тем более петербургского двора. Тем не менее, они были частью нового проекта власти – создания общегосударственной имперской нации, соответствовавшей потребностям стабильности и обновления многосоставного государства. Такие же процессы происходили и в соседней Австрийской империи, для которой подъем славянских движений стал настоящим экзистенциальным вызовом.

3.5. Имперские и национальные проекты в монархии Габсбургов в 1850–1860-е гг.

3.5.1. Общеимперские скрепы коллективной идентичности.

В первые годы царствования Франца Иосифа произошла не только реформа двора, но и упрощением ряда церемоний. В 1849 г. он ограничил празднование своего дня рождения 18 августа только службой в придворной часовне и военным парадом с артиллерийским салютом. Но уже с 1850-х гг. стал изменяться формат и контекст торжеств, связанных с правящим домом. День рождения императора превратился в грандиозный массовый праздник, в котором придворный этикет и строгий порядок католических шествий растворились в массовой культуре народных фестивалей (Volksfeste), уходящих корнями в средневековье. Каждый год 18 августа в 4:30 утра во всех городах и деревнях начинали звучать бравурные воинские марши. Огромные толпы заполняли улицы и перетекали в костелы, церкви, мечети и синагоги. Везде начиналось моление в честь императора и дома Габсбургов. Причем служители разных культов должны были демонстрировать лояльность и патриотизм, воспевая императора и его власть. Государственный гимн “Gott erhalte” («Господь, сохрани») исполнялся не только на немецком, но и на чешском, польском, венгерском, украинском и других языках монархии⁶¹³.

Если в начале царствования Франца Иосифа не было принято публично выражать энтузиазм во время императорских торжеств, то во второй половине XIX в. вся государственная пропаганда была направлена на возбуждение патриотических чувств граждан. Газеты широко освещали имена людей и кампаний, пожертвовавших средства. Сам акт пожертвования денег на организацию династического торжества воспринимался как проявление истинной лояльности и патриотизма. Он не был тайным, наоборот –

⁶¹³ См. подробнее: *Fugger N. Im Glanz der Kaiserzeit. Zürich ; Leipzig ; Wien, 1931. S. 53–77.*

настолько публичным, что приравнялся к гражданскому долгу, хотя и оставался добровольным⁶¹⁴.

Действовавший с 1852 г. закон, запрещавший критику и сатиру в адрес императора, был вновь воспроизведен в ст. 63 Конституции 1867 г. Официальные и полуофициальные издания пользовались в то же время относительной свободой при описании торжеств и жизни императоров из дома Габсбургов. Контроль над «династической литературой» осуществляло Министерство религии и образования. Оно же организовывало системное патриотическое воспитание во всех школах западной части монархии – Цислейтании. Учителям предписывалось обсуждать со школьниками патриотическую литературу, ставить школьные пьесы, посвященные подвигам Габсбургов.

Министерство особо поощряло авторов, которые пользовались репутацией «профессиональных патриотов». Им заказывались книги для учителей и учебники, выплачивались большие гонорары. Именно эта категория писателей имела приоритетное право описывать в восторженных тонах династические юбилеи и торжества⁶¹⁵. Австрийские славяне были органично вовлечены в этот водоворот общегосударственных праздников, которые с каждым годом становились все более масштабными и красочными. Как уже отмечалось, наиболее устойчивой тенденцией среди славянских политиков и интеллектуалов было австрофильство.

Причина его притягательности, во многом, заключалась в социальном составе патриотических сил. Ни чешскому, ни словацкому, ни словенскому или русинскому движениям не был свойственен аристократический блеск. В отличие от венгров, поляков, австрийских немцев эти движения были мещанскими по своему составу, причем только у чехов преобладало городское население. В словенском, словацком и хорватском движениях доля участия городского и сельского населения во второй половине XIX в. была примерно равной, при этом наиболее активными являлись представители духовенства и учителя основных и средних школ⁶¹⁶. В общественных процессах сталкивались две тенденции – буржуазная, предпринимательская, направленная на либерализацию общественных институтов и клерикальная, для которой были характерны утопичный консерватизм, традиционалистская трактовка национальных ценностей,

⁶¹⁴ *Blöchl A.* Die Kaisergedenkstage : die Feste und Feiern zu den Regierungsjubiläen und runden Geburtstagen Kaiser Franz Josephs // *Der Kampf um das Gedächtnis : öffentliche Gedenkstage in Mitteleuropa* / E. Brix, H. Stekl (Hg). Wien ; Köln ; Weimar, 1997. S. 117–144.

⁶¹⁵ *Unowsky D. L.* The pomp and politics of patriotism : imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette, 2005. P. 129.

⁶¹⁶ *Hroch M.* Evropská národní hnutí v 19. století. Praha, 1986. S. 295–355, 103–146 ; *Moritsch A.* Die nationale Differenzierung in Kärnten in der Zeit Matija Majar-Ziljski // *Die slavische Idee* / hrsg. von A. Moritsch. Bratislava, 1993. S. 130–131.

преобладавших в сельской местности. Неудивительно, что в складывавшейся структуре национальной идеологии идеи собственной государственности, равно как и борьба за ее достижение, являлись проявлением самого нежелательного радикализма. Трансформацию австрофильства в 1860-е гг. можно проследить на примере чешского общества.

3.5.2. Австрофильство и национальная идентичность

19 августа 1862 г. в 10 часов в провинциальном чешском городке Борове (Немецкий Брод) началось торжественное шествие. Над площадью царил праздничная суета. Присутствовавшие выстраивались в колонны, повсюду развивались флаги. Впереди шли известные чешские политики и писатели, за ними – музыкальный хор, физкультурное пражское общество «Сокол», делегации от чешских городов, хоровых обществ, представители студенческих организаций и многочисленные гости. Сначала шествие двинулось к местному храму Пресвятой Богородицы, где прозвучал торжественный реквием в память уроженца здешних мест Карла Гавличека, затем – к дому, в котором он родился. Открытие памятной доски сопровождалось стихами, патриотическими песнями, выступлениями политиков и поэтов. Поэт Ян Неруда посвятил Гавличеку такие строки:

Ты был истинным сыном этого народа,
 Что кровь свою отдал за свободу других,
 Ты был не только апостолом свободы,
 Ты был и ее святым мучеником⁶¹⁷.

В речи Карла Сладковского, одного из лидеров младочешского направления, жизнь Гавличека сравнивалась с Голгофой. После библейских аналогий следовало описание современной неутешительной ситуации: «Нет у меня языка, которым мог бы я неодолимым потоком красноречия пресечь бесправие, которое творят многочисленные и могучие враги народа чехославянского». Деятельность Карла Гавличека в период революции 1848 г. оратор с пафосом рисовал как явление Мессии: «И стало мужественным лицо смятенного, со всей решительностью несломленного духа своего встал навстречу всему сонму врагов первый защитник за последние два века угнетения народа чехославянского, явился как создатель общественной печати прославленный наш, в памяти народа своего славный Карел Гавличек Боровский!»⁶¹⁸

Попробуем выделить основные черты в трактовке личности Гавличека, которые заложили К. Сладковский и Э. Тоннер, первым описавший его биографию: (1) Гавличек – герой революции 1848 г., который «острым пером своим» защищал «национальную,

⁶¹⁷ Na památku Karla Havlíčka a slavnosti Borovské dne 19. srpna roku 1862. Praha, 1862. S. 8.

⁶¹⁸ Ibid. S. 13.

гражданскую и религиозную свободу своего народа»; благодаря его усилиям австрийские славяне «спасли династию и империю» от немцев и венгров; (2) Гавличек провозгласил, что народ чехославянский должен искать свою свободу в Вене, только в границах Австрийской монархии; (3) Гавличек был «первым вождем народа чехославянского», его газета «Народни новины» «стала духом защиты национальной свободы чехославянской», он вырвал народ из «духовной спячки»»⁶¹⁹.

Прошло всего шесть лет после смерти Карела Гавличека, в течение которых о нем мало вспоминали. И вот его образ реконструировался уже в традиции святых христианских мучеников. Символ «святого мученика» стал особенно востребован чешским движением к началу 1860-х гг., когда народ «проснулся после летаргического сна». В политическую борьбу включались представители нового поколения, отрочество которого пришлось на революционное брожение «весны народов». Они были смелее и более уверены в себе, чем их отцы. Молодым политикам нужны были яркие примеры негибимых борцов, отдавших жизнь за свободу народа.

В середине XIX в. обращение к героической традиции гуситского движения стало своеобразной нормой патриотических выступлений. Но современных примеров жертвенного служения «чехославянскому народу» не хватало. Неудивительно, что именно Карел Гавличек-Боровский занял достойное место в пантеоне чешских национальных героев рядом с Яном Гусом и Иеронимом Пражским. Его образ создавался по их канону – мучеников, отдавших жизнь за свой народ.

Возникла легенда о страданиях Гавличека в ссылке в альпийском местечке Бриксен, на которую он был осужден из-за участия в Славянском съезде 1848 г. Доктор Подлипский подробно описал чахоточную болезнь его жены Юлии, а потом и самого Гавличека, ставшую причиной их смерти⁶²⁰. Хотя многие считали, что он был отравлен австрийской полицией⁶²¹. Ранняя смерть или преднамеренное убийство только усиливали эмоциональный заряд образа «святого мученика».

Забылось, что при жизни, в 1850-е гг., вернувшись из ссылки, Гавличек столкнулся со стеной отчуждения, возведенной его же бывшими соратниками. Тогда он не узнавал Прагу. Его сестра Юлия вспоминала слова брата: «Все меня как будто избегают, друзья обходят за несколько шагов. Что так изменилось? Неужели этот Бах сумел сделать из них таких баб? Только госпожа Немцова (Божена Немцова – чешская писательница. – *О. П.*), когда меня увидела на Пршикопах, то подбежала ко мне. Я удивился и сказал:

⁶¹⁹ Ibid. S. 17, 13–14, 16, 22–23, 28–29.

⁶²⁰ Ibid. S. 34.

⁶²¹ *Kočí J. Návrat Karla Havlíčka z Brixenu. Praha, 1986. S. 15.*

“Пожалуйста, не создавайте себе проблем”, на что она мне ответила: “Ах, я с правительством ничего общего не имею”»⁶²². Даже Франтишек Палацкий, одна из ключевых фигур чешского движения, отказался обсуждать с ним политические новости, заявив, что обещал жене «больше не влезать в политику». За освобождение Гавличека из ссылки ходатайствовали только родственники, ни одного коллективного протеста со стороны друзей и политических сторонников за три с половиной года не последовало.

Мифологизация образа Гавличека и столь пристальное обращение именно к его творческому наследию объяснялась, на мой взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, репрессии после революции 1848–1849 гг. серьезно деморализовали национальных радикалов, имевших раньше популярность среди студенчества и средних городских слоев. Роль ведущей политической силы общества перешла к умеренным либералам - тандему Франтишка Палацкого и Франтишка Ладислава Ригера, к тому же женатого на его дочери Марии. Гавличек принадлежал к этому кругу, поддерживал с семьей Палацкого тесные отношения и лично ему посвятил собрание своих политических статей «Дух “Народных новин”», которое издал в 1851 г. Образ национального героя Гавличека вытеснял из народной памяти некогда популярных радикалов.

Во-вторых, его взгляды соответствовали новому национальному курсу, разработанному в конце 1850-х – начале 1860-х гг. либералами. Пятидесятые годы, прошедшие под знаком централизма и неоабсолютизма в монархии Габсбургов, были отмечены жесткой политической цензурой и полицейским сыском. Ослабление неоабсолютистского режима началось лишь после поражения Австрии в войне с Италией в 1859 г.

Открывалась эпоха «конституционных экспериментов», либерализации общественной жизни. Повсюду стали появляться новые журналы, потоком хлынула на читателей патриотическая пресса. Либералы, как старочешского, так и младочешского направлений, пытались осмыслить современный опыт европейского либерализма и приспособить его к австрийской действительности. Но были сильны опасения возврата к неоабсолютизму. И все-таки это была «оттепель». Ян Палацкий писал своему отцу Франтишеку Палацкому в мае 1861 г.: «Если наш народ не заснет сам по себе, то все пойдет хорошо, но если народ наш сам спадет в такую же летаргию, как в 1849–1850 гг., то все пойдет прахом»⁶²³. Остро ощущалась переходность времени. Либерализация дала импульс переосмыслению целей чешской политики, ее миссии не только в пределах монархии Габсбургов, но и в европейском масштабе.

⁶²² Ibid. S. 34.

⁶²³ Archív Národního muzea. Pozůstalost František Palacký. Sign. 30–105. Kr. 2. Č. 96.

С началом конституционных экспериментов чешская журналистика стала активно использовать образы «чехославянского народа», в свое время созданные К. Гавличеком. Формула чешской идентичности, впервые изложенная на страницах «Народных новин», была воспринята умеренными либералами в шестидесятые годы как наиболее емкое отражение «национального духа».

В новом национальном мифе преобладала идея мученичества, которая включала не только осознанный протест и противостояние с абсолютистским режимом, но и непротivление злу насилием, отказ от насильственного свержения режима. Герой-мученик – тот, кто до конца боролся за национальную свободу, претерпел страдания, но протестовал нравственно, а не с оружием в руках. Моральное влияние образа героя-мученика трудно переоценить, поскольку миф о Гавличеке стал основой формирования нового типа чеха-патриота. В чешской политической традиции поэтому так силен образ «будителя» (воспитателя, духовного лидера) народа, а не революционера.

Поражение в 1848 г. и последующие полицейские репрессии наложили сильный отпечаток на чешскую политику. Понимание «оппозиции» правительственному курсу полностью исключало любой политический радикализм. Оппозиция была возможна только на поле легальной парламентской борьбы, не более того. Ф.Л. Ригер писал Ф. Палацкому: «Сейчас надо легальными и лояльными мерами, о которых нельзя умолчать в верхах и их проигнорировать, дать понять, что мы здесь и требуем, чтобы нас услышали и принимали во внимание при подготовке планов реформ, которые в это переломное время, вероятно, могут стать предметом более серьезного рассмотрения»⁶²⁴.

Чехи проявляют лояльность к трону, а империя, в свою очередь, признает «исторические права» славянских земель, прежде всего Чешского королевства. Логику этой позиции объяснил сам Ф.Л. Ригер в письме к своей жене Марии, которую удивило его решение участвовать в похоронах Виндишгреца, генерала австрийской армии, который пушками разогнал Славянский съезд в Праге в 1848 г.: «У нас были основательные политические причины, чтобы идти на похороны Виндишгреца. Они рассматриваются как демонстрация лояльности и верности династии. Нам именно сейчас, после отказа голосовать по финансовым вопросам, очень кстати оказалось это обстоятельство, чтобы показать, что это произошло не из-за нелояльности к императору»⁶²⁵.

⁶²⁴ Palacký F. – Riegroví F. L., 17.02.1862 // Příspěvky k listáři Dra Frant. Lad. Riegra. Praha, 1924. D. 1. S. 150.

⁶²⁵ F. L. Rieger ženě Marii, 29.03.1862 // ANM. Poz. Frant. Lad. Riegra. Kr. 4/3.

Чешская фракция в парламенте, которую возглавлял Ф.Л. Ригер, часто выступала с протестами, но при этом всегда проявляя лояльность трону Габсбургов. В открытом письме, где критиковался избирательный закон, дававший меньшее количество мест, чем ожидалось, особо подчеркивалось: «Мы, подписавшиеся депутаты, вошли в сейм, образованный на основе этого избирательного закона, чтобы увидеть на практике, в какой мере обоснованы наши опасения за права и свободы нашего королевства, как следует из этой конституции»⁶²⁶. В другом парламентском выступлении Ф.Л. Ригер решился даже на угрозу, правда выраженную в смягченной форме: «Если Австрия поймет эту свою задачу, то будет существовать; если же, однако, не поймет, то ее будущее, по моему мнению, является более чем сомнительным»⁶²⁷.

Но действия чешской фракции не имели успеха. Чехи хотели создать блок противников централизма в богемском сейме и австрийском парламенте, объединившись с другими славянскими депутатами (поляками, хорватами и мораванами) на платформе австрофедерализма, чтобы влиять на принятие законодательных решений. Но внутренние противоречия не позволили реализовать этот проект. Испытывая разочарование, Франтишек Палацкий в письме к Ф.Л. Ригеру откровенно признавал, что идея союза австрийских славян эфемерна, а ресурсы политики нужно искать прежде всего в собственном народе⁶²⁸.

Первая половина 1860-х гг. проходила под знаком веры в доброго императора Франца Иосифа, который должен поддержать требование верных чешских подданных и отблагодарить их за преданность. Ф.Л. Ригер неоднократно в переписке с Ф. Палацким подчеркивал, что «ни в коем случае нельзя компрометировать себя»⁶²⁹. Чешские политики искали контакты с немецкими либералами и лидерами венгерской оппозиции, доказывая необходимость отхода от централистского курса, который привел империю в упадок. Для них важно было убедить императора и правительство к реформированию империи на федералистской основе.

Необходимо было создать газету, которая могла бы объединить среду чешских патриотов. По политическим соображениям Ригер не мог сам возглавить редакцию, поэтому он предложил Юлиусу Грегру (1831–1896) - адвокату, депутату чешского парламента, который сразу после окончания Пражского университета в 1859 г. активно вошел в политику. Наиболее точно его охарактеризовал Карел Гох: «Он был типом своего

⁶²⁶ ANM. Poz. Frant. Lad. Riegra. Kr. 108/1.

⁶²⁷ Rieger F. L. Řeči Dra Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Praha, 1884. D. 2. S. 133.

⁶²⁸ Palacký F. – Riegroví F. L., 15.12.1859 // Příspěvky k listáři Dra Frant. Lad. Riegra. S. 121.

⁶²⁹ Rieger F.L. – Palackému F., 25.01.1860 // Příspěvky k listáři Dra Frant. Lad. Riegra. S. 123.

поколения, чья молодость прошла под влиянием “Славы Дcery”, рукописей и классических исследований, которое выросло в условиях 1848 г. и образцом для которого стал К. Гавличек. Он был очень упрямым, честолюбивым, но по-настоящему искренним»⁶³⁰.

Юлиус Грегр оказался талантливым публицистом, остро чувствующим потребности общества. В память К. Гавличека газета была названа «Народни листы» и очень быстро завоевала большую популярность. К концу 1861 г. только в Праге она имела 1200 абонентов, а тираж превышал 6000 экземпляров. За первые два года «Народни листы» превратились в основную силу, формировавшую чешское общественное мнение. Грегр подражал публицистическому стилю Гавличка, пропагандируя его идеи.

Умеренная оппозиция режиму превратилась в своего рода норму для патриотической прессы шестидесятых годов. Юлиус Грегр неоднократно отбывал кратковременные заключения за критические статьи и выплачивал штрафы, широко информируя об этом общественность. За короткий срок он стремительно поднялся на чешский политический Олимп и по степени влияния мог конкурировать с тандемом Палацкий – Ригер.

Патриотический лагерь постепенно распался на два течения – старочехов и младочехов. Несмотря на общую приверженность к австрофедерализму, они имели разные позиции по многим политическим вопросам. Старочехи во главе с Франтишком Ригером придерживались сдержанной и компромиссной линии, отличались подчеркнутой лояльностью к Габсбургам. Младочехи, объединенные вокруг Ю. Грегра и К. Сладковского, были склонны вести наступательную политику, отстаивать интересы, вплоть до ультиматумов. Но ни те, ни другие не считали приемлемым использовать радикальные средства. Они не признавали революцию и при любых обстоятельствах оставались в пределах либеральной оппозиции. Если в парламентских дебатах и кабинетной политики решающее слово было за Ф. Ригером, то в патриотической прессе царил Ю. Грегр. Но окончательный раскол произошел только в 1863 г. под влиянием польского восстания.

Какая же роль в новой политической ситуации отводилась идее славянской взаимности? Грегр неоднократно доказывал, что славянская идея имеет защитную функцию, помогает сохранить «свой характер и язык славянский» и открывает перспективу «всемирной деятельности, предназначенной Великому Славянству»⁶³¹. По

⁶³⁰ Hoch K. Dějiny novinářství od roku 1860 do doby současné // Československá vlastivěda / pod prot. Masarykovy Akademie Práce. Praha, 1933. D. 7 : Písemnictví. S. 453–454.

⁶³¹ Naším politickým přátelům! // Národní listy (далее – NL). 1862. 23. prosince (č. 301).

его мнению, чешский народ «является живой ветвью великого славянского племени, занимающего более половины Европы. Пусть мысль о славянской взаимности будет самым сильным утешением во времена угнетения и пусть всегда будет оборонительным щитом против самого губительного натиска»⁶³². Но он оставался прагматиком и совсем не был очарован всеславянским будущим. Интерес определялся задачами парламентской борьбы и характером полемики с пангерманской и австрийской правительственной прессой. Тема панславизма в шестидесятые годы с удвоенной силой стала привлекать западную публицистику. Официальные круги монархии Габсбургов с пристальным вниманием следили за любыми проявлениями славянской солидарности, видя в них российские происки. Призрак «панславизма» постоянно маячил на страницах крупных правительственных изданий.

В феврале 1861 г. стал издаваться журнал Е.И. Ткалаца «Ост унд Вест», целью которого стало распространение славянской взаимности, чтобы противостоять централизму и бороться за федерализацию Австрии. На него сразу обрушилась правительственная пресса, обвиняя в планах создания всеславянской империи, поднимая полемику вокруг «Завещания Петра Великого»⁶³³. «Народни листы» не преминули сразу включиться в дискуссию, доказывая, что австрофедерализм не имеет ничего общего с этими вымыслами. Но кампания против панславизма уже была запущена. Вихрь обвинений и бездоказательных сенсационных сообщений закрутился, нагнетая страх у обывателей.

В июле 1862 г. наиболее влиятельная венская газета «Прессе» сообщала, что граф Велепольский представил Александру II проект, согласно которому из славянских территорий в Центральной Европе и на Балканах должно быть образовано отдельное государство под протекторатом России. В публикации содержался намек на особую роль великого князя Константина. «Прессе» призывала австрийское правительство выступить с ведущими европейскими державами против России и угрозы панславизма. «Народни листы» в полемике с «Прессе» доказывали, что России чужды панславистские планы, иначе она бы пересмотрела свою польскую политику и активнее поддерживала бы зарубежных славян⁶³⁴. Тем не менее газета предупреждала, что чехи могут увлечься политическим панславизмом, если Австрия не будет готова предоставить им равноправный с немцами статус.

⁶³² *Gregr J. Na rozloučenou // NL. 1862. 27. října (příl. k č. 253).*

⁶³³ „Ost und West“ proti svým nepřátelům // NL. 1861. 21. září (č. 259) ; Kšaft Petra Velikého // NL. 1861. 7. prosince (č. 336).

⁶³⁴ Jak se “Presse” bojí Slovanů // NL. 1862. 24. července (č. 172).

Когда проправительственная газета в статье «Панславистские сны» написала, что чехи не верят в панславизм, и такой угрозы для Австрийской империи не существует, «Народни листы» выступили с опровержением: «Никогда мы не высмеивали идею взаимности славянской и в этом смысле мы – панслависты». Само понятие «славянство» трактовалось не в традиционном духе как литературное, научное (филологическое) взаимодействие между славянскими культурами, а в более общем смысле – как «широкий пояс братской любви, который постоянно все теснее обвивается вокруг ветвей великого племени славянского»⁶³⁵. Становилось очевидным, что младочехи готовы использовать понятие «панславизм» в разных политических контекстах, понимая, какой заложен в нем сильный эмоциональный заряд. Особенно в острых политических дискуссиях с австро-немецкой публицистикой.

Венская пангерманская газета «Донауцайтунг» выступила с призывом создания единого австро-немецкого народа. «Народни листы» сразу ответили серией статей «Великогерманская политика “Донауцайтунг” и наш панславизм». Пангерманизму противопоставлялась солидарность австрийских славян, которые «находятся под защитой всего славянского мира»⁶³⁶. Присваивая понятие «панславизм», чешские политики сознательно шли на определенный шантаж, ведь тогда уже оно вызывало страх. Пафос публикаций «Народних Листу» сводился к альтернативе - если наши требования не будут удовлетворены, то мы поднимем славянский мир, который вступится за нас. Понятно, что это была умозрительная конструкция, имевшая мало общего с реальностью. Но «панславистская угроза» служила неплохим средством поднять собственную значимость в балансах межнациональных отношений монархии Габсбургов.

Кроме этого, «славянство» использовалось как маркер разделения своих и чужих, для преодоления нараставшей германизации. Ведь пангерманское движение, в отличие от панславянского, было мощным и зрелым, сконцентрированным вокруг государственного ядра Пруссии, поддерживалось открыто династией Гогенцоллернов и дипломатическим талантом Бисмарка. Чехам, как и другим малым славянским народам, необходим был защитный фактор панславизма, пусть иллюзорный, но действенный на уровне общественных фоновых представлений. Его силу они быстро сумели оценить в полемике с австро-немецкой прессой. Само использование слова «панславизм» в шестидесятые годы вызывало страх и подозрение не только у австрийских и венгерских либералов, пангерманистов, богемских немцев и чиновников разных рангов в монархии Габсбургов.

⁶³⁵ Panslavistické sny // NL. 1862. 5. sprna (č. 182).

⁶³⁶ Velkoněmecká politika „Donauzeitung“ a náš Panslavismus // NL. 1862. 16. září (č. 218) ; 18.-20. září (č. 220-222).

Но для идеологов чешского движения оставался открытым вопрос: как соотносить славянские и национальные коды в формуле «единого чехославянского народа»? Этноним «чехославяне» получил дальнейшее осмысление. В статье «О моральных свойствах народа» Ю. Грегр констатировал, что «в настоящее время наш народ силен, сейчас он страшен для иностранцев, как святой Вышеград, стоящий на крутой горе»⁶³⁷. Лозунг «Будем единокорны!» отражал стратегию чешской борьбы за конституционное реформирование Австрии на основе федералистского принципа. Для этого нужно, чтобы «единый чехославянский народ» развивал предпринимательство и образование, вел «борьбу в храме науки и искусства», поскольку «вся сила нашего народа состоит в моральном и научной образовании»⁶³⁸. Национальные приоритеты, которые трактовались как наращивание экономических и интеллектуальных ресурсов, превалировали над общеславянскими кодами.

Новый виток в переосмыслении славянской парадигмы начался под влиянием польского восстания 1863 г. В письме депутата Антала Пражака к Франтишку Ригеру описано, как он пытался договориться об общей позиции с польскими депутатами: «Сегодняшние переговоры об адресе были очень щекотливыми, поскольку немцы и поляки упрекали нас, славян, в панславистских тенденциях. Не знаю, будете ли Вы удовлетворены моей речью. Я сослался на 1848 год, когда славяне сохранили Австрию, и сказал, что лишь тогда панславизм будет опасен для Австрии, когда мы усомнимся в роли Австрии. Совершенно ясно, что поляки в любом случае не поддержат нас, если речь пойдет о надежде на отторжение от Австрии. Наша солидарность снова начнется только при условии, если будут обсуждаться общие шаги против германизации и централизации»⁶³⁹.

Действие происходило в июле 1863 г., когда кипели страсти вокруг подавления польского восстания. Чешские политики, чтобы сохранить возможность парламентского сотрудничества с влиятельными польскими фракциями, выступили с резким осуждением действий России. Старочехи – из парламентских соображений, младочехи – чтобы не прослыть среди европейских либералов ретроgrадами. Польское восстание 1863 г. и последовавшие репрессии в Царстве Польском вызвали огромную волну критики России во всей европейской прессе. Европу буквально захлестывали волны сочувствия к польскому движению. Франция и Великобритания открыто встали на сторону восставших, в парламентах разворачивались бурные дебаты в поддержку поляков.

⁶³⁷ O mravných povahách v národě // NL. 1862. 14. května (č. 113).

⁶³⁸ Čeho nam nyní především zapotřebí? // NL. 1861. 5. ledna (č. 5) ; Nynejší naše úloha // NL. 1862. 8. června (č. 135) ; Naší mládeži // NL. 1863. 10. ledna (č. 7).

⁶³⁹ Pražák A. – Riegrovi F.L., 25.06.1863 // Příspěvky k listáři Dra Frant. Lad. Riegra. S. 127.

Но чешские дискуссии о польском вопросе в России начались гораздо раньше восстания. В 1861 г. британский министр иностранных дел лорд Рассел открыто обвинил «русский деспотизм» в невозможности проводить демократические преобразования. Он заявил, что вековая ненависть поляков к русским будет сохраняться и дальше. Комментируя это заявление, «Народни листы» возражали, что компромисс возможен и желателен, если поляки получают максимум свобод, но останутся в составе Российской империи⁶⁴⁰. Польский вопрос всегда вызывал в чешской прессе неоднозначную реакцию. Если реформы Александра II оценивались как свидетельство поступательного и демократического развития России⁶⁴¹, то ситуация в Царстве Польском вызывала противоречивые эмоции и размышления.

Началось с того, что Ф.Л. Ригер получил письмо от А.Ф. Гильфердинга, в котором тот пытался объяснить чехам правительственную политику в Царстве Польском, называя восстание следствием «польского аристократизма». Ф.Л. Ригер категорически отверг эту оценку. Все чешские газеты признавали, что восстание носит всенародный характер. В ответном письме, опубликованном в «Народних листах», он подчеркнул, что никогда чехи не назовут русского человека варваром, но разделяют мнение, что России необходима демократизация»⁶⁴².

Первое время доминировало мнение тандема Палацкого - Ригера, что революция – не метод в решении национального вопроса. Комментируя русско-польский конфликт, чехи намеренно пытались сохранить нейтральную позицию, отмечая, что им одинаково близки поляки – «близнецы наши» и русские – «старшие и более сильные наши братья»⁶⁴³. Острая критика России раздавалась со всех сторон, что вынудило Палацкого выступить с новой позицией. Он предложил разграничивать два понятия – «русский народ», сохранивший славянскую сущность, и «самодержавие». Соответственно, «монголо-немецкая» династия Романовых обросла бюрократией, сосредоточив вокруг себя реакционные силы, и «немецкая высшая бюрократия» не дает России проводить реальную «славянскую политику»⁶⁴⁴. Но и эта трактовка многим показалась слишком сдержанной.

⁶⁴⁰ Nejnovější události v Polsku // NL. 1861. 18. října (č. 286) ; Poláci a Rusové // NL. 1862. 18. ledna (č. 15).

⁶⁴¹ Nynější ruch v Rusích // NL. 1861. 7. listopadu (č. 306), 13. listopadu (č. 312) ; Štorch K. Noviny a novinářství // Časopis Musea Království Českého (далее – ČMKČ). 1857. Roč. 31, sv. 3. S. 419 ; Pokroky Rusů v Asii // ČMKČ. 1858. Roč. 32, sv. 2. S. 253–268.

⁶⁴² Psání Hilferdingovo k Dru Riegroví o polsko-ruské otázce // NL. 1863. 19. června (č. 141).

⁶⁴³ Program markr. Wielopolského // NL. 1863. 2. dubna (č. 77) ; Psání Hilferdingovo k Dru Riegroví o polsko-ruské otázce // NL. 1863. 19. června (č. 141).

⁶⁴⁴ Politická situace // NL. 1863. 18. února (č. 40) ; Rus, Rossija, Moskva // NL. 1863. 24. července (č. 171).

Радикальная газета «Болеслован» обвинила Ф. Палацкого в потворстве «царскому деспотизму» и губительной для чешского движения политической стратегии. Впервые непререкаемый авторитет «историографа чешского народа» был поставлен под сомнение. Палацкий публично ответил на страницах сразу двух газет – «Глас» и «Народни листы», заявив, что всегда видел спасение славянства только в самом славянстве и никогда не поддерживал русское самодержавие. Но, по его мнению, в современных международных условиях только две страны – Англия и Россия – могут позволить себе проводить самостоятельную политику. С этим обстоятельством необходимо считаться молодой чешской нации. Палацкий доказывал, что в Европе действуют заинтересованные силы, которые пытаются сдерживать растущую мощь России. Политика «обновленной Польши» как раз служит таким целям. Палацкий призывал к прагматичному анализу, без эмоционального накала, ведь Россия – единственная держава, которая может противостоять пангерманскому возвышению Пруссии⁶⁴⁵.

Во второй половине 1863 г. напряженность достигла апогея. Палацкого и Ригера раздражало, что Грегр, нарушая партийную дисциплину, публикует тексты, не соответствовавшие политической линии⁶⁴⁶. По инициативе Ф.Л. Ригера была создана новая газета «Народ», редактором которой выступил известный журналист Ян Станислав Скрейшовский, финансировал издание богемский граф Турн-Таксис, высоко ценивший авторитет Палацкого. Раскол между старочехами и младочехами перешел от риторики к институциональному оформлению. Оба печатных органа, представлявших патриотический лагерь, хоть и вступали в полемику, но старались не выносить «семейные ссоры» на публичный уровень, поскольку совместно вели общую борьбу с австро-немецкой и венгерской прессой. Но «Народ» все же проигрывал «Народним листам». Для читающей публики он был слишком пресным, без эмоционального накала, без того налета легкой скандальности, что делало политическую газету интересной и обсуждаемой от народных библиотек до пражских пивных.

Противоречия между «старыми» и «молодыми» поколениями политиков проявлялись в вопросах об отношении к дворянству, школьной реформе, духовенству, созданию Национального театр и, конечно, – России и славянства. Юлиус Грегр, демонстрируя симпатии к польскому движению, даже заявил, что начинает вести

⁶⁴⁵ *Palacký F. Řeč pana Dra Frant. Palackého ve valné schůzi Musea království Českého o deskách zemských // NL. 1863. 8. června (přil. k č. 131).*

⁶⁴⁶ Как Ф. Л. Ригер заявил Ю. Грегру, «ни один член клуба или парламентской партии не может быть самостоятельным». Необходимо жертвовать личным мнением, «чтобы поддерживать единство партии, в котором ее сила, и должно понимать, что коллективный ум стоит большего, чем ум одного человека» (Rieger F.L. – Gregroví J., 30.XI .1863 // ANM. Poz. Fr. Lad. Riegra. Kr. 28/8).

решительную борьбу против русофильства⁶⁴⁷. Судя по публикациям в «Народних Листу» и «Народе», расхождения в оценках России сводились к следующему:

во-первых, младочехи утверждали, что самодержавие «стремится централизовать и русифицировать все славянские племена», а старочешский «Народа» доказывал, что славянская политика чужда русскому правительству⁶⁴⁸;

во-вторых, «Народни листы» признавали, что среди чехов многие испытывают симпатии к России, но при этом в серии статей «Славяне, внимание!» отмечали, что миф о колоссальном богатстве России, добродушии и сердечности русского народа ведет к ослаблению национального движения. Царизм поднимает «всеславянский флаг» только для того, чтобы обелить себя в глазах Европы и показать поляков «предателями славянского дела»⁶⁴⁹;

в-третьих, создавался образ экспансионистской России, жестоко покорившей Кавказ, Азию, творившей насилие в «валашских княжествах», описывались тяготы сибирской каторги⁶⁵⁰. М.П. Погодин характеризовался как «русский полицейский агент», считавший, что «за пару сотню дукатов и несколько орденов можно купить весь наш народ»⁶⁵¹. Ф. Палацкий же, напротив, предсказывал, что в обозримом будущем англичане, североамериканцы и русские будут решать судьбы мира. Он не принимал «русский панславизм», к которому причислял газету «День» И.С. Аксакова и «Московские ведомости» М.Н. Каткова, а также слависта В.И. Ламанского⁶⁵². Но был убежден в том, что чехи должны ориентироваться на Россию, чтобы с ее помощью добиваться своих целей.

Чешский ученый Вацлав Жачек считал, что в это время произошел кризис славянской идеологии⁶⁵³. Польский вопрос, действительно, вызвал бурные дебаты о славянском самоопределении, роли чехов во взаимоотношениях между славянскими

⁶⁴⁷ Národní Listy a nový časopis "Národ" // NL. 1863. 10. prosince (č. 288).

⁶⁴⁸ Slovanstvo a Rusko // NL. 1863. 5. prosince (č. 284) ; Slovanská politika carův ruských // NL. 28. 1864. 28. srpna (č. 233) ; Obhlídka po světě: Rusy // Národ (далее – N). 1865. 23. prosince (č. 351).

⁶⁴⁹ Všeslovanská politika ruské vlády // NL. 1863. prosince (č. 305) ; Slované, pozor! // NL. 28. května (č. 142), 29. května (č. 143).

⁶⁵⁰ Obrázky sibiřské // NL. 1865. 13. ledna (č. 13), 14. ledna (č. 14), 18. ledna (č. 18), 22. ledna (č. 22), 31. ledna (č. 31), 7. února (č. 38), 8. února (č. 39) ; Čerkesové a říše ruská // NL. 1864. 22. září (č. 257) ; Ruské výboje v Asii // NL. 1865. 9. února (č. 40) ; Agresivní snáhy Ruska // NL. 1865. 12. února (č. 43) ; Na jižním Dunaji // NL. 1864. 27. března (č. 84).

⁶⁵¹ Poslání M. P. Pogódina k Frant. Palackému // NL. 1864. 8. července (č. 183).

⁶⁵² Kdo jest Michael Pogodin // N. 1864. 10. července ; Nynější stav Evropy // N. 1864. 29. července ; O ruských univerzitách vůbec a novém jích statutě zvláště // N. 1864. 30. srpna ; Der deutsche Mann in Russland // N. 1864. 24. října ; Z Petrohradu, 25 ledna // N. 1865. 11. února.

⁶⁵³ Žáček V. Polonofilství a rusofilství – dvě alternativy českého slovanství let šedesátých // Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / hlav. red. V. Št'astný. Praha, 1968. S. 232–235 ; *Idem.* Josef Báraček. Praha, 1983. S. 92–114.

народами, соотношении национальных интересов и русофильства. В ходе общественных дискуссий сложилось общее отторжение «русского панславизма», «изобретенного царским правительством и немецкой антиславянской политикой», который не имеет ничего общего со славянской взаимностью. Кредо славянства было сформулировано Юлиусом Грегром: «Мы живем в переходное время, главной задачей которого является осуществление идеи славянской взаимности, мы стоим на пороге великих событий и переворотов, нам нужно прежде всего вооружиться светом просвещения против тьмы (...), чтобы обеспечить полное развитие каждому отдельному славянскому народу в его собственном доме и полного взаимопонимания со славянскими побратимами. Это самое важное средство для осуществления идеи славянской взаимности»⁶⁵⁴.

Впоследствии эти идеи были неоднократно воспроизведены в славянских дискурсах, которыми была перенасыщена чешская публицистика в 1860–1890-е гг. Чешскому движению необходимо было освоить славянскую идею как эффективный политический инструмент для реализации собственных национальных интересов. В новую модель идентичности вписывалась славянская идея, но не в форме всеславянской утопии или безусловного русофильства, а как амбициозное утверждение, что именно чехи развивают взаимность между австрийскими славянами и выступают истинными проводниками идеи славянской взаимности.

Таким образом, отношение к России было противоречивым и непоследовательным, носило ситуационный характер. Чешским политикам важно было соответствовать трендам в европейской либеральной среде, критично настроенной к России. Но и отказаться от идеи, что Россия может выступить их защитницей, если победят пангерманисты в монархии Габсбургов, они тоже не могли. Сам факт существования мощного славянского государства был важен для идеологии малого народа, который защищал свое право на историческое существование. Панславизм помогал словацким интеллектуалам не только отстаивать идентичность своего народа и кодифицировать литературный словацкий язык, но поднимать самосознание своих соплеменников причастностью к большому «славянскому миру». Собственно, панславизм словацкого политика Людовита Штура, равно как славянский мессианизм Михала Милослава Годжи, «гласистов», всеславянские представления Йозефа Мирослава Гурбана и его сына Светозара Гурбана Ваянского, определялись, по существу, поиском модели национального выживания⁶⁵⁵.

⁶⁵⁴ Bulharsko a Bulhaří // NL. 1863. 8. dubna (č. 81).

⁶⁵⁵ *Ivantyšinová T.* Die slawische Idee bei den Slowaken in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Die slawische Idee. S. 24–37.

Лозунг «Будем славянами!» наполнялся новым содержанием. Чешские политики планировали использовать славянскую солидарность в парламентской борьбе за федерализм – «славянство должно основываться на золотых принципах свободного договора, взаимного уважения прав, братской любви и просвещения, а не на кровавом угнетении, ненависти и порабощении духовном и физическом»⁶⁵⁶. Идея славянской взаимности воспринималась как гарантия политической солидарности австрийского славянства. Старочехи и младочехи здесь не имели противоречий. Линия на создание федералистского блока австрийских славян была еще более усилена.

В начале 1864 г. программное заявление было опубликовано в «Народних листах»: «Мы, австрийские славяне, должны будем прежде всего договориться и выработать общую программу, основные пункты которой давно уже определены оппозиционной журналистикой. Общими целями австрийских славян должно быть, во-первых, сохранение Австрии и укрепление ее внутренней силы, во-вторых, завоевание и закрепление политической свободы для всех народов австрийских и, в-третьих, гарантии национального существования для всех нас, австрийских славян, и возвышение нашей национальности»⁶⁵⁷.

Стремление чехов заявить о себе как о лидере австрийских славян в борьбе за федерализацию монархии Габсбургов значительно повышало национальную самооценку и способствовало мобилизации патриотических сил. В 1860-е гг. активно складывалось новое представление о себе как народе высокого нравственного, культурного и интеллектуального развития. Среди общественных ценностей на первый план выдвигались такие качества, как образованность, интеллигентность и предприимчивость. В патриотической журналистике создавался образ народа, обладавшего «политическим мужеством, бесстрашием мысли, национальной гордостью и твердым, мужественным, негибачаемым характером»⁶⁵⁸.

Статистические данные, приведенные в фундаментальном исследовании Мирослава Гроха, показывают, что чешские патриоты, получавшие образование, как

⁶⁵⁶ Naším čtenářům // NL. 1863. 20. prosince (č. 297). Те же идеи о политической солидарности в борьбе за австрофедерализм см. в: Slovanstvo a demokracie // NL. 1865. 8. ledna (č. 8), 11. ledna (č. 11); Panslavistické chimery // NL. 1865. 10. listopadu (č. 249).

⁶⁵⁷ Rakouské Slovanstvo na rozcestí : (hlas Jihoslavana) // NL. 1864. 24. ledna (č. 21). Серия статей под этим названием подробно описывала политическую программу борьбы австрийских славян за федерализм, которую должны возглавить чешские политики: Rakouské Slovanstvo na rozcestí // NL. 1864. 27. ledna (č. 24), 29. ledna (č. 26), 6. února (č. 34); O otázce horvátské // NL. 1864. 20. února (č. 48); Slováne, pozor! // NL. 1864. 29. května (č. 143).

⁶⁵⁸ Hrdinové Milevští // NL. 1863. 7. srpna (č. 183); Vzájemnost Slovanská // NL. 1863. 30. října (č. 253); Konservatism v Evropě // NL. 1864. 26. února (č. 54); Ohlas mínění veřejného v Čechách // NL. 1865. 30. prosince (č. 298).

правило, на кафедре чешского языка и литературы Пражского университета, по своему социальному происхождению были интеллигентами в первом поколении. Их родители – в основном мелкие городские собственники или фермеры. Выходцы из образованных семей (адвокатов, учителей, старших чиновников) составляли всего 2 %⁶⁵⁹. Сравнительно немногочисленной группе интеллектуалов предстояло сделать жизненный выбор. Открыто признавая себя чехом, каждый рисковал не только стать объектом насмешек в немецко-богемской среде, но и серьезно затормозить собственную карьеру⁶⁶⁰.

Это обстоятельство помогает понять причины неуверенности в собственных силах, осознания малочисленности своего народа, характерные для чешских интеллектуалов. Вместе с тем именно в этой среде было широко распространено сознание неповторимой ценности каждого «истинного чеха». Возможно, в этом кроются социально-психологические истоки «нравственной политики», стремление избежать любой ценой кровопролития, ответного насилия, сохранить «золотой фонд патриотов», не прибегая к революционным действиям.

Политическая борьба в монархии Габсбургов стала еще более напряженной, когда проект венгерской политической оппозиции получил поддержку в Хоффбурге. Староцехи первыми осознали, что угроза теперь исходит не от централистов и пангерманистов, а от венгерских дуалистов. В ноябре 1864 г. Ригер выступил с программной статьей, в которой доказывал опасность «распада империи на два центра». Неожиданно в ней прозвучала и славянская тема. Чешскому народу, опирающемуся на «колосс 80-миллионного славянства», не стоит бояться дуализма⁶⁶¹. Пока это был только легкий намек на панславистскую альтернативу дуализму.

С наибольшей силой ответный вызов прозвучал в восьми статьях Ф. Палацкого под общим названием «Идея государства австрийского», опубликованных весной 1865 г. В них подробно излагался план федеративного устройства, доказывалось, что это единственный путь сохранения многонационального государства. Предоставление равных прав «историческим индивидуальностям» империи, под которыми понимались коронные земли, создало бы прочную основу для сохранения монархии Габсбургов от внутренних и внешних вызовов. Ф. Палацкий предсказывал, что ни централизм, ни дуализм не смогут гарантировать стране устойчивого развития и приведут ее к гибели.

⁶⁵⁹ Hroch M. Social preconditions of national revival in Europe. Cambridge ; New York, 1985. P. 48.

⁶⁶⁰ Gottsmann A. "Stockböhmern" oder "Russenknechte"? Das Bild der Tschechen im Spiegel der deutschsprachigen österreichischen Presse in den Jahren 1848 // Österreichische Osthefte. 1992. Bd. 34, № 2. S. 284–293.

⁶⁶¹ My stojíme svou sílou – a svou sílou státi budeme // N. 1864. 15. října.

Начало этого труда было выдержано в строго академическом стиле, приводилась правовая и историческая аргументация, почему централизм и дуализм имеют серьезные изъяны. Но в заключении Ф. Палацкий не удержался от всплеска эмоций: «Когда славян действительно провозгласят подчиненным племенем, как уже было сказано, материалом правительства для двух других народов, тогда природа возьмет свое и в результате ее негибачего сопротивления внутреннее спокойствие сменится тревогой, надежды обернутся отчаянием, возникнут трения и столкновения, направление, рост и результат которых нельзя будет даже представить. День провозглашения дуализма станет, по непреодолимой природе, днем зарождения панславизма в наименее желательной форме. Крестными родителями его будут создатели дуализма. Что будет потом, пусть каждый читатель домыслит сам. Мы, славяне, встретим это с искренней болью, но без боязни. Были мы до Австрии, будем и после нее!»⁶⁶².

Упоминание панславизма прозвучало как альтернатива надвигавшемуся дуализму, попытка его предотвратить, поставив Вене ультиматум. Но не в этом заключалась ключевая идея Палацкого. Чешский австрофедерализм основывался на том, что «свободная Чехия невозможна без мощной и сильной Австрии и наоборот»⁶⁶³. Именно в этой формуле заключалось кредо чешской политики второй половины XIX в.⁶⁶⁴ Все усилия были сконцентрированы на парламентской работе, но прорывов на этом направлении не наблюдалось. Чешские политики неоднократно уходили в пассивную оппозицию, демонстративно отказываясь заседать в представительских органах. Подобная форма протеста должна была заставить правительство и венский двор прислушаться к требованиям федералистского лагеря. Выступления чешских лидеров на парламентских заседаниях, довольно резкие по форме, были обращены против непримиримых врагов – немецких централистов и венгерских сторонников дуализма, но никогда – против Габсбургского дома. Лояльность и легальность – два главных принципа свято соблюдались. Чехи особенно стремились сблизиться с хорватской фракцией, чтобы создать ядро славянского блока в парламенте⁶⁶⁵.

При обсуждении адреса от чешского сейма императору Францу Иосифу в декабре 1865 г. Ф.Л. Ригер особо акцентировал идею: «Австрия нам необходима, чтобы сохранить

⁶⁶² *Palacký F. Úvahy a projevy: z české literatury, historie a politiky. Praha, 1977. S. 382.*

⁶⁶³ Цит. по: *Tobolka Z. V. František Palacký jako politik a historik. Praha, 1898. S. 30.*

⁶⁶⁴ Наиболее полный, на наш взгляд, анализ национальных, государственно-правовых и социально-экономических аспектов австрофедерализма см.: *Kořalka J. Češi v habsburské říši Evropě, 1815–1914. Praha, 1996. S. 16–124.*

⁶⁶⁵ *Kalousek J. Dostaneme li se my, Slované, v Rakousku tété platností a váhy jako jiní národové // N. 1865. 22. února, 12. černence ; Sjednotnost národního snážení. Slovo rakouským Slovanům // N. 1865. Č. 187, 272.*

свое собственное существование. (...) Если, однако, Австрия не поймет своего всемирно-исторического призвания, то она распадется (...), все усилия будут напрасны»⁶⁶⁶.

На этом фоне в очередной раз чешские идеологи переосмысливали для себя роль панславизма. На страницах «Народа» эту тему развивал в основном Йозеф Калоусек, имевший широкие связи среди русских славистов. В кругу близких сподвижников Ригера высоко отзывались о Калоусеке, считая, что «его необычный талант, образцовое усердие и порядочность заслуживают всесторонней поддержки»⁶⁶⁷. Калоусек продолжил мысль Палацкого о панславистской альтернативе. Делал он это осторожно, доказывая, что панславизм используют противники славян, но «вера в эту силу не умерла, есть много таких, кто до сих пор верит еще в панславянскую империю». В соответствии с позицией Палацкого он также призывал четко разделять два панславизма: «один – общеславянский, распространенный между славянами австрийскими, турецкими, русскими и прусскими», который «за исключением чрезвычайных обстоятельств может проявляться только в литературной и вообще моральной взаимности, другой – более узкий, австро-славянский, но заложенный на более широкой основе общих политических интересов»⁶⁶⁸.

Чешская безусловная лояльность Габсбургам проявилась и во время молниеносной австро-прусской войны 1866 г., когда судьба империи повисла на волоске. Венгерская партия Ф. Деака поставила Вене ультиматум и победила. Чешские политики сохраняли преданность и проиграли. Австро-прусскую войну восприняли в Праге как логический результат необоснованной прогерманской политики венского кабинета. Выступить в защиту Австрии означало для чешских патриотов выразить протест против германизации. Ригер писал в своих воспоминаниях: «Действительно, не могло быть серьезных сомнений в преданности чешского народа. Когда война стала уже неотвратимой, в Чехии множились проявления преданности династии и империи, а также сопротивление Пруссии, которую с давних пор ненавидели в Чехии»⁶⁶⁹. В связи с очевидностью исхода «молниеносной» войны многие рассчитывали, что поражение в германской политике заставит Вену обратить внимание на славянских подданных и приступить к федералистской реформе государства. Чешские депутаты открывали очередной раунд парламентских переговоров с хорватами и галицийскими поляками в надежде на перемены.

⁶⁶⁶ Цит. по: *Kalousek J. O vůdčích myšlénkách v historickém díle Palackého // Památník na oslavu stých narozenin Františka Palackého / vyd. Král. Česká společnost nauk [et al.]. Praha, 1898. S. 210.*

⁶⁶⁷ Šimaček A. – Riegroví F.L., 14.10.1866 // *Příspěvky k listáři Dra Frant. Lad. Riegra. S. 167.*

⁶⁶⁸ *Polský "Czas" a Slovanská Beseda ve Vídni // N. 1865. 26. října.*

⁶⁶⁹ *Rieger F. L. Z vlastních pamětí Fr. L. Riegra. II. Za Belcrediho až do vítězství Beustova (1865-67) // Osvěta. 1906. Č. 3. S. 211.*

Историческая встреча между лидерами хорватского (Йосип Штроссмайер), польского (Агенор Голуховский) и чешского (Франтишек Палацкий, Франтишек Ригер, Франтишек Браунер) движений произошла в Вене. Переговоры, которые венская пресса иронично назвала «славянским съездом», растянулись с 26 июля по 11 августа. Однако чешский проект федерализма так не получил поддержку. А. Голуховский, имевший большие связи в венских политических кругах, не верил в изменение прусского курса австрийского правительства. Й. Штроссмайера разочаровал подход чехов к решению хорватского вопроса. Не желая осложнять отношения с Веней, чехи рассматривали его как внутреннюю проблему Венгерского королевства. Встреча закончилась с нулевым результатом. Общую тактику австрийских славян против дуализма так и не удалось выработать. Надежды создать славянский блок за федерализацию рухнули⁶⁷⁰. Чешские газеты еще пытались успокоить своих читателей. Даже когда 30 октября австрийский кабинет возглавил саксонский министр Ф. Бойст, перед которым была поставлена задача реорганизации империи на основе дуализма, в Праге продолжали звучать голоса: «Мы, чехи, являемся сейчас очень важным фактором, определяющим судьбу Австрии»⁶⁷¹.

В начале 1867 г. император Франц Иосиф провозгласил восстановление конституции Венгрии и формирование ответственного венгерского правительства. Сеймы королевских земель были поставлены перед свершившимся фактом. Попытки чехов возобновить переговоры с галицийскими и словенскими депутациями не дали результатов. Богемская аристократия, несмотря на призывы чешских политиков, довольно равнодушно приняла дуализм. Протесты против него выразили только чешский и моравский сеймы. Оставалась надежда, что галицийский сейм их также поддержит. Но в марте под давлением правительства он одобрил создание дуалистической Австро-Венгрии, рассчитывая получить привилегии для Галиции. Местные польские депутаты посчитали, что выгоднее следовать курсу правительства и императора, чем оставаться в славянской оппозиции. Решение галицийского сейма, повлекшее политическую изоляцию чешских федералистов, вызвало шок в Праге.

Старочешская газета «Посел з Праги» предложила в ответ на «польское предательство» обратиться к «наиболее естественному союзнику – русскому народу»⁶⁷². Этот призыв тогда не был услышан. Чешские политики пытались быстрее перестроиться и уже предлагали правительству любые компромиссы, лишь бы права чешской короны

⁶⁷⁰ Šesták M. Vídeňský "slovanský" sjezd roku 1866 // Slovaňský Přehled. 1969. Roč. 55, č. 1. S. 27–34 ; Havránek J. Česká politika, konzervativní aristokraté a uspořádání poměrů v habsburské říši v letech 1860–1867 // Sborník historický. 1970. Roč. 17. S. 67–95.

⁶⁷¹ NL. 1866. 4. listopadu (č. 303).

⁶⁷² Posel z Prahy (далее – PzP). 1867. 23. dubna (č. 49).

были удовлетворены и получили равный статус с венгерской. Но призывы к триализму также не были услышаны. Чешский сейм был распущен. В результате новых непропорциональных выборов в нем сформировалось дуалистическое большинство.

Ф. Палацкий с горечью писал из Вены дочери и зятю Ф. Ригеру: «К чешскому относятся в высших кругах с большей ненавистью, чем когда-либо. Все идет к худшему, и нам требуется действовать осторожно (...) Мне вообще кажется, что государство Австрийское и династия имеют меньше друзей в самой Вене, чем это можно себе представить, и что мы, славяне, хоть и стараемся для нее, гнев обращается против нас, потому что мы не хвалимся и не слушаем, что проповедают»⁶⁷³.

Австро-венгерский компромисс 1867 г. означал крах федерализма и стратегии политической борьбы, разработанной старочешским триумvirатом – Ф. Палацким, Ф. Браунером и Ф.Л. Ригером. 12 апреля 1867 г. чешские депутаты в знак протеста демонстративно покинули заседание сейма, начав «пассивную оппозицию». За день до этого Карел Яромир Эрбен, писатель, переводчик, имевший большие научные контакты с русскими славистами, сообщил М.Ф. Раевскому, священнику при русском посольстве в Вене, что ведущие политики, депутаты сейма «выразили величайшее желание» отправиться в Москву на Всероссийскую этнографическую выставку⁶⁷⁴. Приглашения на выставку пришли на имя К.Я. Эрбена от Н.А. Попова, секретаря Славянского благотворительного комитета, еще в сентябре 1866 г. До марта 1867 г. поехать в Россию собирался только узкий круг пражской интеллигенции, придававший выставке чисто познавательный смысл⁶⁷⁵. С апреля ситуация изменилась. Чешские политики, исчерпав весь арсенал «домашних» средств, чтобы противостоять дуализму, обратились к России. Решение поехать в Россию имело демонстративный характер по отношению к австрийскому правительству. На это и был расчет.

Ведущие чешские исследователи (Отто Урбан, Мирослав Шестак) отмечали, что участие представительной чешской делегации в Этнографической выставке и

⁶⁷³ Palacký F. – Riegroví M., ve Vidni, 25 máje 1865 // Rodinné listy Františka Palackého dceři Marii a zetí F. L. Riegroví. Praha, 1930. S. 230.

⁶⁷⁴ Зарубежные славяне и Россия : документы архива М. Ф. Раевского, 40-80-е гг. XIX в. / сост. В. Матула, И. В. Чуркина. М., 1975. С. 481. Мысль о проведении всеславянского съезда в России подал В. И. Ламанский в письме к Н. А. Попову еще в 1865 г. Когда идея была одобрена, был создан Особый комитет по устройству Славянского отдела при Всероссийской этнографической выставке, куда вошли В.И. Ламанский, Н. А. Попов, М. П. Погодин. Большую роль в организации славянских делегаций сыграл протоиерей русской посольской церкви в Вене о. Михаил Федорович Раевский. См. подробнее: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. С. 167.

⁶⁷⁵ Karel Jaromír Erben – Nilu Aleksandroviči Popovovi, 9.III.1867 // Slovanská korespondence Karla Jaromíra Erbena : korespondence s cizími korespondenty / k vyd. přípr. V. Bechyňová, J. Jirásek. Praha, 1971. S. 268.

приуроченном к ней Славянском съезде следует рассматривать в совокупности с поездкой Ф. Палацкого и Ф.Л. Ригера в Париж весной 1867 г.⁶⁷⁶ Две взаимосвязанные акции с общей целью – придать чешскому вопросу европейское звучание и поднять его политические шансы, когда австрофедерализм потерпел крах. Юлиус Грегр писал в Париж радикалу Йозефу Вацлаву Фричу: «Вам нужно почаще публиковать статьи в журналах и обратить внимание французского общества на то, что весь этот наш конституционный конфликт является, собственно говоря, борьбой немецкого народа со славянскими народами. Предупредите, что в случае нашего поражения в Цислейтании немецкий элемент сильно укрепится в Центральной Европе и поглотит Чехию, Моравию и Силезию»⁶⁷⁷. В апреле – мае Ф. Палацкий и Ф.Л. Ригер остановились на 14 дней в Париже, а затем присоединились в Вильно к другим славянским гостям, направлявшимся в Россию.

Франция воспринималась австрийскими славянами как гарант сохранения монархии Габсбургов и наиболее сильный противовес Пруссии. Не последнюю роль во франкофильских симпатиях сыграло то, что Париж поддерживал поляков в их стремлении создать собственную государственность. Австрийские славяне в своих политических раскладах теперь делали упор на франко-российское сближение. Им было известно, что император Александр II планирует посетить Парижскую выставку в том же мае 1867 г. и встретиться с Наполеоном III.

Чешские политики наивно полагали, что смогут заинтересовать обоих императоров программой федерализации Австрии, чтобы укрепить ее перед угрозой возвышения Пруссии. Об этом свидетельствует письмо Ф.Л. Ригера от 12 мая, в котором он сообщает, что так и не удалось добиться аудиенции у Наполеона III. Французский император поддерживал австрийского канцлера Бойста и оказывал ему знаки благоволения. Заметим, что в Париж приехал и лидер хорватских политиков епископ Штроссмайер, который также пытался найти опору среди французской элиты против венгерского дуализма. Тоже с нулевым результатом. Несмотря на неудачу, Ф.Л. Ригер не терял надежды, рассчитывая в будущем заинтересовать французов судьбой чешского народа. Главное, что на родине эти действия нашли полное одобрение. Верный Й. Калоусек писал из Праги: «С кем только я ни разговаривал, каждый радуется вашей

⁶⁷⁶ Šesták M. Pout' Čechů do Moskvy roku 1867. Praha, 1986. 40 s. ; Urban O. Česká společnost, 1848–1918. Praha, 1982. 690 s.

⁶⁷⁷ Gregor J. – Fričovi J. V., 13.03.1867 // LA PNP. Poz. Frič J. V. Sign. 13/E/9. F. IX. Эти идеи нашли отражение на страницах как старочешской, так и радикальной прессы: Politik. 1867. 10. dubna ; Svoboda. 1867. 1. března (č. 4) ; 1867. 15. března (č. 5).

поездке в Москву и придает ей большое значение – в этот час другого утешения нет»⁶⁷⁸. Пожалуй, ключевое слово для понимания мотивов чешской поездки – «утешение».

Сложно согласиться с мнением С.А. Никитина, который считал, что у Ригера накануне поездки в Россию был план, сходный с так называемым «Константиновым планом», заключавшемся в создании двух славянских государств (балканского союза и западнославянской империи, на престоле которой мог бы оказаться сын великого князя Константина -Вацлав)⁶⁷⁹. Конечно, чешское имя с древними корнями (Богемские земли короны Святого Вацлава) у племянника императора вызывало большой интерес у чешских политиков, а некоторых даже вводило в соблазнительные политические мечтания. Но никакими конкретными сведениями, что «Константинов план» соответствовал бы планам официального Петербурга, мы не располагаем. Тем более, он не соответствовал пониманию национальных интересов у самих чехов. События вокруг «Константинова плана», произошедшие на Славянском съезде, еще раз подтвердили, что, несмотря на демонстративное русофильство, так необходимое чешской политике в экзистенциальный момент, чехи видели свое будущее только в лоне монархии Габсбургов, но никак не России.

3.6. Славянский съезд в России в 1867 г.

Славянский съезд, проходивший с 20 (8) мая по 15 (3) июня 1867 г., занимает особое место в истории взаимоотношений России и зарубежных славян. Австрийские славяне составляли 80 % всех зарубежных делегаций. Самой многочисленной и представительной была чешская делегация (27 человек из 81 присутствовавших на съезде славянских гостей). Впервые зарубежных славян открыто принимали и чествовали не только славянолюбивые круги академической и разночинной интеллигенции, но купеческие и дворянские собрания, представители высшей аристократии и государственных чиновник. Наконец, сам император оказал им прием в Царском Селе. Событие беспрецедентное. На Россию обрушились обвинения в панславизме, резко обострились отношения с Австрией.

Славянский съезд 1867 г. всегда вызывал интерес у исследователей⁶⁸⁰, хотя в этом шумном и эмоциональном событии, ставшем эпицентром общественного внимания, было

⁶⁷⁸ Rieger F.L. – Zeithammroví, 12.05.1867 // Příspěvky k listáři Dra Frant. Lad. Riegra. S. 72 ; Kalousek J. – Riegroví F.L., 06.05.1867; 07.05.1867 // Ibid. S. 171–172.

⁶⁷⁹ Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. С. 240.

⁶⁸⁰ Ivantyšinová T. Slovanský Zjazd v Moskve 1867 v kontexte vz'uhov ruských slavianofilov k Čechom a Slovákom. S. 102–116 ; Kazbunda K. Pout' Čechů do Moskvy 1867 a rakouská diplomacie. Praha, 1924. 142 s. ; Prelog M. Pout' Slovánů do Moskvy roku 1867. Praha, 1931. 183 s. ; Radimský J. Morava a Pout' do Moskvy r. 1867 // Časopis Matice Moravské. 1947. Roč. 67, č. 3–4. S. 341–358.

много демонстративного эффекта. После поражения в Крымской войне, русофобии во время подавления польского восстания Россия демонстрировала Европе свою новую силу – моральное влияние и солидарность с 30-миллионным зарубежным славянством на Балканах и в Австро-Венгрии. Недаром после Славянского съезда император Александр II планировал посетить Наполеона III, который открыто поддерживал польскую оппозицию. В свою очередь депутаты австрийских славян показывали своему правительству, что за ними стоит сила 50-миллионного российского славянства. Балканские славяне демонстрировали османскому правительству, что Россия в случае необходимости защитит своих «единоверных братьев». Впервые панславизм в общественном восприятии Европы сравнялся по степени значимости с пангерманским движением. Правда, только на короткое время, когда Россия впервые на официальном и публичном уровнях чествовала зарубежных славян.

Ф.И. Тютчев писал зятю И.С. Аксакову 10 мая: «Из здешних газет Вы узнаете почти все, но вот чего в них нет. Когда Трепов спрашивал государя, в какой мере допускать заявления в честь славян, ему было отвечено: чем умнее, тем лучше. Когда гр. Толстой, министр просвещения, просил разрешения принять приглашение на обед, даваемый славянами, ему было сказано: ты должен быть на этом обеде ... Сам Толстой дает обед у себя, разделив на две категории за неимением места. Государь, говорят, примет их – или, по крайней мере, некоторых из них. Все это довольно хорошие признаки. Но Вы знаете, у нас во всем преобладает метеорология. Сегодняшняя хорошая погода нисколько не ручается за завтрашний день ... Там, где нет сознательной мысли, не может быть и последовательности»⁶⁸¹.

Славянские гости пересекли границу России 4 мая 1867 г., с 8 по 15 мая они находились в Петербурге, потом переехали в Москву, где пробыли в череде шумных торжеств до 27 мая, далее большинство из них вернулось снова в Петербург, откуда 3 июня отбыло на родину. В строгом смысле это не был Славянский съезд, скорее карусель славянских праздников, охватившая не только две русские столицы, но и многие города, собрания которых посылали приветственные телеграммы и устраивали пиршества в честь славянских братьев. Без преувеличения можно сказать, что май 1867 г. стал настоящим славянским месяцем России.

Существуют два мнения относительно датировки Славянского съезда. Первое – что съезд начался 19 мая на объединенном собрании Московского университета, художественных и научных обществ. Ректор С.И. Баршев, открывая это собрание, назвал

⁶⁸¹ Тютчев Ф. – Аксакову И. Петербург, 10 мая 1867 г. // Литературное наследство. Т. 97, кн. 1. С. 296.

его «первым всеславянским съездом». Этой же точки зрения придерживались М.Н. Катков и В.И. Ламанский⁶⁸². Второе мнение, поддержанное советской историографией - съезд начался с того момента, как славяне пересекли русскую границу и превратился в «торжественное политическое турне», вылившееся в «несколько беспорядочный обмен речами и приветствиями»⁶⁸³.

Съезд освещали все русские газеты. Помимо «Москвы» И.С. Аксакова и «Русского» М.П. Погодина, ежедневные большие отчеты публиковали «Московские ведомости», «Голос» А.А. Краевского, «Биржевые ведомости». Немного меньше внимания уделялось съезду со стороны газеты военного ведомства «Русский инвалид». Почти вся пресса, за исключением двух изданий – «Весть» и «Гласный суд», уделяла много внимания публикациям о славянской взаимности. Еще до приезда гостей в прессе распространялось мнение, что зарубежные славяне слабы, неспособны к самостоятельным политическим действиям, не имеют должного государственного опыта. Полноценное национальное развитие они смогут обеспечить себе, только осознавая «единую духовную нацию» с Россией⁶⁸⁴. «Отечественные записки» убеждали своих читателей, что славяне после «эпидемии партикуляризма», «начинают, наконец, понимать, что для них, как для немцев, необходим объединяющий центр, что таким центром может быть только то славянское племя, которое сумело съиздавна выработать себе самостоятельную государственную жизнь, т. е. племя великорусское»⁶⁸⁵. Более сдержанно вели себя «Санкт-Петербургские ведомости», отмечая полезный культурно-просветительский опыт зарубежных славян, высоко оценивая национальное развитие и самосознание чехов⁶⁸⁶.

В Петербурге славянские делегации удостоились аудиенции у императора Александра II, министра иностранных дел А.М. Горчакова, министра народного просвещения Д.А. Толстого, министра внутренних дел П.А. Валуева. Чешская делегация, официальным главой которой был признан Ф.Л. Ригер, старалась вести себя осторожно, «не вдаваться в политику, а держаться в границах общей славянской взаимности»⁶⁸⁷. Встречи на высоком уровне проходили благожелательно, но сдержанно. На аудиенции у императора Александра II была поднята тема распространения русского языка как языка

⁶⁸² Московские ведомости (далее – МВ). 1867. 19 мая (№ 109) ; Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867. С. 71.

⁶⁸³ Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. С. 188, 192 ; Москаленко Е. А. Чешская делегация на Московском славянском съезде 1867 г. // Проблемы новой и новейшей истории / под ред. Е. Ф. Язькова. М., 1978. С. 166.

⁶⁸⁴ МВ. 1867. 14 мая (№ 105) ; Биржевые ведомости. 1867. 11, 25 мая ; Голос. 1867. 3 (15), 6 (18) мая ; Москва. 1867. 14, 28 марта.

⁶⁸⁵ Отечественные записки. 1867. Т. 172 (23). С. 61–62.

⁶⁸⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1867. 11, 12, 28 мая.

⁶⁸⁷ Rieger F.L. – chotí // Příspěvky k listáři Dra Frant. Lad. Riegra. S. 177.

межславянского общения. Императрица Мария Александровна в беседе с Палацким и Ригером выразила сожаление, что «у всех славянских племен нет одной общей азбуки и одного правописания»⁶⁸⁸.

Но наибольшее впечатление на гостей произвели заключительные слова Александра II: «До свидания, господа!» Вежливое прощание императора было истолковано как обещание поддержки. Корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» сообщал: «Восторг всеобщий. Веселый смех раздавался во время пути, все жали друг другу руки и сообщали слова Государя Императора»⁶⁸⁹. Министр внутренних дел П.А. Валуев сделал любопытную запись в своем дневнике: «Утром в Сенате. Здесь гостит славянская депутация. Странное явление. Она имеет немалое значение для будущего и имела бы еще большее, если бы мы были подготовленнее и вообще пригоднее и пригожее. Все эти славяне – австрийские или турецкие подданные, и между тем как будто бы игнорируют свои посольства. Была речь о приеме их Государем, но кн. Горчаков должен был ответить, что прием может быть испрошен только через помянутые посольства, а славяне к ним обращаться не желают. Всякое официальное участие в гостеприимстве устранено, но между тем публичность этого гостеприимства и число гостей сами по себе имеют свойство некоторой официальности. Государь, по-видимому, смотрит на это не без удовольствия. Он сказал ген. Трепову, спрашивающему, какие демонстрации можно допускать: “Чем больше, тем лучше”»⁶⁹⁰.

В книге историка Карла Казбунды, написанной еще в 1924 г., были собраны интересные свидетельства участников чешской делегации, а также донесения полицейского агента «Романа», которым оказался журналист Франтишек Скрейшовский, брат влиятельного редактора старочешской газеты «Политик» Яна Станислава Скрейшовского. Он же подробно все записывал в «Дневнике», который хранится в Литературном архиве национальной письменности в г. Праге⁶⁹¹. Сравним эти записи.

Эммануил Вавра, член чешской делегации, писал в письме на родину: «Наши люди уклоняются от любого политического либерализма, и против австрийского правительства никто ничего не говорит»⁶⁹². Но эта молчаливая осторожность была нарушена 27 мая на торжественном ужине в гостинице «Бельвию», где жили славянские гости в Петербурге.

⁶⁸⁸ МВ. 1867. 18 мая (№ 108).

⁶⁸⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1867. 15 (27) мая (№ 132).

⁶⁹⁰ 10 мая 1867 г. // Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. С. 205.

⁶⁹¹ Skrejšovský František. Zápisník// LA PNP. Poz. Skrejšovský F. Sign. 6/F/29. См.: Павленко О. В. Дневник Ф. Скрейшовского как печатный источник о поездке чешской делегации в Россию в 1867 году // Идеино-политическая борьба в странах Европы и Америки / под ред. И. В. Григорьевой. М., 1988. С. 132–146.

⁶⁹² Kazbunda K. Op. cit. S. 134.

Неожиданно для всех Ф. Скрейшовский произнес тост за здоровье Вацлава Константиновича – племянника императора Александра II. Учитывая, что он был агентом австрийской полиции, не вызывает сомнений, что выступление носило провокационный характер. Ни в русских, ни в чешских газетах оно не было опубликовано. Но в самом дневнике Франтишка Скрейшовского приведено полностью: «Господа! Вам хорошо известны священные и мученические моменты нашей истории, о которых нам напоминает имя Вацлав, начиная с князя Вацлава и до короля Вацлава IV. Мы свято храним память о святом Вацлаве и называем свою родину – самое дорогое наше сокровище – святовацлавской короной, мы всегда будем беречь это имя. Но, господа, мы уже привыкли к тем болезненным и грубейшим насмешкам, которым в течение долгого времени осыпает это имя немецко-еврейская журналистика в Австрии. Поэтому каждый из нас с радостью услышал, что член наиславнейшей русской царской фамилии носит имя наших славных Пршемысловичей. Позвольте мне, господа, выпить за здоровье светлейшего младшего принца Вацлава! Слава ему!»

Этот тост чешские политики сочли «очень династическим», «недостойным», «направленным против Габсбургов». Сам Скрейшовский записал в дневнике: «тост произвел немалую сенсацию в Праге и Вене и был истолкован против меня»⁶⁹³. Он пытался оправдаться: «Этот тост я специально дословно записал, чтобы всегда, когда потребуется, мог им оправдаться ... Я произнес только в честь имени Вацлава, над которым у нас немцы насмеваются, называя нас “Wenzelkinder” (звучание этого слова «дети Вацлава» схоже с другим словом “Wänzelkinder” – «клопишки». – *О. П.*) и еще хуже. Достоин похвалы, что Константин не постыдился так называть своего сына. Поэтому я не произносил тост за здоровье русского правительства»⁶⁹⁴.

Ф. Палацкий и Ф.Л. Ригер отдельно встречались с канцлером А.М. Горчаковым и великим князем Константином. Убежденные в том, что дуализм приведет к альянсу с Пруссией, чешские патриоты считали, что только союз с Россией спасет австрийское государство. Однако они не получили никаких гарантий от ее официальных лиц. С.А. Никитин, ссылаясь на неопубликованный дневник А.А. Киреева, намекал, что велись разговоры «на политические темы»⁶⁹⁵, но даже если они и были, видимых последствий не наблюдалось.

В Москве тональность славянских празднеств существенно изменилась. Гостей окружили М.П. Погодин, И.С. Аксаков, Н.А. Попов, М. Н. Катков. Количество

⁶⁹³ Skrejšovský František. Zápisník. S. 24–25.

⁶⁹⁴ Ibid. S. 25.

⁶⁹⁵ Никитин С.А. Славянские комитеты... С. 193.

официальных приемов существенно сократилось, зато увеличилось число многолюдных «общеславянских собраний». Из Москвы Э. Вавра сообщал: «Здесь нам вольнее, чем в Петербурге. Больше общаемся с простым народом, и студенты здесь, как огненный шар, постоянно около нас». Особенно славян впечатлил общегородской обед в Сокольниках 21 мая (2 июня). Вавра с восторгом записал: «Подобного я никогда не видел и не поверил бы, что возможна такая славянская манифестация. Москва есть, действительно, резиденция панславизма»⁶⁹⁶. Тем не менее чешские представители чувствовали себя постоянно под наблюдением. Э. Вавра писал Карелу Сабине: «Что публично делалось, Вы прочтете в газетах. Но о чем говорили между собой русские и гости, как это происходило, Вас заинтересует. Всегда по обе стороны около каждого гостя сидело по двое русских, которые спрашивали обо всем, от больших дел до малых, о нашей жизни, а редакторы и профессора между ними все старательно записывали»⁶⁹⁷.

Темы поднимались самые острые и злободневные. Даже в парадных речах на многочисленных собраниях проявлялись разногласия между австрийскими славянами и панславистами. В кулуарах гости и хозяева обменивались мнениями по поводу распространения русского языка как общеславянского, польскому вопросу, принципах взаимодействия зарубежных славян с Россией.

На университетском обеде 20 мая Ф.Л. Ригер выступил с принципиальной позицией, которая, как он писал жене, «некоторым ультрарусам аннексистам не понравилась, но другим – очень, и нашим тоже. Особенно сербам, почти каждый из них по отдельности подходил ко мне и благодарил. Секретарь сербского министерства сказал, что благодарит меня от имени всего балканского полуострова (...). Также г. Юлиус (Ю. Грегр. – О. П.) сказал: “Ригер говорил как Бог, но это не будет нравиться русским”»⁶⁹⁸.

В своей речи Ригер использовал аллегория «липы славянской», где «каждый корень должен держаться своей почвы, ствол липы должен быть и единым, и целым, но венцу принадлежат его ветви. В них и жизнь, и цвет, и красота дерева». Он категорически выступил против унификации всеславянского движения, подчеркивая, что каждый народ имеет право на самостоятельное развитие: «Два пути предложат нам, господа: мы должны избрать либо полное единение, либо разнообразие в гармонии. Решение этого вопроса изменит судьбу целого славянства ... Я держусь того мнения, что разнообразие частей не исключает единства, единство должно искать в гармонии этих частей»⁶⁹⁹.

⁶⁹⁶ Kazbunda K. Op. cit. S. 36–37.

⁶⁹⁷ Kazbunda K. Op. cit. S. 116.

⁶⁹⁸ Rieger F.L. – choti, 02.06.1867 // Příspěvky k listáři Dra Frant. Lad. Riegra. S. 178.

⁶⁹⁹ Речь Ригера была опубликована в: Národní Noviny. 1867. 2. dubna.

Уникальность Славянского съезда в России состояла в том, что в течение месяца гости и хозяева смогли лучше узнать друг друга и понять особенности «своего» и «чужого». Не существовало заранее подготовленных материалов и решений. Они рождались стихийно, в ходе непосредственного общения. Если официальные представители российской власти и высших слоев общества приветствовали зарубежных славян, но держали благоприятную дистанцию, то сторонники имперского панславизма постоянно были с ними. Их публичные выступления и кулуарный обмен мнениями приводили зарубежных славян к выводу, что в России существует сильная и влиятельная «славянская партия». Огромная популярность, которая неожиданно для самих организаторов съезда выпала на его долю, создавала впечатление, что панславизм пользуется покровительством при дворе Александра II и имеет массовую поддержку.

Английский клуб в Москве и Дворянское собрание в Петербурге принимали славянских гостей с участием до 600 приглашенных. От дворянства не отставало и купечество – почти 700 человек участвовало в Купеческом обеде. Профессора Московского университета давали обед с участием 200 приглашенных. Граф Кулешов-Безбородко давал званый обед с участием до 500 человек. Возникла мода на славянство: гостей просили сделать записи в альбомы представительниц громких фамилий; повсюду продавались их портреты; в их честь был написан марш; издан сборник стихов «Братьям-славянам» и т. д. Корреспонденты центральных газет оставили красочные описания масштаба встреч славянских гостей. К примеру, в «Санкт-Петербургских ведомостях» сообщалось об их приезде: «У станции Варшавской железной дороги толпа была еще гуще, масса экипажей покрывала весь двор, а на платформе теснились дамы, джентльмены, генералы, простой народ». Когда экипажи со славянскими гостями поехали в гостиницу, «по всему Вознесенскому проспекту толпы народа, громкие крики. Овации». Встречало до 2 тыс. человек⁷⁰⁰. В Москве также «несчетные толпы народа»⁷⁰¹. Из разных губерний поступало множество приветственных телеграмм. Именно это событие придало прежде разрозненным панславистским теориям в России форму сложившейся идеологии. Можно выделить несколько позиций, с которыми выступили на съезде сторонники панславизма.

Первое. Главная идея, озвученная на всех уровнях принимающей стороной (от императрицы до студентов Московского университета) заключалась в том, что русский язык должен стать общеславянским. В.И. Ламанский к приезду гостей перевел и издал на русском языке сочинение словацкого политика Людовита Штура «Славянство и мир

⁷⁰⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1867. 11 (23) мая.

⁷⁰¹ Москва. 1867. 14 мая.

будущего», а также опубликовал собственную работу «Чтения о славянской истории»⁷⁰². В своих выступлениях на съезде он подчеркивал, что у славян «единство интересов, общность целей и задач», и прежде всего «знамя первоучителей, собравших нас в одну славянскую церковь, объединивших нас славянской грамотой, общим письменным языком»⁷⁰³. М.П. Погодин в газете «Русский» особо пропагандировал идею общеславянского языка⁷⁰⁴. И.С. Аксаков на страницах «Москвы» не только призывал славян оставить «мелочно-эгоистичные побуждения» и принять русский язык в качестве основного своего общения, но настаивал и на общем вероисповедании⁷⁰⁵. М.Н. Катков призывал к «племенному панславизму» на базе «единства языка». Принять русский язык как средство основного общения между всеми славянами расценивалось им «как дело великое и плодотворное в истории всемирной цивилизации»⁷⁰⁶.

Вторым по степени значимости был для русских организаторов польский вопрос. В.И. Ламанский в своем выступлении в Дворянском собрании подчеркивал, что славянам пора покончить с «домашними ссорами». В разговорах с Ф.Л. Ригером он заявлял, что желает мирного разрешения ситуации в Царстве Польском, чтобы поляки оставили ненависть к России и приняли взаимоприемлемые условия⁷⁰⁷. Но именно польский вопрос стал ложкой дегтя на славянском празднике. Опять инициативу на себя взял Ф.Л. Ригер, который публично предложил компромиссный вариант: Россия признает суверенитет Царства Польского, а поляки отказываются от своих притязаний на Малороссию. Нельзя утверждать, что Ригер не понимал, перед какой аудиторией он выступает: «Я также знаю, что многим у вас не понравится то, о чем я говорю, но Бог мне свидетель, я не сказал ни слова пристрастного – здесь и там горечь обиды, но настанет время холодного размышления»⁷⁰⁸. Примечательна запись Скрейшовского: «Ригер испил чашу горечи до дна, и честь ему за это будет. Я подошел к Ригеру и выразил свое уважение. Он мне ответил: “Это доказывает, что у меня есть смелость”»⁷⁰⁹. В зале, как писал корреспондент «Московских ведомостей», слышались «одобрительные восклицания и сильный ропот». Замешательство русской стороны разрешило выступление кн. В.А. Черкасского: «Мы можем, не краснея ни перед Европой, ни перед общим славянским миром, заявить, что

⁷⁰² Об истории перевода трактата Л. Штура см.: *Ivantyšinová T. Češi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov (40.–60. roky XIX. storočia)*. Bratislava, 1987. S. 220–225.

⁷⁰³ Выступление В. И. Ламанского в Дворянском собрании было опубликовано: МВ. 1867. 23 мая (№ 112).

⁷⁰⁴ Русский. 1867. № 25–26.

⁷⁰⁵ Москва. 1867. № 38, 40, 58, 69.

⁷⁰⁶ МВ. 1867. 23 мая (№ 112) ; 13 апреля (№ 82).

⁷⁰⁷ *Kazbunda K.* Op. cit. S. 117–122.

⁷⁰⁸ МВ. 1867. 24 мая (№ 113).

⁷⁰⁹ *Skrejšovský František. Zápisk. S. 36.*

отношения эти были не только правомерными, но еще в высшей степени льготными», «нет той силы на свете, которая могла бы переменить установившиеся ныне государственные отношения России к Польше»⁷¹⁰.

Третья идея – это выражение солидарности с борьбой за равноправное положение славянских народов. Но представители российских славянолюбивых кругов по-разному ее понимали. М.П. Погодин постоянно сопровождал славянских гостей и даже устроил в их честь обед у себя на Девичьем Поле в Москве. Публично он заявил: «...мы, русские люди, выразим в эту торжественную минуту перед лицом всей Европы наше искреннее, глубокое и вместе с тем, смеем сказать, законное и справедливое желание, чтоб славянские племена – под чьей бы державою теперь не состояли бы – пользовались всеми правами, кои подобают европейским гражданам XIX столетия...»⁷¹¹ Правда, М.П. Погодин легко менял свои представления. За месяц до съезда, выступая в Московском университете с лекцией о славянских племенах, он «изложил их нужды, их желания, их стремления соединиться в единый народ и примкнуть к России». С пафосом тогда он выражал надежду, ЧТО царь «совершит великое дело освобождения и соединения славян»⁷¹².

Вообще идея освобождения славян была одной из наиболее популярных весной – летом 1867 г. В стихотворении Ф.И. Тютчева, посвященном славянским гостям, с не меньшим пафосом предрекалось: «И слово “Царь-Освободитель” / За русский выступит предел».

На обеде в Дворянском собрании Ф.И. Тютчев прочитал стихи, в которых были отражены его основные идеи:

«Но все же мы народ единый
 Единой матери сыны
 Но все же братья мы родные!
 Вот, вот, что ненавидят в нас!
 Вам не прощается Россия,
 России – не прощают вас!»

После того как «Москва» И.С. Аксакова была закрыта, основным источником происходившего на съезде стали «Московские ведомости» М.Н. Каткова. Его взгляды на славянский вопрос заслуживают отдельного рассмотрения, поскольку на рубеж 1860–

⁷¹⁰ МВ. 1867. 24 мая (№ 113).

⁷¹¹ Там же.

⁷¹² Биржевые ведомости. 1867. 8 апреля.

1870-х гг. приходится пик его политического влияния. Газета задавала тон в среде государственной бюрократии, купечества, офицерства, консервативно мыслящих интеллектуалов и аристократов. М.Н. Катков был наиболее влиятельным российским журналистом, с которым считались министры и придворные лоббисты.

Он убеждал читателей, что монархия Габсбургов не сможет долго существовать и вскоре распадется на небольшие независимые государства – «каждый из них может и должен жить своим двором и иметь свое хозяйство, в полной независимости друг от друга, но составляя нечто целое, нечто единое, как родственные семьи»⁷¹³. По сути, высказывалось мнение, что славянские государства на руинах монархии Габсбургов могут существовать только под протекторатом России. Об этом М.Н. Катков откровенно говорил славянским депутациям. Тот же Э. Вавра писал, что «он обещает, что они не дадут утонуть какому-либо славянскому племени, и орел русский будет охранять каждую пядь славянской земли». В личном разговоре М.Н. Катков поведал ему, что в ближайшем будущем ожидается большая русско-европейская война⁷¹⁴.

Но в редакционных статьях «Московских ведомостей» проводилась другая мысль: Россия не имеет завоевательных планов, и «опасения всемирной славянской монархии лишено всякого основания». Более того, «Россия, конечно, не может желать онемечивания австрийских славян, но если бы предстоял выбор между их онемечиванием и их присоединением к России, то всякий русский патриот, скрепя свое славянское сердце, предпочел бы первое»⁷¹⁵. Дискуссию о будущем славянских народов поддерживали все российские газеты, которые в большинстве своем утверждали, что России невыгодно присоединение к империи славянских земель. Часть из них считала, что в будущем возможно создание славянских государств – «между нами и Европой явится крепкий оплот»⁷¹⁶. Другие полагали, что для России будет выгоднее, если славяне останутся в пределах своих государств – Австрии и Турции, где они смогли нейтрализовать враждебность этих стран⁷¹⁷. Но в большинстве материалов проводилась мысль о том, что монархия Габсбургов не имеет будущего. Неудивительно, что чешская программа австрофедерализма вызывала непонимание и критику. М.Н. Катков расценивал ее как

⁷¹³ МВ. 1867. 14 мая (№ 105).

⁷¹⁴ *Kazbunda K.* Op. cit. S. 124, 138.

⁷¹⁵ МВ. 1867. 13 апреля (№ 82).

⁷¹⁶ Отечественные записки. 1867. Т. 172. С. 110 ; Голос. 1867. № 124, 127, 143, 161 ; Москва. 1867. 18 февр., 14 марта, 7 июля.

⁷¹⁷ Биржевые ведомости. 1867. 11 мая, 25 мая.

«нелепые мечты о славянской конфедерации, связуемой немецким цементом, с немецким мозгом и сердцем во главе – в особе потомка Габсбургов»⁷¹⁸.

События мая в России вызвали огромную обеспокоенность в Вене. По поручению канцлера Бойста австрийский поверенный в Петербурге барон Ревертера встречался по этому поводу с канцлером А.М. Горчаковым. Согласно его донесению в Вену, российский министр иностранных дел спокойно уверил его в том, что «правительство не имеет ничего общего с прославлением так называемой славянской народности, которая, очевидно, не будет иметь других сторонников, кроме определенной части московской печати, известной своим заступничеством и эксцентричностью»⁷¹⁹. Примерно то же ответил А.М. Горчаков и прусскому посланнику⁷²⁰.

В это время австрийский посол Ревертера поставил перед А.М. Горчаковым вопрос о прорусской пропаганде среди русинов в Галиции, направленной против Австрии. Более того, он не исключал, что российское правительство явно заинтересовано в распространении своего влияния на Галицию⁷²¹. В разговоре с А.М. Горчаковым он также поинтересовался, как отнеслось бы российское «правительство к тому, если бы в Царстве Польском начались проавстрийские выступления?» Однако в ответ было заявлено, что вряд ли там найдется много желающих. А.М. Горчаков уверял графа Ревертеру в том, что «правительство не имеет ничего общего с прославлением так называемой славянской народности, которая очевидно не будет иметь других сторонников, кроме определенной части московской печати, известной своим заступничеством и эксцентричностью». Примерно то же он заявил и прусскому посланнику⁷²².

В 1868 г. император Александр II при встрече с австро-венгерским поверенным бароном Вечерой весьма осторожно высказывался в отношении австрийских славян: «...разве император австрийский мог полагать, что я хотел завлечь его подданных? Пусть все эти демонстрации мне были неприятны, я не оказывал им помощи, а только жалел их»⁷²³. Намеренное употребление слова «жалел» содержало скрытый намек на угнетенное положение славян в Австро-Венгрии.

⁷¹⁸ МВ. 1867. 25 марта (№ 68) . Критика австрофедерализма неоднократно звучала со страниц русских газет: МВ. 1867. 13 мая (№ 104), 23 мая (№ 112) ; Москва. 1867. № 40, 58, 77 ; Голос. 1867. № 121.

⁷¹⁹ *Kazbunda K.* Op. cit. S. 86.

⁷²⁰ Сообщение из берлинской газеты “Reform” было перепечатано чешской газетой: *Posel z Prahy.* 1867. 3. srpna.

⁷²¹ *Graf Revertera an Baron Beust, St. Pb. 19/7 Juni 1867 // NHSA. PAX, K. 58 (Russland, 1867. Berichte).* F. 438 v.

⁷²² *Kazbunda K.* Op. cit. S. 86.

⁷²³ *Ibid.* S. 87.

Русские либералы, критиковавшие имперский панславизм, были потрясены массовой поддержкой, которую получили организаторы съезда. Примечательно письмо А.А. Котляревского к А.Н. Пыпину: «Публика – я равнодушен к ней даже более, чем к приезду “дорогих гостей”, как здесь говорят, т. е. славян. Кстати о них: жаль их от души: неужели проявление русской дури они примут за что-нибудь серьезное и возложили на нее свои надежды? Что это такое в самом деле: откуда эта вакханалия славянским (нрзб) не по разуму, откуда вдруг явилось такое количество славяно-любцев, откуда это тотальное преображение в Ламанских? Все это делается, конечно, искренне, но чересчур глупо, а для славян – опасно: подует ветер – и мы их в точки. И это должно быть – поверьте мне. В Москве им готовятся такие же кутежи с такими же глупыми овациями, как у Вас или еще хуже, потому что Москва имеет то высокое преимущество перед Петербургом, что в ней дураков менее, чем в Петербурге. Зато все они – отличного сорта, каких у Вас нет, на выбор, одним словом, и гораздо более, чем Ваши экземпляры, страдают хроническим умопомешательством, а они-то – поповоды славянской суматохи. Извините за брань, зло берет»⁷²⁴.

Своеобразие славянских торжеств заключалось в том, что съезд, несмотря на огромный эмоциональный накал и массовый масштаб, не имел видимых практических результатов. Между сторонниками имперского панславизма и славянскими гостями проявились серьезные расхождения. Не получила признания предлагаемая принимающей стороной трактовка славянской взаимности («гармония в единстве», безусловное признание руководящей роли России в славянском движении). Несмотря на многочисленные попытки со стороны хозяев, славянские делегации так и не признали необходимость распространения русского языка как основного средства межславянского общения. Наконец, ожидавшаяся устроителями съезда поддержка со стороны славян политики России в Царстве Польском также не удалась. Тем не менее, именно это событие дало мощный импульс распространению славянского движения в России и восприятию славянской темы в общественных и интеллектуальных дискурсах.

Не меньший эффект был произведен в землях австрийских славян, выразивших протест против введения дуализма демонстративным русофильством. Началась кампания за изучение русского языка, во время народных гуляний исполнялся государственный гимн России, развернулась шумная пропагандистская акция вокруг чешских изданий книг Н. Данилевского и Р. Фадеева⁷²⁵. Противник русофильства Карл Фрич писал своему брату

⁷²⁴ Котляревский А. А. – Пыпину А. (б/д) арх. пометка – 1867 // ОР РНБ. Ф. 621 (Пыпин А. Н.). № 441.

⁷²⁵ *Žáček V. Doznívání myšlensky slovanských sjezdů po roce 1867 // Slavia. 1981. Roč. 50. S. 395–407.*

Йозефу Фричу, известному чешскому радикалу, жившему в эмиграции в Париже: «Мне кажется, что вся чешская земля опьянела! Или сошла с ума – с ужасом предчувствую, что все скоро будут панславистами. Плохо, что мы не можем никак выступить против них, т. к. каждое слово “против” расценивается как одобрение германизации»⁷²⁶.

Значительный эффект от съезда получило благотворительное движение в России в пользу зарубежных славян. С.А. Никитин в фундаментальном исследовании о славянских комитетах отмечал, что в их составе на рубеже 1860–1870-х гг. появляется все большее количество офицеров⁷²⁷. Общественный интерес к славянской теме способствовал открытию новых комитетов в Петербурге (1868), Киеве (1869) и Одессе (1870). Традиционно интерес и симпатии были сосредоточены прежде всего на «единоверных единоплеменниках», т. е. балканских славянах. Но по сравнению с предшествующим периодом возросло внимание и к австрийским славянам. На средства комитета, к примеру, в Вене в 1868 г. издавался журнал «Славянская заря». Он пропагандировал идеи не только литературного, но и политического панславизма. С этого же времени стала оказываться финансовая поддержка обществу «Русская основа», состоявшему из славянских студентов, обучавшихся в Вене. Его организатор М.Ф. Раевский пытался объединить австро-славянскую интеллигенцию на основе изучения русского языка и знакомства с культурой России⁷²⁸.

В мае 1868 г. был опубликован Краткий отчет о 10-летней деятельности Московского СБК. В счете для типографии значилось 12 000 экземпляров для рассылки от Московских Ведомостей и 26 000 экземпляров – отдельно⁷²⁹. Эти цифры, конечно, не являются показателем острого интереса к славянской теме, но все-таки свидетельствуют, что более 30 тысяч российских подданных готовы были поддерживать славянское дело. Основные счета по типографским и издательским расходам Московского Славянского благотворительного комитета примерно до 1870 г. осуществлялись через Контору типографии, литографии и словолитни Императорского Московского университета, которой руководил М.Н. Катков⁷³⁰. Печать бланков для СБ размещалась также и в Русских Ведомостях, которые давали почти 50 процентную скидку.

Н.А. Попов выделил основные направления деятельности СБК за десятилетний период: «воспитание южных славян из турецких областей в русских учебных заведениях,

⁷²⁶ Frič K. – Fričovi J. V., květen 1867 // LA PNP. Poz. Frič J. V. Sign. 13/E/9. L. X.

⁷²⁷ Никитин С. А. Славянские комитеты... С. 62–98.

⁷²⁸ Протокол заседания Славянского благотворительного комитета // Московские университетские известия. 1868. № 9 ; Протокол заседания Славянского благотворительного комитета 26 марта 1869 г. // Там же. 1869. № 6. С. 21.

⁷²⁹ ГАРФ. Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

⁷³⁰ Там же. Л. 1, 69.

поддержка православных церквей и школ в тех же областях, обмен литературными произведениями со славянами Австрийской империи и поддержка у них таких литературных предприятий, которые служили общеславянским целям». Большие суммы на обучение южных славян в России жертвовали основатели Комитета – А.Н. Бахметьев, М.П. Погодин. Беспокойство у членов Комитета вызывало проникновение «унитатской пропаганды» в некоторые части «болгарской Македонии». А.Н. Бахметьев и А.В. Рачинский много сделали, чтобы воспрепятствовать этому движению⁷³¹. Была оказана также большая материальная поддержка Черногории во время восстания под предводительством Даниила I. И.С. Аксаков со страниц своего издания «День» организовал значительный сбор пожертвований для Цетиньи и Белграда⁷³².

Не менее важная тема, на которую обращал внимание Нил Попов, это – конкуренция с западноевропейскими благотворительными обществами, которые развернули на Балканах активную деятельность. «В то время как они насчитывали десятками тысяч своих членов и имели покровителей между коронованными лицами, Славянский Комитет считавший в начале среди своих членов 31 основателя и немногим больше число постоянных ежегодных жертвователей», к концу первого десятилетия своего существования потерял их значительную часть», из-за смерти или переезда из Москвы. Не все из постоянных членов принадлежали к «славянофильской школе»⁷³³.

Благотворительность, как правило, имела две основные формы – посылка денежных пособий и отправка книг. К примеру, в протоколе заседания СБК от 16 февраля 1868 г. читаем: «Определенно выслать для русских учебных заведений в Галиции – 1000 рублей, для словацких – 700 рублей, бедствующим славянским студентам Венского университета – 600 рублей, в пользу славян, пострадавших за поездку в Россию, – 800 рублей»⁷³⁴. В другом протоколе значится, что в австрийские владения было отослано около 5000 томов исторических сочинений, которые предназначались для Галицийской русской матицы, Русского народного дома во Львове, общества Иоанна Крестителя в Венгрии, Словацкой матицы и словацких гимназий в св. Мартине и Великой Ревуче, Чешского музея в Праге, академического общества «Славянская беседа» в Вене и др.⁷³⁵

Обращает на себя внимание, что эта форма благотворительности, была ориентирована в значительной степени на Галицию и словацкие земли Венгрии. При открытии Киевского

⁷³¹ Там же. Л. 4.

⁷³² Там же. Л. 5.

⁷³³ Там же. Л. 3.

⁷³⁴ Протокол заседания Славянского благотворительного комитета в Москве 16 февраля 1868 г. // Московские университетские известия. 1868. № 3. С. 4–5.

⁷³⁵ Протокол заседания 27 апреля 1868 г. // Там же. 1868. № 5. С. 3–4.

отделения СБК 1 октября 1869 г. М.П. Погодин прямо наметил цель – содействовать распространению русского языка и православия в Галиции и Венгрии: «Вот этим, т. е. русским языком, мы настроим в Европе такие себе батареи и верки, перед которыми ничего не значат каменные и земляные укрепления. С языком тесно связано Православие»⁷³⁶. Так, в 1868 г. по инициативе Константина Леонтьева началось пожертвование средств на открытие Русского театра во Львове. В газете «Москва» Иван Аксаков разместил обращение о пожертвовании на устройство русского театра во Львове. Леонтьев писал: «Всякий образованный русский поймет, как важно было бы убедить западных и юго-восточных славян в том, что Россия не только великая политическая сила, но и сила культурная». Из первых шести пожертвований, как следует из списка, приложенного к записке Леонтьева, были от российских дипломатов, работавших в консульстве в Галиции⁷³⁷.

Социальный состав членов комитета был весьма разнороден. Многие из его ведущих деятелей были тесно связаны с Министерством иностранных дел. Так, М.П. Погодин и И.С. Аксаков имели дружеские отношения с директором Азиатского департамента Е.П. Ковалевским, Н.А. Попов – с Н.П. Игнатьевым, послом в Константинополе. В.И. Ламанский и А.Ф. Гильфердинг были известны своими широкими официальными связями, а к М.Н. Каткову, издателю «Московских ведомостей», съезжались самые видные государственные деятели.

Большое влияние на настроения в российской элите оказывал великосветский салон графини Блудовой. Статс-дама императрицы пользовалась большим расположением императорской семьи и имела огромное влияние на придворный мир и высшие правительственные круги. Она искренне разделяла идеи освобождения славян от Османской империи и создания независимых государств на Балканах. Даже всеильный канцлер А.М. Горчаков не рисковал вступать с ней в ссору, дипломатично затушевывая резкие панславистские утверждения, которые разносились по Петербургу из ее салона⁷³⁸.

С конца 1860-х гг. в документах Славянских благотворительных комитетов появляется новый сюжет, связанный с переселением в Россию австрийских славян, большинство которых составили чехи. Этим активно занимался Славянский комитет в Петербурге, который возглавил А.Ф. Гильфердинг, имевший тесные связи с М.Ф. Раевским. По этой линии стал обсуждаться вопрос о переселении чешских учителей, музыкантов, а также мелких предпринимателей в разные регионы России (в Москву,

⁷³⁶ Колмаков Н. М. Очерк деятельности Киевского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования (1869–1894 гг.). Киев, 1894. С. 11–12.

⁷³⁷ ГАРФ. Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). Оп. 1. Д. 20. Л. 1–2.

⁷³⁸ Извольский А. П. Воспоминания. Минск, 2003. С. 120.

Петербург, юго-восточные губернии, на Амур). Сразу возникли финансовые сложности. В фонде Ф. Палацкого, хранящимся в чешском Архиве национальной письменности, находится письмо от В. Губина – корреспондента «Московских ведомостей» в Америке. Он развернул там агитацию среди чешских колонистов по поводу их переезда в Россию. В. Губин просил содействия Ф. Палацкого и Ф.Л. Ригера в поиске финансовых средств для осуществления этой акции⁷³⁹. Эта тема активно обсуждалась в 1868–1869 гг. в переписке между Московским и Петербургским славянскими благотворительными комитетами. Все были озабочены поиском финансовых средств⁷⁴⁰.

В июне 1868 г. на государственном уровне было принято решение о предоставлении «южнославянским выходцам, отличившимся по удостоверению Министерства иностранных дел заслугами или преданностью России» участков из казенных земель в Таврической губернии от 50 до 400 десятин, если они переходят в российское подданство. Условия были весьма привлекательными – в течение трех лет участки освобождались от оброка, а после десяти лет использования должны были перейти в полную собственность с правом наследования⁷⁴¹. Эта практика продолжалась и в 1870-е гг.

Таким образом, славянская политика России в пореформенные годы только начала формироваться, но уже на первом этапе сложились следующие направления:

- (1) этно-религиозная благотворительность под эгидой Святейшего синода, распространение православной миссии России в землях австрийских славян;
- (2) ослабление цензурных запретов дало возможность свободно обсуждать в прессе славянский вопрос и идеи имперского панславизма;
- (3) деятельность общественных славянских благотворительных комитетов;
- (4) организация и проведение под патронатом императорской семьи масштабного события – Славянского съезда 1867 г. После успеха этого съезда Московский славянский комитет пытался централизовать славянские движения за рубежом, но эти усилия не увенчались успехом;
- (5) подготовка и осуществление в конце 1860-х гг. эмиграции балканских и австрийских славян в южнорусские губернии на правах свободных переселенцев⁷⁴².

⁷³⁹ Gubin V. – Palackému F. // LA PNP. Poz. Palacký F. Sign. 15/A/2.

⁷⁴⁰ Гильфердинг А. Ф. – Батьянову И. В., 1 августа 1869 г. // ОР РНБ. Ф. 182 (Гильфердинг А. Ф.). Оп. 2. № 10. Л. 9. В письме к Н. А. Попову предлагает сконцентрировать усилия двух комитетов по поиску материальной поддержки чешским переселенцам // ОР РНБ. Ф. 182. Оп. 2. № 10. Л. 7–8. Посылая письмо М. Ф. Раевскому вместе с деньгами, он опять сетовал на дефицит средств // ОР РНБ. Ф. 182. Оп. 2. № 16. Л. 1.

⁷⁴¹ Высочайше утвержденная 12 июня 1868 г. при пожаловании земель южнославянским выходцам // ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2.

⁷⁴² Павленко О. В. Концепция славянской взаимности в России и Чехии в 60-е годы XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 27 с.

Выводы

В 1850–1860-е гг. славянский фактор стал оказывать значительное влияние на формирование официальных и общественных дискурсов в России, сильно возросло также его влияние среди австрийских славян, но на правительственном уровне в монархии Габсбургов он вызывал скорее опасения и раздражение, превратившись в «панславистскую угрозу». Это было переходное время, когда Россия постепенно осмысливала для себя славянскую миссию, а монархия Габсбургов пыталась найти эффективную защиту от пангерманизма и панславизма.

1. Если в первой половине XIX в. дихотомия «Россия – Запад» задавала тон философским дискуссиям узкому кругу интеллектуалов, то после распада Священного Союза она превратилась в геополитический код, который воспроизводился в разных течениях политической мысли и глубоко вошел в коллективное подсознание. Славянская политика, которая стала формироваться в России под влиянием Крымской войны, потери черноморского флота и оккупации Крыма была, по существу, геополитической проекцией глубинных процессов, охвативших российское общество от аристократов до купечества и младшего офицерства. Изначально славянский проект разворачивался в контексте имперского территориального императива, поэтому и «славянский мир» мыслился в иерархических категориях старшинства. Это была также и первая национальная презентация России внешнему миру, которая демонстрировала мощь 80-миллионного славянства, сплоченного вокруг нее. Таким образом, имперский панславизм стал своего рода компенсацией за потерю ряда преференций великой державы, помогавший по-новому осмыслить будущее. В нем отразился сложный процесс самоопределения российского общества в европейской системе, резкий поворот от общеевропейского универсализма к осознанию истоков, своих национальных интересов и собственного пути развития.

2. В общественных обсуждениях славянского вопроса в России было столько разнообразных интерпретаций, что не приходится говорить о существовании некоей общей модели «русского панславизма». В центре подобных дискуссий была не столько славянская тема, сколько будущее России. Либеральные, консервативные и радикальные подходы сталкивались вокруг понимания власти и общества, патриотизма и миссии России в мире. По сути, панславизм не имел определяющего значения в бурных спорах о российских ценностях. Скорее, он служил идеологическим стимулом, необходимым для того, чтобы понять, что должно составлять основу коллективной идентичности. Тем не менее, славянолюбивые настроения в конце 1860-х гг. были уже широко распространены

как в консервативных, так и либеральных кругах и составляли существенную часть российской политической мысли.

3. С середины столетия мощные макроэкономические и культурные сдвиги обострили конкуренцию между великими державами за сферы влияния. Новый европейский мир и порядок зарождались в столкновении двух встречных процессов – кристаллизации наций модерна и проектов «сверху» – создания общегосударственных / имперских наций. Каждое из национальных сообществ стремилось максимально использовать свои ресурсы и создавать конкурентные преимущества. На языке европейской геополитики это означало, что начался новый этап конкуренции великих держав за моральное, а следовательно, и политическое влияние на «малые народы». Россия одной из первых осознала необходимость общественной поддержки зарубежных славян. Речь не шла о сращивании имперского панславизма с петербургской дипломатией, которой были чужды идеи славяно-русской империи или «племенной войны» в Европе. Дипломатичная «игра» в панславизм, начавшаяся в 1860-е гг., была необходима, чтобы держать в напряжении Австрию за нарушение союзнических обязательств во время Крымской войны. Европейским державам, проводившим политику сдерживания России, давалось понять, какую «духовно-нравственную силу» она имеет на зарубежных славян. И самое главное – что с этой силой необходимо считаться. Наконец, важно было сохранить влияние на Балканах, не переходя границы «благожелательного нейтралитета». Но главной целью этого периода оставалась отмена статей Парижского договора 1856 г. Иными словами, славянский фактор для российской политики стал новым инструментом в отстаивании национальных интересов в условиях резкого изменения балансов сил не в пользу России.

4. В монархии Габсбургов, напротив, власти опасались использовать славянский фактор, несмотря на лояльность и преданность своих славян. Здесь сложился особый и единственно возможный тип панславистских представлений, отличавшихся национальным прагматизмом и австрофильством. Однако, термин «панславизм», дискредитированный австро-немецкой и венгерской прессой, активно использовался в политических дебатах. Движения австрийских славян, за исключением галицийских поляков, были слишком умеренными на фоне динамичного и драматичного развития национального вопроса в Европе. Логично, что «панславизм» служил им в качестве своеобразного заместителя радикальной оппозиции. К нему прибегали чешские политики только в критические периоды, когда надо было показать австрийскому правительству, что у славян есть альтернатива. Русофильство и всеславянская ориентация становились в эти периоды своеобразным выражением национального протеста. Мощное славянское

государство, в котором отсутствовали гражданские свободы, вызывало двойственное отношение. С одной стороны, принадлежность к «могучему славянскому племени» компенсировала собственную малочисленность, а панславизм нередко использовался как средство давления на Вену и аргумент в межнациональных спорах. С другой стороны, сохранялся подсознательных страх быть поглощенными российской империей.

Культивирование чувства страха в австро-славянской среде, страха быть поглощенным со стороны России или Германии, безусловно, способствовало интеграции национальных сообществ и устойчивому сохранению австрофильства.

С одной стороны, Россия – многомиллионная славянская держава будоражила умы своей мощью и силой оружия. С другой стороны, австрийские славяне глядели на нее с высоты своего, пусть не совсем развитого, но парламентского конституционализма, гарантировавшего гражданские и религиозные свободы и ограничивавшего власть императора. В их представлениях Россия не выдерживала сравнения с Австро-Венгрией и ее многочисленными конституционными экспериментами. Хотя Россия и мыслилась как символический центр славянского мира и потенциальная защитница от пангерманизма. Тем не менее, оставалась в их восприятии «деспотической державой» с неограниченным самодержавием и подавлением демократических свобод.

5. Программа австрофедерализма стала основой общественной и парламентской борьбы за равноправие, воспринималась как оптимальная модель существования малых народов. Как назвал ее современный чешский историк Г. Морава - «концепция центральноевропейской безопасности»⁷⁴³. Сохранение монархии Габсбургов имело экзистенциальный смысл для австрийских славян, единственный путь самозащиты. Преодолев период ассимиляции со стороны австрийских немцев и венгров, получив определенные конституционные права и парламентское представительство, они боялись это потерять и испытывали страх от «экспансионизма» как со стороны Пруссии, так и России. В то же время влиятельной чешской фракции так и не удалось создать парламентского блока австрийских славян в богемской сейме и австрийском парламенте. Слишком разными были их устремления и понимание целей австрофедерализма, слишком ревностно они относились к проявлению политических амбиций других сообществ.

6. В чешской политике активно осмысливались общеславянские и национальные коды. В шестидесятые годы патриотический лагерь, разделившись на старочехов, младочехов и радикалов, все же сохранял общую приверженность австрофедерализму и вел общую борьбу со сторонниками немецкого централизма и австро-венгерского дуализма. «Истинный панславизм» в духе Яна Коллара не имел в чешском движении

⁷⁴³ *Morava G. Palacký : Čech, Rakušan, Evropan. Vyd. 2. Praha, 1998. S. 200–201.*

доминирующего влияния. Скорее, он растворялся в национальных дискурсах, которые создавали каждое из политических направлений. Национальные доминанты были настолько сильны в чешской, словацкой, хорватской, польской среде, что «славизмы» использовались как один из инструментов создания собственной коллективной идентичности и не имели самодавяющего смысла.

7. Немаловажную роль в развороте внешней политики России в сторону зарубежных славян сыграл Славянский съезд 1867 г. Общественный успех этого мероприятия был огромным, неожиданным для официальных кругов. Давая разрешение на проведение славянских торжеств, правительство рассчитывало прежде всего на внешнеполитический эффект. Но размах славянского чувства в самом российском обществе был поразительным. Оказалось, что русско-славянские коды легко усваиваются и востребованы на разных социальных уровнях. Общественная солидарность на основе славянской взаимности, которую демонстрировало российское общество, стала важным фактором, повлиявшим на развитие славянского направления внешней политики России.

Глава IV. Геополитическая конкуренция России и Австро-Венгрии в Восточном вопросе во второй половине XIX в.

В исторической хронологии принято считать, что эпоха национальных государств сменилась в 1870-е гг. эпохой империализма. Индустриальная, торгово-финансовая, колониальная и, как следствие - милитаристская гонка до предела обострила конкуренцию между великими державами и привела мировой порядок в начале XX в. к «апофеозу национализм. Исследователи сходятся во мнении, что «национальный эгоизм» был присущ как ведущим державам, так и малым странам⁷⁴⁴. Эта особая историческая эпоха парадоксально сочетала в себе открытость всему миру, стремление вбирать в национальную культуру идеи и ритуалы других цивилизаций с ограниченностью расовых теорий и идеологией национального превосходства⁷⁴⁵. Происходила постепенная адаптация обществ и государств к новому миропорядку — более взаимозависимому и нестабильному. Процессы фрагментации в международных отношениях усиливали популистские формы национализма, неомеркантилистские и милитаристские идеи. Одной из тенденций нового порядка стало укрепление бюрократического и организационного потенциала государств.

С 1870-х гг. роль славянского фактора во взаимоотношениях между Россией и Австро-Венгрией изменилась. Если раньше он определялся, в значительной степени, отношением австрийских славян к России, то Восточный вопрос перевел фокус внимания на южных славян, стремившихся освободиться из-под власти Османской империи. Конкуренция между Веней и Петербургом в славянском вопросе нарастала параллельно их дипломатическому противостоянию на Балканах.

⁷⁴⁴ *Hobsbawm E. J. Nations and nationalism since 1780 : programme, myth, reality. 2nd ed. Cambridge, 1992. P. 102–111 ; Геллер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 166–169. О дискуссии относительно хронологии исторических периодов см.: Porter A. European imperialism, 1860–1914. Houndmills ; New York, 1994. P. 2–13 ; Ballhatchet K. Race, sex, and class under the Raj: imperial attitudes and policies and their critics, 1793–1905. London, 1980. 199 p. ; Said E. W. Culture and imperialism. London, 1993. 444 p.*

⁷⁴⁵ Эндрю Портер в книге “European imperialism, 1860–1914” подчеркивает: “Its subject is imperialism considered as the processes by which either formal empires or significant influence and control short of direct rule – “informal” empires – came into being and then grew. It looks at the dynamics of modern empire-building and forms of domination or coercion employed as part of those processes”. Портер, исследуя социально-коммуникационные и экономические показатели международных отношений, доказывает, что “with powerful motive impulses coming from the Atlantic or European world, these broad processes of global integration and European expansion are commonly but loosely linked together as the characteristics of an age of “imperialism” shaped by the technologically advanced capitalist societies of the west” (Porter A. Op. cit. P. 8).

4.1. Факторы, определявшие динамику и качество российско-австрийских отношений.

На первый взгляд, кажется, что российско-австрийские отношения достаточно изучены⁷⁴⁶. Но все еще сохраняется потребность в системном подходе к циклам сближений и отторжений двух стран. Наиболее глубоко в историографии исследован период с окончания Крымской войны до Берлинского конгресса 1878 г. Первую войну Россия проиграла, вторую – русско-турецкую 1877-1878 гг. блестяще выиграла, но в обоих случаях оказалась в дипломатическом проигрыше. Австрийская союзница в немалой степени этому способствовала⁷⁴⁷. Однако, несмотря на периодически вспыхивавшее недоверие и даже противостояние, Россия и Австро-Венгрия длительное время сохраняли возможность к сближению, осознавая необходимость согласовывать интересы и находить взаимные компромиссы.

Внешняя политика обеих империй была в значительной степени подчинена необходимости укреплять государственные основы и продвигать интересы национального капитала. Почему между ними возникла столь острая геополитическая борьба на Балканах? А прежний исторический опыт союзничества оказался мало востребован? Компромиссы достигались с большими трудностями, а договоренности легко распались при обострении ситуации в балканских регионах. Ядро противоречий в Восточном вопросе сложилось именно вокруг интересов Вены и Петербурга. Все другие заинтересованные государства играли на этом конфликте. Можно выделить совокупность внутренних и внешних факторов, которые влияли на двусторонние отношения.

Во-первых, ключевую роль в венской политике играл **германский фактор**. Если раньше Россия сдерживала Пруссию в интересах Австрии, то после Крымской войны для Берлина открылись большие перспективы. За десять лет Германия смогла осуществить гигантский прорыв, как в экономической, так и международной политике. Многим европейским кабинетам становилось все очевиднее – время работает на Берлин.

⁷⁴⁶ Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX вв. / отв. ред. Н. С. Киняпина. М., 1978. 434 с. ; Международные отношения на Балканах, 1856–1878 гг. / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1986. 414 с. ; За балканскими фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2002. 502 с. ; В «пороховом погребке Европы», 1878–1914 / отв. ред. В. Н. Виноградов, В. И. Косик. М., 2003. 536 с. ; *Медяков А. С.* Между Востоком и Западом : внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010. 638 с. ; *Islamov T.* The Balkan policy of the Habsburg monarchy and Austro-Russian relations // *Insurrections, wars, and the Eastern crisis in the 1870s* / В. К. Király, G. Stokes, eds. Boulder, 1985. P. 31–41 ; *Туполев Б. М.* «Дранг нах Зюд-Остен» // В «пороховом погребке Европы». С. 54–95.

⁷⁴⁷ Международные отношения на Балканах... ; *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е гг. XIX в. М., 1970. С. 66–307.

С начала 1870-х гг. стала меняться природа дипломатии Австро-Венгрии. Геополитические амбиции великой державы постепенно уходили на второй план, уступая место экзистенциальной потребности сохранить любой ценой балансы сил между национальными движениями и императорской властью. Хотя дипломатия оставалась прерогативой элит, тесно связанных с двором и высшей бюрократией, но внешняя политика неотвратимо утрачивала значимость из-за возраставших внутренних проблем. Курс на сближение с Берлином подразумевал, что Австро-Венгрия будет играть в этом тандеме роль «младшей сестры», уступая инициативу объединенной Германии, стремительно набиравшей силу среди великих держав. Германо-австрийское сближение означало, что в международной политике Германия должна отстаивать интересы Вены, которая в свою очередь была обязана согласовать свои цели с Берлином⁷⁴⁸.

Бывший австрийский посол в Дармштадте, выходец из влиятельной семьи, связанный с высшей европейской аристократией, граф Генрих Лютцов в своих воспоминаниях, написанных в 1920-е гг., подчеркивал, насколько тяжелой была дипломатическая служба и как трудно было вырабатывать общий внешнеполитический курс. Любой мыслящий дипломат отчетливо понимал, что положение его родины как великой державы не более, чем фикция, но профессия дипломата и заключалась в том, чтобы эту фикцию поддерживать всеми возможными способами. Хотя Министерство иностранных дел виртуозно составляло ноты, в которых демонстрировался тон великой державы, но решение важных вопросов «уплывало из наших рук (...) и это было лучшим способом продемонстрировать наше положение великой державы, несмотря на проигранные сражения и внутреннее беспокойство»⁷⁴⁹.

Внутренние мотивы внешней политики Австро-Венгрии представлены в труде британского историка Френсиса Роя Бриджа. В фокусе внимания – социальный и национальный состав Министерства иностранных дел, правовые основы дипломатии, формы и методы пропаганды в австрийском обществе и за границей⁷⁵⁰. Он доказал, что после 1867 г. венгры стали преобладать в Министерстве иностранных дел. Они сыграли решающую роль в утверждении прогерманского курса. Именно в их среде преобладали

⁷⁴⁸ *Rauscher W.* Die fragile Großmacht : die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt, 1866–1914 2014. Frankfurt am Main ; Wien, 2014. Bd. 1–2 ; *Canis K.* Die bedrängte Großmacht : Österreich-Ungarn und das europäische Mächtesystem, 1866/67–1914. Paderborn, 2016. 567 S.

⁷⁴⁹ *Lützow H. von.* Im diplomatischen Dienst der k. u. k. Monarchie. Wien, 1971. S. 21.

⁷⁵⁰ *Bridge F. R.* Österreich(-Ungarn) unter den Großmächten // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Wien, 1989. Bd. 6, Teilbd. 1 / hrsg. von A. Wandruszka, H. Rumpler. S. 220. См. также: *Heindl-Langer W.* Graf Buol-Schauenstein in St. Petersburg und London (1848–1852) : zur Genesis des Antagonismus zwischen Österreich und Russland. Wien ; Graz, 1970. 155 S.

русофобские настроения⁷⁵¹. Венгерские дворяне так и не смогли простить России подавления революции 1848-49 гг.

Во-вторых, набиравший силу **национализм** молодых сообществ, созревших в лоне империи, вызывал колебания и противоречивость австрийской политики. Тот же Генрих фон Лютцев вспоминал о бесконечной череде сложностей, вызванной необходимостью лавировать между противоположными интересами австрийских и венгерских элит. Любое решение, с которым все соглашались в Вене, могло вызвать неодобрение в Пеште и баррикады в Праге. Географическое положение Австрии, также как мозаичная карта ее народов, приводили к тому, что любой вопрос, всплывавший в Европе, в той или иной степени оказывался весьма чувствительным для австрийской политики⁷⁵². Он точно отразил настроения в высших кругах монархии: «Страх перед кокетством отдельных граждан государства с границей был постоянной проблемой любого австрийского правительства; он был червем, который беспрестанно обнажал наши жизненные нервы и в конце концов привел здесь к распаду. Это относится в равной степени к немцам, чехам, южным славянам, итальянцам и румынам»⁷⁵³.

В-третьих, **балканский фактор**. Неизбежный процесс распада Османской империи создавал чрезвычайно напряженную ситуацию на Балканском полуострове. В стремлении усилить свои позиции на Балканах великие державы использовали все доступные средства – финансовые инструменты, торговые преференции, военные ресурсы, дипломатические комбинации с малыми странами и дряхлеющей Портой, направленные на разжигание розни между ними.

В шестом томе «Истории Габсбургской монархии: 1848-1918» рассмотрена специфика австрийской дипломатической школы, институциональные и стратегические аспекты деятельности Министерства иностранных дел⁷⁵⁴. Иерархия внешнеполитических интересов Австро-Венгрии определялась геополитическими и внешнеэкономическими факторами, среди которых особую роль играло понимание внутренней имперской безопасности. Приоритетность стран в системе австрийских интересов была выстроена в

⁷⁵¹ *Bridge F. R. Österreich (-Ungarn) unter den Großmächten. S. 239.*

⁷⁵² *Ibid. S. 222.*

⁷⁵³ *Ibid. S. 256.*

⁷⁵⁴ *Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Wien, 1989. Bd. 6 : Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen, Teilbd. 1 / hrsg. von A. Wandruszka, H. Rumpler. 819 S.* Тексты были написаны учеными - международниками из европейских стран. Так, Гельмут Румплер и Гейнрих Пфурстершмид-Гартенштейн рассмотрели историю и структуру Министерства иностранных дел и Консульской Академии. Общий обзор эволюции внешнеполитического курса монархии во второй половине XIX – начале XX вв. был сделан Ф. Р. Бриджем. О политических и экономических интересах Венгрии во внешней политике монархии написал венгерский ученый Иштван Диосцеги. Международные интересы национальных групп в Цислейтании были рассмотрены австрийским исследователем чешского происхождения Томашем Клетечкой.

следующей последовательности: Германия, Османская империя, Румыния, Сербия, Черногория, Болгария, Россия, Италия, Франция, Великобритания и США. Ключевое значение имели отношения с Берлином. Это была та ось, на которую нанизывались все остальные внешнеполитические позиции. Особенно на балканском направлении, которое со второй половины XIX в. сосредоточило на себе значительные ресурсы венской политики. Примечательно, что после германского направления следовало балканское. Из великих держав отношения с Россией занимали второе после Германии место по степени значимости. Этот ракурс важен для понимания роли славянского фактора в идеологии и политике Вены.

Рассмотрим циклы притяжений и отторжений в российско-австрийских отношениях. Важно определить, что представлял собой «восточный вопрос» для каждой из монархий? Как он соотносился со славянскими стратегиями во внешней политике Вены и Петербурга? Насколько сильным было влияние панславистских общественных проектов на принятие внешнеполитических решений в российском Министерстве иностранных дел? Что вообще представлял собой «панславизм» для официальных кругов России и Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX вв.?

За основу была принята периодизация, разработанная совместно с моим австрийским коллегой - заместителем директора Института новой и новейшей истории Венского университета проф. Вольфгангом Мюллером при подготовке нашей общей главы «Россия и монархия Габсбургов 1853-1914 гг.: через кризисы к крушению» для книги «Россия – Австрия: вехи совместной истории» в рамках Российско-Австрийской комиссии историков⁷⁵⁵.

4.2. Отторжения и притяжения во внешнеполитических стратегиях России и Австро-Венгрии

4.2.1. Возрождение Союза трех императоров в первой половине 1870-х гг.

Отмена статей Парижского договора 1856 г. и проблема Проливов в российской внешней политики

Циклический экономический подъем начала 1870-х гг. прошел под знаком Германии и США, куда Великобритания активно инвестировала свои капиталы.

⁷⁵⁵ В данной главе были использованы результаты моих совместных исследований с австрийским ученым Вольфгангом Мюллером, которые мы проводили в рамках проекта Российско-Австрийской комиссии историков: см.: Мюллер В., Павленко О. В. Россия и монархия Габсбургов 1853–1914 гг.: через кризисы к крушению // Россия – Австрия : вехи совместной истории / отв. ред. С. Карнер, А. Чубарьян. М., 2017. Гл. 3. С. 58–83.

Германский финансовый рынок в 1870-80-е гг. проявлял особый интерес к австрийским и венгерским бумагам, турецким консолям, а также вкладывался в русские, английские и американские железнодорожные и государственные бумаги. Берлин стремительно превращался в главный рынок русских, австрийских, а также итальянских долговых обязательств⁷⁵⁶. Острая заинтересованность российского правительства в немецких инвестициях была серьезным аргументом в пользу сближения с Берлином.

Но и Лондон все еще оставался в зените могущества, доминируя над другими центрами капитала. Практика одновременной реализации займов в Лондоне и в других финансовых столицах приводила к тому, что трудно было получить деньги в Париже, Амстердаме или Берлине, минуя Лондон. Английские капиталы действовали во Франции и в Германии. Неудивительно, что все нити европейской дипломатии стягивались в Министерство иностранных дел Великобритании. С английскими послами согласовывались основные политические действия и переговоры в европейских столицах.

В это десятилетие в Европе разворачивались мощные индустриальные процессы. Основной капитал расширялся в каменноугольной, горно-металлургической, сталелитейной промышленности. Германию, Францию, Австро-Венгрию и Россию захлестнул строительный бум. Гигантские финансовые комбинации обострили спрос на ликвидность. В начале 1870-х гг. Венская биржа работала на повышенных оборотах. Огромный ажиотаж был вызван реконструкцией Вены и спекуляциями вокруг земельных участков под застройку. В игре по-крупному принимали участие германские и английские капиталы.

Пока Великобритания и Франция пытались сдерживать геополитические амбиции России, Германия осуществила свой пангерманский проект, объединив немецкие земли, постепенно подчиняя своей воли слабеющую Австро-Венгрию. Свое триумфальное восхождение Берлин завершил победой над Францией и созданием Второго Рейха. Франко-прусская война 1870-1871 гг. дала импульс к сближению Петербурга с Берлином. Россия выдвинула воинский контингент численностью в 100 тыс. на границу с Австро-Венгрией, чтобы не допустить двойной игры императора Франца-Иосифа. С ее стороны не было препятствий на пути к военному триумфу Германии и созданию Второго Рейха. Взамен железный канцлер Бисмарк поддержал требования России на Лондонской конференции в 1871 г. об отмене обременительных статей Парижского договора 1856 г.⁷⁵⁷

Канцлер А.М. Горчаков направил Временному правительству в Туре депешу, в которой с сожалением отмечал, что Франции приходится пожинать плоды «фатальной

⁷⁵⁶ Гобсон Ч. Экспорт капитала. М., 1928. С. 133–134.

⁷⁵⁷ Дударев В. С. Бисмарк и Россия, 1851-1871 гг. СПб., 2021. С. 420-495.

Крымской системы», созданной договором 1856 г. Долг любого французского правительства – содействовать ее отмене. Российская же дипломатия будет стремиться «вернуть России неотъемлемое право обеспечивать собственную безопасность»⁷⁵⁸.

Лондон требовал от А.М. Горчакова гарантий, что Россия после отмены обременительных статей не приступит сразу же к строительству черноморского флота. В официальном ответе главе внешней политики Великобритании лорду Грэнвиллу российский канцлер подчеркивал: «Мы не допускаем, чтобы теоретическую отмену принципа, без немедленного практического осуществления, что одно лишь возвращение России права, которого нельзя лишать ни одну из великих держав, можно рассматривать как угрозу миру»⁷⁵⁹. Отказ от возрождения черноморского флота должен был на время успокоить Лондон, Стамбул и Вену и снять их разногласия по поводу ревизии договора.

1 (13) марта был подписан акт, отменявший статьи 11, 13 и 14. Новая Конвенция 1871 г. подтверждала принцип открытия Черного моря для торгового судоходства. Был снят запрет на нахождение в Черном море русского и турецкого военных флотов. Но статья 2 подтверждала принцип закрытия проливов Босфор и Дарданеллы в мирное время, хотя султану предоставлялось право пропускать военные суда держав по собственному усмотрению⁷⁶⁰.

Российское общество праздновало дипломатическую победу канцлера Горчакова. В Париже отдавали себе отчет в том, насколько тесные личные отношения связывают берлинский и петербургский дворы. Но новое французское правительство ставило стратегическую цель на будущее - привлечь на свою сторону Россию, чтобы противостоять германскому давлению.

На долгие десятилетия для Франции возвращение Эльзаса и Лотарингии превратилось в основную дипломатическую задачу, для решения которой французы готовы были использовать любые комбинации. Примерно также для российской дипломатии приоритетом становился вопрос о статусе Босфора и Дарданелл. Позиция России по всем остальным территориальным и пограничным вопросам, равно как и поддержка славянских и греческих движений против Порты, престолонаследие в балканских государствах сверялись с этим геополитическим камертоном.

⁷⁵⁸ Сборник, изданный в память двадцатипятилетия управления Министерством иностранных дел государственного канцлера светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова. 1856–1881. СПб., 1881. С. 98–102.

⁷⁵⁹ Сборник, изданный в память... С. 112–113 ; *Никитин С. А.* Нота А. М. Горчакова об отмене условий Парижского мира и русская общественность // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран / отв. ред. В. И. Шунков. М., 1963. С. 413 ; Международные отношения на Балканах... С. 214–233.

⁷⁶⁰ *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1909. Т. 15. С. 501–505.

Стоит учитывать, что российскую политику на Балканах серьезно сдерживало отсутствие черноморского флота. После Крымской войны Россия смогла осуществить частичную модернизацию сухопутной армии. Но без военного флота на Черном море не могло быть и речи ни о каких активных действиях на Балканах. Снятие ограничений, установленных договором 1871 г., открывало дорогу восстановлению флота. Но требовало огромных ресурсов, которыми страна на тот момент не располагала. Военное планирование обороны Черноморского побережья могло осуществляться только на основе сухопутных средств⁷⁶¹. Соответственно, постановка вопроса о статусе Проливов была скорее – заявкой на будущее, как и весь черноморский проект. Отсутствие флота было основным сдерживающим фактором в балканской политике России в 1870-е гг.

На этом пути выстраивалось множество препятствий. Ни одна из великих держав не готова была допустить усиление России в «мягком подбрюшье Европы». Петербургский двор и правительство осознавали риски и барьеры, препятствовавшие активной балканской политике. Усиливая моральную поддержку балканских славян, особенно Сербии, которую панслависты провозглашали «Пьемонтом южных славян», официальные круги отчетливо осознавали пределы допустимой геополитической игры. Всякий раз при обострении Восточного вопроса России ничего не оставалось, как соглашаться на сохранение status-quo в балканских конфликтах, что означало взаимные международные обязательства по территориальной целостности Османской империи и гарантии верховной власти султана, пусть даже номинальной. Но при каждом удобном случае российская дипломатия продолжала зондировать позицию европейских кабинетов по статусу Проливов.

В российской дореволюционной историографии тема Проливов была достаточно подробно исследована, поскольку признавалась ключевой в балканской политике России⁷⁶². Ранняя советская историография разделяла этот подход. Историк дипломатии В.М. Хвостов, получивший возможность работать с массивами секретных документов, считал, что Проливы были ключевым вопросом для Петербурга⁷⁶³. В «Истории дипломатии», написанной им на основе дипломатических фондов Архива внешней политики, вопрос о Проливах, открывавших проход в Средиземное море, трактовался как

⁷⁶¹ *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война, 1877–1878 гг. М., 1956. С. 56.

⁷⁶² Наиболее основательные исследования, написанные на основе массива дипломатических документов: *Горяинов С. М.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. 316 с. ; *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. 2-е изд. СПб, 1911. Т. 2. 672 с.

⁷⁶³ *Нелидов А. М.* Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии Проливов / [с предисл. В. Хвостова] // Красный архив. 1931. Т. 3 (46). С. 179–187 ; *Хвостов В. М.* Проблемы захвата Босфора в 90-х гг. XIX в. // Историк-марксист. 1930. Т. 20. С. 100–129.

основной во внешней политике России⁷⁶⁴. Такую же позицию занимал влиятельный историк М.Н. Покровский, который особо подчеркивал, что овладение Проливами было руководящим мотивом имперской политики⁷⁶⁵.

Первым, кто поставил под сомнение этот тезис, был советский историк С.Д. Сказкин, отметивший, что после Берлинского конгресса 1878 г. у России не было ни армии, ни флота, ни финансовых ресурсов, чтобы мечтать получить «ключи от своего дома»⁷⁶⁶. В 1960-80-х гг. сложилось отдельное направление в отечественной историографии, которое выступало против «гиперболизации темы Проливов» в российском внешнеполитическом планировании. Акцент перемещался на поддержку освободительных движений балканских славян и греков⁷⁶⁷.

Как представляется, дискуссия о Проливах имеет формальный характер. Те исследователи, которые отрицали их ключевое значение для внешней политики, все равно публиковали источники (аналитические записки, записи совещаний, резолюции царей и министров иностранных дел, сообщения российских послов и др.), где доминировала тема Проливов. Надо было объяснить, почему интерес к ней в российской элите на протяжении второй половины XIX- начала XX вв. не только не угасал, но напротив – разгорался с удвоенной силой. Ряд ученых предлагал отделять «прожекторство» от реальных проектов⁷⁶⁸, но они так и не могли объяснить, почему во многих дипломатических комбинациях Петербурга именно Проливы были поставлены во главу угла. На самом деле, здесь не было противоречий. Доступ к Проливам, открывавшим пути к средиземноморским рынкам, был жизненно необходим и усиливал геополитические позиции России на Балканах. Постановка темы Проливов со стороны российской дипломатии была своего рода сигналом для европейских дворов и правительств, что Россия будет возрождать Черноморский флот и статус морской державы. Даже не обладая необходимыми ресурсами, российская дипломатия настойчиво ставила тему Проливов в расчете на будущее, резервируя за собой право на продвижение торговых и геополитических интересов на Босфоре и Дарданеллах.

В записке Александру III от посла в Константинополе А. И. Нелидова 1881 г. было обосновано значение Проливов, что соответствовало умунастроениям российской элиты.

⁷⁶⁴ *Хвостов В. М.* Восточный кризис (1875-1877 гг.) // История дипломатии / под ред. В. П. Потемкина. М., 1945. Т. 2. С. 26, 30–31, 36–39.

⁷⁶⁵ *Покровский М. Н.* Империалистская война. М., 1934. С. 380–385.

⁷⁶⁶ *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 213–215.

⁷⁶⁷ *Бовыкин В. И.* Из истории возникновения Первой мировой войны. М., 1961. С. 125 ; *Киняпина Н. С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX в. М., 1994. С. 172 ; *Виноградов В. Н.* Черноморские проливы, конец XIX в.: взгляд из Петербурга и из Лондона // В «пороховом погребке Европы», 1878–1894. С. 95–98.

⁷⁶⁸ *Виноградов В. Н.* Черноморские проливы... С. 96.

Если Россия сможет утвердиться на Босфоре, то будет создана единая линия обороны черноморской береговой полосы, которая закрепит завоевание Кавказа и даст возможность для маневрирования сухопутными войсками с запада на юг. Тогда Россия сможет оказывать «решительное влияние на судьбы как Балканского, так и Малоазиатского полуострова».

Неотвратимый распад Османской империи, по мнению А.И. Нелидова, даст возможность утвердиться на Босфоре «открытой силою, во время войны между нами и Турцией», «неожиданным нападением, при помощи внутренних усложнений или внешней опасности в Турции»⁷⁶⁹. В.М. Хвостов, первым опубликовавший документ, характеризовал его как внешнеполитическую «авантюру» самодержавия⁷⁷⁰. Подобные материалы тысячами поступали в царскую канцелярию, но это не означало, что под их влиянием принимались судьбоносные решения.

Записка А.И. Нелидова широко известна среди исследователей прежде всего из-за эмоциональной записи Александра III: «Все это весьма дельно и толково. Дай Бог нам дожить до этой отрадной и задушевной для нас минуты! Я не теряю надежды, что рано или поздно, а это будет, и так должно быть! Главное – не терять времени и удобного момента. А.»⁷⁷¹. Царь прекрасно понимал, что для осуществления вожденной цели не настало время.

Безусловно, Россия потратила огромные людские, военные и экономические ресурсы, чтобы помочь балканским народам обрести суверенитет и территориальную целостность⁷⁷². Министерство иностранных дел Российской империи вело многосторонние дипломатические переговоры на разных этапах Восточного кризиса в пользу интересов Сербии, Болгарии, Македонии, Черногории, Албании, Румынии и Греции. С одной стороны, это соответствовало особому пониманию российской миссии на Балканах, которое нашло широкую поддержку в различных слоях общества. С другой стороны, освободительная стратегия, которую Россия развивала в течение десятилетий, отвечала тому пониманию национальных интересов, которое традиционно передавалось от одного царствования к другому в Доме Романовых.

⁷⁶⁹ *Нелидов А. И.* Указ. соч. С. 183.

⁷⁷⁰ Там же. С. 180.

⁷⁷¹ Там же. С. 182.

⁷⁷² В сборниках дипломатических документов и научных исследованиях эта тема получила всестороннее изучение: *Международные отношения на Балканах, 1856–1878 гг.* / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1986. 414 с. ; *Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX вв.* / отв. ред. Н. С. Киняпина. М., 1978. 434 с. ; *100-летие освобождения Болгарии от османского ига, 1878–1978* / редкол.: В. Н. Виноградов [и др.]. М., 1978. 287 с. ; ; *Гросул В. Я.* *Революционная Россия и Балканы (1874–1883)* М., 1980. 333 с. ; *Нарочницкая Л. И.* *Россия и национально-освободительное движение на Балканах, 1875–1878.* М., 1979. 142 с.

Прорыв к черноморским путям, защита кавказских границ от Османской империи, создание лояльных государств-союзников на Балканах – все это составляло важный геополитический проект России. Особое место в нем занимали Босфор и Дарданеллы. Но усиление на балканском направлении Россия могла осуществить, только заручившись гарантиями безопасности своей западной границы.

***Возрождение Союза трех императоров
как проект канцлера Бисмарка***

Мощный рывок Германии сделал ее особо привлекательной для союзнических отношений. Бисмарк преследовал «кошмар коалиций», поэтому для него так важен был стабильный союз в противовес Франции, который мог бы еще и сдерживать гегемонию Великобритании на континенте. Идея возродить Союз трех императоров родилась в Берлине. Бисмарк стремился к тесному сближению с Россией по многим причинам. Но главным мотивом было не допустить российско-французского альянса⁷⁷³. В августе 1871 г. На курорте Гаштейн состоялась встреча Александра II, Франца-Иосифа и Вильгельма I. Она положила начало новой фазе союзнических отношений, которая продолжалась без малого пятнадцать лет.

Нет оснований преувеличивать значение Союза трех императоров или сравнивать его с прежним Венским порядком. Если для Германии и Австро-Венгрии тесное сближение было естественным следствием пангерманской политики, то для России он имел, хоть и традиционный, но вынужденный характер. Стороны не испытывали доверия друг другу и опасались непредсказуемых действий. Но задача обезопасить западную границу заставляла договариваться с немецкими партнерами для преодоления конфликтов на Балканах.

Процесс сближения имел циклический характер, в нем было много подводных камней и течений. Если петербургский и берлинский дворы достаточно благожелательно, особенно в начале, воспринимали возрождение союза, то в Вене к нему относились с нескрываемым раздражением. Одним из скептиков был граф Дьюла Андраши – старший, возглавлявший Министерство иностранных дел в 1871-1879 гг. Он относился к той части высшей венгерской знати, которая играла влиятельную роль при венском дворе при поддержке императрицы Елизаветы. Особенно она благоволила графу Андраши.

⁷⁷³ Дударев В. С. Указ. соч. С. 492-494.

Неоднократно он пытался убедить Бисмарка отказаться от союзничества с Россией, подозревая ее в панславистских заговорах⁷⁷⁴. С нескрываемой тревогой он относился ко всем балканским инициативам Петербурга. При нем Австро-Венгрия впервые стала проявлять геополитические амбиции на Балканах, что неизбежно втягивало ее в череду конфликтов с Россией⁷⁷⁵. Действительный Статский Советник Базили, имевший обширные знакомства среди венгерской элиты в Вене и Будапеште особо подчеркивал: «Венгры считают себя призванными играть первую роль в сношениях с Балканскими странами, которые подлежат эксплуатации Запада при помощи Венгрии. Предвидя даже момент осуществления Балканской Федерации, Венгрия должна будет стать во главе ее, ибо вековой опыт научил ее справляться с Балканскими странами, и она одна сумеет защитить их против России, которая в случае захвата в свои мощные руки Босфора и Дарданелл станет твердой ногой на Нижнем Дунае и поработит все до сих пор независимые Балканские государства»⁷⁷⁶.

Базили довольно хорошо смог передать настроения венгерской аристократии, которая во времена министерства Андраши заполнила дипломатические посты. В ней были популярны идеи о восстановлении былого могущества Венгрии, которое можно достичь только в тесном союзе с Германией: «Дунай – река не немецкая и не славянская, а исключительно мадьярская и поэтому все что происходит или на его верховьях, или на его устьях есть дело мадьярское»⁷⁷⁷.

Андраши пытался сблизиться с Великобританией для противодействия России, но довольно быстро убедился, что кабинет Гладстона, поддерживая антироссийские настроения Вены, избегает при этом каких-либо конкретных обязательств. И одновременно делает шаги навстречу русским.

Германо-российско-австрийский союз был наиболее желательной для Бисмарка комбинацией, своего рода противовесом от возможного сближения Франции с Россией и Австро-Венгрией. Он настойчиво проводил линию на укрепление связей между тремя империями⁷⁷⁸. В сентябре 1872 г. на встрече в Берлине императоры демонстрировали забвение всех исторических обид. Александр II «прощал» Крымскую войну, Франц-Иосиф – поражение в войне с Пруссией 1866 г. Вильгельм I выступал в роли радушного

⁷⁷⁴ Rupp G. H. A wavering friendship: Russia and Austria, 1876–1878. Cambridge ; London, 1941. P. 85–86.

⁷⁷⁵ Islamov T. The Balkan Policy of the Habsburg Monarchy and Austro-Russian Relations. P. 38 ; Bridge F. R. Österreich(-Ungarn) unter den Großmächten. S. 246–248 ; Diószegi I. Die Anfänge der Orientalpolitik Andrásy's // Der Berliner Kongress von 1878 / hrsg. von R. Melville, H.-J. Schröder. Wiesbaden, 1982. S. 250–253.

⁷⁷⁶ АВПРИ. Ф. 172 (Посольство в Вене). Оп. 514/2. Д. 201. Л. 324–324 об.

⁷⁷⁷ Там же. Л. 294.

⁷⁷⁸ Дударев В. С. Указ. соч. С. 506–513.

хозяина, дом которого открыт для дорогих друзей. Все политические переговоры вели за кулисами торжественных мероприятий министры иностранных дел – Горчаков, Андраши и Бисмарк. Они достигли договоренностей по сохранению status-quo на Балканах и принципу невмешательства⁷⁷⁹.

Одно обстоятельство омрачало радужную атмосферу согласия. Вену чрезвычайно беспокоили перспективы великосербского движения и создание сильной Сербии вблизи своей границы. Ведь она могла стать ядром объединения балканских славян, в том числе и подданных Габсбургов. В то же время это как нельзя лучше отвечало интересам России, стремившейся к созданию мощного форпоста своего влияния на Балканах. В 1870-е гг. основные силы австрийской дипломатии были сосредоточены на задаче предотвратить эту «панславистскую угрозу».

Но пробивали дорогу и новые подходы. Под влиянием австрославизма постепенно при венском дворе и в министерстве иностранных дел распространялось новое восприятие славянского вопроса. Не отторжение и дискредитация всего славянского, но напротив, попытки присвоить славянские стратегии, которые традиционно находились в арсенале российской внешней политики. Именно при Андраши возобладала идея, чтобы Австро-Венгрия взяла на себя покровительство над балканскими славянами и патронировала их государственное развитие, превратив их в противовес российскому влиянию на Балканах. Такой разворот означал новый виток скрытой, но еще более ожесточенной конкуренции между двумя империями. Неожиданно для России Вена начала поддерживать Белград по спорным вопросам с Портой о турецких гарнизонах, налоговых выплатах и крепостях⁷⁸⁰.

Несмотря на искры недовольства между правительственными кабинетами, Россия и Германия желали возобновления трехстороннего союза. Бисмарк стремился подписать военную конвенцию с союзниками на случай обострения конфликта с Францией. Для Александра II необходимо было заручиться, пусть номинальным союзничеством с Германией и Австро-Венгрии, поскольку на тот момент серьезно обострились отношения с Великобританией в Средней Азии и необходимо было принять меры на случай военного столкновения⁷⁸¹.

Российско-германская конвенция была подписана в 1873 г. в Петербурге, в соответствии с которой обе державы обязались оказывать друг другу военную помощь в случае вооруженного конфликта с третьей страной. Австро-Венгрия заняла более

⁷⁷⁹ Текст Соглашения трех императоров опубликован: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1952. С. 124–128.

⁷⁸⁰ Jelavich B. Russia's Balkan entanglements, 1806–1914. Cambridge ; New York, 1991. P. 140–158.

⁷⁸¹ Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907 : мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2021. С. 118–122, 126–139.

осторожную позицию. Во время визита российского императора в Вену – первого после Крымской войны была подписана Шёнбруннская декларация, в которой речь шла только «о совместной линии поведения». По сравнению с российско-германской конвенцией, этот документ имел декларативный и расплывчатый характер. Было очевидным, что между Россией и Австро-Венгрией сохраняется недоверие, несмотря на все заверения в дружбе и союзе. Германский император Вильгельм I присоединился к Шёнбруннской декларации, которая и стала основой Союза трех императоров.

Исследователь российско-австрийских отношений Т.М. Исламов доказывал, что в европейской дипломатии сложилась в начале 1870-х гг. чрезвычайно любопытная ситуация. Несмотря на непримиримые противоречия, Германия и Франция имели общий взгляд на новую роль Вены. Париж и Берлин всячески поощряли балканские амбиции Австро-Венгрии, имея «тщательно скрываемую цель – столкнуть ее с Россией на почве раздела османского наследства»⁷⁸². Монархия Габсбургов обладала совсем незначительным ресурсом для осуществления экспансионистских устремлений. Но именно способность к наращиванию территорий и расширению «жизненного пространства» придавала государству статус великой державы. Тяжелые территориальные потери Дунайской империи в 1859 г. и 1866г. требовали компенсации. Неудивительно, что с конца 1860-х гг. взоры венского двора обратились на Боснию и Герцеговину. А немцы и французы, несмотря на непримиримые противоречия между собой, активно поддерживали в Вене эту ностальгию по территориальным завоеваниям.

В опубликованных протоколах секретных совещаний правительственного кабинета под председательством императора Франца -Иосифа обсуждался новый внешнеполитический курс. Министр Андраши пытался убедить императора в том, что необходимо сосредоточиться на подготовке к войне с Россией. Нужно действовать на опережение прежде, чем русские станут использовать «принцип национальностей на Востоке» для своей выгоды. Он выдвинул довольно коварный план на ближайшие два года. Австро-Венгрия могла бы предложить русским занять Дунайские княжества и часть территории Румынии, спровоцировав тем самым войну с Османской империей. Германия сохраняла бы благожелательный нейтралитет. Австро-Венгрия могла бы даже вступить в войну, но только после того, как русские и турки полностью истощат свои силы.

По сути, это был план новой Крымской войны, направленный против России. Но австрийские военные его не поддержали, опасаясь, что риски военного союза России с Сербией и Черногорией слишком велики. Секретные совещания ограничились тем, что по

⁷⁸² Исламов Т. М. Монархия Габсбургов: переход к политике «Дранг нах Зюд Остен» // Международные отношения на Балканах... С. 24.

решению императора Франца-Иосифа военно-стратегическое планирование впредь рассматривало Россию как потенциального врага Австро-Венгрии⁷⁸³. Подобная логика никак не могла содействовать Союзу трех императоров. Нарастание «русской угрозы» и «панславизма» постепенно превращалось в своеобразную геополитическую игру официальных кругов. Сначала создавался фантом в общественном сознании, затем в него начинали верить, как в реальность, которая угрожает многонациональной «старой доброй Кокании». Фактор страха вызывал тревожность и мнительность государственных чиновников всех рангов.

Австро-Венгрия спешно создавала свою разведывательную службу, чтобы противодействовать на юго-западе Италии, а на востоке – наиболее опасному противнику – России. Максимилиан Ронге, долгие годы возглавлявший разведку, в своих мемуарах особо подчеркивал, что с 1870-х гг. русская разведка стала активно проникать в Галицию, вербуя агентов среди русинов, и это обстоятельство вызывало чрезвычайное беспокойство⁷⁸⁴. Русские агенты мерещились повсюду.

4.2.2. Восточный кризис 1875-1878 гг. и прославянское общественное движение в России

Германская внешняя политика не раз пыталась использовать стратегию блоковой дипломатии, чтобы сохранить баланс сил на континенте в свою пользу и лишить Францию свободы рук в европейской политике. Но стремление Германии к реставрации Священного Союза отражало новую реальность – начавшееся противостояние британских и германских капиталов. Новый Союз трех императоров был заключен в неблагоприятный момент, когда Европу накрыла очередная волна финансового и экономического кризиса.

С весны 1873 г. кризисные процессы стали разворачиваться стремительными темпами. Венскую биржу периодически лихорадило. 9 мая в «черную пятницу» акции серьезно обесценились. В течение суток даже первоклассные респектабельные бумаги потеряли доверие. Кредитные операции были парализованы. Шлюзы, сдерживавшие панику, открылись. Финансовые рынки захлестнула волна страха и массовых банкротств.

За период с марта по октябрь 1873 г. курсовая стоимость акций банков на Венской бирже упала на 58 %, транспортных предприятий – на 20 %, строительных обществ – на

⁷⁸³ Lutz H. Politik und militärische Planung in Österreich-Ungarn zu Beginn der Ära Andrassy. Das Protokoll der Wiener Geheimkonferenzen vom 17. bis 19. Februar 1872 // Geschichte und Gesellschaft : Festschrift für Karl R. Stadler zum 60. Geburtstag / hrsg. von Gerhard Botz [et al.]. Wien, 1974. S. 29–37.

⁷⁸⁴ Ронге М. Разведка и контрразведка : (военный и промышленный шпионаж). М., 1943. С. 10–11.

74 %, промышленных предприятий – на 49 %⁷⁸⁵. Негативная динамика усиливалась от месяца к месяцу. Острая фаза пришлась на май, когда кризис накрыл всю экономику Австро-Венгрии. С конца августа по ноябрь 1873 г. резкий спад ощутила Германия. До Англии кризис добрался в ноябре. Позже всех в эту полосу вступила Франция.

Осенью началось обрушение банковского сектора, за ним последовала череда резкого спада в железнодорожном, строительном и судостроительном производстве. Разорялись крупные промышленные предприятия. Этот тяжелый кризис растянулся на шесть – семь лет⁷⁸⁶.

Резкий спад продолжался до 1874 г. После затяжной рецессии в 1878 г. все с надеждой констатировали признаки оживления. Но именно тогда европейские экономики вновь испытали резкий спад. Дважды – в 1873 г. и в 1878 г. на финансовых рынках происходило резкое обрушение курсовых цен. Дважды - волны банкротств расчищали экономическое пространство. Этот затяжной кризис пришелся на предельную фазу развития свободной торговли и дал мощный импульс зарождению картелей. Он охватил Австро-Венгрию, Германию, США и Англию, Францию, Россию, Италию и Швецию, Бельгию, Голландию, растянулся вплоть до Египта и Аргентины. Исследователи этого кризиса констатируют, что именно он породил «Великую депрессию как международное явление»⁷⁸⁷.

В России первое частичное падение производства и торговли было отмечено в 1872 г., вторичное – в 1876 г.⁷⁸⁸ «Биржевые Ведомости» в 1873 г. сообщали об «эпидемии банкротств» в Москве, Казани, Новочеркасске и Одессе, вызванном венским финансовым кризисом⁷⁸⁹. Но Россия смогла раньше других европейских государств выйти из него. Стимулирующую роль вновь сыграл фактор войны.

В 1875 г. обострился Восточный кризис. На этот раз его запалило антитурецкое восстание в Боснии и Герцеговине. Сербия и Черногория горячо поддержали восставших, рассчитывая, что Россия тоже не останется в стороне. Император Александр II предложил союзным державам выступить в защиту христианского населения. Но сразу проявились разногласия.

⁷⁸⁵ Wirth M. Geschichte der Handelskrisen. Frankfurt am Main, 1890. S. 539, 569. См. также: Oechelhäuser W. Die wirtschaftliche Krisis. Berlin, 1875. 157 S.

⁷⁸⁶ Wysocki J. Die österreichische Finanzpolitik // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Wien, 1973. Bd. 1 / hrsg. von A. Brusatti [et al.]. S. 68–104.

⁷⁸⁷ “Große Depression“ bremst Aufschwung // Chronik des 19. Jahrhunderts / I. Geiss (Hg.). Gütersloh, 1997. S. 601.

⁷⁸⁸ Блюх И. С. Финансы в России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 2. С. 230.

⁷⁸⁹ Биржевые ведомости. 1873. № 137.

Судя по сообщениям посла России в Вене Е.П. Новикова, сначала никто не планировал поддержать балканских славян. Только в конце июня удалось договориться «не коллективном, но единообразном» выступлении союзных держав перед Портой в пользу славян. Андраши считал, что все демарши – преждевременны. Он сообщил Новикову, что только после того, как «повстанцы будут убеждены в бесплодности употребления оружия» и прибегнут к помощи консулов России и Австро-Венгрии, только тогда дипломаты смогут проявить себя как «настоящие умиротворители»⁷⁹⁰.

В этом конфликте императора Франца-Иосифа более всего привлекала идея присоединения западных областей Балкан к Дунайской монархии. Весной 1875 г. он совершил демонстративный вояж по Далмации. Хорватское католическое духовенство и славянские австрофилы приветствовали его как защитника славян от османского насилия⁷⁹¹. Восторженный прием и клятвы верности габсбургскому трону тронули императора. Примерно с середины 1870-х гг. идея покровительства зарубежным славянам стала активно распространяться при венском дворе. Если Россия видела будущее этого региона в составе Сербии, то Австро-Венгрия, выступавшая против создания крупного пророссийского государства, стремилась их аннексировать⁷⁹².

Дипломатические дискуссии среди союзников пускались по кругу, не принося ничего существенного. Видя нежелание великих держав втягиваться в военный конфликт, Сербия и Черногория объявили туркам войну в расчете, что Россия их поддержит. Между Веной и Петербургом сразу завязался интенсивный обмен дипломатическими депешами. Зондировались позиции европейских кабинетов на случай войны с Османской империей. В обмен на нейтралитет граф Андраши запросил от Петербурга согласие на аннексию Боснии и Герцеговины со стороны Австро-Венгрии.

Россия готова была поддержать претензии Вены на турецкую Хорватию и некоторые пограничные к ней части Боснии. Но полная аннексия Боснии и Герцеговины – никак не входила в российские планы. Австрийцы считали, что в любом другом случае эти территории присоединит к себе Сербия. Неоднократно австрийская дипломатия настаивала на получение гарантий от Петербурга, что не возникнет «балканский Пьемонт». Неоднократно канцлер Горчаков предоставлял союзникам подобные

⁷⁹⁰ АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия Министерства иностранных дел) (далее – Канцелярия МИД). Оп. 470. 1875. Д. 114. Л. 456 об. ; Д. 112. Л. 627–635.

⁷⁹¹ *Rupp G. H. A wavering friendship...* P. 98.

⁷⁹² Освобождение Болгарии от турецкого ига : документы. М., 1961. Т. 1. Док. 16. С. 63 ; Док. 47. С. 119–122.

заверения⁷⁹³. Неудивительно, что вопрос о статусе Боснии и Герцеговины приобретал в понимании венской элиты экзистенциальный смысл.

Дискуссия о территориальном разделе охладила и без того натянутые российско-австрийские отношения. Бисмарку еле удавалось гасить взаимные претензии и недоверие. Но все же союзные державы выступили с Берлинским меморандумом, который в большей степени отвечал интересам Австро-Венгрии, чем России. В нем содержалось требование к Порте начать реформы и прекратить насилие по отношению к повстанцам. В случае отказа, Союз трех императоров оставлял за собой право «на предотвращение дальнейшего развития зла»⁷⁹⁴. Горчаков выдвинул формулу – «улучшенный status-quo на Балканах»⁷⁹⁵. Это означало, что союзники поддерживают сохранение Османской империи только при условии улучшения положения христиан и отказе Порты от насилия. Но этот демарш не вызвал благодарности у повстанцев, которые поняли, что их хотят оставить в подчинении у турок⁷⁹⁶. Опытный канцлер Горчаков не хотел напрасно обострять отношения с Андраши, хотя и понимал, что Австро-Венгрия только и ждет шанса, чтобы захватить Боснию и Герцеговину⁷⁹⁷.

На этом напряженном фоне вспыхнуло Апрельское восстание – в Болгарии, которое с невероятной жестокостью было подавлено черкесами и башибузуками. По всей Европе прокатилось возмущение творившимися там зверствами. Было вырезано около 15 тысяч человек.

Великие державы послали международную комиссию, куда вошли опытные дипломаты и журналисты – балканисты из России (А.Н. Церетелев), США (Скайлер и Макгахан), Германии (Шнейдер). Комиссия собрала все факты геноцида болгарского населения, списки жертв и сожженных сел. Результаты расследования было опубликовано в «Правительственном Вестнике» и перепечатаны всеми крупными российскими газетами. Это вызвало огромное сочувствие по всей России. Началось движение в поддержку болгар, особенно детей, оставшихся сиротами. Одновременно росло возмущение карательными действиями турецких властей и призывы защитить древнюю славянскую нацию⁷⁹⁸. Российский МИД активно действовал, поддерживая создание в Пловдиве Международного общества пособия болгарам и Комитет помощи

⁷⁹³ АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия МИД). Оп. 470. 1876. Д. 129. Л. 139–140 об. ; Д. 128. Л. 195–197.

⁷⁹⁴ Русско-германские отношения. 1873–1914 : секретные документы. М., 1922. С. 48.

⁷⁹⁵ *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. С. 275–276.

⁷⁹⁶ Там же. С. 280.

⁷⁹⁷ АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия МИД). Оп. 470. 1875. Д. 114. Л. 173–180 об.

⁷⁹⁸ АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия МИД). Оп. 470. 1876. Д. 46. Л. 264 ; *Улуян А. А.* Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия. М., 1978. С. 107–196.

болгарам при посольстве в Константинополе. Сам посол Н.П. Игнатъев вместе с супругой помогли болгарским детям – сиротам, переправляли болгар в Россию⁷⁹⁹.

Благотворительность всегда занимала особое место и была широко распространена в аристократической и предпринимательской среде. Создавалось множество благотворительных организаций с государственным и частным участием⁸⁰⁰. Отделения Славянского благотворительного комитета в Петербурге, Киеве, Одессе⁸⁰¹ сразу стали организовывать пожертвования. К ним подключились другие общественные организации – Славянское вспомогательное общество, созданное врачом Н.С. Спасокукоцким для «духовно-культурного сближения» со славянами; Общество Славянской культуры, председателем которого был Ф.Е. Корш.

До трагических событий 1876 г. все они занимались поддержкой православных церквей и монастырей, снабжением их утварью и церковными книгами; пожертвованиями на обучение балканских юношей в русских военных и образовательных учреждениях; материальной поддержкой гимназий с обучением на славянских языках на Балканах⁸⁰². Когда забурлил балканский котел, развернулась невероятная общественная активность по всем российским губерниям.

С 1876 по 1878 гг. Россия пережила мощнейшее движение, которое мобилизовало ресурсы нации на основе славянской взаимности. Правительство, общественные организации, частные инициативы, Святейший Синод, разные направления российской печати, видные общественные деятели - все требовали от правительства решительных мер по защите славян. В стране стихийно развернулось массовое добровольческое движение. Молодые люди рвались на Балканы, видя в этом свой христианский и гражданский долг. По всей стране собирались массовые пожертвования на армию. Но несмотря на высокий моральный подъем, сербская армия несла одно поражение за другим⁸⁰³.

Из документов, хранящихся в ГАРФе, видно, что финансирование добровольцев из России осуществлялось через СБК. В списках числились офицеры, состоявшие при канцелярии Главного штаба (каждый получал ежемесячно от 15 до 20 дукатов); врачи и фельдшеры санитарного отряда от Московского СБК (ежемесячно каждый получал от 400

⁷⁹⁹ Международные отношения на Балканах... С. 269–271.

⁸⁰⁰ Максимов Е. Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб., 1894. 277 с. ; Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. 445 с. ; Шевцова Г. И. Роль благотворительных организаций в решении внешнеполитических задач российского государства: история и современность : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 166 с.

⁸⁰¹ Сначала все они существовали как отделения Славянского благотворительного комитета (в Москве), но постепенно преобразовались в самостоятельные Славянские комитеты.

⁸⁰² Тютчева А. Ф. Воспоминания. М., 2002. С. 85.

⁸⁰³ Международные отношения на Балканах... С. 265–291.

до 600 франков), фельдшеры 2 и 3 отделений (сумма составляла на каждого от 140 до 200 франков). Есть даже список русских офицеров и добровольцев на получение ежемесячного жалования с подробным указанием чина, отряда и должности (всего 17 человек). Но конкретные суммы по этой категории не были указаны⁸⁰⁴.

Значительные потоки финансирования проходили через Московский СБК с 1875 по 1878 гг. Выписки из расходных книг показывают, что с августа 1875 г. по январь 1876 г. было направлено 71.297 руб. 18 коп., причем все 11 статей расходов так или иначе были связаны с южными славянами. В Рагузу митрополиту Черногорскому (3000 руб.); консулу в Рагузу (37 000 руб.); в Триест и Азиатский департамент на покупку хлеба (14 000 руб.); пособие черногорцам, возвращающимся на родину (730 руб.); в Белград митрополиту Михаилу (4131 руб.); пособие герцеговинцам (350 руб.); П.А. Васильчикову (12000 руб.).

С января 1876 г. по январь 1877 г. Божидароничу Веселитскому на черногорцев было передано 30 000 руб.; консулу в Рагузу – 42991 руб. 95 коп., а также на санитарную часть 10 025 руб. 26 коп., для передачи Минтиерди – 504 руб. Список расходов в тот год был большой. Он включал духовных лиц (митрополита Михаила (8642 руб.); архиепископа Платона на донских казаков (18035 руб.); в Белграде князя Милана и княгиню Наталью (16004руб.). Отдельно направлялось 56953 руб. московскому СБК, без указания цели, а также генерал-майору в отставке М.Г. Черняеву (63379 руб.), который командовал сербской армией, и его жене (4000 руб.) Можно продолжать перечисления как отдельных лиц, так и организаций. В основном, финансировалось содержание, обмундирование и жалованье добровольцам и санитарным отрядам, а также оказывалась поддержка черногорцам⁸⁰⁵. Даже при самых приблизительных подсчетах общая сумма (кстати, не указанная в выписке) составляла примерно 745610 рублей – сумма по тем временам огромная.

Историк Н.И. Хитрова подробно изучила архивные документы об оказании помощи Черногории со стороны Славянских комитетов и других общественных организаций⁸⁰⁶. Когда в Черногорию прибыл секретарь Петербургского отделения СБК⁸⁰⁷ А.В. Васильев для распределения гуманитарной помощи черногорцам, то сразу, на месте принял решение часть средств передать скопившимся там беженцам из Герцеговины,

⁸⁰⁴ Списки добровольцев на получение жалования из Московского Славянского благотворительного комитета // ГАРФ. Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). Оп. 1. Д. 215. Л. 1–6.

⁸⁰⁵ Выписки из расходных книг Московского Славянского благотворительного комитета и денежные отчеты // ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–3.

⁸⁰⁶ Хитрова Н. И. Россия и Черногория : русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 гг. М., 1993. Вып. 1–2.

⁸⁰⁷ Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета в 1877 г. был преобразован в Петербургское славянское благотворительное общество.

которые пребывали в плачевном положении. Только в августе 1876 г. Петербургский СБК получил 73 тысячи рублей. Как отмечалось в его документах, «пожертвования по-прежнему стекаются со всех сторон».

Пик массового добровольческого движения в России пришелся на июль – август 1876 г. Воевать за Сербию и Черногорию уезжали студенты, офицеры, солдаты, разночинцы, рабочие, выходцы из влиятельных аристократических семей. В сербской армии, командующим которой был М.Г. Черняев служили 3 тысячи русских, из них 600 офицеров⁸⁰⁸. К этому прибавилось еще движение за создание санитарных отрядов и сестер милосердия (до 300 человек)⁸⁰⁹.

Военная и материальная помощь сербской и черногорской армиям, добровольческое движение, поддержка болгарских, боснийских и герцеговинских беженцев, оборудование на местах госпиталей и лагерей для беженцев. По одним только подписным листам в июле – августе 1876 г. было собрано свыше 100 тысяч рублей.

Особенно активен был дипломат Владимир Ионин, член Петербургского комитета, который еще до Апрельского восстания пытался возродить в Бухаресте Болгарское Центральное Благотворительное общество с целью освобождения Болгарии. Сочувствие и поддержка болгар получили общероссийский масштаб, объединив в один лагерь либералов, консерваторов, охранителей и радикалов. Добровольческое движение приняло столь массовый характер по всей стране, что правительство с опасениями наблюдало, что проводы превращались в демонстрации славянской взаимности и требования положить конец насилию над «единоверными и единокровными братьями»⁸¹⁰.

Писатели – Лев Толстой, Федор Достоевский, М. Гаршин, Иван Тургенев, ученые – Дмитрий Менделеев, Николай Пирогов, художники – Василий Polenov, Илья Репин, Константин Маковский, - все они публично выражали протесты против насилия над болгарским населением. Консерваторы, либералы, социалисты, охранители и радикалы – все требовали от правительства начать военные действия против Османской империи.

Но Александр II должен был сначала получить поддержку в Лондоне и у партнеров по Союзу. В июле 1876 г. в богемском городе Рейхштадте состоялась встреча трех императоров. Опять между Россией и Австро-Венгрией трудно было найти согласия. После многочисленных консультаций в каждом из министерств иностранных дел оказались две записи соглашения, которые расходились по ряду пунктов. Общим было решение придерживаться принципа невмешательства, а в случае победы турок

⁸⁰⁸ Хитрова Н. И. Указ. соч. Вып. 1. С. 71–72.

⁸⁰⁹ Там же. Вып. 2. С. 287; Улуния А. А. Балказия и Россия. М., 2002. С. 70–157.

⁸¹⁰ Международные отношения на Балканах... С. 270.

потребовать восстановления status-quo в Сербии. Но в записи Горчакова значились территориальные приобретения Сербии за счет Боснии, а Черногории – за счет Герцеговины. Австро-Венгрия получала право аннексировать только «турецкую Хорватию» и прилегавшие к ней области. Россия получала право на присоединение западной Бессарабии и Батума⁸¹¹. В записи Андраши, напротив, предусматривалась полная аннексия Боснии и Герцеговины⁸¹². Стилистические разногласия отражали глубокие геополитические противоречия между Россией и Австро-Венгрией.

Бисмарк был чрезвычайно заинтересован в поиске компромисса, чтобы снять внутренние противоречия среди союзников. Но предложение Горчакова о созыве общеевропейской конференции он несколько раз отклонял. На неоднократные прямые вопросы, который ставил российский император относительно позиции Берлина в случае русско-турецкой войны, предпочитал отмалчиваться. Хотя немецкий канцлер дал ясно понять, что при обострении ситуации будет в первую очередь поддерживать Вену. Только в одном случае Германия готова будет отступить от своей «младшей сестры» - если Россия гарантирует ей обладание Эльзасом и Лотарингией в случае военного конфликта с Францией. Но эта большая мечта Бисмарка никак не соответствовала российскому внешнеполитическому планированию.

В российском обществе росло недовольство, что союзники действуют на опережение и обыгрывают Россию. В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский писал весной 1876 г. «Если Бог пошлет славянам успех, то до какого предела в успехе допустит их Европа? Позволит ли стащить с постели больного человека совсем долой? Последнее очень трудно предположить. Не решат ли, напротив, после нового и торжественного консилиума, опять лечить его? Так что усилия славян, даже и в случае очень большого успеха, могут быть вознаграждены лишь довольно слабыми пальчиками»⁸¹³.

Размышляя о позиции России и ее интересах, писатель указывал на особую миссию России, «завещанной ей рядом веков, которой она следовала неуклонно». По его мнению, речь не шла о геополитической выгоде, но понимании справедливости, сложившемся в российском обществе, которое трудно понять и осознать Европе: «Эта идея есть, между прочим, и воссоединение славян; но воссоединение это – не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству. Да и когда, часто ли Россия действовала в политике из прямой своей выгоды? (...) Да, бескорыстию в Европе и вообще никто и ни в чем не поверит, не только русскому бескорыстию, - поверят скорее плутовству или глупости. Но нам нечего

⁸¹¹ *Татищев С. С.* Император Александр II. Т. 2. С. 37–39.

⁸¹² АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия МИД). Оп. 470. 1876. Д. 129. Л. 208–208 об.

⁸¹³ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя : избранные главы. СПб., 2008. С. 136.

бояться их приговоров; в этом самоотверженном бескорыстии России – вся ее сила, так сказать вся ее личность и все будущее русского назначения»⁸¹⁴.

Его видение будущего соответствовало тем геополитическим представлениям, которые были широко распространены в российском обществе под влиянием восточного кризиса и побед в российско-турецкой войне: «Золотой Рог и Константинополь – все это будет наше, но не для захвата и не для насилия (...) не для уничтожения славянских личностей перед русским колоссом, а для того, чтоб их же воссоздать (...) принести свою лепту в сокровищницу духа человеческого и свое слово в цивилизацию»⁸¹⁵.

Несмотря на сильное общественное давление, канцлер Горчаков все же пытался уладить болгарский конфликт, не вовлекая Россию в военные действия. По его инициативе в декабре 1876 г. была созвана Константинопольская конференция великих держав. Уполномоченным от России выступал посол в Константинополе граф Игнатьев. На конференции было решено предъявить новому султану Абдул-Гамиду II требование автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии под контролем великих держав. Но турки, заручившись поддержкой Англии, неожиданно объявили введение конституционного правления и по этой причине – отклонили решение конференции. Столь неожиданный разворот застал всех врасплох, тем более – англичане дали открыто понять, что не допустят какого-либо давления на Порту⁸¹⁶. По сути, Лондон дипломатически обыграл своих континентальных партнеров, которые из-за внутренних распрей не разглядели, насколько крепко турецкий султан попался в британские сети.

В то же время английские дипломаты, зондируя позиции, смогли убедиться в том, что Германия и Австро-Венгрия испытывают глубокие противоречия со своей союзницей – Россией. Союз трех императоров служил только прикрытием планов, весьма враждебных по отношению к ней. Бисмарк вообще даже не пытался скрыть, что хочет устранить Россию как «активный политический фактор» в Европе, затягивая ее в войну с Портой. Когда она истощит силы, то, по его мнению, станет «более сговорчивой в отношении разумных условий урегулирования». Как «держава, не обладающая господством на море», Россия никак не сможет удержать Константинополь, даже если захватит вожделенную столицу. Тогда должна была, по его мнению, вступить Англия и жестко предъявить свои требования к России. Бисмарк даже предлагал англичанам самим заявить свои претензии на Константинополь и поощрять их занять Египет⁸¹⁷.

⁸¹⁴ Там же. С. 137.

⁸¹⁵ Там же.

⁸¹⁶ АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия МИД). Оп. 470. 1876. Д. 129. Л. 210–210 об.

⁸¹⁷ *Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone and the Eastern question. London, 1971. P. 109–115 ; Cecil G. The life of Robert Marquis of Salisbury. London, 1921. Vol. 2. P. 96–107.*

Понимая, что английская дипломатия в очередной раз их обошла, Вена и Петербург достаточно быстро согласовали свои интересы. В январе 1877 г. была подписана Будапештская конвенция, как акт согласия между Австро-Венгрией и Россией. Нейтралитет Вены стоил очень дорого. Россия вынуждена была согласиться с аннексией Боснии и Герцеговины, оставляя только Ново-Базарский санджак, который отделял Сербию от Черногории.

24 апреля 1877 г. император Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции. Военные заказы вызвали оживление отечественной промышленности. Подготовка к войне сопровождалась мощной идеологической кампанией с панславистскими мотивами. Россия вновь начинала свое продвижение на Балканы, защищая «единокровных славянских братьев»⁸¹⁸. Подготовка к войне вызвала за границей сброс русских ценных бумаг и обострение финансового кризиса. Но на промышленность повлияла положительно. Как писал экономист Блюх, «война лихорадочно оживила промышленность и торговлю, это – факт общеизвестный и общепризнанный (...). Промышленное оживление в чрезвычайной степени сильно было выпусками бумажных денег, дошедшими в 1877 г. до 300 млн. руб.»⁸¹⁹.

Однако, для оснащения армии Россия вынуждена была искать внешние займы, даже на невыгодных условиях. Как отмечал тот же Блюх, в 1877 г. Петербургу удалось заключить в Париже и Амстердаме заем на условиях, которые были «чрезвычайно тяжелыми и даже до известной степени несовместимыми с достоинством великого государства»⁸²⁰.

Военные действия развернулись в июле 1877 г. Русская армия героически сражалась и победила. В тяжелых погодных условиях при поддержке болгарского населения овладела Шипкинским перевалом. Затем последовало взятие Плевны, которое изменило весь ход войны. Разбитая Порта обратилась за дипломатической помощью к Англии. Но Горчаков дал понять, что вопросы о перемирии туркам надо решать напрямую с Россией. Главнокомандующий русской армией Великий Князь Николай Николаевич (старший) с января 1878 г. включился в переговоры с Портой. Между тем русская армия продвигалась к Константинополю и готова была уже занять османскую столицу.

Но военные успехи русских вызвали крайнюю обеспокоенность Англии и особенно – Австро-Венгрии. Выдвижение британского флота к Проливам означало ультиматум России. Вена, поддержанная Лондоном, потребовала от России соблюдения прежних

⁸¹⁸ *Wakounig M.* Ein Grandseigneur der Diplomatie : die Mission von Franz de Paula Prinz von und zu Liechtenstein in St. Petersburg 1894–1898. Wien ; Berlin ; Münster, 2007. S. 88f.

⁸¹⁹ *Блюх И. С.* Финансы России XIX столетия. Т. 2. С. 230.

⁸²⁰ Там же. С. 249.

договоренностей. Комплекс вопросов, связанных с русско-турецким миром, должен был рассматриваться на международной конференции.

Опасаясь дипломатического конфликта сразу с двумя державами, царь отдал распоряжение воздержаться от оккупации Константинополя. Еще больше русские дипломаты стремились избежать возможной войны с англичанами. Армия остановилась в местечке Сан-Стефано недалеко от турецкой столицы. Там был подписан мирный договор. Граф Игнатъев, уполномоченный вести мирные переговоры с Портой, вопреки указаниям Горчакова, фактически продиктовал условия мира с максимальными интересами России. Болгария превращалась в крупное балканское государство, границы которого доходили почти до Проливов и Константинополя. Черногория, Сербия и Румыния становились суверенными и получали также территориальные приращения. Россия получала юго-западную Бессарабию, Карс, Баязет и Батуми. Реализация Сан-Стефанского мирного договора привела бы к доминированию российских интересов на Балканах. Но столь радикальное изменение баланса сил никак не входило в планы великих держав⁸²¹.

Особую активность в сдерживании России проявил, как всегда, граф Андраши. Заручившись поддержкой англичан, он предложил созвать международную конференцию, чтобы пересмотреть решения в Сан-Стефано. Горчаков предусмотрительно также согласовал с англичанами общую линию. Он отклонил предложение Андраши собраться в Вене или Лондоне, согласившись на Берлин. Но реальной поддержки от Бисмарка ожидать не приходилось. Горчаков писал П.П. Убри, что Бисмарк однозначно дал ему понять: «Договаривайтесь с Австрией, я присоединюсь к вашему соглашению». Первоначально А.М. Горчаков думал, что Бисмарк не понимает двусмысленности всей ситуации и старается удержать Союз трех императоров от распада. «Он не хочет видеть, что именно в Вене находится камень преткновения для мирного решения теперешнего кризиса»⁸²².

Накануне и во время военных действий все отделения Славянского комитета занимались сбором пожертвований для создания отрядов военных добровольцев и санитарных отрядов, снабжением их одеждой, провиантом, лекарствами. По просьбе черногорского князя Николая Негоша из государственной казны России было выделено

⁸²¹ *DiNardo R. L.* Russian military operations in 1877–78 // *Insurrections, wars, and the Eastern crisis in the 1870s* / В. К. Király, G. Stokes, eds. Boulder, 1985. P. 125–140 ; *Wakounig M.* Op. cit. S. 92. Подробное исследование всех дипломатических переговоров в 1875–76 гг. см. в книге: *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе восточного кризиса, 1875–1878. М., 1984. 144 с.

⁸²² Дипломатическая переписка по этому периоду была опубликована: Горчаков А. М. – П. П. Убри, 5 (17) февраля 1878 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 497–498.

зимой 1878 г. 40 тысяч рублей, а Санкт-Петербургский комитет из своих средств добавил еще 5 тысяч рублей⁸²³.

В марте 1878 г. воеводы Боснии и Герцеговины решили заявить протест против действий Вены, направленных на получение международного мандата на оккупацию. Было составлено одно обращение от православного населения Боснии к русскому народу. Другое подписали 45 влиятельных лиц – на имя князя Николая, чтобы он передал просьбу «русскому государю» не допустить оккупации Герцеговины. Но черногорский князь не стал рисковать своими отношениями с Австро-Венгрией и отказался от роли посредника. Тогда воеводы обратились к секретарю Санкт-Петербургского славянского комитета А.В. Васильеву, который как раз был в Черногории и распределял помощь для боснийцев. В мае 1878 г. А.В. Васильев по собственной инициативе присутствовал на собрании герцеговинских воевод в Грахове против оккупации. Это дало повод дипломатам Австро-Венгрии обвинить А.В. Васильева, а заодно и все СБК, в политических подстрекательских действиях, несовместимых с благотворительностью⁸²⁴.

Дело А.В. Васильева получило широкую огласку и крайне нежелательный для российского МИДа резонанс. Петербург искал пути уладить боснийский кризис мирным путем, но скандал существенно осложнил задачу. Министерство внутренних дел направило в Петербургский СБК уведомление о нарушении А.В. Васильевым «благотворительных поручений», поскольку он занялся «политической агитацией», несовместимой «с видами и политикою нашего правительства». Соответственно, комитету запрещалось впредь напрямую оказывать помощь, а только через консулов, аккредитованных в балканских странах⁸²⁵. Между тем Петербургский Славянский благотворительный комитет активно способствовал развитию школьного обучения в Герцеговине, спасая детей от лишений и голода, открывая училища в Цетиньи, Никшиче, Белой Горе и других городах. При его содействии были открыты реальные и классические гимназии, Девичий институт императрицы Марии, Богословско-учительская школа, причем все учебные заведения, организованные по российской модели обучения, снабжались книгами и учебниками⁸²⁶.

Берлинский конгресс открылся 13 июня 1878 г. Делегации великих держав возглавляли министры иностранных дел, представители балканских стран были лишь допущены на заседания, без права обсуждений. Австро-Венгрия получила, наконец,

⁸²³ Хитрова Н. И. Указ. соч. Вып. 1. С. 71.

⁸²⁴ Хитрова Н. И. описала этот интересный эпизод на основе архивных документов из ГАРФа: Указ. соч. Вып. 1. С. 73–74.

⁸²⁵ Там же. С. 74–80.

⁸²⁶ Там же. С. 174–179.

легитимное право на оккупацию Боснии и Герцеговины. Территория Болгарии была существенно урезана. Но основная дипломатическая дискуссия развернулась между русскими и английскими дипломатами о статусе Проливов. В итоге был сохранен *status-quo* в соответствии с конвенцией 1871 г. о закрытии Проливов. За Россией оставили Бессарабию, Батум и Карс, а Баязет получила обратно Порту. Суверенитет Болгарии, Сербии, Черногории и Румынии был подтвержден. Берлинский трактат фактически узаконил процесс раздела Османской империи⁸²⁷.

В российском обществе вновь, как после Крымской войны, поднялась огромная волна недовольства и разочарования. Сокрушительной критике со стороны газет разных политических мастей подверглись Бисмарк, Андраши, Дизраэли. Общественный гнев обрушился и на канцлера А.М. Горчакова, которого еще недавно превозносили как великого дипломата. К обиде на «вероломный Запад» в лице союзников – Австро-Венгрии и Германии, а также главного дирижера «европейского концерта» – Великобританию, прибавилось серьезное расстройство финансов после войны. В переписке графа Муравьева с российским послом в Париже князем Урусовым выразительно отражены те настроения, которые расходились среди петербургской элиты: «Целых два века нашей исторической жизни длилась борьба с Турцией. Сломить могущество оттоманов в Европе, установить через проливы сообщение с открытым морем, обеспечить свою собственную безопасность по ту сторону Босфора; рано или поздно, вновь водрузить крест на Св. Софии было заветной нашей целью и нашей народной мечтой. Не раз отвага и блистательные победы наших войск приводили нас к стенам Царьграда. Но каждый раз, только в противодействие, наша единодушная Европа, панически опасаясь неотвратимого развития нашей мощи, неизменно возбраняла нам возможность всецело использовать наши победы»⁸²⁸.

Выступая на заседании Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксаков с нескрываемой горечью обвинял МИД России: «Слово немеет, мысль останавливается, пораженная перед этим колобродством русских дипломатических умов, пред этой грандиозностью раболепства»⁸²⁹.

Оккупация Австро-Венгрией в 1878 г. Боснии и Герцеговины вызвала новый подъем славянского движения в России. Снова стали стихийно создаваться комитеты помощи жителям Боснии и Герцеговины, звучать призывы послать санитарные отряды и добровольцев для их поддержки. Тон задавали либеральные газеты («Голос», «Новое

⁸²⁷ *Wakounig M.* Op. cit. S. 93.

⁸²⁸ АВПРИ. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482. Д. 2980. Л. 15 об.

⁸²⁹ *Аксаков И. С.* Речь, произнесенная председателем Московского Славянского благотворительного общества в публичном заседании одного 5 марта 1878 года. М., 1878. С. 20.

время)), даже проправительственная «Санкт-Петербургские Ведомости» откровенно высказывала сочувствие балканским славянам. Эмоциональный накал в обществе сдерживали, как ни странно, «Московские Ведомости». Правительству не нужен был новый общественный подъем в поддержку славян⁸³⁰.

Отголоски глубокого разочарования отразились и на историографических оценках. В «Истории дипломатии» 1946 г. еще отчетливо звучало, что Россия была вероломна «лишена значительной части плодов своей победы»⁸³¹. Впоследствии в отечественных исследованиях возобладала менее пессимистичная оценка Берлинского конгресса. А.Л. Нарочницкий отмечал, что Сан-Стефанский мир стал необходимым звеном к достижению окончательного урегулирования на Балканах⁸³². Итоги 1875-78 гг. имели «величественное значение для балканских народов», поскольку был сделан прорыв к их независимому статусу⁸³³. Курс великих держав на сохранение status quo на Балканах рухнул. Открылась новая эпоха окончательного передела турецкого наследия.

Важно, что после Берлинского конгресса началось постепенное изменение германской политики. Бисмарк почувствовал вкус к балканским делам. Если раньше его дипломатическая линия ограничивалась, в основном, поддержкой Австро-Венгрии, то уже с 1880-х гг. немецкий капитал и дипломатия активно развернулись не только в сторону Османской империи, но и балканских стран, из которых наиболее привлекательной оказалась Болгария⁸³⁴. Впоследствии Бисмарк так объяснял повышенное внимание к Балканам – «сохранение Австро-Венгерской монархии, как независимой, сильной великой державы, необходимо Германии для европейского равновесия, и ради этого мир страны в случае необходимости может быть со спокойной совестью поставлен на карту»⁸³⁵. Для него не существовало дилеммы – Россия или Австро-Венгрия. Континентальный союз двух немецких государств представлялся Бисмарку наиболее эффективной комбинацией в европейской дипломатии. Но громадная Россия с сильной армией, большими амбициями, ресурсами к геополитическому расширению на юг, восток и север была опасна своей решительностью и нередко - жесткими подходами. Возможный союз России с Францией был крайне нежелателен для железного канцлера.

⁸³⁰ Хитрова Н. И. Россия и Черногория в 1878–1908 гг. Вып. 1. С. 82.

⁸³¹ История дипломатии / под ред. В. П. Потемкина. М., 1945. Т. 2. С. 50.

⁸³² Нарочницкий А. Л. Берлинский конгресс, Россия и южные славяне // Новая и новейшая история. 1979. № 2. С. 79.

⁸³³ Международные отношения на Балканах... С. 408–410.

⁸³⁴ Geiss I. Der lange Weg in die Katastrophe : die Vorgeschichte des Ersten Weltkrieges, 1815–1914. 2. Aufl. München ; Zürich, 1991. S. 155.

⁸³⁵ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 2. С. 225–226.

Тем не менее, он ясно осознавал все риски от стратегического партнерства с монархией Габсбургов, понимая, что узлы национальных противоречий связывают ее внутренние силы и таят опасности крупных европейских конфликтов. В своих мемуарах он давал взвешенные оценки этому партнерству: «не только панславизм и Болгария или Босния, но также сербский, румынский, польский, чешский вопросы, и даже еще и теперь, итальянский вопрос в Триенте, Триесте и на далматском побережье могут стать пунктами кристаллизации не только австрийских, но и европейских кризисов, которые, несомненно, затронут германские интересы лишь постольку, поскольку Германская империя вступит с Австрией в отношения солидарной ответственности»⁸³⁶.

Возможно, по этой причине под влиянием Отто Бисмарка начала изменяться общая германо-австрийская стратегия на Балканах. Почему было не использовать французский опыт в финансовых и торгово-экономических отношениях с Османской империей? Движение немецких капиталов началось не в банковском секторе, а в самом перспективном для того времени – железнодорожном строительстве. Под влиянием решений Берлинского конгресса началась железнодорожная экспансия, которую австрийский и немецкий капитал развернули в Порте и Болгарии.

Россия понесла тяжелые потери в русско-турецкой войне – 200 тысяч убитыми. Война стоила дорого, государственный внутренний долг увеличился на 800 млн. руб., а внешний – на 100 млн. руб. Инфляция составила 70%, когда летом 1876 г. в обращении находилось около 700 млн. рублей, а осенью 1878 г. уже почти 1200 млн. рублей. Обесценились бумажные деньги. Курс кредитного рубля в 1879 г. был на 37% ниже паритета.

Расстройство финансовой системы России, вызванное русско-турецкой войной, нанесло удар по кредитоспособности страны на Западе. К тому же резко обострились противоречия России с Великобританией в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Ослаб приток иностранных инвестиций. Экономике и финансы страны спасла резко возросшая конъюнктура на хлебные цены и соответственно - увеличение экспорта пшеницы из России в страны Европы в 1877–1879 гг. По сути, хлебный экспорт способствовал оживлению экономики и ее восстановлению. Экономист Безобразов особо отмечает успех Нижегородской ярмарки 1878 г. – «необычайно блистательной во всех отношениях», когда «в наличных деньгах было неслыханное изобилие». Промышленные прибыли «достигали неслыханных колоссальных размеров», доходя у некоторых компаний «до 40%, 50% и даже до 70% на складочный капитал (...) И все эти прибыли или большая их

⁸³⁶ Там же. С. 226.

часть шли в эпоху возбуждения на усиление производства и на устройство новых заведений»⁸³⁷.

Таким образом, с 1870-х гг. начался новый этап в российско-австрийских отношениях, когда прежняя имперская солидарность и партнерство, характерные для Священного Союза, сменились вынужденным поиском компромиссов и сильным взаимным недоверием. Возрождение Союза трех императоров совпало не только с затяжным мировым экономическим кризисом, мощным усилением Германии, но и подъемом освободительного движения, обострением межнациональных конфликтов на Балканах. Восточный кризис – во всех фазах – стал серьезным испытанием на прочность трехстороннего Союза.

С первых лет его существования стало очевидным, что зона конфликтности между Россией и Австро-Венгрией постоянно разрастается. Новый внешнеполитический курс министра Дьюла Андраши был направлен не столько на сдерживание России, сколько на противостояние с ней. Особенно в славянской политике. Лавируя между Берлином и Лондоном, он смог оказывать активное противодействие российским интересам на Балканах. Тем более, что Германия и Великобритания поддерживали новые славянские амбиции Австро-Венгрии, надеясь иметь в ее лице эффективный противовес России.

Мучительные попытки балканских народов вырваться из-под османского владычества, освободительная борьба с оружием в руках, потоками крови, насилием и беженцами, вызвали огромное сочувствие в России. Движение в поддержку сербов, боснийцев, герцеговинцев, черногорцев и болгар получило огромный размах по всей стране. Пик пришелся на 1876– 1878 гг., когда на Балканы отправлялись тысячами добровольцы, члены санитарных отрядов, а массовые пожертвования и посылки достигали небывалых масштабов. На этом фоне все отделения Славянского Благотворительного Комитета, впоследствии преобразованные в отдельные структуры, проявляли значительную активность. Не будет преувеличением констатировать, что в семидесятые годы российское общество было чрезвычайно увлечено делом освобождения балканских славян, воспринимая его как гражданский и религиозный долг. Славянскую взаимность разделяли все слои населения. Под влиянием Восточного кризиса славянские коды прочно вошли в коллективную идентичность российского общества, надолго определяя понимание мировой миссии России.

⁸³⁷ *Безобразов В. П.* Народное хозяйство России. СПб., 1882. Ч. 1. С. 276–179.

4.2.3. Агония Союза трех императоров в 1880-е гг.

На рубеже 1870-х –80-х гг. стали интенсивно развиваться банковские системы, происходила мобилизация свободных капиталов и сбережений населения, широко распространялись безналичные расчеты и краткосрочные кредиты. Масса свободных денежных капиталов порождала грюндерский спекулятивный бум. В Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии вскрывались крупнейшие злоупотребления, связанные с размещением ценных бумаг. Огромное количество учрежденных акционерных обществ была предназначена для деятельности за границей. Колониальная тема превращалась в ключевую и занимала в новых эмиссиях почетное место. Спекулятивно-грюндерская игра с баснословными барышами вовлекала самые широкие слои общества. Учетные ставки возрастали, на финансовых рынках усиливалось напряжение. Новые тенденции на финансовых мировых рынках и в международной торговле постепенно изменяли качество всей системы международных отношений. Армия и военный флот продолжали оставаться определяющими факторами для статуса великой державы, но этого уже было недостаточно.

Геополитическая конкуренция между великими державами разворачивалась на всех континентах, борьба за влияние на региональные и малые государства только возрастала. Выигрывала та держава, которая могла защитить своих союзников не только силой оружия, но и сделать выгодное предложение по инвестициям и развитию внутренней инфраструктуры. Финансовые ресурсы и экономический потенциал становились важнейшим фактором успеха в продвижении собственных интересов за рубежом для каждого государства «европейского концерта». С 1880-х гг. экономическая колонизация динамично набирала обороты, создавая крупные инвестиционные проекты, внедряясь в государства со слабой экономикой, изменяя их политический ландшафт.

В 1879 г. Бисмарк ввел пошлины как средство монополизации внутреннего рынка для продажи на нем по завышенным тарифам иностранных товаров, а также создать финансовые резервы и иметь конкурентные преимущества на внешних рынках. Введенные пошлины на импортное зерно ущемляли интересы российских помещиков. В ответ Россия ввела пошлины на поставки немецкой черной металлургии. Свободная конкуренция и торговля уходили в прошлое. На смену приходила эпоха монополизации капитала и производства, которая вызывала кризисы еще большей глубины и длительности. Отношения между Россией и Германией накалялись раз от раза. Александр II даже написал раздраженное письмо германскому императору, в котором обвинил Бисмарка в недружественных акциях и ненависти к Горчакову.

Самому Горчакову к этому времени шел 81 год, здоровье уже было сильно расстроено. Формально он оставался министром до 1882 г. Но фактически министерством иностранных дел управлял Николай Карлович Гирс, помощник министра, человек чрезвычайно осторожный и выдержанный, строгих бюрократических правил. Значительно большим влиянием при дворе, чем замкнутый Н.К. Гирс, пользовался военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин, который в последние годы царствования императора Александра II стал убежденным противником любого обострения ситуации. Он считал, что России после всех военных конфликтов необходима передышка для модернизации армии и флота.

Союз трех императоров уже не представлял собой политическое партнерство, которое опиралось бы на общие компромиссы при решении спорных международных ситуаций. Недоверие между императорскими дворами разрасталось с каждым волнением на Балканах. Особенно острой была геополитическая конкуренция между Веней и Петербургом. В октябре 1879 г. Берлин и Вена заключили двусторонний секретный договор, направленный против России. В первой статье договора предусматривалось, что в случае нападения на одну из них со стороны России, обе обязаны начать совместные военные действия против нее. Хотя Бисмарк пытался склонить Андраши к такому же договору против Франции, тот предусмотрительно отказался. Главную опасность министр иностранных дел Австро-Венгрии видел прежде всего в России. Это было первое открытое проявление враждебности к России со стороны ее союзниц, зафиксированное в секретном соглашении.

Для России важно было не допустить сближения Англии со своими союзницами. Соперничество между Петербургом и Лондоном в «большой игре» в Передней Азии только нарастало⁸³⁸. Но России не хватало флота, погибшего в Крымской войне. Возрождение Черноморского флота превращалось в важнейшую стратегическую задачу.

В августе 1881 г. состоялось Особое совещание в российском правительстве, созданное по инициативе морского министра. На нем было принято решение о восстановлении Черноморского флота и утверждения российских интересов на Черном море «ввиду постепенно приближающейся окончательной развязки Восточного вопроса». Тогда Россия должна будет «овладеть устьями Босфора, укрепиться на обоих его берегах и, встав прочно у входа в Черное море, оградить его воды и берега от всякого посягательства»⁸³⁹. Но дальше этой констатации министры не пошли. Вновь на правительственном уровне идея Проливов была зафиксирована как стратегическая задача

⁸³⁸ *Сергеев Е. Ю.* Большая игра... С. 173–182.

⁸³⁹ *Нелидов А. И.* Указ. соч. С. 180.

России. Но для ее осуществления необходимо было принять масштабную и затратную программу восстановления Черноморского флота. На текущий момент всем было понятно, что борьба за Проливы должна быть отложена на будущее.

Страна нуждалась в реформах, нужно было выиграть время для проведения умеренной модернизации. Не питая иллюзий в отношении своих союзников, Россия сама выступила инициатором пролонгации Союза трех императоров.

Бисмарк смог преодолеть сопротивление Вены, совсем не жаждавшей связывать себе руки союзным договором с Россией. В июне 1881 г. договор все же был подписан тремя сторонами, которые совместно гарантировали нейтралитет во время военного конфликта с другими державами. Таким образом, Бисмарк получал гарантии на случай войны с Францией, а Гирс – с Англией. Австрийские дипломаты не скрывали, что условием подписания соглашения должно стать официальное согласие России на аннексию Боснии и Герцеговины в пользу Австро-Венгрии. Эта договоренность была оформлена отдельным приложением к договору.

После трагической гибели Александра II российский престол занял его сын Александр III, сторонник невмешательства в европейские дела. С начала 1880-х гг. Россия вступила в полосу затяжного кризиса, вызванного промышленным перепроизводством, который обострился аграрным кризисом. Неурожай 1880 г. вызвал голод в ряде регионов и разорение мелких и средних хозяйств. Страна не могла себе позволить активную внешнюю политику из-за необходимости провести модернизацию экономики, армии и флота. Кредо внешней политики Александра III было выражено в известной его резолюции на донесении посла в Берлине П.А. Сабурова: «Я понимаю одну политику: извлекать из всего все, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас, как чисто русская, национальная; никакой другой политики быть не может и не должно»⁸⁴⁰.

Хотя в 1884 г. Союз был продлен еще на три года, но он все больше превращался в номинальный. Как уже отмечалось, трем державам были нужны взаимные гарантии нейтралитета на случай войны. Каждая из них продвигала свои интересы на Балканах. Россия использовала силу оружия, добровольные пожертвования, общественную и церковную благотворительность, создавала льготные условия для славянских студентов и кадетов, обучавших в российских учебных заведениях. Австро-Венгрия предпочитала действовать другими методами. Она достигла значительных успехов в финансовых

⁸⁴⁰ Сказкин С. Д. Указ. соч. С. 198.

инвестициях и экономических преференциях для балканских элит⁸⁴¹. Столь очевидное различие в геополитических подходах и инструментах продвижения влияния особенно проявилась в Сербии и Болгарии.

Российской дипломатии в 1880-1900-е гг. пришлось столкнуться с новыми вызовами, которые в значительной степени перераспределили балансы сил на Балканах и в европейской политике.

Во-первых, петербургскому двору и всему российскому обществу пришлось испытать глубокое разочарование в прежних славянских симпатиях. Российская политика строилась в соответствии с особым пониманием своей миссии по освобождению «единокровных и единоверных братьев» на Балканах. Естественно, что в здании на Певческом мосту, где располагалось министерство иностранных дел, рассчитывали, что благодарные славяне не забудут огромной помощи, оказанной им Россией в стремлении к независимости. Но жизнь диктовала другие приоритеты.

Российские капиталы не могли на равных конкурировать с мощными инвестициями из Германии, Австро-Венгрии, Франции и Англии в Османскую империю и балканские страны. Несмотря на благодарную историческую память, балканские элиты стремились воспринять европейские модели «прогрессизма» – парламентские, гражданские, индустриальные и финансовые. Моральное влияние России постепенно ослаблялось, а независимые государства предпочитали лавировать между великими державами в надежде получить за свою лояльность максимальную выгоду.

Во-вторых, сами балканские страны окрепли настолько, что готовы были бороться между собой за право быть региональной доминирующей державой. Хотя процессы национальной интеграции сербов, болгар, греков и румын были далеки до завершения, тем не менее, между ними развернулось острое соперничество за влияние на Балканах и в европейских столицах. Завязывались новые узлы территориальных противоречий и политических конфликтов: между сербами и болгарами из-за Восточной Румелии, между болгарами и румынами из-за Южной Добруджи, между болгарами, греками и сербами из-за разделов Македонии.

В-третьих, в 1880-е гг. не только Австро-Венгрия, но и Германия почувствовала вкус к балканской политике. Мощное продвижение германских капиталов, инвестирование и лоббирование интересов в железнодорожном строительстве, тесные взаимосвязи немецких и австро-венгерских банков и коммерческих обществ с

⁸⁴¹ Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Wien, 1993. Bd. 6 : Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen, Teilbd. 2 / hrsg. von A. Wandruszka und H. Rumpler. S. 342–350, 387–435.

финансовыми кругами Порты, Болгарии, Сербии, Румынии существенно изменяло весь политический расклад. Российский генеральный консул в Вене Иславин провел тщательный анализ австрийской политики на Балканах с 1878 г. по 1908 г. и пришел к заключению: «Стремление Австро-Венгрии держать балканские государства в экономической от себя зависимости вызвано главным образом соображениями политическими. Понятие о мирном экономическом проникновении на Балканский полуостров неразрывно связано со стремлением распространить свое политическое влияние на балканские государства»⁸⁴². Действительно – в прицеле австрийской политики оказались северная и западная часть Балкан, куда активно потянулись потоки биржевых маклеров, железнодорожные концессии, торгово-судоходные кампании, австрийские, венгерские и немецкие капиталы.

Приоритетом в экономической политике Австро-Венгрии стало строительство железных дорог. Значительный проект железной дороги Вена-Белград-София-Константинополь был осуществлен венскими банками. Он сулил немалую доходность болгарской финансовой и торговой элите, ориентированной на австрийский рынок⁸⁴³. В 1883 г. по инициативе Австро-Венгрии была заключена конвенция с Портой, Сербией и Болгарией о создании единой сети Восточных железных дорог. Впоследствии к австрийским концессиям барона Гирша присоединился глава «Дойче банк» Г. Сименс.

Попытки России на равных конкурировать в распределении железнодорожных концессий на Балканах закончились неудачно. Не только в Болгарии, но и в Сербии российские промышленники оказались не в состоянии преодолеть влияние австро-венгерского капитала. К экономическим проблемам добавились политические.

В Сербии в 1880 г. к власти пришли прозападные либералы. Сербский князь Милан Обренович открыто взял курс на сближение с Веней, подписав кабальный торговый договор 1881 г., который поставил сербский рынок в торгово-финансовую зависимость от Австро-Венгрии. Вена дала гарантии династии Обреновичей, что будет их поддерживать во всем, но князь Милан должен был согласовывать с австрийским послом внутреннюю и внешнюю политику страны⁸⁴⁴. Австро-Венгрия оказалась совсем близка к заветной цели – созданию «своего» славянского государства, оторванного от России.

Присвоив титул короля, Милан Обренович стал сосредотачивать власть в своих руках, опираясь на армию и вытесняя русофильски настроенных политиков со всех

⁸⁴² АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 9024. Л. 183.

⁸⁴³ *Kumpf-Korfes S. Bismarcks "Draht nach Rußland"* : zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin, 1968. S. 70–74.

⁸⁴⁴ *Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Bd. 6, Teilbd. 2. S. 354–363.*

государственных постов⁸⁴⁵. Когда вспыхнуло против него восстание, Австро-Венгрия пригрозила оккупацией Сербии. В ответ Россия дала понять Германии, что выйдет из Союза трех императоров. Бисмарк и здесь смог спасти Союз, настояв на невмешательстве Австро-Венгрии.

Эту опасную тенденции особо отмечал канцлер А.М. Горчаков в отчете МИД за 1879 г.: «Австрия старается всеми мерами подчинить Сербию своему влиянию и поставить Княжество в полную от себя зависимость – через строительство железных дорог по австрийским условиям, в обход 38 статьи Берлинского трактата»⁸⁴⁶. В отчете за 1881 г. уже констатировалось, что Австро-Венгрия «вскоре из дружественной Державы сделалась руководительницею политики Княжества в ущерб интересам последнего»⁸⁴⁷. В итоге к 1886 г. российские дипломаты вынуждены были признать, что Сербия превратилась в зависимое государство: «Австро-Венгрия, захватив в свои руки железные дороги Сербии, ее торговлю и обеспечив за собой непосредственное влияние на сербские финансы, держит королевство в тяжелой экономической зависимости от себя»⁸⁴⁸.

Многие дипломаты российского МИДа сочувственно относились к славянскому движению, несмотря на подчеркнута сдержанную официальную линию. К ним относился посол в Софии Михаил Александрович Хитрово, опытный дипломат, выходец из влиятельной аристократической семьи. Когда в начале 1882 г. началось восстание в Боснии и Герцеговине, русские газеты вновь наполнились тревожными репортажами о судьбах несчастных, но мужественных балканцев. Весной активизировались Славянские комитеты, собирая по всей России пожертвования для восставших. Ряд его членов во главе с И.А. Аксаковым обратились к М.А. Хитрово с просьбой оказать содействие в формировании добровольческого отряда из черногорцев, который был бы направлен из Софии в Боснию и Герцеговину. Собранные денежные средства переправлялись в российское посольство в Софии для финансирования черногорцев -добровольцев. Как только эта акция стала известна в МИД России, М.А. Хитрово был срочно отозван с Петербург. Посольству же вменялось строгое соблюдение официальной позиции, без всяких импровизаций с общественными славянскими симпатиями⁸⁴⁹.

Одновременно испортились отношения между Александром III и болгарским царем Александром Баттенбергом, который был обязан России своим престолом. Подобно

⁸⁴⁵ *Шемякин А. Л.* Идеология Николая Пашича : формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 158–170.

⁸⁴⁶ АВПРИ. Ф. 137 (Отчеты МИД России). Оп. 475. 1879. Д. 82. Л. 31.

⁸⁴⁷ Там же. 1881. Д. 86. Л. 27.

⁸⁴⁸ АВПРИ. Ф. 137 (Отчеты МИД России). Оп. 475. 1886. Д. 98. Л. 64 об.

⁸⁴⁹ *Хитрова Н. И.* Указ. соч. Вып. 1. С. 90–91, 177–179.

сербскому королю Милану Обреновичу, он стремился полностью сосредоточить в своих руках контроль над государством, не ставя в известность Петербург о своих политических действиях⁸⁵⁰. Постепенно раздражение накапливалось с обеих сторон. Интриги Баттенберга и его спекуляции на имени России, которую болгары связывали воедино с национальным освобождением, вконец надоели Александру III. Последней каплей стал болгарский кризис 1885-1886 гг. Конфликт завязался между Болгарией и Сербией из-за Восточной Румелии, где произошло антитурецкое восстание. Александр Баттенберг, воспользовавшись большим сочувствием к восставшим, намеревался объединить «две Болгарии» под своей единоличной властью. Российские дипломаты стали последними, кто узнал о его планах⁸⁵¹.

Пока Россия пыталась найти компромисс с Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, ее обошли британцы, которые быстро оценили всю выгоду охлаждения русско-болгарских отношений⁸⁵². Тем более, Александр III не готов был втягиваться в военный конфликт из-за Баттенберга, несмотря на усилия австрийских союзников столкнуть Россию и Порту. Царь писал начальнику Генерального штаба Н.Н. Обручеву: «Настоящее движение болгар я не одобряю, они нас не слушались, действовали втихомолку, советов не спрашивали, пусть теперь сами расхлебывают кашу, ими же заваренную. Из-за последнего движения, нами не одобряемого и нами нежелательного, в настоящую минуту ссориться и вести войну с Турцией, а может быть и с Европой, - было бы непростительно и даже преступно в отношении к России»⁸⁵³.

В этом же письме царь откровенно признавался: «По-моему, у нас должна быть одна и главная цель: это – занятие Константинополя, чтобы раз и навсегда утвердиться в Проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках. Это в интересах России, это должно быть наше стремление, все остальное на Балканском полуострове для нас второстепенно... Славяне должны теперь сослужить службу России, а не мы им (...) Что касается собственно Проливов, то, конечно, время еще не наступило, но нам надо быть готовым к этому и приготавливать все средства. – Только из-за этого вопроса я соглашусь вести войну на Балканском полуострове, потому что он для России необходим и действительно полезен»⁸⁵⁴.

⁸⁵⁰ Киняпина Н. С. Балканы и Проливы... С. 11–41.

⁸⁵¹ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи: 1801–1914. М., 2006. С. 378–379.

⁸⁵² Золотухин М. Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888). М., 1993. С. 178–187.

⁸⁵³ Александр III – Н. Н. Обручеву, 12 (24) сентября 1885 г. // Красный архив. 1931. Т. 3 (46). С. 180.

⁸⁵⁴ Там же. С. 180–181.

Конечно, не стоит одну цитату, даже принадлежавшую Александру III, выдавать за внешнеполитическую программу. Россия не втянулась в очередной балканский конфликт, предпочитая обходиться дипломатическими методами. Но Александр III четко расставил приоритеты. Он предпочитал сам вести внешнеполитический курс, не передоверяя его министрам иностранных дел, иногда был склонен к крутым поворотам, особенно если был убежден, что другого пути для защиты национальных интересов не существует. Но если необходимость требовала дипломатического маневрирования, то охотно прибегал к разным приемам, лишь бы удержать ситуацию от военного конфликта. Дипломатическую переписку и резолюции царь писал по-русски и требовал от высших государственных чиновников хорошего знания родного языка.

Осторожный министр иностранных дел России Николай Карлович Гирс, склонный к поиску компромиссов с Берлином и Веной, делал все возможное, чтобы избежать осложнений с союзниками. Соперничество с Британией в Передней Азии грозило обернуться еще большим обострением отношений в другом стратегическом регионе – на Балканах. Несмотря на многочисленные попытки дипломатического зондажа со стороны России относительно изменения статуса Проливов, было ясно, что Великобритания не допустит таких преференций для России⁸⁵⁵. Кризис завершился в 1886 г. подписанием болгаро-турецкого договора, в соответствии с которым Восточная Румелия оставалась под властью османов, но ее наместника назначал болгарский царь.

Архитектором этого соглашения стал новый британский премьер Солсбери. Болгарские и сербские кульбиты вызвали сильное раздражение официального Петербурга, упрекавшего славянских братьев в неблагодарности. Геополитическая игра за влияние на Балканах между Россией и Австро-Венгрией еще больше разгоралась.

Венские либералы возлагали большие надежды на наследника габсбургского престола Рудольфа. Он критически относился к внешнеполитическим стратегиям отца – Франца Иосифа, особенно осуждая его за союз с Россией. В близком круге кронпринца приветствовали «изгнание России из Балкан на Берлинском конгрессе». Рудольф лелеял идею возвышения Австро-Венгрии как ведущей державы – защитницы и покровительницы христиан на Балканах⁸⁵⁶. Но для этого необходимо было устранить основную соперницу – Россию. Идеи большой европейской войны витали в венских салонах, но дальше бравадных разговоров дело не заходило⁸⁵⁷.

⁸⁵⁵ Киняпина Н. С. Балканы и Проливы... С. 179.

⁸⁵⁶ Hamann B. Kronprinz Rudolf : ein Leben. Wien, 2005. S. 307–340.

⁸⁵⁷ Wakounig M. Op. cit. S. 104, 130, 133 ; Bridge F. R. Österreich(-Ungarn) unter den Großmächten. S. 276.

Император Франц Иосиф и министр иностранных дел Г. Кальноки строго следовали курсу Бисмарка, пытавшегося любыми способами сохранить свое любимое детище – Союз трех императоров⁸⁵⁸. Немецкий канцлер ясно дал понять австрийским партнерам, что ради Болгарии не начнет войну. Но он не мог отказаться от старой идеи, которую неоднократно обсуждал еще с Андраши – заманить Россию в военный конфликт с Портой, соблазнив перспективой Проливов⁸⁵⁹. Несколько раз австрийская, британская и немецкая дипломатии пытались расставить подобные ловушки, но России удавалось не попасться в них, даже когда на горизонте маячили перспективы вожделенных Проливов.

В конце 1880-х гг. Германия решительно взяла курс на Константинополь. Уже с первой поездки Вильгельма II на берега Босфора началось масштабное немецкое проникновение в Османскую империю – торговое, финансовое и военное. Берлин перестал играть роль незаинтересованного игрока на Балканах, к которому обращались как к арбитру конфликтующие стороны. Почувствовав вкус к геополитическому разделу Балкан, немцы со свойственной им системностью начали обустривать под себя это пространство. Германская военная миссия, посланная для реорганизации османской армии в 1882 г., получила как бы второе дыхание. Германские военные советники при дворе турецкого султана и на руководящих постах в армии, германские концессии на строительство железных дорог, растянутых между европейскими столицами и балканскими городами, поставки в турецкую армию вооружений от фирмы Крупп и заводов Маузера, финансовые операции крупных немецких банков, предоставлявших огромные займы турецкому правительству, регулярное немецкое пароходное сообщение между портами Османской империи и другими портами Средиземноморья⁸⁶⁰.

Петербург воспринял новые веяния очень серьезно. В книге Олега Айрапетова «Внешняя политика России (1801–1914)» собраны доказательства того, что с 1880-х гг. Россия стала укреплять свою западную и юго-западную границу, возводя оборонительные сооружения и крепости, форсируя строительство железных дорог и укрепляя морской фланг на германском участке границы. Дополнительные укрепления были построены на Нареве и Немане. С середины 1880-х гг. стали проводиться военные маневры в округах, прилегавших к западной границе и на Кавказе. Ежегодно они становились все масштабнее и эффективнее. «Эти маневры и учения на Черном море говорят о планах будущей войны – атака Босфора и Галиции, оборона германской границы. Это были планы военного

⁸⁵⁸ *Rauscher W. Zwischen Berlin und St. Petersburg : die österreichisch-ungarische Außenpolitik unter Gustav Graf Kálnoky. Wien ; Köln ; Weimar, 1993. S. 131–140.*

⁸⁵⁹ *Золотухин М. Ю. Указ. соч. С. 189.*

⁸⁶⁰ *Туполев Б. М. Указ. соч. С. 54–95.*

министерства, конечно, не разделяемые МИДом, но поддерживаемые императором⁸⁶¹». В 1890 г. состоялись военные учения Варшавского и Киевского округа, во время которых «русская армия отрабатывала план наступательной войны против Австро-Венгрии и оборонительной – против Германии и демонстрировала свою силу»⁸⁶².

В 1885 г. в разведывательном бюро Генштаба Австро-Венгрии была создана специальная группа по проведению разведывательных операций на территории России при содействии I и II-го корпусов в Кракове и Львове, а с 1889 г. – X корпуса в Перемышле. Денег не жалели. На сотню агентов в России тратилось в год 60 000 гульденов⁸⁶³. Но в австрийской разведке постоянно происходили изменения. Было время, когда в 1906 г. число агентов по России сократилось до двух. В результате различных перестроек сложились три основные группы – русская, итальянская и балканская. Три направления, отражавшие стратегическое мышление военных элит Австро-Венгрии, там, где была максимальная концентрация угроз и вызовов. Но разведывательная служба Австро-Венгрии не была самостоятельной структурой, находилась в тесном контакте с другой мощной службой, принадлежавшей кайзеровской Германии. Немцы обладали одной из лучшей агентурной сетью во всех странах – вероятных противников (за исключением США). Между Германией и Австро-Венгрией происходил постоянный обмен информацией и секретными данными⁸⁶⁴.

В России действовал институт военных агентов, за которыми еще в 1856 г. был закреплён статус «дипломатов в погонах». Их функции постоянно расширялись – от дипломатических, представительских до посреднических, консультационных и информационно-аналитических⁸⁶⁵. Наиболее активно военные агенты действовали в Париже, Берлине, Вене и Лондоне. Все их сведения предварительно докладывались дипломатам, а «спешно-секретные» и секретные сведения отправлялись зашифрованными телеграммами или доставлялись через курьеров МИДа⁸⁶⁶.

Военные маневры, укрепление обороноспособности границ, расширение разведывательных сетей – все это свидетельствовало, что под сенью Союза трех императоров произошла поляризация. Но одной стороне оказались «немецкие сестры» – Австро-Венгрия и Германия, на другой – Россия. Причем каждая из сторон воспринимала

⁸⁶¹ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 393.

⁸⁶² Там же. С. 400.

⁸⁶³ Ронге М. Указ. соч. С. 10.

⁸⁶⁴ Там же. С. 169.

⁸⁶⁵ Сергеев Е. Ю., Улуян А. А. Военные агенты Российской империи в Европе (1900–1914). М., 1999. С. 32–33.

⁸⁶⁶ Алексеев М. Военная разведка России: от Рюрика до Николая. М., 2001. Кн. 3, ч. 2. С. 394.

другую как потенциального противника, превентивно укрепляя свою обороноспособность.

Недоверие в Союзе трех императоров неотвратимо нарастало, от отчуждения до враждебности оставалась не такая большая дистанция. Одной из наиболее существенных причин расхождения были успехи австро-немецких капиталов в Сербии и Болгарии. Экономический фактор оказывал гораздо более мощное воздействие на балканские элиты, чем политический. Единственное, что оставалось российской дипломатии – это использовать коренное геополитическое противоречие в отношениях между Белградом и Веней, которая категорически не принимала сербскую мечту прорваться к побережью Адриатического моря. Как писал впоследствии действительный статский советник Чарыков из Белграда: «Радикальное средство обеспечить от всяких покушений экономическую независимость Сербии только одно – довести ее пределы до моря, Адриатического или Эгейского». Но сразу же он благоразумно оговаривался: «Но так как эта мера подразумевала бы изменение территориального status-quo Балканского полуострова, то обсуждать ее здесь было бы неуместно»⁸⁶⁷.

Геополитические игры вокруг Болгарии и Сербии серьезно расшатали российско-австрийские дипломатические отношения. Когда Вена вновь предложила продлить в 1887 г. Союз трех императоров, Александр III ответил отказом. Общественное мнение в России было тогда настроено резко против любых форм сближения с Австро-Венгрией⁸⁶⁸. Бисмарк вел сложную дипломатическую игру сразу на нескольких направлениях, пытаясь углубить противоречия между Россией и Англией, и одновременно теснее связать общие интересы Австрии и Англии. Но он никак не хотел сближения России с Францией. Дипломатическая миссия Петра и Павла Шуваловых в Берлин увенчалась подписанием двустороннего российско-германского соглашения, названного в историографии «перестраховочным»⁸⁶⁹. Обе державы гарантировали друг другу нейтралитет в случае военного нападения на каждую из них. Кроме того, Германия признавала особое право России на преобладающее влияние в Болгарии.

Между тем, на Балканах ситуация складывалась не в пользу российских интересов. Отказ царя поддержать Баттенберга привел к его отставке. Но возглавивший правительство Стамболов резко развернул страну в сторону от России, надеясь на покровительство Германии и Австро-Венгрии. По Болгарии прокатились волны преследований русофилов, нападений на русских подданных, оскорблений русскому

⁸⁶⁷ АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 9024. Л. 5.

⁸⁶⁸ *Wakounig M.* Op. cit. S. 139–165.

⁸⁶⁹ *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 82–84.

флагу, что привело к охлаждению отношений между странами⁸⁷⁰. Во время визита в Вену Стамболов демонстративно подчеркивал особую заинтересованность в развитии австрийско-болгарских связей. На болгарский престол ему была предложена кандидатура 26-летнего австрийского офицера Фердинанда Кобурга, родственника английской королевы Виктории и французского Луи Филиппа Орлеанского. Он и был коронован болгарским царем под покровительством Австро-Венгрии⁸⁷¹. Не прошло и года, как Стамболов предложил Александру III свергнуть Фердинанда и поставить своего кандидата в обмен на улучшение российско-болгарских отношений. Но тема Болгарии была для Петербурга на тот момент закрыта⁸⁷².

В 1888 г. в отчете МИДа России откровенно признавалось, что «в течение минувшего года деятельность Австро-Венгерского кабинета на Балканском полуострове по-прежнему была нам враждебна. Граф Кальноки отказался поддержать нас в Константинополе в вопросе об удалении принца Кобургского из Софии. Австрийские агенты оказывали покровительство неприязненным России правительствам, как в Болгарии, так и в Сербии»⁸⁷³.

Однако, несмотря на периодически вспыхивавшие отторжения, между Веной и Петербургом все еще сохранялся консенсус по ключевым вопросам. Обеим империям было выгодно постепенное ослабление Османской империи, но они старались продлить существование этого государства, опасаясь неконтролируемого хаоса в случае его резкого распада. Но в 1880-е гг. накал геополитической конкуренции между Россией и Австро-Венгрией достиг такого высокого градуса, особенно в Сербии и Болгарии, что находить консенсус становилось все тяжелее.

Таким образом, пятнадцать лет существования Союза трех императоров были наполнены разнообразными ситуациями – от притяжений до отторжений, но державы находили пути для разрешения конфликтных ситуаций. Безусловно, эта модель партнерства существенно отличалась от первоначальной – Священного Союза, на котором держался Венский порядок. В ней не было общей идеологической платформы, которая скрепляла консервативную солидарность империй, победивших Наполеона. Союз трех императоров имел вынужденный характер, каждая из держав видела в нем инструмент обеспечения собственной безопасности на случай военного конфликта. Сильного континентального блока, который мог бы противостоять гегемонии Великобритании – не получилось. Неудивительно, что британская дипломатия каждый раз обыгрывала

⁸⁷⁰ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 386–387.

⁸⁷¹ Киняпина Н. С. Балканы и Проливы... С. 173–175.

⁸⁷² Там же. С. 98–100.

⁸⁷³ АВПРИ. Ф. 137 (Отчеты МИД России). Оп. 475. Д. 102. Л. 11.

союзников в спорных международных ситуациях, используя нараставшие внутренние противоречия в их альянсе.

Именно в это десятилетие Россия испытала глубокое разочарование в славянской взаимности как инструменте продвижения своих интересов на Балканах. Более эффективная финансовая и торгово-экономическая политика Австро-Венгрии достаточно быстро изменила баланс сил в Сербии и Болгарии в свою пользу. Славянская риторика, хоть и сохранялась, но теряла свой политический смысл в действиях болгарских и сербских элит.

Особо стоит отметить, что в 1880-е гг. конкуренция России и Австро-Венгрии за влияние на Балканах привела к системному конфликту между некогда союзными империями. Если Россия изначально мыслила себя в геополитических категориях защитницы и покровительницы всех зарубежных славян, то Австро-Венгрия стала с конца 1870-начала 1880-х гг. также присваивать славянские коды в своей внешней политике. Возник глубинный идеологический конфликт в сознании элит и общества в интерпретации славянского фактора во внутренней и внешней политике. Можно констатировать, что именно 1880-е гг. стали своеобразным водоразделом в эволюции славянских идеологов как в России, так и в Австро-Венгрии. Внешним проявлением этих глубинных процессов стало столкновение Вены и Петербурга на Балканах, вокруг Сербии и Болгарии. Союз трех императоров, по сути, стал заложником новых тенденций и был обречен. Дипломатическая конструкция, созданная Бисмарком, для стабилизации отношений на европейском континенте, выполняла свою основную задачу, хоть и с большими осложнениями. Ее распад давал России и Австро-Венгрии большую свободу рук на Балканах, но их геополитическая игра становилась более опасной и жесткой.

4.2.4. Противостояние России и Австро-Венгрии в балканской политике: 1887-1897

гг.

На рубеже 1880-90-х гг. бурный рост сталелитейной промышленности привел к тому, что Германия превратилась в крупнейшего после Англии экспортера металла. Новые технологические процессы производили революционные изменения во всех отраслях. Строились заводы по производству паровых машин, котлов, металлообрабатывающих станков, текстильных, сельскохозяйственных, швейных машин. Железные дороги поглощали огромные инвестиционные вложения. Во всех европейских странах происходил мощный промышленный подъем, подогреваемый бумом жилищно-коммунального строительства. Перестраивались европейские столицы, возводились богатые кварталы, бульвары, вокзалы.

Все крупные европейские державы разворачивали новые программы строительства парового флота. Сталь вытесняла чугун и железо в рельсопрокатном деле и судостроении. Повсеместно возрастала концентрация производства, крупной фабричной индустрии, увеличивалась скорость движения и мощности. Значительно расширилась телеграфная сеть Европы, создавалась международная телефонная связь⁸⁷⁴.

Прогресс и революционные изменения в технологиях сопровождались резкой асимметрией в развитии отдельных государств. В последней четверти XIX в. Англия потеряла промышленную монополию. Страны молодого капитализма, как США и Германия, уже обгоняли ее в наиболее важных секторах экономики⁸⁷⁵. Если в индустрии наиболее опасным конкурентом Англии выступали США, то на внешних рынках – Германия. Немецкий капитал и промышленность пробивали себе дорогу на Восток. В 1886 г. Лондонская королевская комиссия пришла к выводу: «Во всех частях света чувствуется предприимчивость и настойчивость немцев. В производстве мы имеем мало, или почти никаких, преимуществ перед ними; а в знании мирового рынка, в стремлении приспособиться к местным вкусам, в умении закреплять свои позиции немцы начинают нас превосходить»⁸⁷⁶. Конкуренция за внутренние и внешние рынки приобрела уже в 1880-е гг. такой накал, что даже в Англии – цитадели свободной торговли, начались дискуссии о промышленном протекционизме.

На рубеже XIX-XX вв. развернулись острые дискуссии вокруг геополитических теорий. Один из создателей теории «государства как живого организма» Фридрих Ратцель доказывал, что та страна будет жизнеспособной, в которой рост населения сопровождается приростом территорий⁸⁷⁷. Экономический фактор, по его мнению, играл второстепенную роль. Другое мнение высказывали представители англо-саксонской школы – Мэхен, Макиндер, Спикмен. Адмирал Мэхен вообще считал, что только благодаря торговому флоту происходит развитие колониальной экспансии и пространство периферии теснее привязывается к метрополии⁸⁷⁸.

Разные подходы отражали стратегии великих держав по продвижению своих интересов в мире. За 1880-90 е гг. Англия в двенадцать раз увеличила свои колониальные владения на счет территорий в 3,7 млн. кв. км с 39 млн. населения. Франция присоединила 4,2 млн. кв. км с населением 28 млн. человек. Россия расширяла свои владения в Средней

⁸⁷⁴ *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. München, 2009. S. 907–950.

⁸⁷⁵ *Ibid.* S. 646–662.

⁸⁷⁶ Depression of trade and industry. Final report of the Royal Commission appointed to inquire into the depression of trade and industry. London, 1886. P. XX.

⁸⁷⁷ *Ratzel F.* Politische Geographie. München ; Leipzig, 1897. S. 247.

⁸⁷⁸ *Mahan A. T.* The interest of America in international conditions. London, 1910. P. 130–153.

Азии. Германия активно продвигалась в Африке, захватив Того, Камерун, Юго-Западную и германскую Восточную Африку, а также несколько групп островов в Тихом океане. Лихорадочная погоня за колониями создавала особое поле напряженности между великими державами.

Впервые гонка вооружения приобрела беспрецедентные масштабы. Армии оснащались пушками всех моделей, новым автоматическим оружием, броненосцами, миноносцами, - всем, что питало металлургические компании. Строительство военных флотов, рост военных заказов, которые одобрялись парламентами европейских стран существенно подогревало экономику. Одновременно процветал широкий вывоз капитала. Все это требовало все больше и больше финансовых вложений и инвестиций.

В России государственные бюджеты до конца 1880-х гг. сводились с дефицитом. Курс рубля падал: к паритету он составлял в 1874 г. – 87%; 65% – в 1880 г.; 56% – в 1887 г. Актив торгового баланса в 1880-е гг. не достигал в среднем 70 млн. рублей, что не покрывало текущих платежей по обязательствам за границей⁸⁷⁹. Постоянно России приходилось обращаться за новыми иностранными займами и внешними инвестициями, которые серьезно затруднялись периодически вспыхивавшей напряженностью в отношениях с Германией и Великобританией. В 1887 г. Бисмарк, желая получить дипломатические уступки от России, использовал финансовым нажим против русских ценных бумаг. В ответ на так называемый ломбардный запрет Россия развернула таможенную войну с Германией. При петербургском дворе сторонники сближения с Берлином оказались в двусмысленной ситуации.

Оздоровлением финансов занялся в январе 1887 г. И.А. Вышнеградский, назначенный министром финансов. Посредством жестких налоговых механизмов он смог устранить бюджетный дефицит. Импорт был ограничен высокими таможенными пошлинами. Государство активизировало экспорт хлеба. Стал подниматься курс рубля. Создались предпосылки для притока иностранных капиталов, особенно в железнодорожном строительстве.

Со второй половины 1880-х гг. значительно возросло промышленное производство России. Этот циклический подъем привел к росту черной металлургии, которая стимулировалась иностранными инвестициями в российскую черную металлургию. Существенно возросли добыча угля и нефти. Если в 1881 г. она исчислялась в 41 млн. пудов, то в 1890 г. – уже достигала 241 млн. пудов⁸⁸⁰. Протекционизм и повышение курса рубля, вся система мероприятий, осуществленная министром финансов И.А.

⁸⁷⁹ Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Харьков, 1900. Т. 2. С. 262.

⁸⁸⁰ Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. Отд. XII. С. 300.

Вышнеградским, способствовала укреплению курса рубля, бюджета и русского кредита за границей. Быстрыми темпами развивалось хлопчатобумажное производство, потребление хлопка увеличилось на 75 %. Россия в этой отрасли вышла на четвертое место в мире, опередив Францию⁸⁸¹.

В 1890 г. железный канцлер Бисмарк ушел в отставку. Хотя оба императора России и Германии были не против продлить тайное российско-германское соглашение 1887 г., тем не менее оно было отложено. Новый канцлер Германии Лео фон Каприви видел в нем угрозу для «младшей сестры» – Австро-Венгрии, поскольку в соглашении немецкая сторона признавала балканские интересы России⁸⁸².

Если министр иностранных дел Н.К. Гирс был чрезвычайно огорчен позицией Берлина, то Александр III, напротив, с готовностью делал шаги навстречу Франции. Этому способствовала антироссийская политика Каприви, который не скрывал, что Германии не избежать войны с Россией в будущем. Дипломатическая переписка представителей МИДа Австро-Венгрии А. Эренталя и Р. Цвиденека свидетельствует, насколько глубокими были противоречия между Веной и Петербургом. Во время визита императора Франца Иосифа в Берлин в августе 1889 г. Р. Цвиденек сообщал, что с германской стороны постоянно подчеркивается ценность союза с Россией. Но он не разделял мнение Алоиза фон Эренталя, что немцы намеренно раздувают противоречия между русскими и австрийцами, чтобы быть во главе этого союза, умиротворяя обе стороны. Напротив, он указывал, что без поддержки Германии «мы были бы вынуждены уступить русским Балканы, или начали с ними войну». Россия, по его мнению, намеренно препятствует самостоятельному развитию Болгарии. В планах же Австро-Венгрии – сохранять ее «как противовес успешному осуществлению панславянских и великосербских планов»⁸⁸³. Если на дипломатическом уровне еще сохранялась партнерская тональность, то в элитах обеих стран уже не считали необходимым скрывать нараставшее охлаждение.

8 февраля 1889 г. в Аничковом дворце Санкт-Петербурга состоялся Черный бал. Австро-Венгрия в те дни переживала траур по наследнику престола кронпринцу Рудольфу, который 30 января покончил собой в замке Майерлинг. Черный бал в российской столице производил впечатление удивительного, похожего на странный сон праздника: на дамах были бальные туалеты, все черного цвета, зал убран черным тюлем,

⁸⁸¹ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / под ред. В. И. Покровского. СПб., 1902. Т. 1. С. 7.

⁸⁸² *Rauscher W. Zwischen Berlin und St. Petersburg. S. 198–208.*

⁸⁸³ *Aus dem Nachlass Aehrenthal : Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen- und Außenpolitik, 1885–1912. Graz, 1994. Т. 1. S. 35.*

шелком и газом. Показной траур на фоне безудержного светского веселья. Развлечения и танцы продолжались до половины третьего утра. Музыкальную программу составляла исключительно венская музыка, все вальсировали под звуки “Wiener Blut”, а затем ужинали в сопровождении мелодии «Венгерской пляски», напоминавшей чардаш⁸⁸⁴.

Бал имел антиавстрийскую направленность и не соответствовал нормам светских церемониалов императорских дворов прошлого. Демонстративная, акция, организованная в период обострения отношений между двумя государствами из-за балканских проблем, стала своеобразным символом новой эпохи в отношениях двух крупнейших имперских государств на востоке Европы.

Когда накалилась ситуация в 1889 г. снова в России поднялось движение в поддержку славян, причем участвовали не только общественные организации, но и Святейший Синод, который разрешил начать кружечные сборы по всем церквям, причем священники должны были объяснять прихожанам, почему так важно поддержать балканских славян. Сочувствие к славянам было такой силы, что с ноября 1889 г. по февраль 1890 г. собралось 200 тысяч рублей – большая по тем временам сумма⁸⁸⁵.

В 1889 г. по просьбе черногорского митрополита Митрофана Святейший Синод объявил о кружечных сборах по всем православных церквям и направил 3 тысячи рублей на сооружение храма в Никшиче⁸⁸⁶.

Новый канцлер Германии Лео Каприви разделял позиции влиятельного Пангерманского союза. В него входили немецкие политики, финансисты, промышленники, интеллектуальная элита как из консервативных, так и национал-либеральных кругов. Пангерманский союз проповедовал активную колониальную экспансию Второго Рейха, величие «тевтонской расы» и превосходство германской культуры. Пангерманисты питали особое неприятие к любым проявлениям панславизма и к России.

Тем не менее, на официальном уровне министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Густав Кальноки уверял российского посла в Вене, что «отношения между Русским и Австрийским Дворами никогда не переставали быть «отличными» и что отношения между обоими Правительствами по-прежнему дружественные и нормальные, не подвергались за последнее время никаким переменам»⁸⁸⁷.

⁸⁸⁴ Сочинения камердинера имп. Марии Федоровны А. Степанова о Павле I и о придворных балах во времена Александра III, присланные П. К. Бенкендорфу в 1908 году // ГАРФ. Ф. 553 (Бенкендорф П. К.). Оп. 1. Д. 61. Л. 43.

⁸⁸⁵ Хитрова Н. И. Указ. соч. Вып. 1. С. 177–179.

⁸⁸⁶ Там же. С. 179.

⁸⁸⁷ АВПРИ. Ф. 172 (Посольство в Вене). Оп. 514/2. Д. 376. Л. 115–115 об.

Но канцлер Каприви уже начал развивать новые внешнеполитические стратегии, на фоне которых дружественная риторика о прочных связях с Россией теряла всякий смысл. В 1891 г. Каприви способствовал не только возобновлению Тройственного союза Германии с Австро-Венгрией и Италией, но путем территориальных уступок в Африке сумел привлечь интерес к нему британских дипломатов. России и Франции не оставалось ничего другого, как пойти на демонстративный дружеский визит французского флота в Кронштадте. Между Петербургом и Парижем был подписан российско-французский консультационный пакт.

Франция гораздо больше нуждалась в военном союзе с Россией, предлагая с 1891 г. заключить союзный оборонительный договор. Оба государства не хотели оказаться в состоянии изоляции перед таким мощным противником как Второй Рейх, объединенный с Австро-Венгрией. Большие опасения вызывала дипломатическая игра Лондона. В 1893 г. вспыхнула новая таможенная война между Россией и Германией. В этом же году российский флот демонстративно посетил Францию. В декабре была заключена секретная российско-французская конвенция, в которой были четко сформулированы взаимные обязательства на случай агрессии стран Тройственного союза: «Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию»⁸⁸⁸.

Это был первый документ, подписанный российским императором, в котором рассматривалась ситуация военной мобилизации и указывалось количество войск со стороны каждого союзного государства, которое необходимо сконцентрировать на случай войны. Причем французы целенаправленно добивались, чтобы максимальное количество русской армии было брошено на германский фронт, чтобы оттянуть силы противника со своих западных рубежей.

Таким образом, прочные личные и стратегические связи петербургского и берлинского дворов не выдержали отставки Бисмарка и обострения экономической конкуренции. Император Александр III круто развернул российскую внешнюю политику. Отход от векового прогерманского курса мог не только осложнить традиционные родственные отношения между петербургским двором и немецкими династиями, но подразумевал изменение всей системы приоритетов в европейской политике. Профранцузская партия при петербургском дворе получила поддержку императора.

⁸⁸⁸ История дипломатии. Т. 2. С. 105.

Россия разместила свои внешние облигации во Франции. Сближение с Францией открыло широкий доступ на французский денежный рынок.

Несмотря на резкую смену ориентиров Берлина и Петербурга в начале 1890-х гг., с Австро-Венгрией, напротив, установились довольно дружеские отношения. Парадокс ситуации заключался в том, что российско-германские отношения ухудшались, а российско-австрийские, как на контрасте, улучшались. Между Петербургом и Венной был заключен торговый договор. Каждый год министерства иностранных дел обеих государств уверяли друг друга в отсутствии конфликта интересов. Возможно, демонстративная лояльность была вызвана реальным страхом в Вене перед грядущим «русским наступлением» на Балканах и в Галиции⁸⁸⁹. Панические мифы возникали в среде пангерманистов, опасавшихся, что Россия обзавелась союзными, теплыми отношениями с Францией, но при этом смогла сохранить пока еще благодушную Германию и нейтральную Англию⁸⁹⁰. Австрийские политики на Баллплац считали, что очень скоро придет время, когда Россия приступит к решению своих «вечных вопросов» - контролю над Проливами и Константинополем⁸⁹¹.

В 1894 г. скоропостижно в 47 лет скончался Александр III. Наследник российского престола Николай II не был хорошо подготовлен к ведению внешнеполитических дел. В дневнике крупного дипломата Владимира Николаевича Ламздорфа есть любопытная запись. Когда Н.К. Гирс представил ему секретные соглашения с Францией, молодой император «не имел ни малейшего представления» о них⁸⁹². Новый министр иностранных дел Алексей Борисович Лобанов-Ростовский – аристократ, сноб, обладавший значительным состоянием, имел большой опыт дипломатической работы, побывав послом в Австро-Венгрии, Германии и Великобритании. Он был убежден в том, что балканские дела можно отложить, сконцентрировав внимание на Дальнем Востоке⁸⁹³. Будучи убежденным сторонником союза с Францией, Лобанов-Ростовский подыгрывал

⁸⁸⁹ Австрийский исследователь Клаус Бахманн обращает особое внимание на фактор Галиции в российско-австрийских отношениях, подчеркивая, что яблоком раздора между двумя державами была именно Галиция. Австро-Венгрия с особым вниманием следила за русофильским движением среди русинов, которое вызывало неприкрытую враждебность по отношению к России со стороны официальных властей: *Bachmann K. "Ein Herd der Feindschaft gegen Rußland" : Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Rußland (1907–1914). Wien, 2001. 292 S. ; Wakounig M. Op. cit. S. 165.*

⁸⁹⁰ *Wakounig M. Op. cit. S. 210–238 ; Walters E. Austrian-Russian relations under Goluchowski, 1895–1906 // The Slavonic and East European Review. 1952. Vol. 31, № 76. P. 212–231 ; Bridge F. R. Österreich(-Ungarn) unter den Großmächten. S. 290.*

⁸⁹¹ *Rauscher W. Zwischen Berlin und St. Petersburg. S. 200–203.*

⁸⁹² *Ламздорф В. Н. Дневник, 1894–1896. М., 1991. С. 35.*

⁸⁹³ Восточный вопрос во внешней политике России... С. 288.

французам в намеренной демонстрации близости между двумя государствами, чем вызывал острую обеспокоенность Берлина.

Германский император Вильгельм II пытался воздействовать на кузена Никки и самого министра иностранных дел, настаивая на необходимости нового сближения и забвения всех прежних противоречий. Вплоть до 1910 г., две «партии» – прогерманская и профранцузская, существовавшие при петербургском дворе, пытались любыми путями склонить неуверенного императора на свою сторону.

В начале XX столетия повышенный интерес к постоянно пульсирующей балканской теме начал угасать. Назревал тяжелый политический кризис на Дальнем Востоке. Все великие державы, в том числе Россия и Германия, устремились в Китай, надеясь поживиться за счет его территориального раздела. Австро-Венгрия, преодолевая один внутренний кризис за другим, вызванный ростом национальных движений, старалась не втягиваться в острые конфликты⁸⁹⁴. Никому не хотелось зажигать очередной кризис на Балканах, когда интересы и аппетиты основных игроков сосредоточились на Дальнем Востоке.

Российская внешняя политика под руководством опытного Лобанова-Ростовского начала осторожное сближение с Османской империей, чтобы на время законсервировать застарелые конфликты и стабилизировать ситуацию. Но такие примирительные шаги сразу вызвали резкий всплеск подозрительности у английских дипломатов, потребовавших у султана подтверждения незыблемости британских позиций в Порте⁸⁹⁵.

Тем не менее, геополитические игры между Веной и Петербургом продолжались вокруг престолов и правительств Сербии и Болгарии⁸⁹⁶. Когда был смещен болгарский премьер Стамболов, ориентированный на Германию и Австро-Венгрию, вновь к власти в Болгарии пришли пророссийские силы. Но параллельно в Сербию вернулся из венской эмиграции король Милан Обренович.

Маятник власти в двух крупных славянских государствах на Балканах постоянно раскачивался то в одну, то в другую сторону. Россия и Австро-Венгрия, которую теперь неизменно поддерживала Германия, играли одновременно на двух досках, что приводило к резкой поляризации политических сил в балканских обществах – пророссийской или прогерманской/проавстрийской. В отчете МИД за 1895 г. подчеркивалось, что Габсбургская монархия сохраняет на Балканах умеренную и миролюбивую позицию. Но при этом остается неизменным ее «стремление противодействовать влиянию России на

⁸⁹⁴ *Bridge F. R. Österreich(-Ungarn) unter den Großmächten. S. 300–303.*

⁸⁹⁵ *Киняпина Н. С. Балканы и Проливы... С. 193.*

⁸⁹⁶ *Bridge F. R. Österreich(-Ungarn) unter den Großmächten. S. 294.*

политическую жизнь славянских народностей Балканского полуострова. Так, по отношению к Болгарии, идеал, к которому стремится Австро-Венгрия, заключающийся в полноте ее независимости от всех держав и отсутствии всякого тяготения к какой-нибудь из них, кроме вассальных отношений этого государства к Турции»⁸⁹⁷.

Таким образом, Россия привлекала балканские элиты своей способностью военным и дипломатическим путем отстаивать интересы малых держав в большой политике, поддерживая их суверенитет и наращивая их территории за счет земель, отвоеванных у Порты. Но национальная буржуазия, предпринимательские слои, местная интеллигенция в большей степени тяготели к Берлину и Вене. Дело было не только в австро-венгерских и немецких капиталах, но и в том международном престиже и влиянии, который уже достигла Германия, существенно потеснив Великобританию. Но если Сербия и Болгария постоянно находились в поле напряжения между Россией и Австро-Венгрией / Германией, то Румыния сохраняла устойчивую ориентацию. Более половины германских капиталов на Балканах были размещены в Румынии, а новый министр иностранных дел Австро-Венгрии Агенор Голуховский считал ее «образцовым государством», а короля – «образцовым сувереном» на Балканах⁸⁹⁸.

Для Вены и Берлина было жизненно важным не допустить сближения России и Англии. Министерства иностранных дел обоих государств делали все возможное, чтобы разжигать российско-английские противоречия в Средней и Южной Азии, а также на Дальнем Востоке. Австро-германская общая стратегия не менялась со времени Союза трех императоров - Россия воспринималась как опасный игрок, которого следовало затягивать в разные ловушки, чтобы постепенно ослаблять⁸⁹⁹.

Отставка Бисмарка, отказ Германии продлить двустороннее стратегическое соглашение с Россией, военные тревоги и угрозы, которые нарастали с разных сторон, разогреваемые газетами всех мастей и направлений, периодически вспыхивавшие таможенные войны между Берлином и Петербургом. Все эти события и процессы постепенно сплетались в один узел противоречий. В своей совокупности они создали перелом в российско-германских и российско-австрийских отношениях. Но даже в такой напряженной ситуации было еще далеко до окончательного поворота к конфронтации.

4.3. Славянское благотворительное движение в России

⁸⁹⁷ АВПРИ. Ф. 137 (Отчеты МИД России). Оп. 475. Д. 188. Л. 39–39 об.

⁸⁹⁸ *Туполев Б. М.* «Дранг нах Зюд – Остен» // В «пороховом погребке Европы», 1878-1914. С. 70.

⁸⁹⁹ *Schmidl E. A.* Die Mürzsteger Beschlüsse von 1903: Weltpolitik und Mürzer Oberland // ISS Aktuell. 2015. № 6. S. 3–11 ; *Bridge F. R.* Österreich(-Ungarn) unter den Großmächten. S. 304–311.

Напряженные ситуации на Балканах и в российско-австрийских отношениях только подогревали славянское благотворительное движение в России. Оно совмещало самые разные цели и задачи, вовлекая в свои ряды все больше сторонников. Патриотизм, славянолюбие, чувство сопричастности и долга в отношении к «соплеменникам» на Балканах, – все эти качества были характерны для славянолюбивой среды. Со временем всеславянство стало органической частью процесса формирования новой коллективной идентичности, выразившейся в растущей гражданской активности. Как показал Восточный кризис 1875-78 гг. тысячные потоки добровольцев, включая сотрудников санитарных отрядов воспринимали участие в освобождении балканских славян как свой гражданский и религиозный долг.

С 1870-х гг. славянское благотворительное движение в России постоянно нарастало. Пики массового интереса и сочувствия приходились как раз на периоды обострения Восточного кризиса. Редакции газет «Биржевые Ведомости», «Голос России», «Голос Москвы», «Русское слово» активно поддерживали благотворительные акции и публиковали обширные материалы о зарубежных славянах⁹⁰⁰. Значительный массив документов об этом феноменальном проявлении гражданской активности в России хранится не только в фонде «Славянского стола» Архива внешней политики Российской империи при МИД РФ, но и в Государственном Архиве Российской Федерации. Особый интерес вызывают сведения о пожертвованиях на славянское дело, финансовая отчетность Славянских благотворительных комитетов и их корреспонденция. Как видно из материалов этой главы, не всегда активность представителей СБК соответствовала официальной линии МИДа. Хотя многие русские дипломаты, занимавшие высокие посты в балканских столицах и Константинополе, искренне сочувствовали освободительному движению южных славян. Нередко руководству МИДа приходилось довольно жестко сдерживать проявления славянолюбия, личные инициативы членов СБК, чтобы успокоить своих европейских коллег по переговорному процессу на Балканах.

В то же время расширение благотворительности в землях зарубежных славян и продвижение морального влияния соответствовало внешнеполитическому курсу России. Во второй половине XIX в. благотворительностью на Балканах увлекались все крупные державы. Чем сильнее нарастала конкуренция между ними, тем больше появлялось общественных организаций и инициатив в поддержку славян. Это касалось не только Балкан, но и Палестины, где с не меньшим масштабом разворачивались кампании по защите святых христианских мест и ценностей. Интересы России, Австро-Венгрии,

⁹⁰⁰ Шевцова Г. И. Роль благотворительных организаций... С. 94–106.

Германии, Великобритании и Франции сталкивались в конкурентном азарте благотворительности в разных регионах, где великие державы продвигали свою мягкую силу.

Деятельность всех СБК в России четко делилась на два направления – балканское и австрийское. Конечно, масштаб был разный, приоритет отдавался помощи балканским славянам. В «Славянском столе» АВПРИ представлены многообразные формы российской благотворительности на Балканах. В историографии активно исследуется эта тема⁹⁰¹. Детальное изучение балканского направления российской благотворительности не является задачей нашего исследования. Тем не менее, важно сопоставить масштабы помощи балканским и австрийским славянам. Отметим только некоторые формы неполитических взаимоотношений России с балканскими странами, которые зафиксированы в описи Славянского стола МИДа России:

1. Принятие в русское подданство⁹⁰².
2. Поддержка монастырей и церквей на Балканах, посылка церковных предметов, поддержка духовных лиц и общин⁹⁰³.
3. Поддержка училищ и школ⁹⁰⁴.
4. Русские на болгарской службе⁹⁰⁵.
5. Балканские подданные в российских учебных заведениях и на русской службе⁹⁰⁶.
6. Поддержка пророссийских печатных изданий на Балканах⁹⁰⁷.
7. Переселение болгар в Россию во время оккупации Болгарии⁹⁰⁸.
8. Пособия славянам и поддержка пророссийских балканских сообществ⁹⁰⁹.
9. Наделение славян землей⁹¹⁰.
10. Награждение русскими знаками отличия⁹¹¹.

⁹⁰¹ Хлебников В. Б. Конфессиональная политика черногорских властей в конце XIX – начале XX вв. // Человек на Балканах : социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах : (середина XIX – середина XX в.) / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб., 2007. С. 264–269 ; Струнина Н. Г. К вопросу о влиянии России на систему образования в Черногории в конце XIX – начале XX вв. // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С. А. Никитина / редкол.: И. В. Чуркина (отв. ред.) [и др.]. М., 2013. С. 652–660 ; Шемякин А. Л. По стопам С. А. Никитина («славянская Москва» и Сербия в 1878–1917 гг.) // Там же. С. 589–606.

⁹⁰² АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 396–536. Подобные сведения есть также: ГАРФ. Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). Оп. 1. Д. 60. Л. 8. Поставка книг в Белград митрополиту Михаилу.

⁹⁰³ АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 3799–3858, 3859–4161, 6330–6497.

⁹⁰⁴ Там же. Д. 6664–6733.

⁹⁰⁵ Там же. Д. 7265–7647.

⁹⁰⁶ Там же. Д. 6741–6908, 6909–7264.

⁹⁰⁷ Там же. Д. 5062–5148.

⁹⁰⁸ Там же. Д. 8589–8609.

⁹⁰⁹ Там же. Д. 10527–10624, 9196–9204.

⁹¹⁰ Там же. Д. 10993–11086.

Даже простое перечисление архивных дел, систематизированных в описи Славянского стола, свидетельствуют об огромном масштабе помощи, которую организовывал МИД России, по отношению к балканским славянам, особенно болгарам, сербам и черногорцам. Конечно, она несопоставима с той, которая оказывалась славянам Австро-Венгрии.

Для понимания специфики взаимоотношений между Веной и Петербургом рассмотрим ее основные формы, учитывая, как болезненно реагировали официальные австрийские власти на контакты с их славянскими подданными. В любом случае, благотворительная деятельность находилась под контролем МИДа России, но никогда не переходила формата мягкой силы.

Уникальные сведения содержатся в корреспонденции протоиерея Русской Посольской церкви в Вене Михаила Федоровича Раевского. Отчетность по денежным переводам для него направлялась в Азиатский Департамент МИДа⁹¹². Протоиерей отец Михаил посылал отчеты в СБК Москвы и Петербурга о расходах присылаемых ему средств. Его записки в СБК, письма, финансовые отчеты дают детальное представление о текущей работе, которую он вел с различными организациями австрийских славян и частными лицами. По сути, Михаил Федорович был связующим звеном между организациями австрийских славян и частными лицами с СБК, Министерством народного просвещения и Азиатским департаментом МИДа.

На основе этих документов можно выделить направления российской благотворительности по отношению к славянам Австро-Венгрии, которые развивались в течение XIX - начала XX вв.

1. Создание пророссийских культурно-просветительских обществ, объединявших представителей славянских народов.

В 1871 г. отец Михаил сосредоточил усилия на обществе «Русская основа» в Вене. Русских членов насчитывалось до 30 человек. Библиотеку «Основы» составляла классика русской литературы – А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, М.Ю. Лермонтов, а также история России, написанная С.М. Соловьевым, Н.М. Карамзиным. «Основа» также получала периодические издания из России – «Московские Ведомости», «Русские Ведомости», «Голос», «Современные Известия». Члены общества «Основа» собирались по вечерам для совместного чтения литературных произведений или газет. Книги и журналы отпускались им на дом. М.Ф. Раевский организовал для членов «Основы» курсы по изучению русского языка и литературы.

⁹¹¹ Там же. Д. 11105–11128.

⁹¹² ГАРФ. Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). Оп. 1. Д. 60. Л. 18.

Большинство членов «Основы» составляли татранские словаки, которых М.Ф. Раевский тепло характеризовал в своем отчете от 1 марта 1870 г. в Петербургский Славянский Комитет: «Народ они хороший и нам преданный и число их невелико», затем по численности следовали словенцы. Чешских членов насчитывалось до 80 человек. Хорваты («кroatы») и сербы, по записи Раевского, «пока не находят для себя пользы учиться русскому языку, поэтому в Основу не ходят, даже с неудовольствием смотрят в этом отношении и на словенцев»⁹¹³. Чехи, хотя и изучают русский язык, но не хотели бы слишком явно показывать свои контакты с Основой, опасаясь преследований со стороны австрийской полиции.

М.Ф. Раевский с большим подозрением относился к чешским предложениям объединить все библиотеки и создать Славянское студенческое общество в Вене. Он считал, что «мысль, пожалуй, хорошая, но цель вражья. Число Чехов и Мораван простирается до 200-х сот человек, следовательно большинству хочется овладеть меньшинством и заправлять им, проводя свои чешские политические идеи, не чуждых у венских чешских студентов и полякизма». Он опасался втягивать «Основу» в австрославистские дискуссии, четко разводя задачи: «У Основы цель чисто русско-литературная». При «правильном развитии» она сама могла бы стать объединяющим центром для австрийских славян, а не подпадать под чешские политические интересы⁹¹⁴.

Самой главной задачей было объединить славянских студентов, обучающихся в Вене. Но «Основа» не имела постоянного помещения, вынуждено снимая жилье, очень дорогое в австрийской столице. За две комнаты, сравнительно небольшие, Раевский платил 360 гульденов в год. Он просил прислать деньги, чтобы нанять помещение «попросторнее и попристойнее», и оплатить труд преподавателей, поскольку финансовых средств все время не хватало⁹¹⁵. По его подсчетам, необходимо было выделить 300 рублей серебром для найма достойного помещения и 100 рублей серебром, чтобы купить стулья, столы и шкафы для книг, которыми «Основа» не располагала.

Еще одним направлением его деятельности были создание и поддержка общества «Беседа» в Буковине. М.Ф. Раевский писал: «Действительно, нельзя не порадоваться пробуждению русского народа, наконец, и в Буковине, но это пробуждение стало вместе и началом преследования там русских со всех сторон от румынов, немцев, поляков,

⁹¹³ Записка протоиерея Раевского (из Вены) в славянский благотворительный комитет в Петербурге и Москве. Начато 1 марта 1870 г. Окончено 20 декабря 1871 г. // ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 13.

Л. 1–3.

⁹¹⁴ Там же. Л. 4.

⁹¹⁵ Там же. Л. 5.

правительства. Со всех сторон полагают препятствия развитию русской народности, со всех сторон преследования, а помощи ниоткуда»⁹¹⁶. «Беседа» также получала финансовую помощь из России – от СБК и частных пожертвований. Но ее не хватало. Председатель Продан просил 800 гульденов, в том числе и на издание газеты «Зоря». Но отец Михаил считал, что этой суммы не хватит и просил Комитет прислать хотя бы 300-400 рублей.

2. Поставка книг из России в светские и религиозные общины зарубежных славян.

Через Комитеты была организована доставка российских книг в зарубежные славянские общества. Вот краткий перечень организаций, куда направлялись книги из России: в «Русскую Основу» в Вене, «Славянскую Беседу» в Граце, в «Русскую Беседу» в Черновцах, Львове и Ужгороде, «Общество святого Василия» в Ужгороде, в «Общество св. Иоанна» в Прешове, в словацкую, сербскую и далматинскую Матицы, в гимназии – Мартинскую и Ревуцкую, в «Славянскую Беседу» в Вене, в Пражский музей, в Академию в Загребе, в Народный Дом во Львове, в «Чешский Академический сполек» в Праге, Черногорскую семинарию⁹¹⁷. Значительная сумма в 300 рублей была потрачена на «педагогические издания в Вене». Отправлялись книги в Чешский музей в Прагу. Рассылались печатные издания о состоянии Православных и Греко-униатских церквей⁹¹⁸. Протоиерею М.Ф. Раевскому в Вену в мае 1870 г. было отправлено два ящика с книгами⁹¹⁹, ящик с книгами в Южно-Славянскую Академию Наук⁹²⁰.

Книги посылались также и частным лицам: доктору Креуку в Граце, священнику Мариановичу в Венгрию, в редакцию церковного журнала «Сербская Беседа», русскому священнику в Карпатах Капату, священнику Мшанской Униатской церкви около Львова, русскому священнику Войковичу, Петрашевичу, студентам Русского академического Общества во Львове, значительному числу бедных славянских студентов в Вене. Наибольшее количество желающих получить «книжный дар» составляли униатские священники в Венгрии и Галиции. Все просили не посылать им книги почтой, чтобы не вызвать подозрения у властей, а только с оказией: «Поляки и мадьяры – это Аргусы, стерегущие добычу, чтобы сей час растерзать ее»⁹²¹. Раевский лично следил за распределением литературы и ее доставкой конкретному адресату. Но он жаловался, что собрания русской классики посылались неполными томами, как и годовые подписки

⁹¹⁶ Там же. Л. 13–14.

⁹¹⁷ Там же. Л. 14–15.

⁹¹⁸ ГАРФ. Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). Оп. 1. Д. 60. Л. 13.

⁹¹⁹ Там же. Л. 16.

⁹²⁰ Там же. Л. 17.

⁹²¹ Там же. Л. 15.

русских журналов разной направленности поступают не в полной комплектации. Из российских издателей только один М.Н. Катков четко выполнял обязательства и бесплатно присылал подведомственные ему издания. Остальные поступления осуществлялись нерегулярно.

В документах Московского СБК встречаются поставки, о назначении которых можно только догадываться. К примеру, в 1869 г. некоему господину Иг. Брюллю в Триест был отправлен ящик «зоологических аппаратов» для переправки в контору торговли и промышленности Шпигеля и Шеймана в Рагузе⁹²². В общем списке расходных сумм в августе 1870 г. числятся через эту контору также «тюки с книгами и одеждой», а также снова «доставка зоологических коллекций в Триест».

3. Финансовая поддержка малоимущих славянских студентов.

С 1868 г. от Московского СБК стали поступать суммы на стипендии и вспомоществования бедным студентам в Австро-Венгрии. Средств постоянно не хватало. Одна типичная история, которая показывает, как сложно было подчас отцу Михаилу распределять довольно ограниченную финансовую помощь. В октябре 1870 г. Московский СБК прислал ему 200 рублей для 11 стипендиатов на два месяца, а в январе 1871 г. поступили еще 300 рублей. Но тут как раз редактор прославянской газеты «Слово» Г. Дедицкий запросил повышения зарплаты для типографских рабочих. Он опасался, что его газету могут закрыть. Раевскому не оставалось ничего другого, как передать эти деньги Г. Дедицкому, предварительно согласовав с представителем СБК Н.А. Киреевым, находившимся в то время в Вене⁹²³.

Где только не пытался он найти деньги на благотворительность. В его сообщениях в СБК раскрываются имена дарителей: Дмитрий Васильевич Зиновьев, будучи проездом в Вене, передал 100 гульденов для бедных славянских студентов. Другой даритель – известный панславист Александр Дмитриевич Башмаков, передавший 240 гульденов для двух стипендиатов – русских, приехавших в Вену из Буковины. Но деньги быстро заканчивались и поддерживать студентов было не на что. М.Ф. Раевский покорнейше просил Комитет прислать ему 300 рублей серебром, чтобы до конца учебного года успеть выдать стипендии⁹²⁴. Обычно нуждавшийся студент присылал в августе или сентябре прошение отцу Михаилу с просьбой о вспомоществовании, чтобы приехать учиться в Вену. Раевский должен был постоянно учитывать, сколько стипендий он может передать

⁹²² ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 60. Л. 12.

⁹²³ Там же. Л. 6–7.

⁹²⁴ Там же. Л. 8.

славянским студентам, примерно рассчитывая получить от Славянского комитета денег на 10-12 стипендий.

Третья статья расходования средств – обучение русскому языку славянских студентов. Преподавателю из числа русских студентов – филологу Г. Кулянды платили за 25-30 часов по 20 рублей в месяц. Преподавание велось для словаков, словенцев и чехов по 2 часа в неделю. Но отец Михаил жаловался, что от Славянского комитета не получил ни рубля, несмотря на многочисленные обращения. Оплата осуществлялась за счет средств, присланных от Петербургского комитета на поддержку «Основы». И вновь следовала просьба послать 200 рублей в год, чтобы нанять учителя русского языка.

4. Поддержка славянской журналистики в Австро-Венгрии.

И здесь М.Ф. Раевский находился в стесненном положении. Из его писем следует, что необходимо продолжать поддерживать прославянские издания, ежегодно выплачивая редакторам «Слова» по 800 рублей, «Пест-Будинским Ведомостям» по 600 рублей и другим изданиям. Без этой финансовой поддержки они вообще могут перестать существовать⁹²⁵.

Таким образом, австрийское направление, в отличие от балканского не имело большого финансирования. Поддержка австрийских славян имела ограниченный характер и во многом держалась на личном подвижничестве Михаила Федоровича Раевского. Безусловно, благодаря поступающим средствам, книгам и газетам, удавалось сохранять русофильскую среду. Но эта политика мягкой силы не ставила целью «панславистский заговор» против Австро-Венгрии или подрыва ее государственных основ. Она не выходила за рамки культурно-просветительской деятельности, всячески избегая политических отягощений.

Особый интерес вызывает *организация благотворительной деятельности и источники ее финансирования*. Когда открылись Славянские комитеты в Киеве, Казани, Одессе – то стала обсуждаться идея передать каждому из комитетов попечительство над отдельным славянским народом. Дискуссии были бурными. Предполагалось, что Киевский СБК займется попечительством над русинами в Галиции и Венгрии, Казанский – чехами и словаками. Но далеко не все разделяли подобные мысли. Михаил Раевский вообще считал их вредными, как и весь проект «децентрализации» славянской помощи⁹²⁶. Он доказывал, что наиболее эффективной должна быть центральная коммуникация между Веной и Петербургом – как в корреспонденции со славянскими организациями, так и в пересылке книжной продукции. Не меньшей проблемой в принятии решения по

⁹²⁵ Там же. Л. 11–13.

⁹²⁶ ГАРФ. Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). Оп. 1. Д. 13. Л. 17–18.

распределению помощи австрийским славянам М.Ф. Раевский считал несогласованность заседаний Комитета с текущими конкретными проблемами. Он предлагал зафиксировать по два заседания комитета в год, на которых бы решались вопросы поддержки только австрийских славян. Первое – в марте-апреле и второе – в ноябре-декабре. Отец Михаил готов был сам подготавливать повестку заседаний, чтобы иметь большую ясность в распределении материальной помощи⁹²⁷.

В приходо-расходной книге Московского СБК подробно зафиксированы все взносы и пожертвования от членов Комитета и сочувствовавших. В 1870 г. общая сумма составила 3003 рубля. Как правило, большинство жертвовали суммы в 5 руб. – 10 руб. – 25 руб. – 50 руб. Максимальный взнос был сделан попечителем Одесского учебного округа в 400 рублей. Князь Н.Н. Мещерский, В.А. Дашков пожертвовали по 150 рублей, М.Ф. Морозова – 300 рублей⁹²⁸.

В финансовых документах СБК в Москве мы находим расписки от славянских студентов, которые получали ежемесячно от 15 до 25 рублей единовременного пособия. Но определить их национальную и гражданскую принадлежность не представляется возможным, потому что указаны только фамилии, имена, год и месяц. Сложно также выяснить точное количество, поскольку в фонде содержатся лишь отдельные выписки. Здесь же находятся многочисленные почтовые квитанции на отправку посылок с книгами, счета из типографии, программки благотворительных вечеров и концертов⁹²⁹.

СБК также занимались организацией благотворительных концертов в пользу зарубежных славян. Можно привести один из многочисленных примеров. 14 февраля 1870 г. СБК в Москве организовал концерт славянской духовной музыки с хором синодальных певчих. Билеты распространялись в больших книжных магазинах, Русской фотографии, в Комитете и других присутственных местах. Всего было продано билетов на 2 076 рублей, при накладных расходах в 874 рубля. Больших сумм подобные концерты не собирали. Но и эти деньги были важны при отправке ящиков с литературой или оказания вспомоществования славянским патриотам⁹³⁰. Заметим, что вышеперечисленные формы пожертвований не разделялись на австрийских или балканских славян. Как правило, руководство СБК определяло приоритетность целей и адресов в распределении сумм в зависимости от текущих потребностей.

⁹²⁷ Там же. Л. 18–21.

⁹²⁸ Приходо-расходная книга Славянского благотворительного комитета в Москве // ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–5.

⁹²⁹ Счета и сметы Московского славянского благотворительного комитета. 1871–1877 // Там же. Д. 11. Л. 1–17.

⁹³⁰ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 60. Л. 79.

Если обобщить сведения о финансовых приходах и расходах Московского СБК, то можно составить следующие таблицы.

Таблица 1. Суммы пожертвований за период с 1870 г. по 1875 г. распределены по двум категориям: годовые показатели прихода и расхода⁹³¹.

Год	Приход, руб.	Расход, руб.
1870	12 702,72	10 091
1871	10 309,24	9 303,95
1872	7 723,60	7 386,30
1873	6 813,56	6 817,88
1874	6 896,87	6 706,91
1875	7 077,36	6 815,36

Как видим, до Восточного кризиса динамика пожертвований оставалась примерно на одном уровне с небольшими колебаниями.

С конца XIX в. одной из наиболее распространенных форм стали **церковные кружечные сборы на поддержку славян**. Понятно, что денежный поток был невелик, но факт, что прихожане жертвовали в церквях, еще раз доказывает, насколько широко было распространено сознание славянской взаимности в российском обществе. Кружечные сборы поступали из разных мест. К сожалению, в документах СБК нет географических сведений, указывается только год, месяц и сумма. Составить график поступавших средств довольно сложно, потому что за один годовой период существует несколько отчетов, в которых поступления средств при сопоставлении не всегда совпадают. Четких параметров финансовой отчетности не было, сведения поступали произвольно, не в хронологической последовательности. Суммы указывались либо за один месяц, либо за два, или за полгода. Нередко встречается несколько отчетов за один и тот же год, но с разными месяцами и соответственно – суммами. Для отчетов важно было показать динамику нарастания или снижения денег от кружечных сборов. Это был важный индикатор общественных настроений, которые подогревались в пользу зарубежных славян многочисленными печатными изданиями официального направления, широко освещавшими Славянский и Восточный вопросы, проповедями славянолюбивых священников, публичными лекциями и концертами в поддержку угнетенных славян.

В таблице 2 Поступления от кружечных сборов за период с 1891 по 1894 гг. приведены цифры, которые более-менее совпадают при сопоставлении с разными

⁹³¹ Там же. Л. 8.

отчетами. В комментариях указаны отчеты, в которых по одному и тому же периоду приводятся разные суммы.

Год	Период	Сумма поступления, руб.	Комментарий
1891 ⁹³²	Январь–июль	10 124,43	
	Январь–декабрь	13 681,11	Запланировано: 11 000 руб.
1892 ⁹³³	Январь	2 244,33	
1892 ⁹³⁴	Январь–апрель	5 438,02	
	Январь–декабрь	11 684,75	Отчетность I ⁹³⁵
		11 989,51	Отчетность II ⁹³⁶
1893 ⁹³⁷	Январь	2 681,11	
	Январь–май	7 498,75	
	Январь–декабрь	12 681,54	Отчетность I ⁹³⁸
		13 600,37	Отчетность II ⁹³⁹
1894 ⁹⁴⁰	Январь–май	7 281,11	
	Январь–декабрь	13 205,45	Запланировано: 12 000 руб.

Пик пожертвований пришелся на 1896 г., когда было собрано 13 606 р.81 к. против результатов 1895 г. – 13 358 р. 02 к.⁹⁴¹

Правда, расхождения по планируемым и реальным суммам в отчетных документах довольно серьезные, а перепроверить их сложно. В одном отчете читаем, что на 1899 г. было запланировано собрать 13 000 р., а в другом – 13 500 р.⁹⁴² В 1898 г. с января по июнь удалось собрать 8 704 р. 22 к., а в следующем году за этот же период – 7 628 р. 41 к.⁹⁴³ В

⁹³² ГАРФ. Ф. 730 (Игнатъев Н. П.). Оп. 1. Д. 2070. Л. 46, 52.

⁹³³ Там же. Л. 47.

⁹³⁴ Там же. Л. 48, 50.

⁹³⁵ Там же.

⁹³⁶ Там же. Л. 39.

⁹³⁷ Там же. Л. 29.

⁹³⁸ ГАРФ. Ф. 730 (Игнатъев Н. П.). Оп. 1. Д. 2070. Л. 29.

⁹³⁹ Там же. Л. 38.

⁹⁴⁰ Там же. Л. 40–43 об., 45.

⁹⁴¹ Там же. Л. 26–27.

⁹⁴² Там же. Л. 42–43.

⁹⁴³ Там же. Л. 42.

другом отчете значится, что с января по июль 1898 г. поступило 9 377 р. 41 к., а через год сумма уменьшилась до 9 249 р. 22 к. Если сравнивать отчетные цифры, то получается, что летние месяцы – июнь и июль показывали самые высокие результаты⁹⁴⁴. Как видим, пик пожертвований пришелся на 1893-96 гг., когда началось очередное обострение Восточного вопроса.

Таким образом, приведенные отрывочные сведения о финансовых средствах, поступавших в СБК во второй половине XIX в., свидетельствуют, что годовые пожертвования на славянскую благотворительность не превышали, в среднем, 13 тысяч рублей в год от кружечных церковных сборов и 12 тысяч от частных пожертвований. Максимальные суммы поступали в период русско-турецкой войны, но тогда уже были задействованы государственные источники финансирования. Скорее всего, в отчетах фиксировались не все поступления средств на поддержку славян. Пики активности приходились на острые фазы Восточного вопроса. Конечно, полностью восстановить всю систему финансирования пока не представляется возможным. Отчетность велась не всегда регулярно, допускались расхождения в итоговых показателях. Полного свода прихода и расхода в деятельности СБК мне не удалось обнаружить. Это – тема отдельного скрупулезного исследования, которое необходимо будет провести для более ясного понимания, как функционировала система славянской благотворительности в России. Предварительно можно сделать следующие выводы:

во-первых, почти три четверти собранных средств шло на поддержку балканских славян. Восточный вопрос для России имел приоритетное направление. Южные славяне вызывали максимальное сочувствие и интерес у российского общества, что отражалось и на деятельности СБК;

во-вторых, благотворительность для австрийских славян не выходила за рамки культурно-просветительской деятельности, которую координировал настоятель Русской Посольской церкви Михаил Федорович Раевский – настоящий поборник русско-славянского сближения;

в-третьих, основные усилия были направлены на изучение русского языка и знакомство с русской культурой среди австрийских славян. Приоритет отдавался словакам, русинам и словенцам. Чешское движение, как наиболее развитое и австрофильское по своей сути, не вызывало большого доверия. Тем не менее, пророссийски настроенных чешских интеллектуалов и студентов СБК поддерживал небольшой финансовой помощью и посылкой книг;

⁹⁴⁴ Там же. Л. 43.

в-четвертых, наибольшее внимание уделялось организации и продвижению общественных организаций, объединявших представителей австрийских славян, таких как «Русская основа» и «Русская беседа». Хотя финансирования даже на самые необходимые нужды не хватало;

в-пятых, несмотря на большой общественный интерес и сочувствие к зарубежным славянам со стороны российского общества, во второй половине XIX в. так и не был создан эффективный механизм координации взаимодействия СБК со славянскими организациями в Австро-Венгрии. Во многом это объяснялось спецификой дипломатических отношений. МИД России не был заинтересован в разворачивании масштабного сотрудничества с австрийскими славянами, чтобы не вызывать дополнительного обострения и без того сложных отношений с австрийским правительством;

в-шестых, на основе материалов СБК можно выделить следующие формы российско-славянского взаимодействия в Австро-Венгрии, которые имели системный характер во второй половине XIX в.:

1. Создание пророссийских культурно-просветительских обществ, объединявших представителей славянских народов.
2. Поставка книг из России в светские и религиозные общины зарубежных славян.
3. Финансовая поддержка малоимущих славянских студентов.
4. Поддержка прославянских и пророссийских газет и журналов.

В целом, можно констатировать, что Россия развернула во второй половине XIX в. системную славянскую политику, направленную на продвижение своих национальных интересов на Балканах и в землях австрийских славян, но основные средства и общественное внимание было сосредоточено на южных славянских народах, прежде всего сербах, черногорцев, болгар, боснийцев и герцеговинцах.

Выводы

Восточный вопрос во второй половине XIX в., под которым понималась вся совокупность освободительных движений, а также геополитические интересы великих и малых держав на Балканах, представлял как для России, так и для Австро-Венгрии жизненный интерес. Обе державы были вовлечены в балканский водоворот - перекройку границ и сфер влияния, финансовых инвестиций и железнодорожных концессий, открытую или скрытую военную поддержку восставших народов, дипломатические

переговоры и интриги, которые вспыхивали каждый раз, когда возникал очередной конфликт.

Сильное воздействие оказывала Германия, которая к 1880-м гг. отчетливо осознала свои цели, инвестируя в экономику Османской империи и Болгарии значительные средства, составляя серьезную конкуренцию английским и французским капиталам. Важным игроком на балканском поле всегда оставалась Великобритания, создававшая противовесы как России, так и Германии, периодически сближаясь с Австро-Венгрией. Ни одна из великих держав не была готова допустить усиление России в «мягком подбрюшье Европы». Петербургский двор и правительство осознавали риски и барьеры, препятствовавшие активной балканской политике. Усиливая моральную поддержку балканских славян, особенно Сербии, которую панслависты провозглашали «Пьемонтом южных славян», официальные круги отчетливо понимали пределы допустимой геополитической игры и собственные ресурсы.

Прорыв к черноморским путям, защита кавказских границ, создание лояльных государств-союзников на Балканах – все это составляло важный геополитический проект России. Особое место в нем занимали Босфор и Дарданеллы. Постановка темы Проливов со стороны российской дипломатии была своего рода сигналом для европейских дворов и правительств, что Россия будет возрождать Черноморский флот и статус морской державы. Даже не обладая необходимыми ресурсами, российская дипломатия настойчиво ставила тему Проливов в расчете на будущее, резервируя за собой право на продвижение торговых и геополитических интересов на Босфоре и Дарданеллах.

В то же время Россия так и смогла в полной степени использовать экономические и финансовые инструменты для усиления своих позиций на Балканы, проигрывая в этой сфере французам, англичанам, немцам и австрийцам. Приведенные в четвертой главе материалы позволяют проанализировать динамику и качество российско-австрийских отношений во второй половине XIX в., выделить циклы сближений и отторжений.

1. Возрождение Союза трех императоров в первой половине 1870-х гг.: вынужденное сближение.

После резкого отчуждения, вызванного Крымской войной, попыток Вены восстановить подорванные отношения в 1860-е гг., в следующее десятилетие начался новый этап. Прежняя имперская солидарность и партнерство, характерные для Священного Союза, сменились вынужденным поиском компромиссов и взаимным недоверием. Возрождение Союза трех императоров совпало не только с затяжным мировым экономическим кризисом, мощным усилением Германии, но и обострением межнациональных конфликтов на Балканах. Проект канцлера Бисмарка – Союз трех

императоров не имел общих геополитических целей, каждый из его участников преследовал свои интересы. Для России важно было получить гарантии безопасности на западной границе, чтобы вновь приступить к активной балканской политике. Бисмарк хотел теснее привязать ее к своим континентальным интересам, опасаясь возможного сближения Петербурга с Парижем. Под его давлением Австро-Венгрия вынуждена была согласиться на Союз, хотя новый внешнеполитический курс министра Дьюла Андраши был направлен не столько на сдерживание России, сколько на противостояние с ней.

С первых лет существования Союза трех императоров стало очевидным, что зона конфликтности между Россией и Австро-Венгрией постоянно разрастается. Министр Андраши продвигал идею покровительства Вены над балканскими славянами, чтобы создать противовес российскому влиянию на Балканах. Такой разворот означал новый виток скрытой, но еще более ожесточенной конкуренции между двумя империями. На этот раз – в славянском вопросе. Тем более, что Германия, Великобритания и Франция поддерживали новые славянские амбиции Австро-Венгрии, сообразно собственным интересам, надеясь столкнуть ее с Россией. С 1870-х гг. зона конфликтных интересов между Петербургом и Венной стала разрастаться, вовлекая все новые балканские страны и регионы – Сербию, Болгарию, Черногорию, Боснию и Герцеговину, Македонию, Албанию.

2. Восточный кризис 1875-1878 гг.: резкое дипломатическое охлаждение на фоне Русско-Турецкой войны и Берлинского конгресса.

Восточный кризис вспыхнул в 1875 г. на волне восстаний балканских народов против Османской империи и стал серьезным испытанием на прочность Союза трех императоров. Если в начале кризиса союзники старались выработать общую линию в отношении восставших, пытаясь сдержать очаги вооруженной борьбы, то уже в 1876 г. огромная волна сочувствия, поднявшаяся во всех слоях российского общества к славянским народам, заставила императора и правительства пересмотреть свою позицию. Размах славянского движения был такой силы, которой никак не ожидал петербургский двор.

Пик пришелся на 1876-78 гг., когда на Балканы отправлялись десятками тысяч добровольцы, члены санитарных отрядов, а массовые пожертвования и гуманитарная помощь достигали небывалых масштабов. Именно в это время славянские коды прочно вошли в коллективную идентичность российского общества, надолго определяя понимание мировой миссии России. Движение в поддержку сербов, боснийцев, герцеговинцев, черногорцев и особенно -болгар приняло не только массовый характер, но воспринималось как гражданский и религиозный долг. На этом фоне существенно укрепились позиции СБК, их взаимодействие с правительственными и другими

общественными организациями, они превратились в значимый инструмент славянской политики России как на внешнем, так и внутреннем контурах.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. стала кульминацией Восточного кризиса и славянского движения. Но Россия так и не смогла в полной степени воспользоваться плодами своих военных и дипломатических побед. Немалую роль в этом сыграла дипломатия Дьюлы Андраши, которую активно поддерживали Великобритания и Германия. Жесткая позиция Австро-Венгрии вызвала очередное охлаждение двусторонних отношений. Британский ультиматум остановил продвижение русских войск, стоявших на подступах к Константинополю. Решения Берлинского конгресса существенно ограничили завоевания России, закрепленные Сан-Стефанским миром. Но был достигнут исторический перелом в Восточном вопросе.

Болгария, Черногория и Румыния получили независимость и международное признание. Россия выиграла в этом раунде борьбу за умы и сердца балканских народов, оставшись в их памяти освободительницей и защитницей. Международный принцип status-quo на Балканах был кардинально пересмотрен. Только теперь конкуренция великих держав выросла настолько, что стала принимать характер беспрецедентно жесткой игры.

3. Агония Союза трех императоров в 1880-е гг.: поиски консенсуса на фоне геополитической конкуренции

Несмотря на периодически вспыхивавшие конфликтные ситуации, между Веной и Петербургом все еще сохранялся консенсус по ключевым вопросам. Обе державы желали ослабления Османской империи, но сдержанно относились к национальным радикалам и революционерам на Балканах; обе активно выступали в защиту христианского населения и христианских святынь в Палестине. Но в 1880-е гг. накал геополитической конкуренции между Россией и Австро-Венгрией достиг такого высокого градуса, особенно в Сербии и Болгарии, что находить консенсус становилось все тяжелее.

Союз трех императоров, просуществовавший пятнадцать лет, имел вынужденный характер, каждая из держав видела в нем инструмент обеспечения собственной безопасности на случай военного конфликта. Сильного континентального блока, который мог бы противостоять гегемонии Великобритании так не получилось. Британская дипломатия ловко обыгрывала союзников в спорных международных ситуациях, используя нараставшие их внутренние противоречия. Если в 1870-е гг. конфликты интересов России и Австро-Венгрии можно было преодолеть силами министерств иностранных дел обеих империй, то уже в 1880-е гг. только политическая воля канцлера Бисмарка и его авторитет могли удерживать разрушающуюся конструкцию Союза. Но Германия уже не могла выступать арбитром в балканских конфликтах между Веной и

Петербургом. В 1880-е гг. немецкий капитал и дипломатия активно развернулись не только в сторону Османской империи, но и балканских стран, из которых наиболее привлекательной оказалась Болгария.

Именно в это десятилетие Россия испытала глубокое разочарование в славянской взаимности как инструменте продвижения своих интересов на Балканах. Более эффективная финансовая и торгово-экономическая политика Австро-Венгрии и Германии достаточно быстро изменила баланс сил в Сербии и Болгарии. Славянская риторика, хоть и сохранялась, но нередко теряла политический смысл в действиях болгарских и сербских элит. Балканский маятник все сильнее раскачивался между ориентацией то на Россию, то на Австро-Венгрию.

На этом фоне стал развиваться идеологический конфликт в сознании российских и австрийских элит в интерпретации славянского вопроса. Можно констатировать, что 1880-е гг. стали своеобразным водоразделом в эволюции славянских идеологов как в России, так и в Австро-Венгрии. Внешним проявлением стал конфликт их интересов вокруг Сербии и Болгарии. Союз трех императоров распался, став заложником новых тенденций. Бывшие союзники получили большую свободу рук на Балканах, но их геополитическая игра становилась все более рискованной и жесткой.

4. Противостояние России и Австро-Венгрии в балканской политике: 1887-1897 гг.

Геополитические циклы на Балканах в определенном стратегическом равновесии. Когда в Болгарии начинался новый виток дружественных отношений с Россией почти одновременно наступало резкое охлаждение с Сербией и ее демонстративное сближение с Австро-Венгрией и Германией. И наоборот. Стоит особо отметить, что оба балканских государства, созданных благодаря поддержке России, ревниво следили друг за другом и за своими покровителями. Периодическая смена ориентиров была неотъемлемой частью их собственной геополитической игры и способом самоутверждения в большой европейской политике.

Австро-германская общая стратегия не менялась со времени Союза трех императоров. Россия воспринималась как опасный игрок, которого следовало затягивать в разные ловушки, чтобы постепенно ослаблять. Министерства иностранных дел Австро-Венгрии и Германии делали все возможное, чтобы разжигать российско-английские противоречия в Средней и Южной Азии, а также на Дальнем Востоке.

После отставки Бисмарка события и процессы постепенно сплетались в один узел противоречий. В своей совокупности они создали перелом в российско-германских и

российско-австрийских отношениях на рубеже XIX-XXвв. Но даже в такой напряженной ситуации было еще далеко до окончательного поворота к конфронтации.

Во второй половине XIXв. в России сложилась системная славянская политика, направленная прежде всего на Балканы. В Австро-Венгрии дальше «мягкой силы» интересы не простирались. Австрийским славянам действительно оказывалась материальная и моральная поддержка со стороны российских общественных организаций (особенно активны были Славянские комитеты в Санкт-Петербурге, Москве и Киеве), но в значительно меньших объемах, чем славянским государствам и национальным движениям на Балканах. В МИДе не разрабатывались планы разрушения монархии Габсбургов и передела «австрийского наследства» вплоть до Первой мировой войны. Неудивительно, что общественные инициативы и личное участие многих россиян не соответствовали сдержанной линии российского МИДа, который нередко вынужден был пресекать славянское воодушевление в среде дипломатов и общественных деятелей и оправдываться перед своими европейскими партнерами.

Но Восточный вопрос оказал глубинное воздействие на коллективное сознание россиян. Миссия защиты зарубежных славян и проекты их интеграции – от геополитических до культурно-языковых и религиозных стали органичной частью общего национального дискурса. Периоды острых обострений Восточного вопроса давали мощные импульсы процессу формирования имперской нации в России. Общегражданская солидарность с освободительным движением на Балканах, масштабные благотворительные акции в поддержку беженцев, сирот, учащейся молодежи, духовенства; массовое добровольческое движение - все эти процессы создавали особое поле напряжения вокруг славянского вопроса.

Тем не менее, панславизм не стал в XIX в. масштабным геополитическим проектом Российской империи, поскольку российские элиты отдавали себе отчет в том, что славянские политики в Австро-Венгрии ориентированы на поиск компромисса с Веней, а балканские славяне склонны лавировать между европейскими столицами в надежде найти поддержку в бесконечных территориальных спорах и инвестициях.

Глава V. Славянский вопрос в политической культуре России и Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX вв.

Имперская внешняя политика представляла собой сложнейший организм, связанный тысячами нитей с внутренними потребностями государственного строительства, постоянным поиском баланса сил внутри монархии. Государственный имидж страны и процессы формирования коллективной идентичности были тесно увязаны с дипломатией и региональными стратегиями. Новая политическая культура в значительной степени влияла на внешнеполитические приоритеты.

Как сочеталась нормативная имперская культура, отшлифованная столетиями, с новациями модерна, когда казусное и нетипичное постепенно приобретало новое качество, превращаясь в один из кодов государственной идеологии?

Особую роль в новой системе общегосударственных ценностей в России и Австро-Венгрии стал играть славянский вопрос. Для имперской пропагандистской машины он представлял неисчерпаемый источник идей, в которых историзм смешивался с геополитической актуальностью, традиция с острым общественным интересом, благотворительность и искренние порывы поддержать угнетенных славян с прагматичными торгово-финансовыми расчетами. На рубеже XIX-XX вв. славянолюбие словно обрело второе дыхание, начался новый этап в российско-славянских отношениях⁹⁴⁵.

Не будет преувеличением констатировать, что славянский вопрос превратился в один из наиболее острых и дискуссионных в мировой повестке.

⁹⁴⁵ *Ненашева З. С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 53–68 ; *Ее же.* Славянские общества в России в последней четверти XIX в. // Российское общество и зарубежные славяне / отв. ред. Л. П. Лаптева. М., 1992. С. 33–44 ; *Nenaševa Z. S.* Slovanská otázka v Rusku v poslednej štvrtine XIX. storočia // Slovanské štúdie. 1992. № 1. S. 38–41 ; *Eadem.* Das Problem des Austroslavismus in der russischen öffentlichen Meinung in den letzten beiden Jahrzehnten des 19. Jahrhunderts // Der Austroslavismus / A. Moritsch (Hg.). Wien ; Köln ; Weimar, 1996. S. 178–194.

Для России и Австро-Венгрии он приобрел особый смысл. В обоих государствах создавался новый славянский миф, ориентированный на усиление имперских интересов и престижа. Создавались различные проекты будущего - от либеральных до консервативных. Только в одних случаях Россия выступала как центр славянского мира, а в других – монархия Габсбургов как общий дом дунайских и балканских славян.

В этой главе будет проанализирована динамика развития славянского вопроса в России и Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX вв. Рассмотрим его в контексте формирования политической культуры модерна, существенно изменившей коды и формулы коллективной идентичности имперского государства.

5.1. Образы имперской власти и ресурсы общегражданской лояльности в политических культурах Австро-Венгрии и России

Во второй половине XIX - начале XX вв. под влиянием культа «Нации» абстрактные мифы о «племенных мирах» трансформировались в реальность, вовлекая граждан в «священное служение» нации и отечеству. Для этой цели разрабатывались соответствующие символы, ритуалы и коллективные праздники⁹⁴⁶. Особое значение приобрели проекты конструирования исторической национальной общности, ментальной взаимосвязи всех подданных / граждан государства, независимо от национальности и религии⁹⁴⁷.

Исторический опыт переосмысливался. На его основе реконструировались новые образы «великого прошлого», призванные стать примером служения государству в настоящем. Национальная символика, активно присваивая прошлое, создавала особое пространство, в котором рождался новый монументальный образ «Отечества», вбиравший в себя идеи «Нации» и «Государства нации». Даже традиционные монархии, полиэтнические и многосоставные – такие как Россия и Австро-Венгрия, пытались обновить «скрепы» государственной власти, придать новые смысловые коды политическим институтам, сочетая национальную символику с пасторальными образами «народной монархии», мессианские, цивилизаторские идеи с государственным патриотизмом и этатизмом. По сути, национализм превращался в новую секулярную религию в обществах модерна.

Процессы модернизации, охватившие Австро-Венгрию и Россию, ориентированные на обновлении экономической сферы, существенно улучшили качество

⁹⁴⁶ Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt : eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009. S. 662–674.

⁹⁴⁷ Gentile E. Politics as religion. Princeton, 2006. P. XIV, 1–4.

жизни, но вместе с тем приводили к ускоренной дифференциации общества. Обострение социального вопроса стало следствием отчуждения между производственным процессом и производителем. Социолог Георг Зиммель в работе «Философия денег» еще в начале XX в. сделал важное наблюдение - деньги превратились в универсальный репрезентативный товар, за который можно было приобрести решительно все, что приводило к резкой дифференциации общества⁹⁴⁸. Как показал в своих исследованиях австрийского модерна академик Мориц Чаки, именно дифференциация общества порождала кризис индивидуального и коллективного сознания, атмосферу неуверенности, разорванность и фрагментарность, вызывала быструю смену ценностных ориентиров⁹⁴⁹.

Несмотря на тесное взаимовлияние европейских культур, венский модерн имел свои особенности - он существовал в открытом пространстве, не имея четких ориентиров. В отличие от берлинского и парижского модернов, он был направлен против натурализма, но не имел революционный смысл (разрушающий прошлое), в нем явственно чувствовалась связь с прошлым и особое австрийское пристрастие к традиции, диахронное вовлечение метафор историзма в современное время⁹⁵⁰. Эта же тенденция была характерна и для российского модерна, в котором тоже доминировала историческая традиция.

Австрийский ученый Эгмон Ханиш, сравнивая политическую культуру Германии и Австро-Венгрии, доказал, что проекты общегосударственной имперской нации в обоих случаях имели «консервативный и элитарный характер»⁹⁵¹. Традиционно обе монархии свято соблюдали вертикальную социальную иерархию, сохраняли особую чувствительность к титулам и регалиям, которые подкреплялись формальными процедурами. Без рангов и титулов человек ощущал себя неполноценным в системе социальной иерархии. Отсюда – огромное внимание к церемониям и общественным презентациям власти, доминированию личных связей над общественными принципами, живучесть «абсолютистско-барочной традиции персональной близости к власти имущим»⁹⁵². К такому же выводу приходит другой исследователь имперской политической культуры Паулман в книге «Помпа и политика»⁹⁵³.

Германская империя смогла осуществить успешную модернизацию экономики и социальной сферы, но политическая модернизация «в понимании демократии модерна»

⁹⁴⁸ *Simmel G.* Philosophie des Geldes. Leipzig, 1900. 554 S.

⁹⁴⁹ *Чаки М.* Идеология оперетты и венский модерн. СПб., 2001. С. 141–144.

⁹⁵⁰ Там же. С. 144.

⁹⁵¹ Там же. С. 154.

⁹⁵² Там же. С. 26–27.

⁹⁵³ *Paulmann J.* Pomp und Politik. Paderborn [et al.], 2000. S. 400–410.

здесь не удалась. Традиционалистские элиты, находившиеся у власти, не дали полноценно развиваться парламентаризму. В монархии Габсбургов процессы формирования наций также имели запоздалый характер. Пошаговая демократизация политической системы после 1882 г. могла бы существенно снизить остроту национальных конфликтов, но новые демократические элиты не были склонны к компромиссам. Их агитация и политические действия только усиливали разобщенность общества, подогревали конфликтные ситуации между нарождавшимися нациями⁹⁵⁴. Все попытки выработать общую платформу и стратегию наталкивались на непреодолимые национальные амбиции, взаимные претензии и недоверие. Их агитация и политические действия только усиливали общую конфронтацию, в том числе и в парламенте. К 1905 г. император уже исчерпал ресурсы для компромиссов с либеральными силами и национальными демократами. Он не верил в федерализм, как принцип реформирования политической системы, опасаясь, что любые крупные нововведения разрушат и без того хрупкое равновесие между двумя частями империи – Цислейтанией и Транслейтанией, а также между центрами власти - Венной и Будапештом⁹⁵⁵.

Российская империя типологически была близка Германии и Австро-Венгрии, хотя и отставала на пути продвижения к парламентской, конституционной форме управления. Если в этих государствах власть императора регламентировалась парламентской практикой, то в России самодержавие тяжело расставалось с властными полномочиями в пользу конституции и парламентаризма. Процесс затягивался и нередко переходил в мучительное противостояние консервативных и либеральных сил.

Тема «империи модерна и национализм» - неисчерпаема. Каждое поколение историков вносит свой вклад и особое понимание механизмов взаимодействия национальной среды и имперских стратегий⁹⁵⁶. Раньше в историографии доминировало представление, что имперское пространство Австро-Венгрии создавалось из бесконечных конфликтов национальных общностей, политических партий, буржуазных лоббистов и новых баронов. Благодаря трудам историко-культурологической школы «Модерна» академика Морица Чаки, а также исследованиям Джона Бойера, Дэниэля Л. Уновского, Лотара Хебелта, Т. Миллс Келли, Джереми Кинга, Иржи Малиржа, картина жизни

⁹⁵⁴ Ibid. S. 210.

⁹⁵⁵ Ibid. S. 210 ; Rumpler H. Eine Chance für Mitteleuropa : bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997. S. 272.

⁹⁵⁶ Giloi E. Monarchy, myth, and material culture in Germany, 1750–1950. Cambridge ; New York, 2011. 422 p. ; Lindström F. Empire and identity : biographies of the Austrian state problem of the late Habsburg Empire. West Lafayette, 2008. 311 p. ; Das Gewebe der Kultur : kulturwissenschaftliche Analysen zur Geschichte und Identität Österreichs in der Moderne / hrsg. von J. Feichtinger, P. Stachel. Innsbruck ; Wien ; München, 2001. 347 S.

Австро-Венгрии стала выглядеть более яркой и реалистичной⁹⁵⁷. Была воссоздана многомерная политическая культура монархии, которая основывалась на лояльности к императору. Этот удивительный феномен народной любви к императору Францу Иосифу исследуется на многочисленных примерах публичных торжеств и исторических юбилеев, которыми была так насыщена повседневность в позднюю эпоху⁹⁵⁸.

Однако, как считает Эрнст Ханиш, формирование общеавстрийской идентичности, несмотря на лояльность к императору, не дало ощутимых результатов. Столкновения между «народными племенами» (по терминологии того времени - *Volksstämmen*), разнообразные географические условия и культурные антагонизмы, локальные противостояния религий, языков, менталитетов – все это приводило к конфликту с идеологией общего государства. Немецкоязычные австрийцы воспринимались другими нациями именно как «немцы». В среде высшей аристократии, государственной бюрократии, руководящем составе армии, крупной буржуазии, отчасти, в католической церкви - австрийская идентичность воспринималась как наднациональный проект, обязательный для исполнения, но не вытеснивший национальные и локальные предпочтения⁹⁵⁹.

Как и в любом европейском государстве, власть в Австро-Венгрии стремилась максимально стимулировать патриотизм и преданность императорскому престолу, даже в таких экзотичных формах, как полуметровый шоколадный бюст Франца Иосифа, изготовленный в Львове в 1908 г. в честь его шестидесятилетнего пребывания на троне. Хотя личность австрийского императора представляла не самый благодатный пример харизматичного лидера. Ему не был присущ личный магнетизм, но людей трогала старомодная воспитанность, добропорядочность, колоссальная работоспособность и скромность, доходившая до аскетизма.

Образ Франца Иосифа, как императора на службе своему отечеству и народу, был прост и доступен. Его открытая нелюбовь к роскоши и отсутствие влиятельных фавориток (долговременный роман с актрисой Катериной Шратт не влиял на политику) встречали понимание в обществе. Особое сочувствие вызывала череда трагедий в семье императора. Смерть маленькой дочери, убийство в Мексике брата Максимилиана, самоубийство

⁹⁵⁷ См. подробнее: *Павленко О. В.* Зарубежная историография габсбургской монархии. XX – начало XXI века // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 94–109.

⁹⁵⁸ *Unowsky D. L.* The pomp and politics of patriotism : imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette, 2005. 263 p. ; *Boyer J. W.* Political radicalism in late imperial Vienna : origins of the christian social movement, 1848–1897. Chicago, 1981. 577 p. ; *Commemorations : the politics of national identity / ed. by J. R. Gillis.* Princeton, 1994. 290 p. ; *Grossegger E.* Der Kaiser-Huldigungs-Festzug Wien 1908. Wien, 1992. 368 S.

⁹⁵⁹ *Grossegger E.* Op. cit. S. 155.

единственного сына Рудольфа, убийство жены - императрицы Элизабет в Женеве, наконец – убийство племянника, наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда с супругой в Сараево. Нередко императора изображали коленапреклоненным в молитве, над которым витали образы его родных, так трагически погибших.

Истоки всеобщей лояльности к императору в стране, разрываемой национальными конфликтами, исследователи видят не только в длительности правления с 1848 по 1916 гг., когда под его скипетром родились три поколения австрийцев. Но прежде всего в той гибкой династической политике, которая позволила консервативному дому Габсбургов принять неизбежные перемены с истинно царственным достоинством и во многом соответствовать вызовам времени. Конечно, в пределах допустимых компромиссов, на которые был готов пойти Франц Иосиф.

Дэниэл Уновски в книге «Помпа и политика патриотизма» точно объясняет феномен его народной популярности: «Имперские праздники в конституционную эпоху пытались отделить Франца Иосифа от политических столкновений и ассоциировать его, хотя он сам управлял государством, с конкретными улучшениями в жизни населения. Придворные церемонии игнорировали специфические исторические события, но рисовали Франца Иосифа как Отца Народов»⁹⁶⁰.

Такую же тенденцию, на первый взгляд, мы наблюдаем и в России. Известный факт: в «Первой всеобщей переписи населения Российской империи», утвержденной 5 июня 1895 г. пункт 14 определял «занятие, ремесло, промысел или службу» и имел два раздела – «главное, то есть то, которое доставляет главные средства для существования» и «побочное или вспомогательное». Николай II, отвечая на вопросы анкеты, оставил лишь одно слово «главное», остальное собственноручно зачеркнул. Под ним записал – «Хозяин земли Русской». В графе о побочных занятиях отметил «Землевладелец». От имени императрицы Александры Федоровны он записал – «Хозяйка земли Русской», из побочных занятий – «попечительница Домов Трудолюбия»⁹⁶¹.

Два образа династического мифа – «Отец Народов» и «Хозяин Земли Русской». И все же при первом приближении понятно – в них были заложены разные императивы. Австрийский кайзер выступал в образе, собравшем все народы под его «родительскую опеку». Династический патернализм формировал главную идею Габсбургского престола. Император выше всех национальных амбиций, выше политических предпочтений,

⁹⁶⁰ Unowsky D. L. Op. cit. P. 182.

⁹⁶¹ Фотокопия переписного листа, заполненного Николаем II и Александрой Федоровной во время первой всеобщей переписи населения в 1895 г., была опубликована в книге: *Ирошников М. П., Процай Л. А., Шелаев Ю. П.* Николай II – последний российский император. СПб., 1992. С. 242–243.

сословной иерархии, выше государственной бюрократии и армии. Он над всеми, но всех готов понять и за всех радеет, всех любит отцовской любовью и за всех в ответе. Пожалуй, это была единственно возможная формула монархической власти в конституционном государстве с достаточно развитой парламентской системой. В отличие от австрийского опыта, понимание высшей власти в России означало ее полное сосредоточение в руках императора. В этом смысле Россия была гораздо больше империей, чем конституционная, разделенная на две полуавтономные части Австро-Венгрия.

После дипломатических побед в начале XIX в. имперская экспансия Австрии стала затухать. В середине XIX в. были потеряны итальянские владения Ломбардия и Венеция. Затем последовало унижительное поражение в австро-прусской войне 1866 г. Оккупация Боснии и Герцеговины, на которую Вена решилась дважды в 1878 г. и в 1908 г., так и не превратилась в триумф Франца Иосифа, хотя и была приурочена к юбилеям его царствования. Скорее наоборот, стала источником серьезных дипломатических осложнений. Постепенную утрату геополитических ресурсов Австро-Венгрия компенсировала тесным сближением с Германией. Союз со «старшей немецкой сестрой» - мощной, милитаристской империей помогал восполнить нехватку собственных побед и территориальных приобретений. Чем меньше оставалось реальных ресурсов влияния внутри монархии и в европейской политике, тем помпезнее и масштабнее становились массовые торжества, прославляющие императора и величие Австро-Венгрии.

Историческая же динамика России даже после Крымской войны продолжалась. Вторая половина XIX – начало XX вв. прошла под знаком «похода на Восток». Накануне Первой мировой войны страна находилась на взлете своего развития, обладая серьезным геополитическим, экономическим, демографическим потенциалом⁹⁶². Российский этатизм, монолитный по своей сути, был ориентирован на государственное пространство, скрепленное единым монархическим принципом власти. Консервативный принцип «народности» неоднократно корректировался в эпоху поздней империи, но неизменной оставалась суть власти – персонифицированное политическое лидерство с неограниченным ресурсом управления страной.

Половинчатый парламентаризм Австро-Венгрии и отстававший от него почти на полстолетия конституционализм в России, больше имитационный, чем реальный – все же свидетельствуют о развитии гражданского общества. Конечно, в Австро-Венгрии

⁹⁶² Россия накануне Первой мировой войны : статистико-документальный справочник. М., 2008. С. 15–35 ; Никонов В. А. Крушение России: 1917. М., 2011. С. 32–52.

гражданская активность и ответственность, закреплённые парламентской практикой, были гораздо сильнее развиты, чем в России.

Но к началу XX в. в России тысячами создавались добровольные общественные ассоциации, ставшие своеобразной школой гражданского самоуправления. Правда, отношение самодержавия к ним было противоречивым. С одной стороны, власть поощряла общественные инициативы, понимая роль самоуправления. С другой стороны, опасалась потерять свое могущество и контроль над обществом⁹⁶³. Таким образом, обе исторические монархии дрейфовали в сторону политической модернизации, хотя и с различной скоростью. Если в России неразвитость политико-правовой жизни и слабость среднего класса компенсировались могуществом самодержавия и бюрократии, то в Австро-Венгрии гражданская активность трансформировалась в борьбу за национальные права. В этом заключалась одновременно сила и слабость политической модернизации в обеих монархиях. Рассмотрим российский и австрийский опыты конструирования государственной идентичности и сравним их ключевые коды.

5.2. Церемонии – ритуалы – символы общегосударственной идентичности в России

Создание первых публичных музеев, экспозиции которых органично вписывались в проект имперской нации, было частью исторической политики. В 1872 г. при праздновании двухсотлетнего юбилея Петра Первого последовало Высочайшее соизволение на открытие в Москве Исторического музея. Концепция музея была сформулирована академиком К.Н. Бестужевым-Рюминым: «Народ, желающий быть великим народом, должен знать свою историю (...) велик тот народ, который ясно сознает свое историческое призвание (...) Музей – одно из самых могущественных средств к достижению народного самосознания - высшей цели исторической науки⁹⁶⁴».

По результатам всероссийского конкурса 1874 г. лучшим был признан проект, выполненный А.А. Семеновым и В.О. Шервудом с учетом образцов древнерусской архитектуры XVI в. Символическое пространство первого национального музея было насыщено знаками единства династии, народа и государства. Четыре шатровые башни венчали двуглавые орлы, а боковые, меньшие по размерам, башни – медные изображения льва и единорога, изображенные на старинном гербе Московского государства. В центральном вестибюле взгляд посетителя сразу приковывало грандиозное генеалогическое древо русских государей, начиная от святого Владимира и Ольги. На

⁹⁶³ Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 290–292.

⁹⁶⁴ Фролов А. И. Московские музеи. М., 1999. С. 140.

боковых сводах помещались изображения гербов территорий, упоминавшихся в полном императорском титуле.

Открытие экспозиции Императорского Российского Исторического музея было приурочено к коронации Александра III в 1883 г. История Российской империи была представлена в залах музея в хронологическо-тематическом порядке. Музей был открыт всем посетителям. Этот государственный проект презентовал не только официальную, имперскую концепцию истории российской государственности, но окончательно закреплял национальный исконный образ Дома Романовых. Русскость и православие Романовых подчеркивались историческими экскурсами и экспонатами музея. Династия представала как спасительница России в Смутное время и в эпоху наполеоновских войн, строительница государства, защитница и покровительница всех подданных, независимо от этнического происхождения и религиозного вероисповедания⁹⁶⁵.

Другое монументальное имперское сооружение - Собор Святого Владимира в Киеве. Его строительство растянулось на 43 года. Идея киевского митрополита Филарета, одобренная в 1853 г. Николаем I, была реализована только при Николае II в 1896 г. Драматичные коллизии, связанные с недоработками архитектурного проекта и строительных смет, недостатком финансирования и интригами архитекторов и чиновников, составляют отдельную историю этого грандиозного государственного заказа. Инициатива сооружения Собора исходила прямо от династии. Сначала особый интерес к нему проявлял Александр II, затем и Александр III. По Высочайшему распоряжению контроль осуществляло Министерство внутренних дел с 1875 г. Именно через это ведомство проводилось основное финансирование. По официальным сведениям, из государственной казны «ежегодно выплачивались значительные суммы», а общая сумма расходов составила 900 000 рублей. Сумма по тем временам огромная. Отделка храма превосходила, по мнениям современников, даже убранство Исаакиевского Собора в Петербурге и храма Спасителя в Москве⁹⁶⁶.

Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев – один из главных идеологов охранительства лично следил за росписью Собора и оформлением его интерьеров. По его желанию они были выполнены в древнем византийском стиле. Храм расписывали В.И. Васнецов, М.В. Нестеров, В.А. Котарбинский, П.А. Сведомский. Государственный заказ на создание «всероссийского религиозно-исторического памятника» (именно так Собор был назван в официальной прессе) был блестяще

⁹⁶⁵ Императорский Московский Исторический музей : альбом фототипий. М., [19--]. 22 л.

⁹⁶⁶ В память освящения Собора св. Владимира и открытие памятника императору Николаю I. Киев, 1896. С. 40–42.

выполнен⁹⁶⁷. Живописная история древней Руси, представленная в храме, имела «широкий эпический, легендарный охват» и одновременно являла миротворческий образ власти. Не карающая сила, оружием собравшая разрозненные земли, а напротив, династия, проникнутая христианской терпимостью, единением светских и церковных начал. Обращает внимание тот факт, что в символическом пространстве Собора, как и в Историческом музее, отсутствовал сюжет о Рюрике.

Легендарно-династические начала теперь связывались с эпохой крещения Руси – основными образами «Святых заступников Земли Русской» княгини Ольги, князя Крестителя Владимира и князя Александра Невского. При этом трактовка образа Александра Невского была далека от воинственного полководца. Акцент делался совсем на иные качества – «это кроткий душою, знающий немало внутренних страданий заступник веры, которую уже вполне прониклось его отечество, но которую надо оберегать, как драгоценнейший стяг этого отечества, от отличающихся сравнительной терпимостью в религиозном отношении татар»⁹⁶⁸. В июльской книге «Недели» за 1896 г. обозреватель В. Дедлов подчеркивал, что «в этом храме произошел перелом в направлении русской живописи, благодетельные последствия которого еще не могут быть вполне оценены», поскольку этот собор является «первым в новой России национальным храмом». А живопись собора пробуждает «в памяти простоту и трогательность этих непосредственных религиозных впечатлений русского человека»⁹⁶⁹.

Монументальное строительство имперских доминант – соборов, музеев, памятников с печатью русской исконности еще более усилилось в последующее царствование. Тяготение к древнерусскому стилю, народным началам, которое демонстрировала государственная власть в конце XIX- начале XX вв., во многом было вызвано реакцией на радикальные настроения и секуляризацию сознания, неизбежно сопровождавшие процессы модернизации.

В начале XX в. власть пыталась сформировать новое культурное пространство в империи через присвоение прошлого той Святой Матушки Руси, которая еще не была затронута прозападными экспериментами. Реконструировались исторические образы допетровской эпохи, которым придавали патриархальные, миротворческие, традиционалистские смыслы. Они создавали замкнутый круг самодержавной утопии, по которому осуществлялось вращение жизни императорского двора и церемоний

⁹⁶⁷ Там же. С. 46.

⁹⁶⁸ Киевский собор св. Владимира и работы в нем В. М. Васнецова и М. В. Нестерова // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» на 1896 г. за январь, февраль, март и апрель. – СПб., 1896. С. 583.

⁹⁶⁹ В память освящения Собора Св. Владимира... С. 47.

последнего царствования. Николаю II достались в наследство уже разработанные К.П. Победоносцевым политические технологии власти, культивировавшие традиционалистские ценности и нежелание следовать прогрессистским западным веяниям. Эта намеренная «остановка во времени» стоила престолу потери престижа и ресурсов влияния на общество.

Николай II не скрывал своего критического отношения к Петру I, развернувшего Россию на Запад. В воспоминаниях генерала А.А. Мосолова, служившего начальником канцелярии при Министерстве императорского двора более 16 лет, есть любопытный эпизод. Во время празднования двухсотлетнего юбилея Петербурга он в присутствии царя восторженно заговорил о Петре I. Николай II был, однако, иного мнения. А.А. Мосолов попытался дословно воспроизвести его слова: «Этот предок, которого менее других люблю за его увлечения западною культурою и попираание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но мне оно несимпатично»⁹⁷⁰.

Как уже отмечалось, царствование Николая II было насыщено пышными церемониями с широким народным участием, проектами новых национальных музеев и повышенным интересом власти к исторической традиции. Всплеск интереса к историческим юбилеям битв и сражений формировал новую эпическую традицию империи, которая освящалась присутствием императорской семьи и высших государственных чиновников. Вот только некоторые примеры - празднование юбилея Полтавской битвы в 1909 г., столетия Бородинской битвы в 1912 г., трехсотлетия Нижегородского ополчения в 1912 г., грандиозное празднование 200-летия Петербурга, открытие памятников Петру I, Александру II, Александру III, Скобелеву, Вел. Кн. Сергею Александровичу.

Русскость и исконность становились своеобразной нормой придворной жизни. Это проявлялось во всем. В всеподданейших докладах Николай подчеркивал красным карандашом все иностранные слова, употребление которых не терпел в русском языке. Лингвистический национализм царя дополнялся разными идеями по изменению регламента придворной жизни. В близком окружении серьезно обсуждалась мысль об уничтожении современных придворных мундиров и заменой их на боярские костюмы эпохи Московской Руси. Только перспектива чрезмерных затрат на парчу, мех и драгоценные камни заставила отказаться от этих планов. Сам император, известно, носил дома красные крестьянские рубахи. По его же приказу такие рубахи под мундир носили

⁹⁷⁰ Мосолов А. А. При дворе последнего императора : записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 194.

стрелки императорской гвардии. Во время высочайших выходов предписывалось, чтобы дамы были в «русских платьях со шлейфами». «Русское» платье представляло собой странную смесь стилизованной старины и имперской помпы. Это было бальное платье белого атласа, шлейф же красного бархата с золотым шитьем. На голове придворной дамы должен был красоваться кокошник красного бархата. Платье и кокошник украшались драгоценными камнями в зависимости от степени богатства их владелицы⁹⁷¹.

19 января 1904 г. состоялся последний придворный костюмированный бал, представлявший собой попытку реконструировать допетровскую традицию. Всем было предписано явиться в исторических костюмах XVII в. Николай I и Александра Федоровна вышли в нарядах государя и государыни времен Алексея Михайловича. Ни один наряд не повторялся, все они отличались великолепиям и точным копированием исторического костюма. Бал прошел с большим успехом. Для одних он был ярким светским увеселением и своеобразной ярмаркой тщеславия высшего света, другие – почувствовали скрытый политический подтекст этой блестящей исторической инсценировки.

Великий Князь Александр Михайлович, имевший в последние годы натянутые отношения с императором, писал об этом бале: «Почти четверть столетия прошло с той достопамятной ночи, когда я и Ники смотрели на появление царя-освободителя под руку с княгиней под сводами этих зал, отражавших в своих зеркалах семь поколений Романовых. Внешность кавалергардов оставалась все та же, но лицо империи резко изменилось. Новая враждебная Россия смотрела чрез громадные окна дворца. Я грустно улыбнулся, когда прочел приписку в тексте приглашения, согласно которому все гости должны быть в русских костюмах XVII в. Хоть на одну ночь Ники хотел вернуться к славному прошлому своего рода»⁹⁷².

Дворцовое действо от высочайших выходов до бального ритуала, хотя и не ограничивалось в царствование Николая II тесным кругом “high life”, тем не менее, строго контролировалось нормами придворного этикета. Двор жил внутренней напряженной жизнью, вращающейся вокруг царственной семьи, где каждый имел свое четко определенное место и соответствующую ему модель поведения⁹⁷³.

Главной функцией придворной среды всегда считалось поддержание престижа монархической власти. Но двор призван был также осуществлять ежедневный обиход

⁹⁷¹ Александр Михайлович (вел. князь). Воспоминания. М., 1999. С. 203–204 ; Николай II (имп.). Дневник императора Николая II, 1890–1906 гг. М., 1991. С. 136.

⁹⁷² Там же.

⁹⁷³ Частичная публикация регламента двора была осуществлена в книге: Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2003. 237 с.

царствующей семьи. Этикет петербургского двора был в основном заимствован у Габсбургского дома. Общее число придворных чинов при дворе Николая II составляло 1543 персоны⁹⁷⁴. Хотя Николай II, также как Александр III, был равнодушен к вопросам церемониальной части, но строго соблюдал придворный регламент.

Несмотря на то, что число светских ритуалов, особенно балов, существенно уменьшилось, до русско-японской войны Петербург сохранял репутацию одной из самых элегантных и светских столиц Европы с присущим налетом космополитизма. Великий Князь Александр Михайлович, внук Николая I, женатый на сестре царя Ксении, с ностальгией вспоминал: «Тот иностранец, который посетил бы С.-Петербург в 1914 г., перед самоубийством Европы, почувствовал бы непреодолимое желание остаться навсегда в блестящей столице российских императоров, соединявшей в себе классическую красоту прямых перспектив с приятным, увлекающим укладом жизни, космополитическим по форме, но чисто русским по своей сущности. Чернокожий бармен в Европейской гостинице, нанятый в Кентукки, истые парижанки-актрисы на сцене Михайловского театра, величественная архитектура Зимнего дворца – воплощение гения итальянских зодчих, сановники, завтракавшие у Кюба до ранних зимних сумерек, белые ночи в июне, в дымке которых длинноволосые студенты спорили с жаром с краснощекими барышнями о преимуществах германской философии... Никто не мог бы ошибиться относительно национальности этого города, который выписывал шампанское из-за границы не ящиками, а целыми магазинами»⁹⁷⁵. Культурный космополитизм имперской столицы резко контрастировал с усиливавшимся историческим традиционализмом двора.

Одной из особенностей последнего царствования было постепенное угасание придворных церемоний. Князь С.Е. Трубецкой вспоминал: «В отношении балов и вообще светской московской жизни я должен заметить, что мне пришлось выезжать в эпоху ее заката. Мне посчастливилось еще захватить «вечернюю зарю» и видеть ее последние лучи, но непосредственно за этим она совсем угасла: на долю моего брата, который всего на два года моложе меня, уже почти ничего не осталось. Это случилось еще до войны 1914-1918 гг.»⁹⁷⁶. Представители петербургского света ощущали падение «бальной эпохи», поскольку царственная семья теряла интерес к придворным ритуалам, исполняя только необходимые. Но именно за годы последнего правления увеличилось число

⁹⁷⁴ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 188.

⁹⁷⁵ Из «Книги воспоминаний Великого князя Александра Михайловича» // Дом Романовых : к 300-летнему юбилею царствования, 1613–1913. Последние дни последнего царя : уничтожение династии Романовых. М., 1991. С. 85.

⁹⁷⁶ Трубецкой С. Е. Минувшее // Россия воспрянет : князья Трубецкие / сост. А. В. Трубецкой. М., 1996. С. 167.

общественных торжеств, во время которых власть совершала символическое «схождение» в народ.

Наиболее масштабные церемониальные зрелища происходили во время коронации Николая II и Александры Федоровны в мае 1896 г. и празднования 300-летия дома Романовых в 1913 г., которые предусматривали наряду с торжествами в Москве и Петербурге турне царствующей четы по древнерусским городам. Участниками праздничного действия, призванного символизировать единство династии и народа, становились не только представители элиты. Фактически все слои населения в той или иной степени были представлены в ритуалах последнего царствования. Все торжества вписывались в исторический имперский контекст, их стиль, риторика и символическое наполнение призваны были демонстрировать единение династии и народа.

Во время путешествия Николая II и Александры Федоровны по волжским городам в 1913 г. в списках «особ и лиц, встречающих Их Императорские Величества» наряду с местными губернскими и уездными представителями чиновничества и дворянства, обязательно вводилась квота – по два крестьянина от каждого уезда и отдельно «хуторяне и отрубники» (по одному от деревни или села). В Костроме предусматривалось, что депутация от крестьян Шунгенской волости поднесет царю хлеб-соль. В обязательном порядке государю должны были представляться делегации от мусульманских обществ, еврейских общин, старообрядцев, инославного духовенства, фабрично-заводских рабочих⁹⁷⁷.

Народный масштаб торжеств соответствовал тому представлению о началах самодержавия, которое сформировалось у Николая II. Приближенный к нему генерал А.А. Мосолов в своих воспоминаниях пытался объяснить логику решительного поворота к общественным ритуалам с народом. Отдельную главу мемуаров он назвал «средостение» и так определял это понятие, весьма распространенное в политических кругах начала XX в.: «Средостение – это бюрократия и интеллигенция, другими словами – люди, достигнувшие целей и стремившиеся их сменить. Это два врага, солидарные в стремлении умалить престиж царя. Эти две силы построили вокруг царя истинную стену, настоящую тюрьму. Стена эта препятствовала императору обратиться непосредственно к своему народу, сказать ему как равный равному, сколь он его любит. Та же стена мешала искренним верноподданым государя (включая и молодежь, которую пропаганда еще не успела развратить) сказать царю, сколь есть им подобных, простых, благодарных и

⁹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 826 (Джунковский В. Ф.). Оп. 1. Д. 161. Л. 5–26 об. (Письма министра внутренних дел, владимирского губернатора и других лиц Джунковскому В. Ф. и другие материалы о подготовке празднования 300-летия дома Романовых. 1 апреля 1910 – около 13 мая 1913 г.).

привязанных к нему людей (...) Весь народ верит в него. Чувства эти стали бы беспредельными, если бы не средостение, мешающее Его Величеству полностью осуществлять свой долг»⁹⁷⁸.

Это логика человека, искренне преданного престолу и ежедневно имевшего личное общение с монархом и его семьей, их объединяло общее представление о безусловном, инстинктивном монархизме. Речь шла о беспредельном чувстве благодарности и привязанности простого народа к своему государю. Обращает внимание поговорка А.А. Мосолова – царь и народ хотят объясниться друг другу в любви «как равный равному» – совершенно новая интонация в трактовке самодержавия. Постановка этих образов в один смысловой ряд, без сомнения, подразумевала идеальный, лишенный внутренних противоречий образ народа, проникнутого верноподданными чувствами. Концепт «чужого» воспринимается в качестве опасной, агрессивной силы, но что самое главное – вне «народа».

Образ «стены» (отсюда и этимология понятия «средостения»), которая мешает осуществиться единению народа и царя, включала в себя не только высшую бюрократию. «Средостение» выходило за границы придворного мира и пространства власти. Это понятие использовалось А.А. Мосоловым для того, чтобы объяснить причину падения царского авторитета. По его логике, самодержавная власть идеальна и необходима народу, но виноват враг, выросший из среды образованного общества, стремившийся поколебать веру в царя. Враг, не дававший царю напрямую общаться с народом. Возможно, в этом объяснении кроется причина, по которой Николай II стремился по-своему преодолеть средостение, демонстрируя свою близость к народу, не доверяя посредникам, отдавая предпочтение людям, по его мнению, не испорченным образованным обществом. Но царь, как известно, не был ни с кем откровенен. Ближайшее окружение пересказывало его слова или отрывочные мысли.

Казусов в последнее царствование, которые нарушали прежний церемониал и изменяли смыслы презентаций имперской власти, было достаточно. Один из них случился во время празднования канонизации старца Серафима Саровского в Сарове в середине июля 1903 г. Там собралось помимо местных жителей до 150 тысяч человек. В последний день торжеств Николай II пешком со свитой направился к скиту святого и купальне, расположенной рядом с ним. Дорога, по которой он шел, была оцеплена войсками, поскольку с двух сторон напирала огромная восторженная толпа. Вдруг, не предупредив никого, царь свернул с пути и, пройдя цепь солдат, вошел в плотные ряды

⁹⁷⁸ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 174.

людей. Свита отстала. За ним смогли прорваться только А.А. Мосолов и тамбовский губернатор В.Ф. Лауниц.

«Его Величество двигался медленно, – пишет А.А. Мосолов, – повторяя толпе: “Посторонитесь, братцы”. Государя пропускали вперед, но толпа немедленно опять сгущалась за ним, только Лауниц да я удержались за царем. Пришлось идти все время медленнее, всем хотелось видеть и если можно, то коснуться своего монарха. Все более теснили нашу малую группу из трех человек, и наконец, мы совсем остановились. Мужики стали размахивать руками и кричать: “Не напирайте!” Опять продвинулись вперед на несколько шагов. Я предложил встать на наши с Лауницем скрещенные руки, тогда его будет видно издали, – царь не согласился. В это время толпа навалилась спереди, и он невольно сел на наши руки. Затем мы его подняли на плечи. Народ увидел царя, и раздалось громовое “ура”»⁹⁷⁹.

Насколько был опасен этот душевный порыв императора стало ясно сразу после того, как он, благополучно преодолев толпу, вернулся по деревянному помосту в монастырь. Но доски не выдержали ринувшуюся за ним толпу, и помост с грохотом провалился, увлекая за собой людей. Царская свита была смята толпой. Министр двора граф Фредерикс вернулся весь окровавленный, с разбитым лицом и в разорванном мундире.

Опыт сближения с народом, грозивший стать второй Ходынкой, никак не соответствовал канону императорских массовых шествий. Но этот иррациональный поступок проливает отчасти свет на склад характера Николая II. Личная мотивация в получении доказательств народной любви была очень высока, это отмечают многие знавшие его. «Отцовская» проекция любви к «боголюбивому народу», ощущение себя его поводырем, и главное – отсутствие страха перед народной стихией или демонстрация его отсутствия.

Особое место в политической культуре пореформенной России заняли воспоминания о Крымской войне, которые в 1870-е гг. вспыхнули с новой силой. Возникла даже своеобразная интеллектуальная мода на сюжеты, связанные с событиями двадцатилетней давности. Крупные общественно-политические журналы, как на подбор, открывали серии публикаций военных мемуаров⁹⁸⁰. Началось издание документальных материалов⁹⁸¹, стали появляться первые научные труды по истории Крымской войны⁹⁸².

⁹⁷⁹ Там же. С. 179–180.

⁹⁸⁰ В качестве примеров можно отметить такие публикации: *Дондуков-Корсаков А. М.* Воспоминания о кампании 1855 г. в Азиатской Турции (с картами в тексте) // *Кавказский сборник.* Тифлис, 1876. Т. 1. С. 289–368 ; *Давыдов В. Д.* Из памятных заметок В. Д. Давыдова // *Русский*

Севастополь стал магнитом, притягивавшим путешественников не только из России, но и Европы. Люди приезжали сюда в поисках могил своих близких, другие – от любопытства или художественного интереса, за впечатлениями от военных развалин, многие – по патриотическим мотивам, поклониться священным могилам.

...«Вот и Севастополь, многострадальный мученик земли русской! Пади ниц пред ним, путешественник, место бо сие свято есть – как справедливо выразился известный оратор архиепископ Херсонский Иннокентий!»⁹⁸³. Такими словами начинался один из путеводителей по Севастополю 1874 г. Целое десятилетие после Крымской войны город лежал в руинах. Население ютилось между развалин. Знаменитый на всю Россию Малахов курган был усеян могилами, вздыблен буграми глины.

В 1873 г. градоначальником был назначен герой Крымской войны П.А. Перелешин. Во многом благодаря его стараниям, на месте бывших бастионов и мест сражений стал возводиться монументальный комплекс, была проложена железная дорога. В память о героической обороне были сооружены музей и храм Святого Владимира. В музее были представлены коллекции военных планов, карт, рисунков и сочинений о Крымской войне. Снаружи его окружали свидетельства осады - орудия, якоря, осколки бомб. На фронтоне было выведено число «349» - количество дней обороны Севастополя.

Общественный комитет музея опубликовал пять выпусков с воспоминаниями участников и перечнями экспонатов. Особый интерес представляли приложения, в которых была представлена галерея героев севастопольской обороны⁹⁸⁴. В каждом выпуске (за исключением пятого) было указано по четыре имени, из них первое обязательно принадлежало представителям Дома Романовых. Таким путем утверждалось единство династии с народом в служении Отечеству.

Начиная с середины 1880-х гг., кладбища русских и иностранных солдат были приведены в порядок. На братском, французском, английской, итальянском кладбищах

архив. 1871. Год 9-й. № 4–5. С. 948–964 ; № 6. С. 289–298 ; Из походных воспоминаний о Крымской войне // Там же. 1870. Год 8-й. № 11. С. 2044–2069 ; *Гейрот А. Ф.* Описание Восточной войны, 1853–1856 гг. СПб., 1872. 544 с.

⁹⁸¹ Князь А. С. Меншиков. 1853–1854. Донесения и письма. Сообщения А. Д. Крылова // Русская старина. 1873. Т. 7. Июнь. С. 843–854.

⁹⁸² *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 гг. Изд. 2-е, испр. СПб., 1877. Т. 1–4. Работа вызвала дискуссии. См., к примеру: *Дубровин Н. Ф.* Восточная война 1853–1856 гг. : обзор событий по поводу соч. М. И. Богдановича. СПб., 1878. 506 с.

⁹⁸³ Севастополь. До Крымской войны и после оной : историческое описание. М., 1874. С. 3.

⁹⁸⁴ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / под ред. Н. Дубровина. СПб., 1871–1874. Вып. 1–5.

были установлены надгробия, кресты и часовни. Все места погребений содержались с большой заботой⁹⁸⁵.

Сборник под названием «Рукописи, представленные Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику севастопольцами о Севастопольской обороне: Для солдат и народа» был опубликован в журнале «Досуг и дело»⁹⁸⁶. Это ежемесячное издание было предназначено для распространения в земствах, училищах и школах. Там публиковались статьи духовного, религиозного содержания, сведения о природе, анатомии человека, а также материалы «об условиях народного быта, способствующих к искоренению господствующих в народе предрассудков, вредящих здоровью и сохранению жизни».

В особом разделе печатались рассказы из русской истории и «описание доблестных подвигов русского народа». Этот проект был частью «народной политики» государства. Власть пыталась перехватить инициативу у радикальных агитаторов, призывавших к протестам и нигилизму. В бесплатных сборниках закладывались основы патриотического воспитания.

С последней четверти XIX в. денежные пособия и льготы участникам Крымской войны несколько раз увеличивались, их потомкам были выделены государственные стипендии на обучение. В поддержку ветеранов и инвалидов Крымской войны организовывались специальные отделы при крупных промышленных выставках, которые собирали в их пользу значительные пожертвования. К началу XX в. бывшие солдаты и офицеры, как участники сражений, имели признанный социальный статус⁹⁸⁷. Неудивительно, что сами ветераны и их потомки стремились зафиксировать личный вклад в героический эпос Крымской войны.

В мае 1886 г. Александр III посетил Севастополь, где подписал приказ о возрождении черноморского флота: «Прошло тридцать с лишком лет как Черноморский флот, свершив славные подвиги, принес себя в жертву для блага России и перенесся духом на памятные холмы Севастополя. Ныне флот этот возникает вновь на радость скорбевшего о нем Отечества. Воля и помыслы Мои направлены к мирному развитию народного благоденствия; но обстоятельства могут затруднить исполнение моих желаний и вынудить меня на вооруженную защиту Государственного достоинства. Вы будете

⁹⁸⁵ Парский Д. П. Памятники Севастопольской обороны. Одесса, 1901. С. 70.

⁹⁸⁶ Рукописи, представленные его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу севастопольцами о Севастопольской обороне. СПб., 1873–1874. Кн. 1–3 (репринт: Москва : Воениздат, 1998. 476 с.).

⁹⁸⁷ Аврамов Н. Н. Памятка ветерана севастопольца и его потомков. СПб., 1907. 143 с.

стоять за него со Мною с преданностью и дивившею современников стойкостью, выказанными по зову Деда моего вашими предшественниками. На водах, свидетелях их доблестей, вверяю Вам охрану чести и спокойствия России»⁹⁸⁸.

В Севастополе и Николаеве были спущены первые корабли новейшей конструкции, как писали тогда газеты, первенцы обороны русского парового флота. Тогда же был открыт и первый док черноморского флота. Севастополь вновь обретал статус ключевого форпоста России в Черном море. В память обороны Севастополя Александр III утвердил медаль на георгиевской ленте. На одной ее стороне был изображен профиль Николая I, на другой – его собственный. Тем самым подчеркивалась неразрывная связь между подвигом в прошлом и возрождением в настоящем.

Масштабная монументализация севастопольского пространства была продолжена в царствование Николая II. 5 октября 1895 г. на Малаховом кургане в память о первой бомбардировке Севастополя был открыт памятник адмиралу Корнилову недалеко от места его гибели. На постаменте была выбита надпись - «во исполнение воли Государя императора Николая I», а также последние слова адмирала: «Скажите всем как приятно умирать с чистой совестью. Благослови, Господи, Государя, Россию, спаси Севастополь и флот». В этой лаконичной фразе были отражены все основные коды государственного патриотизма – Вера, Власть, Отечество. Севастополь и черноморский флот были органично вписаны в этот сакральный ряд.

В августе 1898 г. Николай II посетил Севастополь и Черноморский флот. В Высочайшем рескрипте от 25 августа 1898 г. император отмечал: «Ныне я снова провел четыре дня среди возрожденного Черноморского флота, произвел смотр судам и посетил учреждения Севастопольского порта. Все найдено мною в отличном порядке и грозной готовности. Радуюсь достигнутым результатам, ибо в сильном флоте, собранном ныне в Севастополе, вижу прочный залог к дальнейшему спокойному и мирному развитию всей России». Особо было подчеркнута, что «молодой черноморский флот поддерживает во всем славные традиции своих предшественников, героев Синопа и Севастопольских бастионов, и тем оправдывает возлагаемое на этот флот доверие». По распоряжению Николая II, торжественно были открыты памятники вице- адмиралу Нахимову, инженеру Тотлебену, Хрулеву. Расширена экспозиция Музея Севастопольской обороны⁹⁸⁹.

⁹⁸⁸ Цит. по: Приказ Черноморскому флоту (6-го мая 1886) // *Парский Д. П.* Указ. соч. С. 7.

⁹⁸⁹ *Парский Д. П.* Указ. соч. ; Панорама Севастопольской обороны : штурм 6 июня 1855 г. Севастополь, 1907. 36 с. ; Каталог Музея Севастопольской обороны с кратким описанием Малахова кургана, памятника вице-адмиралу Корнилову... / сост. А. П. Литвинов. Севастополь, 1897. 82 с. ; Исторический каталог Музея Севастопольской обороны. 3-е изд., испр. и доп. к 1

Севастополь должен стал пантеоном доблести русского оружия. Как писал полковник Генерального штаба Д. Парский в 1901 г., план исторической реконструкции и монументализации Севастополя вызывал в среде высшей военной и политической элиты «оживленный обмен мнениями»⁹⁹⁰. В Генеральном штабе разрабатывался план «организации посещений войсковыми частями исторических мест» и изданий для офицеров описаний военно-исторических памятников Севастополя. Символизм смерти за отечество и служения нации, культ героев и мучеников, воинское братство, скрепленное кровью и оружием – все эти компоненты дискурса Священной войны органично впитывались в историческую память общества.

Но не все новые символы и ритуалы были восприняты при императорском дворе. В 1905 г. во время созыва первой Государственной Думы, император задумал пригласить депутатов на торжественный прием в Зимний дворец, чтобы произнести тронную речь. Поскольку опыта подобных церемониалов у петербургского двора не было, обер-церемониймейстер граф В.А. Гендриков создал специальную комиссию по разработке нового ритуала, используя практику европейских конституционных монархий. А.А. Мосолов вспоминал: «Он, помню сильно и явно нервничал: боялся, что депутаты – чуждый двору и дворцовым обычаям элемент – не сумеют стоять в том порядке, который им будет предъказан»⁹⁹¹. Мелом были расчерчены линии в Тронном зале, где предстояло выстроиться народным избранникам перед тронном императора.

В день приема перед депутатами прошествовала торжественная процессия: впереди императора государственные чины несли символы власти – знамя, печать, скипетр, державу и корону. Их сопровождали дворцовые гренадеры в полной парадной форме и высоких медвежьих шапках. В зале справа были размещены депутаты, слева – члены Государственного Совета, высшие чины двора и министры. Царская семья остановилась посередине зала, символизируя свое высшее положение в государстве.

После молебна императрица и члены царской семьи прошли к возвышению с левой стороны от трона. Император приблизился к трону. Депутаты оставались стоять перед ним. Это положение было особо выделено в церемонии и подчеркивало исключительное положение монарха. После вручения тронной речи, Николай стоя огласил ее, затем спустился со ступенек трона. Выход последовал в том же порядке, но без выноса регалий.

октября 1910 г. СПб., 1911. 188 с. ; То же. 4-е изд., испр. и доп. к 1 ноябрю 1913 г. СПб., 1914. 186 с.

⁹⁹⁰ Парский Д. П. Указ. соч. С. 10–11.

⁹⁹¹ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 190.

Никаких приветственных адресов, никакого диалога в пространстве власти не подразумевалось. Депутаты отправились в Таврический дворец на первое свое заседание.

Эта помпезная церемония, призванная произвести эффект «схождения» власти к народу, вызвала взаимное раздражение обеих сторон. Депутаты, одетые в скромные гражданские мундиры, серые фраки, крестьянскую одежду, были подавлены расшитыми золотом мундирами, пышными, сверкающими драгоценностями, дамскими туалетами, и главное – той высокомерно учтивой атмосферой высшего света, которая еще более отдаляла от них монарха. Министр двора граф Фредерикс после завершения официальной церемонии открыто высказывал мнение, что «эти депутаты скорее похожи на стаю преступников, ожидающих сигнала, чтобы зарезать всех, сидящих на правительственной скамье. Какие скверные физиономии! Ноги моей больше не будет в Думе»⁹⁹². Больше император не ставил подобных экспериментов, не пытался объединить высший свет с депутатским корпусом. Ритуал, характерный для конституционных монархий, спровоцировал внутреннее отторжение двух миров, враждебно настроенных друг к другу.

Таким образом, с 1870-х гг. стала формироваться новая система общегосударственных ценностей, в которой особо внимание было уделено историческим истокам Российского государства и поиску общей формулы гражданской лояльности династии Романовых. Политический сценарий разрабатывался в расчете, что династия сможет возглавить и регулировать процессы формирования российской нации, не допустить «средостение» в святая святых – коллективном сознании подданных. А. Боханов в исторической биографии Николая II определяет режим последнего царствования как «монархический авторитаризм». По мнению исследователя, на рубеже XIX - XX столетий его исторические возможности иссякали. Социальная динамика общества и неизбежная радикализация общественных умонастроений требовала «быстрых, оперативных решений, развития полицентризма и инициативы снизу. А это вступало в принципиальное противоречие со сложившейся практикой, возможностями самодержавной системы, жизнестойкостью империи»⁹⁹³.

Последний император следовал тем ценностным ориентирам, которые были разработаны в период царствования его отца Александра III. Освоение идеального образа «народного самодержавия» осуществлялось при помощи разнообразных инструментов государственной пропаганды – монументального строительства, верноподданной литературы для народа, государственной символики, в которую обязательно включались

⁹⁹² Там же. С. 182.

⁹⁹³ Боханов А. Н. Император Николай II. М., 2001. С. 150, 148.

портреты царствующей четы, общенародных празднеств, сопровождавшихся, как правило, высочайшими выходами династии. Но желаемый эффект так и не был достигнут.

Династия Романовых использовала культурные коды доиндустриального общества. Воспроизводился один и тот же образ монарха – поводыря, любящего отца недостаточно разумного народа, воспитателя и цензора народных пристрастий. Отсюда неприятие любых подросших сил общества, претендовавших на роль выразителей народных чаяний и нежелание идти на диалог с ними. Династический миф последнего царствования создавался в условиях духовной конкуренции с интеллектуалами из либеральной среды. Жесткое разграничение на «своих» – верноподданных и «чужих» – «средостение», ригоризм политической пропаганды снижал политический престиж престола.

5.3. Славянские дискурсы в политической мысли России.

Россия, как никакая другая европейская держава, имела стратегические цели на Юго-Востоке Европы и Балканах еще со времен Екатерины Великой. Пик общественного и дипломатического интереса пришелся на вторую половину XIX- начало XX вв. Славянская тема оказалась одной из наиболее увлекательных, поскольку вбирала в себя внутренние и внешнеполитические мотивы и прочно вошла в коллективное сознание российского общества. Она стала одной из красных линий размежевания консерваторов и либералов. Критические рефлексии с обеих сторон отражали разные грани процесса формирования новой коллективной идентичности. Попробуем выделить и сравнить наиболее крупные славянские проекты, отраженные в историсофских трудах, общеславянских периодических изданиях, публичных дискуссиях и выступлениях лидеров общественного мнения в России.

В отечественной историографии сложилась устойчивая тенденция рассматривать славянский и восточный вопросы в контексте социальных и политических трансформаций российского общества⁹⁹⁴. В современных исследованиях глубоко изучены внутренние коммуникации и ценностные установки различных групп населения, их взаимодействие с властью и стереотипные установки. В трудах Ю.А. Петрова проанализирована эволюция предпринимательского класса на примере знаменитой династии Рябушинских и других купеческих фамилий Москвы. Молодое поколение буржуазии, мощно заявившее о своих экономических и политических интересах в конце XIX – начале XX вв., было увлечено

⁹⁹⁴ Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. 205 с. ; Хевролина В. М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. М., 1986. 246 с. ; Ее же. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М., 1999. 315 с.

геополитическим проектом Великой России, поддерживало активную балканскую политику и славянское движение⁹⁹⁵.

Особый интерес вызывают труды, посвященные эволюции консервативной и либеральной мысли России. В фундаментальных исследованиях В.Я. Гросула и В.В. Шелохаева показано, как в острых дебатах рождались новые идеи, а рецепции европейской мысли переосмысливались на русской почве⁹⁹⁶. Кадетская партия во главе с П.Н. Милюковым создавала свой либеральный проект внешней политики России, ориентируясь на союз с Великобританией и Францией⁹⁹⁷. Если российский либерализм, во многом имитационный, подверженный сильному влиянию западных либералов, достаточно глубоко исследован отечественными историками, то вокруг темы российского консерватизма до сих пор сохраняются расхождения. Кого относить к правым и умеренным консерваторам? Как трактовать «охранительство» и его эволюцию в конце XIX- начале XX вв.? Эти вопросы сохраняют актуальность в современных исторических исследованиях.

В трудах Е.Г. Костриковой собран значительный круг источников, на основе которого проанализированы подходы к славянскому вопросу со стороны политических партий и лидеров общественного мнения⁹⁹⁸. Особое внимание Е.Г. Кострикова уделяет российским газетам и журналам, на страницах которых обсуждались судьбы славянства. Автор доказывает, что кульминация общественного интереса в начале XX в. была вызвана «необходимостью защитить южные границы, обеспечить условия для экономического развития Юга страны», «требовала выхода к Черному морю, а затем к Средиземноморью»⁹⁹⁹. Осознание элитой и предпринимательскими группами российского общества прагматичных торгово-экономических и военно-стратегических задач в балканском регионе стало «мотором» славянской политики России.

5.3.1. Имперский панславизм в консервативной среде

Эпоха модерна напоминала гигантский плавильный котел, в котором выплавлялись новые формы государственных и межнациональных коммуникаций. Европейские нации

⁹⁹⁵ Династия Рябушинских / авт. текста и сост. Ю. А. Петров. М., 1997. С. 60–82 ; *Петров Ю. А.* Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика. М., 2002. 436 с.

⁹⁹⁶ *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII – XIX вв. : традиции и новации. М., 2003. 517 с. ; *Шелохаев В. В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996. 277 с. ; *Его же.* Политические партии России начала XX в. в свете новых источников // Европейский альманах, 2003 / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2004. С. 33–42.

⁹⁹⁷ *Воронкова И. Е.* Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М., 2010. 366 с.

⁹⁹⁸ *Кострикова Е. Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос. М., 2017. 380 с.

⁹⁹⁹ Там же. С. 340.

проходили через соблазны расширения своего жизненного пространства. Эти идеи возникали в эпоху глобальных макроэкономических, геополитических и культурных сдвигов. Индустриальные державы стремились максимально расширять сферы влияния, а система международных отношений уже не могла эффективно сдерживать их амбиции. Балансы сил разрушались не только на европейском континенте, но и на всем колониальном пространстве. Возникали британские, французские, североамериканские, германские варианты геополитической экспансии. Европейские общества были увлечены расовыми теориями и проектировали пространство «своего мира» далеко за пределами собственных государственных границ¹⁰⁰⁰.

Российский панславизм не был исключением и соответствовал веяниям эпохи империализма. Совокупность идей, которые в историографии определяются как «имперский панславизм», по своей сути представляла одну из разновидностей политического консерватизма. В один узел были крепко завязаны идеи о мировом величии России, убежденность в исконной враждебности Запада, утопическое представление, что все зарубежные славяне любят Россию и жаждут с ее помощью освободиться от своих «оков». Не одно поколение интеллектуалов, политиков, офицеров и аристократов в России было вовлечено в круг этой консервативной утопии. Несмотря на зримые свидетельства «национального эгоизма» со стороны зарубежных славян, которые не скрывали устремления проводить собственную политику и менять ориентиры в зависимости от текущих интересов то на Петербург, то на Вену или Берлин, то на Париж или Лондон.

Тем не менее, значительная часть образованного русского общества продолжала искренне или по инерции верить в великую славянскую миссию России и приветствовать любые проявления солидарности с «угнетенными и единоверными братьями-славянами». Изучать это явление необходимо не только для того, чтобы делать выводы о его роли во внутренней и внешней политике России, но и для осмысления сложного процесса самопознания российского общества, попыток его самоопределения в общей европейской системе.

Как уже отмечалось кредо имперского панславизма четко и лаконично выразил Федор Тютчев - «Империя едина: Православная церковь - ее душа, славянское племя – ее тело. Если бы Россия не пришла к империи, то она зачахла бы»¹⁰⁰¹. В среде консервативно настроенных интеллектуалов росло стремление оградить «исконные ценности» от разлагающего влияния Запада и распространить их на весь славянский мир. Но доктрина

¹⁰⁰⁰ *Kroll F.-L. Industrialisierung und Imperialismus // Chronik des 19. Jahrhunderts / I. Geiss (Hg.). Gütersloh, 1997. S. 575–577 ; Porter A. European imperialism, 1860–1914. Houndmills ; New York, 1994. P. 69–77.*

¹⁰⁰¹ Литературное наследство. М., 1988. Т. 97, кн. 1. С. 205–209.

имперского панславизма так и не воплотилась в целостное учение. Уже в 1860-70-е гг. она распадалась на разные версии. Одни ее сторонники из числа ученых-славистов были ориентированы на идею русского языка как общеславянского (Н.А. Попов, А.Ф. Гильфердинг)¹⁰⁰², другие во главу угла ставили идею Православия как общего для всех славян религиозного начала (В.И. Ламанский, И.С. Аксаков)¹⁰⁰³. Мысли об объединении всех славянских движений под эгидой России находили отражение в публицистике И.С. Аксакова, А.А. Краевского, М.П. Погодина, М.Н. Каткова.

Но несмотря на фрагментацию идей имперского панславизма в среде его адептов, все же были попытки отдельных мыслителей создать системное историософское учение. Наиболее успешным стало сочинение Николая Яковлевича Данилевского (1822-1885) «Россия и Европа». Он начал работу над рукописью еще осенью 1865 г. Через три года Данилевский пытался разместить ее в каком-нибудь петербургском журнале, надеясь, что успех Славянского съезда в России привлечет внимание издателей и к его сочинению. Но напрасно. Только благодаря поддержке Н. Страхова удалось напечатать в новом журнале В.В. Кашпирева «Заря» отдельными разделами в каждом номере. Публикация не вызвала большого интереса. Только в 1870 г. Н.Я. Данилевский смог издать отдельную книгу «Россия и Европа» тиражом 1200 экземпляров, которые очень медленно расходились, несмотря на общественный интерес к славянской теме. Уже после смерти Н.Я. Данилевского в 1888 г. новое издание в 1000 экземпляров разошлось мгновенно, вызвав жаркие дискуссии. «Россия и Европа» была переиздана 5 раз и стала одним из наиболее значимых и своеобразных сочинений своего времени.

Данилевский смог вписать панславизм в контекст всемирной истории. Осью рассуждений стала идея культурно-исторических типов, схожая с теорией немецкого ученого Генриха Рюккерта, в соответствии с которой жизнедеятельность государств и макросообществ подчинена, как и вся природа, биологическим законам. Периоды «роста» и «цветения» сменяются «затуханием». Данилевский рассматривал шесть

¹⁰⁰² Гильфердинг А. Ф. Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб., 1871. 18, СХХIX с. ; *Его же*. Славянские народы в Австрии и Турции // Собрание сочинений А. Гильфердинга. СПб., 1868. Т. 2. С. 3–15 ; *Его же*. О Кирилле и Мефодии // Там же. Т. 1. С. 299–340 ; *Его же*. Статьи по современным вопросам славянским // Там же. Т. 2. 494 с. ; Попов Н. А. Австрийская публицистика перед введением дуализма (1855–1866). Киев, 1878. 51 с. ; *Его же*. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. СПб., 1871. Вып. 1. 140 с.

¹⁰⁰³ Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. 316 с. ; *Его же*. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892. 132 с. ; *Его же*. Чтения о славянской истории в С.-Петербургском университете. Чтение 1. Изучение славянства и русское народное самосознание. СПб., 1867. 38 с. ; Аксаков И. С. Сочинения И. С. Аксакова, 1860–1886. М., 1886–1887. Т. 4–5 ; *Его же*. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. 327 с. ; *Его же*. Погодин (некролог) // Православное обозрение. 1876. № 2. С. 393–397.

цивилизационных типов, для которых была характерна подобная динамика. «Славянство» он определял как седьмой культурно-исторический тип, принадлежащий к арийскому семейству. В трактовке Данилевского «Западная Европа находится в апогее своего цивилизационного величия», за которым должен последовать неизбежный упадок¹⁰⁰⁴. Будущее принадлежит, по его мнению, славянскому типу во главе с Россией.

Неудивительно, что Восточному вопросу – «самому грандиозному событию нового времени» было отведено в книге Н.Я. Данилевского особое место. Решение Восточного вопроса, т.е. освобождение балканских славян от власти Османской империи, виделось ему в создании Славянской федерации «от Адриатического моря до Тихого океана, от Ледовитого океана до Архипелага», охватывающей 125 млн чел. Этот Союз «под водительством и гегемонией цельного и единого Русского государства» представлял бы собой «особую самостоятельную политическую систему государств, служа противовесом Европы, всей ее общности и целостности»¹⁰⁰⁵. Центром федерации должен был стать Константинополь (этому сюжету посвящена отдельная глава под названием «Царь-град»), являвшийся «целью стремлений русского народа с самой зари его государственности, идеал просвещения, славы, роскоши и величия для наших предков, центр Православия, яблоко раздора между нами и Европой»¹⁰⁰⁶.

Он предсказывал большую войну России и Европы, в результате которой будет создана Славянская федерация, в которую войдут «все славянские народы, ставшие на искренний прямой призыв России»¹⁰⁰⁷. Данилевский видел три мощных центра геополитического влияния в мире – Европу, Славянскую федерацию и Северную Америку.

Идея мирового величия России через разрешение Восточного и Славянского вопросов была выражена и в сочинении Ростислав Андреевича Фадеева (1824-1883), военного, служившего на Кавказе и в Средней Азии¹⁰⁰⁸. Фадеев был убежден, что «идея панславизма должна стать государственной идеей», только силой оружия Россия сможет усилить свое мировое влияние и создать наиболее благоприятные условия для собственного развития.

Оба сочинения перекликались друг с другом и были переведены на европейские языки. Они были использованы европейскими идеологами как доказательство, что в

¹⁰⁰⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1895. С. 174–182.

¹⁰⁰⁵ Там же. С. 437.

¹⁰⁰⁶ Там же. С. 418.

¹⁰⁰⁷ Там же. С. 510.

¹⁰⁰⁸ Фадеев Р. А. Мнение о восточном вопросе по поводу последних рецензий на "Вооруженные силы России". СПб., 1870. С. 83–84, 95–97.

недрах петербургских кабинетов зреет «панславистская угроза». Хотя оба автора писали свои труды в провинции, вдали от большой политики, тем не менее, смогли затронуть внутренние струны российского общества.

Русская философская мысль последней трети XIX в. осмысливала пути развития России, предощущая неизбежность эсхатологического кризиса. Дипломат и философ Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891) на глубинном личностном уровне воспринимал христианские ценности, лежащие в основе всей европейской культуры. Как большинство консерваторов, он разделял дихотомию Россия - Европа. Безудержный европейский прогресс представлялся ему губительной опасностью для мира. Миссия России, по его убеждению, заключалась в том, чтобы объединить христианский Восток и противопоставить «справедливую строгость» и приверженность своим основам – Православию, самодержавию и народности. О личности К.Н. Леонтьева и его историософских взглядах написаны многочисленные исследования. Особый интерес представляют работы, в которых анализируются его взгляды на славянство¹⁰⁰⁹.

В первое десятилетие XX в. поднялась новая волна публицистических и историософских сочинений, в которых развивались идеи имперского панславизма. В книге Е.Г. Костриковой «Геополитические интересы России и славянский вопрос» отдельная глава посвящена тому, как представители разных политических течений во второй половине XIX - начале XX вв. осмысливали «славянское призвание России». Автор с осторожностью употребляет понятие «панславизм», определяя его поборников, в соответствии с традицией советской историографии, как «наследников славянофильства». К ним она относит ученых-славистов В.И. Ламанского, П.А. Кулаковского, К.Я. Грота, председателя Петербургского славянского общества П.Д. Паренсова, Л.П. Лобов, активно писавший статьи в «Славянских Известиях», Н.П. Аксаков. По ее мнению, вокруг Петербургского славянского общества объединились «приверженцы старого славянофильства» – А.Ф. Гильфердинг, П.А. Кулаковский, И.С. Пальмов, А.П. Скугаревский. Из всех членов Совета общества только А.А. Башмакова исследователь называет «идеологом панславизма»¹⁰¹⁰. Подробно рассматривая их взгляды, автор приходит к выводу, что «большинство последователей славянофилов не были такими уж твердолобыми и постепенно корректировали свои воззрения», испытывая «бурный патриотический подъем» и «горькие разочарования»¹⁰¹¹. Полемика становилась еще более

¹⁰⁰⁹ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996. 798 с. ; Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. 235 с. ; Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры. М., 2001. 701 с.

¹⁰¹⁰ Кострикова Е. Г. Указ. соч. С. 71–73.

¹⁰¹¹ Там же. С. 76.

ожесточенной по мере разрастания кризиса на Балканах. Но аргументы поборников панславизма и его противников, в целом, не выходили за пределы прежних дискуссий пореформенного времени о дихотомии России – Европа, угрозе германизма, славянской миссии России и единстве славянского мира. Примером может быть дискуссия А.А. Башмакова и журналиста «Нового времени» М.О. Меньшикова¹⁰¹².

В исследовании Е.Г. Костриковой подробно проанализированы подходы российских интеллектуалов, поборников всеславянства – М.М. Бородкина, хорвата по происхождению К.Ю. Геруца, политического философа Н.П. Аксакова, либерала Л.З. Слонимского, ученого – слависта и публициста А.Л. Погодина, идеолога панславизма А.А. Башмакова, публициста М.О. Меньшикова, журналиста И.В. Каменского¹⁰¹³. Несмотря на широкий спектр политических взглядов, отраженных на страницах либерального журнала «Вестника Европы» и консервативного «Славянского века» в первое десятилетие XX в., их объединяло понимание будущего России в мировой истории. Можно выделить ряд общих положений:

- 1) В мире происходит многовековая борьба между германством и славянством за территории в Центральной Европе, на Балканах, Ближнем Востоке, в Центральной Азии.
- 2) «Роковой и гибельный» *Drang nach Osten* ведет к тотальной войне в Европе. Главным врагом России и славянства является пангерманизм, призывающий охватить земной шар своим господством. Австро-Венгрия уже поглощена пангерманизмом. На очереди – балканские славяне, затем последуют арабы в Палестине и далее.
- 3) Славянским народам необходимо остановить свой растущий национализм, которым легко манипулируют пангерманисты. Россия полезна славянам тем, что она уже существует. Германизация славян приведет к роковым последствиям для самой России. Национальный и славянский вопросы связаны воедино для России. Россия должна продвигать свое влияние на зарубежных славян через общественные проекты и правительственную политику. Противостоять современному пангерманизму возможно только создавая союз России со всеми славянскими народностями.
- 4) Геополитическое противостояние в Европе и резкое усиление Германии неизбежно ставит вопрос о тесном сближении России с Францией и Англией.

¹⁰¹² Там же. С. 85–86.

¹⁰¹³ Там же. С. 41–50.

Но самыми искренними союзниками России в ее грядущей борьбе с германизмом будут только 40 миллионов зарубежных славян.

Поборники всеславянства, особенно выходцы из среды зарубежных славянских народов, осевших в России, активно формировали миф об их безусловной преданности, нередко обвиняя российское общество, что оно «спит беспробудным сном и не потрудились даже разобраться в том, кто – друг, кто – враг государства?»¹⁰¹⁴. Подобные взгляды отражали растущее беспокойство частыми политическими кризисами на Балканах.

Русско-турецкие войны, балканская политика России, добровольческое и благотворительное движение в пользу «угнетаемых единоверных славянских братьев» только усиливали представление о зарубежных славянах (особенно балканских) как о составной части «государственного народа» Российской империи. Примечательно, что из понятия «славянства» исключались поляки, как «неправильные славяне», испорченные католицизмом и западной цивилизацией. В 1910 г. был издан мемориальный сборник публицистических статей журналиста и историсофа Николая Петровича Аксакова (1848-1909) «Всеславянство», в которых он рисовал картины «тысячелетней борьбы славян с немцами»¹⁰¹⁵. Грубым завоевателям германцам противопоставлялись «миролюбивые и мягкие, исторически

Одним из наиболее видных поборников имперского панславизма в начале XX в. выступал Дмитрий Николаевич Вергун (1871-1951). Его биография не является уникальной, но заслуживает отдельного исследования. Он принадлежал к горячим ревнителям славянской взаимности, убежденным в том, что славянским народам уготовано великое будущее. Выходец из Галиции, долго проживший в Вене, Д.Н. Вергун имел широчайшие связи с учеными -славистами из России, Чехии, Сербии, Хорватии, Словении, Болгарии. В его фонде хранится обширная переписка со славянскими деятелями, наброски и тексты статей и выступлений по славянским темам¹⁰¹⁶. Д.В. Вергун одинаково глубоко понимал мотивы славянских симпатий в России и среди зарубежных славян, критически относился к «национальному эгоизму» отдельных славянских деятелей, поскольку считал, что без мощного объединительного движения славяне могут быть поглощены немцами и потерять свою идентичность.

¹⁰¹⁴ Цит. по: *Кострикова Е. Г.* Указ. соч. С. 43 (статья К. Ю. Геруца в Санкт-Петербургских Ведомостях. 25 января 1905 г.).

¹⁰¹⁵ *Аксаков Н. П.* Всеславянство. М., 1910. С. 1–2.

¹⁰¹⁶ Ссылка на архив См. Серапионову – о Крамарже

Писатель и журналист, он преподавал право в Венском университете, где вел активную агитацию среди студентов за общеславянское объединение. За ним был установлен полицейский надзор. В своих статьях и книгах Д.В. Вергун выступал против пангерманизма, который с начала 1900-х гг. набирал силу в монархии Габсбургов и доказывал, какую непоправимую угрозу несет германство всему славянскому миру. Вергун по праву считался одним из наиболее убежденных и бескомпромиссных полемистов с пангерманскими изданиями¹⁰¹⁷. Австрийские официальные лица обвинили его в создании «агентурной сети панславизма» и осудили на тюремный срок с лишением права преподавания в учебных заведениях. После выхода на свободу Д.В. Вергун эмигрировал в Россию, где возглавил «Славянский отдел» в наиболее влиятельной либеральной газете «Новое время».

Он убеждал читателей, что России по праву принадлежат славянские земли Австро-Венгрии и Германии, которые она потеряла в результате столетних противостояний между германским и славянским мирами. Германский экспансионизм, по его мнению, простирается от Сирии и Палестины до Белоруссии, Малороссии и Балкан. Гуманитарные науки, бурно развивавшиеся в немецких университетах – от антропологии до геополитики, также служат целям пангерманизма и доказывают цивилизационное и расовое превосходство Германской империи. В качестве аргументов Д.В. Вергун приводил цитаты из трудов Л. Ранке, Т. Моммзена, Ф. Ратцеля, И. Патча и других¹⁰¹⁸.

«Горжествующее шествие пангерманизма» по миру, по мнению Д.В. Вергуна, может остановить только Россия, вокруг которой должны объединиться славяне, добровольно, на федеративной основе. Но «губительная беспечность» русских и зарубежных славян может стать главной угрозой перед надвигающимся роковым столкновением славянства и германства¹⁰¹⁹.

Главным выразителем идей панславизма для Д.В. Вергуна был Н.Я. Данилевский. На рубеже 1880-90-х гг. Россия могла иметь исторический шанс реализовать предначертания Данилевского, но политика Бисмарка создала систему сдержек российской мощи.

Особое место в его сочинениях занимал Восточный вопрос. По мере его обострения Д.В. Вергун все больше увлекался идеями, изложенными Н.Я. Данилевским, выступая с позиций имперского панславизма. Его сочинения не претендовали на

¹⁰¹⁷ Вергун Д. Н. Немецкий “Drang nach Osten” в цифрах и фактах. Вена, 1905. 66 с.

¹⁰¹⁸ Там же. С. 50–64.

¹⁰¹⁹ Там же. С. 64.

историческую глубину. Скорее отражали реакцию сторонников всеславянства в России на балканские кризисы.

Славянский миф, как таковой, имел этноцентрическую логически завершенную схему, обладал яркой эмоциональной образностью, построенной на контрастном восприятии: друзья славянства vs заклятые враги славянства. Представления о славянских братьях были широко распространены и отличались редкой устойчивостью. Особенно представления об имманентной природе славянского этноса и идее славянского мессианизма – славянские народы во главе с Россией призваны обновить (спасти) европейскую цивилизацию.

5.3.2. Либеральная критика имперского панславизма

Либеральные интеллектуальные круги восприняли сочинение Данилевского и его последователей как вызов. Волнами поднимались одна за другой дискуссии вокруг миссии России и славянского вопроса, которые, впрочем, еще больше разогревали интерес к имперскому панславизму.

Александр Николаевич Пыпин (1833-1905) был не только известным публицистом, который сотрудничал с демократическими изданиями («Современником» Чернышевского, «Вестником Европы» Стасюлевича), но и крупным ученым – славистом. Современники восхищались его богатейшей эрудицией, «идеально добросовестным отношением к делу», глубокой лингвистической образованностью и аналитическим складом ума¹⁰²⁰. Значительное влияние на его мировоззрение оказал двоюродный брат Н.Г. Чернышевский. Тексты А.Н. Пыпина, которые охотно публиковали ведущие либеральные журналы литературно-политической направленности, отражали взгляды на славянский вопрос той части российского образованного общества, которая выступала за развитие конституционализма и парламентаризма. Он обладал цельным гражданским и научным мировоззрением и был «типичным шестидесятником», преданным идее личной и общественной свободы¹⁰²¹.

Среди исследователей нет общего мнения относительно его научного наследия, в котором сочетался «дар монументальных конструкций» с «историческими памфлетами» и «деловыми сводами обширных исторических материалов»¹⁰²². Он действительно был

¹⁰²⁰ Глинский Б. Б. Александр Николаевич Пыпин : (материалы для биографии и характеристики) // Исторический вестник. 1905. Т. 99. Январь. С. 263–307.

¹⁰²¹ Веселовский А. Н. К характеристике А. Н. Пыпина : (отголоски юбилея) // Русские ведомости. 1903. № 94. С. 6.

¹⁰²² Пиксанов Н. К. Академик А. Н. Пыпин : к столетию со дня рождения // Вестник Академии наук СССР. 1933. № 4. С. 41–43 ; Аксенова Е. П. Славянская проблематика в статьях А. Н. Пыпина в «Современнике» // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной

страстным полемистом и выходил далеко за пределы академических дискуссий, когда разбирал сочинения представителей консервативной мысли. Будучи глубоко убежденным в том, что русские – «народ европейский, с положительными инстинктами европейского просвещения», он резко критиковал любые противопоставления России и Запада¹⁰²³. Исторический путь развития России он видел в просветительстве, приобщении к европейской культуре и последовательном совершенствовании интеллектуального развития общества и «низших социальных слоев»¹⁰²⁴.

Славянская проблематика в трудах А.Н. Пыпина занимала главное место - от древней истории до актуальных тем международной жизни. Со студенческих лет он был вовлечен в острые общественные дискуссии, считая, что невозможно разделить славянский и русский вопросы. Понятие «панславизм» стало для него ключевым в системе взглядов на славянство и Россию. В многочисленных историографических заметках, обзорах текущих событий, крупных монографиях (наиболее известные из них – «История славянских литератур», «Панславизм в прошлом и настоящем», «Русское славяноведение в XIX в.») он смог проанализировать процесс зарождения, становления и распространения панславизма. Уникальность его научного подхода состоит в комплексном изучении истории панславизма, попытке выявить все известные формы всеславянских рефлексий на основе изучения огромного массива публицистической, художественной и научной литературы. Особо стоит отметить, что А.Н. Пыпин применял широкое толкование термина «панславизм» как «всеславянство», что соответствовало стилистике того времени¹⁰²⁵. В самом явлении панславизма прослеживались, по его мнению, две тенденции: с одной стороны, источник «нравственной энергии ослабевшего и запуганного общества», с другой стороны – «заблуждения и предрассудки, которые вредят самым существенным его интересам, когда общество выше всего ставит свою исключительную национальность, и для нее забывает о других необходимых условиях своего нравственного существования»¹⁰²⁶ с особым пристрастием критиковал «российский

Европы / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1986. С. 64–65 ; *Озерянский А. С.* А. Н. Пыпин о славянофилах : (к постановке проблемы) // Там же. С. 72–80 ; *Павленко О. В.* Реконструкция панславизма в трудах А. Н. Пыпина // А. Н. Пыпин и проблемы славяноведения / отв. ред. М. Ю. Досталь. М., Ставрополь, 2005. С. 66–78.

¹⁰²³ *Пыпин А. Н.* Об историческом складе русской народности // Вестник Европы. 1884. Кн. 11. С. 289.

¹⁰²⁴ *Его же.* Московская старина // Вестник Европы. 1885. Кн. 2. С. 733.

¹⁰²⁵ Подробно см.: *Павленко О. В.* Реконструкция панславизма в трудах А. Н. Пыпина.

¹⁰²⁶ *Пыпин А. Н.* Возрождение и панславизм // *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 495.

вариант панславизма», называя его проявлением «квасного патриотизма» и «плодом крайней национальной гордости»¹⁰²⁷.

Для Пыпина это был видоизмененный вариант официальной доктрины «Православие – самодержавие – народность». В противовес имперскому панславизму он выдвигал идею «демократического панславизма», выросшего из «национально-образовательной солидарности» славянских народов при соблюдении политического и культурного суверенитета каждого из них. Ученый был убежден, что Россия не готова к осуществлению равноправных межславянских взаимоотношений – «нельзя быть другом славянства и ретроградом у себя дома»¹⁰²⁸.

В работах религиозного философа Владимира Сергеевича Соловьева (1853-1900) также поднимался вопрос о соотношении славянофильства и панславизма. Являясь противником славянофильской доктрины и критикуя ее за искажение истины христианских начал, Соловьев отчетливо разграничивал «истинное учение» от его «нынешних преемников». В отличие от Бердяева, предметом критического анализа Соловьева стала «ультрапатриотическая публицистика» М.Н. Каткова.

Соловьев выделял три фазы русского национализма: славянофилы – Катков – «современные обскуранты». Это соответствовало, в его изложении, трем ступеням восприятия собственного народа: сначала как «носителя вселенской правды», затем – «поклонение ему как стихийной силе» и, наконец, «поклонение тем национальным односторонностям историческим аномалиям, которые отделяют наш народ от образованного человечества»¹⁰²⁹. Сочинение Данилевского было отнесено Соловьевым к последней ступени – поклонению «народной дикости».

Соловьев ставил под сомнение вопрос об авторстве цивилизованной концепции Данилевского. По его мнению, это был плагиат работ немецкого мыслителя Г. Рюккерта, выдвигавшего идею культурно-исторических типов. Отличие состояло лишь в том, что Рюккерт основывался на равноправии культурно-исторических типов и их множественности в истории человечества, в то время как Данилевский доказывал, что именно русско-славянский тип является наиболее развитым и исторически перспективным.

В работах либерала Павла Николаевича Милюкова (1859-1943) – лидера партии кадетов панславизм рассматривался как крайнее проявление «охранительного» типа

¹⁰²⁷ Там же. С. 504, 510–513.

¹⁰²⁸ Пыпин А. Н. Будущность славянства : о современном положении взаимных отношениях славян западных и южных // Вестник Европы. 1877. Кн. 12. С. 828.

¹⁰²⁹ Соловьев В. С. Славянофильство и его вырождение // Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. СПб., 1891. Вып. 2. С. 97.

общественного сознания. Его возникновение он относил к 1860-м гг., когда Крымская война и польское восстание «сокрушили много русских либерализмов»¹⁰³⁰. Под славянофильством он понимал националистический протест против заимствований с Запада и философско-историческую теорию национальной самобытности, к которым относил также и панславистские симпатии¹⁰³¹. С этих позиций он подходил к труду Данилевского, полностью отрицая его научную и общественную ценность¹⁰³².

Хотя сам П.Н. Милюков критически относился к имперскому панславизму, но разделял идею Великой России. Сам он неоднократно выступал с трибуны Государственной Думы, призывая к более активной политике на Балканах, среди южных славян. Он обрушился с критикой внешней политики России из-за ее умеренности и склонности к поиску компромиссу с Австро-Венгрией в балканских делах. Будучи убежденным англофилом, П.Н. Милюков видел будущее России в союзе с Великобританией и восприятии опыта британского парламентаризма. Его интерес к славянскому вопросу усиливался по мере нарастания напряженности на Балканах¹⁰³³.

Философ Николай Александрович Бердяев (1874-1948) рассматривал проблему панславизма в контексте ментальности российского общества XIX в. Он не разделял мнения о прямой преемственности между славянофильством и «охранительным» панславизмом. Данилевский в его понимании – человек совершенно иной информации, чем московские славянофилы: «Идеи Данилевского были срывом в осознании русской идеи»¹⁰³⁴. Замечая, что «тема власти и об оправданности государства очень русская тема», Бердяев подчеркивал, что принципиальное отличие между славянофильством и панславизмом состоит в понимании сути власти и ее взаимосвязи с народом¹⁰³⁵.

Иной взгляд на историю панславизма был у историка Николая Ивановича Кареева (1850-1931). Под термином «панславизм» Кареев понимал «славянскую мечту», направленную «то на создание одного общеславянского языка, то на создание одного общеславянского царства». Кареев выделял также патриотические увлечения «национальной и вообще славянской стариной», оптимистические прогнозы относительно будущего «духовного объединения славянства» противоположность славянского и

¹⁰³⁰ Милюков П. Н. Разложение славянофильства // Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции : сборник статей и этюдов. СПб., 1902. С. 266–306.

¹⁰³¹ Милюков П. Н. Славянофильство // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауз, И. Эфрон. СПб., 1900. Т. 30. С. 307.

¹⁰³² Там же. С. 314.

¹⁰³³ Милюков П. Н. Балканский кризис и политика А. П. Извольского. СПб., 1910. С. 2–4.

¹⁰³⁴ Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 111.

¹⁰³⁵ Там же. № 2. С. 97.

германского миров с предпочтением к «своему, родному, призванному к высшей культуре»¹⁰³⁶.

Анализ этих дискуссий показывает, что в центре внимания их участников была не славянская тема как таковая, а пути развития России. Либеральные и консервативные подходы сталкивались вокруг понимания власти и общества, патриотизма и миссии России в мире. По сути, панславизм не имел определяющего значения в бурных спорах о российских ценностях. Скорее, он служил идеологическим стимулом, необходимым для того, чтобы вывести интеллектуальную борьбу на уровень вопросов политической морали. Это соответствовало глубинным потребностям того времени, стремлению понять, что должно составлять основу коллективной идентичности, духовности общества. В случае с имперским панславизмом можно констатировать, что эти дискуссии только усиливали дуализм либерального и консервативного подходов. Но одновременно они способствовали распространению славянолюбивых настроений в широких слоях русского общества. Консервативные и либеральные круги, борясь друг с другом, внедрили славянскую тему в российскую политическую мысль и общественное сознание.

5.4. Академическое славяноведение и общественный интерес к Австро-Венгрии в российском обществе

К концу XIX в. славяноведение уже преподавалось в университетах России, Австро-Венгрии, Болгарии, Сербии и др.¹⁰³⁷ Эта молодая дисциплина объединяла на междисциплинарной основе исторические, лингвистические, этнографические и культурологические исследования славянских народов и представляла собой уникальное явление в гуманитарных науках. Возникнув на стыке романтизма и научного интереса к общим этнокультурным корням, пройдя искушение политическим панславизмом в 1860-80-е гг., славяноведение, как научная дисциплина, к концу XIX в. достигло высоких научных достижений. Особенно в области сравнительного языкознания, славянской палеографии, сфрагистики и археологии¹⁰³⁸.

Научные школы славяноведения развивались в Московском, Санкт-Петербургском, Варшавском, Юрьевском, Киевском, Харьковском, Новороссийском и Казанском университетах. Историю и культуру славянских народов изучали при Русском

¹⁰³⁶ Кареев Н. И. Славянское возрождение, панславизм и мессианизм // Кареев Н. И. История западной Европы в новое время. 2-е изд. СПб., 1903. Т. 5. С. 405, 418–421.

¹⁰³⁷ Лантева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 10–11.

¹⁰³⁸ Достижения российского славяноведения, особенно в области средневековой истории и раннего Нового времени, рассмотрены в книге: Лантева Л. П. История западных и южных славян в освещении русской историографии XIX – XX вв. М., 2014. 527 с.

Археологическом институте в Константинополе, Отделении русского языка и словесности Российской Академии наук, в Славянской Комиссии при Императорском Археологическом обществе¹⁰³⁹. Однако, как подчеркивала знаток истории славяноведения Л.П. Лаптева, исторические исследования долго не могли выйти из круга славянофильских и панславистских интерпретаций. Только благодаря позитивистской методологии в 1870-80-е гг., в трудах русских славистов стали уходить на второй план рефлексии о «великом будущем славянского мира» и представления о безусловном русофильстве зарубежных славян. «Славянофильский подход» отражал скорее не методологический инструментарий, а личные убеждения ученых, их искреннюю веру в то, что зарубежные славяне должны держаться России, чтобы сохранить свою этнокультурную идентичность. Такие мнения доминировали в среде профессиональных славистов. Как заметила Л.П. Лаптева, славянофильский подход в отечественной славистике так и не был преодолен¹⁰⁴⁰.

Сам факт национальных движений в Австро-Венгрии вызывал среди российских интеллектуалов острые дискуссии о смыслах идентичности славянских народов. Объектами исследования выступали практически все славянские общности со своими пространственно-территориальными притязаниями и сознанием своей роли в Европе. Научно-теоретическое обоснование этих форм коллективной идентичности нашло отражение сначала в логическом позитивизме историко-филологических исследований, затем – в обобщающих общественно-политических трудах¹⁰⁴¹.

Параллельно с комплексным изучением славянства со второй половины XIX в. нарастал интерес к истории и современному положению Австро-Венгрии. Несмотря на резкие перепады в российско-австрийских дипломатических отношениях, интерес к соседнему государству постоянно подогревался как славянскими темами, так и волнами то притязаний, то отторжений, поднимавшимися между Петербургом и Венной. На русский язык ежегодно переводились основные статистические исследования монархии Габсбургов, особенно по военной статистике и финансам¹⁰⁴². Но наибольший интерес

¹⁰³⁹ Лаптева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. С. 71–783.

¹⁰⁴⁰ Там же. С. 9.

¹⁰⁴¹ Кочубинский А. А. Мы и они (1711–1878) : очерки истории и политики славян. Одесса, 1878. 246 с. ; Славянский вопрос в его современном значении : речи и статьи. СПб., 1913. 140 с. ; Славянский сборник. СПб., 1875–1877. Т. 1–3.

¹⁰⁴² Веселовский Г. Финансовое положение Австрийской империи // Журнал Министерства государственных имуществ. 1843. № 6. С. 285–316 ; Взгляд на новейшую статистику Австрийской империи // Исторический, статистический и географический журнал. 1828. Кн. 1. С. 123–124 ; Военная статистика Австрийской империи // Военный журнал. 1841. № 6. С. 21–140 ; Бушен А. Б. фон. Обзор административной статистики Австрии // Журнал Министерства внутренних дел. 1860. Ч. 44. Кн. 10. С. 19–68.

вызывала история российско-австрийских отношений. Можно выделить несколько тем, которые особенно интересовали образованную публику в России.

Во-первых, блистательный XVIII в., когда «немецкая политика» Екатерины II привела к тесному сближению Петербурга и Вены. До сих пор российские историки высоко оценивают труды П. Митрофанова, в которых подробно исследовалась внутренняя и внешняя политика Иосифа II, опыт соединения государственного прагматизма и идеализма, мотивы сближения с Россией¹⁰⁴³. Ученый доказывал, что союз двух империй позволял отстаивать общие интересы в Восточном вопросе, несмотря на различие подходов к роли Османского государства в европейской политике. По его мнению, благодаря поддержке Вены, Россия смогла занять достойное место в Европе, обеспечив себе статус великой державы. Не меньший интерес вызывала эволюция взаимоотношений двух империй в Священном Союзе и политика канцлера Меттерниха¹⁰⁴⁴.

Со второй половины XIX в. стали открываться дипломатические фонды императорских архивов. Были опубликованы договоры с иностранными державами, официальная корреспонденция и дипломатические донесения. Особую ценность представляло многотомное издание Ф.Ф. Мартенса, положившее начало системному изучению истории внешней политики России¹⁰⁴⁵. На основе этих документов С.С. Татищев, М.А. Таубе, В. Тимошук и др. написали труды о сложных взаимоотношениях между Венной и Петербургом¹⁰⁴⁶, показывая, что обе державы всегда могли найти

¹⁰⁴³ Митрофанов П. П. Материалы к истории Иосифа II // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 346. Март. Отд. II. С. 41–120; *Его же*. Оппозиция реформе Иосифа II в Венгрии. СПб., 1905. 35 с.; *Его же*. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги. (1780–1790). СПб., 1907. 784 с. Другие исследования: Грот Я. К. Император Иосиф II в России: донесения шведского посланника Нолькена // Русская старина. 1883. Т. 40. Ноябрь. С. 309–329; Сбоев Н. Император Иосиф II и его восточная политика. М., 1884. 97 с.; Трачевский А. С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780–1790 гг. СПб., 1877.

528 с.

¹⁰⁴⁴ Зотов В. Р. Записки Меттерниха // Исторический вестник. 1880. Т. 1. Февраль. С. 374–392; 1881. Т. 5. Май. С. 100–113; Июнь. С. 321–336; Раковский Х. Г. [псевдоним Инсаров]. Князь Меттерних. Его жизнь и политическая деятельность. СПб., 1905. 112 с.; Князь Меттерних и политика Австрии с 1805 по 1848 г. / К. Т. // Атений. 1859. Ч. 2. № 5. С. 85–102; № 6. С. 177–189; № 7.

С. 353–362; № 8. С. 538–564; Левин И. О. Восточная политика Меттерниха // Русская мысль. 1914. Кн. 7. Отд. 3. С. 37–40.

¹⁰⁴⁵ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874–1909. Т. 1–15. См. также: Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902. 206 с.

¹⁰⁴⁶ Татищев С. С. Император Николай I и австрийский двор // Исторический вестник. 1887. Т. 27. Январь. С. 82–109; Февраль. С. 364–401. См. также: Николай Михайлович (вел. князь). Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 годы. СПб., 1913. 477 с.; Серебренников В. Дипломатические переговоры относительно предполагавшегося брака великой княжны Ольги Николаевны с австрийским эрцгерцогом Стефаном (1839–1845 гг.) // Исторический вестник. 1917. Т. 148. Апрель. С. 78–114; Таубе М. А. Восточный вопрос и австро-русская

компромисс, когда дело касалось взаимных интересов. Тем не менее, в России не было создано фундаментальных трудов, охватывавших всю историю монархии Габсбургов. В целом, исследования, претендовавшие на обобщения, все же несли печать «разделенной» истории на «немцев/венгров» и «угнетенных славян»¹⁰⁴⁷.

Во-вторых, с конца XIX и особенно в начале XX вв. резко возросло количество изданий, посвященных военной истории Австро-Венгрии. Более того, для офицеров Академии Генерального штаба был разработан цикл лекций по истории австрийских побед и поражений, строительству армии и военным реформам¹⁰⁴⁸.

Третьей по степени значимости и количеству публикаций была история австрийского парламентаризма, развитие законодательной системы и страховой политики¹⁰⁴⁹.

Несмотря на критический подход к австрийской политике, в России с пристальным вниманием следили за опытом парламентаризма в условиях многосоставного государства. В исторических исследованиях рубежа XIX–XX вв. чувствовалась ностальгия по когда-то близкому, но потерянному союзнику, который, при всех дипломатических разногласиях сохранял свою особую привлекательность и интерес для российского общества.

Пожалуй, из всех славянских народов Австро-Венгрии наибольшие общественные симпатии и интерес во второй половине XIX – начале XX вв. вызывали русины.

политика в первой половине XIX столетия. Пг., 1916. 38 с.; *Тимошук В.* Александр I и польский вопрос на Венском конгрессе (по документам венской тайной полиции) // *Русская старина.* 1914. Т. 157. Февраль. С. 386–395; *Его же.* Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов венской тайной полиции // Там же. 1914. Т. 157. Январь. С. 135–145; *Его же.* Тайная полиция на Венском конгрессе // Там же. 1913. Т. 156. Декабрь. С. 558–574; *Петров А. Н.* Русские дипломаты на венских конференциях 1855 г. // *Исторический вестник.* 1890. Т. 40. Апрель. С. 22–50; Май. С. 265–289; Июнь. С. 514–534.

¹⁰⁴⁷ *Палаузов С. Н.* Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии. СПб., 1861. 28 с.; *Ланге Н.* Обзорение Австрийской империи. СПб., 1854. 156 с.; *Спасович В. Д.* Новейшая история Австрии // *Вестник Европы.* 1873. Кн. 5 (май). С. 122–157; Кн. 7 (июль). С. 148–189; Кн. 12 (декабрь). С. 632–688; *Австро-Венгрия* // *Год «Вестника Европы»*: историко-политическое обозрение. СПб., 1874. [Вып.] 2. С. 344–374.

¹⁰⁴⁸ *Сухотин Н. Н.* Наполеон: Австро-французская война 1809 г. СПб., 1885. 222 с.; *Баскаков В. И.* Состояние вооруженных сил Австрии в эпоху революционных войн. СПб., 1898. 93 с.; *Сражение при Лиссе (между австрийским и итальянским флотами 20 июля 1866 г.)* // *Морской сборник.* 1867. № 2. С. 1–43; *Австрия, ее военное положение в Италии* // *Библиотека для чтения.* 1859. Т. 155. № 5. С. 1–17; *Австрия и ее военное могущество в Италии* // *Отечественные записки.* 1859. Т. 124. Отд. 1. № 5. С. 213–236.

¹⁰⁴⁹ *Общее гражданское уложение Австрийской империи, 1814 г.* СПб., 1884. 118 с.; *Конституционные учреждения Австрии и движения, как в Венгрии, так и в других областях империи* // *Библиотека для чтения.* 1861. Т. 163. № 1. С. 7–17; *Конституция Австрийской империи* // Там же. 1861. Т. 164. № 3. С. 24–32; *Баишмаков А. А.* Избирательная реформа в Австрии и выборы в рейхсрат по новому закону о всенародном голосовании. СПб., 1907. 48 с.; *Австрийский государственный совет* // *Библиотека для чтения.* 1861. Т. 165. № 5. С. 1–11; *Австрия, министерство графа Белькреди* // *Отечественные записки.* 1865. Т. 162. Отд. 2. № 9. С. 86–94; *Куломзин А. Н.* Финансы Австрии в эпоху министерства фон Шмерлинга // *Русский вестник.* 1867. Т. 69. Май. С. 237–265; Т. 70. Июль. С. 135–168.

Известные профессора - слависты В.И. Ламанский, А.Ф. Гильфердинг, Н.А. Попов, А.С. Будилович посвящали им научные труды и многочисленные публикации в прессе. К землям, где проживали русины - Восточной Галиции, Буковине и Угорской Руси («Карпатской Руси») было приковано пристальное внимание. В славянолюбивой среде сочувствие к русинам было вызвано несколькими обстоятельствами. Прежде всего, неполноценным статусом и двойным давлением, которое они испытывали со стороны поляков в Галиции и венгров в Угорской Руси. Немаловажную роль играла также неопределенность их этнической идентификации. С одной стороны, русины осознавали себя самостоятельной национальной группой, с другой стороны – тяготели к украинцам и вместе с ними культивировали украинско-русинскую идентичность («малорусскую», «сыны Малороссии», отделявшие себя от «великорусской нации»)¹⁰⁵⁰. Такая ситуация вызывала острые дискуссии в славистической среде.

В.И. Ламанский доказывал, что русины являются частью «русской национальности»¹⁰⁵¹. А.С. Будилович писал об «органическом единстве всех ветвей русского племени», включая «червоноруссов» / «Червоно-Руссов» (этот этноним возник в противовес общеупотребимому «русины», чтобы подчеркнуть их генетическую взаимосвязь с русской нацией)¹⁰⁵². Напротив, Бобринский В.А. – автор многочисленных публикаций о карпатских славян и активный член Галицко-русского общества в Петербурге, с тревогой писал, что русины «стали сочинять новый язык» и «началось создание антирусской Руси»¹⁰⁵³.

Российские благотворительные комитеты поддерживали русинскую интеллигенцию и духовенство – «погибающий русский народ»¹⁰⁵⁴. Галицийско-русское общество в Петербурге объясняло смысл этой помощи: «вся ожесточенная борьба в Галиции и Буковине ведется между русской и украинской партиями из-за обладания интеллигенцией и учащейся молодежью, и окончательная победа останется на стороне

¹⁰⁵⁰ *Миллер А. И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. 267 с. ; *Соловьев К. А.* Русины Австро-Венгрии и российское общество: дискуссия о путях формирования политической нации в "Карпатской Руси" в российской прессе второй половины XIX – начала XX в. // Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение". 2015. № 11. С. 82–96.

¹⁰⁵¹ *Ламанский В. И.* Ответ на письмо г. Драгоманова // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 2. С. 80–83.

¹⁰⁵² *Будилович А. С.* О необходимости укрепления духовных связей России с Червонной Русью // Галицийско-русский вестник. 1894. № 1. Август. С. 12.

¹⁰⁵³ *Бобринский В. А.* Пражский съезд : Чехия и Прикарпатская Русь. СПб., 1909. С. 11–12.

¹⁰⁵⁴ Письмо из Угорской Руси. Погибающий русский народ / Н. // Славянское обозрение : сборник статей по славяноведению. Год. 2-й / под ред. С. М. Пальмова. СПб., 1894. С. 270.

тех, кто воспитает более здоровую, сильную духовно и многочисленную культурную среду, за которой и пойдет народ»¹⁰⁵⁵.

В историографии нет общего мнения относительно устойчивости интереса России к положению русинов. Высказывалось предположение, что он проявился только накануне Первой мировой войны¹⁰⁵⁶. Но более доказательной выглядит другая позиция - русинский вопрос постоянно находился в зоне внимания российской дипломатии, общественных славянолюбивых организаций и прессы панславистской направленности¹⁰⁵⁷. Вопрос о переводе русинов на латинское правописание, который активно лоббировали галицийские поляки, впервые был поднят в 1859 г. и продолжался всю вторую половину XIX в. Посягательства на кириллицу вызывали в России бурные общественные дебаты, что русинов хотят оторвать от восточнославянского ядра и лишить духовной самостоятельности. Не меньшее сочувствие вызывало бедственное положение униатского духовенства по сравнению с католиками¹⁰⁵⁸.

Исследователь этой темы К.А. Соловьев, отмечает, что с 1880 г. в России «наблюдается бурный рост числа публикаций, посвященных не только Галиции, но и прочим восточнославянским областям Австро-Венгрии – Буковине и Угорской Руси, которые до того времени почти не привлекали внимание российской общественности»¹⁰⁵⁹. Волны общественных симпатий поднимались в ответ на многочисленные публикации писем карпатских славян, поступавших в редакции российских газет с жалобами на притеснения со стороны венгров и поляков и жесткую конкуренцию с украинофилами. «Славянские Известия», «Галицийско-русский Вестник», «Славянское обозрение» активно понимали русинскую тему, призывая поддержать угнетенных жителей карпатских земель.

Пример с русинами показывает, что в славяноведении актуальные интересы нередко определяли научные интерпретации. Ученые-слависты глубоко верили в идею продвижения морального влияния России среди австрийских славян. Такой подход влиял и на научные интерпретации генезиса русинов, их прошлого и настоящего. Неудивительно, что русинский вопрос стал яблоком раздора между Венной и Петербургом не только на общественном, но и политическом уровнях.

¹⁰⁵⁵ Бобринский В. А. Указ. соч. С. 101 ; Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 627–630 ; Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине в XIX – XX вв. М., 2001. 201 с.

¹⁰⁵⁶ Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 47–49.

¹⁰⁵⁷ Соловьев К. А. Русины Австро-Венгрии и российское общество.

¹⁰⁵⁸ Свистун Ф. И. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Львов, 1896. Ч. 2. С. 390–397.

¹⁰⁵⁹ Соловьев К. А. Указ. соч. С. 88.

5.5. Использование «славянства» в национальных проектах австрийских славян

Как уже неоднократно отмечалось, для малых народов Европы «австрийский дом» оставался надежной и стабильной формой сосуществования. Но только при условии равных национальных прав и возможностей, реализация которых виделась в будущей федерализации. Чем меньше оставалось надежд на реформирование Австро-Венгрии и получение автономного статуса, тем сильнее проявлялась тенденция к поиску радикальных альтернатив. Чем интенсивнее развивалось движение, тем более активными и оппозиционными становились его лидеры. Отметим, что особых возможностей для поиска новой парадигмы национального развития у австрийских славян не было. Либо выступать с программой собственной государственности, либо выдвигать эрзац-идею замены Австрии на другое, не менее сильное государство. В среде австрийских славян идеи собственной государственности, хоть и высказывались отдельными политиками, но не имели поддержки вплоть до Первой мировой войны¹⁰⁶⁰.

В 1880–1890-е гг. в Австро-Венгрии возникло прогрессистское движение, распространившееся в радикальных студенческих кружках, среди интеллектуалов и городской буржуазии. На первый план выдвигалась идея федерализации монархии Габсбургов, достичь которую можно было только при поддержке со стороны России. В материалах этого движения были общеславянские идеи, искренние прорусские симпатии и надежды на победу в «общем деле»¹⁰⁶¹. Но цели прогрессистов были далеки от идей российских панславистов. Вплоть до Первой мировой войны австрийские славяне, за редким исключением, упорно добивались федерализации Австро-Венгрии и полноправного статуса славянских народов.

Общеславянская атрибутика также активно использовалась вплоть до Первой мировой войны, чтобы обосновать свою лояльность Вене и желание видеть Австрию – «матушкой австрийских славян»¹⁰⁶². Всякий раз, когда политические требования славянских партий не удовлетворялись правительством, в национальной прессе возникала дихотомия: «мать Россия» и «мачеха Австрия». Если политическая конъюнктура изменялась, дихотомический ряд также изменялся. Увлечение панславизмом и даже панруссизмом вспыхивало, как правило, в критические моменты национальной борьбы,

¹⁰⁶⁰ Павленко О. В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX вв.: политические мифы имперской власти // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 116–134.

¹⁰⁶¹ Šťastný V. Počátky tzv. pokrokového hnutí slovanských národů habsburské monarchie v 80. a 90. letech 19. století // Slovanský Přehled. 1977. Roč. 63. S. 143–161.

¹⁰⁶² Павленко О. В. Зарубежная историография монархии Габсбургов // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 94–109.

чтобы подчеркнуть, что «за нами стоит сила 80-миллионного славянства»¹⁰⁶³. Когда наступала относительная стабилизация, всеславянство отодвигалось на второй план. В идеологических построениях проявлялся внутренний разлад между комплексом собственной малочисленности и стремлением ощущать себя значительными, полноправными наряду с другими европейскими народами.

«Славянское» не противопоставлялось «национальному», а напротив органично вписывалось в канву национальной идентичности. В Любляне был открыт памятник Приможу Трубару, жизнь которого, как звучало на торжествах, была посвящена «служению словенскому народу и славянству, в целом». Об общеславянском значении деятельности Яна Гуса говорили на пражских юбилейных собраниях. Национальные дискурсы австрийских славян успешно присваивали славянские коды, чтобы подчеркнуть собственную значительность не только в австро-венгерском, но и европейском масштабе¹⁰⁶⁴.

К рубежу веков сложился устойчивый комплекс представлений о славянстве и его роли в современном мире: аполитичный, прагматичный, подчиненный национальной идее, австрофильский по своей сути. Отсюда представление о Вене, как магните, историческом ядре австрийского славянства¹⁰⁶⁵. Таким образом, мы видим, насколько далеки были идеи имперского панславизма от тех реальных интересов, которые продвигали политические и интеллектуальные сообщества западных славян.

В эпоху модерна каждый народ создавал свою галерею национальных героев, иногда используя славянские коды или, напротив, забывая о них. Примером может служить культ Гавличка-Боровского в чешском обществе, сложившийся на рубеже XIX-XX вв. Когда отмечалась пятидесятая годовщина его смерти в 1906 г. образ Гавличка превратился в национальный монумент, растиражированный на массовом уровне.

¹⁰⁶³ Павленко О. В. Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в Средние века и Новое время / отв. ред. А. В. Рандин. Йошкар-Ола, 1990. С. 125–143.

¹⁰⁶⁴ Ivantyšinová T. Die slawische Idee bei den Slowaken in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Die slawische Idee / hrsg. von A. Moritsch. Bratislava, 1993. S. 24–37 ; Cetnarowicz A. Die polnisch-slowenischen Beziehungen aus der Sicht der slawischen Idee // Ibid. S. 55–71.

¹⁰⁶⁵ Wien als Magnet? : Schriftsteller aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa über die Stadt / hrsg. von G. Marinelli-König, N. Pavlova. Wien, 1996. 613 S. ; Csáky M. Die Moderne in Wien und in Zentraleuropa = Модерн в Вене и Центральной Европе // Модерн. Модернизм. Модернизация / отв. ред.

Н. С. Павлова, О. В. Павленко. М., 2004. С. 21–46.

Его произведения неоднократно переиздавались в серии «Библиотека чешских классиков беллетристов» и отдельными изданиями¹⁰⁶⁶. В 1876 г. впервые было издано его сочинение, написанное в ссылке «Крест святого Владимира», в котором он резко критиковал не только российскую монархию, но и всю систему самодержавия. Ведущие чешские художники (В. Черны, А. Гоффмайстер, Ф. Бидло, Й. Лада и др.) считали за честь предложить в это издание свои иллюстрации. Очень скоро последовало второе издание от крупнейшего чешского издательства «Одеон» с иллюстрациями Франтишка Геллнера.

В начале XX в. в чешских городах стали продавать офорты портрета Гавличка кисти художника Т. Геверта по дешевой цене: от 3 до 21 кроны, как «лучшие украшения для домашних комнат и присутственных мест». В обширном «Собрании стереоскопических картин» среди чешских замков, видов «Царьграда», старой Праги и Палестины выделялась серия «Памятные места из жизни Гавличка». Ведущий мотив народных картин о Гавличке – его ссылка в альпийскую деревню Бриксен, ставшая символом героических мук, которые он испытал за народную свободу. Арест, насильственная высылка, полицейский контроль, суровые условия жизни в Бриксене вдохновили чешского художника В. Оливу на создание нескольких картин о Гавличке. Затем они были отпечатаны на открытках и поступили в широкую продажу. Именем Гавличка назывались всевозможные просветительские общества, а с 1918 г. даже армейские подразделения.

Антал Сташек, известный чешский писатель-реалист в 1930-е гг. пытался объяснить причины столь широкой народной популярности: «По своему характеру он был и прототипом, и собирательным идеалом чешского человека, потому что понимал людей, и люди понимали его. Он разговаривал с ними не по душам, а из души»¹⁰⁶⁷.

На всех этапах консолидации нации существует потребность в выработке общего

¹⁰⁶⁶ В 1851 г. в Кутной Горе К. Гавличек издал сборник избранных статей, назвав его “Дух Народных Новин”. Эта книга содержала передовые статьи из Народных новин 1848, 1849, 1850 гг., написанные Карлом Гавличком Боровским, редактором этой газеты (*Havlíček K. Duch Národních Novín : spis obsahující úvodní články z Národních Novin roků 1848, 1849, 1850, sepsaných od K. Havlíčka Borovského. V Hoře Kutné, 1851. 281 s.*). Этот сборник, содержащий 81 статью, был переиздан в 1898 г. В 1886 г. под редакцией Карела Тумы были опубликованы избранные статьи Гавличка в трех томах (*Havlíček K. Vybrané spisy Karla Havlíčka Borovského / pořádká K. Tůma. V Hoře Kutné, 1886–1887. D. 1–3*). Это издание серьезно критиковалось за весьма вольное обращение с оригинальными текстами, объединение двух статей Гавличка в одну, изменение названий некоторых его работ. Наиболее полное издание было осуществлено Зд. Тоболкой в 1901 г. в 2-х томах

(*Havlíček K. Karla Havlíčka Borovského politické spisy / k vyd. upr. Z. V. Tobolka. V Praze, 1901–1902. D. 2 : “Národní Noviny“ (1848–1850), č. 1–2*). В 1906 г. были изданы «Кутногорские эпистолы и избранные политические статьи» (*Havlíček K. Epistolky Kutnohorské a vybrané články politické. Praha. 1906. 143 s. ; Havlíček K. Belletrié Karla Havlíčka Borovského. Praha, 1906. 188 s.*).

¹⁰⁶⁷ Цит. по: *Kočí J. Návrat Karla Havlíčka z Brixenu. Praha, 1986. S. 37.*

образа, доступного пониманию всех социальных групп, значительно повышающего шкалу собственной самооценки. Гуманность, о которой начал писать К. Гавличек, приобрела в трудах Томаша Гарики Масарика характер парадигмы исторического развития чехов. Вполне понятен и объясним был пафос его речи о чешском гуманизме: «Это то, что должно войти в европейское духовное наследие», то, что «чехи дали Европе», это — «идеал социальной и национальной справедливости»¹⁰⁶⁸.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в исторической памяти славянских народов Пражский съезд 1848 г. стал восприниматься как своего рода символ «любви к многонациональному Отечеству» и политического легитимизма по отношению к Габсбургской династии. В исторических сочинениях, юбилейных торжествах, славянской прессе сформировалось устойчивое представление о том, что во время революции 1848-1849 гг. только славянские народы спасли империю от гибели и выступили верными подданными династии¹⁰⁶⁹.

В чешской интеллектуальной среде стало переосмысливаться наследие Франтишка Палацкого. К открытию съездов славянских журналистов в Праге – в 1898 г. и 1908 г. были приурочены и торжества в его честь. Концепция чешской истории, созданная Франтишком Палацким, построенная на дихотомии «славянство» – «германство», была пересмотрена. Акцент уже делался на сохранении монархии Габсбургов, которая воспринималась как единственная защита малых народов от имперской экспансии сильных соседей – России и Германии¹⁰⁷⁰.

Можно выделить ряд общих черт, которые были характерны для славянских дискурсов во второй половине XIX – начала XX вв. в монархии Габсбургов¹⁰⁷¹:

1. Устойчивый собирательный образ «славянства» как единственного защитника монархии. Мессианизм государственного масштаба основывался на представлении, что только союз славянских народов способен спасти монархию от внутренних и внешних врагов. Понятия «австрийский» и «славянский» не противопоставлялись, а мыслились в органичном единстве.
2. Постулат о преимуществах федералистского устройства Австро-Венгрии, как о наиболее справедливом реформировании государственного строя.

¹⁰⁶⁸ Masaryk T. G. Jan Hus. Vyd. 3., oprav. Praha, 1903. S. 70–71. Те же идеи см.: *Idem*. Hus českému studentstvu. Praha, 1899. S. 9–10.

¹⁰⁶⁹ Štastný V. Die slawische Idee bei den Tschechen nach dem österreichisch-ungarischen Ausgleich // Die slawische Idee. S. 49–55.

¹⁰⁷⁰ Зуппан А. Тысяча лет соседства австрийцев и чехов : взгляд из Австрии. М. ; СПб., 2021. С. 113–119.

¹⁰⁷¹ ???

3. Россия воспринималась как бы на грани «своего» и «чужого» мира. В среде славянских политиков преобладало представление, что Россия будет готова «поглотить» австрийские земли, если монархия Габсбургов слишком ослабнет.
4. Выраженный традиционализм, неприятие радикальных нововведений, обращение к исторической традиции и историческому праву, демонстративная лояльность Габсбургскому дому.

Таким образом, во второй половине XIX в. славянские нации в Австро-Венгрии динамично наращивали ресурсы национальной идеологии, присваивая как славянские, так и европейские коды. Особенность политической культуры Австро-Венгрии заключалась в том, что в одном государственном пространстве протекали одновременно процессы формирования общей идентичности и отдельных национальных проектов. Казалось бы конфликт между национальными и общеимперскими установками неизбежен. Но сложность ситуации состояла в том, что эта конфликтная общность органично существовала и взаимодействовала, скрепленная традиционной лояльностью к династии, прежде всего - к императору Францу Иосифу. Смерть императора в 1916 г. означала не только окончание «эпохи Франца Иосифа», но и закат многонациональной монархии Габсбургов...

5.6. Общеимперские праздники и символы в Австро-Венгрии

Подобно тому, как российское самодержавие демонстрировало свою нерасторжимую связь с Православием, династия Габсбургов традиционно была связана тесными узами с Католической церковью. Со средневековья Габсбурги участвовали в особых ритуалах католических орденов – иезуитов, кармелитов, капуцинов и др., подтверждая свою роль главного патрона Католицизма в Европе. Австро-турецкие войны и победа над турками Евгения Савойского закрепили этот образ в исторической и культурной памяти, воплотив в многочисленных памятниках, скульптурах, эпических художественных полотнах. В общественном сознании закреплялась идея, что Габсбурги – спасители Европы от турецкого завоевания и истинные ревнители христианской веры¹⁰⁷².

Старинные ритуалы, демонстрировавшие единство церкви и династии, свято соблюдались на протяжении столетий. Один из них сохранялся во время всего царствования Франца Иосифа. В чистый четверг накануне Пасхи придворные священники выбирали 12 стариков из бедных семей, привозили их в императорскую резиденцию

¹⁰⁷² MacHardy K. J. War, religion and court patronage in Habsburg Austria : the social and cultural dimensions of political interaction, 1522–1622. Basingstoke ; New York, 2003. S. 30–49 ; Vocelka K. Glanz und Untergang der höfischen Welt : Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 2001. S. 185–235.

Хоффбург в Вену. Император в торжественном зале для придворных церемоний мыл им ноги под пение псалмов и чтение Евангелия. Это было символическим напоминанием о последних днях земной жизни Христа, когда он омыл ноги своим ученикам перед пасхальным застольем (Евангелие от Иоанна 3:5). Одновременно ритуал воспроизводил божественную персонификацию власти, когда император повторял действия Христа, полные общечеловеческого смысла.

С 1880-х гг. заметно расширилась пропаганда общеавстрийского образа императора на массовом уровне. Наиболее известным из них был доктор Леон Смолле. С 1880 по 1908 гг. он написал серию книг для детей и юношества «о нашем императоре», которую даже либеральные издательства относили к категории «педагогической литературы». В таких изданиях было много поучительных рассказов о детстве Франца Иосифа, его правильных добродетельных поступках. С молодых ногтей император выступал в образе «лучшего из лучших». В сознание подданных внедрялась мысль, что Франц Иосиф всегда готов прийти на помощь, особенно к самым бедным и страждущим. Подобная литература переводилась на все языки Австро-Венгрии и издавалась огромными тиражами.

Франц Иосиф лично контролировал учреждение новых орденов в честь императоров Габсбургского дома за верную службу государству и династии. Количество орденов, также как и списки награжденных, значительно возросли особенно на рубеже XIX – XX вв. Орденами св. Штефана, Марии Терезии, Леопольда, Железного креста, Франца Иосифа, даже - императрицы Элизабет были отмечены заслуги представителей государственной бюрократии и армии. Так, для празднования пятидесятилетнего юбилея правления Франца Иосифа было заказано 7395 юбилейных медалей для гражданских и военных за безупречную службу¹⁰⁷³.

Строительство новых зданий, которые несли отпечаток династического величия, всегда превращалось в общественное действие. 24 апреля 1888 г. в Вене была торжественно открыта церковь святого Вотива на центральной кольцевой улице Ринг. Она была построена в честь чудесного спасения Франца Иосифа после неудачного покушения в 1853 г. В день открытия церковь св. Вотива была украшена электрической иллюминацией, как и весь Ринг. Императорскую семью приветствовали восторженные толпы, об этом «электрическом эффекте» много писали по всей империи¹⁰⁷⁴.

В книге австрийского ученого Вернера Телеско «Культурное пространство Австрии» исследуются формы воплощения общей государственной идеи в произведениях

¹⁰⁷³ Unowsky D. L. Op. cit. S. 103.

¹⁰⁷⁴ Springer E. Geschichte und Kulturleben der Wiener Ringstrasse. Wiesbaden, 1979. S. 519.

изобразительного искусства, архитектуре, памятниках, топонимике городов и улиц, поздравительных и видовых открытках, декоративных орнаментах вокзалов и опер. Через визуальные формы городской архитектуры закладывались коды коллективной идентичности. Это был государственный заказ, направленный на пробуждение и углубление чувства лояльности и патриотизма среди подданных¹⁰⁷⁵.

Но нередко в условиях Австро-Венгрии это приводило к национальным конфликтам. Так, в 1888 г. был торжественно открыт памятник Марии Терезы в честь ее 170-летия. В соответствии с архитектурным проектом, с двух его сторон были сооружены императорские музеи – Естественнонаучный и Художественный. Весь монументальный комплекс величественно располагается в центре Вены напротив императорской резиденции Хофбург. Императрица Мария Тереза предстает в этом памятнике как мать государства, покровительница искусств и наук. Ее окружают статуи советников и полководцев, мыслителей, ученых, художников, символизирующих объединительную силу «österreichertum» - государственной интеграционной идеологии австрийства. Но сам факт открытия памятника Марии Терезы, которая всю свою жизнь противостояла прусским гегемонистским устремлениям, вызвал негодование в среде австрийских пангерманистов, выступавших за самое тесное сближение между Австро-Венгрией и Германской империей. В знак протеста они организовали шествие вдоль улицы Ринга, напротив памятника, маршировали под песни, призывавшие к объединению всех немцев¹⁰⁷⁶.

В отличие от династий Романовых и Гогенцоллернов, усиливавших во второй половине XIX в. идею титульной нации в государственной идеологии и публичных презентациях власти, Габсбурги не могли себе позволить выступать как немецкая или австро-немецкая династия. Император Франц Иосиф олицетворял собой историческую правящую династию, символ государственного единства. Имперский образ власти не допускал проникновения в ее символическое пространство национальных идей. Культ австрийского общего государства создавал основу, столь необходимую для государства, которое разрывали национальные противоречия.

Центральное место отводилось официальной трактовке собирания славянских земель вокруг престола Габсбургов. Во всех сочинениях профессиональных патриотов подчеркивалось, что слабые и беспомощные славяне никогда не смогли бы выжить, если

¹⁰⁷⁵ *Telesko W. Kulturraum Österreich : die Identität der Regionen in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts. Wien ; Köln ; Weimar, 2008. 632 S. См. также: Barock – ein Ort des Gedächtnisses : Interpretament der Moderne/Postmoderne / Hg. Moritz Csáky [et al.]. Wien ; Köln ; Weimar, 2007. 314 S.*

¹⁰⁷⁶ *Das Vaterland. 1888. 18. Mai (№ 138).*

бы их не взяла под свой скипетр династия Габсбургов. Вся история и государственная сущность Австро-Венгрии была основана на идее гармоничного мирного сосуществования разнообразных народов, объединенных общей династией и общим императором¹⁰⁷⁷. Таким образом, официальная пропаганда начала присваивать славянские коды. Если раньше демонстрировалось отчуждение от славянских тем и культивировалась «угроза панславизма», то во второй половине XIX в. венский двор и правительство существенно пересмотрели свое отношение. Формировался новый образ Австро-Венгрии – собирательницы и защитницы славянских земель. В габсбургском нарративе все было подчинено поиску консенсуса между нациями, идее исторической общности всех наций, языков, конфессий и территорий монархии Габсбургов.

Но были свои пределы в культивировании общегосударственных ценностей. Дуалистическая система 1867 года нанесла серьезный удар по общегосударственным ценностям. Если в Цислейтании, объединившей австрийскую часть – Галицию, Буковину, Богемию, Моравию, австрийскую Силезию, небольшую часть северной Италии, а также коронные альпийские владения Габсбургов, власть императора презентовалась обществу как наднациональная и объединительная, то в венгерской Транслейтании ситуация складывалась по-другому. Венгерская элита предпочитала воспринимать Франца Иосифа прежде всего как венгерского короля, и нередко относилась к общегосударственным торжествам в Цислейтании подчеркнуто холодно, даже их игнорируя¹⁰⁷⁸.

Вторая половина XIX – начало XX вв. прошла под знаком общегосударственных и национальных выставок. Они знаменовали собой достижения наций в индустрии, культуре, государственном строительстве, были своего рода визуальным отражением прогресса и конкуренции между европейскими нациями. Именно выставки – мировые, региональные, общегосударственные, национальные – стали своего рода проекциями процессов формирования коллективной идентичности в Европе и США во второй половине XIX в. И одновременно – площадками острых национальных столкновений.

Когда Франц Иосиф, к примеру, посетил выставку в Праге в 1891 г., которую бойкотировали богемские немцы, то он не преминул также нанести визит в Рейхенберг – город, где доминировала немецкая община. В 1894 г. на галицийской выставке остро

¹⁰⁷⁷ Smolle L. Das Buch von unserem Kaiser. Wien, 1888. 240 S. ; *Idem.* Kaiser Josef II. : Gedenkschrift zur Feier seiner 100-jährigen Thronbesteigung 29. November 1880 : für das Volk und die Jugend Österreichs. Wien, 1880. 32 S. ; *Idem.* Fünf Jahrzehnte auf Habsburgs Throne. Wien, 1898. 242 S. ; *Idem.* Unser Kaiser : sein Leben und Wirken : der Jugend erzählt aus Anlass des sechzigjährigen Regierungsjubiläums. Wien, 1908. 139 S.

¹⁰⁷⁸ См. к примеру: Gerö A. Emperor Francis Joseph, King of the Hungarians. Boulder ; Wayne, 2001. 250 p. ; Urbanitsch P. Pluralist myth and nationalist realities: the dynastic myth of the Habsburg monarchy – a futile exercise in the creation of identity? // Austrian history yearbook. 2004. Vol. 35. P. 101–141.

столкнулись интересы поляков и русинов. В 1896 г. на выставке в Будапеште представители хорватов, румын и сербов демонстративно жгли венгерские флаги, подписывали петиции протеста и призывали к бойкоту выставки. Неудивительно, что для Франца Иосифа было необходимо балансировать между вспыхивавшими очагами национальных конфликтов, и не позволять втягивать в них высшую власть.

Будучи убежденным католиком, император не только посещал, но и принимал участие в религиозных церемониях всех конфессий монархии - православной, григорианской, униатской, мусульманской (после присоединения Боснии и Герцеговины). Конституция 1867 г. уравнила в гражданских правах евреев. Франц Иосиф начал также посещать и синагоги. Этим власть подчеркивала равенство перед императором всех национальностей и всех конфессий¹⁰⁷⁹.

Наибольший масштаб имели празднования круглых дат правления Франца Иосифа – в 1888, 1898, 1908 гг. Если сорокалетний юбилей восшествия на престол монархия отмечала весьма скромно, то в 1898 г. была развернута уже масштабная подготовка. К пятидесятилетию правления Франца Иосифа стали готовиться еще летом 1897 г. Среди высших сановников развернулась дискуссия о сценарии «живых картин» из истории Австрийской империи. Каждая из 17 картин посвящалась определенному историческому событию. Проект обсуждался министром иностранных дел, министром президентом Цислейтании графом Францем фон Туном и другими. Первый сценарий был отвергнут под предлогом, что недостаточно показано величие династии для собственных народов и Европы, в целом. Недовольство вызвала последняя картина «Апофеоз», в которой демонстрировался императорский дворец и панорама новой Вены после реконструкции. После значительной переработки «живые картины» стали еще сильнее воспевать подвиги Габсбургов, помпезно воспроизводя единство и гармонию всех австрийских народов. Их венчало изображение Франца Иосифа, «как великодушного отца всех народов» и «главного покровителя искусства, культуры и индустрии»¹⁰⁸⁰.

Столь пристальное внимание к стилистике и содержанию династических торжеств объясняется важным обстоятельством. К концу XIX в. нарастало напряжение между федералистами и централистами в парламенте Цислейтании. Бурные политические дебаты разразились вокруг реформы о национальных языках. Триада «территория – язык – нация» во многом определяла содержание политических дебатов и общественных столкновений. Особенно острым был конфликт между немецкими либералами и славянскими

¹⁰⁷⁹ *Grossegger E.* Op. cit. S. 1–10.

¹⁰⁸⁰ *Unowsky D. L.* Op. cit. P. 85–87.

парламентскими фракциями. Политические страсти накалялись не только в парламенте в Вене, но и в национальных провинциях.

Прага буквально раскололась на две части – чешскоязычную и немецкоязычную. Борьба вспыхнула с новой силой вокруг прав чешского языка. Чешские патриоты выступали за то, чтобы делопроизводство велось на двух языках – чешском и немецком. Немецкие либералы и централисты не могли простить правительству потери привилегированного статуса немецкого языка. В этих условиях Франц Иосиф придавал торжествам 1898 г. объединяющий, примирительный смысл. Но могли ли торжественные декорации общеавстрийского единства скрыть реальное положение дел?

Запланированные на октябрь-ноябрь праздники были отложены из-за того, что 10 сентября императрица Элизабет была убита на берегу Женевского озера итальянским анархистом. Франц Иосиф и весь двор погрузились в траур. Похороны Элизабет вызвали огромную волну сочувствия к императору, потерявшему в 1889 г. сына, а через девять лет и супругу¹⁰⁸¹. Но остановить маховик общегосударственных торжеств император уже не мог.

Для празднования юбилея 1898 г. было собрано более 39, 6 миллионов гульденов общественными комитетами и добровольными пожертвованиями¹⁰⁸². Среди наиболее крупных пожертвований были вклады банкирского дома Ротшильдов, баронессы Клары Хирш, галицийского промышленника Мозеса Гартенберга, стального короля Артура Круппа. Все эти суммы направлялись не только на организацию праздников, но и реальную благотворительность - устройство детских домов; поддержку бедных семей; строительство домов для еврейских общин в Галиции; открытие социальных столовых и т.д.¹⁰⁸³.

На подданных Франца Иосифа обрушалась лавина брошюр, буклетов, иллюстрированных изданий, в которых прославлялся император и восхвалялись все достижения его правления в экономике, политике, искусстве, социальном устройстве, открытии общественных школ и больниц¹⁰⁸⁴. Выдающиеся австрийские художники,

¹⁰⁸¹ Neue Freie Presse. 1898. 17. September ; *Hamann B. Elisabeth : Kaiserin wider Willen*. Wien, 1982. S. 290–325.

¹⁰⁸² *Sypniewski A. R. von. Fünfzig Jahre Kaiser*. Wien, 1898. S. 282.

¹⁰⁸³ *Henop C. Jubiläumsjahr 1898. Ein Gedenkbuch an die humanitären und festlichen Veranstaltungen aus Anlass des 50. jährigen Regierungsjubiläums Sr. Majestät des Kaiser Franz Josef I. am 2. Dezember 1898*. Wien, 1898. S. 18–19.

¹⁰⁸⁴ *Franz Joseph I. und seine Zeit : cultur-historischer Rückblick auf die Francisco-Josephinische Epoche... : Gedenkbuch zur Jubelfeier / hrsg. von J. Schnitzer*. Wien, 1898. Bd. 1–2 ; иллюстрированный альбом о Франце Иосифе, созданный объединением художников-иллюстраторов *Viribus Unitis : Viribus Unitis : Das Buch vom Kaiser / hrsg. von M. Herzig*. Budapest ; Wien ; Leipzig, 1898. 322 S. ; *Henop C. Op. cit. ; Jubiläums-Ausstellung Wien 1898 / hrsg. von J.*

архитекторы, музыканты – Муха, Хоффман, Мозер, Климт, Кокошка и другие были привлечены к имперским проектам.

Столь мощное объединение финансовых и интеллектуальных ресурсов власти способствовало закреплению в сознании подданных мысли, что они живут «в эпоху Франца Иосифа». Император представлялся единственным гарантом стабильности, конституционного порядка и безопасности Австро-Венгрии. В честь торжеств была издана официальная история Австрийской империи, в которой Габсбурги выступали спасителями и хранителями отечества. Она была отражена в исторических картинах с подробными описаниями и была опубликована в приложении к популярной «Венской газете»¹⁰⁸⁵.

Декоративно украшенные в югендстиле портреты императора не только ежедневно появлялись на страницах брошюр для народного чтения, но и в любом присутственном месте - от кабинетов сановников до трактиров. В «Похождениях бравого солдата Швейка» описан пражский пивной трактир «У Калиха», в котором на собравшихся отечески взирал Франц Иосиф с засиженного мухами портрета. Тысячи бюстов императора и императрицы изготавливались в бронзе и более дешевых сплавах для продажи в разных частях монархии, причем их стоимость никогда не была высокой. Публичный интерес к придворной жизни, описаниям путешествий императорской четы, нарядам императрицы и ее портретам особенно возрос после гибели Элизабет. Последовавшие торжества в честь юбилея династии только закрепили своеобразный культ «императрицы Зизи» - трагической красавицы с мятущейся душой.

В честь пятидесятилетнего юбилея был издан сборник патриотических стихов, прекрасно иллюстрированный. Он был написан высокопарным немецким слогом и предназначался «для всех германо-австрийских диалектов»¹⁰⁸⁶. Франц Иосиф объявлялся австро-немецкими поэтами «князем мира», «наиболее благородным правителем», «отцом своих народов». Проведение юбилейных торжеств растянулось почти на год. Праздничные программы в больших и малых городах монархии, в имперской столице Вене были сконцентрированы вокруг двух дат: 2 декабря - восшествия на престол и 18 августа - дня рождения императора. В это время проходили тожественные богослужения всех конфессий, фестивальные шествия, иллюминации и парады, народные гуляния.

Laurencic. Wien, 1898. 42 Bl. ; Verordnungsblatt für den Dienstbereich des K. K. Ministeriums für Kultus und Unterricht. Wien, 1898. 500 S.

¹⁰⁸⁵ Kaiser Jubiläums Festblatt der Wiener Zeitung // Wiener Zeitung. 1898. 2. December (№ 278).

¹⁰⁸⁶ Österreichisches Kaiser-Jubiläums-Dichterbuch : 50 Jahre österreichische Literatur. Wien, 1899. 325 S.

Но исследователи отмечают одну особенность юбилейных торжеств 1898 и 1908 гг. Анализируя их сценарий и смысловые коды, Дэниэл Уновски и Элизабет Гроссегер приходят к общему выводу. Лидеру христианских социалистов Карлу Лугеру удалось «монополизировать общеавстрийский патриотизм»¹⁰⁸⁷. Став бургомистром Вены на волне антисемитизма, Карл Лугер попытался извлечь максимальную политическую пользу из юбилея 1898 г. Христианские социалисты активно использовали риторику «общеавстрийской лояльности» для собственных политических целей. Их газета *Reichspost* уже в первые месяцы юбилейного года призывала к тому, чтобы все, кто «считает ценностью быть австрийцем, кто думает и чувствует себя как австриец, кто проникнут любовью и почтением к нашему юбиляру-императору, должен присоединиться к партии христианских социалистов и работать в этот год мира в честь нашего императора»¹⁰⁸⁸.

Итак, все приведенные здесь примеры показывают, что в Австро-Венгрии к концу XIX – началу XX вв. усилилась государственная пропаганда общенационального образа власти. Она воспроизводилась в сценариях всех общегосударственных торжеств и содержала следующие основные темы: 1) историческая и политическая легитимность; 2) социальная забота о бедных и малоимущих; 3) наднациональный, общеавстрийский характер власти; 4) Австро-Венгрия -защитница и покровительница славянских народов.

Концепция этого затратного идеологического проекта – на первый взгляд, простая и логичная, единственно возможная в условиях острой национальной борьбы – была чревата серьезной угрозой. Персонифицированный образ власти и «общего австрийства» был блистательным, доступным каждому, открытым, и вместе с тем - неопределенным. Декларируя, что имперская власть стоит над всеми национальностями и конфессиями, политическими пристрастиями и социальными группами, государственные идеологи преследовали благую цель. Необходимо было найти общую скрепляющую связь между многочисленными разрозненными компонентами монархии. Но открытый всем образ власти таил в себе другую опасность. Каждая национальная общность или политическая партия могла присваивать в своей идеологии образ императора, заявляя, что действует в интересах государства, от имени Франца Иосифа. Иными словами, отсутствие отчетливой программы будущего реформирования Австро-Венгрии, бесконечное лавирование и стратегия умиротворения различных центров влияния внутри монархии, приводила к обратному результату. Столь желанный общеавстрийский консенсус все дальше отдалялся в исторической перспективе. В реальности идеологический вакуум в трактовке имперской

¹⁰⁸⁷ Unowsky D. L. Op. cit. S. 145–149 ; Grossegger E. Op. cit. S. 234–235.

¹⁰⁸⁸ Reichspost. 1898. 4. Januar (№ 2).

власти заполнялся каждым национально-политическим течением по-своему, в зависимости от конкретных интересов и целей.

Еще одна угроза таилась в присвоении официальными дискурсами славянских кодов. В коллективном сознании российского общества уже прочно утвердились представления о России как центре славянского мира. Новые претензии Австро-Венгрии на роль защитницы славянских народов неизбежно влекли обострение двусторонних отношений в Восточном и Славянском вопросах.

Выводы

Государственный контроль и инициативы «сверху» в формировании имперской идентичности нарастали как в России, так и в Австро-Венгрии на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. В политической культуре обеих империй значительно расширились масштаб и помпезность общегосударственных торжеств, символическое наполнение которых прославляло единство империи, династии, всех подданных, независимо от национального и социального происхождения.

Государственный аппарат стремился разнообразить формы и методы воздействия на коллективное сознание, охватить все более широкие слои населения. В начале XIX в. отчетливо обозначилась новая тенденция, характерная для Франца Иосифа и Николай II. «Схождение в народ» стало не только частью общественных проектов, но их личной, внутренней потребностью в народной любви и доверии как подтверждении правильности государственного курса. Отсюда – демонстративный патернализм и огромное желание обрести опору в «своем народе». Чем сильнее нарастало отчуждение династии от образованной публики, критиковавшей консерватизм и медлительность в проведении либеральных реформ, тем активнее проявлялось стремление обоих императоров стать ближе к простым людям.

Символическое пространство монархии Габсбургов было проникнуто идеей «идеальной имперской власти», возвышавшейся над всеми национальными и этническими сообществами, политическими и религиозными силами. Габсбургский миф, претерпевший значительные изменения в течение XIX в., обрел в поздней империи универсальную формулу. Австро-Венгрия представлялась как прибежище и защита всех малых народов в Центральной Европе и на Балканах – общий дунайский дом, где каждый рано или поздно получит удовлетворение своих прав и потребностей. Важно было сформировать горизонт ожидания. Гарантом этих надежд на полноправное будущее всех австрийских народов выступал император Франц Иосиф.

Надо отметить, что австрийская пропагандистская машина достаточно преуспела в формировании коллективных ожиданий. Вера в общее государство была подорвана только во время Первой мировой войны. До этого острейшая борьба между национальными сообществами велась без сепаратистских лозунгов, за достижение полноправного статуса в пределах империи, за преференции и влияние при императорском дворе, в правительстве и парламенте.

Иными словами, в австрийской политической культуре эпохи модерна было создано довольно комфортное общее пространство, которое позволяло различным национальным и политическим силам использовать общегосударственные символы и коды в своих интересах. Непременным условием для развития национальных идеологий должна была оставаться преданность династии, верность «австрийству» и искренняя убежденность в том, что Австро-Венгрия является единственно возможной формой сохранения самобытности для всех ее малых народов.

Динамика политической культуры России развивалась в том же русле, что и у всех великих держав. Процесс сакрализации политики, превращения презентаций власти в масштабное общегосударственное действие набирал обороты. Но, в отличие от Австро-Венгрии, национальный вопрос не имел тогда в России экзистенциального смысла. Гораздо важнее было удержать многомиллионных подданных от революционного нигилизма и социальных протестов. Идеологическая борьба за народ, развернувшаяся между монархистами и либералами, охранителями и радикалами, почвенниками и западниками создавала особое поле напряженности в имперском пространстве России.

Неудивительно, что в формулу российской идентичности модерна были заложены коды, которые не разрывали, а наоборот - сплачивали общество, вне зависимости от политических предпочтений. Образы «Великого Прошлого», «Великих Русских Побед», «города-мученика» Севастополя – были одинаково близки людям с разными убеждениями. Именно общность исторической судьбы в защите государственного суверенитета и целостности стала основным лейтмотивом общественных проектов. В имперской пропаганде на рубеже XIX–XX вв. так и не сформировался столь желаемый общественностью образ монарха – прогрессиста и реформатора, но упорно воспроизводился прямо противоположный образ самодержца, осененного столетними традициями.

Если применять классификацию Эмилио Джентиле, то можно констатировать, что Россия после эпохи Великих реформ пошла по пути усиления «политической религии» в сфере государственной идеологии. Эта тенденция изменила русский проект коллективной идентичности, дополнив его консервативным историзмом и образами «народной

монархии». Австрийская государственность развивалась в другом направлении, уступая общественным инициативам, постоянно находясь в поиске компромисса и создавая иллюзии высоких ожиданий. По сути, перед нами – два проекта формирования коллективной идентичности в многосоставных государствах, две линии процесса сакрализации политики, нацеленной на общегосударственную сплоченность.

Глава VI. Славянский вопрос и кризис российско-австрийских отношений: от сближения к противостоянию и распаду монархий (1897-1917 гг.)

В 1890–1900-е гг. три страны – США, Германия и Россия показывали наибольшую динамику промышленного развития. В то время как Франция и Англия демонстрировали обратную тенденцию по сравнению с предшествовавшим периодом. Неравномерность развития отдельных стран и отраслей производства на рубеже веков особенно обострилась.

Экономический кризис 1900 г. проходил в новых исторических условиях. Впервые США смогли закрепить свое промышленное превосходство над Великобританией. Германия отвоевывала себе место второй по значению промышленной державы мира. За первое десятилетие XX в. Россия смогла резко увеличить удельный вес в мировой промышленности, обогнав по производству чугуна и стали Францию и занять четвертое место в мире¹⁰⁸⁹.

Только за десятилетие – с 1880г. по 1890 г. в России было выстроено свыше 24 тысяч верст новых железнодорожных путей¹⁰⁹⁰. Железная дорога требовала металла – рельсы, паровозы, вагоны. Соединение Криворожья с Донбассом ускорило строительство металлургических заводов¹⁰⁹¹. Одновременно развивались мощные индустриальные центры, такие как донецкая угольная промышленность.

За следующее десятилетие в России было построено железных дорог протяженностью в 22 тыс. км. Общий объем новых инвестиций в промышленность и транспорт составил около 4 млрд. руб. Крупные инвестиции требовались в жилищно-городское строительство. Повсеместно происходило массовое расширение основного капитала. Строительство железных дорог осуществлялось государством, ресурсы которого формировались за счет усиленного налогообложения. За годы подъема на рубеже XIX- начала XX вв. в России были введены квартирный налог, увеличены промысловый и подомовой налоги, усилено обложение спиртных напитков, сахара, табака, керосина, спичек, многих привозных товаров¹⁰⁹².

Анализируя динамику и качество развития России в первые два десятилетия XX в., современные исследователи приходят к выводу о значительном финансовом и экономическом потенциале страны и успешной модернизации всех сфер народного

¹⁰⁸⁹ Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. М., 1959. Т. 1. С. 683–685.

¹⁰⁹⁰ Гливиц И. Б. Железная промышленность России. СПб., 1911. С. 17.

¹⁰⁹¹ Там же. С. 7–33.

¹⁰⁹² Мигулин П. П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902). Харьков, 1903. С. 323.

хозяйства ¹⁰⁹³. Россия была на подъеме, наращивая обороты в индустриальном, строительном, текстильном, сельскохозяйственном производствах.

6.1. «Медовый месяц» между Веной и Петербургом: 1897-1908 гг.

На рубеже веков вновь наметилась тенденция к сближению между Россией и Австро-Венгрией. Во-первых, петербургскому двору был интересен опыт Австро-Венгрии в развитии конституционализма и парламентаризма, насчитывавший более полстолетия. Хотя политические эксперименты в соседней монархии были объектом резкой критики от радикалов до консерваторов, тем не менее, приходилось признать, что гражданские права и свободы получили там гораздо большее развитие, чем в России.

Во-вторых, переключение внимания великих держав с Балкан на перспективный Дальний Восток отчасти смягчило противоречия между Веной и Петербургом. Усиление Германии при дворе османского султана, с одной стороны, вызывало раздражение у российских политиков, но, с другой стороны, заставляло проявлять благоразумие, чтобы не обострять и без того накаленные отношения ¹⁰⁹⁴.

Третьим фактором, повлиявшим на процесс сближения, стала беспокойная ситуация внутри Тройственного союза. Чрезмерное экономическое и военное усиление Германии вызвало череду ее дипломатических столкновений с Великобританией, остро переживавшей потерю своего превосходства. Если раньше британцы готовы были поддерживать инициативы немецкого блока по сдерживанию России или Франции, то теперь пошли на демонстративное охлаждение отношений с Берлином. Это обеспокоило дипломатические службы Австро-Венгрии и Италии, которые дорожили английской поддержкой. Италия стала делать шаги навстречу своей давней сопернице Франции, постепенно отступая от Тройственного союза. Австро-Венгрия, опасаясь изменения внешнеполитического курса Англии, на всякий случай развернулась в очередной раз в сторону России.

Император Николай II не возражал против очередного сближения с немецким блоком. Во время своего визита в Вену в 1896 г. он договорился с императором Францем Иосифом о стабилизации ситуации на Балканах. Министрам иностранных дел было поручено подготовить новое соглашение на основе прежнего договора Кальноки - Гирса.

¹⁰⁹³ Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 258–260, 297; Никонов В. А. Крушение России, 1917. М., 2011. С. 15–25.

¹⁰⁹⁴ Bridge F. R. Izvolsky, Aehrenthal, and the End of the Austro-Russian Entente, 1906–8 // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 1976. № 29. S. 315–362. См. также диссертацию: Kammerer M. Die österreichisch-russischen Beziehungen in den Jahren 1900–1914 an Hand österreichischer und deutscher Quellen. Graz, 1982. 234 S.

Восстание на Крите спровоцировало греко-турецкую войну. Вена и Петербург должны были договориться об общих правилах игры и взаимном признании интересов. В мае 1897 г. состоялся обмен нотами, в которых оба государства обязывались соблюдать интересы друг друга и поддерживать *status quo* на Балканах. Эти секретные договоренности регулировали не только двусторонние отношения, но их действия в Сербии и Болгарии. Было оформлено два письма к послу Австро-Венгрии в Петербурге Лихтенштейну : одно от министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Голуховского, второе – от нового российского министра графа Михаила Николаевича Муравьева. В результате переговоров «была установлена общая линия поведения в делах Востока, что позволяет нам, учитывая безопасность и жизненные интересы обеих империй и для устранения опасности пагубного для европейского мира соперничества на раскаленной почве Балканского полуострова – отныне с большей уверенностью и более спокойно предусматривать политические осложнения, могущие возникнуть в непосредственной близости от нас»¹⁰⁹⁵.

Оба министра констатировали, что «между Россией и Австро-Венгрией не существует разногласий, которые могли бы помешать соглашению между нашими странами в целях предотвращения событий, которые, вероятно, в ближайшем будущем против нашей воли, могут возникнуть на Балканском полуострове»¹⁰⁹⁶.

Для Вены важно было получить согласие от России на аннексию Боснию и Герцеговины и присоединение части Ново-Базарского санджака. Россия рассчитывала, что Австро-Венгрия не будет препятствовать дальнейшему переделу балканских территорий в пользу славянских государств, но, как сумели оговорить это условие австрийские дипломаты, «не нарушая равновесия» между ними. Обе стороны были заинтересованы на время заморозить Восточный вопрос¹⁰⁹⁷.

Россия и Австро-Венгрия гарантировали приверженность к сохранению *status-quo* и отсутствие завоевательных планов на Балканах, готовность к взаимному разрешению противоречий, возникавших на Балканах. За исключением вопроса об аннексии Боснии и Герцеговины, ставшего уже ритуальным для австро-венгерской дипломатии. Австро-Венгрия также отказалась повлиять на позицию Германии в главном для России вопросе о статусе Проливов, ссылаясь на его международный формат. Сепаратных договоренностей с Веной и Берлином по Проливам, как того хотела российская дипломатия, добиться так и не удалось.

¹⁰⁹⁵ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 303.

¹⁰⁹⁶ Там же. С. 304.

¹⁰⁹⁷ *McMeekin S.* The Russian origins of the First World War. Cambridge, 2011. S. 22–40 ; *Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Российской империи: 1801–1914. М., 2006. С. 394.

Вспыхнувшие восстания – сначала на Крите, потом в Македонии задали пределы российско-австрийскому сближению. России удалось провести на пост губернатора Крита греческого принца Георга, близкого друга Николая II, что вызвало неприкрытое недовольство Австро-Венгрии. Сначала обе державы пытались договориться о совместной поддержке реформ в Македонии. Но затем переговорный процесс застопорился, поскольку в дело вмешалась английская дипломатия, создававшая на Балканах свою систему сдержек и противовесов.

Осенью 1903 г. состоялась встреча в Мюрцштеге между Николаем II и Францем Иосифом. Россия готовилась к войне с Японией и остро нуждалась в нейтральной позиции Австро-Венгрии. Российский МИД всячески стремился избежать осложнений на Балканах и пошел на компромисс в македонском вопросе. В 1904 г. была подписана российско-австрийская декларация о доброжелательном нейтралитете¹⁰⁹⁸.

В Вене высоко оценивали достигнутый уровень отношений с Россией, видя в этом важный инструмент стабильности на Балканах. Министр иностранных дел Агенор Голуховский (1849-1921) особо подчеркивал, что «этот путь есть наилучший в виду предупреждения опасных осложнений», «обе Державы, отказавшись от эгоистических видов и всякой мысли о территориальном расширении, не прекратят своего совместного воздействия»¹⁰⁹⁹. Он определял цель этих соглашений – «с одной стороны обеспечение порядка и спокойствия на границах обеих Империй, а с другой – соблюдение существенных интересов Османской Порты, в пределах ее владений»¹¹⁰⁰.

В Петербурге также были заинтересованы в партнерских отношениях с Австро-Венгрией и Османской империей. Министр иностранных дел России Владимир Николаевич Ламздорф (1844-1907) указывал в инструкции послу в Белграде: «Я, однако, отнюдь не хочу, чтобы Ваша деятельность в чем-либо становилась в явное противоречие с политикой Австро-Венгрии. Императорское правительство высоко ценит возможность дружеского единения с Австро-Венгрией в делах Турецкого Востока (...) Россия по-прежнему считает государственным интересом своим обеспечение мирного развития на Балканах. На осуществление этой задачи потрачено было Императорским Правительством много труда и результаты, достигнутые уже в указанном направлении, представляются весьма ценными (...) Необходимым условием успеха дальнейших усилий является сохранение тесных отношений с Австро-Венгрией»¹¹⁰¹.

¹⁰⁹⁸ *Bridge F. R. Izvolsky, Aehrenthal...* S. 352–362.

¹⁰⁹⁹ АВПРИ. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482. Д. 2904. Л. 21 об.

¹¹⁰⁰ Там же. Л. 22.

¹¹⁰¹ Там же. Л. 89 об.

Австро-Венгрия готова была даже простить России государственный переворот, случившийся в Сербии в 1903 г. против проавстрийской династии Обреновичей. Пришедшая к власти династия Карагеоргиевичей была ориентирована на Россию и не признавала австрийского влияния. Обострение австро-сербских противоречий привело к таможенной войне.

Российский историк Вишняков Я.В., отмечает, что в период с 1903 по 1914 гг. сербский милитаризм развивался под влиянием двух факторов: национальное освобождение от Османской империи и давления со стороны монархии Габсбургов. Не менее важен «психологический фактор неизбежности войны», «вековое воздействие» которого усиливало панславистскую концепцию «Балканы для балканских народов»¹¹⁰².

Несмотря на декларативные заявления Вены и Петербурга о тесном сближении позиций в Восточном вопросе, уже в начале 1900-х гг. наметилось их расхождение. Россия прилагала все усилия, чтобы добиться объединения Сербии и Болгарии, а также других стран в Балканский союз. Австро-Венгрия, напротив, всячески пыталась этому противодействовать, разжигая конфликт вокруг территориального раздела Македонии. Как сообщали российские дипломаты, известие о таможенном союзе между Сербией и Болгарией вызвало «неописуемое негодование как в официальном круге, так и в печати»¹¹⁰³. Министр иностранных дел Австро-Венгрии так и заявил российскому послу в Вене графу Капнисту: «я не верю при существующих обстоятельствах в возможность серьезного сближения между Сербией и Болгарией, так как интересы и вожеления обоих маленьких государств на Балканском полуострове перекрещиваются»¹¹⁰⁴.

Начальник Генерального штаба Австро-Венгрии фельдмаршал Конрад фон Гётцендорф (1852-1925) стоял во главе влиятельных сил в Вене, которые требовали радикального решения сербского вопроса. Его поддерживал наследник престола Франц Фердинанд, которого вдохновляла перспектива наступательной войны с Сербией и включения ее территорий в состав Австро-Венгрии. В Бельведере – резиденции Франца Фердинанда территориальное устройство обновленного государства проектировалось в форме триализма или федерализма.

В своих воспоминаниях Конрад фон Гётцендорф открыто признавал, что в круг доверенных лиц наследника престола входил опытный дипломат, посол в Петербурге с

¹¹⁰² Вишняков Я. В. Сербский вопрос в балканской политике держав кануна Первой мировой войны // Ялта 45: уроки истории. Система международных отношений в XX – XXI вв. и ее будущее : сборник материалов научной конференции / редкол.: Ж. Е. Крестьянинова, К. Н. Селиверстова. Ялта, 2018. С. 7.

¹¹⁰³ АВПРИ. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482. Д. 53. Л. 47 об.

¹¹⁰⁴ Там же. Д. 2903. Л. 17.

1899 г. барон Алоиз фон Эренталь (1854- 1912). Вместе они неоднократно обсуждали поэтапный план создания Великой Австрии. Сначала – аннексия Боснии и Герцеговины, в соответствии с многочисленными договоренностями, которыми заручилась Вена. Затем – превентивная война с Италией и Сербией и в результате - аннексия Сербии, что обеспечило бы доминирование Австро-Венгрии в юго-западной части Балкан¹¹⁰⁵. Правда, Эренталь считал, что включать всю сербскую территорию было бы нецелесообразно, поскольку привело бы к резкому обострению и без того напряженной межнациональной ситуации в монархии. По его мнению, было бы лучше отдать большую часть сербских территорий Болгарии, которая имела четкую проавстрийскую ориентацию. В любом случае, дипломатическая линия Алоиза фон Эренталя была направлена на разжигание болгаро-сербских противоречий, чтобы максимально изолировать влияние Сербии на Балканах¹¹⁰⁶. В Вене он имел репутацию русофила и курировал в МИДе российское и балканское направления, пользуясь особым доверием министра иностранных дел Густава Кальноки (1832-1898). Оба имели обширные связи в российском обществе и считались знатоками балканских дел. Кальноки покровительствовал Эренталю и активно способствовал его назначению на пост министра в 1906 г.

Однако, плану Великой Австрии не суждено было сбыться, поскольку реальные риски перевешивали высокие ожидания. Призрак возможного союза Франции, Великобритании и России вызывал огромные опасения в Берлине. «Младшей сестре» - Австро-Венгрии давались указания максимально смягчить балканские противоречия с Россией. Германия и Австро-Венгрия вновь протягивали руку России в надежде возродить Союз трех императоров.

Англо-французское соглашение 1904 г. еще более обострило дипломатическую борьбу за Россию. Кайзер Вильгельм II настаивал на возобновлении нового союза. Но Николай II колебался. Дело было не только в сильной зависимости российского рынка от французских инвестиций, но и в геополитических расчетах. Встреча двух императоров России и Германии состоялась в июле 1905 г. в Бьёрке, во время которой Вильгельм настойчиво предлагал Николаю новый проект союзного договора. Царь легкомысленно подмахнул своей подписью текст договора. Вернувшись в Петербург после обстоятельной беседы с министром иностранных дел Ламздорфом и Председателем совета министров С.Ю. Витте, он принял решение уведомить кайзера Вильгельма, что должен сначала показать договор французам, чтобы получить их согласие на ратификацию. Это была

¹¹⁰⁵ *Conrad von Hötzendorf F. Aus meiner Dienstzeit, 1906–1918. Wien [et al.], 1921. Bd. 1. S. 530.*

¹¹⁰⁶ *Ibid. S. 138–139.*

единственная возможность выйти из неловкой ситуации и ответить отказом. Кайзер был возмущен, но все попытки морально воздействовать на Николая II не увенчались успехом.

Перед новым министром иностранных дел Австро-Венгрии Алоизом Эренталем была поставлена задача содействовать всеми силами возрождению Союза трех императоров, несмотря на жесткое сопротивление пангерманских кругов и либералов в Австро-Венгрии и Германии. В России немецкие устремления воспринимались по-разному. Императорский двор, общество, предпринимательские и военные круги, политики всех мастей были расколоты на две части - сторонников сближения с Германией и убежденных противников, к которым, как правило, примыкали и панслависты¹¹⁰⁷.

Период с 1897 г. по 1908 г. можно назвать «медовым месяцем» в российско-австрийских отношениях. На всех уровнях власти подчеркивалась необходимость тесного сотрудничества и взаимопонимания. Дело в том, что взаимоотношения между Россией и Австро-Венгрией достигли к этому времени стратегического тупика, когда произошло выравнивание возможностей и ресурсов влияния обеих империй. Ни той, ни другой не были выгодны острые конфликты на Балканах, поскольку Россия увязла в конфликте с Японией, а Австро-Венгрия – во внутренних межнациональных разборках. Обе нуждались в передышке и стабильном мире.

Император Франц Иосиф, выступая перед парламентом, высоко оценивал сложившиеся отношения с Россией – «единение с нею по делам Ближнего Востока будет служить по-прежнему основанием нашей политики»¹¹⁰⁸. Алоиз Эренталь подчеркивал совпадение интересов, «искреннюю дружбу», единство позиций по Македонии¹¹⁰⁹. Как убежденный консерватор и монархист, новый министр считал необходимым поддерживать дружеские отношения с Россией, видя главную угрозу для обеих монархий в нарастании социалистических и радикальных идей¹¹¹⁰. Инструктируя нового посла графа Л. Берхтольда для работы в Петербурге, министр откровенно признавал, что император Николай – «легко подпадает под влияние и склонен к колебаниям», министр иностранных дел Извольский – тяготеет к проанглийскому курсу, «а растерянные придворные круги, либеральствующие и заигрывающие с панславизмом, вновь могут выплыть на поверхность». Он ставил перед послом две главные задачи – выйти на возрождение союза

¹¹⁰⁷ *McMeekin S.* Op. cit. P. 55–70.

¹¹⁰⁸ АВПРИ. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482. Д. 62. Л. 113.

¹¹⁰⁹ Там же. Д. 69. Л. 122–123.

¹¹¹⁰ *Skřivan A.* Aehrenthal – das Profil eines österreichischen Staatsmanns und Diplomaten alter Schule // Prague papers on the history of international relations, 2007. Prague, 2007. P. 179–182.

России с Германией и Австро-Венгрией, а также стремиться любыми способами воспрепятствовать сближению России с Англией¹¹¹¹.

Но дружеская риторика совсем не исключала интенсивный сбор разведывательных данных. Историк В.О. Зверев доказывает, что с 1903 по 1914 гг. разведслужба австрийского Генерального штаба создала глубоко законспирированную и эффективную агентуру на территории России¹¹¹².

В начале 1900-х гг. у России появился ценнейший агент в Генеральном штабе Австро-Венгрии полковник Альфред Редль, чех по матери, нуждавшийся в крупных суммах для удовлетворения своих потребностей и увлечений. Связь с ним осуществлял военный агент Н.С. Батюшин, который создал в австрийских землях сеть доверенных лиц, состоявшую из хозяев явочных квартир, старших дворников и подручных. По мнению Максимилиана Ронге, только «чересчур одинаковое снаряжение агентов вредило в остальном образцовой разведывательной службе»¹¹¹³. Альфред Редль возглавлял австрийскую контрразведку с 1900 по 1905 гг., превратив ее в мощную организацию австрийской армии. Но это не помешало ему в течение десяти лет, начиная с 1902 г., передавать Батюшину секретные приказы, письма, фото, планы, документы, коды, рапорты о военно-стратегических планах и состоянии железных дорог, одновременно скрывая от своего командования сведения о российской армии¹¹¹⁴.

В числе документов, переданных Редлем, оказался план «№3» нападения на Сербию, который был сразу же передан сербам. Редль выдал австрийских шпионов России. Был случай, когда полковник Генштаба России сам вышел на него, предлагая выкупить у него план нападения России на Австро-Венгрию и Германию. Рискуюя своей должностью, Редль вернул подлинный план русским, подменив его фальшивым, а заодно и сдал полковника¹¹¹⁵. В итоге, получив за свои услуги 60 000 крон, Редль все же был разоблачен и застрелился. История с Редлем еще раз свидетельствует, насколько глубоким было недоверие в двух империях. Несмотря на все договоры и риторические заверения в дружбе, обе державы рассматривали друг друга как наиболее вероятного потенциального противника.

¹¹¹¹ Aus dem Nachlass Aehrenthal : Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen- und Außenpolitik, 1885–1912 / hrsg. und eingel. von S. Wank. Graz, 1994. Т. 2. S. 467–468.

¹¹¹² Зверев В. О. Австрийская разведка против России в начале XX в.: от мифов к реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2015. Вып. 4. С. 90–97.

¹¹¹³ Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1943. С. 160.

¹¹¹⁴ Дроздов Ю. И. Записки начальника нелегальной разведки. М., 1999. С. 36.

¹¹¹⁵ Вудхолл Э. Разведчики мировой войны. 2-е изд. М., 1943. С. 132–133.

6.2. Боснийский кризис 1908 г. и резкое обострение российско-австрийских отношений

«Медовые отношения» не означали, что Россия и Австро-Венгрия отказались от геополитической конкуренции на Балканах. Российский военный агент в Вене Марченко докладывал в феврале 1906 г.: «Австро-Венгрия признает Болгарию за серьезный фактор на Балканском полуострове, между Болгарией и Австро-Венгрией состоялось соглашение, в силу которого Болгария обязалась не препятствовать Австро-Венгрии, в случае осложнений на Балканском полуострове, захватить Сербию, что при известных условиях (льготных для Австро-Венгрии транзитах) получит вознаграждение в Македонии (...) Таким образом, пользуясь затруднительным положением России, Австро-Венгрия и Германия подготавливают весьма определенно разрешение в течение столетия неразрешимого Восточного вопроса»¹¹¹⁶.

Поводом для нового обострения российско-австрийских отношений послужил проект строительства железной дороги из Вены через Ново-Базарский санджак к Салоникам. Этот проект, активно продвигаемый министром Эренталем, открывал прямую дорогу Австро-Венгрии к Эгейскому морю и привел бы к усилению ее влияния на западных Балканах. Это дало повод министру иностранных дел России Александру Петровичу Извольскому (1856-1919) зондировать позицию Англии по вопросу о Проливах и выдвинуть альтернативный проект сооружения железной дороги от одного из портов Адриатики к Дунаю. Сербия, изолированная от выходов к морю усилиями Австро-Венгрии, могла бы тогда получить прямой морской путь. Если проект железной дороги Вена-Салоники был невыгоден России и Сербии, то Дунайско-Адриатический проект вызывал крайнее раздражение у австрийцев. Англия готова была поддержать Извольского в обмен на его согласие на английский проект реформ в Македонии.

Ситуация еще более обострилась летом 1908 г., когда произошла младотурецкая революция, в результате которой всесильный Абдул-Гамид, проводивший прогерманский курс, потерял власть. Султан пошел на провозглашение конституции, Великим визирем был назначен Киамиль – паша, ставленник Англии. Такой поворот изменил баланс сил на Балканах в пользу британских интересов. Англичане готовы были поддерживать внутреннюю стабильность Порты. Столь вождеденный для российской дипломатии вопрос о статусе Проливов отодвигался на неопределенное время. В Петербурге прекрасно осознавали, что Лондон не пойдет на усиление России и не согласится с проходом русских военных кораблей через Проливы.

¹¹¹⁶ АВПРИ. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482. Д. 2247. Л. 72.

Учитывая обстоятельства и рост влияния Англии на Босфоре, Эренталь убедил императора Франца Иосифа, что наконец настало время для окончательной аннексии Боснии и Герцеговины. Важно было только заручиться поддержкой России, напомнив ей все прежние договоренности. Австро-Венгрия готова была даже предложить в обмен за поддержку аннексии свое согласие на пересмотр статуса Проливов, понимая, что все равно двусторонние договоренности по этому вопросу ничего не стоят¹¹¹⁷.

15 сентября 1908 г. состоялось свидание Извольского и Эренталя в Бухлау. Центральной темой переговоров была предстоящая аннексия Боснии и Герцеговины. В ответ на российскую поддержку Австро-Венгрии готова была дать согласие на проход отдельных русских военных судов через Босфор и Дарданеллы, а также прекращение вассальной зависимости Болгарии от турецкого султана. Впоследствии Эренталь уверял, что устно сообщил Извольскому, что уже в октябре аннексия может произойти. Тогда Извольский поставил вопрос о территориальных компенсациях для Сербии и Черногории¹¹¹⁸. Переговоры зашли в тупик, когда российский министр предложил созвать международную конференцию.

После встречи в Бухлау А.П. Извольский отправился по европейским столицам в надежде согласовать вопрос о статусе Проливов. Пока он вел дипломатические переговоры, зондируя позицию германского и итальянского кабинетов, неожиданно, на подъезде к Парижу из газет он узнал, что император Франц Иосиф готовится обнародовать рескрипт о присоединении Боснии и Герцеговины. Извольский был шокирован, с Эренталем они так и не договорились. Соответственно он расценил действия дипломатии Австро-Венгрии как обман и шантаж, о чем и доложил императору.

Аннексия Боснии и Герцеговины произошла 8 октября 1908 г. и вызвала международный Боснийский кризис, всплеск общественного недовольства в России, Сербии и Черногории. В Белграде начались массовые выступления против действий Австро-Венгрии с требованием вернуть «исторические сербские земли» - Боснию и Герцеговину в состав Сербского королевства. В России славянолюбивая общественность обрушилась с обвинениями в предательстве славянского дела на Извольского, который в свою очередь заявил об обмане со стороны Эренталя. Волны негодования бушевали в Думе, на страницах либеральных и консервативных газет. Но в Вене и Петербурге осознавали, что весь эмоциональный накал с общественными призывами и проклятиями не доведет ситуацию до военных действий. Россия была слишком ослаблена войной с Японией. Австро-Венгрия никак не могла выпутаться из сетей конфликтов между ее

¹¹¹⁷ Айранетов О. Р. Указ. соч. С. 526–537.

¹¹¹⁸ Bridge F. R. Izvolsky, Aehrenthal... S. 359–360.

народами. Германия в довольно жесткой форме потребовала от России четко определить позицию – за или против аннексии и прекратить дипломатическую поддержку Сербии¹¹¹⁹.

Австро-Венгрия предъявила ультиматум Белграду об одобрении аннексии, отказе от компенсаций и завоевательных планов в регионе. В противном случае Сербии угрожали войной. В конфликт включился Берлин, защищая позиции своей союзницы. Теперь уже не столько австрийцы, сколько германский министр иностранных дел фон Бюлов начал развивать дипломатическое наступление одновременно на Сербию и Россию, не исключая даже военного нападения. Ответственным за развязывание войны он называл министра Извольского, который продолжал настаивать на созыве международной конференции. В марте 1909 г. Австро-Венгрия объявила «состояние тревоги» для военных корпусов на границе с Россией и Сербией. Николай II после доклада Извольского сообщил кайзеру Вильгельму, что Россия принимает германские требования. Сербия также отступила.

Кризис в дипломатических отношениях России и Австро-Венгрии растянулся до марта 1909 г. и сопровождался ожесточенной полемикой в европейской прессе. В дискуссию оказались втянутыми все великие державы, разделившиеся по блоковому принципу. Германия полностью поддержала право Австро-Венгрии на аннексию Боснии и Герцеговины. Франция и Англия разделяли позицию России, которая требовала созыва международной конференции и компенсации для Сербии.

Австрийский исследователь Отто Бруннер в книге «Австрийский Дом и Дунайская монархия» показал, что в придворных австрийских кругах обозначилось резкое противостояние между Шёнбрунном – резиденцией Франца Иосифа и Бельведером – резиденцией наследника престола Франца Фердинанда. Историк исследовал две линии политического поведения, два разных видения будущего монархии. Разработка проекта «Соединенных штатов Большой Австрии» в Бельведере, надежды австрийских либералов на кардинальные реформы при новом императоре - все осталось в прошлом. Бруннер доказывал, что балканская политика Австро-Венгрии была неизбежным следствием общего процесса политической дезинтеграции австро-венгерских элит, в которых после Боснийского кризиса еще более возросла мнительность и настороженность¹¹²⁰.

Хотя Вена при поддержке Берлина смогла найти оптимальное решение, заплатив Турции 2,5 миллиона фунтов стерлингов за отказ от номинального суверенитета над Боснией и Герцеговиной, международная напряженность не спадала. В середине марта

¹¹¹⁹ *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России, 1907–1914. М., 2000. С. 75–80.

¹¹²⁰ *Brunner O.* Das Haus Österreich und die Donaumonarchie // *Südost-Forschungen.* 1955. № 14. S. 122–144.

1909 г. в европейских столицах уже открыто заговорили о возможной войне. Начальник Генерального штаба Конрад фон Гётцендорф вспоминал, что в его окружении Сербию и стоящую за ней Россию считали воплощением зла. Во время боснийского кризиса он был убежден в том, что наступило время заплатить за все обиды и осуществить «государственное объединение Сербии с Габсбургской монархией на долгие годы, иначе время может быть упущено»¹¹²¹. Его активно поддерживал не только наследник Франц Фердинанд. Начальник германского Генштаба Мольтке (младший) выражал в переписке с фон Гётцендорфом полную поддержку Габсбургской монархии против «сербских провокаторов». Австро-Германский договор 1879 г. получал в этой связи расширительное толкование: в случае вторжения Австро-Венгрии в Сербию и активного выступления России, Германия готова была с оружием поддержать свою союзницу. Оба военачальника обсуждали стратегический план военных действий против России, Франции и Сербии. Превентивный план войны в Европе при резком обострении боснийского кризиса был одобрен министрами иностранных дел и императорами обоих немецких государств¹¹²².

Для российской дипломатии аннексия стала очередным уроком в балканской политике, своего рода – «дипломатической Цусимой». Договоренности в Бухлау, австрийский и германский ультиматумы, аннексия, протесты в Сербии и Черногории и эхо критики в адрес России, прокатившееся по всем Балканам, – все это произвело тяжелое впечатление на общественное мнение России.

Вызовы следовали один за другим, требовали новых подходов и решений. К.Б. Виноградов считает, что после кризиса 1908-1909 гг. у А.П. Извольского родилась «простая и здравая мысль о целесообразности содействовать созданию фронта балканских государств»¹¹²³. Правда, осуществить ее оказалось чрезвычайно сложным делом. Балканские лидеры малых государств привыкли мыслить исключительно сквозь призму собственных утилитарных интересов.

В фонде 146 «Славянский стол» Архива внешней политики Российской империи МИД (РФ) хранятся массивы документов о российской благотворительности на Балканах и среди славян Австро-Венгрии в начале XX в. Правда, помощь распределялась неравномерно. Более двух третей финансовых средств уходило на Балканы в Сербию, Черногорию, Герцеговину. Наибольшей общественной поддержкой пользовалась Сербия, на территории которой благотворительностью занимались Петербургский славянский комитет, Киевский и Московский славянские комитеты, Славянское вспомогательное

¹¹²¹ *Conrad von Hötendorf F.* Op. cit. 1922. Bd. 3. S. 11.

¹¹²² *Ibid.* 1921. Bd. 1. S. 380–390.

¹¹²³ *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. – пролог Первой мировой войны. Л., 1964. С. 100–104.

общество в Москве. Можно выделить несколько крупных направлений деятельности славянских общественных организаций, которые получали приоритетное финансирование в начале XX в.:

- 1) снабжение книгами и утварью «Русских клубов» в сербских городах. Они создавались по общественной инициативе сербской интеллигенцией для того, чтобы изучать русский язык и читать книги на русском языке. Русские клубы были открыты для всех, кто хотел больше узнать о России и русской культуре. Русофильское движение было настолько популярным в Сербии, что по всей стране действовала сеть Русских клубов. Лев Толстой, к примеру, присылал им специально свои книги, на средства славянских комитетов осуществлялась посылка по подписке газет и журналов на русском языке¹¹²⁴.
- 2) Обучение выходцев из южнославянских семей в российских учебных заведениях – от ремесленных училищ до университетов, Военной и Военно-медицинской академий, духовных семинариях и академиях. Для балканских юношей выделялись «казенные вакансии», благодаря которым они получали стипендии и единовременные пособия. Оплату за обучение и проживание молодым людям также оплачивали славянские благотворительные комитеты и частные меценаты. Но основное финансирование на обучение в России будущей балканской элиты брал на себя Первый Азиатский департамент Министерства иностранных дел, ежегодный бюджет которого включал субсидии на стипендии¹¹²⁵.
- 3) Гуманитарная помощь и благотворительность осуществлялись также в случаях тяжелых эпидемиологических ситуаций в балканских регионах или насилия со стороны турецких властей. Когда в Македонии началась эпидемия оспы, по представлению Святейшего Синода в помощь «бедствующим македонским славянам» был разрешен сбор пожертвований во всех церквях империи в воскресные дни, причем священники обязаны были разъяснять своим прихожанам, на какие цели пойдут собранные средства. Организацией и доставкой помощи должен был заниматься Петербургский славянский комитет¹¹²⁶.

Особо стоит отметить, что благотворительностью на Балканах занималась не только Россия. Большую активность проявляли британские общественные организации,

¹¹²⁴ АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 5120. Л. 1–10 ; Протоколы Санкт-Петербургского Славянского благотворительного комитета // ГАРФ. Ф. 730 (Игнатъев Н. П.). Оп. 1. Д. 1878. Л. 20–65.

¹¹²⁵ АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 12497. Л. 8–10 ; Д. 12090. Л. 8 ; Д. 11517 ; Д. 11528 ; Д. 12484 ; Д. 12485 ; Д. 12497 ; Д. 12498.

¹¹²⁶ Там же. Д. 5225. Л. 16–16 об.

французский Иностранный благотворительный комитет, немецкие и австро-венгерские «человеколюбивые учреждения»¹¹²⁷.

В начале XX в. Россия заметно снизила активность на Балканах, переключившись на Дальний Восток. Но общественный интерес не спадал, разогретый балканскими конфликтами и массовыми славянолюбивыми симпатиями. После поражения в русско-японской войне и разочарования в дальневосточной политике, которое испытывали все – от либералов до консерваторов, вновь пробили час Балкан. Российскую прессу захлестывало возмущение действиями австрийского министра Эренталя в боснийском кризисе 1908 г. На заседании Государственной Думы лидер кадетской партии П.Н. Милюков вместе с октябристами выступил с критикой МИД России, которое свернуло активную политику на Балканах. Был создан Комитет славянской взаимопомощи, в который вошли сам П.Н. Милюков, П.Б. Струве, А.И. Шингарев¹¹²⁸.

Находясь под градом критики, А.П. Извольский выступил в декабре 1908 г. в Думе, чтобы поставить в правительстве вопрос о новой балканской политике. Он говорил о необходимости сплотить Сербию, Болгарию, Черногорию, Грецию и «объединить их вместе с Турцией одной общей мыслью о защите их национальной и экономической самостоятельности»¹¹²⁹.

На заседании Совета министров в феврале 1908 г. А.П. Извольский призывал отказаться от «пассивной оборонительной политики» на Балканах, поскольку Россия рискует утратить роль великой державы и потерять плоды вековых усилий. Но П.А. Столыпин не разделял пафос министра, призвав его использовать искусство дипломатии и не влезать в военный конфликт.

Боснийский кризис обнажил все глубокие противоречия, накопившиеся за полстолетия в российско-австрийских отношениях. Он оказался не только одним из первых проявлений блокового антагонизма, не только личной схваткой министров Извольского и Эренталя, но и столкновением Англии и Германии в их борьбе за влияние на Османскую империю, вспышкой противостояния между пангерманистами и панславистами.

После боснийского кризиса российский и германский императоры предпочли избавиться от своих министров иностранных дел, которые настолько увлеклись дипломатической дуэлью, что поставили Европу на грань большой войны. Обоим государствам нужна была в это время более взвешенная внешняя политика, без

¹¹²⁷ Там же. Д. 12473. Л. 180–185.

¹¹²⁸ ГАРФ. Ф. 1821 (Комитет славянской взаимопомощи). Оп. 1. Д. 1. Л. 1–6.

¹¹²⁹ История внешней политики России (конец XIX – начало XX века) : от русско-французского союза до Октябрьской революции / отв. ред. А. В. Игнатъев. М., 1997. С. 246.

вызывающих резких действий и потрясений. А.П. Извольский получил почетное назначение послом в Париж и смог сохранить влиятельное положение в российской дипломатии. Его сменил Сергей Дмитриевич Сазонов (1860-1927) – родственник П.А. Столыпина. Вместо канцлера Бюлова внешнюю политику Германии возглавил Теобальд фон Бетман – Гольвег (1856-1921) - педант, усердный чиновник, правда, не обладавший политическим чутьем и гибкостью. Алоиз фон Эренталь получил графский титул за особые заслуги в боснийском кризисе и продолжал до 1912 г. руководить министерством иностранных дел Австро-Венгрии. Он ощущал себя триумфатором, хотя при любом удобном случае подчеркивал, что надеется на восстановление отношений с Россией¹¹³⁰.

Впрочем, торжество германской и австро-венгерской дипломатии было омрачено одним обстоятельством. После боснийского кризиса Россия уже не была готова возобновить Союз трех императоров. Окно возможностей закрылось. В октябре 1910 г. состоялась встреча российского и германского императоров в Потсдаме. Вильгельм II предложил заключить соглашение о взаимном нейтралитете в случае международного кризиса в Европе. При петербургском дворе сохраняла влиятельные позиции прогерманская «партия», которая ожидала от «потсдамского свидания» разворота в сторону Берлина и Вена. Получив откровенное предложение, которое перечеркнуло бы союзнические соглашения с Францией и Великобританией, Николай II после некоторых колебаний отказался. Потсдамская встреча 1910 г. стала своеобразным рубежом в российско-германских отношениях¹¹³¹.

В этом же году Россия подписала соглашение с итальянским королем Виктором-Эммануилом III о «содействии развитию балканских государств» на основе «применения национального принципа». Россия и Италия выступали за совместное противодействие геополитическим интересам Австро-Венгрии на Балканах. Тем более, что итальянский король был готов поддержать Россию в вопросе о Проливах.

6.3. Неославизм как общеславянский проект в Австро-Венгрии и России

На рубеже веков теория и практика славянской интеграции стали важной частью политической культуры России и Австро-Венгрии. На их стыке возникло мощное движение, которое охватило буржуазные круги славянских народов. Его основатель – чешский либеральный демократ Карл Крамарж (1860-1937) придумал название - «неославизм». Неославизм задумывался как интеграционное культурно-просветительское

¹¹³⁰ Aus dem Nachlass Aehrenthal... Т. 2. S. 759–760.

¹¹³¹ Хвостов В. М. Борьба Антанты и Австро-Германского блока (1908–1911 гг.) // История дипломатии / под ред. В. П. Потемкина. М., 1945. Т. 2. С. 200–202.

и экономическое движение европейского масштаба с привлечением австро-венгерских и балканских славян, а также России¹¹³². Активную роль в формировании его сетевой структуры, идеологических приоритетов, объединительных акциях сыграли чешские и словенские политики.

Центром неославизма стала Прага, из которой нити потянулись ко всем крупным славянским городам, а также в Москву и Петербург. Интеллектуальные и предпринимательские чешские круги активно поддержали это движение в надежде расширить экономические и политические контакты с российской буржуазией и политиками. Не последнюю роль играли чешские амбиции возглавить сообщество славян Австро-Венгрии. Несмотря на широкий размах неославизма, в историографии найдется не много крупных трудов по этой теме. Первая диссертация была защищена в Венском университете в 1963 г. Ольгой Хайнц¹¹³³.

Следующее исследование появилось в Кембридже в 1977 г. Его автор Пол Вишны – профессор Университета Сент-Энрюс, выделял несколько этапов в развитии неославизма: 1) переосмысление идей и стратегий славянской взаимности в 1898-1905 гг.; 2) подъем неославистского движения в 1905-1908 гг.; 3) кульминация – Пражский съезд неославистов; 4) спад движения в 1908-1910 гг.; 5) Съезд неославистов в Софии в 1910 г.; 6) «конец мечты» 1910-1914 гг.¹¹³⁴

Книга была написана на обширной базе опубликованных и архивных дипломатических, общественно-политических и экономических документов из австрийских и чешских архивов. Пол Вишны доказывал, что неославизм представлял собой попытку чешских либералов заменить панславизм на новый проект, заложенный на принципах «свободы, равенства и братства». Неославизм был генетически связан с предшествовавшей программой австрославизма, с такой же ориентацией на усиление Австро-Венгрии, лояльностью дому Габсбургов и надеждами на улучшение отношений между Веной и Петербургом. Вишны неоднократно подчеркивал, что неославизм выступал как «окончательная манифестация чешского австрославизма», ссылаясь на высказывания Карла Крамаржа и его оппонента Эдуарда Бенеша¹¹³⁵.

¹¹³² *Ненашева З. С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. : чехи, словаки и неославизм, 1898–1914. М., 1984. 238 с. ; *Ее же.* Масарик и Крамарж как идеологи славянского единства в восприятии русского консула в Праге // Славянский альманах, 1999 / отв. ред.

М. А. Робинсон. М., 2000. С. 123–130 ; *Сератионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия, 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. 510 с.

¹¹³³ *Heinz O.* Der Neoslawismus. Wien, 1963. 152 Bl.

¹¹³⁴ *Vyšný P.* Neo-Slavism and the Czechs, 1898-1914. Cambridge ; New York, 1977. 287 p.

¹¹³⁵ *Ibid.* P. 248–249.

Карлу Крамаржу было посвящено немало работ чешских историков в 1970–1990-е гг.¹¹³⁶ Взаимоотношения неославистов с российским обществом были глубоко изучены в работах З.С. Ненашевой, Е.П. Серапионовой, Е.Г. Костриковой¹¹³⁷. З.С. Ненашева определяет неославизм как общеславянское движение начала XX в., которое сознательно уходило от политической повестки, ставя во главу угла культурные и экономические цели. Отказ от формирования политической программы стал, по мнению исследовательницы, основной причиной провала неославизма, поскольку его сторонники так и не смогли убедить правительственные кабинеты Австро-Венгрии и России в необходимости поддерживать неославистскую политику¹¹³⁸.

Русский современник неославизма, активно участвовавший во многих общеславянских акциях профессор Военно-Юридической академии, генерал В.М. Володимиров указывал на несколько причин возникновения этого движения. Особую роль сыграли политика сдерживания России со стороны Германии; российский парламентаризм и развитие национальных движений у австрийских славян¹¹³⁹.

Как уже отмечалось, на рубеже XIX–XX вв. началось потепление в отношениях между Петербургом и Венной. Согласно исследованиям Е.П. Серапионовой, оживление интереса к славянской взаимности пришлось в Чехии на юбилейные торжества в память Франтишка Палацкого в 1898 г. В Праге стал издаваться новый журнал *Slovanský Přehled*, в Вене - пророссийский журнал «Славянский Век», с которым сотрудничали многие известные ученые, журналисты и писатели из России – профессора К.Я. Грот, Н.В. Ястребов, В.Н. Кораблев, А.Ф. Гусев, академики Ф.Е. Корш и В.И. Ламанский, а также В.В. Розанов, Н.Н. Дурново, И.В. Каменский. В славянских землях резко возросло число общественных объединений, где изучался русский язык и обсуждались перспективы славянской интеграции.

В Любляне в 1902 г. был учрежден Союз славянских журналистов, который объединил восемь обществ - 4 чешских, 2 польских, 1 словенское и 1 галицийско-русское,

¹¹³⁶ См., к примеру: *Herman K., Sládek Z. Slovanská politika Karla Kramáře. Praha, 1971. 91 s. ; Vojtěch T. Mladočeši a boj o politickou moc v Čechách. Praha, 1980. 198 s. ; Valenta A. Karel Kramář // Střední Evropa. 1995. Roč. 11, № 51. S. 44–65.*

¹¹³⁷ *Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия, 1890–1937 годы. М., 2006. 510 с. ; Ее же. Русская супруга первого премьера Чехословакии // Родина. 2001. № 1–2. С. 134–138 ; Ее же. Т. Г. Масарик и К. Крамарж: отношение к России // Европейские сравнительно-исторические исследования / отв. ред.: Ар. А. Улуян. М., 2002. Вып. 1. С. 124–144 ; Ненашева З. С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. 238 с. ; Ее же. Масарик и Крамарж как идеологи славянского единства в восприятии русского консула в Праге // Славянский альманах, 1999. М., 2000. С. 123–130.*

¹¹³⁸ *Ненашева З. С. Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. № 1–2. С. 131–133.*

¹¹³⁹ *Выступление В. М. Володимирова на заседании Славянского благотворительного комитета в Санкт-Петербурге // ГАРФ. Ф. 541 (Вергун Д. Н.). Оп. 1. Д. 28. Л. 13.*

насчитывавших 284 члена. Предполагалось создать Центральное славянское телеграфное агентство, которое бы занималось обменом информацией о событиях в славянской среде. Но австро-венгерские власти отказали чешским представителям в концессии. Вместо него заработало Санкт-Петербургское телеграфное агентство, которое в 1904 г. возглавил дипломат А.А. Нератов. Агентство поддерживало тесные контакты с дипломатическими представительствами России в славянских землях¹¹⁴⁰.

Первые годы XX столетия стали кульминацией во взаимоотношениях австрийских славян с Россией. Один крупный проект с общеславянскими целями следовал за другим. В 1902 г. по инициативе Славянского благотворительного общества в Санкт-Петербурге началась подготовка к Всеславянской Художественно-Промышленной выставки, посвященной быту и современной жизни славянских народов. Ее открытие было запланировано на 1905 г., но не состоялось из-за русско-японской войны. В 1903 г. в Санкт-Петербурге состоялся съезд ученых - славистов.

В 1904-1906 гг. сформировалось ядро нового движения, в которое вошли Карл Крамарж, чешские социалист Вацлав Клофач и славист Йозеф Дюрих, лидер Словенской либеральной партии Иван Хрибар, лидер Хорватской народной крестьянской партии С. Радич, поляк Голомбинский, русин Н.П. Глебовицкий, профессор Дртина, доктор Шилингер, хорватские писатели Анте Тресич -Павичич, Л. Бабич-Джалский, серб Баляк, украинец Окуневский, председатель Софийского славянского общества С.С. Бобчев, белградский профессор Г. Гершич.

В 1906 г. выборы в имперский парламент сложились максимально удачно. По численности депутаты из австрийских славян превысили австро-немецкую и венгерскую фракции. Это рождало надежды, что ситуацию в монархии можно переломить легальными, парламентскими методами. Избирательная реформа открывала блестящие перспективы. Союз славянских парламентских фракций мог бы превратиться в силу, влияющую на правительственные решения во внутренней и внешней политике.

Принципы «Славянского союза» были опубликованы в апреле 1906 г. в журнале «La Revue Slave»¹¹⁴¹. Программа активно обсуждалась во всех славянских сообществах. Неослависты резко отмежевались от панславизма и славянофильства. С гуманистическим пафосом они заявляли о цивилизационных ценностях, равенстве и свободе каждого славянского народа.

Примерно в это время оформилась программа движения, в которой были отражены несколько целей:

¹¹⁴⁰ *Сератионова Е. П.* Указ. соч. С. 73–78.

¹¹⁴¹ *Кострикова Е. Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос. М., 2017. С. 87.

1. Достижение равноправного статуса славянских народов в политической жизни монархии Габсбургов, поиск путей разрешения внутренних конфликтов между отдельными группами австрийских славян. Только интеграция всех славянских движений в монархии позволила бы им конкурировать с сильным пангерманским объединением и венгерской амбициозной политикой.
2. Изменение внешнеполитического курса Австро-Венгрии. Вместо тесного союза с Германией должна возобладать ориентация на партнерство с Россией. Традиционное чешское русофильство играло в этих расчетах ведущую роль. Возобновление союза двух монархий могло бы стать отправной точкой для процесса славянизации Австро-Венгрии и обеспечило бы выгодные условия для внешней торговли и инвестиций на российских рынках.
3. Создание сильной фракции из славянских депутатов в имперском парламенте, чтобы согласовывать свои действия и требования и выступать единым фронтом на политической арене Австро-Венгрии.

В 1907 г. на парламентских выборах младочехи потерпели поражение. Для Карла Крамаржа это событие стало поворотным. Силу своей энергии и политической харизмы он направил на неославизм, чтобы расширить влияние внутри и за пределами Австро-Венгрии. В 1906 г. в статье «Австрийская внешняя политика» он заявлял, что чехи внутри Австро-Венгрии сильны, как никогда не будут в другом государстве, тем самым отклоняя обвинения в сепаратистских замыслах¹¹⁴².

За ярким фасадом – идеями «славянского мира» и его цивилизаторской миссией стояли конкретные прагматические цели. Для динамично развивавшейся славянской буржуазии важно было получить льготные условия для импорта сырья и рынков сбыта своей продукции в России и на Балканах. В этом смысле неославизм представлял органичное явление эпохи, которую охватило стремление к концентрации капиталов и ресурсов. Но не только экономические мотивы стали мотором нового славянского движения.

Неославизм стала поддерживать партия младочехов – наиболее влиятельная в чешских землях, которая объединяла в своих рядах представителей крупной и средней буржуазии. В начале XX в. противостояние между чехами и богемскими немцами в землях короны святого Вацлава достигло своего пика¹¹⁴³. Чешские предпринимательские группы сумели значительно увеличить активы, но были ограничены жесткой

¹¹⁴² *Kramář K. Rakouská zahraniční politika v XIX. stol. // Česká politika / red. Zd. V. Tobolka. Praha, 1906. D. 1. S. 180.*

¹¹⁴³ *Зуппан А. Тысяча лет соседства австрийцев и чехов : взгляд из Австрии. М. ; СПб., 2021. С. 115–119.*

конкуренцией с немецко-австрийской и немецко-богемской буржуазией. Неудивительно, что их чрезвычайно увлекала идея льготных таможенных тарифов на российских рынках. Чешский средний класс с воодушевлением осмысливал промышленные и торговые возможности, которые открывались при партнерстве с Россией. Рождались идеи создания Славянского банка, славянских промышленных выставок и торгово-промышленных структур.

Чем острее становилось противостояние между чешским движением и богемскими немцами, тем активнее расширялся круг сторонников неославизма, который стал частью борьбы за национальное самоутверждение и демонстрацией собственной политической и экономической значимости.

Карел Крамарж любил и понимал Россию. В 1890 г. он провел почти полгода в имении славянофильской семьи Самариных на Волге. Российские просторы, гостеприимство и открытость, безусловные симпатии к славянам произвели на него глубокое впечатление. В письмах родным и друзьям Крамарж писал о необходимости культивировать славизмы в чешском обществе. Эта идея глубоко им овладела¹¹⁴⁴. Несмотря на краткое время пребывания в России, он познакомился с Львом Толстым, философами Владимиром Соловьевым и Сергеем Трубецким, славистами Владимиром Ламанским и Нилом Поповым, либералом Павлом Милюковым, журналистом и славистом Александром Пыпиным и многими другими известными деятелями¹¹⁴⁵. В 1900 г. он женился на Надежде Николаевне Хлудовой-Абрикосовой, происходившей из богатой семьи русского предпринимателя, получившей к тому же после развода с первым мужем значительные средства. Благодаря состоянию и связям жены, Крамарж имел важные знакомства среди российской крупной буржуазии и либеральных политиков. Он был настолько привязан к России, что приобрел виллу Барбо недалеко от Ливадии в Крыму, куда ежегодно приезжал на отдых¹¹⁴⁶.

Крамарж подробно изучал наследие ранних славянофилов – И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, а также идеологов панславизма – М.П. Погодина, Н.Я. Данилевского, Р.А. Фадеева. Как отмечает исследователь его взглядов, Е.П. Серапионова, Крамарж «разделял понятия панруссизм и панславизм». Если панруссизм он считал сугубо внутренним

¹¹⁴⁴ Paměti Dr. Karla Kramáře / vyd. K. Hoch. Praha, 1938. S. 208 ; Серапионова Е. П. Указ. соч. С. 31–45.

¹¹⁴⁵ Paměti Dr. Karla Kramáře. S. 234–237.

¹¹⁴⁶ Серапионова Е. П. Крымский рай – Барбо : в поисках виллы Надежды и Карла Крамарж // Крымский альбом. Феодосия ; Москва, 2002. Вып. 6. С. 83–90.

вопросом России, то в панславизме видел попытку найти пути освобождения для угнетенных славян¹¹⁴⁷.

Влиятельной фигурой в чешском неославизме был также Вацлав Клофач (1868-1942), известный журналист, убежденный русофил, принадлежавший к Чешской национальной социалистической партии. Клофач выступал за тесное сближение с Россией, верил в великое славянское будущее. Во время русско-японской войны и балканских конфликтов работал военным корреспондентом для чешских изданий¹¹⁴⁸.

В неославизме проявились надежды на «русское возрождение», которые распространились среди австрийских славян под влиянием революции 1905 г. Казалось, еще немного, и Россия откажется от самодержавия в пользу конституционной монархии и парламентаризма. На этой волне в горячих головах возникали проекты будущей Славянской федерации с Россией во главе, с общим Таможенным союзом. Всем членам федерации был бы гарантирован полноправный религиозный, национальный, политический и экономический статус. Но подобные планы были скорее исключением, их разделяли только убежденные русофилы. Австрофильство оставалось общепринятой нормой чешской политики.

С 1898 г. по 1912 г. прошли 12 съездов славянских журналистов. Большинство было организовано в городах Австро-Венгрии: Праге, Дубровнике, Любляне, Пльзне, Угерском Градиште. Лишь два съезда прошли за пределами монархии - в Софии и Белграде. Российские делегации, как правило, были немногочисленными, тон задавали представители наиболее авторитетных чешских, польских, хорватских и словенских периодических изданий.

В материалах фактически всех известных славянских съездов с 1867 г. по 1912 гг. сочетались две тенденции – австрофильская и панславистская (всеславянская)¹¹⁴⁹. Наряду с призывом к общим целям, каждая национальная делегация стремилась утвердить собственные интересы под общеславянским знаменем. Всякий раз их позиция определялась национальным прагматизмом и австрофильством, потребностью обратить на себя внимание европейского общественного мнения. Австрийские славяне хотели быть не только чехами, словаками, словенцами, хорватами, русинами, не только славянами, не только австрийцами, но и полноправными европейцами.

В то же время их экзистенциальный опыт заставлял искать компромисс между австрофильством и русофильством, между автрославизмом и панславизмом.

¹¹⁴⁷ *Сератионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия... С. 87–88.

¹¹⁴⁸ *Šantrůček B.* Václav Křofáč (1868–1928) : pohledy do života a díla. Praha, 1928. S. 84–126.

¹¹⁴⁹ Славянское движение XIX – XX веков / отв. ред. М. Ю. Досталь. М., 1998. С. 57–200.

Русофильство, всеславянская ориентация становились все более демонстративными. Шумная компания за изучение русского языка, исполнение во время народных гуляний гимна России, издание на чешском языке книг Н. Данилевского и Р. Фадеева и их бурное обсуждение – безусловно, отражали общественные симпатии к России, но в значительной степени, были направлены на Вену, чтобы показать, что у австрийских славян есть альтернатива¹¹⁵⁰.

В материалах 12 объединительных съездов славянских журналистов (1898-1912 гг.) обязательно подчеркивалось историческое значение первого Пражского съезда 1848 г., который воспринимался как отправная точка нового движения. В славянской прессе наблюдалась дифференциация образов «врагов славянства». В 1890-е гг. негативные характеристики венгров и австро-немцев стали забываться. В выступлениях неославистов – чешских и словенских либералов стала проступать новая тенденция – свести к минимуму критику всех сил, которые поддерживают австрийское государство. Формулировка «врагов австрийского славянства» приобрела четкий смысл: это – пангерманисты, стремившиеся включить Австро-Венгрию в состав Второго Рейха.

Выступая 13 июля 1908 г. на открытии Пражского съезда Карел Крамарж заявил: «мы, славяне, исполним свою миссию в истории человечества. Мы несем народам мир и любовь. Мы не хотим ломать троны, уничтожать империи и государства. Нет! Мы хотим только чувствовать себя единым, великим целым, спасенным совместными культурными интересами, чтобы, разделенные, враждующие между собой, мы не падали один за другим под натиском энергичной, планомерно организуемой, культурной и экономической экспансии»¹¹⁵¹. Пражский съезд 1908 г. стал яркой демонстрацией австрийских славян и русских к расширению культурных, экономических, политических контактов. Особенно активно выступали чешские политики. Попытка сербской элиты в 1911 г. перехватить инициативу в этом движении окончилась неудачей.

Несмотря на декларируемый общеславянский масштаб, неославизм, по своей сути, был австрийским явлением. В нем отразилась тенденция, характерная для всех австрийских славян, но наиболее выраженная в чешском движении - поиск влиятельных союзников внутри и за пределами монархии Габсбургов, чтобы противостоять нараставшему пангерманизму.

Как правило, поиск осуществлялся в двух направлениях – на Западе (во Франции, в США) и в России. Но внешняя политика австрийских славян имела двойственную природу. С одной стороны, декларировалась преданность Дому Габсбургов и австрийская

¹¹⁵⁰ Žáček V. Doznívání myšlensky slovanských sjezdů po roce 1867 // Slavia. 1981. Roč. 50. S. 395–407.

¹¹⁵¹ Vůjšný P. Op. cit. S. 56. Подробно о съезде см: Ibid. S. 56–124.

лояльность. С другой стороны, активность неославистов была направлена на переустройство монархии на федералистских принципах и возобновлении исторического союза двух империй – России и Австро-Венгрии. В определенные периоды такая внешнеполитическая инициатива была выгодна Вене, поскольку оба немецких государства пытались привлечь Россию на свою сторону. Но подобные планы совсем не разделяли российские либералы, тяготевшие к Великобритании и настраивавшие общественное мнение в пользу сближения с «европейскими демократиями» – Великобританией и Францией.

Самостоятельные поездки славянских деятелей в столицы великих держав, переговоры с влиятельными лицами от имени «своей нации», несогласованные с правительством предложения и проекты, инициативы в общегосударственном формате – вызвали крайнюю подозрительность и раздражение в высших эшелонах власти в монархии. Складывалась парадоксальная ситуация. Стремясь укрепить Австро-Венгрию, усилить ее державный статус, неослависты невольно подрывали хрупкий баланс межнациональных отношений, на котором зиждилось это многосоставное государство.

Несмотря на численное превосходство славянского населения в монархии и реальную возможность создать мощное славянское лобби в парламентах на земельном и имперском уровнях, австрийские славяне упустили свой шанс. Попытки неославистов сформировать общую политическую повестку и укрепить взаимопонимание между австрийскими славянами не достигли успеха. Причин было немало, они имели как исторические корни, так и национальную мотивацию. Против выступали австрийские поляки, имевшие сильные позиции в придворных и правительственных кругах Вены.

Польские представители правящего класса в Галиции традиционно поддерживали австро-немецкую парламентскую фракцию, осознавая свою самодостаточность среди австрийских славян. Лидеры неославизма надеялись примирить русских с поляками, выдвигая разнообразные проекты автономии Царства Польского, которые не разделяли ни российское правительство, ни славянолюбивая общественность¹¹⁵². Только некоторые польские интеллектуалы, как Роман Станислав Дмовский, готовы были к поиску компромисса, большинство польских лидеров скептически относилось к перспективам неославизма.

Первоначально в России восприняли неославизм с большим сочувствием и вниманием. Неослависты искренне были убеждены, что партия кадетов Павла Милюкова, занимавшая центристскую позицию в российском политическом спектре, выступает за обновление России, парламентаризм и конституционный строй. Не только Карл Крамарж,

¹¹⁵² *Kramář K. Na obránu slovanské politiky. Praha, 1926. S. 15–16.*

но и лидер партии прогрессистов Томаш Гарик Массарик тяготели к российским либералам, избегая тесных контактов с консервативными кругами панславистов.

В первое десятилетие XX в. среди австрийских славян возросло неприятие имперского панславизма, они опасались обвинений в «панславистском шпионаже» со стороны австро-венгерских властей. Недаром Крамарж приветствовал позицию Владимира Михайловича Володимирова (1840-1910) известного военного юриста, сторонника неославизма. Он считал, что триединая формула – «Православие, самодержавие, народность» устарела как общее кредо славянства. Необходимо общеславянское признание принципов «свободы, равенства и братства», примирение и признание культурного единства¹¹⁵³. Эти идеи нашли воплощение в организации Славянского съезда 1908 г., который занимает особое место в истории неославизма.

Активный сторонник сближения России с австрийскими славянами, известный специалист по гражданскому праву Александр Александрович Борзенко (1847-1915) передал значительное пожертвование на его организацию¹¹⁵⁴. Со времени первого Славянского съезда в России прошло сорок лет. Важно было показать преемственность славянской взаимности, превратить новый съезд в манифестацию общеславянской солидарности. Борзенко А.А. направил приглашения Карлу Крамаржу, всем видным деятелям неославизма. Он даже пригласил премьера П.А. Столыпина и получил его одобрение. Но австрийские славяне его раскритиковали, не желая придавать официальный характер этому мероприятию. Со стороны российских сторонников неославизма участвовали Д.В. Вергун, В.М. Володимиров, член Государственного Совета М.М. Ковалевский, А.А. Башмаков и Ю.Н. Милютин.

Славянский благотворительный комитет в Петербурге стремился взять инициативу на себя, но был создан специальный Клуб общественных деятелей, в который вошли 39 видных членов. Его основатель Николай Алексеевич Хомяков (1850-1925) – действительный статский советник и член Государственного Совета, сын философа – славянофила А.С. Хомякова, в 1907-1910 гг. возглавлял Государственную Думу от партии Союз 17 Октября. Н.А. Хомяков считал, что прежними методами нельзя действовать среди зарубежных славян. Необходимо обновление всей славянской политики России. По его мнению, именно неославизм мог бы стать объединяющей платформой для славян Австро-Венгрии и Балкан с Россией¹¹⁵⁵. С этой целью был создан новый Комитет

¹¹⁵³ Володимиров В. М. Неославизм и австрославянство. СПб., 1909. 15 с.

¹¹⁵⁴ О его проведении и организации см. подробно: *Сератионова Е. П.* Указ. соч. С. 93–103.

¹¹⁵⁵ *Соловьев К. А.* Хомяков Николай Алексеевич // На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности : исследования и публикации / отв. ред. Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. СПб., 2014. Т. 2. С. 514–515.

славянской взаимности, который резко отмежевался от программы имперского панславизма, заявил об отсутствии скрытых геополитических целей, а только о продвижении экономического и культурного сближения. Лидерами нового славянского движения в России выступили Д.Н. Вергун, Ю.Н. Милютин, В.М. Володимиров, А.А. Столыпин, барон П.Л. Корф, Н.А. Хомяков.

Российские славянолюбивые круги хотели особо подчеркнуть преемственность между первым съездом славян в России в 1867 г. и новым в 1908 г. Даже даты почти совпадали – славянские делегации прибыли в Петербург 13 мая. Но в отличие от прежнего, на съезде 1908 г. присутствовали статусные гости – 259 славянских депутатов из всех 576 членов австрийского парламент. Каждый день Славянского съезда подробно освещался в российской прессе. Помимо торжественных заседаний и символических речей в честь славянского возрождения были предусмотрены встречи славянских делегаций с ведущими деятелями российских партий (октябристами, умеренно-правыми, кадетами, центристами), а также членами Государственного Совета. Обсуждались вопросы создания Славянского банка в противовес Deutsche Bank, активно действовавшему на Балканах, открытия в Праге российского консульства, устройства в Москве Всеславянской этнографической выставки, учреждении Славянского телеграфного агентства; участия русских журналистов в съездах славянских журналистов Австро-Венгрии; обмена молодежными организациями и меры по распространению русского языка¹¹⁵⁶. «Дни славянского единения» были высоко оценены в России. Осознание необходимости Славянского Союза пронизывало разные политические направления, зачатую противоположные.

После Петербурга славянских гостей встречали в Варшаве, где состоялась их встреча с польскими деятелями – Ф. Новодворским, А. Сулиговским, А. Красинским и другими. После возвращения в Прагу Карел Крамарж обобщил все инициативы, представив их как начало межславянского экономического сближения. Он и его сторонники расценивали результаты своей поездки в Москву и Варшаву как чрезвычайно успешные, открывшие новые перспективы неославистскому движению¹¹⁵⁷.

Славянские съезды следовали один за другим. За съездом в Праге западно-славянских торговцев и промышленников последовал IV съезд славянских врачей и естествоиспытателей, в котором приняли участие российские представители. Увлечение новым славянским движением нарастало и в России. Комитет славянской взаимности уже

¹¹⁵⁶ Общеславянские инициативы подробно освещались наиболее влиятельной либеральной газетой того времени «Новое время» с 13 по 23 мая 1908 г. ; *Vyšný P. The 1908 Prague Neo-Slav Congress // Vyšný P. Op. cit. P. 91–124.*

¹¹⁵⁷ *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S. 27–28.*

насчитывал 183 члена, среди них – Н.Н. Львов, В.А. Маклаков, Н.П. Кондаков, В.М. Петрово-Соловово и др.

Программа следующего славянского съезда в Праге 1908 г. включала все основные вопросы, которые обсуждались на московском съезде и получили одобрение на последовавших профессиональных съездах. Она получилась сугубо деловой и включала организацию всеславянской выставки, поездки русских крестьян в славянские земли для обучения земледелию и виноделию, развитие славянского молодежного туризма, распространение опыта гимнастического общества «Сокол» в России, организацию Славянского телеграфного агентства и тд. В исследованиях Пола Вишны и Е.П. Серапионовой детально описана подготовка и проведение этого крупного всеславянского съезда¹¹⁵⁸. В состав российской делегации вошли видные политики – либералы, земские деятели, ученые, журналисты, представители крупного бизнеса и банков. Особо стоит отметить, российская делегация объединилась совместно с галицийско-русинскими представителями, немалая заслуга в этом принадлежала Вергуну. Но организаторы пытались максимально снять политическую напряженность, договорившись не обсуждать польскую тему.

Не только эта тема была чувствительной для межславянских отношений. На съезде не было представителей лужичан, словаков и украинцев. Лидер украинского движения М. Грушевский объяснил причину, по которой не был готов поддержать съезд, поскольку в его повестке не нашлось места для обсуждения вопроса об отношении поляков и русских с украинцами. Он также был возмущен, что не пригласили белоруссов. Принципиальное расхождение с неославизмом у М. Грушевского было в оценках германизма. Он не разделял тезис о племенной вражде славянства с германством и не видел в последнем угрозу существования славянским народам¹¹⁵⁹.

В целом, Пражский съезд 1908 г. прошел в очень теплой, дружеской и деловой обстановке. Чешское общество искренне верило в возможность осуществления целей неославизма. Но в оживленной атмосфере всеславянского братства проступали скрытые чешские интересы на фоне резкого обострения конфликта между чехами и богемскими немцами. Чехи демонстрировали полное неприятие пангерманизма в любых проявлениях и стремились показать свою лидирующую роль в будущей судьбе Австро-Венгрии. Стоит особо подчеркнуть, что никто из участников съезда не допускал ни в речах, ни в кулуарных разговорах антигабсбургских суждений. Напротив, все делегаты – от председателя съезда – Карла Крамаржа до националиста, депутата Государственной Думы

¹¹⁵⁸ Серапионова Е. П. Указ. соч. С. 108–135.

¹¹⁵⁹ Там же. С. 113.

графа В.А. Бобринского – проявляли уважение к императору Францу Иосифу, поднимая тосты в его честь и процветания Австро-Венгрии.

Все жаждали конкретных результатов от славянской солидарности. Через два месяца в Любляне на съезде славянских журналистов был разработан и согласован устав всеславянского союза журналистов. Но все воодушевление и высокие ожидания рухнули в сентябре 1908 г., когда Вена официально объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. Карел Крамарж встречался с министром А. Эренталем, который уверял его, что этот вопрос согласован с его российским коллегой А.П. Извольским еще в начале сентября на встрече в замке Бухлау¹¹⁶⁰. Впоследствии Крамарж признавал, что поверил в слова министра иностранных дел и поддержал аннексию в комиссии по иностранным делам.

Волна негодования, которая поднялась в российской прессе накрыла и его с головой. Еще несколько месяцев назад Крамаржа превозносили как прозорливого вождя австрийского славянства, а теперь обвиняли в воинствующем австрославизме. Славянские фракции в парламенте раскололись. Против аннексии и позиции Крамаржа выступили чешский социалист Клофач, галицийский депутат Глебовицкий и хорватский депутат Тресич. Их сторонники резко осудили аннексию Боснии и Герцеговины. Крамарж никак не ожидал такого стремительного разлома в неославистском движении¹¹⁶¹. Впоследствии он осудил «вероломство Эренталю» и политику аннексии. Но на него обрушились с критикой не только в России, но и в Австро-Венгрии. Международный скандал между Веней и Петербургом сразу поставил неославистов в Австро-Венгрии в уязвимое положение. Австро-немецкая журналистика объявила их «панславистскими агентами», стремившимся подорвать единство габсбургских подданных. Особенно подвергался нападкам тезис о противостоянии с германизмом. Но и внутри чешского общества все громче зазвучали голоса о необходимости отказаться от «общеславянского утопизма» и перейти к «славянскому реализму»¹¹⁶².

Лидер Чешской народной партии Т.Г. Масарик выступил с критикой «мечты, так и не ставшей реальностью»¹¹⁶³. Реализм в славянской политике, по его мнению, должен быть направлен на реализацию национальных интересов каждого славянского народа и поиск компромиссных решений в межславянских отношениях. Четко и жестко он

¹¹⁶⁰ *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. S. 31–33.*

¹¹⁶¹ *Ibid. S. 33–35.*

¹¹⁶² *Сератионова Е. П. Указ. соч. С. 120–121.*

¹¹⁶³ *Павленко О. В. «Мечта, не ставшая реальностью...» // Славянский альманах, 1999 / отв. ред. М. А. Робинсон. М., 2000. С. 100–115.*

обозначил условия, при которых «свободная и демократичная» Россия с конституцией и развитой парламентской системой – могла бы стать центром славянского мира¹¹⁶⁴.

Пол Вишны считает, что после аннексии Боснии и Герцеговины российские либералы не питали уже большой заинтересованности в контактах с австро-венгерскими неославистами. Они, конечно, стремились перехватить инициативу у панславистов во влиянии на зарубежных славян, ведя с ними ожесточенную полемику. Но этого запала надолго не хватило. Н.П. Милюков был увлечен политической борьбой внутри России, влияние партии возрастало, ее печатный орган «Новое Время» превращался в лидера мнения для образованного общества. Славянская тема, хотя и занимала особое место в повестке кадетов, но не была определяющей¹¹⁶⁵.

Дело было в том, что Н.П. Милюкову был более близок по духу и мировоззрению политический соперник Крамаржа – Томаш Гаррик Масарик. Их сближало общее неприятие панславизма, даже раннего славянофильства, а тем более консервативного направления, ориентация на западные либеральные ценности и англофильство. Милюков ценил влияние Крамаржа как лидера младочешской партии, но охладел к нему из-за его лояльности к самодержавию, склонности к компромиссам и неопределенной политической программы. Т.Г. Масарик представлялся ему более перспективным чешским политиком либерального толка, который разделял его взгляды на будущее России¹¹⁶⁶.

В книге Е.П. Серапионовой реконструирована роль Крамаржа в боснийском кризисе 1908 г. на основе документов Архива внешней политики РФ - донесений российских дипломатов и резидента в Вене В.П. Сватковского. Исследовательница доказала, что во многом благодаря связям Крамаржа в высших австрийских кругах, его доверительным отношениям с Агенором Эренталем, удалось предотвратить военное столкновение России и Австро-Венгрии в 1908 г.¹¹⁶⁷.

Как видим, роль славянского фактора в российско-австрийских отношениях осознавали не только общественные деятели, но и высшие государственные лица. Как только схлынуло напряжение, вызванное боснийским кризисом, в Петербурге в апреле 1909 г. состоялся съезд славянских благотворительных организаций, в котором приняли участие все крупные общественные организации от правых консерваторов до либералов. На этом съезде планировалось учредить Союз славянских обществ для координации деятельности многочисленных неправительственных объединений, а также Русско-

¹¹⁶⁴ Масарик Т. Г. О новославизме // Речь. 1908. 24 декабря (№ 317).

¹¹⁶⁵ Vušný P. Op. cit. P. 174–176.

¹¹⁶⁶ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 2. С. 37.

¹¹⁶⁷ Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия... С. 116–122.

славянскую торговую палату, ввести славянские языки в учебные программы российских гимназий, создать льготные условия для обучения славянских студентов в российских светских и духовных высших заведениях, заняться популяризацией знаний о славянах¹¹⁶⁸. Таким образом, программа съезда была нацелена на системную славянскую политику и включала не только политические задачи, но и культурно-просветительские, благотворительные, образовательные, сетевое взаимодействие. Правда, кадеты П.Н. Милюков и А.Л. Погодин отказались поддержать общие решения съезда, мотивируя своей особой позицией по польскому вопросу.

Уже на следующий месяц – в мае 1909 г. делегация австрийских славян во главе с Карлом Крамаржем прибыла в Москву и Петербург. Цель поездки была двойная. С одной стороны, неославистам важно было показать, что несмотря на боснийский кризис, линия на укрепление контактов с Россией сохраняется и необходимо сделать все возможное, чтобы славянская политика в Австро-Венгрии не угасала. С другой стороны, для Крамаржа после всех нападок важно было восстановить свой личный авторитет и в России, и среди зарубежных славян. Он попытался сделать ставку на разрешение очередного обострения российско-польских отношений. На этот раз вокруг решения царского правительства выделить Холмщину из состава Царства Польского, поскольку большинство населения по переписи являлись этническими русскими, но католического вероисповедания. Эта мера вызвала протесты по всем польским территориям, особенно бурными были манифестации во Львове, которые поддержало влиятельное польское лобби в Вене. Польские австрофилы под этим предлогом начали пропагандистское наступление против России и на позиции неославистов¹¹⁶⁹. Но без особого успеха.

В то же время после боснийского кризиса в среде российских дипломатов стало все больше проявляться недоверие к неославизму. В книге Е.П. Серапионовой приводятся донесения из Вены российского дипломата Ивана Платоновича Демидова к заместителю министра иностранных дел России Н.В. Чарыкину. Ему было поручено внимательно следить за развитием неославизма в Австро-Венгрии и подробно информировать МИД¹¹⁷⁰. В донесениях И.П. Демидова и депешах российского посла в Вене князя Урусова все чаще отмечалось, что неославизм направлен на усиление Австро-Венгрии среди зарубежных славян, особенно на Балканах¹¹⁷¹.

Уже на следующем неославистском съезде в Софии в 1910 г. российская делегация в основном состояла из консерваторов – панславистов, что неизбежно привело к

¹¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. 541 (Вергун Д. Н.). Оп. 1. Д. 20. Л. 15–21.

¹¹⁶⁹ АВПРИ. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482. 1909. Д. 3424. Л. 41–44.

¹¹⁷⁰ Серапионова Е. П. Указ. соч. С. 125–127.

¹¹⁷¹ Там же. С. 139–146.

охлаждению с австрийскими славянами. Особо стоит отметить, что это было взаимным разочарованием¹¹⁷². Польская делегация так и не прибыла, в Болгарии съезд был весьма неоднозначно встречен в обществе. Прежнее воодушевление испарилось, но сохранилось множество нерешенных вопросов в межславянских отношениях. Создавалось впечатление, что официальные круги в России так для себя и не определились, на кого делать ставку в новом славянском движении, насколько оно будет полезным для российских национальных интересов и как будет влиять на ситуацию на Балканах. Что же касается правительства Австро-Венгрии, то здесь уже четко определилось крайне подозрительное отношение к неославистам. Даже сочувствовавший некогда Крамаржу министр иностранных дел А. Эренталь выступил с критикой Софийского съезда. Он назвал неославизм враждебным австрийским интересам, который только сеет зерна конфликтов между Веной и Петербургом.

Тем не менее, панслависты и либеральные поборники славянской взаимности поддерживали контакты с общественными и политическими организациями зарубежных славян. Уровень и масштаб взаимодействия напрямую зависел от отношений между Веной и Петербургом. Когда возникало потепление, то каждая из сторон стремилась использовать неославистские контакты для взаимного сближения. Когда ситуация резко обострялась, то оба правительственных кабинета уже использовали неославистов в других целях, далеких от монархической солидарности и идей исторических союзов.

По мере разрастания конкурентной борьбы за влияние на Балканах интерес обоих правительств к поддержке неославизма угасал. Ухудшение российско-австрийских отношений стало ключевым фактором провала неославизма¹¹⁷³. Без поддержки официальных кругов в России и Австро-Венгрии неославизм утратил свою привлекательность и для прагматичных бизнес и медиа групп среди австрийских славян.

6.4. Балканские войны и славянская политика России

Перспективный, но чрезвычайно рискованный проект Балканского союза Сербии, Болгарии и Греции под арбитражем России активно продвигал посол в Белграде Николай Генрихович Гартвиг (1857-1914). Он имел доверительные отношения с сербской политической и военной элитой и разделял панславистские устремления. Но даже такому опытному дипломату было сложно добиться его осуществления из-за непримиримых геополитических противоречий и претензий на региональную гегемонию отдельных

¹¹⁷² *Ненашева З. С.* Софийский славянский съезд 1910 // Славянское движение XIX – XX веков. М., 1998. С. 201–210.

¹¹⁷³ *Kramář K.* Na obránu slovanské politiky. S. 27-28.

балканских государств. Не только Македония была яблоком раздора между ними. Проект «Великой Сербии» наиболее влиятельного сербского политика Николы Пашича входил в противоречие с идеей «Великой Болгарии» царя Фердинанда Кобурга. Но на первых порах российской дипломатии удавалось их примирить, добиться заключения союза и дополнить его военной конвенцией между Болгарией и Сербией.

Оба государства договорились, что в случае территориальных конфликтов будут обращаться к российскому арбитражу: «Всякий спор, который возник по поводу толкования или использования какого-либо положения настоящего договора, секретного приложения или военной конвенции, подвергается на окончательное решение России, как только одна из сторон заявит о невозможности достигнуть соглашения непосредственными переговорами»¹¹⁷⁴. Это была балканская инициатива, которую Россия вынуждено поддержала, хотя в министерстве на Певческом мосту прекрасно понимали, что за спорами между Сербией и Болгарией всегда угадывалась тень Вены.

Венская дипломатия стремилась максимально отдалить Черногорию от Сербии. Когда в начале 1910 г. в Цетинье был назначен новый посол Австро-Венгрии барон Гисль фон Гислинген, то сразу до российского посольства стали доходить сведения, что он обещает господарю Николе поддержку в признании Черногории королевством¹¹⁷⁵.

В исследовательской литературе часто цитируется пророчество поверенного в делах в Софии князя Урусова: «Заря болгаро-сербского соглашения не есть заря мира. Соглашение это рождено войной и рождено для войны. Оборонительный болгаро-сербский договор для Болгарии никакой ценности не имеет, ибо на нее ни Румыния, ни Турция по собственной инициативе не соберутся напасть»¹¹⁷⁶.

Если Сербия к тому времени следовала в фарватере внешней политики России, то Болгария – постоянно колебалась, ревниво реагируя на тесные контакты русских и сербов. Болгарский царь Фердинанд опасался, что в спорных ситуациях между Белградом и Софией ему не удастся добиться преференций. Посланник России в Софии А.В. Неклюдов в своих донесениях точно характеризовал двойственную позицию Фердинанда, который лавировал между «русофильским кабинетом» и проавстрийским курсом¹¹⁷⁷. Больше всего царь боялся стать жертвой офицерского переворота, поэтому заигрывал со всеми, играя на русофильских общественных настроениях. Во время юбилея своего правления он с

¹¹⁷⁴ Международные отношения в эпоху империализма : документы из архивов царского и Временного правительства, 1878–1917. Серия 2 : 1900–1913. М., 1938. Т. 19, ч. 2. С. 268 (далее – МОЭИ).

¹¹⁷⁵ Вишняков Я. В. Указ. соч. С. 15–16.

¹¹⁷⁶ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 549.

¹¹⁷⁷ МОЭИ. Сер. 2. М., 1940. Т. 20, ч. 2. С. 157.

пафосом восклицал: «Болгарский народ помнит пророческие слова Царя-Освободителя о том, что святой дело должно быть доведено до конца... пусть вспомнит доблестный болгарский солдат о героических подвигах своих отцов и предков и о доблести своих учителей – русских освободителей»¹¹⁷⁸.

В октябре 1911 г. российский МИД предпринял еще одну попытку договориться с Турцией об открытии Проливов для русских военных кораблей под свои гарантии «прочности добрососедских отношений» и сохранения status quo. Но германский канцлер, усиливавший свое влияние на османскую политику, посоветовал турецкому султану отклонить предложение русских. А Лондон и Париж были не готовы просто так передать России столь важные преференции. Все понимали, что этот «козырь» надо сохранить для крупной геополитической игры с гораздо большими ставками. Российскому МИД оставалось только увеличить свою активность в создании Балканского союза.

Н.Г. Гартвиг с большим дипломатическим тактом и знанием дела мог умирять и выравнивать амбиции и территориальные споры между балканскими государствами. Достигнутый с огромным трудом сербо-болгарский союзный договор был подписан 13 марта 1912 г. Но все понимали, что он скорее был создан для войны, а не мира. Обе балканские страны рвались в бой за новый передел турецкого наследства.

По сути, Россия переоценила свое влияние на балканских славян. Создавая Балканский союз как новый инструмент противодействия Австро-Венгрии и Германии, российские дипломаты открыли «ящик Пандоры», позволив Болгарии и Сербии в очередной раз начать ревизию status quo на Балканах. Уже в октябре 1912 г. Черногория, затем – Сербия и Болгария, а вслед за ними и Греция объявили войну Турции. Ни России, ни Австро-Венгрии, ни другим великим державам такой резкий поворот не был выгоден. Но малые страны вышли из-под контроля. На этот раз они сами задавали формат и масштаб очередной стадии Восточного вопроса, создавая большие сложности и без того напряженной дипломатии в Европе. В результате быстрых военных действий турецкая армия потерпела сокрушительное поражение.

Сербские войска были на подходе к Адриатике, в Вене заговорили о чрезвычайной ситуации. Австро-Венгрия пошла на частичную мобилизацию и сосредоточила на сербской границе военные контингенты¹¹⁷⁹. Одновременно болгары выдвинулись на подступы к Константинополю. Все эти обстоятельства приводили Петербург в сильное беспокойство. В самом главном для России стратегическом вопросе о Проливах мог

¹¹⁷⁸ Айранетов О. Р. Указ. соч. С. 557.

¹¹⁷⁹ История внешней политики России... С. 329.

измениться баланс сил. В ноябре 1912 г. Европа вновь оказалась на грани большой европейской войны.

В связи с дипломатическими дискуссиями вокруг перекраивания карты европейской Турции, министру С.Д. Сазонову необходимо было получить военно-морскую экспертизу, чтобы определить позицию и интересы России перед Лондонским совещанием послов.

Контр-адмиралу Александру Ливену было поручено подготовить соображения относительно геополитического положения Проливов и их значения для России. Этот вопрос обсуждался, по-видимому, в самом спешном порядке. 25 ноября 1912 г. была подготовлена записка А.А. Ливена. В этот же день морской министр И.К. Григорович направил ее в министерство иностранных дел.

Выходец из старинного курляндского рода, князь Александр Александрович Ливен (1860-1914) воспитывался в Германии, в берлинском кадетском корпусе. За его плечами была служба в Сибирской флотилии, на Балтийском флоте. Восемнадцать лет он провел на палубе корабля, по праву имел репутацию боевого флотского офицера. Во время русско-японской войны командовал минной обороной Порт-Артура, затем дивизионом миноносцев. За храбрость был награжден золотым оружием. А.А. Ливен относился к когорте строевых адмиралов, по праву считавшихся гордостью русского флота.

В 1908 г. он был прикомандирован к Морскому Генеральному штабу и в 48 лет назначен председателем комиссии по описанию русско-японской войны. С этого времени князь стремился весь опыт направить на модернизацию флота. Популярной среди флотских офицеров была его книга «Дух и дисциплина нашего флота» (1908; 1914). Его карьера в высших эшелонах стремительно набирала силу. В 1908 г. он был назначен командиром 1-й минной дивизии Балтийского флота, а уже через три года уже исполнял обязанности начальника Морского Генерального штаба¹¹⁸⁰.

Александр Ливен настойчиво подчеркивал особую геополитическую значимость Проливов: «Положение, созданное войной на Балканах, снова выдвигает вопрос о Босфоре и Дарданеллах. В виду исторического стремления России к свободному выходу в Средиземное море и возможности в ближайшее время сделать дальнейший шаг к достижению этой заветной цели, надлежит тщательно обдумать каждое наше движение, чтобы действительно расчистить себе кратчайший путь к успеху, а не создавать основания будущих преград. (...) Очевидно, что при такой обстановке обеспеченное сообщение Черного моря с внешним миром уже является и в будущем явится в неизмеримо большей

¹¹⁸⁰ Об Александре Александровиче Ливене (1860–1914) см.: Словарь биографический морской / авт.-сост. В. Д. Доценко. СПб., 2000. С. 58.

степени вопросом первостепенной важности для свободного развития нашего государства»¹¹⁸¹.

Для России важно, по его мнению, «присоединить к государству не только Малую Азию и Балканский полуостров, но и все острова греческого архипелага, не исключая Крита, при неременном условии господства над Черным и Эгейским морями посредством первоклассного флота». Но такое решение вопроса «вряд ли окажется и в будущем осуществимым для одной России»¹¹⁸². При современном состоянии русского флота бесполезно даже пытаться захватить ближайшие к проливам территории на европейском и малоазиатском берегах. А.А. Ливен был против проектов захвата Верхнего Босфора. Но настаивал на том, чтобы российская дипломатия не допустила усиления какой-нибудь одной державы в районе проливов. Желательно было оставить их у самой слабой – Турции.

Такую же рекомендацию морское министерство дало министру иностранных дел С.Д. Сазонову в вопросе о судьбе островов Эгейского моря, захваченных Грецией. Смысл сводился к тому, что с точки зрения российских геополитическим интересов было безразлично - будет ими обладать Греция или Турция, но только не Австрия. А.А. Ливен давал устные разъяснения по этому поводу управляющему отделом Ближнего Востоке князю Трубецкому. Его мысли были учтены при формировании общей позиции русской делегации на совещании послов в Лондоне. Россия готова была передать острова Греции при условии их полной нейтрализации и уничтожения военно-морских укреплений¹¹⁸³.

Отношения накалились в начале декабря 1912 г. Нарастание военного австрийского контингента в Галиции требовало ответных действий со стороны Петербурга. Австрия провела также мобилизацию части своих вооруженных сил для сосредоточения их на сербской границе. Кайзер Вильгельм II выражал готовность поддержать Вену. Во время визита 22 ноября 1912 г. наследника Австро-Венгерского престола Франца- Фердинанда в Берлин и его переговоров с начальником Генерального штаба Мольтке и немецким канцлером Бетманом - Гольвегом обсуждались стратегические планы на случай войны в Европе.

Для России тогда остро встал вопрос – стоит ли объявлять мобилизацию военных округов на границе с Австро-Венгрией. Царь собрал чрезвычайное совещание. Война, казалось, неминуемо надвигалась на Европу. Но В.Н. Коковцов, председатель Совета министров, смог убедить собравшихся, что Россия не готова к ведению масштабных

¹¹⁸¹ Эта записка была опубликована в «Красном архиве»: Константинополь и проливы // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 57–58.

¹¹⁸² Там же. С. 59.

¹¹⁸³ Там же. С. 61.

военных действий. Военная организация страны находится в неудовлетворительном состоянии. Нужно не шуметь и не бряцать оружием. В условиях начавшейся модернизации русской армии необходимо было оставаться особенно сдержанным во внешней политике¹¹⁸⁴.

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов сумел убедить царя и военного министра не прибегать к частичной мобилизации в Варшавском, Киевском и Одесском военных округах, ограничившись только отменой увольнения нижних чинов в запас¹¹⁸⁵. Австро-Венгрия также была на грани вторжения в Сербию, стремясь не допустить выхода ее армии к Адриатическому побережью. Но Сазонов опять сумел сохранить контроль над ситуацией и уговорить Сербию и Черногорию остановить наступление. Значительную роль в развязке очередного балканского конфликта сыграл российский посол в Белграде Гартвиг, к которому сербская элита испытывала большое уважение и доверие. Напряжение стало спадать только к началу 1913 г., когда Петербург и Вена приступили к постепенному снижению численности обеих армий на приграничных территориях.

Таким образом, угроза западной границы подтверждалась дважды – во время боснийского кризиса 1908-1909 гг. и осенью 1912 г. Надо отдать должное министерствам иностранных дел России и Австро-Венгрии, которые, несмотря на чрезвычайное напряжение и давлении со стороны военных, все же еще находили возможности для урегулирования конфликтов, которые приобретали все более острые формы. В итоге - Вена и Петербург договорились выступить с заявлением о нерушимости территориального status quo на Балканах¹¹⁸⁶.

Этот шаг вызвал в балканских столицах резкую критику российской политики и откровенное разочарование. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в циркулярном письме руководителям российских дипломатических миссий признавал, хотя в это время «раздавались упреки в том, будто война явилась для нас полною неожиданностью, что с нашей стороны произошло полное охлаждение к заветам прошлого, что Россия вступила в соглашение с Австрией, предавая интересы славян, и, наконец, что мы чуть ли не взяли на себя обязательство перед Европою - силою лишить балканские государства плодов их

¹¹⁸⁴ Коковцов В. Н. Из моего прошлого : воспоминания, 1911–1919. М., 1991. С. 19–20.

¹¹⁸⁵ Там же. С. 332.

¹¹⁸⁶ Вопрос о status quo не имел принципиального значения для всех великих держав в этот период. Но договоренности подразумевали, что в случае нарушения status quo будут соблюдены следующие принципы: 1) незаинтересованность великих держав в территориальных приращениях; 2) принцип равновесия компенсаций между балканскими государствами (Циркулярное письмо Мин. ин. дел в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Риме, Константинополе; посланникам в Софии, Белграде, Цетинье, Афинах и Бухаресте. СПб., 18 (31) октября 1912 г. № 6782 // Красный архив. 1926. Т. 3 (13). С. 15).

усилий и жертв». В ответ на критику и обвинения в предательстве славянских братьев, развернутую в русской и славянской прессе, С.Д. Сазонов спокойно отмечал: «На многих из этих упреков не стоило бы даже останавливать серьезного внимания»¹¹⁸⁷. Главное было достигнуто – устранена угроза российско-австрийского военного столкновения, которое повлекло бы неотвратимо большую европейскую войну.

Несмотря на жесткую позицию, занятую канцлером Бетманом-Гольвегом, министру Сазонову удалось найти компромиссы в урегулировании балканской ситуации. Австро-Венгрия требовала в ультимативной форме вывода сербской армии с албанских территорий. Только в этом случае она готова была объявить демобилизацию. Под влиянием России удалось достичь умиротворения Вены. Но дискуссии вокруг новых границ носили жесткий характер, кругом сплетались разнообразные интриги и сделки. Два совещания в Лондоне только еще больше разожгли балканский котел. Новый виток напряженности завершился в начале 1913 г., когда между Россией и Австро-Венгрией развернулась очередная фаза борьбы за Болгарию, а в Турции произошел очередной государственный переворот.

Все же весной 1913 г. удалось заключить Лондонский мирный договор, который, по сути, означал передел европейской части османских владений. Несмотря на все противодействие австрийской дипломатии, Сербия и Болгария получили новые территории. Антанта поддержала Балканский союз. Турция, на которую делали ставку Германия и Австро-Венгрия, была обессилена. Австрийская дипломатия сосредоточила усилия на разжигание давнего конфликта между Сербией и Болгарией, всячески поддерживая болгарские притязания. Яблоком раздора и на этот раз стала Македония.

В ходе дипломатических переговоров С. Д. Сазонов был раздражен тоном, который позволяли себе болгарские дипломаты. Постоянное расширение требований болгарского кабинета вызвало, в итоге, охлаждение отношений между Россией и Болгарией. В ноте министра иностранных дел С.Д. Сазонова болгарскому посланнику от 20 марта 1913 г. открыто подчеркивалось «невыгодное впечатление, производимое таким способом ведения переговоров, при коем, едва ли достигнут известный результат, как он уже оказывается неудовлетворяющим Болгарию»¹¹⁸⁸.

Даже в документах для царя министр Сазонов обращал внимание, что «непримиримый тон, усвоенный Королем Константином, истекает из ложного убеждения, что лучший способ добиться желаемого от России и Великих Держав состоит в сообщении им готовых непреклонных решений», «другой столь же не новый прием

¹¹⁸⁷ Там же. С. 15.

¹¹⁸⁸ АВПРИ. Там же. Л. 66 об.

заключается в попытке запугивания России, которой говорят, что, если она не исполнит того или иного непреклонного желания данного государства, последнее от нее отвернется. Последний аргумент только лишний раз подтверждает, насколько мало надо рассчитывать на чувства признательности со стороны Балканских государств, если несмотря на все высказанные нами благожелательство и поддержку, они позволяют себе пользоваться в сношениях с Россией подобными приемами»¹¹⁸⁹.

Но более всего русских дипломатов возмущали болгарские претензии на Проливы, которые оставались самым чувствительным фактором внешней политики России. Когда в другой раз уже Греция стала претендовать на болгарскую территорию Каваллу, Сазонов принял решение поддерживать Болгарию и не урезать от нее эту территорию, поскольку желательно сохранять «в качестве противовеса возрастающим притязаниям Греции и опасным видам ее на Проливы»¹¹⁹⁰. Таким образом, фактор Проливов имел в эти годы определяющее значение в дипломатических комбинациях России с балканскими странами.

Вторая балканская войны вспыхнула снова из-за территориальных конфликтов. Победившие Турцию балканские страны теперь начали воевать друг с другом. Бухарестский мир, заключенный в августе 1913 г., способствовал наращиванию территорий Сербии, Греции и Румынии. Болгария же потеряла все прежние завоевания.

Две балканские войны в очередной раз изменили расклад сил на Балканах. Конструкция Балканского союза под эгидой России распалась. Вместо нее образовалось два блока – Сербия, Греция и Румыния под покровительством Антанты, с одной стороны. И государства в зоне влияния Тройственного союза – Турция и Болгария, с другой. Болгарские элиты из-за поражения испытывали огромное разочарование в России. Пришедшая к власти национал-либеральная партия во главе с Василем Радославовым резко взяла курс на Вену, обвиняя Россию в сокрушительном поражении Болгарии. Еще недавно Фердинанд восхвалял русскую армию-освободительницу, теперь на русофилов в который уже раз начинались гонения.

Но подобные развороты и перевороты балканских политиков уже не удивляли и не огорчали российских дипломатов, привыкших к эмоциональным кульбитам. В воспоминаниях дипломата и славянолюба князя Г.Н. Трубецкого приводится его разговор с Николаем II. «Я заметил, что на славянские симпатии вообще трудно полагаться и что отношения наших клиентов на Балканах напоминают отношение крестьянского мальчика

¹¹⁸⁹ Записка С. Д. Сазонова императору Николаю II. 24 июня 1913 // АВПРИ. Ф. ? Оп. ? Д.? Л. 104 об.

¹¹⁹⁰ АВПРИ. Там же. Л. 105. Помета царя «Да, но путем переговоров».

к помещику, который его крестил. В понятиях крестьянина, помещик должен за это помогать ему до гробовой доски, а сам он ничего не обязан делать для крестного. «Кому Вы это говорите, – перебил Государь, – у меня столько крестников!»¹¹⁹¹.

Разделительные линии между двумя блоками растекались по всем европейским регионам. Для малых стран открывались новые возможности территориальных или финансово-экономических торгов и сделок между державами Антанты и Тройственного союза. Дипломатическая борьба разворачивалась за Румынию и Италию, которые определенное время колебались, выговаривая себе различные преференции у каждого из блоков.

На этом напряженном фоне Петербург потряс шпионский скандал. Начальник агентурной разведки при штабе армии подполковник С.Н. Мясоедов, служивший при военном министре Владимире Александровиче Сухомлинове (1848-1926) и бывший с ним в самых дружеских отношениях, был обвинен журналистами в шпионаже в пользу Австро-Венгрии. «Дело Мясоедова» получило громкую огласку благодаря Государственной Думе и прессе, которые требовали отставки военного министра. Все говорили о глубокой германской агентуре, охватившей придворные круги Петербурга¹¹⁹².

Но Николай II и на этот раз защитил своего доверенного министра. Жертвой пал помощник военного министра А.А. Поливанов, которого прочили на его место. Царь именно его и отправил в отставку. Вина же С.Н. Мясоедова осталась не доказанной. Впоследствии исследователи высказывали мнение, что обвинение против Мясоедова и Сухомлинова в измене были сфабрикованы Вел. Кн. Николаем Николаевичем, который не мог вынести критики со стороны военного министра¹¹⁹³. Сухомлинов был сторонником реформ, в отличие от традиционалиста Николая Николаевича. Знаменитый Вальтер Николаи, руководитель германской разведки, в своих мемуарах опровергал шпионство Сухомлинова и Мясоедова¹¹⁹⁴. Все эти эпизоды на фоне серьезных обострений российско-австрийских дипломатических отношений во время Первой и Второй балканских войн вызывали ощущение опасности и крайней напряженности между Петербургом и Веной.

Бухарестский мир, как справедливо подчеркивал российский историк Т.М. Исламов, стал для Австро-Венгрии «тяжелым нравственным поражением», поскольку дважды Сербия оказывалась в выигрыше. Проиграла не только Турция, но и Австро-

¹¹⁹¹ Трубецкой Г. Н. Воспоминания русского дипломата. М., 2020. С. 70.

¹¹⁹² Звонарев К. К. Агентурная разведка. М., 1931. Т. 2 : Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. С. 91.

¹¹⁹³ Гиленсен В. М. Германская военная разведка против России (1871–1917 гг.) // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 163.

¹¹⁹⁴ Николаи В. Германская разведка и контрразведка в мировой войне. [Б. м., 19--]. С. 123.

Венгрия. Она была унижена и посрамлена. Впервые за всю историю европейско-османского противостояния балканские проблемы решались без непосредственного участия монархии Габсбургов. Ее авторитету великой державы был нанесен ощутимый урон. Еще больше пострадал престиж империи в глазах собственных подданных, особенно славянских. Жгучее чувство униженности и бессилия испытывала, пожалуй, вся верхушка Австро-Венгрии. И эта психологическая травма сыграла немалую роль «в бесшабашной агрессивности правящих кругов в роковые июльские дни»¹¹⁹⁵.

Во время посещения Берлина в 1913 г. председатель Совета министров В.Н. Коковцов убеждал Вильгельма II и канцлера Бетмана-Гольвега в том, что России нужен сейчас мир, как никакой другой державе. Наметившийся экономический подъем требует больших вложений и политической стабильности. Кайзер также миролюбиво отвечал ему. Обе стороны сделали вид, что поверили друг другу. Но выступая потом перед русской делегацией, Вильгельм II не смог сдержаться и откровенно высказался о состоянии российско-германских отношений: «Я должен только сказать вам прямо – я вижу надвигающийся конфликт двух рас: романо-славянской и германизма, и не могу не предупредить вас об этом (...) Если война неизбежна, то я считаю безразличным, кто начнет ее»¹¹⁹⁶. Роковое признание...

6.5. Прогноз будущей европейской войны от Морского Генерального штаба России (1912 г.)

При исследовании моделей реагирования на вызовы и угрозы особенную ценность представляет логика мышления военно-политических элит. Сквозь бюрократический язык документов проступает та картина мира, которая сформировалась в сознании военных экспертов под влиянием текущей оперативной и дипломатической информации.

3 февраля 1912 г. в Министерство иностранных дел к Сергею Сазонову поступил секретный документ № 10 под названием «Памятная записка по поводу закона о Флоте и судостроительной программы», разработанная Генеральным штабом Морского министерства по инициативе его начальника контр-адмирала князя Александра Александровича Ливена.

В записке был сделан общий военно-стратегический анализ международной ситуации и описан наиболее вероятный сценарий ее развития. Этот документ представляет собой один из ярких примеров военно-политических прогнозов кануна Первой мировой войны, составленных в духе популярных тогда маринистских концепций.

¹¹⁹⁵ *Исламов Т. М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 20.

¹¹⁹⁶ *Коковцов В. Н.* Указ. соч. С. 20. О беседах В. Н. Коковцова с императором Вильгельмом см.: Там же. С. 134–166.

С горечью констатировал Александр Ливен, что в России «морское ведомство бойкотировалось со всех сторон». Поворот наметился только в 1910 - 1911 гг., когда были заложены 4 броненосца, и впервые была принята пятилетняя программа усиленного судостроения. Предполагалось к 1915 г. ввести в строй первую серию броненосцев, через год – вторую серию броненосных крейсеров¹¹⁹⁷. Для сравнения уже в 1912 г. Германия, постоянно увеличивая ассигнования на морской флот, смогла резко подняться в ряду морских держав с 6-го на 3-е место¹¹⁹⁸.

Отмечая невероятную динамику экономики Германии и возрастающую конкуренцию между Англией и Германией, А.А. Ливен делал вывод: «Состязание это ведется столь успешно с немецкой стороны, что Англия может в один прекрасный день для сохранения своего народного благосостояния, увидеть себя вынужденной прибегнуть к политическим репрессиям, и тогда неминуемо последует вооруженное столкновение». Рано или поздно оно неизбежно произойдет, поскольку «к этому решению уже многие годы явно и откровенно готовятся обе стороны»¹¹⁹⁹. Особое внимание было уделено будущему России, для которой исход битвы двух европейских гигантов имел бы решающее значение. Ливен был убежден в том, что увеличение могущества Германии неизбежно приведет к вытеснению России из круга великих держав и ее изоляции.

В современном мире, по его мнению, есть четыре наиболее сильных государства - Германия, Англия, Франция и Россия. Но только англо-германские отношения определяют всю международную политику. Их конкуренция и противостояние приближает мир к большому конфликту «Тройственного союза против Тройственного Соглашения». В этом случае Россия не сможет избежать военного столкновения с Германией¹²⁰⁰. В связи с предстоящей неизбежной войной А.А. Ливен делал несколько выводов.

Во-первых, Германия является основным противником России. От нее исходит самая большая угроза российским жизненным интересам. В случае «немецкого господства над Балтийским морем, граница Германии начнется у Кронштадта и идет по всей нашей береговой черте. Двигаясь на Петербург, неприятельская армия следует вдоль собственной базы и имеет возможность высадиться в непосредственной близости к

¹¹⁹⁷ Памятная записка начальника Морского Генерального штаба кн. Ливена по поводу закона о флоте и судостроительной программе // АВПРИ. Ф. 138 (Секретный архив министра). Оп. 467. 1912. Д. 303/306. Л. 20 об.

¹¹⁹⁸ Там же. Л. 23 об.–24.

¹¹⁹⁹ Там же. Л. 17 об.

¹²⁰⁰ Там же. Л. 19.

столице, укрепиться и уже оттуда начать операцию против войск, прикрывающих такую. И тут-то повторится обстановка японской войны»¹²⁰¹.

Особо стоит обратить внимание на аргументацию, которая приводилась в прогнозе. Как только Германия «политически достигнет гегемонии в Европе и окружит нас сплошным кольцом своего могущества от Норд-Капа до Малой Азии», Россия потеряет политическую самостоятельность (...) Уже теперь Швеция, Австрия и отчасти Турция находятся под немецким влиянием, Дания беспомощна перед своим великим соседом. Легко предвидеть, как Германская империя, оттеснив Францию и Англию к западу и сделавшись хозяином Немецкого моря и Английского канала, станет бесспорным вершителем судеб всех вышеупомянутых второстепенных государств. Тогда России, отделенной от остального мира сплошной полосой Германской империи, останется лишь смотреть на весь белый свет сквозь немецкие очки, и от доброй воли Германского императора будет зависеть решение, оставит ли он нам существовать в нынешнем виде или оттеснит нас от берегов Балтийского и Черного морей в глубину нашей равнины, где для нас наступит новый многовековый период одичания»¹²⁰². В этих словах проступает основной русский геополитический страх - потерять территории и морские пути, оказаться зажатыми на евразийском пространстве без прямых выходов в Европу.

Прогноз с предельной ясностью показывал, что Россия стоит перед экзистенциальным вызовом. В случае войны Германия будет стремиться вытеснить Россию с берегов Балтийского моря. Соответственно Балтийский вопрос был чреват для России потенциальной германской угрозой. Недаром А.А. Ливен упомянул недавнюю войну с Японией.

Памятная записка контр-адмирала Ливена неслала на себе отпечаток прежних дипломатических колебаний царя между Антантой и Тройственным союзом. В среде высших морских офицеров господствовали антигерманские настроения, поэтому он столь эмоционально и настойчиво доказывал губительность для России сохранения нейтралитета в случае европейской войны. Недоверие к германской политике и опасение германской угрозы – основные темы этого документа.

*Во-вторых, Россия должна укреплять стратегический союз с Англией. Это сближение «следует всячески поддерживать», чтобы «не потерять Прибалтийский край с Петербургом»*¹²⁰³. В доказательство был приведен сценарий будущей войны, разработанный А.А. Ливеном. Начиная войну против Англии, Германия сначала займет

¹²⁰¹ Там же. Л. 20 об.

¹²⁰² Там же. Л. 18–18 об.

¹²⁰³ Памятная записка начальника Морского Генерального штаба кн. Ливена по поводу закона о флоте и судостроительной программе. Л. 21 об.

Голландию и Бельгию. Англия и Франция будут вынуждены ответить. Тогда последует прямое столкновение англичан и немцев в Ла-Манше. Далее война распространится на все морское пространство. Предстоящее кровопролитие будет длительным и изматывающим. Победит тот, кто будет иметь глубокий тыл и значительные внутренние ресурсы.

Русские прекрасно осознавали сильные и слабые стороны германской армии. Хорошо оснащенная и обученная сухопутная армия Второго Рейха могла рассчитывать на успехи в континентальных сражениях. Но Англия превосходила ее своим флотом. В прогнозе предсказывалось, что, обрушив на Францию сухопутную силу, Германия не сможет долго противостоять Англии на море: «Надеясь с помощью союзников и превосходной численностью своих сухопутных сил сокрушить Францию и задержать всякое вмешательство со стороны России, она, однако, не может рассчитывать на успех наступательных действий в море»¹²⁰⁴.

Будущая война будет вестись на два фронта. Россия, связанная союзным договором с Францией, будет обязана выступить на стороне Антанты против Германии и Австро-Венгрии. Другого не дано, поскольку нейтралитет в этой войне равносителен тому, чтобы Россия «согласилась участвовать в сооружении собственного гроба»¹²⁰⁵. Но необходимо учитывать, что на западном фронте Англия и Франция будут воевать вместе, а на восточном фронте Россия останется один на один с Германией и Австро-Венгрией. Более того - «будет совершенно изолирована от наших союзников».

В записке А.А. Ливена скептически расценивались военные возможности Франции: «От Франции навряд ли можно ожидать энергичных действий. Республика с демократическим правительством, политика которой находится с одной стороны под влиянием еврейских финансистов, а с другой – под давлением общественного мнения, не способна к военной инициативе»¹²⁰⁶.

Но русские больше доверяли французам, чем англичанам, легче договаривались с ними по спорным вопросам. Российско-французская дипломатия, активная и очень дружественная в этот период, основывалась на обоюдном прагматичном интересе. Франции нужны были полные гарантии, что в случае войны с Германией Россия сразу же двинет многочисленные массы своих солдат на западную границу. Русская армия должна была оттянуть на себя германские и австро-венгерские части с западного фронта. А

¹²⁰⁴ Там же. Л. 19.

¹²⁰⁵ Там же.

¹²⁰⁶ Там же. Л. 19 об.

русскому правительству, в свою очередь, нужны были французские капиталы для инвестирования в проекты модернизации¹²⁰⁷.

Англии же отводилась совершенно особая роль союзника, сильного в военном отношении, от действий которого во многом будет зависеть исход европейской войны. В стратегическом отношении военный союз с Англией имел неизмеримо большее значение¹²⁰⁸.

В-третьих, России следует всеми способами избежать возможных военно-политических осложнений, потому что к будущей войне страна не готова. Анализируя вероятный сценарий большой войны, А.А. Ливен не скрывал, что для России она будет тяжелейшим испытанием, прежде всего из-за отсутствия сильного флота. По его расчетам, России потребовались бы 10 - 20 лет на реализацию полноценной программы строительства современного флота. Он настаивал, что в ближайшей перспективе наступление войны необходимо оттягивать всеми возможными способами.

В-четвертых, подчеркивалась особая значимость черноморских проливов для российских геополитических интересов.

Как уже неоднократно подчеркивалось, проблема Проливов была самым тесным образом связана для российской политики с ситуацией на Балканах, стратегическими интересами в Средиземноморье, и конечно, экономическими выгодами от черноморской внешней торговли. Черное море давало России большой экономический эффект, к 1910 г. вывоз его портов составлял 43,3% всего русского экспорта.

А. А. Ливен подчеркивал: «Сообщение с внешним миром нашей родины ограничено двумя узкими проливами: Босфором и Бельтом. Для развития нашей экономической и торговой самостоятельности необходимо, во что бы то ни стало, держать их открытыми. Пока равновесие сил европейских держав не позволяет одной из них сделаться исключительно хозяином этих проливов, наше собственное влияние может обеспечить нам сравнительно свободное сообщение»¹²⁰⁹.

Таким образом, в высших политических и военных кругах России не исключалась вероятность общеевропейской войны уже в краткосрочной перспективе. В записке Александра Ливена с достаточной точностью был предсказан ход будущих военных действий. Действительно, в Первой и Второй мировых войнах Германия стремилась отсечь Россию от Балтийского побережья и захватить Петербург. Именно западная

¹²⁰⁷ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. : сборник секретных дипломатических документов б. Имп. Рос. м-ва ин. дел. М., 1922. 733 с.

¹²⁰⁸ АВПРИ. Ф. 138 (Секретный архив министра). Оп. 467. 1912. Д. 303/306. Л. 21 об.

¹²⁰⁹ Там же. Д. 303–308. Л. 17 об.

граница становилась ареной ожесточенных сражений. Но Россия, обладая колоссальными людскими ресурсами и обширным пространством, в военно-техническом отношении серьезно отставала как от основного противника - Германии, так и от главной союзницы – Великобритании.

Балтийский вопрос для российской политики имел не только торгово-экономическое значение. Выход к северо-западным морским путям означал вовлеченность России в большую европейскую политику. Не менее значимы были средиземноморские и азиатские морские пути, выход в которые был возможен через узкую полосу проливов Босфор и Дарданеллы. Петербург был готов идти на создание своей системы сдержек и противовесов на Балканском полуострове, чтобы не допустить чьего-либо протектората над Проливами.

Геополитический подход А.А. Ливена получил одобрение высших чиновников. Он был возведен в ранг вице-адмирала и до лета 1912 г. много усилий положил на разработку малой судостроительной программы, которая прошла утверждение в Государственной думе. Хотя осуществить это было трудно. Большинство лидеров партий, памятуя разгром флота во время русско-японской войны, скептически относилось к планам его восстановления и модернизации. Председатель Совета министров В.Н. Коковцов во многом способствовал тому, чтобы масштабная военно-морская программа, которая требовала почти полмиллиарда рублей, была утверждена. Бюджетные дискуссии отшумели. Но России так и не осталось времени для реализации планов модернизации флота. А.А. Ливен рассчитывал создать сильный флот ко второму десятилетию двадцатого века.

Князь А.А. Ливен умер неожиданно, при невыясненных обстоятельствах в 1914 г., как раз накануне Первой мировой войны. Он срочно возвращался в поезде из отпуска в Венеции в Петербург...

6.6. План мобилизации Генерального штаба России и угроза большой европейской войны: 1910-1912 гг.

Когда в европейских правительствах стали разрабатываться сценарии большой европейской войны? Когда возникла в политическом процессе точка невозврата, повернувшая европейский мир на дорогу войны? Версий ответов на эти вопросы может быть много. В дипломатических и военно-стратегических архивах каждой великой державы можно обнаружить массивы соответствующих документов. Но рабочие проекты, аналитические записки и превентивные военные планы не могут считаться достоверным доказательством реальной подготовки к наступательной войне.

В начале XX в. Генеральные штабы всех без исключения великих держав с удвоенной энергией разрабатывали мобилизационные проекты на случай грядущей войны. Ее тень уже нависала над европейскими столицами. О вероятности «большой европейской войны» писали крупные газеты. Эту тему активно обсуждали в политических и светских салонах. О ней неоднократно писали в донесениях дипломаты. Эту угрозу использовали в своих целях военные министерства и Генеральные штабы, чтобы добиться существенного увеличения финансирования для модернизаций армий и флота.

Опыт войн конца XIX- начала XX вв. (пруско-французской 1870-1871 гг., русско-турецкой 1877-1878 гг., русско-японской 1904-1905 гг.) свидетельствовал, что традиционные «постоянные крепости» уступают под напором новых видов артиллерии и техники. Все великие державы форсировали проекты военной модернизации.

Австро-Венгрия увеличила военные расходы под влиянием «русской угрозы». Если в 1907 г. на армию было израсходовано 350 486 млн. крон, то уже в 1908 г. – 442599 млн., а в 1909 г. расходы поднялись до 523356 млн. крон¹²¹⁰. Боснийский кризис 1908-1909 гг., ставший прелюдией к Первой мировой войны, вызвал многочисленные рассуждения в европейском общественном мнении о вековом столкновении германства и славянства и неизбежности большой европейской войны.

В России стали осознавать будущую угрозу только после позорного поражения в войне с Японией, которое вызвало по всей стране ожесточенную общественную критику боевой подготовки армии и флота. Военные реформы 1906-1912 гг. продвигались тяжело, буксовали от постоянного недостатка финансирования, интриг и коррупции в высших бюрократических кругах, конкуренции между флотским и армейским начальством.

С 1909 г. военным министром был назначен В.А. Сухомлинов. Под его руководством началась военная модернизация 1909-1913 гг. Оценки деятельности В.А. Сухомлинова резко расходятся - от мнения о его высоких организационных качествах до крайне негативных суждений о том, что он допустил дезорганизацию армии накануне войны¹²¹¹. Личное расположение императорской четы к военному министру объяснялось его неиссякаемым оптимизмом, легкостью докладов, компромиссной позицией и умением улавливать настроения Николая II. Недаром император, зная о его конфликтах с лидерами Государственной думы А.И. Гучковым и М.В. Родзянко, сказал ему: «Что Вам с ними спорить – Вы мой министр».

¹²¹⁰ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 528.

¹²¹¹ См. подробнее: Лукашевич А. М. Предисловие // Сухомлинов В. А. Воспоминания. Минск, 2005. С. 3–35.

Модернизация армии требовала колоссальных финансовых затрат. Но под влиянием модных тогда маринистских тенденций вопросы сухопутных вооруженных сил рассматривались во вторую очередь. В своих мемуарах В.А. Сухомлинов неоднократно упоминал о резких противоречиях с министром финансов и председателем Совета министров В.Н. Коковцовым.

«Большая программа по усилению армии» была разработана лишь к концу 1912 г. Только в октябре 1913 г. Николай II одобрил ее положения. Но понадобилось еще семь месяцев для окончательных согласований. Парадоксальная и, по сути, трагическая для России ситуация - программа была утверждена 24 июня 1914 г. и была рассчитана на четыре года. Хотя военное министерство приступило к ее реализации еще до окончательного утверждения, и были достигнуты определенные результаты, все же весь этот масштабный проект был сметен войной¹²¹².

Одним из наиболее интересных стратегических документов того времени можно считать новый мобилизационный план. 30 мая 1910 г. по распоряжению императора Николая II была создана межведомственная комиссия под руководством генерал-майора А.С. Лукомского, начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба¹²¹³. Впоследствии во время Первой мировой войны он возглавил канцелярию Особого совещания по обороне государства, которое ведало регулированием военного производства и координировало фактически всю военную экономику.

Доверенное лицо генерала М.И. Драгомирова, он считался одним из наиболее авторитетных офицеров в вопросах мобилизации армии и ведения оперативных работ по сосредоточению армии к границе. С 1909 г. его карьера резко взлетела вверх на волне военных реформ. Тогда он возглавил не только мобилизационный отдел, но и приступил к работе по изменению прежнего Устава о воинской повинности 1874 г. Несмотря на незавершенность работы, эти меры позволили увеличить численность армии, более детально разработать правила призыва и разверстки контингента новобранцев.

Перед комиссией А.С. Лукомского была поставлена задача – разработать положения о подготовительном (предмобилизационном) к войне периоду. 2 мая 1912 г. в Совет министров был представлен совершенно секретный документ № 900. Это был проект Положения «О подготовительном к войне периоду», который несколько раз

¹²¹² Жилин А. Большая программа по усилению русской армии // Военно-исторический журнал. 1974. № 7. С. 90–97.

¹²¹³ См. об Александре Сергеевиче Лукомском (1885–1917) подробно: Шендриков Е. А. Военно-государственная деятельность генерала А. С. Лукомского (1885–1917) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 24 с.

обсуждался руководителями Генерального штаба, дорабатывался и наконец, подписанный начальником Генштаба Я.Г. Жилинским, поступил на рассмотрение в правительство.

Проект был создан в расчете на международную ситуацию, которая характеризовалась весьма неопределенно: «открытию военных действий всегда предшествует более или менее длительный период дипломатических осложнений, коему присваивается наименование «подготовительного к войне периода»¹²¹⁴.

Была разработана особая процедура принятия решения о наступлении такого периода. Сначала три министра - военный, морской и иностранных дел, должны были прийти к общему мнению о неизбежности войны. После этого вопрос согласовывался на Совете министров, а затем поступал на рассмотрение императору. За ним закреплялось право на окончательное решение. Таким образом, накануне Первой мировой войны судьба России определялась, как в прежние столетия, династической волей императора. Дипломатическое и военные ведомства оказывали лишь опосредованное влияние на процесс принятия решений. По сути, мобилизационный план закреплял личную ответственность императора в решении быть или не быть войне.

Важно было также подсчитать, во сколько обойдутся для России мобилизационные мероприятия, и за счет каких внутренних резервов будут финансироваться. Военные эксперты исходили из того, что соответствующее решение будет принято своевременно, и Россия будет иметь хотя бы один месяц на их развертывание.

Окончательный вариант положения был утвержден Николаем II 2 марта 1913 г. за полтора года до начала Первой мировой войны. Таким образом, оно разрабатывалось почти три года - с 1910 по 1913 гг. в соответствии с логикой военно-стратегического планирования того времени. Было выделено четыре варианта возможных политических осложнений по периметру границ России, которые могли повлечь военные конфликты¹²¹⁵:

- осложнения на западной границе (общая стоимость мобилизационных мероприятий – 49 371 986 рублей);
- на Дальнем Востоке (20 166 233 рублей);
- на Кавказе (11 857 076 рублей);
- в Туркестане (12 783 784 рублей).

Естественно, при мобилизации потребовалось проводить необходимые меры на всех четырех направлениях - от западных рубежей до Дальнего Востока. Приведенные суммы означали совокупный расход пяти ведущих министерств России: военного,

¹²¹⁴ О подготовительном к войне периоде // АВПРИ. Ф. 138 (Секретный архив министра). Оп. 467. Д. 303/306. Л. 3.

¹²¹⁵ Там же. Л. 14.

морского, внутренних дел, путей сообщения и финансов. В целом, речь шла о мобилизационных расходах, превышающих сто миллионов рублей. Огромная сумма по тем временам.

Обращает внимание, что именно западная граница рассматривалась как наиболее вероятная зона военного столкновения, требующая наибольших финансовых затрат. Основные координаторы мобилизационного проекта имели большой опыт работы в военных округах, прилегавших к западной границе: А.С. Лукомский – в Киевском военном округе, В.А. Сухомлинов – также в Киевском военном округе, затем он был киевским, подольским и волынским генерал-губернатором; Я.Г. Жилинский – в Варшавском округе¹²¹⁶.

Еще при Александре III началось расширение системы укреплений на Висле. Как признавал в мемуарах В.А. Сухомлинов, «положение на Балканах и развивавшиеся там действия Австрии снова направляли наши помыслы на Запад как на будущий театр военных действий»¹²¹⁷.

Он вспоминал, что в 1912 г. в Париже состоялся примечательный разговор с начальником Генерального штаба Франции Жоффром относительно будущей войны: «Мы были с ним одного мнения: немецкий план направлен к тому, чтобы сначала сразить Францию несколькими решительными ударами, а затем обрушиться на Россию. Из этого мы вывели заключение, что нашей задачей является одновременное наступление на Германию с Востока и Запада»¹²¹⁸.

В России с тревогой наблюдали за ускоренным строительством железных дорог в Австро-Венгрии. Ведь именно железные дороги являлись тогда залогом успешной и ускоренной мобилизации. Французы были готовы участвовать в финансировании строительства железных дорог в России. Но только тех, которые имели бы военно-стратегическое значение и были направлены на западную границу. На ежегодных конференциях Генеральных штабов России и Франции разрабатывалась программа строительства сети железных дорог для реализации плана концентрации русских войск на Висле, чтобы «дать им возможность наступления на Восточную Пруссию в направлении на Алленштейн или Торн-Позен с такими силами, которые могли бы удержать 6 германских корпусов»¹²¹⁹.

¹²¹⁶ О Якове Григорьевиче Жилинском см. подробнее: *Базанов С. Н.* Начальник Генерального штаба от кавалерии Я. Г. Жилинский // *Военно-исторический журнал.* 2002. № 10 (510). С. 22–35.

¹²¹⁷ *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 215.

¹²¹⁸ Там же. С. 217.

¹²¹⁹ Там же. С. 218.

В.А. Сухомлинов приводит копию секретного письма министра финансов В.Н. Коковцова к министру иностранных дел С.Д. Сазонову от 17 июня 1913 г. № 639. В нем сообщается, что французское правительство готово было разрешить русскому правительству брать ежегодно на парижском рынке от 400 до 500 миллионов франков в форме государственного займа или ценностей, обеспечиваемых государством для реализации программы железнодорожного строительства на стратегических линиях, предусмотренных французским Генеральным штабом.

Вторым условием соглашения должно было стать увеличение наличного состава русской армии в мирное время. Французы настаивали на удвоении колеи на линиях: Брянск – Гомель, Пинск – Жабинка и Петербург – Тапс – Рига – Муравьево – Ковно, а также четырехкратном увеличении путей между Жабинкой и Брестом, Седлецом и Варшавой. Россия уже летом 1913 г., не дожидаясь окончательного оформления договоренностей, начала форсированное железнодорожное строительство. Предполагалось построить новые дороги: Рязань – Варшава; Лозовая – Ковель; Вильно – Ровно; Батраки – Пенза – Смоленск¹²²⁰.

Под «Кавказом» в документе значился потенциал Кавказского военного округа, куда входили также силы, которые в случае необходимости могли быть развернуты на Балканах. Обращает внимание, что в период, когда Балканский полуостров вновь полыхал в огне междоусобных конфликтов, и градус напряженности поднимался с невероятной скоростью, военные ведомства отводили этому региону лишь третье место в списке опасных для России зон.

Таким образом, мобилизационные планы показывают, что в период 1910-1913 гг. в высших эшелонах власти России, несмотря на многочисленные мнения и противостоящие группировки, уже сложилось довольно устойчивое представление о том, что будущая война развернется на западной границе. Туда предполагалось стягивать основные средства и ресурсы. На мобилизационные мероприятия по периметру западной границе предполагалось истратить сумму, превышающую мобилизации по трем другим направлениям, вместе взятым. Именно западная граница была признана наиболее вероятным местом будущих военных действий, откуда исходит самая серьезная опасность для России. Соответственно, Германия и ее союзница – Австро-Венгрия воспринималась как главная угроза безопасности страны.

Но парадокс ситуации заключался в том, что к 1913 г. стала очевидной торгово-экономическая зависимость России от германского экспорта. В секретной аналитической

¹²²⁰ Там же. С. 222–223. См. также: Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. М., 1922.

записке, составленной для представителей русского правительства на Экономической конференции союзных держав в Париже в марте 1916 г., была представлена статистика прироста германских товаров. Если в 1893 г. немецкая доля составляла 21% от общего экспорта, в 1903 г. – 35%, а в 1913 – 47%. Соответственно, делался вывод, что «Германия привозила к нам перед войной около половины всех ввозившихся в Россию товаров»¹²²¹.

6.7. Особое Совещание 31 декабря 1913 г.

31 декабря 1913 г. в Петербурге состоялось особое совещание глав силовых министерств России под председательством В.Н. Коковцова. Поводом послужила всеподданнейшая записка министра иностранных дел С.Д. Сазонова, разосланная за неделю до совещания. Министры должны были обсудить ряд поставленных в ней тезисов и выработать согласованную позицию. Их дискуссия была подробно зафиксирована в Журнале Особого Совещания, составленном сотрудниками первого департамента МИД статским советником Бюцовым и титулярным советником Сукиным. Она проливает свет на отношение русской политической элиты к перспективе общеевропейской войны. Экстренность этого заседания в самый канун 1914 г. объяснялась рядом обстоятельств.

Императорский кабинет чрезвычайно волновали действия германской военной миссии в Константинополе. С октября 1913 г. российское посольство вело в Берлине тайные переговоры, действуя через ближний круг кайзера Вильгельма. Россия не могла примириться с тем, чтобы германский генерал Лиман фон Сандерс командовал первым корпусом турецкой армии в Константинополе, а его сопровождало сорок «лучших офицеров германской армии». По мнению военного министра В.А. Сухомлинова, Германия замышляла реорганизацию турецкой армии, а это могло вызвать появление новой угрозы на кавказской границе России¹²²². Петербург настаивал на отставке генерала Сандерса. Но переговоры в Берлине не давали ощутимых результатов. Отчаявшись воздействовать на Берлин переговорными методами, С.Д. Сазонов предлагал министрам сообща выработать «способы понуждения Турции».

Здесь необходимо сделать отступление, чтобы обрисовать непростую ситуацию в личных и служебных отношениях, сложившуюся между участниками этого совещания. Все они относились к самой высшей, узкой прослойке царской бюрократии, в которую входили только лица, принимавшие ответственные политические решения, делавшие

¹²²¹ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны : сборник документов / редкол.: С. В. Лавров [и др.]. Тула, 2014. С. 276.

¹²²² Журнал Особого совещания 31 декабря 1913 г. // АВПРИ. Ф. 138 (Секретный архив министра). Оп. 467. Д. 310. Л. 4–4 об.

регулярные доклады императору и владевшими большим объемом информации государственного уровня.

Ведущую роль в дискуссии, состоявшейся между ними 31 декабря 1913 г. играл граф Владимир Николаевич Коковцов (1853-1843), сделавший за короткий срок блестящую государственную карьеру¹²²³. Его продвижению во многом содействовал С.Ю. Витте, после отставки которого В.Н. Коковцов был назначен министром финансов. С 1911 г. став председателем Совета министров, он сохранил за собой также и министерство финансов, тем самым объединив в своих руках важнейшие государственные функции. Но не смог удержаться на такой высоте. Через три года, в 1914 г. был уволен царем со всех должностей. Вплоть до крушения империи находился в полуопале.

Причин крушения столь блистательной карьеры было много. Одна из них – стремление В.Н. Коковцова самостоятельно влиять на внешнюю политику. Он был убежденным противником втягивания страны в вооруженные конфликты, неоднократно публично заявлял: «Я – убежденный враг войны и считаю постоянное усиленное вооружение в некоторых странах опасным до последней степени»¹²²⁴. Но это не мешало В.Н. Коковцову с таким же убеждением отстаивать многомиллионные программы военной модернизации для России. Тем не менее, он относился с большим недоверием к действиям министра иностранных дел С.Д. Сазонова, считая его сторонником «воинственного национального курса». Все более расширяя сферу своего влияния на дипломатию, В.Н. Коковцов активно принимал у себя послов великих держав, позволял высказывать в беседе с ними свои идеи, не очень считаясь с курсом, проводимым С.Д. Сазоновым.

Возможно, В.Н. Коковцов обладал большим дипломатическим талантом и тактом, чем министр иностранных дел. Ему действительно удавалось провести успешные переговоры в сложнейших ситуациях и достичь *modus vivendi*. Но слишком самостоятельная позиция не соответствовала тем меркам, которые Николай II в поздний период империи отводил для своих министров. С осени 1913 г. царь стал уже открыто проявлять недоверие к В.Н. Коковцову и отчасти даже ревность к его внешнеполитическим контактам. Ему был предложен трудный пост посла в Берлине для благовидного удаления из столицы. Но он отказался, сославшись, что более необходимо здесь, в Петербурге¹²²⁵. Все это серьезно обострило его отношения с двумя основными участниками совещания в канун нового года в Петербурге – с С.Д. Сазоновым и военным

¹²²³ О Владимире Николаевиче Коковцове (1853–1943) см.: *Векишина Ю. А.* Граф В. Н. Коковцов – государственный деятель Российской империи. СПб., 2008. 243 с.

¹²²⁴ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого... С. 136.

¹²²⁵ *Коковцов В. Н.* Указ. соч. С. 19.

министром В.А. Сухомлиновым, которые хорошо знали расклад в придворных сферах и с нескрываемой радостью ожидали близкое падение председателя Совета министров.

Более того, В.Н. Коковцов прекрасно осознавал настроения при дворе и фатальное восприятие Николаем II кризисной международной ситуации. После поездки в Берлин, где он безуспешно пытался убедить Вильгельма II свернуть миссию генерала фон Сандерса в Константинополе, царь принял его в Ливадийском дворце в Крыму. Это был один из последних его докладов императору. В.Н. Коковцов рассказывал о встречах в Берлине, настроениях при дворе Вильгельма II, тревожном впечатлении о неотвратимости войны. Николай II довольно равнодушно выслушал рассказ: «Он ни разу не прервал меня за все время моего изложения, и упорно смотрел прямо мне в глаза, как будто ему хотелось поверить в искренность моих слов. Затем, отвернувшись к окну, у которого мы сидели, он долго всматривался в расстилавшуюся перед ним безбрежную морскую даль и, точно очнувшись после забытья, снова упорно посмотрел на меня и сказал приведенные уже мной его слова, закончивши их загадочной мыслью: «На все Воля Божья!»¹²²⁶.

Ситуация в Константинополе вокруг германской военной миссии была накалена до предела. Предполагалось, что на особом совещании 31 декабря 1913 г. будут разработаны предложения, с которыми российский кабинет обратится к своим союзникам – Англии и Франции для консолидированного воздействия на Турцию и Германию. Первой мерой мог стать, по предложению С.Д. Сазонова, финансовый бойкот, затем – отзыв дипломатических представителей стран Антанты из Константинополя. В качестве крайней меры не исключались и военные действия. Было выдвинуто предложение, чтобы десант с русских судов занял Трапезунд. В это время английский флот мог бы захватить Бейрут или Смирну. С.Д. Сазонов успел переговорить с английским послом Дж. Бьюкененом и нашел у него понимание.

Этот план войны на Босфоре был с воодушевлением воспринят военным и морским министрами, а также начальником Генерального штаба Я. Г. Жилинским. Военные сразу стали обсуждать стратегические возможности флотского десанта, а также важность усиления численности войск Кавказского военного округа¹²²⁷.

Генерал Жилинский располагал агентурными сведениями о том, что Турция готовится к войне с Грецией. Момент выбран удачно, поскольку турки не смогут оказать серьезного сопротивления, когда русские войска двинутся к Баязиду. Он считал, что необходимо блокировать турецкий флот, чтобы воспрепятствовать переброске турецких

¹²²⁶ Там же. С. 21 ; *Флоринский М. Ф.* Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907–1914 гг. // Вестник Ленинградского университета. Серия: Философия, экономика, право. 1978. № 2. С. 35–39.

¹²²⁷ АВПРИ. Ф. 138 (Секретный архив министра). Оп. 467. Д. 310. Л. 10–11.

войск в Малую Азию через Черное море. Черноморский флот России нужно повести к Босфору, чтобы держать Константинополь под страхом удара. Эту мысль сразу поддержал С.Д. Сазонов, предположивший, что демонстрация силы на Босфоре может вызвать смятение в турецкой столице и даже – революцию.

Между министрами, все более вдохновлявшимися перспективой победоносной войны, только В.Н. Коковцов сохранял повышенную осторожность. Он трезво рассуждал, что решительные военные действия России повлекут военное вмешательство Германии. В конечном счете, все это может привести к крупному общеевропейскому конфликту¹²²⁸. Он прямо поставил перед министрами вопрос: «Желательна ли война с Германией и может ли Россия на нее идти?»

Тогда мнения резко разделились. С.Д. Сазонов разделял позицию В.Н. Коковцова о «принципиальной нежелательности войны с Германией», но в то же время считал, что Россия уже в состоянии успешно вести войну с Германией. Военный министр и начальник Генерального штаба вообще «категорически заявили о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией»¹²²⁹.

Особо интересна логика рассуждений министра иностранных дел С.Д. Сазонова, который считал, что «в действительности для Германии не представляется особенно опасным выступление России при поддержке одной лишь Франции. Обе державы вряд ли способны нанести Германии смертельный удар, даже в случае успехов на поле сражения, являющихся всегда гадательными. Борьба же при участии Англии может явиться роковой для Германии, которая ясно сознает опасность быть доведенной при английском выступлении в шестинедельный срок до полной социальной внутренней катастрофы. Англия страшна Германии, и в сознании этого кроется причина ненависти, питаемой немцами к растущей мощи Великобритании»¹²³⁰.

С.Д. Сазонов имел твердое убеждение в непреодолимой военной силе Англии. Но в отличие от памятной записки А.А. Ливена, в которой предсказывалась длительная и кровопролитная война, министр иностранных дел, по-видимому, предполагал, что конфликт будет разрешен в короткий срок. Эту же иллюзию блиц-крига испытывали политики и военные не только в Петербурге, но и в Лондоне, Париже и Берлине. С.Д. Сазонов настаивал на прямых консультациях с Лондоном. Только при поддержке Англии и полной согласованности военных действий, Россия, по его мнению, может планировать занятие Трапезунда, Эрзерума и Баязида. Этот взгляд разделяли и все присутствовавшие

¹²²⁸ Там же. Л. 11.

¹²²⁹ Там же. Л. 10.

¹²³⁰ Там же. Л. 9.

военные на особом совещании¹²³¹. А начальник Генерального штаба даже настаивал на необходимости мобилизации Кавказского военного округа.

Только В.Н. Коковцов продолжал сохранять скептическое отношение к перспективе войны на Босфоре. Он предлагал ограничиться лишь финансовыми мерами воздействия на Турцию, не провоцировать Германию на активные военные действия. Но он остался в меньшинстве. Ему приходилось неоднократно охлаждать пыл министров, в воображении которых уже мелькали очертания Константинополя и плескались волны Босфора.

Подводя итоги дискуссии, В.Н. Коковцов довольно жестко подчеркнул, что считает «войну величайшим бедствием для России». Комментарии присутствовавших запись не зафиксировала. Сохранилась лишь сухая констатация – «к каковому мнению присоединяются и остальные члены Совещания»¹²³².

Итоги были подведены В.Н. Коковцовым в нескольких тезисах. С одной стороны, в них была выражена мысль о необходимости «крайне осторожного и дружного образа действий, дабы избежать, если окажется возможным обострения конфликта, могущего иметь последствием общеевропейскую войну»¹²³³. Также подчеркивалось, что «в случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии, не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией»¹²³⁴. Соответственно предлагалось «в качестве первой действенной меры» объявить финансовый бойкот Турции после согласования позиций с Францией и Англией. Россия была готова разделить финансовую ответственность с Францией перед французскими держателями турецких государственных бумаг.

С другой стороны, В.Н. Коковцов не исключал вероятность военных действий. В случае невыполнения требования России об отставке германских командиров в Константинополе могли быть введены «известные подготовительные меры военного характера, как – то усиление частей на Кавказе» с возможно меньшей общественной оглаской. Особо обращает внимание следующая запись: «вслед за угрозой, если к таковой придется прибегнуть, можно было бы без задержки приступить к ее реализации»¹²³⁵. Результаты совещания были подготовлены для представления Николаю II.

Более всего удивляет в этой ситуации одно обстоятельство. Россия приступила только в 1913 г. к реализации программ модернизации. Масштабные проекты по армии и

¹²³¹ Там же. Л. 10–11.

¹²³² Там же. Л. 11 об.

¹²³³ Там же. Л. 12 об.

¹²³⁴ Там же. Л. 11 об.

¹²³⁵ Там же. Л. 13.

флоту только проходили стадию утверждения, запускались отдельными частями. Еще не были решены вопросы по составлению смет и формированию организационных, институциональных структур. Среди военных экспертов, высших чиновников государства сложилось к этому времени отчетливое понимание, что России необходимо, по крайней мере, пять лет на военную модернизацию. Все соответствующие документы проходили через канцелярии военного и морского министров, начальников их Генеральных штабов. Обладая всей необходимой информацией, реально представляя положение вещей в армии и на флоте, высшие военные чины все же рвались в бой. Ведь они твердо заявляли о готовности к войне, даже готовы были начать мобилизацию Кавказского военного округа, если ультиматум России не будет удовлетворен со стороны Германии. С каких позиций можно расценивать такую степень ответственности (или безответственности) за принятие столь важного для страны решения? Или играли роль другие факторы, более значимые для высшей бюрократии, чем военные расчеты и прогнозы?

В.Н. Коковцов в своих воспоминаниях с горечью вспоминал, что на совещании его никто не слушал. Другие министры настойчиво объясняли ему, что в основе его пессимизма лежит неверие в силу и энергию русского народа. Уже в эмиграции, мысленно возвращаясь в тот декабрьский день кануна нового 1914 года, он несколько раз в мемуарах подчеркивал мысль о том, что оставался чуть ли не последним среди высшего чиновничества, который пытался убедить царя отказаться от идеи войны.

Понятно, что послевоенные воспоминания бывших деятелей рухнувшей империи – совершенно особый тип источника. Все они – В.Н. Коковцов, В.А. Сухомлинов, также как и С.Д. Сазонов и многие другие в мемуарах настаивали на собственном миролюбии и нежелании войны. Крах империи, падение дома Романовых и всех прежней жизни, тяжелые годы эмиграции наложили особый отпечаток на их мемуары. Во всех текстах подобного рода проводится мысль, что во всем виновата придворная камарилья во главе с царем и его дядей Великим князем Николаем Николаевичем. Но В.Н. Коковцов, действительно, прилагал все возможные усилия, чтобы остановить маховик надвигавшейся войны. Даже осознавая, что такая позиция лишь ускорит крушение его карьеры, или понимая, что терять уже нечего. Царь вычеркнул его из ближайшего круга.

Министры снова вернулись к обсуждению проблемы Босфора в начале февраля 1914 г. На этот раз чрезвычайное совещание собралось у С.Д. Сазонова. Военный министр В.А. Сухомлинов не принимал в нем личного участия. В мемуарах он подчеркивал, что якобы никогда не разделял идею высадки десанта: «наш десант на Босфоре – дорогая игрушка и, сверх того, может стать опасной забавой еще в течение долгого времени». Он даже упомянул, что пытался доказать Николаю II всю сложность подобной операции, но,

по его словам, царь дал ему понять, что «идея и цель всего вопроса имеют такое доминирующее значение, что технические детали отходят на задний план»¹²³⁶. Тем не менее, на этом втором совещании 8 февраля 1914 мнения разделились. Дипломаты требовали сосредоточить мобилизационные силы в составе около 200 000 человек для переброски через Черное море. Хотя представитель морского министерства объяснял им невыполнимость этой затеи.

Несмотря на сильные течения при петербургском дворе и в министерстве иностранных дел, направленные на реализацию идеи «десанта на Босфоре», России не удалось получить поддержку даже у французов. В результате многочисленных консультаций Париж дал понять, что всякое вмешательство в пределы азиатской Турции неминуемо повлечет англо-французские противоречия в разделе Смирны или Бейрута. Постепенно шум вокруг миссии О. Лимана фон Сандерса утих. В январе 1914 г. он был повышен до должности генерал - инспектора турецкой армии. Под этим благовидным предлогом его вывели из руководства гарнизоном Константинополя. Российский план «понуждения Турции» и военного десанта на Босфоре так и остался на бумаге, одним из многочисленных нереализованных проектов кануна Первой мировой войны. Таким образом, можно прийти к нескольким выводам.

Во-первых, за период с 1910 по 1913 гг. в высших военных и дипломатических кругах России усилилось сознание западной угрозы, исходящей от Германии и Австро-Венгрии. Об этом свидетельствует и переориентация деятельности русских военных агентов с дальневосточного (в 1900-1905 гг.) на западное направление в 1910-1914 гг.¹²³⁷ Если в 1912 г. Россия готова была к урегулированию международных конфликтов дипломатическими мерами, то уже к началу 1914 г. в высших эшелонах власти стала проявляться политическая воля и моральная готовность к большой европейской войне.

Во-вторых, в последние предвоенные годы в российской элите сложилась внутренне противоречивая ситуация. Россия позже других великих держав приступила к модернизации армии и флота. Военные эксперты отчетливо осознавали всю ее неподготовленность к войне и серьезную опасность быть втянутой в затяжной военный конфликт. Но великодержавные амбиции при дворе и опасения высших военных чинов оказаться в опале, фактически, перекрывали все прагматичные расчеты и надежды на реальный успех военной модернизации.

¹²³⁶ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 224–226.

¹²³⁷ Сергеев Е. Ю. Франция глазами военных атташе Российской империи (1900–1914 гг.) // Россия и Франция, XVIII – XX века / отв. ред. П. Черкасов. М., 2000. Вып. 3. С. 204.

В-третьих, стоит еще раз подчеркнуть, что вопрос о Проливах имел важнейшее значение. Подобно балтийскому вопросу, Проливы были для всей российской системы своеобразными кодами великодержавности, каналами глобальных коммуникаций между Востоком и Западом. Это формировало особую чувствительность российской политики к любым новым явлениям, которые могли бы изменить status-quo в их акваториях не в ее пользу.

6.8. Июльский кризис 1914 г. и геополитические интересы России в Первой мировой войне

Июльский кризис 1914 г., вызванный убийством наследника Австро-Венгрии кронпринца Франца Фердинанда в Сараево, привел к Первой мировой войне. В историографии не утихают дискуссии о степени вовлеченности великих держав и личном участии тех, кто был ответственным за принятие решения о вступлении в войну – императоров, политиков, дипломатов и военных. Каждый раз новое поколение историков вносит свой вклад в осмысление генезиса этой мировой трагедии и детальную реконструкцию событий, предшествовавших объявлению войны¹²³⁸.

В нашу задачу не входит исследование процесса зарождения войны. Важно показать, его взаимосвязь с длительным периодом геополитической конкуренции между Россией и Австро-Венгрией, выявить реальное влияние славянского / панславистского фактора, проанализировать интересы России в послевоенном планировании передела Европы. В современной историографии появились многочисленные исследования, приуроченные к столетию Первой мировой войны, в которых были опубликованы новые источники, важные для понимания ситуации в Европе в 1914-1918 гг. Внимание ученых привлекли не столько военно-дипломатические сюжеты, сколько историко-антропологические ракурсы, связанные с военной повседневностью фронта и тыла. Тем не менее, в ряде зарубежных исследований вновь возник давно забытый тезис времен холодной войны о «вине» России в развязывании военного конфликта¹²³⁹.

Не вдаваясь в подробности дискуссии, обратим внимание на новые публикации уникальных документов, сделанные Архивом Внешней политики РФ, которые позволяют

¹²³⁸ *Mombauer A.* The origins of the First World War : controversies and consensus. Harlow ; New York, 2002. 256 p. ; *Clark C.* The Sleepwalkers : how Europe went to war in 1914. London ; New York, 2012. 697 p. ; *Любин В. П.* Современная историография Первой мировой войны // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. 2014. № 4 (134). С. 6–19 ; *Алиева Л. В., Карпова Д. Г.* Современная отечественная историческая наука о причинах Первой мировой войны // Псковский военно-исторический вестник. 2016. Вып. 2. С. 243–251.

¹²³⁹ *Mombauer A.* The Fischer Controversy 50 years on // Journal of contemporary history. 2013. Vol. 48, № 2. P. 231–240 ; *McMeekin S.* Op. cit.

до деталей восстановить позицию российской дипломатии в июльском кризисе 1914 года, а также исследовать эволюцию геополитических подходов Российской империи к послевоенному переделу мира, который стал обсуждаться странами Антанты уже осенью 1914 г. Речь идет об историко-документальной публикации «Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны» и интересной публикации «Дневники Л.В. Урусова»¹²⁴⁰. Хронологически оба издания совпадают. Они содержат ценнейшие сведения о последних годах Российской империи, совпавших с военным лихолетьем, падением монархии, переходным период от Февральской республики к утверждению советской власти.

Русский дипломат князь Лев Владимирович Урусов оставил уникальные дневники, своего рода – личную летопись роковых событий распада Российской империи¹²⁴¹. Первая запись датирована 23 июля 1914 г., когда Урусов работал первым секретарем в Посольстве в Токио. Эмоциональный настрой в дипломатической среде, иногда – сплетни и слухи, саркастичные оценки сослуживцев и начальников. Он был потомственным дипломатом, отец служил посланником в Мюнхене, дядя – послом в Париже. Блестящий спортсмен, чемпион России по теннису, один из зачинателей Олимпийского движения в России. Богатый, честолюбивый, приближенный ко двору обладатель придворного чина камер-юнкера, нередко имел натянутые отношения с начальством. Либерал, близкий к кругу лидера кадетской партии П.Н. Милюкова. Сквозь призму его восприятия проступает история министерства иностранных дел и дипломатов, составлявших тогда довольно замкнутую, корпоративную среду посвященных в тайны и перипетии высокой политики.

В фундаментальной публикации «МИД в годы Первой мировой войны» особый интерес вызывает «Дневник МИДа», который вел Барон Шиллинг Маврикий Фабианович (1872-1934 гг.), российский дипломат, камергер, доверенный человек министра Сазонова. В 1911-1917 гг. он был начальником Канцелярии министра иностранных дел, подробно записывал все события на Певческом мосту. Эти записи позволяют точно восстановить переговорный процесс, который происходил в российской элите и европейском дипломатическом корпусе в Петербурге во время июльского кризиса 1914 г.

Как только 3/16 июля была получена телеграмма от посла России в Вене Н.Н. Шебеко о готовящемся ультиматуме Сербии, было решено дать понять через

¹²⁴⁰ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны : сборник документов. Тула, 2014. 957 с. ; Павленко О. В. Рецензия: Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны : сборник документов. Тула, 2014 // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 231–234.

¹²⁴¹ Урусов Л. В. Дневники Л. В. Урусова. 1914–1917. Тамбов, 2017. 590 с.

итальянского посла в Петербурге Карлотти, что «Россия не потерпит посягательства со стороны Австрии на целостность и независимость Сербии». Барон Шиллинг передал эти слова на великосветском вечере у графини Клейнмихель в тот же день. Карлотти в свою очередь сообщил, что в Вене убеждены в том, что Россия не решится на военные действия¹²⁴². Впереди было время летних отпусков, но у дипломатов оно быстро закончилось. Уже 5/18 июля прервавший отпуск министр С.Д. Сазонов прямо с вокзала приехал в министерство, где принял посла Австро-Венгрии Сапари. Беседа имела самый примирительный и миролюбивый характер. Казалось, конфликт исчерпан. Только к вечеру 10/23 июля опять же от итальянского посольства стало известно, что Вена готовит «предъявить Сербии совершенно неприемлемый ультиматум». Правда, эту новость не подтвердили ни английское, ни французское посольства, ссылаясь на отсутствие точных сведений¹²⁴³.

В этот же день произошло событие, которое роковым образом повлияло на весь ход последующих событий. В Белграде скончался российский дипломат Николай Гартвиг. Он имел большое влияние на сербскую элиту, пользовался репутацией друга сербского народа и всего славянства. Особые доверительные отношения связывали Николая Гартвига с сербским правительством. Его роль в снятии напряженности во время боснийского кризиса 1908 г. и кризиса 1912 г. трудно переоценить. Белград искренне скорбел об утрате. По просьбе сербского правительства Гартвига похоронили в столице Сербии. Похороны превратились в демонстрацию глубоких симпатий сербов к России, чем немало тронули официальные круги в Петербурге. Но одновременно – они были использованы сербским правительством как антиавстрийская демонстрация славянской солидарности.

Эти скорбные дни совпали с визитом президента Франции Раймона Пуанкаре и председателя Совета министров Вивиани в Петербург, которые заверили, что Франция в случае войны выполнит свои союзнические обязательства¹²⁴⁴. Сербские политические газеты связывали этот визит с разрешением июльского кризиса и возлагали особые надежды на Россию.

Как подчеркивает сербский ученый М. Радивоевич, «сараевское покушение стало поводом для сведения счетов Австро-Венгрии с Сербией на уровне локальной войны и

¹²⁴² Дневник МИД, 3 июля 1914 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Тула, 2014. С. 24 (далее – МИД России). Дневник велся по старому стилю, т. е. с опозданием на 14 дней от европейского календаря.

¹²⁴³ Дневник МИД, 10 июля 1914 г. // МИД России. С. 25.

¹²⁴⁴ МОЭИ. Сер. 3. М. ; Л., 1931. Т. 5. С. 3–5.

центральных держав с Россией и Францией на уровне европейской войны»¹²⁴⁵. При этом он утверждает, что среди стран Центральной коалиции сформировалось убеждение, что Великобритания не собирается втягиваться в войну. Согласно сербским дипломатическим документам, которые приводит М. Радивоевич, в начале июльского кризиса сербскому правительству давались ясные рекомендации с Певческого моста сохранять спокойствие и «не поддаваться на провокации» со стороны Австро-Венгрии¹²⁴⁶. Вообще, в сербской историографии преобладает мнение, что для Белграда в эти дни решающую роль играла позиция России. Сербь были убеждены, как «единственный настоящий союзник на Балканах», что их страна имеет особое положение в системе российских приоритетов - политическое, стратегическое и моральное¹²⁴⁷.

Но донесения сербского посла Спалайковича свидетельствуют о несогласованности подходов Петербурга и Белграда, хотя на первой фазе июльского кризиса российское влияние оставалось определяющим. Русские настаивали на уступках Вене, что не удовлетворяло Белград. Новый российский посол Штрандтман, назначенный после смерти Николая Гартвига, вызывал у сербской элиты раздражение. Он не смог установить за короткий срок, да еще в такой напряженной ситуации, доверительные отношения. Посол Спалайкович даже просил С.Д. Сазонова назначить послом в Белград другого дипломата – Николая Кудашева, советника российского посольства в Вене, «совершенно лояльного и искреннего человека, который в состоянии заменить в известной степени Гартвига»¹²⁴⁸. Но просьба не была удовлетворена.

С одной стороны, Василий Штрандтман оказался в Белграде в тяжелейшее время, и вынужден был сразу окунуться в водоворот переговоров. Возможно, у него не было времени и должного опыта, чтобы выработать четкую и жесткую позицию, как это делал Гартвиг в острые кризисные периоды. Но Штрандтман позволил себе попасть под влияние сербских политических кругов, особенно престолонаследника Александра, единственного, кто с ним тогда установил дружеские отношения, поскольку учился в Пажемском корпусе вместе с его братом.

С другой стороны, сербский посланник Спалайкович, человек эмоциональный, поборник славянской идеи, активно вел дело к войне, считая, что могучая славянская

¹²⁴⁵ Радивоевич М. Вступление России в Первую мировую войну: отклики и реакция в Сербии (июль – август 1914 г.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2016. № 1 (19). С. 159.

¹²⁴⁶ Там же. С. 160.

¹²⁴⁷ Митровић А. Продор на Балкан : Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке, 1908–1918. Београд, 2011. С. 38–76 ; Поповић Н. Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977. С. 31–33 ; Станковић Ђ. Србија, 1914–1918 : ратни циљеви. Нови Сад ; Београд, 2014. С. 83.

¹²⁴⁸ Радивоевич М. Указ. соч. С. 162–163. Основывается на сербских дипломатических документах.

держава Россия сможет заступиться за Сербию и накажет Австро-Венгрию. Радивоевич М. отмечает, что в донесениях сербского посла из Петербурга проводилась мысль, что будто бы там «с нетерпением ожидали войны». Более того, он верил, что война будет иметь локальный характер: Россия и Сербией против Австро-Венгрии, а другие державы в нее не вступят. Неоправданный оптимизм, который нередко приводил к серьезным политическим просчетам. Сербский историк отмечает, что подобные оптимистичные донесения Спалайковича создавали ложное впечатление в сербском руководстве. Попытки Штрандмана сдерживать воинственные амбиции вызывали резкое недовольство и упреки¹²⁴⁹.

11/24 июля стал переломным днем в цепи событий дипломатического кризиса. Когда утром пришла телеграмма из Белграда об австрийском ультиматуме, министр Сазонов произнес пророческую фразу: «Это европейская война». Он сразу доложил по телефону императору. Дневник МИДа зафиксировал только одну фразу Николая II: «Это возмутительно».

В этот же день проявились первые симптомы надвигающейся войны. На срочном заседании Совета министров было принято решение «безотлагательно изъять сколько можно наших государственных вкладов»¹²⁵⁰. Отзывались из отпусков дипломаты Канцелярии министра в виду чрезвычайной ситуации. Министры одобрили предложения С.Д. Сазонова:

1) вместе с державами Антанты просить Австрию продлить срок для ответа Сербии, чтобы ознакомиться с судебным следствием по делу сараевского убийства; 2) посоветовать Сербии «не принимать боя с австро-венгерскими войсками, а, оттянув вооруженные силы, обратиться к державам с просьбой рассудить возникший спор»; 3) мобилизация 4 военных округов (Одесского, Киевского, Московского и Казанского), обоих флотов – Черноморского и Балтийского. Особо подчеркивалось, что «всякие военные приготовления были бы ясно направлены исключительно на случай столкновения с Австро-Венгрией и не могли быть истолкованы как недружелюбные действия против Германии»¹²⁵¹. Сразу после заседания Сазонов встретился с сербским посланником и дал «советы крайней умеренности в отношении ответа сербского правительства на австрийскую ноту».

Вечером к Сазонову прибыл германский посол граф Пурталес, который сослался на то, что следствие добыло прямые доказательства причастности к убийству сербского

¹²⁴⁹ Там же. С. 163.

¹²⁵⁰ Дневник МИД, 11 июля 1914 г. // МИД России. С. 26.

¹²⁵¹ Там же. С. 26.

правительства. Сазонов резко осудил действия венского кабинета за то, что Сербии был дан слишком короткий срок для ответа, а великие державы не смогут подготовить своевременный отзыв.

Французский посол в Петербурге Палеолог считал, что Пуанкаре не стоит прерывать свое путешествие в скандинавские страны, чтобы не создавать всеобщую панику. Ситуация представлялась ему «отнюдь не безнадежной», он не верил, что Германия готова решительно поддержать действия Австро-Венгрии¹²⁵².

Сразу после передачи ультиматума Никола Пашич, сербский министр иностранных дел, пригласил к себе посла Штрандтмана, который советовал идти на уступки «до крайних пределов». Интенсивные консультации между Петербургом и Белградом продолжались, Пашич и Сазонов находились постоянно на связи. С.Д. Сазонов, понимая, какая ответственность лежит за принятия решений в эти дни, проговаривал все детали со своим близким кругом, куда входили – А.А. Нератов (товарищ министра иностранных дел, гофмейстер, член государственного Совета с 1916 г.), барон Шиллингом и князь Трубецкой Г.Н. (вице-директор Первого департамента МИДа, в 1914-1916 гг. – посланник в Сербии).

На встрече с сербским престолонаследником Александром Карагеоргиевичем посол Штрандтман посоветовал напрямую писать императору Николаю об унижительных требованиях и просить о покровительстве с надеждой, что просьба будет услышана «благородным славянским сердцем»¹²⁵³. Сербия вынуждена была принимать позицию Антанты. Россия предложила продлить срок действия ультиматума, Сербия приняла это предложение. В свою очередь Лондон внес предложение о мирной конференции великих держав, Белград также его поддержал.

25 июля утром в Красном Селе император собрал совещание министров по государственной обороне. Было «решено пока не объявлять мобилизации, но принять все подготовленные меры для скорейшего ее осуществления в случае надобности»¹²⁵⁴. Лондон и Париж еще надеялись, что ситуация с ультиматумом найдет компромиссное решение. Оптимизма прибавляло заявление австро-венгерских дипломатов о разнице между ультиматумом и простой *pote à terme* (нотой с указанием срока для ответа). Именно такой и являлась нота, врученная австрийским посланником в Белграде 10/23 июля.

¹²⁵² Там же. С. 27.

¹²⁵³ Радивоевич М. Указ. соч. С. 161. Ссылается на сербские дипломатические документы.

¹²⁵⁴ Дневник МИД, 12 июля 1914 // МИД России. С. 28.

Соответственно дипломаты надеялись, что даже в случае неудовлетворенного ответа Сербии, «военные действия могут еще не начаться сразу»¹²⁵⁵.

Но после сербского ответа австрийский посол демонстративно покинул Белград. В европейских кабинетах поднялась тревога. Надежды Антанты были связаны с Россией, позиция которой была гораздо более сдержанной, чем у воинственной и оскорбленной Сербии. Тем не менее, сербские элиты были убеждены в готовности России к войне и еще более раздраженно реагировали на попытки Штрандтмана умерить их пыл. Стол Пашича в июльские дни был завален депешами от сербских дипломатических представительств. Сам он – истощенный, очень опасался, что Петербург даст обратный ход.

В ответе Николая II на письмо Александра Карагеоргиевича содержалась просьба к сербскому кабинету поддержать его старания «избежать пролития крови», хотя он и уверял, что в случае войны Россия не оставит Сербию. Но письмо пришло 27 июля, когда Пашич принял решение прекратить дальнейшие уступки и передать роль посредника Великобритании. Хотя надежды на поддержку России сохранялись. М. Радивоевич приводит переписку принца Александра и короля Черногории Николы Петровича от 27 июля, в которой оба высказывают надежды на «помощь царственной и могучей России на стороне сербской правды»¹²⁵⁶. В манифесте принца Александра особо подчеркивались мирные усилия России. Казалось, все стремились избежать непосредственной угрозы войны.

16/29 июля германский посол встретился с Сазоновым, чтобы сообщить ему «приятное известие». Германия согласна продолжить попытки, чтобы «склонить венский кабинет к уступкам, но просил, чтобы это было сохранено в строгой тайне, так как разглашение подобных намерений германского правительства могло бы создать впечатление, будто взгляды Австрии и Германии в настоящее время не вполне согласны»¹²⁵⁷. Германский посол также настоятельно просил, чтобы в России не было объявлено о «преждевременной мобилизации», т.к. это усложнило бы попытки Берлина воздействовать на Вену. Но министр Сазонов не поверил этой конфиденциальной информации. После консультаций со своим близким окружением, он пришел к выводу, что Германия хотела бы «усыпить наше внимание, по возможности отсрочить мобилизацию русской армии и выиграть время для соответственных приготовлений». Он

¹²⁵⁵ Там же.

¹²⁵⁶ Радивоевич М. Указ. соч. С. 163.

¹²⁵⁷ Дневник МИД, 16 июля 1914 // МИД России. С. 29.

также не исключал, что влияние Германии так сильно упало в Вене, а «Австрия зашла слишком далеко без содействия или, по крайней мере, потворства Германии»¹²⁵⁸.

16/29 июля стал решающим днем. Во время второго визита германского посла Сазонову была передана телеграмму канцлера, в которой заявлялось: «если Россия будет продолжать свои военные приготовления, хотя бы и не приступая к мобилизации, Германия сочтет себя вынужденной мобилизовать, и в таком случае последует с ее стороны немедленное нападение». После таких слов между дипломатами произошла эмоциональная сцена. Сазонов резко ответил: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости». Германский посол Пурталес вскочил с места и воскликнул: «Я всеми силами протестую, господин министр, против этого оскорбительного утверждения». На что министр сухо возразил: «Германия имеет случай на деле доказать ошибочность высказанного им предположения»¹²⁵⁹. Расстались собеседники сухо.

Сразу после этой встречи раздался звонок императора Николая, который сообщил Сазонову, что получил телеграмму от императора Вильгельма с убедительной просьбой не доводить дело до войны. Он обещал использовать все влияние на австрийцев, чтобы достичь «удовлетворительного соглашения» с Россией. Сазонов выразил сомнение в искренности Вильгельма, рассказав о своем разговоре с послом Пурталесом. Николай обещал в ответной телеграмме потребовать от Берлина объяснение. Одновременно он разрешил С.Д. Сазонову безотлагательно переговорить с военным министром и начальником Генерального штаба¹²⁶⁰. Заметим, что уверения в верности союзническим обязательствам Петербург получил только от Франции. Великобритания предпочла уклониться от ответа.

Действительно, в телеграмме Николая II императору Вильгельму значилось: «Официальное сообщение, сделанное сегодня твоим послом моему министру, было составлено совершенно в иных тонах. Прошу Тебя объяснить это противоречие». Чтобы избежать кровопролития, Николай предлагал передать австро-сербский конфликт в международный арбитраж. Но телеграмма так и осталась без ответа¹²⁶¹. В этот день было получено сообщение о начале бомбардировки Белграда¹²⁶². Австро-Венгрия нарушила

¹²⁵⁸ Там же.

¹²⁵⁹ Дневник МИД, 16 июля 1914 // МИД России. С. 30.

¹²⁶⁰ Там же. С. 30–31.

¹²⁶¹ МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 205–206.

¹²⁶² Телеграмма поверенного в делах России в Сербии В. Н. Штрандтмана № 243 от 16/29 июля // Там же. С. 236.

дипломатический процесс, первой начав военные действия, мотивируя тем, что Сербия не дала удовлетворительный ответ на австрийский ультиматум.

В историографии хорошо известны колебания не только самого императора Николая II, но и силовых министров и министра иностранных дел вокруг вопроса об объявлении частичной или полной мобилизации. Не менее детально представлена хронология события и дипломатические контакты между Петербургом и Берлином в эти роковые дни 1914 г.¹²⁶³. Не вызывает сомнений факт, что российский император делал все возможное, чтобы разрешить этот конфликт дипломатическими мерами, избежать войны в Европе. Эти дни были также подробно описаны бароном Шиллингом в «Дневнике МИДа».

17/30 июля министр С.Д. Сазонов был очень активен, беседуя по телефону, встречаясь с министром земледелия А.В. Кривошеином, военным министром Сухомлиновым, начальником Генерального штаба Янушкевичем. «Полученные за ночь известия еще более укрепили всех в убеждении о настоятельной необходимости, не теряя времени, готовиться к серьезной войне»¹²⁶⁴. Все четверо согласовали свою позицию и договорились звонить императору, чтобы убедить его в необходимости общей мобилизации. «Его величество решительно отверг эту просьбу и, наконец, коротко объявил, что прекращает разговор. Янушкевич, который держал трубку только успел сказать, что рядом с ним министр иностранных дел и просит разрешения сказать несколько слов государю. После некоторого молчания, Николай согласился его выслушать. Сазонов попросил о приеме в тот же день для неотложного доклада. Император согласился принять его одновременно с Татищевым в 3 часа».

Более всего силовые министры опасались оказаться неподготовленными к войне с Германией, если не будет объявлена общая мобилизация. Начальник Генерального Штаба Янушкевич просил согласия императора перевести частичную мобилизацию во всеобщую и «заменить разосланные уже приказания новыми». Перед докладом императору Сазонов встретился с французским послом. Потом Кривошеин, Сазонов и Шиллинг, завтракая у Данона, говорили о необходимости «настоять на скорейшей общей мобилизации ввиду становящейся каждому все более ясной неизбежности близкой войны с Германией», иначе «мы бы шли на верную катастрофу»¹²⁶⁵.

Во время доклада императору министр С.Д. Сазонов и генерал-майор Татищев в течение часа доказывали, что «война стала неизбежной, так как по всему видно, что

¹²⁶³ Дать сноску на исследования современные по генезису войны и по биографии Николая 2.

¹²⁶⁴ Дневник МИД, 17 июля 1914 // МИД России. С. 31.

¹²⁶⁵ Там же. С. 32.

Германия решила довести дело до столкновения, иначе она не отклоняла бы всех делаемых примирительных предложений и легко могла бы образумить свою союзницу». Сазонов настаивал на объявлении общей мобилизации, аргументируя тем, что «лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутыми ею врасплох»¹²⁶⁶. Впоследствии барон Шиллинг записал в «Дневнике МИДа» со слов министра о реакции царя: «Сильное желание государя во что бы то ни стало избежать войны, ужасы которой внушали ему крайнее отвращение, заставляло его величество в сознании принимаемой им в этот роковой час тяжелой ответственности, искать всевозможных способов для предотвращения надвигавшейся опасности. Сообразно с этим он долго не соглашался на принятие меры, хотя и необходимой в военном отношении, но которая, как он ясно понимал, могла ускорить развязку в нежелательном смысле».

Император понимал, что полнота ответственности лежит только на нем. «Наконец, государь согласился с тем, что при нынешних обстоятельствах было бы наиболее опасным не подготовиться вовремя, по-видимому, к неизбежной войне и потому дал свое разрешение приступить сразу к общей мобилизации»¹²⁶⁷. Но даже после принятия решения о полной мобилизации, Николай II надеялся, что она не станет бесповоротным поводом к объявлению войны, о чем телеграфировал в этот же день кайзеру Вильгельму. Текст этой телеграммы хорошо известен – Россия не начнет никаких военных действий, пока «будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу»¹²⁶⁸.

Утром 18/31 июля на всех улицах российских городов появились объявления на красной бумаге с призывом встать под знамена. Это вызвало большое волнение в дипломатическом корпусе. Первым к Сазонову приехал германский посол. «С.Д. Сазонов заявил ему, что принятое императорским правительством решение является лишь мерой предосторожности ввиду обнаруживаемой в Берлине и Вене несговорчивости, но что со стороны России не будет сделано ничего непоправимого и, несмотря на мобилизацию, мир может быть сохранен, если Германия огласится, пока еще не поздно, умеряющее воздействие на свою союзницу»¹²⁶⁹. Граф Пурталес не скрывал, что в Берлине отреагируют крайне негативно.

На следующий день состоялся знаковый разговор между министром Сазоновым и германским послом, во время которого граф Пурталес трижды повторил вопрос – согласна ли будет Россия отменить мобилизацию по требованию Германии? На что Сазонов

¹²⁶⁶ Там же.

¹²⁶⁷ Там же.

¹²⁶⁸ МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 289.

¹²⁶⁹ Дневник МИД, 18 июля // МИД России. С. 33.

каждый раз отвечал, что мобилизация не будет отменена, но «Россия не отказывается продолжать переговоры в видах изыскания мирного выхода из создавшегося положения». После этого германский посол вручил ноту с объявлением войны, которая, как оказалось, содержала два варианта, которые по оплошности посольства были соединены в один. Граф Пурталес заплакал, обнял министра и сказал: «Я никогда не мог подумать, что мне придется покинуть Петербург при таких условиях». Сразу были оповещены император, послы Антанты, все дипломатические представительства¹²⁷⁰.

На следующий день все германское посольство и баварское консульство в составе 80 человек покинули Петербург.

Сербия ликовала. На заседании Народной Скупщины во время тронной речи Карагеоргиевича после каждого упоминания царя и России следовали громогласные и восторженные крики «Да здравствует!». Дипломатические сербские документы были все пронизаны демонстрацией славянских братских чувств «к святой православной России», благодарности за «высокое покровительство» русскому царю и народу. Подчеркивалась главная идея – Россия заступница сербов, следовали просьбы одобрить займ и поставки оружия. Николай II сразу отписал на телеграмме – «надо помочь». На оборотной стороне другой дипломатической телеграммы, в которой сообщалось об объявлении Германией войны России, сербский премьер Никола Пашич написал «пусть она будет счастливой для славянства»¹²⁷¹. В письме к Сазонову он искренне клялся: «Сербия решила жить или умереть с Россией и за Россию, которая не должна терять надежды на Бога и его милость».

Манифестации в Петербурге 3 августа 1914 г. перед посольством Сербии вылились в мощную демонстрацию славянской солидарности. Маховик войны был запущен. Реконструкция событий июля 1914 г. на основе документов российского МИДа показывает, что император Николай II пытался до последнего избежать втягивания России в Первую мировую войну. Страна не была готова к масштабным военным действиям, поскольку модернизация армии затягивалась, а программа переоснащения военно-морского флота только запускалась. Тем не менее роковые цепочки событий в Сербии, Австро-Венгрии, Германии и России сплетались в один узел, развязать который было уже невозможно. Общее недоверие и крайняя подозрительность, царившие в дипломатических и придворных кругах, не позволили дипломатам этих стран найти выход. Чрезвычайное напряжение, в котором находились Белград и Вена, импульсивно передавалось в Берлин и Петербург, оттуда – в Париж и Лондон. Опасение затянуть мобилизацию в случае

¹²⁷⁰ Там же.

¹²⁷¹ Радивоевич М. Указ. соч. С. 165.

наступления противника, быть застигнутым врасплох было движущим мотивом элит всех вовлеченных сторон. Войну никто не хотел, но каждая из сторон своими действиями подталкивала мир к трагической развязке. Никто не предполагал, что «большая европейская война» превратится в страшную кровавую бойню с миллионами жертв, разрушением империй – Российской, Османской, Австро-Венгрии и Второго Рейха, крахом прежнего мироустройства.

Особо стоит отметить, что никакого «панславистского заговора» или «панславистского плана» накануне войны Россия не имела. Основным мотивом вступления в войну были соображения национальной безопасности. В доверенном кругу императора сложилось устойчивое представление, что Германия обязательно начнет войну и только пытается выиграть время для концентрации сил на направлении основного удара. Австро-Венгрия уже тогда не воспринималась как самостоятельный партнер, с которым можно отдельно урегулировать конфликт.

Документы российского МИДа также позволяют проанализировать геополитические интересы России в Первой мировой войне. Ставил ли Петербург задачу создания всеславянской империи? Существовали ли панславистский план передела наследства Австро-Венгрии и Османской империи?

Не имеет смысла рассматривать весь комплекс дипломатических переговоров военного времени, связанным с проектами послевоенного переустройства. Остановимся лишь на тех, которые необходимы для понимания роли славянского фактора для России в Первой мировой войне. С одной стороны, славянские коды были ключевыми в военной пропаганде. С другой стороны, интересно рассмотреть, как они «работали» на правительственном уровне. Политика МИДа резко менялась за этот короткий период, многое определялось личными и профессиональными качествами политика, который возглавлял министерство иностранных дел России.

В центре внимания будет несколько сюжетов, которые тянутся сквозь трагические годы войны и революции с 1914 по 1917 гг.

Первое. Вокруг темы **«Константинополь и Проливы»** постоянно возникают недоговоренности и разночтения. Впервые на дипломатическом уровне Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин поднял ее в беседе с французским послом Палеологом 4 ноября 1914 г., вскользь упомянув, что «Россия сочтет необходимым присоединить часть Армении и создать из Константинополя свободный город с международным управлением»¹²⁷².

¹²⁷² Дневник МИД, 4 ноября 1914 г. // МИД России. С. 44.

В течение следующей недели желание Петербурга поставить перед союзниками вопрос о Проливах и Константинополе было уже отчетливо выражено. На фоне переговоров о границах между Сербией, Болгарией и Румынией и их возраставших территориальных амбиций, столь чувствительный вопрос мог только осложнить переговоры. Тем не менее, сэр Эдуард Грей, возглавлявший британский МИД, дал понять союзникам по Антанте, что «Англия считает справедливым удовлетворение России в вопросах о Проливах»¹²⁷³. Это был обмен мнениями, который не налагал никаких особых обязательств. Но сигнал был понят.

В феврале 1915 г. Россия уже действовала наступательно и на опережение. В первую неделю февраля все министры – члены Особого совещания у премьера Горемыкина поддержали позицию министра С.Д. Сазонова по вопросу о Константинополе и Проливах¹²⁷⁴. Обращает внимание, несмотря на всю секретность обсуждений, сам он, выступая на закрытом заседании бюджетной комиссии в Думе в присутствии Горемыкина и Родзянко, заявил, что Россия получит «оба Пролива и оба берега с Константинополем». Эту новость горячо подхватили депутаты. Лидер кадетов П.Н. Милюков под восторженные аплодисменты публично провозгласил, что главной задачей в этой войне является овладение Проливами и Константинополем¹²⁷⁵. Вся двусмысленность ситуации заключалась в том, что перед этим С.Д. Сазонов говорил с послами союзных держав о передаче Проливов и Константинополя под международное управление, на что и было получено согласие. Его заявление в Думе произошло до обсуждения новых требований с союзниками.

Столь стремительный маневр вызвал напряжение не только в Париже и Лондоне, но и среди малых держав, которые продолжали вести торг за свои интересы в войне. Особенно оживился румынский посланник Диаманди, который обсуждал отказ Румынии от нейтралитета и участие на стороне Антанты. Он заявил С.Д. Сазонову о претензиях Румынии на свободный доступ через Проливы, и праве быть допущенным к обсуждению вопроса об их будущем устройстве¹²⁷⁶. Ставки возрастали, а окончательное решение все оттягивалось. Все это подтолкнуло Николая II к решительным действиям.

18 февраля он объявил французскому послу о своем «официальном волеизъявлении», что берега Проливов необходимы России «для обеспечения жизненных интересов»¹²⁷⁷. На следующий день С.Д. Сазонов был вызван в Царское Село. Он

¹²⁷³ Дневник МИД, 10 ноября 1914 г. // Там же. С. 45.

¹²⁷⁴ Дневник МИД, 8 февраля, 9 февраля 1915 г. // Там же. С. 52.

¹²⁷⁵ Дневник МИД, 13 февраля 1915 г. // Там же. С. 52.

¹²⁷⁶ Там же. С. 53.

¹²⁷⁷ Дневник МИД, 18 февраля 1915 г. // Там же. С. 55.

представил проект решения, в котором Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, равно как и Южная Фракия по линии Энос-Мидия, часть азиатского берега между Босфором, рекой Сакарией и Исмидским заливом, а также острова Мраморного моря, Имброс и Тенедос должны были войти в состав Российской империи. После одобрения царя, С.Д. Сазонов, вернувшись в МИД, сразу пригласил английского и французского послов и вручил им памятную записку с «высочайшим одобрением».

Памятные записки – особый вид дипломатической документации, в которой каждая из сторон четко определяет свои интересы и обязательства. Во время Первой мировой войны они активно использовались в взаимоотношениях между союзниками, поскольку заключение договора потребовало бы значительного количества сил и времени на согласование позиций. Контуры послевоенного мира только начинали прочерчиваться в правительственных кабинетах Антанты. В вопросе о Проливах Россия повела себя неожиданно с большим напором, который в условиях военного времени трудно было сдерживать союзникам. Демарш вызвал их большое раздражение, они почувствовали себя застигнутыми врасплох. Россия неожиданно обыграла их, даже не давая времени на раздумье.

Французы пытались отыграть назад, заявляя, что неправильно поняли позицию России. Ведь требование касалось открытия свободного прохода для российских судов через Проливы, которые должны быть поставлены под международное управление. С.Д. Сазонову даже пришлось припугнуть французского посла, объявить ему, что в случае отказа он подаст в отставку, и скорее всего, будет назначена кандидатура из германофилов¹²⁷⁸. Французам потребовалось около двух недель, чтобы осмыслить сложившуюся ситуацию. 3 марта 1915 г. посол Палеолог прибыл в Ставку, где С.Д. Сазонов обсуждал с Великим Князем Николаем Николаевичем план военной операции по захвату Константинополя. Для этого важно было заставить Болгарию предоставить Бургас для российских кораблей. Французский посол озвучил условие Парижа – в обмен за поддержку России присоединить к Франции Сирию и Киликию, а также предоставить ей контроль над Палестиной. С.Д. Сазонов был категорически не согласен в вопросе о контроле над Святыми местами в Палестине¹²⁷⁹. В Петербург министр вернулся больным и злым, сразу призвав к себе английского посла Бьюкенена, с которым обсуждал «домогательство Франции касательно Святых мест и Палестины»¹²⁸⁰.

¹²⁷⁸ Дневник МИД, 20 февраля 1915 г. // МИД России. С. 56.

¹²⁷⁹ Дневник МИД, 3 марта 1915 г. // Там же. С. 59.

¹²⁸⁰ Дневник МИД, 4 марта 1915 г. // Там же. С. 61.

Британский МИД не скрывал своей досады по поводу возраставших амбиций союзников. В памятной записке посольства Великобритании в Петрограде подчеркивалось, что требования России «значительно превосходят пожелания», которые ранее высказывал С.Д. Сазонов. Более того – это «наиболее ценное приобретение всей войны». Согласие Англии на российские требования будет «полным переворотом традиционной политики его величества и находится в прямом противоречии с взглядами и чувствами, в свое время всецело господствовавшими в Англии и пока еще отнюдь не исчезнувшими». Но Лондон выражал готовность идти навстречу своей союзнице при условии, что Константинополь и Проливы «будут свободны для транзита товаров, обмениваемых между нерусскими территориями»¹²⁸¹.

Великобритания, хотя на словах демонстрировала «полное согласие», также стала оговаривать не только свои экономические интересы в районе Проливов, но и «нейтральную зону в Персии». Это означало, по сути, завершение «большой игры» в Азии между Россией и Великобританией. Возможно, англичане рассчитывали, что Россия не согласится и будет настаивать на соблюдении конвенции 1907 г. Но Петербург готов был идти достаточно далеко, чтобы заполучить согласие союзников на возделенную цель.

Основные переговоры по Константинополю и Проливам продолжались три месяца, что для дипломатии – весьма короткий период, учитывая всю неожиданность сделанного Россией шага. Соглашение между Россией, Великобританией и Францией по вопросу о Константинополе и Проливах происходило в форме обмена памятными записками и нотами в феврале – апреле 1915 г. Стороны подтвердили, что этот вопрос должен быть «разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России»¹²⁸². В памятной записке российского МИДа были в четкой последовательности перечисленные территории по обоим берегам проливов, включая острова. От посольства Великобритании в Петрограде были поданы две памятные записки (от 21.02/6.03.1915г. и от 27.02/12.03.1915 г.), обе представляют особые по стилю документы. Во-первых, британский МИД не скрывал своего раздражения дипломатическим натиском С.Д. Сазонова, особенно его выступлением в Государственной Думе, а также резким изменением позиции в вопросе о Константинополе и Проливах. Во-вторых, в обеих памятных записках неоднократно упоминалось, что Лондон оказывает «самым бескорыстным образом» будущую уступку России.

¹²⁸¹ Памятная записка посольства Великобритании в Петрограде, 27 февраля / 12 марта 1915 г. // Там же. С. 215.

¹²⁸² Памятная записка министра иностранных дел С. Д. Сазонова послам Франции и Великобритании, 19 февраля / 4 марта 1915 г. // МИД России. С. 213.

В это время Англия проводила военную операцию в Дарданеллах, и российские требования обесценивали ее собственные планы и интересы в важнейшем стратегическом регионе. С раздражением подчеркивалось, что Англия «рискует своими солдатами, своими матросами, своими судами, стремясь сделать Турцию бесполезной в качестве союзницы для Германии»¹²⁸³. Обращает внимание, что в британских документах не были перечислены территории, на которые претендовала Россия. Дважды подчеркивалось, что окончательное соглашение будет заключено не ранее окончательного мирного договора.

Во втором документе оговаривались обязанности России по привлечению Румынии, Греции и Болгарии на сторону Антанты, а также военного участия России на Босфоре. Вопрос о разделе Азиатской Турции был зарезервирован на будущее, хотя упоминалось, что конвенция 1907 г. может быть пересмотрена, и нейтральная часть Персии может перейти в английскую юрисдикцию¹²⁸⁴. Тем не менее, британская сторона пошла на формальное согласие с требованием России, но при этом настаивала, что это решение должно оставаться тайным.

Французская памятная записка была составлена кратко и выражала «доброжелательное отношение правительства республики» к пожеланиям России. Но также как и британский документ, содержала четкое указание, что вопрос о Константинополе и Проливах может быть окончательно решен только при заключении мирного договора¹²⁸⁵. Через несколько дней в вербальной ноте посольства Франции подчеркивалось, что окончательное решение будет только в случае победного завершения войны и осуществления планов Франции и Англии на Востоке¹²⁸⁶.

Однако, осенью 1915 г. военная ситуация на Босфоре резко ухудшилась. Кавказская армия России была блокирована турецкими силами. Директор при Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашев писал с тревогой С.Д. Сазонову, что, по его прогнозам, война может затянуться, мощь Германии превзошла расчеты. Учитывая общий ход военных операций, Н.А. Кудашев откровенно призывал министра признать, что «Константинополь - поневоле должен быть отложен на далекое будущее». По его мнению, необходимо заключить сепаратный мир с Турцией, чтобы победить Германию. В этом Н.А. Кудашев видел единственно возможный путь избежать затяжных

¹²⁸³ Памятная записка посольства Великобритании в Петрограде, 21 февраля / 6 марта 1915 г. // Там же. С. 213.

¹²⁸⁴ Памятная записка посольства Великобритании в Петрограде, 27 февраля / 12 марта 1915 г. // Там же. С. 216.

¹²⁸⁵ Памятная записка посольства Франции в Петрограде министру иностранных дел С. Д. Сазонову, 23 февраля / 8 марта 1915 г. // Там же. С. 215.

¹²⁸⁶ Вербальная нота посольства Франции в Петрограде министру иностранных дел С. Д. Сазонову, 28 марта / 10 апреля 1915 г. // Там же. С. 217.

и непредсказуемых военных действий¹²⁸⁷. Становилось все более очевидным, что Россия не в состоянии будет отстаивать военным путем свою великую мечту.

Но Сазонов не стал прислушиваться к его совету. Ведь в апреле 1915 г. Россия, Франция, Великобритания и Италия подписали Декларацию о не заключении сепаратного мира. После всех больших авансов, сделанных союзниками России, сепаратные действия были бы крайне негативно расценены. Тем более, отказаться от «исторического завета» не только для министра, правительственных чиновников, самого Николая II – было немыслимо.

В феврале-мае 1916 г. дипломатические ведомства стран Согласия приступили к разработке Соглашения о послевоенном разделе Азиатской Турции. «Проект Пико – Сайкса», который продвигали в Петрограде послы Бьюкенен и Палеолог натолкнулся на сопротивление С.Д. Сазонова. По сути, англичане повторили с ним тот же прием, что он применил в вопросе о Константинополе и Проливах. Когда в феврале 1916 г. в Петроград прибыл крупный знаток Малой Азии сэр Марк Сайкс и представитель французского правительства Жорж Пико, министр думал, что речь пойдет о Сирии и Киликии, где у России не было особых интересов. Но англичане дали понять, что готовы обсуждать раздел всего региона. Сразу же возникли дискуссионные темы – о возможном британском и французском контроле над Палестиной и создании еврейского государства, разделе Армении между Францией и Россией. С.Д. Сазонов заявил М. Сайксу, что русское правительство «сочувствовало бы водворению иудеев в Палестине», но «палестинский вопрос еще недостаточно созрел»¹²⁸⁸. Но в итоге к середине марта российское правительство определило территории и границы своих интересов в Азиатской Турции¹²⁸⁹.

Соглашение о разделе турецкого наследства было также оформлено как обмен памятливыми записками и нотами. Посольства Великобритании и Франции в общей памятной записке от 25 февраля / 9 марта 1916 г. выделили 11 статей с прилагаемой картой различных зон в Малой Азии и Аравии. Англия и Франция должны были выступить в послевоенном мире как единственные покровители арабского государства или федерации арабских государств и оставляли за собой право полного контроля этих территорий и недопущении третьей державы. Россия выговаривала себе право на аннексию области Эрзерум, Трапезонд, Вана и Битлиса до пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезонда, который подлежало еще определить. Особо также

¹²⁸⁷ Кудашев Н. А. Письмо директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н. А. Кудашева министру иностранных дел С. Д. Сазонову, около 4–5 октября 1915 г. // МИД России. С. 237–238.

¹²⁸⁸ Дневник МИД, 29 февраля, 1 марта 1916 // МИД России. С. 122–123.

¹²⁸⁹ Дневник МИД, 17 марта 1916 // Там же. С. 124–125.

определялось, что православным учреждениям в Святых местах Палестины будет гарантировано сохранение прежних прав и привилегий и свободное отправление своей веры¹²⁹⁰. Более всего С.Д. Сазонова беспокоило, чтобы союзники не изменили своей позиции в отношении российских интересов. Недаром в памятной записке он подчеркивал, что Россия поддержит интересы Франции и Англии по разделу Азиатской Турции, если они поддержат ее в вопросе о Константинополе и Проливах. В телеграмме послу России во Франции А.П. Извольскому, посланной во время этих переговоров, он настаивал, что «заключенные между союзниками во время войны политические соглашения должны оставаться неизменными и пересмотру не подлежат»¹²⁹¹.

Второй сюжет - **польский вопрос**. Еще в сентябре 1914 г. союзники стали обсуждать контуры будущего геополитического передела Европы. Первый документ по этому вопросу в коллекции МИДа России – это нота-приложение от 18 сентября / 1 октября 1914 г. между Россией и Румынией о территориальной целостности Румынии и присоединении к ней австро-венгерских областей с сохранением дружественного нейтралитета Румынии по отношению к России. Там же излагались тезисы по поводу будущего устройства Польши. В случае победы к России должны были отойти польские земли Германии и Австро-Венгрии. Во главе Польского Края назначался бы наместник императора. Пределы самоуправления фиксировались законодательством Российской империи¹²⁹².

В феврале 1916 г., судя по записям барона Шиллинга в «Дневнике МИДа», между русскими и французскими дипломатами вновь обсуждались вопросы будущего порядка в Европе. Особый интерес вызывал польский вопрос, который Париж хотел бы исключить из предметов международного обсуждения. Министр иностранных дел Франции открыто задал вопрос российскому послу А.П. Извольскому о возможности совместного выступления союзников в подтверждении обещаний, которые Россия дала полякам. Французское правительство беспокоило стремление немцев создать польские военные части. С.Д. Сазонов подтвердил в ответной телеграмме, что «заклученные между союзниками за время войны политические соглашения должны оставаться неизменными и пересмотру не подлежат», что относилось также и к государственному устройству Польши¹²⁹³.

¹²⁹⁰ Соглашение между Россией, Францией и Великобританией о разделе Азиатской Турции (в форме обмена памятливыми записками и нотами) // Там же. С. 254–260.

¹²⁹¹ Телеграмма № 948 от 24 февраля / 18 марта 1916 г. // МОЭИ. Сер. 3. М.; Л., 1938. Т. 10. С. 351.

¹²⁹² АВПРФ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 57. Л. 3–4.

¹²⁹³ Дневник МИД, 4 марта 1916 г. // МИД России. С. 123–124.

Французское правительство не горело желанием начать обсуждение послевоенной судьбы польского государства, но большая часть французской прессы под влиянием многочисленных поляков, проживавших во Франции, постоянно поднимала эту тему. Французское общественное мнение всегда имело полонофильский оттенок. Но польский вопрос С.Д. Сазонов намеренно откладывал до будущих торгов с союзниками о границах в Европе, предпочитая ограничиваться лишь общими обещаниями¹²⁹⁴.

В мае 1916 г. С.Д. Сазонов приехал к императору в Ставку, чтобы доложить возможные пути решения польского вопроса. В записке, составленной управляющим Юрисконсультской частью МИДа Б.Э. Нольде, значилось, что только «самобытное существование Царства в единении с Россией» «давало бы национальному движению широкий выход, притом не на путь продолжения исторической тяжбы с Россией, а на путь правильного устройства внутренней политической жизни края»¹²⁹⁵. В конце июня- начале июля Николай II поручил подготовить манифест об основах будущей автономии Польши.

Третий вопрос – **будущее чешских земель Австро-Венгрии**. В апреле 1916 г. чешские и словацкие командиры славянских дружин, воюющих на стороне России, обратились к барону Шиллингу с просьбой точно осветить планы императорского правительства относительно будущего Чехии. Неоднократно разные чешские представители пробовали прояснить позицию России. Но С.Д. Сазонов считал, что время еще не пришло. Он воздерживался от каких-либо конкретных обещаний, ограничиваясь благожелательными, но туманными формулировками: «чехам должно быть известно, что Россия, неизменно относящаяся к ним благожелательно, будет всегда готова им оказать возможную поддержку, но будущность Чехии в значительной степени будет зависеть от того, как сложатся обстоятельства при окончании нынешней войны. Кроме того, прежде чем высказаться на этот счет, России нужно знать, что именно составляет предмет стремлений чешского народа»¹²⁹⁶.

Действительно, представители чешских сообществ, проживавших в России, обращались в МИД с разными проектами будущего государственного устройства чешских земель. Но все они не имели соответствующих полномочий представлять чешские национальные интересы. Как правило, им объясняли, что «необходимо обождать, пока Чехия не будет занята русскими войсками, и чехи не получат возможности свободно и ясно определить свои вожеления. Только тогда Россия, узнав доподлинно пожелания

¹²⁹⁴ Дневник МИД, 5 апреля 1916 // Там же. С. 128–129.

¹²⁹⁵ Дневник МИД, 27 мая 1916 // Там же. С. 145.

¹²⁹⁶ Дневник МИД, 5 апреля 1916 // Там же. С. 127–128.

чехов, будет в состоянии определить свое к ним отношение»¹²⁹⁷. Чешские командиры военных подразделений, воюющих на стороне России, признавали, что выразителями национальных интересов выступают только Масарик и Дюрих, с ними нужно вести переговоры о послевоенных планах. Оба политика планировали прибыть в Россию для обсуждения чешского вопроса.

Отставка министра Сергея Сазонова произошла для всех быстро и неожиданно. Июньские дни 1916 г. прошли в тяжелой работе. МИД готовил Манифест о будущем устройстве Польши. С.Д. Сазонов вместе с госсекретарем Крыжановским постоянно были на связи, бесконечно согласовывая позиции и пункты манифеста с союзниками. 2 июля министр уехал на две недели на отдых в санаторий Рауха в Финляндию. Через 4 дня к нему из Ставки приехал барон Шиллинг, который привез личное письмо государя. Сазонов послал ответное письмо. Как только оно было получено, 10 июля вышел Высочайший рескрипт об увольнении С.Д. Сазонова и назначении на его место председателя Совета министров Бориса Владимировича Штюрмера (1848-1917)¹²⁹⁸. Сазонов получил новое назначение в Государственный Совет, но это была почетная отставка. На Штюрмера, плохо подготовленного к тонкой дипломатической работе, сразу обрушилась лавина сложных дел – от польского вопроса до нерешенной проблемы с Проливами.

Тема Босфора и Дарданелл, которую с невероятной энергией продвигал С.Д. Сазонов в переговорах с союзниками, после его отставки отодвигалась на неопределенное время. Посвященные в ход дела высшие чиновники убеждали царя надавить на англичан и французов, чтобы заставить их официально признать договоренности о Проливах. Утечки в британской и французской прессе следовали одна за другой, будоража общественное мнение. 11 сентября 1916 г. Николай II направил королю Великобритании Георгу V телеграмму, в которой выражал уверенность, что «чувства глубокой дружбы по отношению к Англии все более укрепляются в народе, армии и флоте». Он предлагал сделать официальное сообщение от имени российского правительства о согласии Франции и Англии на обладание Россией Константинополем и Проливами по достижению мира. Царь добавлял, что такое сообщение «успокоило бы все умы и рассеяло бы всякое недоверие»¹²⁹⁹. Но в ответной телеграмме английский король откладывал обнародование секретных договоренностей до окончания войны. Б.В. Штюрмер предлагал Николаю II договориться сначала с английским правительством об оглашении этой позиции, а затем

¹²⁹⁷ Там же. С. 128.

¹²⁹⁸ Дневник МИД, июль 1916 г. // МИД России. С. 152–154.

¹²⁹⁹ Там же. С. 160.

совместно воздействовать на французов, считая, что затруднений следует ожидать прежде всего от Парижа¹³⁰⁰. Но просчитался в своих расчетах. Английская дипломатия всегда умела вежливо уйти в тень, сохраняя доверительную тональность. Лорд Грей заверял, что король и правительство готовы дать согласие и поддержать Россию, но предварительно нужно согласовать это решение с Военным Советом, в котором могут быть сомнения в виду того, что оно произведет «огромное впечатление во всем мусульманском мире», с которым Великобритания вынуждена считаться. Английский посол Бьюкенен неоднократно подчеркивал сочувственное отношение официальных кругов Лондона к передаче Константинополя и Проливов под контроль России¹³⁰¹. Но это было только дипломатическим маневром. Общественное мнение, к которому всегда были чувствительны король и правительство, категорически отвергало российские притязания. Высшие британские круги прикрывали тем самым свое принципиальное нежелание следовать договоренностям 1915 г., закрепленным памятным запискам февраля-марта 1916 г.

Б.В. Штюрмеру вопрос о Проливах достался по наследству от С.Д. Сазонова. Но если прежний министр пользовался поддержкой и доверием британского Форрин Офис, то к Штюрмеру – ставленнику «партии Распутина» относились там с большой долей сдержанности. Петербург лихорадило от частой смены министров, жесткого столкновения Царского Села – резиденции императора и Государственной Думы, раскола общества между сторонниками самодержавия и парламентской монархии. Российская империя еще сохраняла устойчивость и силу, но изнутри уже подтачивалась глубоким политическим кризисом доверия к власти императора Николая II.

Новый министр иностранных дел пытался доказать свою стойкость и компетентность и дожать союзников в вопросах о Проливах. Репутация царской семьи, императорского двора и постоянно сменявшегося правительства была на грани падения. Либеральные газеты и прежде всего – наиболее авторитетная и респектабельная «Новое время» обрушивали водопады острейшей критики на самодержавие и «распутинщину»¹³⁰². На этом фоне окружение царя жаждало публичного заявления о достижении «великой исторической цели», которое бы вызвало огромный позитивный резонанс. Константинополь и Проливы воспринимались в тот период нараставшего разочарования и хаоса – как последнее средство, которое смогло бы удержать падение авторитета царской

¹³⁰⁰ Дневник МИД, 4 сентября 1916 г. // МИД России. С. 161.

¹³⁰¹ Там же. С. 162.

¹³⁰² Моя статья о Феврале

семьи. Штюмер предлагал сделать подобное заявление на заседании Государственной Думы, которая превращалась в оплот фрондирующих либеральных политиков¹³⁰³.

Но звезда Штюмера быстро закатилась. Новым министром иностранных дел 30 ноября 1916 г. был назначен Николай Николаевич Покровский (1865-1930). Вся его прежняя деятельность была связана с министерством финансов, тонкими дипломатическими вопросами он не занимался и не имел вкуса к подобной работе. Неоднократно просил царя отстранить его от этого поста, но Дума и общественное мнение были на стороне нового министра, поддерживая отставку Штюмера как ставленника Распутина. У Покровского была репутация не коррумпированного чиновника, в то время это было важнее, чем дипломатический опыт. На встрече с представителями петроградской и московской печати в декабре 1916 г. он подтвердил неизменность курса внешней политики, приверженность союзу с Англией, Францией и недавно примкнувшей Италии. Министр завершил свое выступление ритуальной фразой: «Интересы славян по-прежнему остаются неизменно близки русскому сердцу»¹³⁰⁴.

Французы оказались более сговорчивыми, чем англичане в вопросе о Проливах. В феврале 1917 г. МИД России подтвердил договоренности о новом территориальном порядке в Европе и возвращении Франции областей Эльзаса и Лотарингии, района Саарского каменноугольного бассейна, отделении от Германии левого берега Рейна и создании автономного владения под французской оккупацией¹³⁰⁵. В конце февраля посол А.П. Извольский телеграфировал из Парижа, что министр иностранных дел А. Бриан передал ему декларацию французского правительства, в которой сообщалось: «Правительство Французской республики, желая утвердить во всей их силе соглашения, заключенные с российским правительством в 1915 г. в целях разрешения в конце настоящей войны вопроса о Константинополе и Проливах, согласно вековым стремлениям России, и стремясь, с другой стороны, облегчить в равной степени своей союзнице получение всех гарантий, желательных, с точки зрения военной и промышленной, для обеспечения ее безопасности и для экономического развития империи,- признает за Россией полную свободу в определении ее западных границ»¹³⁰⁶.

Февральская революция 1917 г. перечеркнула прежние планы царского правительства. Новый министр иностранных дел П.Н. Миллюков следовал в фарватере

¹³⁰³ Дневник МИД, 4 сентября 1916 г. // МИД России. С. 164.

¹³⁰⁴ Запись беседы министра иностранных дел Н. Н. Покровского с представителями петроградской и московской печати, 13/26 декабря 1916 г. // МИД России. С. 307.

¹³⁰⁵ Соглашение между Россией и Францией об определении послевоенных границ, февраль – март 1917 г. // Там же. С. 326–327.

¹³⁰⁶ Там же. С. 328.

британской политики. Одним из первых шагов на этом посту стала подготовка манифеста Временного правительства о создании независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом¹³⁰⁷. Он готов был идти на многие уступки, но не в вопросе о Проливах. Россия, где власть перебрасывали от одной политической силы к другой, публично отказалась решать этот вопрос в мае 1917 г., когда П. Н. Милюков подал в отставку. Новый министр иностранных дел Михаил Иванович Терещенко (1886-1956) от имени Временного правительства заявил о полном отказе от прежних договоренностей с союзниками по послевоенному переделу мира.

Таким образом, документы МИД России свидетельствуют, что в Первой мировой войне главным вопросом для российской внешней политики был контроль над Проливы и Константинополем. МИД целенаправленно и зачастую на опережение действовал в переговорах с союзниками, чтобы зафиксировать особую заинтересованность в решении этого вопроса в пользу России. Несмотря на серьезное сопротивление стран Антанты, особенно британского МИДа, путем уступок и компромиссов министру С.Д. Сазонову удалось добиться согласия союзников. Закреплению договоренностей по вопросу о статусе Проливов и Константинополя была посвящена значительная доля активности российских дипломатов. Даже во время острого политического кризиса и противостояния Думы и резиденции императора – Царского Села, когда стало лихорадить правительство и министерский портфель стал передаваться от одного кандидата к другому – вопрос о Проливах и Константинополе оставался незыблемым.

Стоит особо подчеркнуть, что Россия не собиралась решать, как первостепенный вопрос о будущем наследстве Австро-Венгрии. Наибольшая заинтересованность была проявлена только к польскому вопросу. МИД предполагал в случае поражения Австро-Венгрии и Германии, объединить польские земли под своей эгидой, наделив широкой автономией. Все остальные вопросы, связанные с послевоенным обустройством славянских земель Австро-Венгрии, не были предметом особых переговоров российских дипломатов с союзниками. Гораздо в большей степени они были заинтересованы в балканской карте и создании крупного южнославянского государства с центром в Белграде.

Выводы

¹³⁰⁷ Воззвание Временного правительства к польскому народу, 17 марта 1917 г. // МИД России. С. 344–345.

В начале XX в. отношения между Российской империей и Австро-Венгрией колебались от притяжений к отторжению, периодически накаляясь от сильных эмоций и взаимных обвинений. Двусторонние дипломатические отношения представляли собой сложный многоуровневый процесс, в котором властные элиты России и Австро-Венгрии действовали в соответствии с тем пониманием национальных интересов, которое традиционно сложилось при императорских дворах и нашло поддержку в общественном мнении. Тем не менее, противостояние нарастало, несмотря на прагматичные подходы и общее желание элит двух монархий сохранить стабильный мир.

Можно выделить четыре фазы нарастания системного кризиса в российско-австрийских отношениях:

1897-1908 гг. – «медовый месяц» между Венной и Петербургом, когда обе стороны декларировали необходимость тесного партнерства и взаимопонимания. Их ресурсы и зоны влияния на Балканах достигли к тому времени стратегического баланса, а внешние и внутренние обстоятельства вынуждали искать консенсус. Россия увязла в войне с Японией и революционном брожении, Австро-Венгрия – в межнациональных разборках. Обе нуждались в передышке и стабильности. На процесс сближения повлиял и внешнеполитический фактор. Если раньше британцы готовы были поддержать инициативы немцев по сдерживанию России и Франции, то динамичное торгово-экономическое и военное усиление Германии стало вызывать в Лондоне большое раздражение. Великобритания, остро переживавшая потерю собственного превосходства, начала активно укреплять союз с Францией, надеясь привлечь и Россию. Австро-Венгрия, традиционно дорожившая британской поддержкой, но не смея отступить от «старшей сестры» - Германии, на всякий случай развернулась в сторону восточной соседки.

На этом благоприятном фоне получило широкое распространение новое славянское движение – неославизм. Несмотря на декларируемый общеславянский масштаб, оно было австрийским, по своей сути, явлением.

Для всех австрийских славян, и особенно – чехов, был важен поиск влиятельных союзников внутри и за пределами монархии Габсбургов, чтобы противостоять нараставшему там пангерманизму. Неославистская политика имела два вектора – на Запад (Франция, США, Великобритания) и на Россию. Неослависты стремились повлиять на внешнюю политику и общественное мнение России, чтобы возобновить исторический союз с Австро-Венгрией. Это был наиболее крупный и амбициозный проект межславянского партнерства, который когда-либо выдвигался австрийскими славянами. Новый виток массового увлечения славянством и славизмами имел прагматичные мотивы и реальные геополитические надежды. Его поддерживали круги крупной финансовой и

торгово-промышленной славянской буржуазии, интеллектуалы всех мастей – от журналистов до университетских профессоров и адвокатов, студенты, представители малого и среднего бизнеса, духовенство.

Период сближения России и Австро-Венгрии рождал у австрийских славян иллюзии, что для них будут созданы торговые преференции на российских рынках, а петербургская дипломатия сможет склонить Вену в пользу федерализации и предоставить широкую автономию славянским землям. С начала XX в. неославизм распространялся с большим воодушевлением, охватывая австрийских, балканских славян и Россию. Крупные инициативы следовали одна за другой. Открывались общеславянские съезды и выставки, новостные агентства, общие печатные органы и различные общества. Австрийские неослависты делали ставку на российских либералов, дистанцируясь от сторонников имперского панславизма. Но сами либералы тяготели к «европейским демократиям» Франции и Великобритании, совсем не разделяя идеи союза с Австро-Венгрией и Германией.

Поездки славянских деятелей в столицы великих держав, переговоры с влиятельными лицами от имени «своей нации», несогласованные с правительством предложения и проекты, инициативы в общегосударственном формате – вызывали крайнюю подозрительность и раздражение в высших эшелонах власти в монархии Габсбургов. Складывалась парадоксальная ситуация. Стремясь укрепить Австро-Венгрию, усилить ее державный статус, неослависты невольно подрывали хрупкий баланс межнациональных отношений, на котором зиждилось это многосоставное государство.

Несмотря на численное превосходство славянского населения в монархии и реальную возможность создать мощное лобби в парламенте, австрийские славяне упустили свой шанс. Попытки неославистов сформировать общую политическую повестку и укрепить взаимопонимание между австрийскими славянами не достигли успеха.

Несмотря на внутренние противоречия и возрастающую подозрительность австрийского правительства, общественная активность неославистов в первое десятилетие XX в. нарастала. Впервые общеславянский интеграционный проект стал обсуждаться не как абстрактный образ будущего, но в формате реальных решений и действий, на уровне общественных инициатив. В то же время официальные круги в России так и не определились, на кого делать ставку в новом славянском движении, насколько оно будет полезным для национальных интересов и как будет влиять на ситуацию на Балканах. На этом этапе неославистам оказывалась умеренная поддержка со стороны официальных и общественных структур России, но основная благотворительная деятельность

традиционно осуществлялась через Славянские благотворительные комитеты и различные общественные организации.

1908 -1910 гг. – острый и затяжной Боснийский кризис оказался одним из первых проявлений блокового антагонизма Германии и Великобритании в европейской дипломатии. Личная схватка министров иностранных дел - Извольского и Эренталя вылилась в открытое противостояние пангерманистов и панславистов. Для российской дипломатии аннексия Боснии и Герцеговины со стороны Австро-Венгрии стала очередным уроком в балканской политике, своего рода – «дипломатической Цусимой». Если раньше внешняя политика колебалась между либеральным англофильством и консервативным прогерманским курсом, то после Боснийского кризиса стал очевиден поворот России к Антанте.

Прежнее воодушевление испарилось, но сохранилось множество нерешенных вопросов в межславянских отношениях. Что же касается правительства Австро-Венгрии, то здесь уже четко определилось крайне подозрительное отношение к неославидам, которых обвинили в разжигании враждебности между Венной и Петербургом.

Тем не менее, панслависты и либеральные поборники славянской взаимности в России поддерживали контакты с общественными и политическими организациями зарубежных славян. Уровень и масштаб взаимодействия с зарубежными лидерами неославизма напрямую зависел от текущих дел в российско-австрийских отношениях. Когда возникало потепление, то каждая из сторон стремилась использовать неославистские контакты для взаимного сближения. Когда же ситуация обострялась, то оба правительственных кабинета отрекались от неославизма, скептически оценивая перспективы этого движения.

По мере разрастания конкурентной борьбы за влияние на Балканах интерес обоих правительств к поддержке неославизма угасал. Ухудшение российско-австрийских отношений стало ключевым фактором провала неославизма. Без поддержки официальных кругов в России и Австро-Венгрии неославизм утратил свою привлекательность и для предпринимательских и журналистских сообществ.

1910-1914 гг. – период резкого усиления противостояния между Россией и Австро-Венгрией, импульс которому был дан Боснийским кризисом 1908-1909 гг. Надежды на возобновление партнерства двух монархий рушились. На смену им пришла жесткая конкуренция. Тактика России на Балканах кардинально не изменилась, сохранялись два ключевых принципа – приоритет собственных интересов и равновесие сил в регионе. Россия стремилась не допустить чрезмерного усиления одного из балканских государств или одной из великих держав в стратегически важном для нее регионе. Накануне Первой

мировой войны основное внимание было сосредоточено на вечном вопросе о Проливах. Подобно балтийскому вопросу, Проливы были для всей российской системы своеобразными кодами великодержавности, каналами глобальных коммуникаций между Востоком и Западом. Это формировало особую чувствительность российской политики к любым новым явлениям, которые могли бы изменить status-quo в их акваториях не в ее пользу.

Дипломатическая ситуация вокруг славянского вопроса резко менялась по мере обострения Восточного вопроса и региональной конкуренции балканских государств. По сути, великие державы оказались заложниками их амбиций. Малые балканские государства ловко использовали противоречия между ними, лавируя и выторговывая наиболее выгодные условия. Представления об определяющей роли великих держав сильно преувеличены, когда речь идет о большой дипломатической игре на Балканах.

Когда Россия пыталась создать Балканский союз, то Австро-Венгрия делала все возможное, чтобы он не состоялся, разжигая противоречия между Сербией и Болгарией. Если Россия болезненно реагировала на усиление германского военного присутствия в Стамбуле, то Австро-Венгрия активно участвовала в продвижении там общенемецких интересов. К 1912 г. в высших военных и дипломатических кругах России сформировалось убеждение в реальной западной угрозе, исходящей от Германии и Австро-Венгрии.

Бухарестский мир 1913 г., завершивший Балканские войны, стал для Австро-Венгрии тяжелым ударом по ее авторитету великой державы. Благодаря действиям российской дипломатии и поддержке Антанты, Сербия оказывалась в выигрыше. Впервые за всю историю европейско-османского противостояния балканские проблемы решались без непосредственного участия монархии Габсбургов. Жгучее чувство униженности и бессилия, которое испытала элита монархии Габсбургов, сыграла впоследствии не последнюю роль в роковое лето 1914 г.

Неизбежность войны осознавали во всех европейских кабинетах, хотя и пытались всякий раз остановить конфликты, влекущие к боевым столкновениям. Так было в период Боснийского кризиса 1908-1909 гг., осенью 1912 г., в конце 1913-начале 1914 гг. Уже тогда был очевиден раскол в правящих элитах, когда одни были морально готовы к «большой войне», а другие благоразумно считали, что время еще не пришло.

Россия позже других великих держав приступила к модернизации армии и флота. Военные эксперты отчетливо осознавали всю ее неподготовленность к войне и опасность быть втянутой в затяжной военный конфликт. Но великодержавные амбиции при дворе и

опасения высших военных чинов оказаться в опале, фактически, перекрывали прагматичные расчеты и надежды на реальный успех военной модернизации.

1914-1917 гг. Нараставшее общее недоверие и крайняя подозрительность в дипломатических и придворных кругах, не позволили дипломатам в июле 1914 г. найти выход. Чрезвычайное напряжение, в котором находились Белград и Вена, импульсивно передавалось в Берлин и Петербург, оттуда – в Париж и Лондон. Опасение затянуть мобилизацию в случае наступления противника, быть застигнутым врасплох было движущим мотивом элит всех вовлеченных сторон. Войну никто не хотел, но каждая из сторон своими действиями подталкивала мир к трагической развязке.

Геополитическая конкуренция набирала силу, а европейские правительства растрачивали политическую волю на взаимные претензии, увлекаясь созданием сдержек и противовесов настолько, что постепенно утрачивали способность и интерес находить взаимные решения в сложных ситуациях. Мировой порядок, созданный когда-то на основе международного консенсуса, оказался не в состоянии регулировать балансы сил и интересы больших и малых держав. Все больше внешняя политика подчинялась экономическим интересам национального капитала и идеологии «национального эгоизма».

В то же время стоит особо отметить, что панславизм в любых его проявлениях не имел решающего воздействия на процесс принятия решения о войне. На всех фазах развития кризиса в российско-австрийских отношениях у Петербурга не было единого панславистского плана. Основным мотивом вступления в войну были соображения национальной безопасности. В доверенном круге императора Николая II сложилось мнение, что Германия обязательно начнет войну и только пытается выиграть время для концентрации сил на направлении основного удара. Австро-Венгрия уже тогда не воспринималась как самостоятельный партнер, с которым можно отдельно урегулировать конфликт.

Если «славянская геополитика» не играла решающей роли в интересах России, то вопрос о контроле над Проливами и Константинополем проходил красной линией в переговорном процессе с союзниками по Антанте во время Первой мировой войны. Российский МИД не был увлечен ни идеей создания Всеславянской империи в Европе, ни присвоением славянских земель Австро-Венгрии. Значительное внимание уделялось собиранию польских земель под эгидой России в послевоенном устройстве мира и созданию южнославянского государства под эгидой Сербии. Прагматичные геополитические комбинации правительственного кабинета существенно расходились с огромной волной прославянских симпатий, захлестнувшей российское общество.

Славянские коды были глубоко заложены военной пропагандой и с воодушевлением воспринимались тогда самыми широкими слоями.

Заключение

I

Двусторонние дипломатические отношения между Россией и монархией Габсбургов представляли сложный многоуровневый процесс, в котором властные элиты действовали в соответствии с тем пониманием национальных интересов, которое складывалось при императорских дворах и находило поддержку в общественном мнении. На протяжении изучаемого времени с 1830-х гг. по июль 1914 г. взаимоотношения двух государств сочетали в себе как конфликтные, так и партнерские тенденции. Дипломатический диалог велся в широком диапазоне - от заверений в дружбе до военных угроз и шантажа, которые неоднократно приводили на грань войны в начале XX в.

Для политики Вены и Петербурга было характерно чередование циклов притяжения и отторжения, соперничества и сотрудничества. Наступательная агрессивность сменялась прагматизмом и осторожностью с обеих сторон, хотя национальные фобии и шовинизм никуда не уходили, даже более того - усиливались. Но проявление доброй воли к прагматичному сотрудничеству открывало возможности для поиска компромиссов в урегулировании сложных и запутанных ситуаций. «Дуализм соперничества и сотрудничества»¹³⁰⁸ пронизывал всю ткань российско-австрийских отношений: от политики и дипломатии до экономики, культуры и общественных взаимовосприятий.

На отдельных этапах каждая из сторон использовала славянский фактор на ценностном и геополитическом уровнях. По сути, соперничество между Россией и монархией Габсбургов проявлялось как столкновение двух парадигм славянского вопроса при кардинальном различии целей и задач. Обе державы все глубже вовлекались в балканский водоворот - перекройку границ и сфер влияния, финансовых инвестиций и железнодорожных концессий, открытую или скрытую поддержку восставших народов, дипломатические переговоры и интриги, которые вспыхивали каждый раз, когда возникал очередной конфликт на Балканах. Обе воспринимали друг друга как препятствие на пути к достижению «великих национальных интересов».

Геополитические циклы в славянском вопросе развивались между Петербургом и Веной в относительном равновесии. Особенно в Восточном вопросе к началу XX в., когда их ресурсы и зоны влияния достигли стратегического баланса, между тем как балканский маятник все сильнее раскачивался между ними. Если в Болгарии начинался виток дружественных отношений с Россией, то почти одновременно Сербия демонстративно

¹³⁰⁸ Это определение применил Е.Ю. Сергеев в книге «Большая игра», когда исследовал взаимоотношения между Россией и Великобританией (См.: Сергеев Е.Ю. Большая игра. С. 295)

сближалась с Австро-Венгрией и Германией. И наоборот. Оба балканских государства, созданные благодаря России, ревниво следили друг за другом и за своими покровителями. Периодическая смена ориентиров стала неотъемлемой частью их геополитической игры и способом самоутверждения в большой европейской политике, подогревая конкуренцию между Венной и Петербургом. Но внешние и внутренние обстоятельства вынуждали искать консенсус. Вплоть до июльского кризиса 1914 г. Россия и монархия Габсбургов могли найти компромисс даже в самых острых геополитических конфликтах.

Понятно, что не всегда надежды на согласование российских и австрийских интересов были оправданы. Все без исключения венские правительственные кабинеты на протяжении второй половины XIX -начала XX вв. с большим подозрением воспринимали панславистские настроения, которые периодически вспыхивали в российском обществе и при петербургском дворе. Однако, проведенное исследование показывает, что панславизм в любых его проявлениях не оказывал решающего воздействия на процесс принятия внешнеполитических решений в России. На всех фазах развития российско-австрийских отношений у Петербурга не было ни одного конкретного панславистского плана. Основной интерес российской дипломатии был сосредоточен на вопросе о контроле над Проливами и Константинополем. Он проходил красной нитью в переговорном процессе с великими державами на протяжении всего изучаемого периода, включая Первую мировую войну вплоть до февраля 1917 г. Таким образом, российский МИД не был увлечен ни идеей создания Всеславянской империи в Европе, ни присвоением славянских земель Австро-Венгрии. Только во время Первой мировой войны стали обсуждаться возможные варианты послевоенного устройства при распаде монархии Габсбургов (объединение польских земель под эгидой России и создание южнославянского государства во главе с Сербией). Правда, этот сюжет уже выходит за хронологический и тематический формат представленной диссертации и нуждается в более полном и детальном рассмотрении.

Итак, проведенное исследование позволяет выделить следующие этапы в российско-австрийских отношениях и высветить роль в них славянского фактора:

- 1.1830-е гг. – 1853 г.: генезис славянского вопроса в монархии Габсбургов и России;
2. 1853-1856 гг.: Крымская война и трансформация внутренней и внешней политики России;
3. 1856-1878 гг.: старые проблемы под сенью нового Союза трех императоров. Русско-турецкая война и славянская политика России.
4. 1880-е гг.: обострение конкуренции России и Австро-Венгрии на Балканах и вокруг славянского вопроса;

5. 1887-1897 гг.: конфликт геополитических интересов России и Австро-Венгрии на Балканах;
6. 1897-1908 гг.: «медовый месяц» между Веной и Петербургом и движение неославизма;
7. 1908 -1910 гг.: Боснийский кризис и рост недоверия между Россией и Австро-Венгрией;
8. 1910-1914 гг.: резкое нарастание напряженности и угрозы «большой европейской войны». Июльский кризис 1914 г.

Безусловно, данная периодизация может быть уточнена и откорректирована при дальнейших исследованиях. Тем не менее, в ней показано, что именно славянский вопрос в значительной степени определял характер двусторонних контактов. Восточный вопрос, который вбирал в себя освободительные движения балканских народов, стремившихся к независимости от Османской империи, а также стратегии великих и малых держав на Балканах, тесно переплетался со славянским вопросом. В совокупности они составляли «точку бифуркации» в европейской политике, из которой волнами расходились новые инициативы, разрушавшие иерархический имперский порядок «старой Европы».

II

В ходе диссертационного исследования было выявлено, что уже на стадии генезиса (1830-40-е гг.) сложилось несколько линий развития общеславянских идей, которые со временем превратились в референтные модели, заряженные эмоциональной энергией своих адептов и обладавшие значительными символическими и общественными репрезентациями.

Основные три модели панславизма были созданы сторонниками славянской взаимности в России, монархии Габсбургов и на Балканах. Под влиянием геополитических потрясений - Крымской войны 1853-56 гг., австро-венгерского дуализма 1867 г., русско-турецкой войны 1877-1876 гг., обострения ситуации на Балканах, подъема славянских движений в Австро-Венгрии, Боснийского кризиса 1908-1910 гг. – они обрастали новыми историософскими обоснованиями, вызывая все больший общественный резонанс. Несмотря на существенные расхождения, их объединял ряд общих признаков: представление об исторической миссии славян; общеславянское воображаемое пространство; понимание необходимости коллективной солидарности; противопоставление «славянского мира» либо Европе, либо «германо-протестанскому/католическому миру», либо пангерманизму/ мадьяризму/ османизму.

В диссертационном исследовании были подробно изучены первые две модели: российский панславизм и «всеславянство» в монархии Габсбургов. Третья форма

панславизма, созданная на Балканах, не была объектом данного исследования и нуждается в более глубоком изучении. Принципиальное различие между первыми двумя моделями заключается в том, что в российском варианте акцент делался на универсальные ценности и общие принципы славянской солидарности, а в «австрийском» (условное название) – на «разнообразие в гармонии». Фактически все славизмы, распространенные среди австрийских славян и нацеленные на общеславянский формат, категорически исключали любую форму унификации.

Славянские движения в Австро-Венгрии, за исключением галицийских поляков, были слишком умеренными на фоне динамичного и драматичного развития национального вопроса на Балканах. Неудивительно, что панславизм служил им в качестве своеобразного заменителя радикальной оппозиции. К нему прибегали чешские политики только в критические периоды, когда надо было показать австрийскому правительству, что у славян есть альтернатива. Русофильство и всеславянская ориентация становились в эти периоды демонстративным выражением национального протеста.

Россия, как мощное славянское государство, в котором отсутствовали гражданские свободы, вызывала двойственное отношение. С одной стороны, принадлежность к «могучему славянскому племени» компенсировала собственную малочисленность, а панславизм нередко использовался как средство давления на Вену и аргумент в спорах с пангерманистами и сторонниками мадьяризма. С другой стороны, сохранялся подсознательных страх быть поглощенными Российской империей или Германией.

Стоит также четко отличать панславистские представления от различных региональных проектов славянской интеграции. Наиболее крупные из них – австрославизм; австрофедерализм; неославизм в значительной степени были ориентированы на всех славян монархии Габсбургов. Другие варианты – югославизм; чехословакизм; польский мессианизм имели ограниченный, национально-региональный формат, лишь опосредованно могли соотноситься с панславизмом.

Наконец, выделяется еще одна модель панславизма, созданная австро-немецкой либеральной публицистикой. Речь идет о фантоме панславизма, который быстро распространился в европейском общественном мнении и впоследствии прочно вошел в западные исследования как историографическое клише. Этот мнимый панславизм был порожден негативной рефлексией на усиление России и подъем славянских движений в Европе.

Во второй половине XIX в. представления о славяно-русской угрозе широко распространились за пределами монархии Габсбургов, а к началу нового столетия стали неотъемлемой частью русофобских кампаний в европейской прессе. Панславизм был

объявлен врагом либерально-демократических ценностей и трактовался как реакционная доктрина России и «славянских сепаратистов». Этот взгляд разделяли многие представители высших кругов в монархии Габсбургов и Германии, воспринимая его как внутреннюю и внешнюю угрозу безопасности.

Но и в славянской публицистике также нагнеталось чувство опасности – против пангерманистов и сторонников мадьяризма. Немцы и венгры объявлялись «врагами всего славянства». Эти встречные процессы создавали особое поле напряжения человеческих страхов и эмоций, которое вращалось вокруг жизни и смерти, поднимая символическую ценность молодых наций.

Итак, на протяжении XIX- начала XX вв. выдвигались различные проекты будущего славянских народов, но не было единой, объединительной платформы, которая бы соответствовала национальным амбициям и прагматичным потребностям русских, чехов, словаков, сербов, болгар, поляков, русинов, словенцев, хорватов. Ее не могло быть - в силу различавшихся исходных условий, жестких внутренних противоречий и межэтнических конфликтов. Каждая из славянских наций пыталась на основе панславизма сформировать свой проект коллективной идентичности. Острая конкуренция и разное понимание целей не позволили создать мощное панславистское движение ни в самой России, ни за ее пределами. Как бы ни желали его адепты, панславизм так и не стал реальным геополитическим проектом ни одной из славянских наций. Тем не менее, феномен панславизма – всеславянства, в какой бы форме он не отражался, относится к существенным геополитическим и культурным ценностям, принадлежащим истории славянских народов.

III

Российский панславизм представлял совокупность разнообразных, зачастую прямо противоположных представлений о славянском мире. В общественных обсуждениях было столько разнообразных интерпретаций, что не приходится говорить о существовании некоей общей модели «российского панславизма». В центре подобных дискуссий была не столько славянская тема, сколько будущее самой России.

Славянофилы сформировали представление, что Россия есть классическая страна романтической культуры, несопоставимая с Западом, «миром бездуховной рассудочности» и «логического формализма», где разбито «святое единство веры». Образ славянского Другого рождал новое понимание Себя, иллюзии, что все славянские народы проникнуты безусловной любовью к России. Панславизм зарождался в России на основе славянофильского постулата о генетической и историко-культурной взаимосвязи «русского» и «славянского».

В наиболее завершенной форме был разработан интеллектуалами из среды консерваторов – государственников «имперский панславизм». Под влиянием Крымской войны впервые российская мысль не отождествляла себя с Европой, а создавала собственное воображаемое пространство «славянского мира», ядром которого мыслилась Россия. Выдвигались различные варианты – от образа Великой российско-славянской империи до более умеренных вариантов «культурного»/ «литературного панславизма», ориентированных на продвижение русского языка как общеславянского и принятие Православия как общего вероисповедания. Все объединительные проекты вливались в мощный славянский дискурс политической мысли России. Либеральные, консервативные и радикальные подходы сталкивались вокруг понимания власти и общества, патриотизма и миссии России в мире. По сути, панславизм не имел определяющего значения в бурных спорах о российских ценностях. Скорее, он служил идеологическим стимулом, необходимым для того, чтобы понять, что должно составлять основу российской идентичности и государственности.

Тем не менее, славянские коды глубоко вошли в коллективное подсознание российского общества и использовались официальной пропагандой как важный материал в конструировании общегосударственной идентичности. Стоит особо отметить, что мыслители, создавая проекции великого славянского будущего и возвышения России, были далеки от текущих внешнеполитических раскладов, которыми занимались российские дипломаты. Пропасть между воображаемыми конструкциями «русско-славянского мира» и реальной внешней политикой только разрасталась.

IV

С 1860-х гг. в России стала развиваться славянская политика в парадигме «защиты и покровительства всех угнетенных славянских народов». Два ее направления – австрийское и балканское существенно различались по целям, методам, идеологическому обоснованию и масштабам финансирования. Поддержка балканских славян (финансовая, образовательная, религиозная, гуманитарная, военная) осуществлялась на системном уровне и имела значительные объемы как государственного финансирования, так и в формах пожертвований – от церковных кружечных сборов до личных вкладов благотворителей. В отношении австрийских славян дальше мягкой силы государственные интересы не простирались. Благотворительная помощь и поддержка оказывалась в значительно меньших объемах, чем на Балканах. Российский МИД строго следил, чтобы благотворительность и контакты со славянами в Австро-Венгрии оставались умеренными и сдержанными.

Во второй половине XIX - начале XX вв. на территории Австро-Венгрии была создана разветвленная сеть культурно-просветительских обществ, объединявшая представителей австрийских славян. В основном их деятельность была ориентирована на изучение русского языка и культуры, укрепление связей с Россией, предоставление стипендий для нуждавшихся студентов. При этом политическая повестка исключалась. Финансирование, весьма скромное, осуществлялось через СБК и подлежало строгой отчетности. Отдельно оказывалась поддержка редакциям журналов панславистской направленности. В МИД России поступали регулярные сведения о настроениях австрийских славян, их политических предпочтениях и взаимоотношениях между отдельными национальными группами. Никаких иллюзий о безусловном русофильстве в монархии Габсбургов российские дипломаты не испытывали. Было предельно ясно, что фактор России был важен для австрийских славян в их борьбе за полноценный статус в монархии Габсбургов.

На основе изученных материалов можно сделать вывод, что российское общество неоднократно испытывало мощные подъемы славянской солидарности. Пики активности пришлись на проведение Славянского съезда в 1867 г. и обострение Восточного кризиса - с 1875 по 1878 гг., во время Боснийского кризиса 1908-1910 гг. Движение в поддержку сербов, боснийцев, герцеговинцев, черногорцев и особенно - болгар принимало не только массовый характер, но воспринималось как гражданский и религиозный долг. На этом фоне существенно укрепились позиции Славянских благотворительных комитетов, их взаимодействие с правительственными и общественными организациями. Они превратились в важный инструмент славянской политики как на внешнем, так и внутреннем контурах. Общегражданская солидарность с освободительными движениями на Балканах, масштабные благотворительные акции в поддержку беженцев, сирот, учащейся молодежи, духовенства; массовое добровольческое движение - все эти процессы поднимали гражданскую и религиозную ценность славянского вопроса, закладывая новые смыслы в коллективную идентичность России.

V

Сравнительный анализ политической культуры России и монархии Габсбургов позволяет сделать вывод о двух разных проектах формирования коллективной идентичности в имперских государствах, нацеленных на общегосударственную сплоченность.

Россия после эпохи Великих реформ пошла по пути усиления «политической религии» в сфере государственной идеологии. Эта тенденция изменила российский проект, дополнив его консервативным историзмом и образами «народной монархии».

Австрийская государственность развивалась в другом направлении, уступая конституционным и парламентским инициативам, постоянно находясь в поиске компромисса и создавая иллюзии высоких ожиданий.

Габсбургский миф, претерпевший значительные изменения в течение XIX – начала XX вв., обрел в поздней империи универсальную формулу. Австро-Венгрия представлялась как прибежище и защита всех малых народов в Центральной Европе и на Балканах – общий дунайский дом, где каждый рано или поздно получит удовлетворение своих прав и потребностей. Австрийская пропагандистская машина достаточно преуспела в формировании коллективных ожиданий. Вера в общее государство была подорвана только во время Первой мировой войны.

Если в монархии Габсбургов государственная идеология была нацелена на персонификацию образа императора Франца Иосифа как «добротного отца всех народов», то в России гораздо большее внимание уделялось дискурсу «великих Побед» и общегосударственным историческим юбилеям. Механизмы формирования памяти о Крымской войне и «священных могилах Севастополя» были такими же, как и во время массовых кампаний в поддержку славян. Масштабное увлечение славянством формировало чувство сопричастности индивидуума со славянской миссией России. Меморизация памяти о Крымской войне, равно как восстановление черноморского флота сплетались воедино с решением славянского вопроса на Балканах.

В формулу российской идентичности модерна были заложены коды, которые сплачивали общество, вне зависимости от политических предпочтений. Образы «Великого Прошлого», «Великих Русских Побед», «города-мученика» Севастополя были одинаково близки людям с разными убеждениями. Именно общность исторической судьбы в защите государственного суверенитета и целостности стала основным лейтмотивом общественных проектов. Код «славно-русской взаимности» как нельзя лучше вписывался в контекст имперской идентичности, усиливая гражданскую и религиозную мотивацию в деле освобождения зарубежных славян. Срачивание Восточного и Славянского вопросов в коллективном подсознании россиян создавало значительную общественную поддержку балканской политике России и было эффективным инструментом управления общественными эмоциями со стороны государственной власти.

С 1860-х годов Россия стала осваивать славянскую политику на двух уровнях – благотворительном и геополитическом. Со второй половины 1870-х-начала 1880-х гг. Австро-Венгрия также начала активно проявлять себя как покровительница славянских народов. Конфликт двух моделей имперской идентичности на ценностном уровне

перерастал в их геополитическое соперничество на Балканах и за влияние на австрийских славян.

VI

Австрийские славяне были увлечены не столько общеславянскими проектами, сколько политическими программами, которые гарантировали бы им полноправный статус в монархии Габсбургов. Крупные объединительные инициативы, поддержанные в их среде, можно выстроить в одну логическую линию: автрославизм – австрофедерализм – неославизм. Все три интеграционных проекта имели выраженную прогабсбургскую лояльность. Общеславянские коды, равно как и русофильство, играли в них инструментальную роль. Все три инициативы были нацелены на создание славянского большинства в земельных представительствах и имперском парламенте, чтобы оказывать прямое влияние на правительственные решения. Важно было показать, что славянство выступает как реальная политическая сила, не уступающая немецкому и венгерскому влиянию. Это была главная идея, которую разделяли все, но выполнить так и не смогли, несмотря на численное превосходство славянского населения. Патриоты, осознавшие свое происхождение, входили в противоречие с немецким населением в западной части монархии, и с доминировавшим венгерским населением в восточной части. С каждым десятилетием это создавало все большее напряжение и конфликты на национальной почве. Правда, император и правительственные кабинеты готовы были идти на определенные уступки в надежде смягчить национальные противоречия.

По мере «взросления» национальных сообществ изменялось их отношение к славянской взаимности, образам общеславянского прошлого и будущего. Особенно – в отношении к России, которая мыслилась на грани «своего» и «чужого» мира. Представления об общем Дунайском доме- монархии Габсбургов были гораздо более устойчивыми и осознанными. Вопреки распространенным историографическим концепциям, можно предположить, что в идеологии австро-венгерских славян не существовало дуализма общеславянского и национального, поскольку собственная идентичность изначально имела абсолютную ценность, а общеславянские коды лишь придавали ей значимость и солидарную поддержку.

Славянское движение в монархии Габсбургов не было таким организованным, как пангерманское. Внутри существовали сильные национальные разногласия и соперничество. Политически зрелое и активное чешское движение не всегда находило понимание с хорватскими и словенскими политиками, и еще меньше – с галицийскими поляками. Русины в наибольшей степени культивировали русофильство, а словаки не готовы были признавать чешский постулат о едином чешско-моравско-словацком народе.

Наибольший успех имел неославизм, поскольку прагматичные интересы бизнеса и поддержки славянских медиа были понятны каждому из его участников. Но и оно не достигло поставленных целей, потому что зависело от доброй воли правительств России и монархии Габсбургов.

VII

Неравномерность и фрагментацию в изучении славянского фактора в российской и зарубежной историографиях можно объяснить высокой степенью актуализации славянской темы как таковой. За последние тридцать лет произошли мощные сдвиги в методологии, аргументации и взаимодействии научных сообществ в исторической науке. Историография развернулась от упрощений мифографии к поиску новых исследовательских практик и критическому анализу. Ключевая тема «малые народы и империи» претерпевает глубокие концептуальные изменения. Тезис о сильной этноязыковой дискриминации и национальном угнетении в монархии Габсбургов был вытеснен из круга референтных концепций. Осмысление феномена многосоставного государства в настоящее время развивается в сторону дискуссий о критериях и пределах его демократизации.

В австрийской, немецкой, американской историографиях, исследованиях в странах Центральной Европы наблюдается спад интереса к славянской теме, иногда доходящий до полного забвения. «Славянство» потеряло свою актуальность в новых интерпретациях европейской истории и истории регионов. Но без компетентной реконструкции этого мощного паттерна прошлого сложно понять процессы интеграции и фрагментации на востоке Европы и многоуровневые российско-европейские отношения в целом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

I. Архив внешней политики Российской империи при МИД РФ (АВПРИ)

1. Ф. 133 (Канцелярия Министерства иностранных дел). – Оп. 470. – Д. 46, 112, 114, 128, 129.
2. Ф. 135 (Особый политический отдел). – Оп. 474. – Д. 57.
3. Ф. 137 (Отчеты МИД России). – Оп. 475. – Д. 82, 86, 98, 102, 188.
4. Ф. 138 (Секретный архив министра). – Оп. 467. – Д. 303–308, 310.
5. Ф. 146 (Славянский стол). – Оп. 495. – Д. 396–536, 3799–3858, 3859–4161, 5062–5148, 5225, 6330–6497, 6664–6733, 6741–6908, 6909–7264, 7265–7647, 8589–8609, 9024, 9196–9204, 10527–10624, 10993–11086, 11105–11128, 11517, 11528, 12090, 12473, 12484, 12485, 12497, 12498.
6. Ф. 151 (Политархив). – Оп. 482. – Д. 53, 62, 69, 2247, 2903, 2904, 2980, 3424.
7. Ф. 172 (Посольство в Вене). – Оп. 514/2. – Д. 201, 376.

II. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 541 (Вергун Д. Н.). – Оп. 1. – Д. 20, 28.
2. Ф. 553 (Бенкендорф П. К.). – Оп. 1. – Д. 61.
3. Ф. 730 (Игнатъев Н. П.). – Оп. 1. – Д. 1878, 2070.
4. Ф. 826 (Джунковский В. Ф.). – Оп. 1. – Д. 161.
5. Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). – Оп. 1. – Д. 8, 11, 13, 20, 22, 60, 61, 215.
6. Ф. 1821 (Комитет славянской взаимопомощи). – Оп. 1. – Д. 1.

III. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (ОР РНБ)

1. Ф. 182 (Гильфердинг А. Ф.). – Оп. 2. – № 10, 16.
2. Ф. 621 (Пыпин А. Н.). – № 441.
3. Ф. 627 (Раевский М. Ф.). – № 4.

IV. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) (ИРЛИ РАН)

1. Ф. 3 (Аксаковы). – Оп. 2. – Ед. хр. 8.

V. Российский государственный архив литературы и искусства

(РГАЛИ)

1. Ф. 10 (Аксаковы). – Оп. 1. – Ед. хр. 212.
2. Ф. 72 (Блудовы). – Оп. 2. – Ед. хр. 12.

VI. *Российский государственный исторический архив*
(РГИА)

1. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). – Оп. 193. – Д. 38.
2. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода). – Оп. 27. – Отд. 1. – Ст. 2. – Д. 224в.; Оп. 27. – Отд. 1. – Ст. 1. – Д. 224; Оп. 30. – Отд. 2. – Ст. 2. – Д. 360; Оп. 33. – Отд. 1. – Д. 15; Оп. 139. – Д. 1523; Оп. 141. – Д. 227, 1350.

VII. *Archiv narodního muzea*
(ANM Praha, Czech Republic)

1. Poz. Frant. Lad. Riegra. – Kr. 4/3, Kr. 108/1, Kr. 28/8.
2. Archiv narodního muzea v Praze Písemná pozůstalost Františka Palackého a jeho blízkých. 1772–1968. Inventář. – Praha, 1976. – Sign. 30–105. – Kr. 2. – Č. 96.

VIII. *Haus-, Hof- und Staatsarchiv*
(HNSA Vienna, Austria)

1. PAX. K. 48 (Russland, 1859. Waisungen. Varia). – F. 21 v. – 25 v. ; F. 149 v. – 150 r. ; F. 339 v. – 339 r. ; F. 344 v. ; F. 350 v.
2. PAX. K. 53 (Russland, 1862–1863). – F. 76 r. – 77 v. ; F. 90 r. – 95 r. ; F. 92 v. ; F. 130 r – 133. ; F. 53 v. ; F. 105 v.
3. PAX. K. 54 (Russland, 1863. Berichte. Varia). – F. 101 v. – 102 v. ; F. 207 v. – 208 v.
4. PAX. K. 57 (Russland. Berichte, 1866. Weisungen, 1867). – F. 1 v – 5 r. ; F. 218 v. ; F. 438 v.
5. PAX. K. 58. (Russland, 1867. Berichte). – F. 438 v.

IX. *Literární archiv Památníku národního písemnictví*
(LA PNP Prague, Czech Republic)

1. Poz. Frič J. V. – Sign. 13/E/9.
2. Poz. Palacký F. – Sign. 15/A/2.
3. Poz. Skrejšovský F. – Sign. 6/F/29.

X. *National Archives of Hungary*
(Budapest, Hungary)

1. Országos Levéltár. – Szekció D 296 (K. K. Polizeiministerium: Oberste Polizeibehörde (1827–1867)). – L. 123–234.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

I. *Публицистика и труды российских авторов о славянстве и славянской взаимности.*

1. Аксаков, И. С. Наше знамя – русская народность / Иван Аксаков. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2008. – 636 с.
2. Аксаков, И. С. О державности и вере / И. С. Аксаков. – Минск : Белорусская Православная Церковь, 2010. – 607 с.
3. Аксаков, И. С. Письма к родным, 1844–1849 / И. С. Аксаков ; изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – Москва : Наука, 1988. – 704 с.
4. Аксаков, И. С. Письма к родным, 1849–1856 / И. С. Аксаков ; изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – Москва : Наука, 1994. – 653 с.
5. Аксаков, И. С. Речь, произнесенная председателем Московского Славянского благотворительного общества в публичном заседании оною 5 марта 1878 года. – Москва : Унив. тип., ценз. 1878. – 36 с.
6. Аксаков, И. С. Славянский обзор / И. С. Аксаков // День. – 1861. – № 1 (15 октября).
7. Аксаков, И. С. Сочинения И. С. Аксакова, 1860–1886. – Москва : тип. М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°), 1886–1887. – 7 т.
8. Аксаков, И. С. Сочинения И. С. Аксакова. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело; Еврейский вопрос: 1860–1886 : статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург : изд. Имп. публичной библиотеки, 1900. – 570 с.
9. Аксаков, И. С. Сочинения И. С. Аксакова, 1860–1886. Т. 2. Славянофильство и западничество : статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». – Москва : тип. М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°), 1886. – VI, 846, IV с.
10. Аксаков, Н. П. Всеславянство / Н. П. Аксаков. – Посмертное изд. с портр. авт. – Москва : т-во типо-лит. И. М. Машистова, 1910. – IV, 211 с.
11. Антонович, М. А. [Рецензия] // Современник. – 1862. – № 1. – С. 38–45. – Рец. на кн.: Отголоски славянской поэзии / М. П. Петровский. Москва: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1861. 124, III с.
12. Бакунин, М. А. Произведения / М. А. Бакунин. – Санкт-Петербург : И. Г. Балашов, 1906. – XV, 296 с.
13. Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина / [соч.] Николая Барсукова. – Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1888–1910. – Кн. 9. – 1895. – XII, 498 с. ; Кн. 15. – 1901. – XIV, 522 с.
14. Бобринский, В. А. Пражский съезд: Чехия и Прикарпатская Русь / гр. В. А. Бобринской. – Санкт-Петербург : типо-лит. т-ва «Свет», 1909. – 127 с.
15. Будилович, А. С. О необходимости укрепления духовных связей России с Червонной Русью / А. Будилович // Галицко-русский вестник. – 1894. – № 1. – Август. – С. 10–18.
16. Вергун, Д. Н. Немецкий “Drang nach Osten” в цифрах и фактах : с картой немецких захватов на славянской земле / Д. Н. Вергун. – Вена : тип. Крац, Гельф и К°, 1905. – 66 с.

17. Володимиров, В. М. Неославизм и австрославянство : статья проф. В. М. Володимирова. – Санкт-Петербург : тип. газ. «Бирж. вед.», [1909]. – 15 с.
18. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. – Москва : Унив. тип., 1867. – X, 473 с.
19. Герцен, А. И. Собрание сочинений: в 30 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; редкол.: В. П. Волгин (гл. ред.) [и др.]. – Москва : Изд-во АН СССР, 1954–1966. – 30 т.
20. Гильфердинг, А. Ф. Очерк истории Чехии // Собрание сочинений А. Гильфердинга. – Санкт-Петербург: печатня В. Головина, 1868. – Т. 1. – С. 346–409.
21. Гильфердинг, А. Ф. Письма об истории сербов и болгар / соч. А. Гильфердинга. – Москва : Унив. тип., 1855. – 242 с.
22. Гильфердинг, А. Ф. Польский вопрос // Собрание сочинений А. Гильфердинга. – Санкт-Петербург : печатня В. Головина, 1868. – Т. 2. – С. 295–335.
23. Гильфердинг, А. Ф. Славянские народы в Австрии и Турции // Собрание сочинений А. Гильфердинга. – Санкт-Петербург : печатня В. Головина, 1868. – Т. 2. – С. 3–15.
24. Гильфердинг, А. Ф. Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 2. Статьи по современным вопросам славянским. – Санкт-Петербург : печатня В. Головина, 1868. – 494, VI с.
25. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Римскому. - 5-е изд.-Санкт-Петербург: тип. Братьев Пантелеймоновых, 1895. – 350 С.
26. Кареев, Н. И. Славянское возрождение, панславизм и мессианизм // История Западной Европы в новое время / Н. Кареев. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – Т. 5. – С. 395-421.
27. Катков, М. Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. 1863 год. Вып. 1 / М. Н. Катков. – Москва : Унив. тип., 1887. – 662 с.
28. Князев, Г. М. Славянский «восточный» вопрос в определении В. И. Ламанского / Г. М. Князев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. – Ч. 65 (сентябрь). – С. 1–26 ; Ч. 65 (октябрь). – С. 45–69 ; Ч. 66 (ноябрь). – С. 1–34 ; Ч. 66 (декабрь). – С. 50–101.
29. Кочубинский, А. А. Мы и они (1711–1878) : очерки истории и политики славян / [соч.] А. Кочубинского. – Одесса : В. И. Белый, 1878. – 246 с.
30. Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858–1868) Славянского благотворительного комитета в Москве / сост. Н. А. Поповым. – Москва : Унив. тип., 1868. – 28 с.
31. Ламанский, В. И. Геополитика панславизма / Владимир Ламанский. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – 922 с. – (Русская цивилизация).
32. Ламанский, В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях / соч. Владимира Ламанского. – Санкт-Петербург : тип. А. А. Краевского, 1865. – 92 с.
33. Ламанский, В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе / исслед. Владимира Ламанского. – Санкт-Петербург : тип. Майкова, 1871. – VI, 316 с.
34. Ламанский, В. И. Ответ на письмо г. Драгоманова / В. Ламанский // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. – 1885. – № 2. – С. 80–83.

35. Ламанский, В. И. Сербия и южнославянские провинции Австрии : из записок о славянских землях / соч. Владимира Ламанского. – Санкт-Петербург: тип. А. А. Краевского, 1864. – 82 с.
36. Ламанский, В. И. Три мира Азийско-Европейского материка / [соч.] В. Ламанского. – Санкт-Петербург : типо-хромолит. А. Граншель, 1892. – 132 с.
37. Ламанский, В. И. Чтения о славянской истории в С.-Петербургском университете. Чтение 1. Изучение славянства и русское народное самосознание / Владимир Ламанский. – Санкт-Петербург : печатня В. Головина, 1867. – 38 с.
38. Леонтьев, К. Н. Восток, Россия и славянство : Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / К. Леонтьев ; общ. ред., сост. и коммент. Г. Б. Кремнева. – Москва : Республика, 1996. – 798 с. – (Прошлое и настоящее).
39. Литературное наследие. Т. 97: Федор Иванович Тютчев / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: С. А. Макашин [и др.]. – Москва : Наука, 1988–1989. – Кн. 1. – 1988. – 587 с. ; Кн. 2. – 1989. – 708 с.
40. Максимов, Е. Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России / Е. Максимов. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1894. – 277 с.
41. Милюков, П. Н. Разложение славянофильства : Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев : [публичная лекция, чит. 22 янв. 1893 г. в аудитории Исторического музея] / П. Милюков. – Москва : типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1893. – 53 с.
42. Милюков, П. Н. Славянофильство / П. Милюков // Энциклопедический словарь / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Санкт-Петербург : тип. АО «Изд. дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. – Т. 30. – С. 307–314.
43. Милюков, П. Н. Балканский кризис и политика А. П. Извольского : с приложением 2 карт и пересмотренного в 1909 г. текста турецкой конституции / П. Милюков. – Санкт-Петербург : тип. т-ва «Обществ. польза», 1910. – XIV, 404 с.
44. Палаузов, С. Н. Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии / [соч.] С. Палаузова. – Санкт-Петербург : тип. Н. Тиблена, 1861. – 28 с.
45. Письмо из Угорской Руси. Погибающий русский народ / Н. // Славянское обозрение : сборник статей по славяноведению. Год. 2-й / под ред. С. М. Пальмова. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. славян. благотвор. о-во, 1894. – С. 270–282.
46. Погодин, М. П. Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к Славянам // Сочинения М. П. Погодина. – Москва : тип. В. М. Фриш, 1874. – Т. 4. – С. 46–69.
47. Погодин, М. П. Год в чужих краях (1839) : дорожный дневник М. Погодина. – Москва : Унив. тип., 1844. – 4 ч.
48. Погодин, М. П. Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. – Москва : изданы Имп. Моск. о-вом истории и древностей российских, 1846–1856. – Т. 1 : Вступление. Об источниках древней русской истории, преимущественно о Несторе. – 1846. – XXXII, 494 с.; Т. 2 : Происхождение варягов-руси. О славянах. – 1846. – X, 426, II с. ; Т. 3 : Норманский период. – 1846. – XV, 546 с.
49. Погодин, М. П. Письма и статьи М. Погодина о политике России в отношении славянских народов и Западной Европы. – Paris: A. Franck (тип. Г. Бэра и Германна в Лейпциге), 1860–1861. – 3 ч. – (Русский заграничный сборник).

50. Погодин, М. П. Письмо министру народного просвещения по возвращении из путешествия по Европе в 1839 г. // Сочинения М. П. Погодина. – Москва: тип. В. М. Фриш, 1874. – Т. 4. – С. 19–23.
51. Погодин, М. П. Польский вопрос : собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867 / соч. М. П. Погодина. – Москва: тип. газ. «Русский», 1867. – VIII, 240 с.
52. Погодин, М. П. Сочинения М. П. Погодина. Т. 4. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны, 1853–1856 гг. – Москва : тип. В. М. Фриш, 1874. – 388 с.
53. Попов, Н. А. Австрийская публицистика перед введением дуализма (1855-1866) / Нил Попов. – Киев : изд. Н. П. Задерацкого, 1878. – 51 с.
54. Попов, Н. А. Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве / сост. Нил Попов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1871–1872. – 2 т.
55. Попов, Н. А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. Вып. 1 / сост. Нил Попов. – Санкт-Петербург : печ. В. И. Головина, 1871. – 140 с.
56. Пыпин, А. Н. Будущность славянства : о современном положении взаимных отношениях славян западных и южных / А. Н. [Пыпин] // Вестник Европы. – 1877. – Кн. 12. – С. 805–829.
57. Пыпин, А. Н. Возрождение и панславизм / А. Н. Пыпин // Обзор истории славянских литератур / [соч.] А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. – Санкт-Петербург : О. И. Бакст, 1865. – С. 493–530.
58. Пыпин, А. Н. Вопрос о национальности и панславизм / А. Н. Пыпин // Современник. – 1864. – № 1. – С. 185–214.
59. Пыпин, А. Н. Заметка : (из записок о славянских землях В. Ламанского) / А. Пыпин // Современник. – 1864. – № 4. – С. 187–200.
60. Пыпин, А. Н. Московская старина / А. Пыпин // Вестник Европы. – 1885. – Кн. 2. – С. 689–733.
61. Пыпин, А. Н. Новые славянские исследования / А. Пыпин // Современник. – 1860. – № 4. – С. 309–328.
62. Пыпин, А. Н. Об историческом складе русской народности : историко-критические заметки / А. Пыпин // Вестник Европы. – 1884. – Кн. 11. – С. 248–292.
63. Пыпин, А. Н. Обзор истории славянских литератур / [соч.] А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. – Санкт-Петербург : О. И. Бакст, 1865. – VI, 530, VI с.
64. Пыпин, А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878) / А. Н. Пыпин ; с предисл. и примеч. В. В. Водовозова. – Санкт-Петербург : Колос, 1913. – 189 с.
65. Свистун, Ф. И. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Ч. 2 : (1850–1895) / написал Ф. И. С. – Львов : в тип. Ставропигийского института, 1896. – 788 с.
66. Славянский вопрос в его современном значении : речи и статьи / О-во слав. науч. единения. – Санкт-Петербург : тип. Гл. упр. уделов, 1913. – 140, 17 с.
67. Соловьев, В. С. Славянофильство и его вырождение // Национальный вопрос в России / Владимир Соловьев. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1891. – Вып. 2. – С. 30–121.
68. Спасович, В. Д. Новейшая история Австрии / В. Д. Спасович // Вестник Европы. – 1873. – Кн. 5 (май). – С. 122–157 ; Кн. 7 (июль). – С. 148–189 ; Кн. 12 (декабрь). – С. 632–688.
69. Тютчев, Ф. И. Политические статьи / Ф. И. Тютчев. – Paris : YMCA-press, 1976. – 172 с.

70. Фадеев, Р. А. Мнение о восточном вопросе по поводу последних рецензий на «Вооруженные силы России» / [соч.] Р. Фадеева. – Санкт-Петербург : тип. Деп. уделов, 1870. – 98 с.
71. Чернышевский, Н. Г. Народная бестолковость / Н. Чернышевский // Современник. – 1861. – № 10. – С. 285–310.
72. Чернышевский, Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы: «Современник», 1855–1856 гг. / изд. М. Н. Чернышевского. – Санкт-Петербург : тип. и литогр. В. А. Тиханова, 1892. – 386 с.
73. Чернышевский, Н. Г. [Рецензия] // Современник. – 1856. – № 6. – С. 52–55. – Рец. на кн.: История балтийских славян. Т. 1 / А. Гильфердинг. Москва : тип. В. Готье, 1855. X, 322 с.

II. Публицистические и историософские сочинения в монархии Габсбургов

1. Масарик, Т. Г. «О новославизме» / Т. Г. Масарик // Речь. – 1908. – 24 декабря (№ 317).
2. Chalupný, E. Havlíček : obraz psychologický a sociologický / Emanuel Chalupný. – Praha : Lidové družstvo tiskařské a vydavatelské, 1908. – 600 s.
3. Fallmerayer, J. Ph. Byzanz und das Abendland : ausgewählte Schriften / Jakob Philipp Fallmerayer ; ausgew. und eingel. von Emil Mika. – Wien : Wilhelm Andermann, 1943. – 372 S.
4. Fallmerayer, J. Ph. Gesammelte Werke. Bd. 2. Politische und culturhistorische Aufsätze / von Jakob Philipp Fallmerayer ; hrsg. von Georg Martin Thomas. – München : Verlag von Wilhelm Engelmann, 1861. – VI, 503 S.
5. Havlíček, K. Belletrié Karla Havlíčka Borovského / k vyd. upr. F. V. Krejčí. – Praha : B. Kočí : Beaufort, 1906. – XII, 188 s. – (Knihovna českých klasiků belletristů ; sv. 3).
6. Havlíček, K. Čeští deputovaní na sněmu říšském a jejich nynější postavení k ministerstvu / H. Borowský // Národní Noviny. – Praha, 1848. – 10. září (č. 129).
7. Havlíček, K. Cestou do Haliče / H. B. // Národní Noviny. – Praha, 1848. – 5. května (č. 26).
8. Havlíček, K. Článek, o kterém bych si přál, aby jej každý přečetl a rozvážil / H. Borowský // Národní Noviny. – Praha, 1848. – 30. srpna (č. 119).
9. Havlíček, K. Duch Národních Novin : spis obsahující úvodní články z Národních Novin roků 1848, 1849, 1850, sepsaných od K. Havlíčka Borovského. – V Hoře Kutné : Tiskárna Františka Procházky, 1851. – 281 s.
10. Havlíček, K. Epištoly Kutnohorské a vybrané články politické / Karel Havlíček Borovský. – Praha : B. Kočí, 1906. – 143 s.
11. Havlíček, K. Hlas Český k bratrům Jihoslovanům // Karla Havlíčka Borovského politické spisy / k vyd. upr. Zdeněk V. Tobolka. – V Praze : Nákladem Jana Laichtera, 1901. – D. 2 : “Národní Noviny“ (1848–1850), č. 1. – S. 309–312.
12. Havlíček, K. Karla Havlíčka Borovského politické spisy. D. 2. “Národní Noviny“ (1848–1850) / k vyd. upr. Zdeněk V. Tobolka. – V Praze : Nákladem Jana Laichtera, 1901–1902. – 2 sv.
13. Havlíček, K. Naše politika // Národní Noviny. – Praha, 1848. – 19. dubna (č. 13).
14. Havlíček, K. Nové volby do Frankfurtu / H. B. // Národní Noviny. – Praha, 1849. – 22. února (č. 45).
15. Havlíček, K. O naší budoucnosti // Národní Noviny. – Praha, 1848. – 7. dubna (č. 3).

16. Havlíček, K. O politické situaci // *Národní Noviny*. – Praha, 1848. – 10. listopadu (č. 182).
17. Havlíček, K. O Slovanském klubu / H. B. // *Národní Noviny*. – Praha, 1849. – 20. února (č. 43).
18. Havlíček, K. Potřeba foederace // *Karla Havlíčka Borovského politické spisy / k vyd. upr. Zdeněk V. Tobolka*. – V Praze : Nákladem Jana Laichtera, 1902. – D. 2 : “*Národní Noviny*“ (1848-1850), č. 2. – S. 492–494.
19. Havlíček, K. Přátelům našim na venkově srdečné pozdravení! / H. Borowský // *Národní Noviny*. – Praha, 1848. – 29. června (č. 63).
20. Havlíček, K. Proudý v sněmu říšském / *Hawel Borowský // Národní Noviny*. – Praha, 1848. – 1. srpna (č. 93).
21. Havlíček, K. Rakouská vláda a Poláci // *Národní Noviny*. – Praha, 1848. – 12. května (č. 32).
22. Havlíček, K. Slovan a Čech // *Epištoly Kutnohorské a vybrané články politické / Karel Havlíček Borovský*. – Praha : B. Kočí, 1906. – S. 36–46.
23. Havlíček, K. Slované v revoluci Vídeňské / H. B. // *Národní Noviny*. – Praha, 1848. – 21. října (č. 165).
24. Havlíček, K. Slovanská politika : (Slovan v červenci r. 1850) // *Epištoly Kutnohorské a vybrané články politické / Karel Havlíček Borovský*. – Praha : B. Kočí, 1906. – S. 86–95.
25. Havlíček, K. Vybrané spisy Karla Havlíčka Borovského / pořádá Karel Tůma. – V Hoře Kutné : Nákladem knihkupectví a knihtiskárny K. Šolce, 1886–1887. – D. 1. – 1886. – III, 375 s. ; D. 2 – 1886. – III, 531 s. ; D. 3. – 1887. – 333 s.
26. Havlíček, K. Výklad hesla *Národních Novin* // *Karla Havlíčka Borovského politické spisy / k vyd. upr. Zdeněk V. Tobolka*. – V Praze : Nákladem Jana Laichtera, 1901. – D. 2 : “*Národní Noviny*“ (1848-1850), č. 1. – S. 66–73.
27. Havlíček, K. Výklad hesla *Národních Novin* // *Národní Noviny*. – Praha, 1848. – 4. července (č. 67).
28. Havlíček, K. Zásady *Národních Novin* / H. B. // *Národní Noviny*. – Praha, 1848. – 7. června (č. 53).
29. Havlíček, K. Z Moravy // *Národní Noviny*. – Praha, 1848. – 4. listopadu (č. 177).
30. Hojč, S. Sollen wir Magyaren werden? : fünf Briefe geschrieben aus Pesth an einen Freund an der Theis / von D. H. – Karlstadt : Johann N. Prettnner, 1833. – VIII, 92 S.
31. Kalousek, J. O vůdčích myšlénkách v historickém díle Palackého / sepsal Josef Kalousek // *Památník na oslavu stých narozenin Františka Palackého / vyd. Král. Česká společnost nauk, I. a III. třída České Akademie Císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, Maticе Česká*. – V Praze : Nákladem Maticе Česká, 1898. – S. 177–232.
32. Kollár, J. Dobré vlastnosti národu slovanského : dvojce kázání od Jana Kollára. – Pešt : Trattner, 1822. – 25 s.
33. Kollár, J. O literární vzájemnosti mezi rozličnými kmeny a nářečnými slovanského národu / od Jana Kollára ; přel. Jan Slav. Tomiček. – V Praze : nákladem překladatelovým, 1853. – 82 s.
34. Kollár, J. Über die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation / von Johann Kollár. – Pesth : Trattner-Károly, 1837. – 132 S.
35. Kramář, K. Na obránu slovanské politiky / napsal Karel Kramář. – Praha : Pražská akciová tiskárna, 1926. – 107 s.
36. Kramář, K. Pět přednášek o zahraniční politice / Karel Kramář. – Praha : Pražská akciová tiskárna, 1922. – 112 s.

37. Kramář, K. Rakouská zahraniční politika v XIX. stol. / napsal Karel Kramář // Česká politika / red. Zd. V. Tobolka. – V Praze : Jan Laichter, 1906. – D. 1. – S. 49–183.
38. Kramář, K. Ruská krize / napsal Karel Kramář. – Praha : Tiskem a nákladem Pražské akciové tiskárny, 1921. – 584 s.
39. Kraus, A. Böhmisch nebo Tschechisch? / Arn. Kraus // Naše doba : revue pro vědu, umění a život sociální. – Praha, 1917. – Roč. 24, č. 5 (únor). – S. 341–348 ; č. 6 (březen). – S. 429–436.
40. Masaryk, T. G. Česká otázka : snahy a tužby národního obrození ; Naše nynější krize : pád strany staročeské a počátkové směrů nových / T. G. Masaryk. – 6 vyd. – Praha : Čin, 1948. – XVI, 657 s.
41. Masaryk T. G. Hus českému studentstvu / T. G. Masaryk. – V Praze : Jeronim, 1899. – 16 s.
42. Masaryk, T. G. Jan Hus : naše obrození a naše reformace / napsal T. G. Masaryk. – Vyd. 3., oprav. – Praha : Čas, 1903. – 118 s.
43. Masaryk, T. G. Jana Kollára Slovanská vzájemnost / píše T. G. Masaryk // Naše doba : revue pro vědu, umění a život sociální. – Praha, 1894. – Roč. 1. – S. 721–760.
44. Masaryk, T. G. Karel Havlíček: snahy a tužby politického probuzení / napsal T. G. Masaryk. – V Praze : nákladem Jana Laichtera, 1896. – XIV, 496 s. – (Laichterův výbor nejlepších spisů poučných ; kn. 2).
45. Masaryk, T. G. Rusko a Evropa : studie o duchovních proudech v Rusku : k ruské filosofii dějin a náboženství / T. G. Masaryk. – 2., opr. vyd. – V Praze : Jan Laichter, 1930. – 2 sv.
46. Na památku Karla Havlíčka a slavnosti Borovské dne 19. srpna roku 1862. – V Praze : Sklad Slovanského kněhkupectví, 1862. – 34 s.
47. Palacký, F. Františka Palackého spisy drobné. D. 1. Spisy a řeči z oboru politiky / uspořádal a úvody opatřil Bohuš Rieger. – Praha : Bursík & Kohout, 1898. – 428 s.
48. Palacký, F. Manifest českého Národního Výboru o žádoucím spojení zemí moravské a slezské s Korunou Českou dne 6. máje 1848 // Františka Palackého spisy drobné / uspořádal a úvody opatřil Bohuš Rieger. – Praha : Bursík & Kohout, 1898. – D. 1 : Spisy a řeči z oboru politiky. – S. 28–32.
49. Protestantismus, Magyarismus, Slawismus : als Antwort auf die gegen Grafen Carl Zay von Csaplovics János erschienene Schrift : von aller Menschen Freunde, nur die finsterlinge Feinde. – Leipzig : Georg Wigand, 1841. – 78 S.
50. Rieger, F. L. Řeči Dra Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. D. 2. Z let 1861–1862. – V Praze : J. Otto, 1884. – VI, 204 s.
51. Rieger, F. L. Z vlastních pamětí Fr. L. Riegra. II. Za Belcrediho až do vítězství Beustova (1865–67) // Osvěta : listy pro rozhled v umění, vědě a politice. – Praha, 1906. – Č. 3. – S. 207–218.
52. Schafarik, P. J. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten / von Paul Joseph Schaffarik. – Ofen : Universitäts-Schriften, 1826.– 524 S.
53. Schlosser, J. F. H. Die morgenländische orthodoxe Kirche Rußlands und das europäische Abendland / von Johannes Friedrich Heinrich Schlosser. – Heidelberg : Mohr, 1845. – 132 S.
54. Šuhajda, L. M. Der Magyarismus in Ungarn in rechtlicher, geschichtlicher und sprachlicher Hinsicht mit Berichtigung der Vorurtheile, aus denen seine Anmassungen entspringen / von L. M. Sch. – Leipzig : Drobisch, 1834. – 76 S.
55. Thun, J. M. von. Der Slawismus in Böhmen / besprochen von Jos. Math. Grafen von Thun. – Prag : Calve'sche Buchhandlung, 1845. – 23 S.

56. Thun, L. Die Stellung der Slowaken in Ungarn / beleuchtet von Leo Grafen von Thun. – Prag : Calve'sche Buchhandlung, 1843. – 63 S.
57. Tobolka, Z. V. František Palacký jako politik a historik / napsal Zd. V. Tobolka.– V Praze : Augustin Žalud, 1898. – 94 s. – (Sborník časových úvah o věcech veřejných ; 6).
58. Штур, Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людовита Штура. Пер. с нем. Владимира Ламанского / Издание Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете. - М., 1867: тип. Университетская (Катков и Ко).- 191 С.

III. Периодические издания

1. Голос : газета политическая и литературная. – Санкт-Петербург, 1867. – № 121, 124, 127, 143, 161.
2. Колокол : [газета]. – Лондон, 1864. – № 192.
3. Московские ведомости : [газета]. – 1866. – № 135, 140, 145 ; 1867. – № 68, 82, 104, 105, 108, 109, 112, 113.
4. Русский Вестник, издаваемый М. Катковым. – 1865. Кн. 7; 1866.- Кн.9; 1867.- Кн. 4; 1877.-Кн. 8.; 1878.- Кн. 2.
5. Политика // Современник. – 1859. – № 4. – С. 105–172.
6. Славянский век: всеславянский журнал.- 1901.- Вып. 27. С. 80-85;89-90; Вып. 33-34.- С. 279-289; Вып. 35-36.-С.324-326; 1902.- Вып. 53.- С. 130-141; 1904.- Вып.77; Вып.81.-С. 260-267.
7. Agresivní snáhy Ruska // Národní listy. – Praha, 1865. – 12. února (č. 43).
8. Aus der Gegenwart. Die Abtißin der in Rußland verfolgten Nonnen in Marseille// Österreichisches Morgenblatt. – Wien, 1845. – 8. November (№ 134).
9. Bulharsko a Bulhaří // Národní listy. – Praha, 1863. – 8. dubna (č. 81).
10. Čeho nam nyní především zapotřebí? // Národní listy. – Praha, 1861. – 5. ledna (č. 5).
11. Čerkesové a říše ruská // Národní listy. – Praha, 1864. – 22. září (č. 257).
12. Das Vaterland : Zeitung für die österreichische Monarchie. – Wien, 1888. – 18. Mai (№ 138).
13. Der deutsche Mann in Russland // Národ. – Praha, 1864. – 24. října.
14. Feuilleton. Aus der Gegenwart. Verfolgung und Misshandlung katholischer Nonnen in Rußland // Österreichisches Morgenblatt. – Wien, 1845. – 6. October (№ 120).
15. Gregr, J. Na rozloučenou / Julius Gregr // Národní listy. – Praha, 1862. – 27. října (příl. k č. 253).
16. Hrdinové Milevští // Národní listy. – Praha, 1863. – 7. srpna (č. 183).
17. Illustrierte Theaterzeitung. – Wien, 1845. – 23. Dezember (№ 306).
18. Jak se “Presse” bojí Slovanů // Národní listy. – Praha, 1862. – 24. července (č. 172).
19. Kalousek J. Dostaneme li se my, Slované, v Rakousku tété platností a váhy jako jiní národové / J. Kalousek // Národ. – Praha, 1865. – 22. února ; 12. července.
20. Kdo jest Michael Pogodin // Národ. – Praha, 1864. – 10. července.
21. Konservatism v Evropě // Národní listy. – Praha, 1864. – 26. února (č. 54).
22. Kšaft Petra Velikého // Národní listy. – Praha, 1861. – 7. prosince (č. 336).
23. Marinelli-König, G. Rußland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848) : ein Beitrag zur Geschichte der österreichisch-russischen Kultur- und

- Literaturbeziehungen / Gertraud Marinelli-König. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. – CXXVII, 898 S.
24. My stojíme svou silou – a svou silou státi budeme // *Národ*. – Praha, 1864. – 15. října.
 25. Na jižním Dunaji // *Národní listy*. – Praha, 1864. – 27. března (č. 84).
 26. *Národní Listy* a nový časopis “*Národ*“ // *Národní listy*. – Praha, 1863. – 10. prosince (č. 288).
 27. Naši mládeži // *Národní listy*. – Praha, 1863. – 10. ledna (č. 7).
 28. Naším čtenářům // *Národní listy*. – Praha, 1863. – 20. prosince (č. 297).
 29. Naším politickým přátelům! // *Národní listy*. – Praha, 1862. – 23. prosince (č. 301).
 30. Nejnovější události v Polsku // *Národní listy*. – Praha, 1861. – 18. října (č. 286).
 31. *Neue Freie Presse* : *Morgenblatt*. – Wien, 1898. – 17. September (№ 12237).
 32. Nynější naše úloha // *Národní listy*. – Praha, 1862. – 8. června (č. 135).
 33. Nynější ruch v Rusích // *Národní listy*. – Praha, 1861. – 7. listopadu (č. 306) ; 13. listopadu (č. 312).
 34. Nynější stav Evropy // *Národ*. – Praha, 1864. – 29. července.
 35. O mravných povahách v národě // *Národní listy*. – Praha, 1862. – 14. května (č. 113).
 36. O otázce horvátské // *Národní listy*. – Praha, 1864. – 20. února (č. 48).
 37. O ruských univerzitách vůbec a novém jích statutě zvláště // *Národ*. – Praha, 1864. – 30. srpna.
 38. Obhlídka po světě: Rusy // *Národ*. – Praha, 1865. – 23. prosince (č. 351).
 39. Obrázky sibiřské // *Národní listy*. – Praha, 1865. – 13. ledna (č. 13) ; 14. ledna (č. 14) ; 18. ledna (č. 18) ; 22. ledna (č. 22) ; 31. ledna (č. 31) ; 7. února (č. 38) ; 8. února (č. 39).
 40. Ohlas mínění veřejného v Čechách // *Národní listy*. – Praha, 1865. – 30. prosince (č. 298).
 41. “*Ost und West*“ proti svým nepřátelům // *Národní listy*. – Praha, 1861. – 21. září (č. 259).
 42. Palacký, F. Řeč pana Dra Frant. Palackého ve valné schůzi Musea království Českého o deskách zemských : (dokončení) // *Národní listy*. – Praha, 1863. – 8. června (přil. k č. 131).
 43. Panslavistické chimery // *Národní listy*. – Praha, 1865. – 10. listopadu (č. 249).
 44. Panslavistické sny // *Národní listy*. – Praha, 1862. – 5. srpna (č. 182).
 45. Pokroky Rusů v Asii // *Časopis Musea Království Českého*. – Praha, 1858. – Roč. 32, sv. 2. – S. 253–268.
 46. Poláci a Rusové // *Národní listy*. – Praha, 1862. – 18. ledna (č. 15).
 47. Politická situace // *Národní listy*. – Praha, 1863. – 18. února (č. 40).
 48. Polský “*Czas*” a Slovanská Beseda ve Vídni // *Národ*. – Praha, 1865. – 26. října.
 49. Poslání M. P. Pogódina k Frant. Palackému // *Národní listy*. – Praha, 1864. – 8. července (č. 183).
 50. Program markr. Wielopolského // *Národní listy*. – Praha, 1863. – 2. dubna (č. 77).
 51. Psání Hilferdingovo k Dru Riegroví o polsko-ruské otázce // *Národní listy*. – Praha, 1863. – 19. června (č. 141).
 52. Rakouské Slovanstvo na rozcestí : (hlas Jihoslovana) // *Národní listy*. – Praha, 1864. – 24. Ledna (č. 21).
 53. Rakouské Slovanstvo na rozcestí // *Národní listy*. – Praha, 1864. – 27. ledna (č. 24) ; 29. ledna (č. 26) ; 6. února (č. 34).
 54. Rus, Rossija, Moskva // *Národní listy*. – Praha, 1863. – 24. července (č. 171).
 55. Ruské výboje v Asii // *Národní listy*. – Praha, 1865. – 9. února (č. 40).
 56. Sjednotnost národního snážení. Slovo rakouským Slovanům // *Národ*. – Praha, 1865. – Č. 187, 272.
 57. Slované, pozor! // *Národní listy*. – Praha, 1864. – 28. května (č. 142) ; 29. května (č. 143).

58. Slovanská politika carův ruských // Národní listy. – Praha, 1864. – 28. srpna (č. 233).
59. Slovanstvo a demokracie // Národní listy. – Praha, 1865. – 8. ledna (č. 8) ; 11. ledna (č. 11).
60. Slovanstvo a Rusko // Národní listy. – Praha, 1863. – 5. prosince (č. 284).
61. Štorch, K. B. Noviny a novinářství / od K. B. Štorcha // Časopis Musea Království Českého. – Praha, 1857. – Roč. 31, sv. 3. – S. 416-432.
62. Velkoněmecká politika „Donauzeitungu“ a náš Panslavismus // Národní listy. – Praha, 1862. – 16. září (č. 218) ; 18. září (č. 220) ; 19. září (č. 221) ; 20. září (č. 222).
63. Všeslovanská politika ruské vlády // Národní listy. – Praha, 1863. – 31. prosince (č. 305).
64. Vzájemnost slovanská // Národní listy. – Praha, 1863. – 30. října (č. 253).

IV. Дневники и мемуары

1. Александр Михайлович (вел. князь). Воспоминания / великий князь Александр Михайлович. – Москва : Захаров : АСТ, 1999. – 524 с.
2. Бисмарк, О. фон. Мысли и воспоминания : в 3 т. / О. Бисмарк ; пер. с нем. под ред. А. С. Ерусалимского. – Москва : Соцэкгиз, 1940–1941. – 3 т. – (Библиотека внешней политики).
3. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. / АН СССР, Ин-т истории, Гл. арх. упр. при Совете министров СССР ; ред., введ., биограф. очерк и коммент. П. А. Зайончковского. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – 2 т.
4. Давыдов, В. Д. Из памятных заметок В. Д. Давыдова // Русский архив. – 1871. – Год 9-й. – № 4–5. – С. 948–964 ; № 6. – С. 289–298.
5. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя за 1873 и 1876 годы / Ф. М. Достоевский. – Москва ; Ленинград : Гос. изд., 1929. – XXVI, 512 с.
6. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя : избранные главы / Федор Достоевский. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. – 462 с.
7. Дроздов, Ю. И. Записки начальника нелегальной разведки / Юрий Дроздов. – Москва : Рус. биограф. ин-т, 1999. – 384 с.
8. Зотов, В. Р. Записки Меттерниха / [Вл. Зотов] // Исторический вестник. – 1880. – Т. 1. – Февраль. – С. 374–392 ; 1881. – Т. 5. – Май. – С. 100–113 ; Июнь. – С. 321–336.
9. Иван Аксаков в воспоминаниях современников / сост., предисл. и коммент. Лебедевой Г. Н. ; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2014. – 535 с.
10. Извольский, А. П. Воспоминания / Александр Петрович Извольский. – Минск : Харвест, 2003. – 221 с. – (Воспоминания. Мемуары).
11. Карцев, Ю. С. За кулисами дипломатии / Ю. С. Карцев // Русская старина. – 1908. – Т. 133. – Ч. 1. – С. 95–96.
12. Коковцов, В. Н. Из моего прошлого: воспоминания, 1911–1919 / В. Н. Коковцов; сост. текста, авт. вступ. ст. и коммент. С. С. Волк. – Москва: Современник, 1991. – 591 с. – (Серия мемуаров «Память»).
13. Ламздорф, В. Н. Дневник, 1894–1896: пер. с фр. / В. Н. Ламздорф; под общ. ред. и с предисл. В. И. Бовыкина. – Москва: Междунар. отношения, 1991. – 453 с.
14. Мосолов, А. А. При дворе последнего императора: записки начальника канцелярии министра двора / А. А. Мосолов. – Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербург. отд-ние, 1992. – 261 с.

15. Милюков, П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. / П. Н. Милюков ; сост. М. Г. Вандалковская. – Москва : Современник, 1990. – 2 т. – (Серия мемуаров «Память»).
16. Никитенко А. В. Записки и дневник (1826–1877). Т. 1 / А. В. Никитенко. – Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1893. – VIII, 588 с.
17. Николаи, В. Тайные силы: записки руководителя германской разведки и контрразведки периода Первой мировой войны Вальтера Николаи / Вальтер Николаи; пер. с нем., коммент. и вступ. ст. В. Л. Телицына. – Москва: Principium, 2015. – 590 с.
18. Николай II (император). Дневник императора Николая II, 1890–1906 гг. – Москва: Полистар, 1991. – 305 с.
19. Сухомлинов, В. А. Воспоминания / Владимир Александрович Сухомлинов. – Минск : Харвест, 2005. – 623 с. – (Воспоминания. Мемуары).
20. Столыпин, Д. А. Из личных воспоминаний о Крымской войне / Д. А. Столыпин // Русский архив. – 1874. – № 5. – Т. 1. – С. 1358–1374.
21. Трубецкой, Г. Н. Воспоминания русского дипломата / Г. Н. Трубецкой ; сост., вступ.ст., коммент. К. А. Залесского. – Москва : Кучково поле, 2020. – 799 с.
22. Тютчева, А. Ф. Воспоминания / Анна Тютчева. – Москва : Захаров, 2002. – 415 с.
23. Тютчева, А. Ф. При дворе двух императоров : воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II / А. Ф. Тютчева. – Москва : Мысль, 1990. – 189 с.
24. Урусов, Л. В. Дневники Л. В. Урусова. 1914–1917 / М-во иностр. дел Рос. Федерации. – Тамбов : Тамбов. полигр. союз, 2017. – 590 с.
25. Conrad von Hötendorf, F. Aus meiner Dienstzeit, 1906–1918 / Feldmarschall Conrad. – Wien ; Berlin ; Leipzig ; München : Rikola, 1921–1922. – Bd. 1 : Die Zeit der Annexionskrise, 1906–1909 : in 2 Teilen mit einem Anhang und einer ethnographischen Karte. – 675 S. ; Bd. 3 : 1913 und das 1. Halbjahr 1914 : der Ausgang des Balkankrieges und die Zeit bis zum Fürstenmord in Sarajewo. – 812 S.

V. Корреспонденция

1. Александр II (император). Письмо Константину Николаевичу, 16/28 ноября 1858 г. Царское Село // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах, XVIII – XX вв. / редкол.: С. Г. Блинов [и др.]. – Москва: Студия ТРИТЭ : Рос. архив, 1992. – С. 174–176.
2. Благой, Д. Д. Из материалов о Ф. И. Тютчеве: (письма к М. П. Погодину) / Д. Благой // Красный архив. – 1923. – Т. 4. – С. 383–392.
3. Зарубежные славяне и Россия: документы архива М. Ф. Раевского, 40–80-е гг. XIX в. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики [и др.]; сост. В. Матула, И. В. Чуркина. – Москва : Наука, 1975. – 576 с.
4. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах : эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой / сост., подгот. текста, примеч. Т. Ф. Прокопова. – Москва : Русская книга, 2003–2004. – 3 т. – (Русские мемуары, Москва и москвичи).
5. Князь А. С. Меншиков. 1853–1854 : [донесения и письма] / сообщ. А. Д. Крылов // Русская старина. – 1873. – Т. 7. – С. 843–854.

6. [Николай I – И. Ф. Паскевичу, 1848 г.] // Русская старина. – 1904. – Т. 118. – Апрель. – С. 35–63 ; Май. – С. 265–290.
7. Орлов, А. Ф. Письмо графа А. Ф. Орлова к графу С. Г. Строганову. 3 августа 1847 (получено) // Русский архив. – 1892. – № 7. – С. 355–356.
8. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861. Дневник великого князя Константина Николаевича [1858–1861] : сборник / сост., авт. вступ. ст., указ. и коммент. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. – Москва : Терра, 1993. – 381 с.
9. Příspěvky k listáři Dra Frant. Lad. Riegra. D. 1. Z let 1836 až 1871 / sebral Jan Heidler. – V Praze : Nákladem České akademie věd a umění, 1924. – XI, 245 s. – (Historický archiv ; č. 44).
10. Slovanská korespondence Karla Jaromíra Erbena : korespondence s cizími korespondenty / k vyd. přípr. Věnslava Bechyňová, Josef Jirásek. – Praha : Academia, 1971. – 360 С.
11. Rodinné listy Františka Palackého dceři Marii a zeti F. L. Riegroví. – V Praze : Politický klub československé národní demokracie, 1930. – S. 229–230.

VI. Дипломатические документы

1. Горяинов, С. М. Босфор и Дарданеллы: исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербуржском главном архивах / С. Горяинов. – Санкт-Петербург : тип. И. Н. Скороходова, 1907. – 316 с.
2. Внешняя политика России XIX и начала XX века : документы российского Министерства иностранных дел / М-во иностр. дел СССР, Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР: А. А. Громыко [и др.]. – Москва : Наука, 1960–1985. – 14 т.
3. Нелидов, А. И. Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов / [с предисл. В. Хвостова] // Красный архив. – 1931. – Т. 3 (46). – С. 179–187.
4. Ключников, Ю. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. – Москва : изд. Литиздата Н.К.И.Д., 1925–1929. – 3 ч.
5. Константинополь и проливы // Красный архив. – 1924. – Т. 6. – С. 57–58.
6. Лебцельтерн, Л. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 годы : [письма и документы / сост.] великий князь Николай Михайлович. – Санкт-Петербург : Экспед. загот. гос. бумаг, 1913. – LXXII, 477 с.
7. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 г.г. : сборник секретных дипломатических документов б. Имп. Рос. м-ва ин. дел. – Москва : [б. и.], 1922. – VIII, 733 с.
8. Мартенс, Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / по поручению М-ва иностр. дел сост. Ф. Мартенс. – Санкт-Петербург : тип. М-ва путей сообщ. (А. Бенке), 1874–1909. – 15 т.
9. Международные отношения в эпоху империализма : документы из архивов царского и Временного правительства. 1878–1917 гг. Серия 2. 1900–1913 / Комис. по изд. документов эпохи империализма. – Москва ; Ленинград : Госполитиздат, 1938–1940. – Т. 18–20.

10. Международные отношения в эпоху империализма : документы из архивов царского и Временного правительств, 1878–1917 гг. Серия 3. 1914–1917 / Комис. при ЦИК СССР по изд. документов эпохи империализма под председательством М. Н. Покровского. – Москва ; Ленинград : Соцэргиз, 1931–1938. – 10 т.
11. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны : сборник документов / М-во иностранных дел Рос. Федерации ; редкол.: С. В. Лавров (пред.) [и др.]. – Тула : Аквариус, 2014. – 957 с.
12. Нессельроде, К. В. Записка канцлера графа К. В. Нессельрода о политических соотношениях России // Русский архив. – 1872. – № 2. – С. 337–344.
13. Русско-германские отношения, 1873–1914 : секретные документы / предисл.: М. Покровский. – Москва : Изд-во Центрахива РСФСР, 1922. – 208 с.
14. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова ; сост. И. В. Козьменко. – Москва : Госполитиздат, 1952. – 462 с.
15. Сборник, изданный в память двадцатипятилетия управления Министерством иностранных дел государственного канцлера светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова. 1856–1881. – Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1881. – 234 с.
16. Царское правительство о проблеме проливов в 1898–1911 гг. // Красный архив. – 1933. – Т. 6 (61). – С. 135–140.
17. Циркулярное письмо мин. ин. дел послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Риме, Константинополе; посланникам в Софии, Белграде, Цетинье, Афинах и Бухаресте. С.-Петербург. 18 (31) октября 1912 г. № 6782 // Красный архив. – 1926. – Т. 3 (13). – С. 15.

VII. Статистические и финансово-экономические материалы и исследования в XIX - начале XX вв.

1. Безобразов, В. П. Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение (1866–1872) / [соч.] В. Безобразова. – Санкт-Петербург: в тип. В. Безобразова, 1872. – 214, II с. – (Государственные доходы : теоретические и практические исследования В. Безобразова ; 2).
2. Безобразов, В. П. Народное хозяйство России : Московская (центральная) промышленная область / исслед. В. П. Безобразова. – Санкт-Петербург : Деп. торг. и мануфактур, 1882–1889. – 3 ч.
3. Безобразов, В. П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом / [соч.] В. Безобразова. – Москва : Унив. тип., 1863–1864. – 3 т.
4. Блиох, И. С. Финансы России XIX столетия : история – статистика. Т. 2 / И. С. Блиох. – Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. польза», 1882. – XVI, 295, VIII с.
5. Гливиц, И. Б. Железная промышленность в России : экономико-статистический очерк с 35 статистическими таблицами, 1 картографией, 8 диаграммами и справочными данными о некоторых заводах / Ип. Гливиц.– Санкт-Петербург : тип. т-ва п./ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой», 1911. – X, 148, 104 с.

6. Гливиц, И. Б. Потребление железа в России : экономико-статистический очерк со статистическими и графическими таблицами в тексте / Ип. Гливиц. – Санкт-Петербург, 1913 (Варшава : Науч. тип.). – VIII, 134 с.
7. Мигулин, П. П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902) / [соч.] П. П. Мигулина. – Харьков : типо-лит. «Печатное дело» кн. К. Н. Гагарина, 1903. – IV, 360, VI с.
8. Мигулин, П. П. Русский государственный кредит (1769–1899) : опыт историко-критического обзора. Т. 2. Министерство И. А. Вышнеградского/ [соч.] П. П. Мигулина. – Харьков : типо-лит. «Печатное дело», кн. К. Н. Гагарина, 1900. – IV, 578, VIII с.
9. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. Очерк истории внешней торговли России ; Отпуск и привоз товаров в XIX столетии ; Таблицы отпуска, привоза и таможенных доходов / под ред. В. И. Покровского. – Санкт-Петербург : Деп. таможенных сборов, 1902. – 670 с.
10. Annuaire de l'économie politique et de la statistique pour 1855 / par MM. Joseph Garnier et Guillaumin. – Paris : Guillaumin, 1855. – 667 p.
11. Depression of trade and industry. Final report of the Royal Commission appointed to inquire into the depression of trade and industry : with minutes of evidence and appendices : presented to both Houses of Parliament by command of Her Majesty. – London : Eyre and Spottiswoode [et al.], 1886. – LXXVIII, 139 p.
12. Fényes, E. Az ausztriai birodalom statistikája és földrajzi leírása : két rész egy kötetben / kidolgozta Fényes Elek. – Pest : Heckenast, 1857. – 303 o.
13. Mulhall, M. G. Industries and wealth of nations / by Michael G. Mulhall. – London ; New York : Longmans, Green, and Co., 1896. – XII, 451 p.
14. Mulhall, M. G. The dictionary of statistics / M. G. Mulhall. – London : G. Routledge and sons, 1886. – 504 p.
15. Mulhall, M. G. The dictionary of statistics / by Michael G. Mulhall. – 4th ed., rev. to November 1898. – London : George Routledge, 1909. – 853 p.
16. Statistisches Handbüchlein der österreichisch-ungarischen Monarchie für das Jahr 1867 / hrsg. von der k. k. Statistischen Central-commission. – Wien : Hof- und Staatsdruckerei, 1868. – 61 S.

VIII. *Монархия Габсбургов в российских изданиях XIX- начала XXвв.*

1. Австрийский государственный совет // Библиотека для чтения. – 1861. – Т. 165. – № 5. – С. 1–11.
2. Австрия, ее военное положение в Италии // Библиотека для чтения. – 1859. – Т. 155. – № 5. – С. 1–17.
3. Австрия и ее военное могущество в Италии // Отечественные записки. – 1859. – Т. 124. – Отд. 1. – № 5. – С. 213–236.
4. Австрия, министерство графа Белькреди // Отечественные записки. – 1865. – Т. 162. – Отд. 2. – № 9. – С. 86–94.
5. Австро-Венгрия // Год «Вестника Европы» : историко-политическое обозрение. – Санкт-Петербург, 1874. – [Вып.] 2 : 1873/1874. – С. 344–374.

6. Башмаков, А. А. Избирательная реформа в Австрии и выборы в рейхсрат по новому закону о всенародном голосовании / А. А. Башмаков. – Санкт-Петербург : тип. М-ва вн. дел, 1907. – 48 с.
7. Бушен, А. Б. фон. Обзор административной статистики Австрии / фон Бушен // Журнал Министерства внутренних дел. – 1860. – Ч. 44. – Кн. 10. – С. 19–68.
8. Веселовский, Г. Финансовое положение Австрийской империи / Г. Веселовский // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1843. – № 6. – С. 285–316.
9. Взгляд на новейшую статистику Австрийской империи // Исторический, статистический и географический журнал. – 1828. – Кн. 1. – С. 123–124.
10. Военная статистика Австрийской империи // Военный журнал. – 1841. – № 6. – С. 21–140.
11. Князь Меттерних и политика Австрии с 1805 по 1848 г. / К. Т. // Атеней. 1859. – Ч. 2. – № 5. – С. 85–102 ; № 6. – С. 177–189 ; № 7. – С. 353–362 ; № 8. – С. 538–564.
12. Конституционные учреждения Австрии и движения, как в Венгрии, так и в других областях империи // Библиотека для чтения. – 1861. – Т. 163. – № 1. – С. 7–17.
13. Конституция Австрийской империи // Библиотека для чтения. – 1861. – Т. 164. – № 3. – С. 24–32.
14. Куломзин, А. Н. Финансы Австрии в эпоху министерства фон Шмерлинга / А. Н. Куломзина // Русский вестник. – 1867. – Т. 69. – Май. – С. 237–265 ; Т. 70. – Июль. – С. 135–168.
15. Ланге, Н. Обзорение Австрийской империи / сост. Н. Ланге. – Санкт-Петербург : тип. Штаба отдел. корпуса вн. стражи, 1854. – 156 с.
16. Общее гражданское уложение Австрийской империи 1811 г. / пер. Г. Вербловский. – Санкт-Петербург : Ред. комис. по составлению гражд. уложения, 1884. – 551 с.

IX. *Документы и материалы по меморизации памяти о Крымской войны в Российской империи*

1. Аврамов, Н. Н. Памятка ветерана севастопольца и его потомков : сведения, необходимые для севастопольца и его семьи, высочайше дарованные милости: льготы по признанию ветеранов и по образованию их потомков / сост. Н. Аврамов. – Санкт-Петербург : Офицер-воспитатель, 1907. – 143 с.
2. Анекдоты из современной войны русских с англо-французами и турками. – Москва : тип. А. Семена, 1855. – 69 с.
3. Анекдоты подвигов боевой жизни русских воинов и чувств православных граждан во время войны с турко-англо-французами с товарищи / Изд. народное И. Стиенбера. – Санкт-Петербург : тип. Акад. наук, 1855. – 2 кн.
4. Афанасьев, Д. М. Путеводитель по Севастополю, его бастионам и окрестностям, изданный с целью благотворения на его развалинах / [Д. Афанасьев]. – Николаев : тип. Черном. гидрогр. депо, 1857. – 50 с.
5. Всеобщее ополчение России за веру, царя и отечество, или Русские ратники во времена императора Александра I и ныне царствующего императора Александра II. – Москва : тип. Александра Семена, 1855. – 45 с.

6. Доблестные подвиги русских воинов в войну с англо-французами и турками. – Москва : тип. Смирновой, 1855. – 106 с.
7. Дондуков-Корсаков, А. М. Воспоминания о кампании 1855 г. в Азиатской Турции (с картами в тексте) / князя Дондукова-Корсакова // Кавказский сборник, издаваемый в бытность е. и. в. великого князя Михаила Николаевича главнокомандующим Кавказской армией. – Тифлис : [б. и.], 1876. – Т. 1. – С. 289–368.
8. Жандр, А. П. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, собранные и объясненные капитан-лейтенантом А. Жандром, бывшим его флаг-офицером. – Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1859. – 396 с.
9. Жомини, А. Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны / А. Жомини // Вестник Европы. – 1886. – Кн. 2. – С. 657–724 ; Кн. 3. – С. 177–242 ; Кн. 4. – С. 655–734 ; Кн. 5. – С. 253–311 ; Кн. 6. – С. 543–594 ; Кн. 7. – С. 204–260 ; Кн. 8. – С. 652–714 ; Кн. 9. – С. 179–235 ; Кн. 10. – С. 550–619.
10. Затлер, Ф. К. Описание распоряжений, по снабжению Крымской армии в войну с 1854–1856 год, продовольственными и огнестрельными припасами и суда над интендантством. – Лейпциг : В. Гергард, 1877. – VI, 490 с.
11. Затлер, Ф. К. Суд над полевым интендантством в 1856–1859 году : материалы для истории Крымской войны. – Лейпциг : В. Гергард, 1877. – 172 с.
12. Зеленецкий, К. П. Записки о бомбардировании Одессы 10-го апреля 1854 года / соч. Константина Зеленецкого. – Одесса : тип. Францова и Нитче, 1855. – 116 с.
13. Из походных воспоминаний о Крымской войне // Русский архив. – 1870. – Год 8-й. – № 6. – С. 2044–2069.
14. Изнанка Крымской войны. Другая сторона // Военный сборник. – 1858. – Т. 4, № 7. – С. 239–306.
15. Исторический каталог Музея Севастопольской обороны. – 3-е изд., испр. и доп. к 1 октября 1910 г. – Санкт-Петербург, 1911. – 188 с.
16. Исторический каталог Музея Севастопольской обороны. – 4-е изд., испр. и доп. к 1 ноября 1913 г. – Санкт-Петербург, 1914. – 186 с.
17. Каталог Музея Севастопольской обороны с кратким описанием Малахова кургана, памятника вице-адмиралу Корнилову, франко-русской братской могилы, 4-го бастиона, Девичьей батареи, Братского кладбища и храма на том кладбище / сост. ген.-майор А. П. Литвинов. – Севастополь, 1897. – 82 с.
18. Кокорев, В. А. Застольная речь, произнесенная В. А. Кокоревым, на обеде, данном им 23 февраля 1856 года в Московском купеческом клубе в честь доблестных гг. офицеров Черноморского флота. – Москва : тип. Вед. Моск. гор. полиции, 1856. – 8 с.
19. Крымские новости, или Плохие обстоятельства союзников пред Севастополем / А. Цыклоп. – Санкт-Петербург : тип. Н. П. Богданова, ценз. 1855. – 8 с.
20. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя : сборник, издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея / под ред. Н. Дубровина. – Санкт-Петербург : тип. Департамента уделов, 1871–1874. – 4 вып.
21. Ночь весною 1855 г. в Севастополе // Современник. – 1855. – № 9. – С. 5–30.
22. От управления Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1861. – 7 с.

23. Парский, Д. П. Памятники Севастопольской обороны / сост. Ген. Штаба подполк. Парский. – Одесса : типо-лит. Штаба Одесского воен. окр., 1901.– 81 с.
24. Рассказ Павла Алексеевича о войне с Турцией, Англией и Францией и кое-что об Индии и Китае. – Санкт-Петербург : тип. Г. Трусова, 1854. – 86 с.
25. Рачинский, А. В. Походные письма ополченца из Южной Бессарабии, 1855–1856 г. / [соч.] А. В. Рачинского. – Москва : тип. Александра Семена, 1858. – 76 с.
26. Рукописи, представленные его Императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу севастопольцами о Севастопольской обороне : для солдат и народа. – Санкт-Петербург : тип. и литография А. Траншеля, 1873-1874. – 3 кн. – (Досуг и дело : повременное издание книжек для солдат и народа А. Погоского). – Репринт: Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. – Москва : Воен. изд-во, 1998. – 475 с. – (Редкая книга).
27. Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения Н. Путиловым. Отд. 2. Военные известия, кн. 13–24 : Известия с берегов Черного моря. – Санкт-Петербург : тип. Эдуарда Веймара, 1856. – V, 667 с.
28. Севастополь. До Крымской войны и после оной : историческое описание / сост. и издано для путешественников Фед. Вас. Ливановым. – Москва : [б. и.], 1874. – 127 с.
29. Слава русского оружия на Черном море и Дунае, или целый ряд достопримечательных событий : исторический рассказ. – Москва : тип. Александра Семена, 1855. – 90 с.
30. Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. – Санкт-Петербург : Воен. тип., 1858. – 550 с.
31. Содержание войск в Новороссийском крае, основываясь на примерах минувшей войны // Русский инвалид. – 1858. – № 52.
32. Тарасенко-Отрешков, Н. И. Посещение в Крыму армий союзников и исчисление потерь в людях и деньгах, понесенных Францией, Англией и Пьемонтом в нынешнюю войну их против России / [соч.] Н. И. Тарасенко-Отрешкова. – Санкт-Петербург : тип. Н. Греча, 1857. – 94 с.
33. Толстой, Л. Н. Севастополь в августе 1855 года / граф Л. Толстой // Современник. – 1856. – № 1. – С. 71–122.
34. Толстой, Л. Н. Севастополь в декабре месяце / Л. Н. Т. // Современник. – 1855. – № 6. – С. 333–348.
35. Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Serie 1. Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkriegs. – München : Oldenbourg, 1979–1980. – Bd. 1 : 27. Dezember 1852 bis 25. März 1854 / bearb. von Ana Maria Schop Soler. – 1980. – 749 S. ; Bd. 2 : 30. März 1854 bis 9. September 1855 / bearb. von Werner Zürrer. – 1980. – 1054 S. ; Bd. 3 : 10. September 1855 bis 24. Mai 1856 / bearb. von Winfried Baumgart. – 1979. – 644 S.

***Х. Документы о презентациях власти
в России и монархии Габсбургов
в XIX - начале XX вв.***

1. В память освящения собора Св. Владимира и открытие памятника императору Николаю I. – Киев : В. Бублик, 1896. – 70, XX с.
2. Иванов, Н. А. Столетие Бородинской битвы. 1812–1912 / [Н. Иванов]. – Одесса : О-во «Рус. речь», 1912. – 16 с.
3. Киевский собор св. Владимира и работы в нем В. М. Васнецова и М. В. Нестерова // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» на 1896 г. за январь, февраль, март и апрель. – Санкт-Петербург : изд. А. Ф. Маркса, 1896. – С. 577–588.
4. Императорский Московский Исторический музей : альбом фототипий. М., [19--]. 22 л.
5. В память освящения Собора св. Владимира и открытие памятника императору Николаю I. Киев, 1896. С. 40–47
6. Franz Joseph I. und seine Zeit : cultur-historischer Rückblick auf die Francisco-Josephinische Epoche... : Gedenkbuch zur Jubelfeier / hrsg. von J. Schnitzer. – Wien : R. Lechner ; München : Caesar Fritsch, 1898. – 2 Bde.
7. Henop, C. Jubiläumsjahr 1898. Ein Gedenkbuch an die humanitären und festlichen Veranstaltungen aus Anlass des 50. jährigen Regierungsjubiläums Sr. Majestät des Kaiser Franz Josef I. am 2. Dezember 1898. Bd. 1 / C. Henop. – Wien : Selbstverlag, 1898.
8. Jubiläums-Ausstellung Wien 1898 / hrsg. von Jul. Laurencic. – Wien : Georg Szelinski, 1898. – 42 Bl.
9. Kaiser Jubiläum Festblatt der Wiener Zeitung // Wiener Zeitung. – 1898. – 2. December (№ 278).
10. Österreichisches Kaiser-Jubiläums-Dichterbuch : 50 Jahre österreichische Literatur : Huldigungsgabe zur fünfzigsten Jahreswende der Thronbesteigung Seiner Majestät des Kaisers Franz Joseph I. / hrsg. von Eduard Hassenberger ; red. von Hans Maria Truxa. – Wien : Hassenberger, 1899. – 325 S.
11. Ratzel, F. Politische Geographie / von Friedrich Ratzel. – München ; Leipzig : Oldenbourg, 1897. – XX, 715 S.
12. Smolle, L. Das Buch von unserem Kaiser, 1848–1888 : Festschrift aus Anlass des 40 jährigen Jubiläums Seiner Majestät des Kaisers Franz Joseph I. / Leo Smolle. – Wien : Pichler, 1888. – IV, 240 S.
13. Smolle, L. Fünf Jahrzehnte auf Habsburgs Throne, 1848–1898 : Festschrift aus Anlass des fünfzigjährigen Regierungsjubiläums Seiner Majestät des Kaisers Franz Joseph I. / von Leo Smolle. – Wien : Pichler, 1898. – 242 S.
14. Smolle, L. Kaiser Josef II : Gedenkschrift zur Feier seiner 100-jährigen Thronbesteigung 29. November 1880 : für das Volk und die Jugend Österreichs / von Leo Smolle. – Wien : Graeser, 1880. – 32 S.
15. Smolle, L. Unser Kaiser : sein Leben und Wirken : der Jugend erzählt aus Anlass des sechzigjährigen Regierungsjubiläums Seiner k. u. k. Apostolischen Majestät des Kaisers Franz Joseph I. / von Leo Smolle. – Wien : Schulebücher-verlag, 1908. – 139 S.
16. Verordnungsblatt für den Dienstbereich des K. K. Ministeriums für Kultus und Unterricht. – Wien : Verlag des K. K. Ministeriums für Kultus und Unterricht, 1898. – 500 S.
17. Viribus Unitis : das Buch vom Kaiser / mit einer Einleitung von Josef Alexander Frh. von Helfert ; hrsg. von Max Herzig. – Budapest ; Wien ; Leipzig : Max Herzig, 1898. – XXIV, 322 S.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух, Р. А. К столетию венгерской революции 1848 г. / Р. Авербух // Вопросы истории. – 1948. – № 6. – С. 115–117.
2. Авербух, Р. А. Октябрьское восстание в Вене в 1848 г. / Р. Авербух // Вопросы истории. – 1948. – № 10. – С. 93–106.
3. Авербух, Р. А. Предпосылки и начало революции 1848–1849 гг. в Венгрии / Р. А. Авербух // Революционное движение и строительство социализма в Венгрии / АН СССР, Ин-т истории ; отв. ред. Л. Н. Нежинский. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 214–277.
4. Авербух, Р. А. [Рецензия] / Р. Авербух // Вопросы истории. – 1955. – № 6. – С. 161–163. – Рец. на кн.: Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция, 1848–1849 гг. / Петер Ханак. Budapestini : [б. и.], 1953. 80 с.
5. Аветян, А. С. Историография ФРГ о некоторых вопросах внешней политики Германии и русско-германских отношений накануне Первой мировой войны / А. С. Аветян // Внешняя политика России : (историография) : сборник статей / АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР ; отв. ред. С. Л. Тихвинский. – Москва : Наука, 1988. – С. 127–150.
6. Австрия X – XXI веков. История. Политика. Культура : библиография / сост. О. Величко. – Москва : Аванглион-Принт, 2012. – 68 с.
7. Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика : посвящается 1000-летию Австрии и 1100-летию Венгрии / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Центр по изучению Австрии и Венгрии, Гос. ин-т искусствознания ; редкол.: О. В. Хаванова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : [б. и.], 1997. – 318 с
8. Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Т. М. Исламов, А. И. Миллер. – Москва : [б. и.], 1995. – 231 с.
9. Австро-Венгрия в период Первой мировой войны / Т. М. Исламов, О. В. Хаванова, С. А. Романенко, З. С. Ненашева // Война и общество в XX веке : в 3 книгах / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков Первой мировой войны ; рук. проекта и сост. О. А. Ржешевский ; отв. ред. С. В. Листиков. – Москва : Наука, 2008. – Кн. 1. – С. 415–471.
10. Айрапетов, О. Р. Внешняя политика Российской империи, 1801–1914 / Олег Айрапетов. – Москва : Европа, 2006. – 668 с. – (Серия «Империи»).
11. Аксаков, И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева / соч. И. С. Аксакова. – Москва : тип. М. Г. Волчанинова, 1886. – 327 с.
12. Аксаков, И. С. Погодин (некролог) / И. С. Аксаков // Православное обозрение. – 1876. – №2. – С. 393–397.
13. Аксаков, Н. П. Всеславянство / Н. П. Аксаков. – Посмертное изд. с портр. авт. – Москва : т-во типо-лит. И. М. Машистова, 1910. – IV, 211 с.
14. Аксенова, Е. П. А. Н. Пыпин как историк и теоретик славянского возрождения / Е. П. Аксенова // Славянский альманах, 2003 / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: М. А. Робинсон (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Индрик, 2004. – С. 22–68.
15. Аксенова, Е. П. Демократическая печать 50–80-х годов XIX в. об изучении южных и западных славян в России / Е. П. Аксенова // Славяноведение и балканистика в

- отечественной и зарубежной историографии / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР ; отв. ред. М. А. Робинсон. – Москва : [б. и.], 1990. – С. 117–151.
16. Аксенова, Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения, 1930-е годы / Е. П. Аксенова ; Ин-т славяноведения. – Москва : [б. и.], 2000. – 222 с.
 17. Аксенова, Е. П. Славянская проблематика в статьях А. Н. Пыпина в «Современнике» / Е. П. Аксенова // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. В. А. Дьяков. – Москва: Наука, 1986. – С. 64–65.
 18. Александр П. Великие реформы: искусство антикризисного реформирования / науч. ред. Наталия Карташова. – Москва : Бизнеском, 2011. – 14 с.
 19. Алексеев, М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 3, ч. 2. Первая мировая война / М. Алексеев. – Москва : Рус. разведка, 2001. – 511 с.
 20. Алиева, Л. В. Современная отечественная историческая наука о причинах Первой мировой войны / Л. В. Алиева, Д. Г. Карпова // Псковский военно-исторический вестник. – 2016. – Вып. 2. – С. 243–251.
 21. Аполлов, А. Г. Развитие торговых отношений между Россией и Англией после Крымской войны (1856–1858) / А. Г. Аполлов // Исторические науки : научные доклады высшей школы. – 1959. – № 4. – С. 24–37.
 22. Ассман, Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Яз. славянской культуры, 2004. – 363 с. – (Studia historica).
 23. Ашнин, Ф. Д. «Дело славистов»: 30-е годы / Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов ; отв. ред. Н. И. Толстой ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : Наследие, 1994. – 284 с.
 24. Базанов, С. Н. Начальник Генерального штаба от кавалерии Я. Г. Жилинский / С. Н. Базанов // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 10 (510). – С. 79–80.
 25. Базилевич, К. В. Победа славянских народов в вековой борьбе против немецких захватчиков и немецкой тирании : стенограмма публичной лекции проф. К. В. Базилевича, прочитанной 28-го июня 1945 г. в лекционном зале в Москве / Всесоюз. лекц. бюро при Ком. по делам высш. школы при СНК СССР. – Москва : тип. им. Сталина, 1945. – 20 с.
 26. Баранов, Н. А. Либерально-консервативный синтез в России: история и перспективы / Н. А. Баранов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2010. – Т. 3. – № 5. – С. 90–102.
 27. Баскаков, В. И. Состояние вооруженных сил Австрии в эпоху революционных войн : по лекциям читанным в Николаевской академии Генерального штаба проф. Баскаковым. – Санкт-Петербург, 1898. – 93 с.
 28. Бахрушин, С. В. Героическое прошлое славян / С. В. Бахрушин. – Москва ; Ашхабад : Туркмен. объедин. гос. изд-во, 1941. – 15 с.
 29. Бахтурина, А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны / А. Ю. Бахтурина ; предисл. В. В. Шелохаева. – Москва : АИРО-XX., 2000. – 263 с. – (Серия «Первая монография»).
 30. Бекмухаметова, Д. Х. «Еврейский вопрос» в Австро-Венгрии в последней трети XIX – начале XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Бекмухаметова Джанслу Хадживалиевна. – Ставрополь, 2011. – 25 с.

31. Белобратов, А. В. Роберт Музиль : метод и роман / А. В. Белобратов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. –159 с.
32. Беляев, Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / Н. И. Беляев. – Москва : Воениздат, 1956. – 464 с.
33. Беранек, Я. Влияние русской революции 1905–1907 гг. на революционное движение в чешских землях / Я. Беранек, И. Долежал // Вопросы истории.– 1955. – № 11. – С. 94–104.
34. Бердяев Н. А. Русская идея : основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Николай Бердяев // Вопросы философии. – 1990. – № 1. – С. 77–144 ; № 2. – С. 87–154.
35. Березина, А. Г. Австрийская литература на кафедре истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского университета / А. Г. Березина // Австрийская литература XIX – XX веков : межвузовский сборник / С.-Петерб. гос. ун-т ; под ред. А. В. Русаковой. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. – С. 106–109.
36. Бестужев-Лада, И. В. Крымская война, 1853–1856 гг. / И. В. Бестужев ; отв. ред. Л. Г. Бескровный. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – 172 с.
37. Бестужева-Лада, С. И. Оборона Севастополя / Светлана Бестужева-Лада // Смена : литературно-художественный иллюстрированный журнал. – 2014.– № 5. – С. 106–123.
38. Бовыкин, В. И. Из истории возникновения Первой мировой войны : отношения России и Франции в 1912–1914 гг. / В. И. Бовыкин. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 208 с.
39. Бовыкин, В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны / В. И. Бовыкин ; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 318 с. – (Серия "Экономическая история" : документы, исследования, переводы).
40. Боханов, А. Н. Император Николай II / Александр Боханов. – Москва : Рус. слово, 2001. – 565 с.
41. Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / В. П. Бузескул ; сост., вступ. ст., подгот. текста И. В. Тункиной ; Рос. акад. наук, С.-Петербург. фил. арх. РАН. – Москва : Индрик, 2008. – 831 с.
42. В «пороховом погребке Европы», 1878–1914 / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; редкол.: В. Н. Виноградов, В. И. Косик (отв. ред.). – Москва : Индрик, 2003. – 536 с.
43. Векшина, Ю. А. Граф В. Н. Коковцов – государственный деятель Российской империи / Ю. А. Векшина. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. – 243 с.
44. Верниченко, М. А. Российский политический радикализм второй половины XIX века как предтеча Великой русской революции / М. А. Верниченко, Е. В. Гаганова, Е. П. Казбан // Материалы 9-й Всероссийской научно-практической конференции «Государство, власть, управление и право: история и современность», 28 ноября 2018 г. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования «Гос. ун-т упр.». – Москва : Изд. дом ГУУ, 2018. – С. 48–51.
45. Веселовский, А. Н. К характеристике А. Н. Пыпина (отголоски юбилея) / Алексей Веселовский // Русские ведомости. – 1903. – № 94. – С. 1–15.
46. Виноградов, В. Н. Восточный вопрос и Балканы. Размышления о современном этапе исследований / В. Н. Виноградов // Новая и новейшая история. – 1989. – № 6. – С. 61–79.
47. Виноградов, В. Н. Черноморские проливы, конец XIX в.: взгляд из Петербурга и из Лондона / В. Н. Виноградов // В «пороховом погребке Европы», 1878–1914 / Рос. акад.

- наук, Ин-т славяноведения ; редкол.: В. Н. Виноградов, В. И. Косик (отв. ред.). – Москва : Индрик, 2003. – С. 95–134.
48. Виноградов, К. Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. – пролог Первой мировой войны / К. Б. Виноградов ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова.– Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. – 160 с.
 49. Виноградов, К. Б. Внешняя политика и дипломатия Австро-Венгрии в начале Балканских войн (октябрь 1912 г. – январь 1913 г.) : автореферат диссертации ... канд. ист. наук / Виноградов Кирилл Борисович. – Ленинград, 1953. – 22 с.
 50. Вишняков, Я. В. Сербский вопрос в балканской политике держав кануна Первой мировой войны / Я. В. Вишняков // Ялта 45: уроки истории. Система международных отношений в XX – XXI вв. и ее будущее : сборник материалов научной конференции / М-во культуры Республики Крым, ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей» ; редкол.: Ж. Е. Крестьянинова, К. Н. Селиверстова. – Ялта : РИБЕСТ, 2018. – С. 4–24.
 51. Власов, П. В. Благотворительность и милосердие в России / П. В. Власов. – Москва : Центрполиграф, 2001. – 445 с. – (Россия забытая и неизвестная : российский образ жизни).
 52. Волков, В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» / В. К. Волков // Славяно-германские культурные связи и отношения / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: В. Д. Королюк (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1969. – С. 25–69.
 53. Волков, Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем / Н. Е. Волков. – Москва : Гос. публ. ист. б-ка России, 2003. – 237 с.
 54. Воробьева, И. Г. Археология, этнография и топонимия зарубежных славян в творчестве Н. А. Попова / И. Г. Воробьева // Славянский мир: проблемы изучения : сборник научных трудов / Твер. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Хохлова (отв. ред.) [и др.]. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1998. – С. 89–99.
 55. Воробьева, И. Г. История российского славяноведения в трудах Н. А. Попова / И. Г. Воробьева // Вопросы истории славян : сборник научных трудов / Воронеж. гос. ун-т ; отв. ред. Н. П. Мананчикова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 15. – С. 134–155.
 56. Воробьева, И. Г. Н. А. Попов как профессор и организатор науки / И. Г. Воробьева // Российские университеты в XVIII – XX веках : сборник научных статей / Воронеж. гос. ун-т ; редкол. В. И. Чесноков (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. – Вып. 3. – С. 115–134.
 57. Воробьева, И. Г. Н. А. Попов о значении византийского влияния на русскую историческую жизнь / И. Г. Воробьева // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья : XX конференция памяти В. Д. Королюка : сборник тезисов / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Отд. истории Средних веков ; редкол.: Б. Н. Флоря (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 2001. – С. 28–31.
 58. Воробьева, И. Г. Нил Александрович Попов / И. Г. Воробьева // Историки России XVIII – XX веков / Федер. арх. служба РФ [и др.] ; сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев. – Москва : [б. и.], 1998. – Вып. 5. – С. 32–43.
 59. Воробьева, И. Г. Попов Нил Александрович / И. Г. Воробьева // Историки России : биографии / сост., отв. ред. А. А. Чернобаев. – Москва : РОССПЭН, 2001. – С. 281–289.

60. Воробьева, И. Г. Постановка профессором Н. А. Поповым курса истории славян в Московском университете / И. Г. Воробьева // Вопросы истории славян : сборник научных трудов / Воронеж. гос. ун-т ; отв. ред. Н. П. Мананчикова. – Воронеж : Истоки, 1998. – Вып. 13. – С. 71–85.
61. Воробьева, И. Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов : научная, педагогическая и общественная деятельность / И. Г. Воробьева. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999. – 191 с.
62. Воробьева, И. Г. Страницы биографии профессора Нила Попова / И. Г. Воробьева // Бежецкий Верх : сборник статей по истории Бежецкого края / Отд. культуры Администрации г. Бежецка [и др.] ; сост. А. С. Дворников. – Тверь : Рус. провинция, 1996. – С. 79–90.
63. Воронкова, И. Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов : монография / И. Е. Воронкова. – Москва : Academia, 2010. – 366 с.
64. Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в. / В. А. Георгиев, Н. С. Киняпина, М. Т. Панченкова, В. И. Шеремет ; отв. ред. Н. С. Киняпина. – Москва : Наука, 1978. – 434 с.
65. Вудхолл, Э. Разведчики мировой войны : пер. с англ. / Эдвин Вудхолл. – 2-е изд. – Москва : Воен. изд-во, 1943. – 139 с.
66. Вэнк, С. Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе / Соломон Вэнк ; пер. с англ. А. И. Миллер // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Т. М. Исламов, А. И. Миллер. – Москва : [б. и.], 1995. – С. 5–24.
67. Гаврилов, И. Б. К характеристике религиозно-философского мировоззрения М. Н. Каткова / И. Б. Гаврилов // Христианское чтение. – 2018. – № 3. – С. 192–214.
68. Галактионов, А. А. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли / А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров // Вопросы философии. – 1966. – № 6. – С. 120–130.
69. Галкин, И. С. Австро-Венгрия (1867–1914 гг.) : стенограмма лекции, прочитанной в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940–1941 гг. : [на правах рукописи] / И. С. Галкин. – Москва : [б. и.], 1940. – 21 с. – (Курс всеобщей истории. Новая история).
70. Галкин, И. С. Австро-Венгрия и Италия в 1870–1914 годах : лекции ... / И. С. Галкин. – Москва : [б. и.], 1952. – 40 с. – (Новая история).
71. Гиленсен, В. М. Германская военная разведка против России (1871–1917 гг.) / В. М. Гиленсен // Новая и новейшая история. – 1991. – № 2. – С. 153–177.
72. Гильфердинг, А. Ф. О Кирилле и Мефодии // Собрание сочинений А. Гильфердинга. – Санкт-Петербург : печатня В. Головина, 1868. – Т. 1. – С. 299–340.
73. Гильфердинг, А. Ф. Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий / сост. А. Гильфердинг. – Санкт-Петербург : Слав. благотвор. ком. на счет суммы, пожертв. И. А. Посоховым, 1871. – 18, СХХIX с.
74. Геллнер, Э. Нации и национализм / Эрнест Геллнер ; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной ; ред. и послесл. И. И. Крупника. – Москва : Прогресс, 1991. – 319 с.
75. Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Эрнст Геллнер // Нации и национализм : сборник статей / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.] ; пер. с

- англ. Л. Е. Переяславцевой [и др.]. – Москва : Праксис, 2002. – С. 166–169. – (Новая наука политики).
76. Глинский, Б. А. Александр Николаевич Пыпин : (материалы для биографии и характеристики) // Исторический вестник. – 1905. – Т. 99. – Январь. – С. 263–307.
 77. Гобсон, Ч. К. Экспорт капитала / Ч. К. Гобсон ; пер. с англ. И. Румера ; ред., предисл. и доп. М. Спектатора ; Ком. акад., Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики. – Москва : Изд-во Ком. акад., 1928. – 260 с.
 78. Гогорян, К. Э. Протоиерей М. Ф. Раевский и студенческое общество «Русская основа» в Вене (1867–1873) / К. Э. Гогорян // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 38–43.
 79. Гогуев, Б. Б. Социально-экономическое и политическое положение венгерского национального меньшинства в Чехословакии и Румынии в 1918–1939 годах : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Гогуев Борис Басиятович. – Ставрополь, 2008. – 25 с.
 80. Горяинов, А. Н. Австрия и Россия после Крымской войны / С. Горяинова // Русская старина. – 1908. – Октябрь. – С. 227–244.
 81. Горяинов, А. Н. В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века / А. Н. Горяинов. – Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2006. – 318 с.
 82. Градовский, Г. К. Итоги. (1862–1907) : Историко-политические очерки и статьи ; К истории печати ; Воспоминания (бытовые, литературные, военные) ; Избранные фельетоны / Г. К. Градовский. – Киев: тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1908. – 492 с.
 83. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи, вторая половина XIX – начало XX века / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер и Г. Н. Ульянова. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 298 с.
 84. Гросул, В. Я. Власть и общественное мнение в России XVIII – XIX веков / В. Я. Гросул // Труды Института российской истории / отв. ред. А. Н. Сахаров. – Москва : Наука, 2005. – Вып. 5. – С. 118–172.
 85. Гросул, В. Я. Зарождение русского политического консерватизма / В. Я. Гросул // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – № 1. – С. 21–33.
 86. Гросул, В. Я. Революционная Россия и Балканы (1874–1883) / В. Я. Гросул ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва : Наука, 1980. – 333 с.
 87. Гросул, В. Я. Русское общество XVIII – XIX веков : традиции и новации / В. Я. Гросул ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Наука, 2003. – 517 с.
 88. Грот, Я. К. Император Иосиф II в России. Донесения шведского посланника Нолькена / Я. К. Грот // Русская старина. – 1883. – Т. 40. – Ноябрь. – С. 309–329.
 89. Густинич, Д. Национально-освободительная борьба хорватского народа / Д. Густинич // Исторический журнал – 1942. – № 7. – С. 86–92.
 90. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / [соч.] Н. Я. Данилевского. – 5-е изд. – Санкт-Петербург : Н. Страхов, 1895. – XLII, 629 с.
 91. Данченко, С. И. С. А. Никитин и его научная школа историков-славистов : (к 110-летию со дня рождения) / С. И. Данченко, И. В. Чуркина // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2011. – Т. 6. – С. 58–77.
 92. Державин, Н. С. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками / Николай Державин. – Москва: Всеславянский комитет : Госполитиздат, 1943. – 94 с.

93. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук [и др.] ; под ред. Л. П. Репиной. – Москва : Кругъ, 2008. – 799 с. – (Серия «Образы истории»).
94. Династия Рябушинских : книга-альбом / авт. текста и сост. Ю. А. Петров. – Москва : Рус. кн., 1997. – 196 с. – (России известные имена).
95. Дмитриев, С. С. Славянофилы и славянофильство / С. С. Дмитриев // Историк-марксист. – 1941. – № 1. – С. 85–97.
96. Добржанский, А. В. «Буковинизм» как разновидность регионального самосознания в Австро-Венгрии конца XIX – начала XX в. / А. В. Добржанский // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика : посвящается 1000-летию Австрии и 1100-летию Венгрии / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Центр по изучению Австрии и Венгрии, Гос. ин-т искусствознания ; редкол. : О. В. Хаванова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : ИСБ РАН, 1997. – С. 75–83.
97. Дом Романовых : к 300-летнему юбилею царствования, 1613–1913. Последние дни последнего царя : уничтожение династии Романовых / авт.-сост. Т. и З. Степанчуки. – Москва : Центр экол. кино «Живая вода», 1991. – 143 с.
98. Досталь, М. Ю. Славянский вопрос в творчестве и общественно-политической деятельности Ф. И. Тютчева / М. Ю. Досталь // Общественная мысль и славистическая историография: конференция, 12 апреля 1989 г. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики, Калинин. гос. ун-т, Сектор ист. славистики. – Калинин : [б. и.], 1989. – С. 8–14.
99. Досталь, М. Ю. Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. / М. Ю. Досталь // Славянские съезды XIX – XX вв. : сборник статей / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики [и др.] ; редкол.: М. Ю. Досталь (отв. ред.) [и др.]. – Москва : ИСБ РАН, 1994. – С. 128–142.
100. Достян, И. С. Россия и балканский вопрос : из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. / И. С. Достян ; АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. – Москва : Наука, 1972. – 368 с.
101. Доубек, В. Динамика критики антидемократического режима: Т. Г. Масарик, Э. Бенеш и большевистская революция / В. Доубек // Россия и Чехия : научные, культурные и общественные связи : материалы комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики / редкол.: Е. И. Пивовар [и др.]. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. – С. 82–110.
102. Дубровин, Н. Ф. 349-дневная защита Севастополя / Н. Ф. Дубровин. – Санкт-Петербург : Рус. симфония : Библиотека Акад. наук, 2005. – 347 с. – (Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук).
103. Дударев, В. С. Бисмарк и Россия, 1851–1871 гг. / В. С. Дударев ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 677 с.
104. Дудзинская, Е. А. Славянофилы в общественной борьбе / Е. А. Дудзинская ; Ин-т истории СССР АН СССР. – Москва : Мысль, 1983. – 272 с.
105. Дьяков, В. А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения с конца XVIII в. до 1939 г. / В. А. Дьяков // Методологические проблемы истории славистики : сборник статей / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики, Сов. ком. славистов ; редкол.: В. А. Дьяков (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1978. – С. 232–260.

106. Дьяков, В. А. Славянский вопрос в общественной мысли дореволюционной России / В. А. Дьяков // История, культура, этнография и фольклор славянских народов : X Международный съезд славистов, София, сентябрь 1988 г. : доклады советской делегации / отв. ред. И. И. Костюшко. – Москва : Наука, 1988. – С. 29–41.
107. Европейский альманах, 2003 : история, традиции, культура / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. А. О. Чубарьян. – Москва : Наука, 2004. – 158 с.
108. Ерусалимский, А. С. Борьба держав за Балканы и проливы в конце XIX в. : (германская дипломатия и антирусская политика Австро-Венгрии и Англии на Балканах) / А. Ерусалимский // Вопросы истории. – 1947. – № 9. – С. 83–104.
109. Ждановская, А. А. Первый среди равных? Австрийское языковое законодательство 1880-х гг. и дискуссия о государственном языке Цислейтании / А. А. Ждановская // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. – 2018. – № 4. – С. 46–59.
110. Жеребин, А. И. Вертикальная линия: венский модерн в смысловом пространстве русской культуры / Алексей Жеребин. – Санкт-Петербург : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2011. – 533 с.
111. Жигарев, С. А. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI - XIX веках, критическая оценка и будущие задачи) : историко-юридические очерки. Т. 2 / [соч.] Сергея Жигарева. – Москва : Унив. тип., 1896. – VIII, 532 с.
112. Жилин, А. Большая программа по усилению русской армии / А. Жилин // Военно-исторический журнал. – 1974. – № 7. – С. 90–97.
113. За балканскими фронтами Первой мировой войны / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Ассоц. историков Первой мировой войны ; редкол.: В. Н. Виноградов (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Индрик, 2002. – 502 с.
114. Задорожнюк, Э. Г. Идеи Т. Г. Масарика о государственности малых народов и славянской федерации: история и современность / Э. Г. Задорожнюк // Россия и Чехия : научные, культурные и общественные связи : материалы комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики / редкол.: Е. И. Пивовар [и др.]. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. – С. 110–137.
115. Задорожнюк, Э. Г. Т. Г. Масарик и Россия: этапы восприятия и специфика оценок / Э. Г. Задорожнюк // Россия в глазах славянского мира / отв. ред. А.В. Липатов. – Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2007. – С. 188–208.
116. Зайончковский, А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой / А. М. Зайончковский. – Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908–1913. – 2 т. (5 кн.).
117. Захарова, О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX века : коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы / О. Ю. Захарова. – Москва : АиФ-Принт, 2003. – 398 с.
118. Зверев, В. О. Австрийская разведка против России в начале XX в.: от мифов к реальности / В. О. Зверев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 : История. – 2015. – Вып. 4. – С. 90–97.
119. Зверева, Г. И. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (дискурсный анализ публикаций последних лет) / Г. Зверева // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59. – С. 540–556.

120. Звонарев, К. К. Агентурная разведка / К. К. Звонарев. – Москва : IV упр. Штаба раб.-кр. Кр. Армии, 1929–1931. – 2 т.
121. Золотов, В. А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века / В. А. Золотов. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1963. – 192 с.
122. Золотухин, М. Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888) / М. Ю. Золотухин. – Москва : Наука : Вост. лит., 1993. – 320 с.
123. Зуппан, А. Тысяча лет соседства австрийцев и чехов : взгляд из Австрии / Арнольд Зуппан ; пер. с нем. А. А. Ждановская ; Ин-т славяноведения РАН, Ин-т истории Габсбургов и балканских исследований, Австр. Акад. наук. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. – 406 с.
124. Игнатъев, А. В. Внешняя политика России, 1907–1914 : Тенденции. Люди. События / А. В. Игнатъев ; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. – Москва : Наука, 2000. – 231 с.
125. Исламов, Т. М. Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи / Т. М. Исламов // Новая и новейшая история. – 2001. – № 5. – С. 14–46.
126. Исламов, Т. М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI – XIX вв. / Т. М. Исламов // Новая и новейшая история. – 2001. – № 2. – С. 11–40.
127. Исламов, Т. М. Конец средневропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории / Т. М. Исламов // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Т. М. Исламов, А. И. Миллер. – Москва : ИСБ, 1995. – С. 25–48.
128. Исламов, Т. М. Модерн в Средней Европе. Историческая обусловленность. Зарождение. Реализация / Т. М. Исламов // Модерн. Модернизм. Модернизация : по материалам конференции «Эпоха «модерн». Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX – XX веков. Россия, Австрия, Германия, Швейцария» / Рос. гос. гуманитарный ун-т ; редкол.: Н. С. Павлова (отв. ред.), О. В. Павленко (отв. ред.) [и др.]. – Москва : РГГУ, 2004. – С. 47–84.
129. Историческая политика в XXI веке : сборник статей / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – Москва : Новое лит. обозрение, 2012. – 646 с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
130. История внешней политики России (конец XIX – начало XX века) : от русско-французского союза до Октябрьской революции / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; редкол.: А. В. Игнатъев (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Междунар. отношения, 1997. – 670 с. – (История внешней политики России (конец XV в. – 1917 г.)).
131. История дипломатии / под ред. В. П. Потемкина. – Москва : Соцэкгиз, 1941–1945. – (Библиотека внешней политики). – Т. 1 / сост.: С. В. Бахрушин [и др.]. – 1941. – 568 с. ; Т. 2 : Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.) / сост.: В. М. Хвостов и И. И. Минц. – 1945. – 423 с.
132. К столетию революции 1848 года / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. А. Бендриковой. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1948. – 350 с.
133. Кан, С. Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии / С. Б. Кан. – Москва : Учпедгиз, 1948. – 232 с.

134. Кантор, В. К. Русский европеец как явление культуры : (философско-исторический анализ) / Владимир Кантор. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 701 с.
135. Кессельбреннер, Г. Л. Светлейший князь : к 200-летию со дня рождения А. М. Горчакова, 1798–1883 / Г. Л. Кессельбреннер ; отв. ред. А. В. Торкунов ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ. – Москва : Моск. учебники и картолитография, 1998. – 255 с.
136. Киняпина, Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898) / Н. С. Киняпина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 207 с.
137. Киняпина, Н. С. Внешняя политика Николая I / Н. С. Киняпина // Новая и новейшая история. – 2001. – № 1. – С. 192–210.
138. Кирилина, Л. А. Влияние Балканских войн 1912–1913 годов на национально-политические процессы в словенских землях / Л. А. Кирилина // Славяноведение. – 2014. – № 1. – С. 3–11.
139. Кирилина, Л. А. Некоторые аспекты партийной борьбы в словенских землях в конце XIX – начале XX в. / Л. А. Кирилина // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII – XXI вв. : к 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева : сборник статей / Федер. гос. бюджетное учреждение науки «Ин-т славяноведения Рос. акад. наук» ; редкол.: С. И. Данченко (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2017. – С. 158–176.
140. Кириллов, А. В. Всеславянский комитет / А. В. Кириллов // Вопросы истории. – 1977. – № 7. – С. 25–30.
141. Киссинджер, Г. А. Дипломатия / Генри Киссинджер ; пер. с англ. В. В. Львова. – Москва : Ладомир, 1997. – 847 с.
142. Клопова, М. Э. Национальные движения восточнославянского населения Галиции XIX – XX вв. в современной русской и украинской историографии / М. Э. Клопова // Славянский альманах. – 2015. – № 1–2. – С. 356–377.
143. Козырев, А. В. Славяне : очерки о культуре славянских народов и их борьбе за свою независимость / А. В. Козырев. – Ставрополь : Краевое кн. изд-во, 1945. – 110 с.
144. Колейка, Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках / Йосеф Колейка. – Praha : Statni ped. nakl., 1964. – 261 с. – (Opera Universitatis Purkynianae Brunensis, Facultas philosophica ; 98).
145. Колмаков, Н. М. Очерк деятельности Киевского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. 1869–1894 / сост. по поруч. Совета почет. чл. О-ва Н. Колмаков. – Киев : Киев. слав. благотвор. о-во, 1894. – 127 с.
146. Кондратьева, В. Н. Сговор Австрии и Турции с целью подавления национально-освободительного движения на Балканах в 60-е годы XIX в. : (по консульским донесениям) / Кондратьева В. Н. // Краткие сообщения Института славяноведения / редкол.: В. Д. Королюк (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – Вып. 36 : Из истории межславянских связей. – С. 44–60.
147. Коржалка, И. О характере и особенностях пангерманизма в Германии и Австрии в конце XIX в. / Иржи Коржалка // Славяно-германские отношения / АН СССР, Ин-т славяноведения ; редкол.: В. Д. Королюк (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1964. – С. 63–94.
148. Косик, В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему / В. И. Косик ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : Зерцало, 1997. – 235 с.

149. Кострикова, Е. Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос : идейная борьба в российском обществе в начале XX века / Е. Г. Кострикова ; Ин-т рос. истории РАН. – Москва : Кучково поле, 2017. – 380 с. – (Геополитический ракурс).
150. Котов, А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова : идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов / А. Э. Котов ; науч. ред. С. К. Лебедев. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2016. – 486 с.
151. Котова, Е. В. Восточный вопрос в российско-австрийских отношениях в 20–30-е гг. XIX в. / Котова Елена Владимировна. – DOI: 10.18254/S207987840006138-0 // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. – Вып. 5 (79). – URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840006138-0-1> (дата обращения: 02.07.2021).
152. Котова, Е. В. Проблема трансформации абсолютистской империи Габсбургов в конституционную монархию в 1860-е гг. и национальный вопрос / Котова Елена Владимировна. – DOI: 10.18254/S0002462-7-1 // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – Т. 9. – Вып. 8 (72). – URL: <https://history.jes.su/s207987840002462-7-1/> (дата обращения: 02.07.2021).
153. Крейчи, К. Борьба чехов и словаков за национальное освобождение в XIX– начале XX в. / К. Крейчи // Вестник истории мировой культуры. – 1953. – № 3. – С. 78–97.
154. Крючков, И. В. Индустриализация австрийской половины империи Габсбургов (Цислайтании) во второй половине XIX – начале XX вв. : монография / И. В. Крючков, М. С. Чернов ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. образования «Сев.-Кавказ. федер. ун-т». – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2018. – 183 с.
155. Крючков, И. В. Историческая память и габсбургский миф: посттравматический синдром человека XX в. и товар общества массового потребления / И. В. Крючков, Н. Д. Крючкова // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – 2019. – № 66. – С. 86–100.
156. Кузьмин, А. Г. Русский политический радикализм второй половины XIX века / А. Г. Кузьмин ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Сыктывкар. гос. ун-т. – Сыктывкар : Сыктывкар. ун-т, 2004. – 75 с.
157. Ладыженский, А. М. [Рецензия] // Вопросы истории. – 1957. – № 4. – С. 177–181. – Рец. на кн.: Австрийский милитаризм и борьба против него в Чехии / Ян Беранек. Прага : Наше войско, 1955. 216 с.
158. Лаптева, Л. П. Галицкий славист Яков Федорович Головацкий (1814–1888) и его связи с чешскими учеными : (к 200-летию со дня рождения) / Л. П. Лаптева // Славянский альманах. – 2015. – № 1–2. – С. 335–344.
159. Лаптева, Л. П. Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) : (к столетней кончине знаменитого слависта) / Л. П. Лаптева // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2014. – Т. 9. – С. 47–59.
160. Лаптева, Л. П. Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) и его ученики / Л. П. Лаптева // Славяноведение. – 2014. – № 6. – С. 82–96.
161. Лаптева, Л. П. История западных и южных славян в освещении русской историографии XIX – XX вв. : сборник статей / Л. П. Лаптева. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. – 527 с. – (Историческая книга).

162. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX веке / Л. П. Лаптева. – Москва : Индрик, 2005. – 847 с.
163. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. / Л. П. Лаптева ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. – Москва : Индрик, 2012. – 839 с.
164. Лаптева, Л. П. Как мы писали историю : (автобиографические заметки) / Л. П. Лаптева // Полвека в славяноведении : сборник научных трудов, посвященных юбилею заслуженного проф. МГУ Л. П. Лаптевой / М-во образования и науки РФ, Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ист.-арх. ин-т, МГУ, Каф. истории южных и западных славян ; отв. ред.: О. В. Павленко, И. В. Крючков. – Москва : Изд-во СГУ, 2012. – С. 6–21.
165. Лаптева, Л. П. Кризис славяноведения в России в период с 1917 до середины 30-х годов / Л. П. Лаптева // *Slavia : časopis pro slovanskou filologii*. – Praha, 2010. – Roč. 79. – S. 167–180.
166. Лаптева, Л. П. Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в. – 1917 г.) / Л. П. Лаптева. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 340 с.
167. Лаптева, Л. П. Русский славист А. Ф. Гильфердинг как исследователь лужицких сербов / Л. П. Лаптева // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. – 2009. – Т. 4. – С. 151–160.
168. Лаптева, Л. П. Русский славист XIX в. П. П. Дубровский (1812–1882) / Л. П. Лаптева // *Советское славяноведение*. – 1991. – № 6. – С. 93–101.
169. Лаптева, Л. П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – первой четверти XX века. По данным переписки ученых / Л. П. Лаптева // *Новая и новейшая история*. – 2016. – № 1. – С. 68–93.
170. Лаптева, Л. П. Сотрудничество А. Ф. Гильфердинга с журналом «Русская беседа» (1856–1860) / Л. П. Лаптева // *Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати : к 90-летию со дня рождения А. А. Улуныяна : сборник статей / Федер. гос. бюджетное учреждение «Ин-т славяноведения Рос. акад. наук» ; редкол.: С. И. Данченко (отв. ред.) [и др.]*. – Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 115–127.
171. Ленин, В. И. Критические заметки по национальному вопросу // *Полное собрание сочинений*. – Изд. 5-е. – Москва : Политиздат, 1973. – Т. 24. – С. 113–150.
172. Ленин, В. И. Либералы и демократы в вопросе о языках // *Полное собрание сочинений*. – Изд. 5-е. – Москва : Политиздат, 1973. – Т. 23. – С. 423–426.
173. Ленин, В. И. Национал-либерализм и право наций на самоопределение // *Полное собрание сочинений*. – Изд. 5-е. – Москва : Политиздат, 1973. – Т. 24. – С. 247–249.
174. Лещиловская, И. И. Концепция славянской общности в конце XVIII – первой половине XIX века / И. И. Лещиловская // *Вопросы истории*. – 1976. – № 12. – С. 75–92.
175. Линков, В. Я. Примечания / В. Линков // *Собрание сочинений : в 12 т. / Лев Толстой*. – Москва : Правда, 1987. – Т. 2. – С. 511–527.
176. Лицинер, С. Д. Бакунин и Герцен в полемике по славянскому вопросу: открытое письмо М. А. Бакунина к Герцену / С. Д. Лицинер, М. И. Перпер // *Литературное наследство*. – 1985. – Т. 96 : Герцен и Запад / отв. ред.: С. А. Макашин, Л. Р. Ланский. – С. 399–412.
177. Лотман, Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – 479 с.
178. Лубков, А. В. Михаил Катков. Молодые годы : монография / А. В. Лубков ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. пед. гос. ун-т. – Москва : МПГУ, 2018. – 254 с.

179. Лукашевич, А. М. Предисловие // Воспоминания / Владимир Александрович Сухомлинов. – Минск : Харвест, 2005. – С. 3–35.
180. Любин, В. П. Современная историография Первой мировой войны / В. П. Любин // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. – 2014. – № 4 (134). – С. 6–19.
181. Майорова, О. Бессмертный Рюрик : празднование тысячелетия России в 1862 году / Ольга Майорова // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 43. – С. 137–165.
182. Майорова, О. Славянский съезд 1867 года: метафорика торжества / Ольга Майорова // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 51. – С. 89–110.
183. Маркс, К. Больной человек Австрии // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – Москва : Политиздат, 1959. – Т. 15. – С. 132–135.
184. Маркс, К. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1 / К. Маркс и Ф. Энгельс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Москва : Политиздат, 1985. – IV, 635 с.
185. Маркс, К. Россия использует Австрию. Варшавский конгресс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – Москва : Политиздат, 1959. – Т. 15. – С. 183–186.
186. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – Москва : Политиздат, 1954–1984. – Т. 4. – 1955. – XIV, 615 с. ; Т. 5. – 1956. – XIV, 643 с. ; Т. 6. – 1957. – XX, 761 с.
187. Матевчик, А. Ян Геркель и его идея славянского литературного единства / Августин Матевчик (Мартин) // *Lúdvít Štúr und die slawische Wechselseitigkeit : Gesamte Referate und die integrale Diskussion der wissenschaftlichen Tagung in Smolenice, 27.–29. Juni 1966 / Slowakische Akademie der Wissenschaften ; hrsg. von Lúdvít Holotík.* – Bratislava : Verlag der Slowakischen Akademie der Wissenschaften, 1969. – S. 27–31.
188. Медоваров, М. В. Кризис Австро-Венгрии и русская консервативная мысль накануне Первой мировой войны / М. В. Медоваров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 69–77.
189. Медоваров, М. В. Переосмысливая великие реформы Александра II в глобальном контексте / М. В. Медоваров // Историческая экспертиза. – 2016. – № 3. – С. 201–206.
190. Медяков, А. С. Между Востоком и Западом : внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871) / А. С. Медяков. – Москва : Рус. слово, 2010. – 638 с.
191. Международные отношения на Балканах, 1856–1878 гг. / Г. Л. Арш, В. Н. Виноградов, Е. К. Вяземская [и др.] ; отв. ред. В. Н. Виноградов ; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – Москва : Наука, 1986. – 414 с.
192. Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами : к 200-летию со дня рождения М. Ф. Раевского / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; отв. ред. К. В. Никифоров. – Москва : Нестор-История, 2013. – 475 с.
193. Мендельсон, Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 1 / Л. А. Мендельсон. – Москва : Соцэкгиз, 1959. – 691 с.
194. Механизмы власти : трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX – XX вв. : материалы международной конференции, Москва, 15-18 мая 2007 г. / Рос. гос. гуманитарный ун-т ; под общ. ред. Е. И. Пивовара ; редкол.: О. В. Павленко [и др.]. – Москва : РГГУ, 2009. – 421 с.
195. Миллер, А. И. Империя и нация в «долгом XIX веке» / А. И. Миллер // Всемирная история : в 6 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; гл. редкол.: А. О. Чубарьян (гл.

- ред.) [и др.] ; отв. ред. тома В. С. Мирзеханов. – Москва : Наука, 2014. – Т. 5 : Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. – С. 246–263.
196. Миллер, А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А. И. Миллер. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 267 с.
197. Мирзеханов, В. С. Мир в XIX веке: исторические сдвиги и обращенность в будущее // Всемирная история : в 6 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; гл. редкол.: А. О. Чубарьян (гл. ред.) [и др.] ; отв. ред. тома В. С. Мирзеханов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Наука, 2019. – Т. 5 : Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. – С. 845–860.
198. Мирзеханов, В. С. 1815 г. в истории: европейская система и европейская идентичность между кризисами и равновесием в эпоху модерна / Велихан Мирзеханов. – DOI: 10.18254/S207987840008097-5 // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10, вып. 11 (85). – URL: <https://history.jes.su/s207987840008097-5-1/> (дата обращения: 10.12. 2020).
199. Миронов, В. В. Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии : монография / В. В. Миронов ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина». – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2011. – 408 с.
200. Миронов, Б. Н. Концепции и парадигмы современной историографии / Б. Н. Миронов // Преподавание истории в школе. – 2016. – № 6. – С. 37–41.
201. Миронов, Б. Н. Российская империя : от традиции к модерну. В 3 т. Т. 1 / Б. Н. Миронов ; С.-Петерб. гос. ун-т, С.-Петерб. ин-т истории Рос. акад. наук. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланов, 2014. – 892 с.
202. Модерн. Модернизм. Модернизация : по материалам конференции «Эпоха «модерн». Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX – XX веков. Россия, Австрия, Германия, Швейцария» / Рос. гос. гуманитарный ун-т ; редкол.: Н. С. Павлова (отв. ред.), О. В. Павленко (отв. ред.) [и др.]. – Москва : РГГУ, 2004. – 524 с.
203. Москаленко, Е. А. Чешская делегация на Московском славянском съезде 1867 г. / Е. А. Москаленко // Проблемы новой и новейшей истории / МГУ им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. ; под ред. Е. Ф. Язькова. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 166–180.
204. Мыльников, А. С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII – XIX вв. / А. С. Мыльников ; Гос. прогр. «Народы России: возрождение и развитие», Акад. гуманит. наук. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. – 176 с.
205. Мыльников, А. С. Об истоках становления славяноведения в России / А. С. Мыльников // Историографические исследования по славяноведению и балканистике : сборник статей / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. В. А. Дьяков. – Москва : Наука, 1984. – С. 5–42.
206. Мыльников, А. С. Роль культуры в становлении национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы / А. С. Мыльников // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе : исторический и историко-культурный аспекты / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1981. – С. 222–246.

207. Мюллер, В. Россия и монархия Габсбургов в 1853–1914 гг. : через кризисы к крушению / В. Мюллер, О. В. Павленко // Россия – Австрия : веки совместной истории / Рос.-австр. комис. историков, Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Ин-т по изучению последствий войн им. Людвиг Бальцмана ; отв. ред. Стефан Карнер и Александр Чубарьян. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2019. – Гл. 3. – С. 69–96.
208. Нарочницкая, Л. И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах, 1875–1878 гг. : к столетию Русско-турецкой войны, 1877–1878 гг. / Л. И. Нарочницкая ; отв. ред. Л. Г. Бескровный ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва : Наука, 1979. – 142 с.
209. Нарочницкий, А. Л. Берлинский конгресс, Россия и южные славяне / А. Л. Нарочницкий // Новая и новейшая история. – 1979. – № 2. – С. 72–84.
210. Нарочницкий, А. Л. Итоги и задачи изучения политики России и международных отношений в Юго-Восточной Европе / А. Л. Нарочницкий // Внешняя политика России : (историография) : сборник статей / АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР ; отв. ред. С. Л. Тихвинский. – Москва : Наука, 1988. – С. 7–17.
211. Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. : [сборник статей] / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. и авт. предисл. Т. М. Исламов. – Москва : ИСБ, 1991. – 293 с.
212. Ненашева, З. С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. : чехи, словаки и неославизм, 1898–1914 / З. С. Ненашева ; отв. ред. В. А. Дьяков ; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – Москва : Наука, 1984. – 238 с.
213. Ненашева, З. С. «Консервативное» русофильство и «прогрессивное» западничество чехов накануне и в начале Великой войны в трактовке российского общества и официальных структур / З. С. Ненашева // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне : материалы IV Международной научно-практической конференции (27–28 ноября 2014 года, г. Москва) / Междунар. независимый эколого-политол. ун-т («Акад. МНЭПУ») [и др.] ; под общ. ред. Степанова С. С., Шкундина Г. Д. – Москва : Изд-во МНЭПУ, 2015. – С. 506–521.
214. Ненашева, З. С. Масарик и Крамарж как идеологи славянского единства в восприятии русского консула в Праге / З. С. Ненашева // Славянский альманах, 1999 / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; отв. ред. М. А. Робинсон. – Москва : Индрик, 2000. – С. 123–130.
215. Ненашева, З. С. Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма / З. С. Ненашева // Родина. – 2001. – № 1–2. – С. 131–133.
216. Ненашева, З. С. Славянские общества в России в последней четверти XIX в. / З. С. Ненашева // Российское общество и зарубежные славяне XVIII – начало XX века : материалы международной научной конференции «Россия и славяне, XVIII – 1918 г.» (Москва, 25–27 июня 1991 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Л. П. Лаптева. – Москва : ИСБ РАН, 1992. – С. 33–44. – (Балканские исследования ; вып. 16).
217. Ненашева, З. С. Софийский славянский съезд 1910 / З. С. Ненашева // Славянское движение XIX – XX веков : съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения / Рос. акад. наук, Лексикогр. семинар, Каб. «Славянский мир» ; редкол.: М. Ю. Досталь (отв. ред.) [и др.]. – Москва : [б. и.], 1998. – С. 201–210.
218. Ненашева, З. С. Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и реальность / З. С. Ненашева // Современная Европа. – 2017. – № 7 (79). – С. 88–97.

219. Никитин, С. А. Нота А. М. Горчакова об отмене условий Парижского мира и русская общественность // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран : сборник статей : к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова / АН СССР, Отд-ние ист. наук ; редкол.: В. И. Шунков (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Изд-во вост. лит., 1963. – С. 410-417.
220. Никитин, С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. / С. А. Никитин ; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – Москва : Наука, 1970. – 327 с.
221. Никитин, С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах / С. А. Никитин ; отв. ред. И. А. Федосов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 362 с.
222. Николаи, В. Германская разведка и контрразведка в мировой войне / В. Николаи ; пер. с нем. и предисл. В. Ромма. – [Б. м.] : Разведывательное упр. при Штабе командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма, [19--]. – 36 с.
223. Никонов, В. А. Крушение России, 1917 / Вячеслав Никонов. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 926 с. – (Историческая библиотека).
224. Нифонтов, А. С. Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853–1856 гг. / А. С. Нифонтов // Проблемы социально-экономической истории России : сборник статей к 85-летию со дня рождения акад. Н. М. Дружинина / АН СССР, Ин-т истории СССР ; редкол.: Л. М. Иванов (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1971. – С. 69–90.
225. Новикова, О. Н. Боснийско-герцеговинская политика Австро-Венгрии последней трети XIX – начала XX в. и ее роль в развитии международных отношений на Балканах : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Новикова Оксана Николаевна. – Ставрополь, 2006. – 26 с.
226. Нойманн, И. Использование «Другого» : образы Востока в формировании европейских идентичностей : пер. с англ. / Ивэр Б. Нойманн. – Москва : Новое изд-во, 2004. – 335 с.
227. Нурлыгаянов, М. Ф. Формирование элементов гражданского общества России в эпоху Великих реформ / М. Ф. Нурлыгаянов // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. – 2014. – № 3. – С. 166–172.
228. Озерянский, А. С. А. Н. Пыпин о славянофилах : (к постановке проблемы) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. В. А. Дьяков. – Москва : Наука, 1986. – С. 72–80.
229. Олейников, Д. И. Николай I / Дмитрий Олейников. – Москва : Молодая гвардия, 2012. – 336 с. – (Жизнь замечательных людей : серия биографий. Малая серия ; вып. 36).
230. Омельченко, Н. А. Родословная русского политического радикализма : (историко-политический анализ) / Н. А. Омельченко // Вестник университета / Гос. ун-т управления. – 2009. – № 25. – С. 88–95.
231. Освобождение Болгарии от турецкого ига : документы. В 3 т. Т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877 / Ин-т славяноведения АН СССР [и др.] ; под ред. С. А. Никитина [и др.]. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – 715 с.
232. Освободительные движения народов Австрийской империи : период утверждения капитализма / В. С. Бондарчук, К. П. Гогина, Т. М. Исламов [и др.] ; редкол.: В. И. Фрейдзон (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1981. – 464 с. – (Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму).

233. Очаги тревоги в Восточной Европе : (драма национальных противоречий) / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики и др.; редкол.: В. Н. Виноградов [и др.]. – Москва : ИСБ РАН, 1994. – 328 с.
234. Павленко, Н. И. Михаил Погодин / Н. И. Павленко. – Москва : Памятники ист. мысли, 2003. – 359 с.
235. Павленко, О. В. Геополитическое проектирование «большой европейской войны» в 1910–1914 гг.: российский ракурс / Ольга Павленко // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2012. – № 7 (87). – С. 11–38.
236. Павленко, О. В. Дневник Ф. Скрейшовского как печатный источник о поездке чешской делегации в Россию в 1867 году / О. В. Павленко // Идеино-политическая борьба в странах Европы и Америки : сборник статей / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. ; под ред. И. В. Григорьевой. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 132–146.
237. Павленко, О. В. Зарубежная историография габсбургской монархии. XX – начало XXI века / О. В. Павленко // Новая и новейшая история. – 2013. – № 2. – С. 94–109.
238. Павленко, О. В. Йиржи Коржалка: новый взгляд на процессы формирования наций в Центральной Европе / О. В. Павленко // Национализм и формирование наций : теории – модели – концепции / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. А. И. Миллер. – Москва : Наука, 1994. – С. 94–111.
239. Павленко, О. В. Катастрофа «русской Марсельезы» 1917 г. и ее осмысление в современной историографии / О. В. Павленко // Исторический вестник. – 2018. – Т. 23. – С. 12–37.
240. Павленко, О. В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы / О. В. Павленко // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2015. – № 6. – С. 53–67.
241. Павленко, О. В. Концепция «нравственной политики» в чешском движении в XIX – начале XX вв. / О. В. Павленко // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика : посвящается 1000-летию Австрии и 1100-летию Венгрии / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Центр по изучению Австрии и Венгрии, Гос. ин-т искусствознания ; редкол. : О. В. Хаванова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : ИСБ РАН, 1997. – С. 53–68.
242. Павленко, О. В. Концепция славянской взаимности в России и в Чехии в 60-е – начале 70-х годов XIX века : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Лебедева Ольга Вячеславовна [Павленко Ольга Вячеславовна]. – Москва, 1991. – 27 с.
243. Павленко, О. В. Культурные и политические аспекты «православной миссии» России в землях австрийских славян в XIX в. / О. В. Лебедева [О. В. Павленко] // Российское общество и зарубежные славяне XVIII – начало XX века : материалы международной научной конференции «Россия и славяне, XVIII – 1918 г.» (Москва, 25–27 июня 1991 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Л. П. Лаптева. – Москва : ИСБ РАН, 1992. – С. 89–105. – (Балканские исследования ; вып. 16).
244. Павленко, О. В. «Мечта, не ставшая реальностью...» / О. В. Павленко // Славянский альманах, 1999 / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; отв. ред. М.А. Робинсон. – Москва : Индрик, 2000. – С. 100–115.

245. Павленко, О. В. Панславизм / О. В. Павленко // Славяноведение. – 1998. – № 6. – С. 43–60.
246. Павленко, О. В. Панславизм и его модели / О. В. Павленко // Новая и новейшая история. – 2016. – № 5. – С. 3–15.
247. Павленко, О. В. Проблемы панславизма в Чехии и в России в первой половине XIX века / О. В. Лебедева [О. В. Павленко] // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. : сборник статей / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. и авт. предисл. Т. М. Исламов. – Москва : [б. и.], 1991. – С. 98–105.
248. Павленко, О. В. Реконструкция панславизма в трудах А. Н. Пыпина / О. В. Павленко // А. Н. Пыпин и проблемы славяноведения / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Ставроп. гос. ун-т ; отв. ред. М. Ю. Досталь. – Москва ; Ставрополь : Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2005. – С. 66–78.
249. Павленко, О. В. [Рецензия] / О. В. Павленко // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2015. – № 4 (81). – С. 257–262. – Рец. на кн.: Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / гл. ред. А. О. Чубарьян ; отв. ред. В. С. Мирзеханов. Москва : Наука, 2014. 939 с.
250. Павленко, О. В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX века / О. В. Павленко // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / Северо-Кавказский федер. ун-т, Рос. гос. гуманитарный ун-т [и др.]. – Ставрополь : СКФУ, 2014. – Вып. 5. – С. 153–179.
251. Павленко, О. В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX вв.: политические мифы имперской власти / О. В. Павленко // Новая и новейшая история. – 2014. – № 1. – С. 116–134.
252. Павленко, О. В. Символы «свободы» в политических движениях народов австрийской империи в 1848–1849 гг. / О. В. Павленко // Новый исторический вестник. – 2001. – № 2 (4). – С. 116–132.
253. Павленко, О. В. Трактовка понятия «панславизм» в трудах А. Н. Пыпина / О. В. Лебедева [О. В. Павленко] // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны : XI Всесоюзная научная конференция историков-славистов, 27–29 января 1988 г. : тезисы докладов и сообщений / под ред. Э. М. Загорюльского, Д. Б. Мельцера. – Минск : Университетское, 1988. – С. 234.
254. Павленко, О. В. Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма / О. В. Лебедева [О. В. Павленко] // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в средние века и новое время : межвузовский сборник / Марийский гос. ун-т, Каф. всеобщ. Истории ; редкол.: Рандин А. В. (отв. ред.) [и др.]. – Йошкар-Ола : МарГУ, 1990. – С. 125–143.
255. Павлов, А. Т. Катков Михаил Никифорович / А. Т. Павлов, Е. К. Сысоева // Императорский Московский университет, 1755–1917 : энциклопедический словарь / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. ; ред. совет: В. А. Садовничий [и др.] ; авт. проекта, сост.: А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. – Москва : РОССПЭН, 2010. – С. 311–313.
256. Пашаева, Н. М. Австрия и австро-славянские отношения в русской и советской исторической литературе (X в. – 1918 г.) / Н. М. Пашаева // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография / АН СССР, Ин-т

- славяноведения ; редкол.: В. Д. Королюк (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1966. – С. 240–276.
257. Пашаева, Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX – XX вв. / Н. М. Пашаева ; Гос. публ. ист. б-ка России. – Москва : ГПИБ России, 2001. – 201 с.
258. Петров, Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века : предпринимательство и политика / Ю. А. Петров ; Моск. гор. об-ние арх., Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Мосгорархив, 2002. – 436 с.
259. Петрова, М. А. Внешнеполитические проекты Екатерины II и Иосифа II / М. А. Петрова // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / Северо-Кавказский федер. ун-т, Рос. гос. гуманитарный ун-т [и др.]. – Ставрополь : СКФУ, 2014. – Вып. 5. – С. 27–41.
260. Петрова, М. А. Йозефинизм и проблемы религиозного образования в австрийской монархии в последней четверти XVIII в. / М. А. Петрова // Религиозное образование в России и Европе в конце XVIII – начале XIX в. : сборник статей / Ин-т всеобщ. истории РАН [и др.] ; под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2009. – С. 95–116.
261. Пиксанов, Н. К. Академик А. Н. Пыпин : к столетию со дня рождения (1833 – 7 IV – 1933) // Вестник Академии наук СССР. – 1933. – № 4. – С. 41–43.
262. Писарев, Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны / Ю. А. Писарев ; отв. ред. Т. М. Исламов. – Москва : Наука, 1985. – 285 с.
263. Писарев, Ю. А. Военная угроза и антимилицаристское движение в южно-славянских землях Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны / Ю. А. Писарев // Труды Московского государственного историко-архивного института / под ред. М. Т. Панченковой. – Москва : [б. и.], 1963. – Т. 18. – С. 375–390.
264. Писарев, Ю. А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии, 1905–1914 / Ю. А. Писарев ; АН СССР, Ин-т истории. – Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – 419 с.
265. Покровский, М. Н. Империалистская война : сборник статей / М. Н. Покровский ; Ин-т истории Ком. акад. – Москва : Соцэргиз, 1934. – 448 с.
266. Покровский, М. Н. Панславизм на службе империализма / М. Н. Покровский // Правда. – 1927. – 26 июня.
267. Покровский, М. Н. Погодин // Историческая наука и борьба классов : (историографические очерки, критические статьи и заметки) / М. Н. Покровский ; Ком. акад. – Москва ; Ленинград : Соцэргиз, 1933. – Вып. 2. – С. 44–47.
268. Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. : очерки / М. С. Ващенко, О. И. Величко, М. Ю. Дронов [и др.] ; под ред. О. В. Хавановой (отв. ред.) [и др.] ; Ин-т славяноведения РАН. – Москва : Индрик, 2018. – 406 с.
269. Полосин, В. С. Миф. Религия. Государство : исследование политической мифологии / Вячеслав Полосин. – Москва : Триада, 1998. – 510 с.
270. Полубояринова, Л. Н. Поэтика австрийской прозы XIX века / Л. Н. Полубояринова ; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1995. – 99 с.
271. Польша на путях развития и утверждения капитализма, конец XVIII – 60-е годы XIX в. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики, Науч. совет по комплекс. проблемам славяноведения и балканистики ; редкол.: С. М. Фалькович (отв. ред.) [и др.]. – Москва :

- Наука, 1984. – 293 с. – (Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму).
272. Пономарев, В. Н. Финал долгой карьеры К. В. Нессельроде и Парижский мир / В. Н. Пономарев // Российская дипломатия в портретах / Г. А. Санин, А. Н. Шапкина, Г. И. Герасимова [и др.] ; редкол.: А. В. Игнатъев [и др.]. – Москва : Междунар. отношения, 1992. – С. 180–198.
273. Пристер, Е. Краткая история Австрии / Ева Пристер ; сокр. пер. с нем. Н. М. Соболевой [и др.] ; ред. и предисл. М. А. Полтавского. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1952. – XX, 511 с.
274. Птицын, А. Н. Кризис российско-австро-венгерских отношений во второй половине 1880-х годов и его последствия / А. Н. Птицын // Проблемы отечественной и зарубежной истории: мнения, оценки, размышления / редкол.: А. П. Горбунов [и др.]. – Пятигорск : ПГЛУ, 2008. – С. 262–282. – (Ученые записки кафедры отечественной и зарубежной истории ; вып. 10).
275. Радивоевич, М. Вступление России в Первую мировую войну: отклики и реакция в Сербии (июль – август 1914 г.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. – 2016. – № 1 (19). – С. 159–170.
276. Раевский, Н. Фикельмоны // Избранное / Н. Раевский. – Минск : Вышэйшая школа, 1978. – С. 52–137.
277. Раковский, Х. Г. [псевдоним Инсаров]. Князь Меттерних. Его жизнь и политическая деятельность : биографический очерк Х. Г. Инсарова. – Санкт-Петербург : тип. Ю. Н. Эрлих, 1905. – 112 с. – (Жизнь замечательных людей : биографическая библиотека Ф. Павленкова ; вып. 199).
278. Ратнер, Н. Д. Австрийский пангерманизм и славянские народы Австрии / Н. Д. Ратнер // Советское славяноведение. – 1965. – № 4. – С. 40–49.
279. Революции, 1848–1849 / АН СССР, Ин-т истории ; под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. – Москва : Изд-во АН СССР, 1952. – 2 т. – (Библиотека всемирной истории).
280. Ревякин, А. В. Венская система в современной отечественной историографии / А. В. Ревякин // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии : материалы IX Конвента РАМИ, Москва, 27–28 октября 2015 г. / под ред. А. В. Ревякина. – Москва : МГИМО-Университет, 2016. – С. 6–40.
281. Ревякин, А. В. Мировая политика последней трети XIX – начала XX века / А. В. Ревякин // Всемирная история : в 6 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. тома В. С. Мирзеханов. – Москва : Наука, 2014. – Т. 5 : Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. – С. 811–844.
282. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. : социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Центр интеллектуал. истории, Гос. акад. ун-т гуманитарных наук. – Москва : Кругъ, 2011. – 559 с. – (Серия «Образы истории»).
283. Репина, Л. П. Память о прошлом и история / Л. П. Репина // Диалоги со временем : память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. – Москва : Кругъ, 2008. – С. 7–18.
284. Робинсон, М. А. Отражение славянофильских концепций в работе В. И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» / М. А. Робинсон // Общественная мысль и славистическая историография : конференция,

- 12 апреля 1989 г. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики, Калинин. гос. ун-т, Сектор ист. славистики. – Калинин : [б. и.], 1989. – С. 22–28.
285. Робинсон, М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов) / М. А. Робинсон ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – Москва : Индрик, 2004. – 429 с.
286. Рокина, Г. В. Деятель словацкого национального возрождения Ян Коллар и его связи с Россией : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Рокина Галина Викторовна. – Москва, 1987. – 20 с.
287. Ронге, М. Разведка и контрразведка : (военный и промышленный шпионаж) : пер. с нем. / Макс Ронге. – 3-е изд. – Москва : Воен. изд-во, 1943. – 234 с.
288. Россейкин, Б. М. Панорама «Оборона Севастополя»: краткий путеводитель / Б. М. Россейкин. – 2-е изд., доп. – Севастополь : Крымиздат, 1957. – 92 с.
289. Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / Северо-Кавказский федер. ун-т, Рос. гос. гуманитарный ун-т [и др.]. – Ставрополь : СКФУ, 2004–2019. – Вып. 1. – 2004. – 274 с. ; Вып. 5. – 2014. – 273 с.
290. Россия – Австрия : вехи совместной истории / Рос.-австр. комис. историков, Ин-т всеобщей истории Рос. акад. наук, Ин-т по изучению последствий войн имени Людвиг Больцмана ; отв. ред. Стефан Карнер и Александр Чубарьян. – Москва : Энерджи Пресс, 2017. – 249 с.
291. Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. : сборник статей / под ред. И. А. Федосова [и др.]. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 224 с.
292. Россия и Польша : история общая и разобшенная / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Фонд «Рос.-польский центр диалога и согласия» ; под ред. Е. И. Пивовара, О. В. Павленко. – Москва : Аспект Пресс, 2015. – 413 с.
293. Россия воспрянет : князя Трубецкие : история рода / сост. А. В. Трубецкой. – Москва : Воениздат, 1996. – 525 с. – (Редкая книга).
294. Россия накануне Первой мировой войны : статистико-документальный справочник. – Москва : Самоотека, 2018. – 432 с.
295. Ротштейн, Ф. А. Международные отношения в конце XIX века / Ф. А. Ротштейн ; АН СССР, Ин-т истории. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1960. – 705 с.
296. Рубинштейн, Е. И. Из истории рабочего и социалистического движения в Австрии (Цислейтании) весной и летом 1917 г. / Е. И. Рубинштейн // Новая и новейшая история. – 1960. – № 4. – С. 36–52.
297. Рубинштейн, Е. И. Крушение австро-венгерской монархии / Е. И. Рубинштейн ; АН СССР, Ин-т истории. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – 427 с.
298. Рупник, А. Путь словенцев к государственной независимости : (очерк исторического опыта) / Антон Рупник // Славянский альманах, 1998 / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; отв. ред. М. А. Робинсон. – Москва : Индрик, 1999. – С. 211–228.
299. Рупник, А. Специфические черты исторического развития словенцев в рамках Габсбургской империи / Антон Рупник // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика : посвящается 1000-летию Австрии и 1100-летию Венгрии / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Центр по изучению Австрии и Венгрии, Гос. ин-т искусствознания ; редкол. : О. В. Хаванова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : ИСБ РАН, 1997. – С. 84–87.

300. Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории : (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Йорн Рюзен // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – 2001. – Вып. 7. – С. 8–26.
301. Савельева, И. М. Знание о прошлом : теория и история : в 2 т. / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – Санкт-Петербург : Наука, 2003–2006. – 2 т.
302. Саприкина, О. В. Академик В. И. Ламанский: «патриарх русского славяноведения» / О. В. Саприкина // Новый исторический вестник : избранное, 2000–2004 / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ист.-арх. ин-т ; гл. ред. С. В. Карпенко. – Москва : Изд-во Ипполитова, 2004. – С. 60–84.
303. Селиверстова, Н. М. Система ценностей российского дворянства накануне и в период проведения великих реформ / Н. М. Селиверстова // European Social Science Journal. – 2011. – № 13 (16). – С. 302–309.
304. Россия накануне Первой мировой войны : статистико-документальный справочник. – Москва : Самотека, 2018. – 432 с.
305. Селютина, Е. Н. Проблемы модернизации Российского государства и Великие реформы Александра II: современный взгляд / Е. Н. Селютина, В. А. Холодов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 4 (15). – С. 121–128.
306. Семенов, М. Ю. Исторический опыт организации народного просвещения в Австро-Венгрии и России в конце XIX – начале XX века : (на примере народного университета в Вене и Воронежского общества народных университетов) / М. Ю. Семенов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 1(63). – С. 159–164.
307. Серапионова, Е. П. Карел Крамарж и Россия, 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями / Е. П. Серапионова ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – Москва : Наука, 2006. – 510 с.
308. Серапионова, Е. П. Крымский рай – Барбо : в поисках виллы Надежды и Карла Крамарж / Елена Серапионова // Крымский альбом : историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / издатель и ред. Д. Лосев. – Феодосия ; Москва : Коктебель, 2002. – Вып. 6. – С. 83–90.
309. Серапионова, Е. П. Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик / Е. П. Серапионова // До и после Версаля : политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; отв. ред. А. Л. Шемякин. – Москва : Индрик, 2009. – С. 322–329.
310. Серапионова, Е. П. Русская супруга первого премьера Чехословакии / Е. П. Серапионова // Родина. – 2001. – № 1–2. – С. 134–138.
311. Серапионова, Е. П. Т. Г. Масарик и К. Крамарж: отношение к России / Е. П. Серапионова // Европейские сравнительно-исторические исследования / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред.: Улуян Ар. А. – Москва : ИВИ РАН, 2002. – Вып. 1 : Европейское измерение политической истории. – С. 124–144.
312. Серапионова, Е. П. Томаш Гарриг Масарик. 1850–1937 / Е. П. Серапионова // Пленники национальной идеи : политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.) : сборник статей / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: М. Д. Ерещенко (отв. ред.) [и др.]. – Москва : ИСБ РАН, 1993. – С. 119–136.

313. Серапионова, Е. П. Чешские земли, чехи и немецкий вопрос (1918–1945 годы) / Е. Н. Серапионова // Славяноведение. – 2000. – № 5. – С. 43–51.
314. Сергеев, Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии / Е. Ю. Сергеев ; Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр «XX век: социально-политические и экономические проблемы». – Москва : КМК, 2012. – 453 с. – (Сфера Евразии).
315. Сергеев, Е. Ю. Военные агенты Российской империи в Европе (1900–1914 гг.) / Е. Ю. Сергеев, Ар. А. Улунян. – Москва : ИВИ РАН, 1999. – 419 с.
316. Сергеев, Е. Ю. Франция глазами военных атташе Российской империи (1900–1914 гг.) / Е. Ю. Сергеев // Россия и Франция XVIII – XX века / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр фр. ист. исслед. ; отв. ред. П. Черкасов. – Москва : Наука, 2000. – Вып. 3. – С. 195–216.
317. Серебренников, В. Дипломатические переговоры относительно предполагавшегося брака великой княжны Ольги Николаевны с австрийским эрцгерцогом Стефаном (1839–1845 гг.) / Влад. Серебренникова // Исторический вестник. – 1917. – Т. 148. – Апрель. – С. 78–114.
318. Сироткина, Е. В. «Я не питаю вражды к Австрии, но и не имею повода сочувствовать ей»: австрийско-российские отношения в 1856–1859 гг. / Е.В. Сироткина // Россия и Европа: связь культуры и экономики : материалы VIII международной научно-практической конференции, Прага, Чешская Республика, 28 февраля 2014 года / отв. ред. Уварина Н. В. – Прага : World Press, 2014. – С. 430–434.
319. Сказкин, С. Д. Конец австро-русско-германского союза : исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е гг. XIX столетия / С. Д. Сказкин ; АН СССР, Отд-ние истории. – Москва : Наука, 1974. – 271 с.
320. Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С. А. Никитина : сборник статей / Федер. гос. бюджетное учреждение науки «Ин-т славяноведения Рос. акад. наук» ; редкол.: И. В. Чуркина (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Тезаурус, 2013. – 791 с.
321. Славянский сборник. – Санкт-Петербург : Петерб. отд. Славянского ком., 1875–1877. – 3 т.
322. Славянское движение XIX – XX веков : съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения / Рос. акад. наук, Лексикогр. семинар, Каб. «Славянский мир» ; редкол.: М. Ю. Досталь (отв. ред.) [и др.]. – Москва : [б. и.], 1998. – 268 с.
323. Славянское обозрение : сборник статей по славяноведению. Год. 2-й / под ред. С. М. Пальмова. – Санкт-Петербург : С.-Петербург. славян. благотвор. о-во, 1894. – VIII, 506 с.
324. Славяноведение в дореволюционной России : биобиблиографический словарь / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: В. А. Дьяков (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1979. – 426 с.
325. Славяноведение в дореволюционной России : изучение южных и западных славян / [В. А. Дьяков, С. Б. Бернштейн, В. П. Гудков и др.] ; отв. ред.: Д. Ф. Марков, В. А. Дьяков ; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – Москва : Наука, 1988. – 414 с.

326. Словарь биографический морской / Рос. гос. воен. ист.-культурный центр при Правительстве Рос. Федерации ; авт.-сост. В. Д. Доценко. – Санкт-Петербург : Logos, 2000. – 455 с.
327. Смирнов, А. Ф. Революционные связи народов России и Польши, 30–60-е годы XIX в. / А. Ф. Смирнов. – Москва : Соцэкгиз, 1962. – 427 с.
328. Соловьев, К. А. Русины Австро-Венгрии и российское общество: дискуссия о путях формирования политической нации в «Карпатской Руси» в российской прессе второй половины XIX – начала XX в. / К. А. Соловьев // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2015. – № 11. – С. 82–96.
329. Соловьев, К. А. Хомяков Николай Алексеевич / К. А. Соловьев // На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности : исследования и публикации / Рос. акад. наук, С.-Петерб. ин-т истории ; отв. ред. Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. – Санкт-Петербург : Лики России, 2014. – Т. 2. – С. 514–515.
330. Соловьев, С. М. Россия, Австрия и Англия во время движений 1848 и 1849 годов / С. М. Соловьев // Русская старина. – 1877. – Т. 20. – Ноябрь. – С. 407–426.
331. Сорвина, Г. Н. Социальный идеал и логика развития рынка: анализ творческого наследия М. И. Туган-Барановского / Г. Н. Сорвина // Вестник Российской академии наук. – 1992. – № 11. – С. 109–125.
332. Сталин, И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» / И. Сталин // Большевик. – 1941. – № 9. – С. 1–5.
333. Сталин, И. В. Об основах ленинизма // Вопросы ленинизма / И. Сталин. – Изд. 11-е. – Москва : Госполитиздат, 1939. – С. 1–77.
334. Станчич, Н. Хорватская нация и национализм на рубеже XIX – XX вв. / Н. Стан // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI – XX вв.) / Рос. гос. гуманитарный ун-т [и др.] ; отв. ред. С. А. Романенко [и др.]. – Санкт-Петербург : Алетей, 2011. – С. 209–233.
335. Степпун, Ф. Немецкий романтизм и русское славянофильство / Ф. Степпун // Русская мысль. – 1910. – № 3. – С. 65–91.
336. 100-летие освобождения Болгарии от османского ига, 1878–1978 : сборник статей / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: В. Н. Виноградов [и др.]. – Москва : Наука, 1978. – 287 с.
337. Струнина, Н. Г. К вопросу о влиянии России на систему образования в Черногории в конце XIX – начале XX вв. / Н. Г. Струнина // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С. А. Никитина : сборник статей / Федер. гос. бюджетное учреждение науки «Ин-т славяноведения Рос. акад. наук» ; редкол.: И. В. Чуркина (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Тезаурус, 2013. – С. 652–660.
338. Субботин, Ю. Ф. Внешняя торговля России конца XIX – начала XX в. Итоги и задачи исследования : (советская историография) / Ю. Ф. Субботин // Внешняя политика России : (историография) : сборник статей / АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР ; отв. ред. С. Л. Тихвинский. – Москва: Наука, 1988. – С. 103–126.
339. Сухомлинова, Г. Ф. [Рецензия] / Г. Ф. Сухомлинова // Вопросы истории. – 1957. – № 4. – С. 177–178. – Рец. на кн.: Rakouský militarismus a boj proti němu v Čechách / Jan Beránek. Praha : Naše vojsko, 1955. 214 s.

340. Сухотин, Н. Н. Наполеон : Австро-французская война 1809 г. : лекции по истории военного искусства, читанные в Николаевской академии Генерального штаба / Н. Н. Сухотин. – Санкт-Петербург : Воен. тип., 1885. – VII, 222 с.
341. Татищев, С. С. Внешняя политика императора Николая Первого : введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны / [соч.] С. С. Татищева. – Санкт-Петербург : тип. И. Н. Скороходова, 1887. – XVIII, 639 с.
342. Татищев, С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование / [соч.] С. С. Татищева. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : А. С. Суворин, 1911. – 2 т.
343. Татищев, С. С. Император Николай и иностранные дворы : исторические очерки / [соч.] С. С. Татищева. – Санкт-Петербург : тип. И. Н. Скороходова, 1889. – XXVI, 459 с.
344. Татищев, С. С. Император Николай I и австрийский двор / С. Татищев // Исторический вестник. – 1887. – Т. 27. – Январь. – С. 82–109 ; Февраль. – С. 364–401.
345. Тарле, Е. В. Крымская война / Е. В. Тарле ; АН СССР. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. – 2 т.
346. Таубе, М. А. Восточный вопрос и австро-русская политика в первой половине XIX столетия / бар. М. А. Таубе. – Петроград : тип. Гл. упр. уделов, 1916. – 38 с.
347. Тесля, А. А. Первый русский национализм... и другие / Андрей Тесля. – Москва : Европа, 2014. – 278 с.
348. Тимощук В. Александр I и польский вопрос на Венском конгрессе : (по документам венской тайной полиции) // Русская старина. – 1914. – Т. 157. – Февраль. – С. 386–395.
349. Тимощук В. Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов венской тайной полиции / В. Тимощук // Русская старина. – 1914. – Т. 157. – Январь. – С. 135–145.
350. Тимощук В. Тайная полиция на Венском конгрессе // Русская старина. – 1913. – Т. 156. – Декабрь. – С. 558–574.
351. Трачевский, А. С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780–1790 гг. : историческое исследование Александра Трачевского. – Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1877. – IV, 528 с.
352. Тригуб, П. В. Философские идеи русского радикализма: прошлое и настоящее / П. В. Тригуб, А. И. Федорищенко // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки прошлого, угрозы будущего : материалы X научно-практической конференции (16–17 апреля 2020 г.) : в 2 частях / Ин-т мировых цивилизаций. – Москва : Изд. дом ИМЦ, 2020. – Ч. 2. – С. 377–381.
353. Труды Института славяноведения, 1997–2007 гг. : библиографический указатель / отв. ред. К. В. Никифоров. – Москва : ИСБ РАН, 2007. – 60 с.
354. Туган-Барановский, М. И. Периодические промышленные кризисы : История английских кризисов. Общая теория кризисов / М. И. Туган-Барановский. – 3-е изд., соверш. перераб. – Санкт-Петербург : т-во О. Н. Поповой, 1914. – XII, 466 с.
355. Туманова, А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века / А. С. Туманова. – Москва : Новый хронограф, 2008. – 326 с. – (Российское общество. Современные исследования).
356. Туполев, Б. М. Австро-Венгрия в планах пангерманцев в конце XIX – начале XX в. / Б. М. Туполев // Славяно-германские отношения / АН СССР, Ин-т славяноведения ; редкол.: В. Д. Королюк (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1964. – С. 95–134.

357. Турок, В. М. Кризис революционного режима Габсбургов (январь – март 1918 г.) / В. М. Турок // Ученые записки Института славяноведения / отв. ред. П. Н. Третьяков. – Москва : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 7. – С. 325–347.
358. Турок, В. М. Некоторые проблемы истории Австро-Венгрии / В. М. Турок // Советское славяноведение. – 1965. – № 4. – С. 17–27.
359. Турок, В. М. Очерки истории Австрии, 1929–1938 / В. М. Турок ; АН СССР, Ин-т истории, Ин-т славяноведения. – Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – 551 с.
360. Турок, В. М. Подъем австрийского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Январская забастовка 1918 г. / В. М. Турок // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. – 1952. – № 3. – С. 280–290.
361. Удальцов, И. И. Из истории Пражского восстания 1848 г. / И. И. Удальцов // Вопросы истории. – 1948. – № 12. – С. 97–114.
362. Удальцов, И. И. К характеристике политической деятельности Франтишка Палацкого / И. И. Удальцов // Вопросы истории. – 1950. – № 10. – С. 72–85.
363. Удальцов, И. И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году / АН СССР, Ин-т славяноведения. – Москва : Изд-во АН СССР, 1951. – 252 с.
364. Удальцов, И. И. [Рецензия] // Вопросы истории. – 1948. – № 7. – С. 123–127. – Рец. на кн.: 1848 год в Чехии ; Начало чешского рабочего движения : пер. с чеш. / Арношт Клима. Москва : Изд-во иностр. лит., 1949. 237 с.
365. Улуныян, А. А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия : (очерки) / А. А. Улуныян. – Москва : Наука, 1978. – 214 с.
366. Улуныян, А. А. Балказия и Россия : структура угроз национальной безопасности Российской империи на Балканах, в Центральной и Передней Азии в представлениях военной и гражданской бюрократии (1900–1914 гг.) / Ар. А. Улуныян. – Москва : [б. и.], 2002. – 321 с.
367. Фабрично-заводская промышленность и торговля России : Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. – Санкт-Петербург : Деп. торг. и мануфактур М-ва фин., 1893. – 60, 334, 351 с.
368. Фадеев, Р. А. Мнение о восточном вопросе по поводу последних рецензий на «Вооруженные силы России» / [соч.] Р. Фадеева. – Санкт-Петербург : тип. Деп. уделов, 1870. – 98 с.
369. Файхтингер, Й. По ту сторону методического национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе / Й. Файхтингер // Вопросы философии. – 2007. – № 9. – С. 32–38.
370. Фирсов, Е. Ф. Т. Г. Масарик в предвоенной России и развитие чешско-русских связей / Е. Ф. Фирсов // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне : материалы IV Международной научно-практической конференции (27–28 ноября 2014 года, г. Москва) / под общ. ред. Степанова С. С., Шкундина Г. Д. – Москва : МНЭПУ, 2015. – С. 532–540.
371. Фирсов, Е. Ф. Чешский народ на пути к независимости: увековечение памяти Яна Гуса в Праге в 1915 г. / Е. Ф. Фирсов // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: материалы V Международной научно-практической конференции (26–28 ноября 2015 года, г. Москва) / под общ. ред. Степанова С. С., Шкундина Г. Д. – Москва : МНЭПУ,

2016. – С. 601–606.
372. Флоринский, М. Ф. Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907–1914 гг. / М. Ф. Флоринский // Вестник Ленинградского университета. Серия: Философия, экономика, право. – 1978. – № 2. – С. 35–39.
373. Фоминых, С. Ф. Статус славянских языков в университетах Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX в. : (на материалах журнала «Славянский век») / С. Ф. Фоминых, А. О. Степнов // РУСИН. – 2016. – № 4 (46). – С. 141–151.
374. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики, Науч. совет по комплекс. проблеме славяноведения и балканистики ; редкол.: Злыднев В. И. (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1977. – 329 с. – (Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры).
375. Фрейдзон, В. И. Не увлекаться крайностями / В. И. Фрейдзон // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика : посвящается 1000-летию Австрии и 1100-летию Венгрии / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Центр по изучению Австрии и Венгрии, Гос. ин-т искусствознания ; редкол. : О. В. Хаванова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : ИСБ РАН, 1997. – С. 9–13.
376. Фрейдзон, В. И. Идеологические основы национальных движений / В. И. Фрейдзон, Т. М. Исламов // Освободительные движения народов Австрийской империи : период утверждения капитализма / В. С. Бондарчук, К. П. Гогина, Т. М. Исламов [и др.] ; редкол.: В. И. Фрейдзон (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1981. – С. 217–277.
377. Фролов, А. И. Московские музеи / А. И. Фролов. – Москва : Муравей, 1999. – 375 с. – (О Москве и москвичах).
378. Фурсов, А. И. Чехословакия – 68 и вокруг. Размышления историка 40 лет спустя... / Андрей Фурсов // Политический класс. – 2008. – Т. 8 (44). – С. 31–47.
379. Фурсова, Е. Б. И. С. Аксаков апология народности и самодержавия / Фурсова Е. Б. ; Каф. истории соц.-полит. учений, Филос. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва : Соц.-полит. мысль, 2006. – 243 с.
380. Фюринберг, Ф. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Австрию : [пер. с нем.] / Фридль Фюринберг. – Москва : Госполитиздат, 1957. – 23 с. – (Октябрьская революция в России и мировое освободительное движение).
381. Хаванова, О. В. Венгрия в «большом пестром саду» Франца Иосифа: политическая реальность и исторический миф / О. В. Хаванова // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2017. – № 12. – С. 274–281.
382. Хаванова, О. В. Усердие, честолюбие и карьера. Чиновничество в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма / О. В. Хаванова ; Ин-т славяноведения РАН. – Москва : Индрик, 2018. – 359 с.
383. Ханак, П. Национальная компенсация за отсталость / Петер Ханак // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства : сборник статей / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред.: Т. М. Исламов, А. И. Миллер. – Москва : ИСБ РАН, 1995. – С. 48–62.

384. Ханак, П. Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция 1848–1849 гг. / Петер Ханак. – Budapestini : [б. и.], 1953. – 80 с. – (Studia historica Acad. scientiarum hungaricae ; 5).
385. Хвостов, В. М. Восточный кризис (1875–1877 гг.) / В. М. Хвостов // История дипломатии / под ред. В. П. Потемкина. – Москва : Соцэкгиз, 1945. – Т. 2. – С. 22–39.
386. Хвостов, В. М. Проблемы захвата Босфора в 90-х гг. XIX в. / В. Хвостов // Историк-марксист. – 1930. – Т. 20. – С. 100–129.
387. Хевролина, В. М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. / В. М. Хевролина. – Мрсква : Ин-т рос. истории РАН, 1999. – 315 с.
388. Хевролина, В. М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях, конец 60-х – начало 80-х годов XIX в. / В. М. Хевролина ; отв. ред. А. Л. Нарочницкий ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва : Наука, 1986. – 246 с.
389. Хитрова, Н. И. Россия и Черногория : русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 гг. / Н. И. Хитрова ; отв. ред.: А. Л. Нарочницкий, А. В. Игнатъев. – Москва : ИРИ РАН, 1993. – 2 вып.
390. Хлебников, В. Б. Конфессиональная политика черногорских властей в конце XIX – начале XX вв. / В. Б. Хлебников // Человек на Балканах : социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах : (середина XIX – середина XX в.) : [сборник статей] / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; отв. ред. Р. П. Гришина. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – С. 264–269.
391. Хренов, И. А. Влияние русской революции 1905–1907 гг. на славянские страны / И. А. Хренов // Краткие сообщения Института славяноведения / редкол.: И. А. Хренов (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – № 20. – С. 3–12.
392. Художественная культура Австро-Венгрии (1867–1918) : искусство многонациональной империи / М-во культуры и массовых коммуникаций Рос. Федерации, Гос. ин-т искусствознания ; отв. ред. Н. М. Вагапова, Е. К. Виноградова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 284 с.
393. Художественные центры Австро-Венгрии, 1867–1918 / Гос. ин-т искусствознания ; редкол.: Н. М. Вагапова [и др.]. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2009. – 543 с.
394. Цимбаев, Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н. И. Цимбаев. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 262 с.
395. Цимбаев, Н. И. Славянофильство : из истории русской общественно-политической мысли XIX в. / Н. И. Цимбаев. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 269 с.
396. Чаки, М. Идеология оперетты и венский модерн : культурно-исторический очерк / Мориц Чаки ; пер. с нем. В. Ерохина. – Санкт-Петербург : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2001. – 346 с.
397. Чернов, М. С. Индустриализация Австрии во второй половине XIX – начале XX вв.: особенности и основные направления : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Чернов Михаил Сергеевич. – Ставрополь, 2015. – 29 с.
398. Чернов, С. Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса, 1875–1878 гг. / С. Л. Чернов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 144 с.

399. Чубарьян, А. О. Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании / А. О. Чубарьян // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86. – № 5. – С. 387–391.
400. Чубарьян, А. О. Роль гуманитарного знания в современном обществе / А. О. Чубарьян // Роль гуманитарных наук в современном обществе: состояние и перспективы : сборник статей / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Рос. гос. гуманитарный ун-т» ; отв. ред.: Е. И. Пивовар [и др.]. – Москва : РГГУ, 2015. – С. 38–42.
401. Чуркина, И. В. Идея славянской взаимности в словенском национальном самосознании / И. В. Чуркина // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики, Науч. совет по комплекс. проблеме славяноведения и балканистики ; редкол.: Злыднев В. И. (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1977. – С. 37–50.
402. Чуркина, И. В. Изучение русского языка словенцами в 1860–1870-е годы / И. В. Чуркина // Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте : тезисы международной научной конференции, 28–29 ноября 2016 года / Моск. гос. ун-и им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. ; редкол.: М. Л. Ремнёва [и др.]. – Москва : Макс пресс, 2016. – С. 114–116.
403. Чуркина, И. В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославы : светлой памяти первых исследователей материалов архива М. Ф. Раевского, членов международной редколлегии публикации «Зарубежные славяне и Россия» (М., 1975) С. А. Никитина, В. Ю. Матулы, Н. Петровича, Й. Кочи, В. Г. Карасева посвящается / И. В. Чуркина. – Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2011. – 200 с.
404. Чуркина, И. В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне : очерки истории / И. В. Чуркина ; Ин-т славяноведения РАН. – Москва : Индрик, 2020. – 365 с.
405. Чуркина, И. В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. / И. В. Чуркина ; Федер. гос. бюджетное учреждение наук «Ин-т славяноведения РАН». – Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2017. – 574 с.
406. Шевцова, Г. И. Роль благотворительных организаций в решении внешнеполитических задач российского государства: история и современность : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Шевцова Галина Игоревна. – Москва, 2006. – 166 с.
407. Шелохаев, В. В. Либеральная модель переустройства России / В. В. Шелохаев ; Рос. независимый ин-т соц. и нац. проблем, Центр полит. и экон. истории России. – Москва : РОССПЭН, 1996. – 277 с.
408. Шелохаев, В. В. Политические партии России начала XX в. в свете новых источников / В. В. Шелохаев // Европейский альманах, 2003 : история, традиции, культура / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. А. О. Чубарьян. – Москва : Наука, 2004. – С. 33–42.
409. Шемякин, А. Л. Идеология Николы Пашича : формирование и эволюция (1868–1891) / А. Л. Шемякин ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – Москва : Индрик, 1998. – 444 с.
410. Шемякин, А. Л. По стопам С. А. Никитина («славянская Москва» и Сербия в 1878–1917 гг.) / А. Л. Шемякин // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С. А. Никитина : сборник статей / Федер. гос. бюджетное учреждение науки «Ин-т славяноведения Рос.

- акад. наук» ; редкол.: И. В. Чуркина (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Тезаурус, 2013. – С. 589–606.
411. Шендриков, Е. А. Военно-государственная деятельность генерала А. С. Лукомского (1885–1917 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Шендриков Евгений Александрович. – Воронеж, 2003. – 24 с.
 412. Шеремет, В. И. Босфор : Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны : по материалам русской военной разведки / В. Шеремет. – Москва : Технол. шк. бизнеса, 1995. – 285 с. – (Социокультурные метаморфозы).
 413. Шляпников, А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3 т. Т. 2 / А. Г. Шляпников. – Москва : Политиздат, 1992. – 495 с.
 414. Шнеерсон, Л. М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав : (из истории «германского вопроса») / Л. М. Шнеерсон. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 350 с.
 415. Шорске, К. Э. Вена на рубеже веков : политика и культура / Карл Эмиль Шорске ; пер. с англ. под ред. М. Рейзина. – Санкт-Петербург : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2001. – 509 с. – (Австрийская библиотека).
 416. Энгельс Ф. Начало конца Австрии // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – Москва : Политиздат, 1955. – Т. 4. – С. 471–478.
 417. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Избранные произведения : в 3 т. / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Москва : Политиздат, 1983. – Т. 1. – С. 355–362.
 418. Митровић, А. Продор на Балкан : Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке, 1908–1918 / Андреј Митровић. – Београд : Завод за уџбенике, 2011. – 707 с.
 419. Поповић, Н. Односи Србије и Русије у Првом светском рату / Никола Поповић. – Београд : Ин-т за савремену историју, 1977. – 510 с.
 420. Станковић, Ђ. Србија, 1914–1918 : ратни циљеви / Ђорђе Станковић. – Нови Сад : Прометеј ; Београд : Радио-телевизија Србије, 2014. – 484 с.
 421. Adler, E. Constructivism and international relations / E. Adler // Handbook of international relations / ed. by Walter Carlsnaes, Thomas Risse and Beth A. Simmons. – London : Sage, 2002. – P. 95–118.
 422. Albers, D. Reichstag und Aussenpolitik von 1871–1879 / von Detlef Albers. – Berlin : Ebering, 1927. – 151 S.
 423. An meine Völker : die Literarisierung Franz Joseph I. / Leopold R. G. Decloedt (Hg.). – Bern : Lang, 1998. – 300 S.
 424. Anderson, O. A liberal state at war : English politics and economics during the Crimean war / O. Anderson. – London : Macmillan ; New York : St. Martin's Press, 1967. – 306 p.
 425. Assmann, J. Das Kulturelle Gedächtnis : Schrift, Erinnerungen und politische Identität in frühen Hochkulturen / Jan Assmann. – München : Beck, 1992. – 344 S.
 426. Aus dem Nachlass Aehrenthal : Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen- und Außenpolitik, 1885–1912 / hrsg. und eingel. von Solomon Wank unter Mitarb. von Christine M. Grafinger und Franz Adlgasser. – Graz : Neugebauer, 1994. – 2 Teile. – (Quellen zur Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts ; Bd. 6).
 427. Austrian history yearbook. Vol. 3. The nationality problem in the Habsburg monarchy in the nineteenth century: a critical appraisal. – Houston : Rice University, 1967. – 3 pts.
 428. Bachmann, K. “Ein Herd der Feindschaft gegen Rußland” : Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Rußland (1907–1914) / Klaus Bachmann. – Wien :

- Verlag für Geschichte und Politik, 2001. – 292 S. – (Schriftenreihe des Österreichischen Ost- und Südosteuropa-Instituts ; 25).
429. Ballhatchet, K. Race, sex, and class under the Raj: imperial attitudes and policies and their critics, 1793–1905 / Kenneth Ballhatchet. – London : Weidenfeld and Nicolson, 1980. – VIII, 199 p.
430. Barker, E. National character and the factors in its formation / Ernest Baker. – 4th rev. ed. – London : Methuen, 1948. – 268 p.
431. Barock – ein Ort des Gedächtnisses : Interpretament der Moderne/Postmoderne / Hg. Moritz Csáky [et al.]. – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 2007. – 314 S.
432. Bayly, C. A. The birth of the modern world, 1780–1914 : global connections and comparison / C. A. Bayly. – Malden, Ma. ; Oxford : Blackwell, 2004. – XXIV, 540 p.
433. Bělič, J. Karel Havlíček Borovský a Slovanstvo / Jaromir Bělič. – Praha : Stejskal, 1947. – 260 s. – (Vědecké monografie o mezislovanských vztazích ; 2).
434. Beneš, E. Úvahy o slovanství. Hlavní problémy slovanské politiky / Edvard Beneš. – Praha : Čin, 1947. – 366 s.
435. Bidlo, J. Dějiny slovanstva / Jaroslav Bidlo. – Praha : Vesmír, 1927. – 291 s. – (Slované ; 1).
436. Bittner, K. Herders Geschichtsphilosophie und die Slawen / Konrad Bittner. – Reichenberg : Stiepel, 1929. – 150 S.
437. Bled, J.-P. Franz Joseph : der letzte Monarch der alten Schule / Jean-Paul Bled. – Wien ; Köln ; Graz : Böhlau, 1988. – 617 S.
438. Blöchl, A. Die Kaisergedenkstage : die Feste und Feiern zu den Regierungsjubiläen und runden Geburtstagen Kaiser Franz Josephs / Andrea Blöchl // Der Kampf um das Gedächtnis : öffentliche Gedenktage in Mitteleuropa / Emil Brix, Hannes Stekl (Hg.). – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 1997. – S. 117–144.
439. Boháč, A. Hlavní město Praha : studie o obyvatelstvu / napsal Antonín Boháč. – Praha : Státní úřad statistický, 1923. – 156, 99 s. – (Knihovna Statistického věstníku ; sv. 3).
440. Boháč, A. Obrisy slovanstva : sborník přednášek Slovanského ústavu v Praze / Antonín Boháč. – Praha : Orbis, 1948. – 229 s. – (Slovanský svět myšlenky a skutečnosti. Větší řada).
441. Boyer, J. W. Political radicalism in late imperial Vienna : origins of the christian social movement, 1848–1897 / John W. Boyer. – Chicago : University of Chicago Press, 1981. – XVI, 577 p.
442. Bradley, J. F. N. Czech nationalism in the light of French diplomatic reports, 1867–1914 / J. F. N. Bradley // The Slavonic and East European Review. – London, 1963. – Vol. 42, № 98. – P. 38–53.
443. Bradley, J. F. N. Czech Pan-Slavism before the First World War / J. F. N. Bradley // The Slavonic and East European Review. – London, 1961. – Vol. 40, № 94. – P. 184–205.
444. Bridge, F. R. Izvolsky, Aehrenthal, and the End of the Austro-Russian Entente, 1906–8 / by Francis Roy Bridge // Mitteilugendes des Österreichischen Staatsarchivs. – Wien, 1976. – № 29. – S. 315–362.
445. Bridge, F. R. Österreich(-Ungarn) unter den Großmächten / Francis Roy Bridge // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1989. – Bd. 6 : Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen, Teilbd. 1 / hrsg. von Adam Wandruszka und Helmut Rumpler. – S. 196–373.

446. Brunner, O. Das Haus Österreich und die Donaumonarchie / Otto Brunner // Südost-Forschungen : internationale Zeitschrift für Geschichte, Kultur und Landeskunde Südosteuropas. – München, 1955. – № 14. – S. 122–144.
447. Canis, K. Die bedrängte Großmacht : Österreich-Ungarn und das europäische Mächtesystem, 1866/67–1914 / Konrad Canis. – Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2016. – 567 S.
448. Čarek, J. Z dějin staroměstských domů / Jiří Čarek // Pražský sborník historický. – 1980. – № 12. – S. 5–67.
449. Cecil, G. The life of Robert Marquis of Salisbury. Vol. 2 : 1868–1880 / by his daughter Gwendolen Cecil. – London : Hodder & Stoughton, 1921. – VI, 390 p.
450. Cetnarowicz, A. Die polnisch-slowenischen Beziehungen aus der Sicht der slawischen Idee / Antoni Cetnarowicz // Die slavische Idee : Beiträge am Matija Majar-Ziljski-Symposium vom 6. bis 10. Juli 1992 in Tratten/Pošišče, Kärnten / hrsg. von A. Moritsch. – Bratislava : Slovak Academic Press, 1993. – S. 55–71.
451. Černý, A. Masaryk a slovanstvo / Adolf Černý. – Praha : Nákl. Času, 1921. – 95 p. – (Knihonička Času. Nové řada ; 7).
452. Československá slavistika v letech 1918–1939 / red. František Hejl ; úvod M. Kudělka. – Prague : Academia, 1977. – 469 s.
453. Cesty na východ : Češi v korespondenci M. F. Rajevského / Vratislav Doubek (ed.). – Praha : Masarykův archiv – Archiv AV ČR, 2006. – 378 s.
454. Checkel, J. T. Norms, institutions, and national identity in contemporary Europe / Jeffrey T. Checkel // International studies quarterly. – Oxford, 1999. – Vol. 43, № 1. – P. 83–114.
455. Chronik des 19. Jahrhunderts / Imanuel Geiss (Hg.). – Gütersloh : Chronik, 1997. – 912 S.
456. Clark, C. The Sleepwalkers : how Europe went to war in 1914 / Christopher Clark. – London : Allen Lane ; New York : Penguin Books, 2012. – XXIX, 697 p.
457. **Clark, V. S. History of manufactures in the United States. Vol. 2 / Victor S. Clark ; with an introd. note by Henry W. Farnam. – New York : McGraw-Hill, 1929. – VIII, 566 p. – (Library of American civilization).**
458. Clementis, V. Slovanstvo kedysi a teraz / Vladimír Clementis. – Praha : Orbis, 1946. – 141 s.
459. Commemorations : the politics of national identity / ed. by John R. Gillis. – Princeton : Princeton University Press, 1994. – XII, 290 p.
460. Csáky, M. Das Gedächtnis der Städte : kulturelle Verflechtungen – Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa / Moritz Csáky. – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 2010. – 417 S.
461. Csáky, M. Die Moderne in Wien und in Zentraleuropa = Модерн в Вене и Центральной Европе / Mjritz Csáky // Модерн. Модернизм. Модернизация : по материалам конференции «Эпоха «модерн». Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX – XX веков. Россия, Австрия, Германия, Швейцария» / Рос. гос. гуманитарный ун-т ; редкол.: Н. С. Павлова (отв. ред.), О. В. Павленко отв. ред.) [и др.]. – Москва : РГГУ, 2004. – С. 21–46.
462. Czap, P. Pan-Slavism // Encyclopedia Americana. – Danbury : Grolier, 1993. – Vol. 21.
463. Das Gewebe der Kultur : kulturwissenschaftliche Analysen zur Geschichte und Identität Österreichs in der Moderne / hrsg. von Johannes Feichtinger und Peter Stachel. – Innsbruck ; Wien ; München : Studien-Verlag, 2001. – 347 S.
464. Das Zeitalter Kaiser Franz Josephs : Niederösterreichische Landesausstellung, Schloß Grafenegg. T. 2. 1880–1916 – Glanz und Elend, Bd. 1. Beiträge : Schloß Grafenegg, 9. Mai –

26. Oktober 1987 / hrsg. von Harry Kühnel. – Wien : Amt der Niederösterreichischen Landesregierung, Abt. III/2, Kulturabteilung, 1987. – 343 S.
465. Decloedt, L. R. G. *Imago Imperatoris : Franz Joseph I. in der österreichischen Belletristik der Zwischenkriegszeit* / Leopold R. G. Decloedt. – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 1995. – 260 S.
466. *Der österreichisch-ungarische Ausgleich von 1867 : Vorgeschichte und Wirkungen* / hrsg. vom Forschungsinstitut für den Donauraum, Wien ; Gesamted.: Peter Berger. – Wien ; München : Herold, 1967. – 232 S.
467. *Der Prager Slavenkongress 1848 : Vorträge eines Internationalen Symposiums über den Prager Slavenkongress 1848, das vom 9. bis 12. Juli 1998 in Klagenfurt und Tratten stattfand* / Andreas Moritsch (Hg.) ; Lektorat von Harald Krahwinkler und Gregor Razumovsky. – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 2000. – IX, 187 S.
468. *Der "Zweibund" 1879 : das deutsch-österreichisch-ungarische Bündnis und die europäische Diplomatie : Historikergespräch Österreich – Bundesrepublik Deutschland, 1994* / hrsg. von Helmut Rumpler. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996. – XI, 452 S. – (Zentraleuropa-Studien ; 2).
469. Deutsch, K. W. *Nationalism and social communication : an inquiry into the foundations of nationality* / Karl W. Deutsch. – Cambridge, Mass. : Massachusetts Institute of Technology, 1953. – X, 292 p.
470. *Deutscher Bund und deutsche Frage, 1815–1866 : europäische Ordnung, deutsche Politik und gesellschaftlicher Wandel im Zeitalter der bürgerlich-nationalen Emanzipation* / hrsg. von Helmut Rumpler. – Wien : Verlag für Geschichte und Politik ; München : Oldenbourg, 1990. – 316 S.
471. *Deutschland und Österreich : ein bilaterales Geschichtsbuch* / hrsg. von Robert A. Kann und Friedrich E. Prinz. – Wien ; München : Jugend & Volk, 1980. – 596 S.
472. *Deutschland und Rußland im Zeitalter des Kapitalismus, 1861–1914* : 1. Deutsch-Sowjetisches Historikertreffen in der Bundesrepublik Deutschland, Mainz, 14.–21. Oktober 1973 / hrsg. von Karl Otmar Frhr. von Aretin und Werner Conze. – Wiesbaden : Steiner, 1977. – IX, 259 S.
473. *Dickinger, C. Habsburgs schwarze Schafe : über Wüstlinge, Schwachköpfe, Rebellen und andere Prinzen* / Christian Dickinger. – Wien : Ueberreuter, 2000. – 223 S.
474. *Dickinger, C. Ha-Ha-Habsburg : eine wirklich wahre Familiengeschichte* / Christian Dickinger. – Wien : Ueberreuter, 2001. – 207 S.
475. *Die Auflösung des Habsburgerreiches : Zusammenbruch und Neuorientierung im Donauraum* / hrsg. von Richard Georg Plaschka und Karlheinz Mack. – München : Oldenbourg, 1970. – 556 S.
476. *Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Bd. 1. Vom Attentat in Sarajevo bis zum Eintreffen der serbischen Antwortnote in Berlin nebst einigen Dokumenten aus den vorhergehenden Wochen* / hrsg. im Auftrage des Auswärtigen Amtes ; nach gemeinsamer Durchsicht mit Karl Kautsky ; hrsg. von Max Montgelas und Walter Schücking. – 2 Aufl. – Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922. – XXXVI, 268 S.
477. *Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Bd. 1. Die wirtschaftliche Entwicklung* / hrsg. von Alois Brusatti. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. – XXII, 666 S.

478. Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Bd. 2. Verwaltung und Rechtswesen / hrsg. von Adam Wandruszka und Peter Urbanitsch. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. – XVIII, 791 S.
479. Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Bd. 3. Die Völker des Reiches / hrsg. von Adam Wandruszka und Helmut Rumpler. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. – 2 Teilbde.
480. Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Bd. 6. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen / hrsg. von Adam Wandruszka und Helmut Rumpler. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1989–1993. – Teilbd. 1. – 1989. – XVI, 819 S. ; Teilbd. 2. – 1993. – XIII, 686 S.
481. Die nationale Frage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1900–1918 : Konferenz über die historischen Probleme der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1900–1918, Budapest vom 4. – 9. Mai 1964 / red. von Péter Hanák. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1966. – 358 S.
482. Die slavische Idee : Beiträge am Matija Majar-Ziljski-Symposium vom 6. bis 10. Juli 1992 in Tratten/Pošišče, Kärnten / hrsg. von A. Moritsch. – Bratislava : Slovak Academic Press, 1993. – 149 S.
483. DiNardo, R. L. Russian military operations in 1877–78 / Richard L. DiNardo // *Insurrections, wars, and the Eastern crisis in the 1870s* / Béla K. Király and Gale Stokes, eds. – Boulder : Social Science Monographs, 1985. – P. 125–140.
484. Diószegi, I. Die Anfänge der Orientalpolitik Andrássys / István Diószegi // *Der Berliner Kongress von 1878 : die Politik der Grossmächte und die Probleme der Modernisierung in Südosteuropa in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts* / hrsg. von Ralph Melville und Hans-Jürgen Schröder. – Wiesbaden : Franz Steiner, 1982. – S. 245–258.
485. Doppelbauer, W. Zum Elend noch die Schande : das altösterreichische Offizierskorps am Beginn der Republik / Wolfgang Doppelbauer. – Wien : Österreichischer Bundesverlag, 1988. – 296 S.
486. Erbe, M. Die Habsburger, 1493–1918 : eine Dynastie im Reich und in Europa / Michael Erbe. – Stuttgart ; Berlin ; Köln : Kohlhammer, 2000. – 292 S.
487. Ergang, R. R. Herder and foundation of German nationalism / Robert Reinhold Ergang. – New York : Columbia University Press, 1931. – 288 p.
488. Fadner, F. Seventy years of Pan-Slavism in Russia: from Karamzin to Danilevsky, 1800–1870 / by Frank Fadner. – Washington : Georgetown University Press, 1962. – 429 p.
489. Fényes, A. Statistik des Königreichs Ungarn / Alexius von Fényes. – Pesth : Trattner-Károlyi, 1843–1844. – 2 Bde.
490. Fishel, A. Der Panslawismus bis zum Weltkrieg : ein geschichtlicher Überblick / von Alfred Fischel. – Stuttgart ; Berlin : Cotta, 1919. – V, 590 S.
491. Geiss, I. Der lange Weg in die Katastrophe : die Vorgeschichte des Ersten Weltkrieges, 1815–1914 / Imanuel Geiss. – 2. Aufl. – München ; Zürich : Piper, 1991. – 367 S. – (Piper ; 943).
492. Gentile, E. Politics as religion / Emilio Gentile ; transl. by George Staunton. – Princeton : Princeton University Press, 2006. – XXIII, 168 p.
493. Gerő, A. Emperor Francis Joseph, King of the Hungarians / András Gerő ; transl. from the Hungarian by James Patterson and Enikő Koncz. – Boulder : Social Science Monographs ; Wayne : Center for Hungarian Studies and Publications, 2001. – IX, 250 p. – (East European monographs ; № 566).

494. Giloi, E. *Monarchy, myth, and material culture in Germany, 1750–1950* / Eva Giloi. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2011. – X, 422 p. – (New studies in European history).
495. Gottsmann, A. “Stockböhmern“ oder “Russenknechte“? Das Bild der Tschechen im Spiegel der deutschsprachigen österreichischen Presse in den Jahren 1848 / Andreas Gottsmann // Österreichische Osthefte : Zeitschrift für Mittel-, Ost- und Südosteuropaforschung. – Wien, 1992. – Bd. 34, № 2. – S. 283–311.
496. *GrenzenLos : Österreich, Slowenien und Ungarn, 1914-2004 : Beitragsband zur Ausstellung im Gerberhaus Fehring* / hrsg. von Wolfram Dornik [et al.]. – Graz ; Fehring : Stadtgemeinde Fehring, 2007. – 284 S.
497. Groh, D. *Russland im Blick Europas : 300 Jahre historische Perspektiven* / Dieter Groh. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1988. – 439 S.
498. Grossegger, E. *Der Kaiser-Huldigungs-Festzug Wien 1908* / Elisabeth Grossegger ; mit einem Vorwort von Margret Dietrich. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1992. – 368 S. – (Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse ; 585).
499. Hamann, B. *Elisabeth : Kaiserin wider Willen* / Brigitte Hamann. – Wien : Amalthea, 1982. – 659 S.
500. Hamann, B. *Kronprinz Rudolf : ein Leben* / Brigitte Hamann. – Rev. und modernisierte Fassung. – Wien : Amalthea, 2005. – 543 S.
501. Hanák, P. *Gab es mitteleuropäische Identität in der Geschichte?* / Péter Hanák // Europäische Rundschau : Vierteljahrszeitschrift für Politik, Wirtschaft und Zeitgeschichte. – Wien, 1986. – № 2. – S. 115–123.
502. Hanák, P. *Probleme der Krise des Dualismus am Ende des XIX. Jahrhunderts* / P. Hanák // *Studien zur Geschichte des österreichisch-ungarischen Monarchie* / red. von V. Sándor, P. Hanák. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1961. – S. 337–387.
503. Hanák, P. *The first attempt at the Austro-Hungarian compromise 1860* / Péter Hanák // *Études historiques hongroises, 1975 : publiées à l'occasion du XIVe Congrès international des sciences historiques par la Commission nationale des historiens hongrois* / comité de réd.: D. Nemes [et al.]. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1975. – Vol. 1. – P. 567–600.
504. Hanák, P. *Ungarn in der Donaumonarchie : Probleme der bürgerlichen Umgestaltung eines Vielvölkerstaates* / Péter Hanák. – Wien : Verlag für Geschichte und Politik ; München : Oldenbourg ; Budapest : Akadémiai Kiadó, 1984. – 468 S. – (Schriftenreihe des Österreichischen Ost- und Südosteuropa-Instituts ; Bd. 10).
505. Hanisch, E. *Der lange Schatten des Staates : Österreichische Gesellschaftlichegeschichte im 20. Jahrhundert* / Ernst Hanisch. – Wien : Ueberreuter, 1994. – 599 S. – (Österreichische Geschichte. 1890–1990).
506. Hantsch, H. *Das Forschungsprojekt zu einer Gesamtdarstellung der Geschichte und Kultur der Österreichisch-Ungarischen Monarchie* / Hugo Hantsch // *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse.* – Wien, 1960. – № 13. – S. 65–74.
507. Hantsch, H. *Die Geschichte Österreichs* / Hugo Hantsch. – Graz ; Wien : Styria, 1950. – 2 Bde.
508. Havránek, J. *Česká politika, konzervativní aristokraté a uspořádání poměrů v habsburské říši v letech 1860–1867* / Jan Havránek // *Sborník historický.* – Praha, 1970. – Roč. 17. – S. 67–95.

509. Heindl-Langer, W. Graf Buol-Schauenstein in St. Petersburg und London (1848–1852) : zur Genesis des Antagonismus zwischen Österreich und Russland / von Waltraud Heindl. – Wien ; Köln ; Graz : Böhlau, 1970. – 155 S. – (Studien zur Geschichte der österreichisch-ungarischen Monarchie ; 9).
510. Heinz, O. Der Neoslawismus : Dissertation / von Olga Heinz ; Wien Universität. – Wien, 1963. – 152 Bl.
511. Herman, K. Slovanská politika Karla Kramáře / Karel Herman, Zdeněk Sládek. – Praha : Academia, 1971. – 91 s. – (Rozpravy Československé akademie věd. Řada společenských věd ; roč. 81/1971, seš. 2).
512. Hobsbawm, E. J. Nations and nationalism since 1780 : programme, myth, reality / E. J. Hobsbawm. – 2nd ed. – Cambridge ; New York : Cambridge university press, 1992. – VIII, 206 p.
513. Hoch, K. Dějiny novinářství od roku 1860 do doby současné / Karel Hoch // Československá vlastivěda / pod prot. Masarykovy Akademie Práce. – Praha : Sfinx, 1933. – D. 7 : Písemnictví. – S. 437–514.
514. Horváth, R. A nemzetiségi és a nemzeti Kisebbségi Statisztika Módszertana / Horváth Róbert // Statisztikai Szemle : a Kozponti Statisztikai Hivatal folyóirata. – Budapest, 1992. – № 7. – O. 590–600.
515. Hostička, V. Od všeslovanství k austroslavismu v českém prostředí / V. Hostička // Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / red. Vladislav Št'astný. – Praha : Melantrich, 1968. – S. 143–157.
516. Hostička, V. Vznik Českého Austroslavismu a jeho vztah k sourozeneckému slovanství / V. Hostička // Slovanský Přehled. – Praha, 1968. – Roč. 54, č. 3. – S. 225–232.
517. Hroch, M. Das Europa der Nationen : die moderne Nationsbildung im europäischen Vergleich / Miroslav Hroch ; aus dem Tschechischen von Eližka und Ralph Melville. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. – 279 S.
518. Hroch, M. Evropská národní hnutí v 19. století : společenské předpoklady vzniku novodobých národů / Miroslav Hroch. – Praha : Svoboda, 1986. – 397 s.
519. Hroch, M. Přeměny české společnosti a jejich vliv na národní obrození / M. Hroch // Struktura společnosti na území Československa a Polska v 19. století do roku 1918 / sest. a red. František Hejl [et al.]. – Praha : Ústav československých a světových dějin ČSAV, 1988. – S. 16–37.
520. Hroch, M. Social preconditions of national revival in Europe : a comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations / Miroslav Hroch ; transl. by Ben Fowkes. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1985. – XIII, 220 p.
521. Hughes, J. R. T. Fluctuations in trade, industry and finance : a study of British economic development, 1850–1860 / by J. R. T. Hughes. – Oxford : Clarendon Press, 1960. – XVI, 344 p.
522. Hunt, M. H. Die lange Krise der amerikanischen Diplomatiegeschichte und ihr Ende / Michael H. Hunt // Internationale Geschichte : Themen – Ergebnisse – Aussichten / Wilfried Loth, Jürgen Osterhammel (Hg.). – München : Oldenbourg, 2000. – S. 61–92.
523. Innere Staatsbildung und gesellschaftliche Modernisierung in Österreich und Deutschland, 1867/71 bis 1914 : Historikergespräch Österreich – Bundesrepublik Deutschland, 1989 / hrsg. von Helmut Rumpler. – Wien : Verlag für Geschichte und Politik ; München : Oldenbourg, 1991. – 288 S.

524. Islamov, T. Soviet historiography on the Habsburg Empire / Tofik Islamov, Alexey Miller, and Olga Pavlenko with Marina Glazkova and Sergei Romanenko // *Austrian history yearbook*. – Houston, 1995. – Vol. 26. – P. 165–188.
525. Islamov, T. The Balkan policy of the Habsburg monarchy and Austro-Russian relations / Tofik Islamov // *Insurrections, wars, and the Eastern crisis in the 1870s* / Béla K. Király and Gale Stokes, eds. – Boulder : Social Science Monographs, 1985. – P. 31–41.
526. Ivantyšinová, T. Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov (40.–60. roky XIX. storočia) / Tatiana Ivantyšinová. – Bratislava : Veda, 1987. – 276 s.
527. Ivantyšinová, T. Die slawische Idee bei den Slowaken in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts / Tatiana Ivantyšinová // *Die slavische Idee : Beiträge am Matija Majar-Ziljski-Symposium vom 6. bis 10. Juli 1992 in Tratten/Pošišče, Kärnten* / hrsg. von A. Moritsch. – Bratislava : Slovak Academic Press, 1993. – S. 24–37.
528. Ivantyšinová, T. Slovanský zjazd v Moskve 1867 v kontexte vz'uhov ruských slavianofilov k Čechom a Slovákom / Tatiana Ivantyšinová // *Slovanské štúdie*. – Bratislava, 1979. – T. 20. – S. 87–124.
529. Jelavich, B. Russia's Balkan entanglements, 1806–1914 / Barbara Jelavich. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1991. – XI, 291 p.
530. Jirásek, J. Rusko a my : studie vztahů československo-ruských od počátku 19. století do r. 1867. D. 1 / Josef Jirásek. – Praha : Vesmír, 1929. – 367 s.
531. Kammerer, M. Die österreichisch-russischen Beziehungen in den Jahren 1900–1914 an Hand österreichischer und deutscher Quellen : Dissertation / von Manfred Kammerer ; Karl-Franzens-Universität. – Graz, 1982. – 234, 66 S.
532. Kann, R. A. Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie : Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918 / Robert A. Kann ; übers. von Marianne Schön. – 2. erw. Aufl. – Graz : Köln : Böhlau, 1964. – 2 Bde.
533. Kann, R. A. Die Habsburgermonarchie und das Problem des übernationalen Staates / Robert A. Kann // *Die Habsburgermonarchie, 1848–1918*. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. – Bd. 2 : Verwaltung und Rechtswesen / hrsg. von Adam Wandruszka und Peter Urbanitsch. – S. 1–56.
534. Kann, R. A. Erzherzog Franz Ferdinand Studien / Robert A. Kann. – Wien : Verlag für Geschichte und Politik, 1976. – 256 S. – (Veröffentlichungen des Österreichischen Ost- und Südosteuropa-Institutes ; Bd. 10).
535. Kann, R. A. Geschichte des Habsburgerreiches, 1526–1918 / Robert A. Kann ; übertr. von Dorothea Winkler. – 2. Aufl. – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 1982. – 617 S.
536. Kann, R. A. Kaiser Franz Joseph und der Ausbruch des Weltkrieges : eine Betrachtung über den Quellenwert der Aufzeichnungen von Heinrich Kanner / Robert A. Kann. – Wien ; Köln ; Graz : Böhlau, 1971. – 23 S. – (Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften ; Bd. 274, Abh. 3).
537. Kann, R. A. The Austro-Hungarian compromise of 1867 in retrospect : causes and effect / Robert A. Kann // *Der österreichisch-ungarische Ausgleich 1867 : Materialien (Referate und Diskussion) der internationalen Konferenz in Bratislava 28.8. – 1.9.1967* / hrsg. von L'udovít Holotík. – Bratislava : Verlag der Slowakischen akademie der Wissenschaften, 1971. – S. 24–44.

538. Kann, R. A. The Dynasty and the imperial idea / Robert A. Kann // Austrian history yearbook. – Houston, 1967. – Vol. 3 : The nationality problem in the Habsburg monarchy in the nineteenth century: a critical appraisal, pt. 1. – P. 11–31.
539. Kann, R. A. The multinational Empire : nationalism and national reform in the Habsburg monarchy, 1848–1918 / by Robert A. Kann. – New York : Columbia Univ. Press, 1950. – 2 vols.
540. Kann, R. A. Werden und Zerfall des Habsburgerreiches / Robert A. Kann ; übers. von Ingeborg Pözl. – Graz ; Wien ; Köln : Styria, 1962. – 283 S.
541. Kastner, R. H. Glanz und Glorie : die Wiener Hofburg unter Kaiser Franz Joseph / Richard H. Kastner. – Wien : Amalthea, 2004. – 160 S.
542. Katus, L. Die ungarische Gesellschaft / László Katus // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. – Bd. 3 : Die Völker des Reiches, Teilbd. 1 / hrsg. von Adam Wandruszka und Helmut Rumpler. – S. 460–468.
543. Kazbunda, K. Pout' Čechů do Moskvy 1867 a rakouská diplomacie / napsal Karel Kazbunda. – Praha : Orbis, 1924. – 142 s. – (Politická knihovna. Řada 1 ; kn. 4).
544. Kimball, S. B. Czech nationalism : a study of the national theatre movement, 1845–83 / Stanley Buchholz Kimball. – Urbana : University of Illinois Press, 1964. – XIII, 186 p. – (Illinois studies in the social sciences ; 54).
545. Kimball, S. B. The Austro-Slav revival : a study of nineteenth-century literary foundations / Stanley B. Kimball. – Philadelphia : American Philosophical Society, 1973. – 83 p. – (Transactions of the American Philosophical Society. New series ; vol. 63, pt. 4).
546. Kiss, E. Der Tod der k.u.k. Weltordnung in Wien : Ideengeschichte Österreichs um die Jahrhundertwende / Endre Kiss. – Wien ; Köln ; Graz : Böhlau, 1986. – 296 S. – (Forschungen zur Geschichte des Donauraumes ; Bd. 8).
547. Koči, J. Návrat Karla Havlička z Brixenu / Josef Koči. – Praha : Melantrich, 1986. – 40 s.
548. Kohn, H. Pan-Slavism // Encyclopaedia Britannica. – Chicago [et al.] : Encyclopaedia Britannica : Benton, 1965. – Vol. 17.
549. Kohn, H. Pan-Slavism : its history and ideology / by Hans Kohn. – Notre Dame, Ind. : University of Notre Dame Press, 1953. – IX, 356 p.
550. Kohn, H. Was the collapse inevitable? / Hans Kohn // Austrian history yearbook. – Houston, 1967. – Vol. 3, pt. 3. – P. 250–263.
551. Kolejka, J. "Evropská myšlenka" a "středoevropanství" v 19. a 20. století / Josef Kolejka // Slovanský Přehled. – Praha, 1968. – Roč. 54, č. 4. – S. 297–303.
552. Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell : Österreich-Ungarn und das Russische Imperium im Vergleich / hrsg. von Peter Deutschmann [et al.]. – Wien : Praesen, 2011. – 406 S.
553. König, W. Netzwerke, Stahl und Strom, 1840 bis 1914 / Wolfgang König, Wolfhard Weber. – Berlin : Propyläen, 1990. – 595 S. – (Propyläen Technikgeschichte ; Bd. 4).
554. Kořalka, J. Češi v habsburské říši Evropy, 1815–1914 : sociálněhistorické souvislosti vytváření novodobého národa a národnostní otázky v českých zemích / Jiří Kořalka. – Praha : Argo, 1996. – 354 s. – (Historické myšlení ; 1).
555. Kořalka, J. Tschechen im Habsburgerreich und in Europa, 1815–1914 : sozialgeschichtliche Zusammenhänge der neuzeitlichen Nationsbildung und der Nationalitätenfrage in den böhmischen Ländern / Jiří Kořalka. – Wien : Verlag für Geschichte und Politik ; München :

- Oldenbourg, 1991. – 324 S. – (Schriftenreihe des Österreichischen Ost- und Südosteuropa-Instituts ; Bd. 18).
556. Krebs, H. Kampf in Böhmen / Hans Krebs. – Berlin : Volk und Reich, 1936. – 228 S.
557. Křen, J. Konfliktní společenství : Češi a Němci, 1780–1918 / Jan Křen. – Praha : Akademia, 1990. – 508 s.
558. Krieg und Wirtschaft : von der Antike bis ins 21. Jahrhundert / Wolfram Dornik, Johannes Gießauf, Walter M. Iber (Hg.). – Innsbruck ; Wien ; Bozen: Studien-Verlag, 2010. – 634 S.
559. Křivský, P. Papež Řehoř XVI. a vídeňský nuncius o panslavismu a husitství v Čechách v roce 1844 / Pavel Křivský // Husitský Tábor : sborník Husitského Muzea. – Tábor, 1987. – Č. 9. – S. 351–368.
560. Křížek, J. Slovanské národy a konec habsburské říše / Jurij Křížek // Slovanský Přehled. – Praha, 1968. – Roč. 54, č. 5. – S. 353–360.
561. Kroll, F.-L. Industrialisierung und Imperialismus / Frank-Lothar Kroll // Chronik des 19. Jahrhunderts / Imanuel Geiss (Hg.). – Gütersloh : Chronik, 1997. – S. 575–577.
562. Kryuchkov, I. V. Russia and Austria-Hungary: non-political dialogue of two empires in the last third of the XIX – the beginning of the XX century / Igor V. Kryuchkov, Natalia D. Kryuchkova. – DOI: 10.13187/bg.2018.3.1175 // Bylye Gody : [electronic journal]. – 2018. – Vol. 49, № 3. – P. 1175–1185. – URL: http://ejournal52.com/journals_n/1535634587.pdf (дата обращения: 22.10.2020).
563. Kudělka, M. O pojetí slavistiky : vývoj představ o jejím předmětu a podstatě / Milan Kudělka. – Praha : Academia, 1984. – 285 s.
564. Kumpf-Korfes, S. Bismarcks “Draht nach Russland“ : zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891 / Sigrid Kumpf-Korfes. – Berlin : Akademie-Verlag, 1968. – XVII, 219 S. – (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas ; Bd. 16).
565. Langewiesche, D. Europa zwischen Restauration und Revolution, 1815–1849 / von Dieter Langewiesche. – 5. Aufl. – München : Oldenbourg, 2007. – XIV, 261 S. – (Oldenbourg Grundriss der Geschichte ; Bd. 13).
566. Leidinger, H. Das Schwarzbuch der Habsburger : die unrühmliche Geschichte eines Herrschergeschlechtes / Hannes Leidinger, Verena Moritz, Berndt Schippler ; mit Vormerkungen von Gerhard Jagschitz und Karl Vocelka. – 2. Aufl. – Wien ; Frankfurt am Main : Deuticke, 2003. – 319 S.
567. Leidinger, H. Der Erste Weltkrieg. Der Prozess des Zerfalls beider Monarchien / Hannes Leidinger, Evgenij Sergeev // Österreich – Russland : Stationen gemeinsamer Geschichte / Stefan Karner, Alexander Tschubarjan (Hg.). – Graz ; Wien : Leykam, 2018. – S. 91–120.
568. Lindström, F. Empire and identity : biographies of the Austrian state problem of the late Habsburg Empire / Fredrick Lindström. – West Lafayette : Purdue University, 2008. – XII, 311 p. – (Central European studies).
569. Lutz, H. Politik und militärische Planung in Österreich-Ungarn zu Beginn der Ära Andrassy. Das Protokoll der Wiener Geheimkonferenzen vom 17. bis 19. Februar 1872 / Heinrich Lutz // Geschichte und Gesellschaft : Festschrift für Karl R. Stadler zum 60. Geburtstag / hrsg. von Gerhard Botz, Hans Hautmann und Helmut Konrad. – Wien : Europa-Verlag, 1974. – S. 23–44.
570. Lützwow, H. von. Im diplomatischen Dienst der k. u. k. Monarchie / Heinrich Graf von Lützwow ; mit einer Einl. von Reinhard Wittram ; hrsg. von Peter Hohenbalken. – Wien : Verlag für Geschichte und Politik, 1971. – XIX, 407 S.

571. MacHardy, K. J. War, religion and court patronage in Habsburg Austria : the social and cultural dimensions of political interaction, 1522–1622 / Karin J. MacHardy. – Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 2003. – XIII, 331 p. – (Studies in modern history).
572. Macůrek, J. Slovanská idea a dnešní skutečnost / Josef Macůrek. – V Brně : Zemská osvětová rada, 1947. – 39 s. – (Malá knihovna Zemské osvětové rady v Brně ; sv. 3).
573. Magris, C. Der habsburgische Mythos in der österreichischen Literatur / Claudio Magris ; übers. von Madeleine von Pásztory. – Salzburg : Müller, 1966. – 355 S.
574. Magris, C. Il mito asburgico nella letteratura austriaca moderna / Claudio Magris. – Torino : Einaudi, 1963. – 336 p. – (Saggi ; 326).
575. Mahan, A. T. The interest of America in international conditions / A. T. Mahan. – London : Low, Marston & Co, 1910. – V, 212 p.
576. Materialien zur Sprachenfrage in Österreich / hrsg. von Alfred Fischel. – Brünn : Druck und Verlag von Friedr. Irrgang, 1902. – VIII, 344 S.
577. Materiály z konferencie o myšlienke slovanskej vzájomnosti a jej úlohe v narodno-osvobodzovacom boji našich národov (Smolenice, 12.–14. októbra 1959) // Historický časopis. – Bratislava, 1960. – Roč. 8, č. 2–3. – S. 193–466.
578. Mayr, J. K. Geschichte der österreichischen Staatskanzlei im Zeitalter des Fürsten Metternich / von Josef Karl Mayr. – Wien : Selbstverlag des Haus-, Hof- und Staatsarchivs, 1935. – 159 S. – (Inventare des Wiener Haus-, Hof- und Staatsarchivs ; 2).
579. McMeekin, S. The Russian Origins of the First World War / Sean McMeekin. – Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 2011. – XII, 324 p.
580. Míka, Z. Počátky průmyslové výroby v Praze / Zdeněk Míka // Pražský sborník historický. – 1980. – № 12. – S. 85–169.
581. Mombauer, A. The Fischer Controversy 50 years on / Annika Mombauer // Journal of contemporary history. – London, 2013. – Vol. 48, № 2. – P. 231–240.
582. Mombauer, A. The origins of the First World War : controversies and consensus / Annika Mombauer. – Harlow ; New York : Longman, 2002. – VI, 256 p.
583. Morava, G. J. Der k. k. Dissident Karel Havlíček, 1821–1856 / Georg J. Morava. – Wien : Österreichischer Bundesverlag, 1985. – 246 S.
584. Morava, G. Palacký : Čech, Rakušan, Evropan / Jiří Morava. – Vyd. 2. – Praha : Vyšehrad : Český spisovatel, 1998. – 247 s.
585. Moritsch, A. Der Austroslavismus. Ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas / Andreas Moritsch // Der Austroslavismus : ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas / Andreas Moritsch (Hg.). – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 1996. – S. 11–23.
586. Moritsch, A. Die nationale Differenzierung in Kärnten in der Zeit Matija Majar-Ziljski / Andreas Moritsch // Die slavische Idee : Beiträge am Matija Majar-Ziljski-Symposium vom 6. bis 10. Juli 1992 in Tratten/Pošišče, Kärnten / hrsg. von A. Moritsch. – Bratislava : Slovak Academic Press, 1993. – S. 128–143.
587. Moritsch, A. Einleitung / Andreas Moritsch // Die slavische Idee : Beiträge am Matija Majar-Ziljski-Symposium vom 6. bis 10. Juli 1992 in Tratten/Pošišče, Kärnten / hrsg. von A. Moritsch. – Bratislava : Slovak Academic Press, 1993. – S. 9–14.
588. Moritsch, A. Revolution 1848 – Österreichs Slaven wohin? / Andreas Moritsch // Der Prager Slavenkongress 1848 : Vorträge eines Internationalen Symposiums über den Prager

- Slavenkongress 1848, das vom 9. bis 12. Juli 1998 in Klagenfurt und Tratten stattfand / Andreas Moritsch (Hg.) – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau. 2000. – S. 5–18.
589. Müller, W. Russland und die Habsburgermonarchie, 1853–1914 : von Krisen zum Untergang / Wolfgang Mueller, Olga Pavlenko // Österreich – Russland : Stationen gemeinsamer Geschichte / Stefan Karner, Alexander Tschubarjan (Hg.). – Graz ; Wien : Leykam, 2018. – S. 63–89.
590. Murko, M. Jan Kollár, der Dichter und philosophische Begründer des literarischen Panslavismus // Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhmischen Romantik / von Matthias Murko. – Graz : Styria, 1897. – S. 192–274.
591. Murko, M. Slovanská myšlenka před Kollárem / M. Murko // Slovanská vzájemnost, 1836–1936 : sborník prací k 100. výročí vydání rozpravy Jana Kollára o slovanské vzájemnosti / uspoř. Jiří Horák. – Praha : nákladem České akademie věd a umění : Slovanský ústav, 1938. – S. 11–33.
592. Myšlenkový vývoj Čechů, Slováků a Jihoslovanů od poloviny 18. století do buržoazní revoluce 1848–1849 / Československo-jugoslávská historická komise, Československá sekce. – Praha : Československo-sovětský institut ČSAV : Ústav československých a světových dějin ČSAV, 1985. – 459 s.
593. Nejedlý, Z. České rusofilství / Zdeněk Nejedlý // Nové Rusko : časopis Společnosti pro hospodářské a kulturní sblížení s Novým Ruskem. – Praha, 1925. – № 1. – S. 50–54.
594. Nejedlý, Z. Slovanství / Zdeněk Nejedlý // Var : pokrokový list pro veřejné otázky. – Praha, 1925–26. – Roč. 4, č. 17. – S. 489–500.
595. Nenaševa, Z. S. Das Problem des Austroslavismus in der russischen öffentlichen Meinung in den letzten beiden Jahrzehnten des 19. Jahrhunderts / Zoja S. Nenaševa // Der Austroslavismus : ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas / Andreas Moritsch (Hg.). – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 1996. – S. 178–194.
596. Nenaševa, Z. S. Slovanská otázka v Rusku v poslednej štvrtine XIX. storočia / Z. S. Nenaševa // Slovanské štúdie. – Bratislava, 1992. – № 1. – S. 30–47.
597. Oechelhäuser, W. Die wirtschaftliche Krisis / von Wilhelm Oechelhaeuser. – Berlin : Verlag von Julius Springer, 1875. – VIII, 157 S.
598. Onuf, N. Constructivism: a user's manual / Nicholas Onuf // International relations in a constructed world / ed. Vendulka Kubálková [et al.]. – Armonk, N. Y. : M. E. Sharpe, 1998. – P. 58–78.
599. Opat, J. Průvodce životem a dílem T. G. Masaryka : česká otázka včera a dnes / Jaroslav Opat. – Praha : Ústav T. G. Masaryka, 2003. – 534 s.
600. Ormesson, W. d'. La grande crise mondiale de 1857 : l'histoire recommence, les causes, les remèdes / Wladimir d'Ormesson. – Paris : Maurice d'Hartoy, 1933. – 142 p. – (Les problèmes contemporains).
601. Osterhammel, J. Die Verwandlung der Welt : eine Geschichte des 19. Jahrhunderts / Jürgen Osterhammel. – München : Beck, 2009. – 1568 S.
602. Österreich – 90 Jahre Republik : Beitragsband der Ausstellung im Parlament / Stefan Karner, Lorenz Mikoletzky (Hg.) ; red. Manfred Zollinger. – Innsbruck ; Wien ; Bozen : Studien-Verlag, 2008. – 636 S.
603. Österreich. Tschechien. Geteilt – getrennt – vereint : Nachlese zur Niederösterreichischen Landesausstellung 2009 / Stefan Karner [et al.]. – Graz ; Wien : Verein zur Förderung der

- Forschung von Folgen nach Konflikten und Kriegen, 2009. – 111 S. – (Veröffentlichungen des Ludwig-Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung, Graz – Wien – Klagenfurt ; 13).
604. Palacký, F. Úvahy a projevy: z české literatury, historie a politiky / František Palacký. – Praha : Melantrich, 1977. – 498 s. – (České myšlení ; 6).
605. Paměti Dr. Karla Kramáře / vyd. a úvod napsal Karel Hoch. – V Praze : Československý čtenář, 1938. – 395 s. – (Československý čtenář ; sv. 13).
606. Panslavisme // Grand Dictionnaire Encyclopédique Larousse. – Paris : Librairie Larousse, 1984. – Vol. 8.
607. Panslawismus // Das Bertelsmann-Lexikon / [red. leitung: Werner Ludewig et al.]. – Gütersloh ; Berlin : Bertelsmann-Lexikon-Verlag, 1977. – Bd. 7.
608. Partington, J. E. Railroad purchasing and the business cycle / by John E. Partington. – Washington : The Brookings institution, 1929. – XIII, 309 p.
609. Paulmann, J. Pomp und Politik : Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Régime und Erstem Weltkrieg / Johannes Paulmann. – Paderborn ; München ; Wien ; Zürich: Schöningh, 2000. – 482 S.
610. Pavlenko, O. V. Die Aktualisierung historischer Erfahrung in russischen Lehrbüchern der 1990er- und 2000er-Jahre / Ol'ga Pavlenko, Aleksandr Bezborodov // Wirtschaft. Macht. Geschichte : Brüche und Kontinuitäten im 20. Jahrhundert : Festschrift Stefan Karner / Gerald Schöpfer, Barbara Stelzl-Marx (Hg.). – Graz : Leykam, 2012. – S. 589–606.
611. Pavlenko, O. V. Die "Slawische Frage" im Kontext der russisch-österreichischer Beziehungen während der Revolution 1848–1849 / O. Pavlenko // Der Prager Slavenkongress 1848 / Andreas Moritsch (Hg.) – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau. 2000. – S. 19–38.
612. Pavlenko, O. V. Österreich im Kraftfeld der sowjetischen Diplomatie, 1945 / Ol'ga Pavlenko // Die Rote Armee in Österreich : sowjetische Besatzung, 1945–1955 / hrsg. von St. Karner, B. Stelzl-Marx. – Graz ; Wien : Verein zur Förderung der Forschung von Folgen nach Konflikten und Kriegen, 2005. – S. 565–603.
613. Pavlenko, O. V. Rußland und die Donauslaven, 1848–1871 / Olga V. Pavlenko // Der Austroslavismus : ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas / Andreas Moritsch (Hg.). – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 1996. – S. 156–177.
614. Peckham, R. S. National histories, natural states : nationalism and the politics of place in Greece / Robert Shannon Peckham. – London : I. B. Tauris, 2000. – XVI, 224 p.
615. Porter, A. European imperialism, 1860–1914 / Andrew Porter. – Houndmills, Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 1994. – XIII, 119 p. – (Studies in European History).
616. Porter, B. Critics of empire : British radical attitudes to colonialism in Africa, 1895–1914 / Bernard Porter. – London : Macmillan ; New York : St. Martin's Press, 1968. – XVI, 369 p.
617. Prelog, M. Pout' Slovanů do Moskvy roku 1867 / Milan Prelog ; z rukopisu přel. Milada Paulová. – V Praze : Slovanský ústav, 1931. – XIII, 183 s. – (Práce Slovanského ústavu v Praze ; sv. 5).
618. Puryear, V. J. International economics and diplomacy in the Near East : a study of British commercial policy in the Levant, 1834–1853 / Vernon John Puryear. – Stanford : Stanford University Press ; London : H. Milford : Oxford University Press, 1935. – XIII, 264 p.
619. Radimský, J. Morava a pout' do Moskvy r. 1867 / Jiří Radimský // Časopis Matice Moravské. – Brno, 1947. – Roč. 67, č. 3–4. – S. 341–358.

620. Radl, E. Der Kampf zwischen Tschechen und Deutschen / Emanuel Rádl ; übertr. Von Richard Brandeis. – Reichenberg ; Böhmen : Stiepel, 1928. – IV, 208 S.
621. Rauscher, W. Die fragile Großmacht : die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt, 1866–1914 / Walter Rauscher. – Frankfurt am Main : Wien : Lang-Ed., 2014. – 2 Bde.
622. Rauscher, W. Zwischen Berlin und St. Petersburg : die österreichisch-ungarische Außenpolitik unter Gustav Graf Kálnoky / Walter Rauscher. – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 1993. – 248 S.
623. Redlich, J. Das österreichische Staats- und Reichsproblem : geschichtliche Darstellung der inneren Politik der habsburgischen Monarchie von 1848 bis zum Untergang des Reiches. Bd. 1. Der dynastische Reichsgedanke und die Entfaltung des Problems bis zur Verkündigung der Reichsverfassung von 1861, T. 1 / von Josef Redlich. – Leipzig : Der Neue Geist, 1920. – XV, 816 S.
624. Reynolds, P. A. International studies: retrospect and prospect / P. A. Reynolds // British journal of international studies. – Cambridge, 1975. – Vol. 1, №. 1. – P. 1–19.
625. Riasanovsky, N. V. A history of Russia / Nicholas V. Riasanovsky. – New York : Oxford University Press, 1963. – XVIII, 711 p.
626. Riasanovsky, N. V. Russia and the West in the teaching of the Slavophiles : a study of romantic ideology / Nicholas V. Riasanovsky. – Cambridge : Harvard University Press, 1952. – 244 p. – (Harvard historical studies ; vol. 61).
627. Ruggenthaler, P. Warum Österreich nicht sowjetisiert werden sollte / Peter Ruggenthaler // Die Rote Armee in Österreich : sowjetische Besatzung, 1945–1955 / hrsg. von St. Karner, B. Stelzl-Marx. – Graz ; Wien : Verein zur Förderung der Forschung von Folgen nach Konflikten und Kriegen, 2005. – S. 61–90.
628. Rumpler, H. Eine Chance für Mitteleuropa : bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie / Helmut Rumpler. – Wien : Ueberreuter, 1997. – 672 S. – (Österreichische Geschichte. 1804–1914).
629. Rumpler, H. Monarchisches Prinzip und Ministerverantwortlichkeit in Österreich und Preussen, 1848–1867 / Helmut Rumpler // Bericht über den 11. Österreichischen Historikertag in Innsbruck in der Zeit vom 4. bis 8. Oktober 1971. – Wien : Verb., 1972. – S. 68–76.
630. Rupp, G. H. A wavering friendship: Russia and Austria, 1876–1878 / George Hoover Rupp. – Cambridge : Harvard University Press ; London : Oxford University Press, 1941. – XIV, 599 p. – (Harvard historical studies ; vol. 49).
631. Rösen, J. Studies in metahistory / Jörg Rösen ; ed. and introd. by Pieter Duvenage. – Pretoria : Human Sciences Research Council, 1993. – VI, 239 p. – (HSRC series in methodology ; 32).
632. Rußland und Österreich zur Zeit der Napoleonischen Kriege / hrsg. von Anna M. Drabek. – Wien : Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1989. – VIII, 206 S.
633. Russlands imperiale Macht : Integrationsstrategien und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive / hrsg. von Bianka Pietrow-Ennker. – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 2012. – 400 S.
634. Said, E. W. Culture and imperialism / Edward W. Said. – London : Chatto & Windus, 1993. – XXXII, 444 p.
635. Šantrůček B. Václav Křofáč (1868–1928) : pohledy do života a díla / napsal Bohuslav Šantrůček. – V Praze : Mladé Proudy, 1928. – 256 s.

636. Scheffler, T. Einleitung: Ethnizität und Gewalt im Vorderen und Mittleren Orient / Thomas Scheffler // *Ethnizität und Gewalt* / Thomas Scheffler (Hg.). – Hamburg : Deutsches Orient-Institut, 1991. – S. 9–32.
637. Schmidl, E. A. Die Mürzsteger Beschlüsse von 1903: Weltpolitik und Mürzer Oberland / Erwin A. Schmidl // *ISS Aktuell*. – Wien, 2015. – № 6. – S. 3–11.
638. Šesták, M. České slovanství v boje proti dualismu (do konce 19. století) / Miroslav Šesták, Vladislav Št'astný // *Československá slavistika 1988 : lingvistika, historie* / přípr. Československý komitét slavistů. – Praha : Academia, 1988. – S. 265–275.
639. Šesták, M. K otázce panslavismu / Miroslav Šesták // *Slovanský přehled*. – Praha, 1990. – Roč 76, č. 4. – S. 273.
640. Šesták, M. Pout' Čechů do Moskvy roku 1867 / Miroslav Šesták. – Praha : Melantrich, 1986. – 40 s. – (Slovo k historii ; roč. 1986, č. 7).
641. Šesták, M. Videňský "slovanský" sjezd roku 1866 / Miroslav Šesták // *Slovanský Přehled*. – Praha, 1969. – Roč. 55, č. 1. – S. 27–34.
642. Seton-Watson, R. W. Disraeli, Gladstone and the Eastern question : a study in diplomacy and party politics / by R. W. Seton-Watson. – London : Frank Cass, 1971. – XIII, 590 p.
643. Shapiro, M. J. Reading the postmodern polity : political theory as textual practice / Michael J. Shapiro. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1992. – X, 177 p.
644. Siemann, W. Metternich : Stratege und Visionär : eine Biografie / Wolfram Siemann. – München : C. H. Beck, 2016. – 983 S.
645. Simmel, G. Philosophie des Geldes / von Georg Simmel. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1900. – XVI, 554 S.
646. Sked, A. Úpadek a pád habsburské říše / Alan Sked. – Praha : Panevropa, 1995. – 372 s.
647. Skřivan, A. Aehrenthal – das Profil eines österreichischen Staatsmanns und Diplomaten alter Schule / Aleš Skřivan, Sr. // *Prague papers on the history of international relations*, 2007. – Prague : Charles University, Faculty of Arts, 2007. – P. 179–194.
648. Slovanský sjezd v Praze roku 1848 : sbírka dokumentů / k vyd. přípr. Václav Žáček s použitím materiálu sebraného společně s Zdenkem Tobolkou ; úvod naps. a bibliogr. sest Václav Čejchan. – Praha : Československá Akademie Věd, 1958. – 614 s.
649. Slovanství v českém národním životě : sborník úvah profesorů Masarykovy university / red. Josef Macůrek. – Brno : Rovnost, 1947. – 249 s. – (Knihovna Rovnosti. Řada 2 ; sv. 4).
650. Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / red. Vladislav Št'astný. – Praha : Melantrich, 1968. – 500 s.
651. Snyder, L. L. Encyclopedia of nationalism / Louis L. Snyder. – Chicago ; London : St. James Press, 1990. – XXII, 445 p.
652. Sombart, W. Krieg und Kapitalismus / Werner Sombart. – München ; Leipzig : Duncker & Humblot, 1913. – VIII, 232 p. – (Studien zur Entwicklungsgeschichte des modernen Kapitalismus ; Bd. 2).
653. Sombart, W. Der moderne Kapitalismus / Werner Sombart. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1902. – 2 Bde.
654. Sombart, W. Luxus und Kapitalismus / Werner Sombart. – München ; Leipzig : Duncker & Humblot, 1913. – VIII, 220 S. – (Studien zur Entwicklungsgeschichte des modernen Kapitalismus ; Bd. 1).

655. Soutou, G.-H. Die französische Schule der Geschichte internationaler Beziehungen / Georges-Henri Soutou // Internationale Geschichte : Themen – Ergebnisse – Aussichten / Wilfried Loth, Jürgen Osterhammel (Hg.). – München : Oldenbourg, 2000. – S. 31–44.
656. Spindler, M. Theorie(n) in der Lehre von den internationalen Beziehungen / Manuela Spindler und Siegfried Schieder // Theorien der internationalen Beziehungen / Siegfried Schieder, Manuela Spindler (Hg.). – Opladen : Leske und Budrich, 2003. – S. 7–34.
657. Springer, E. Geschichte und Kulturleben der Wiener Ringstraße / von Elisabeth Springer. – Wiesbaden : Steiner, 1979. – XI, 663 S.
658. Šťastný, V. Die slawische Idee bei den Tschechen nach dem österreichisch-ungarischen Ausgleich / Vladislav Šťastný // Die slawische Idee : Beiträge am Matija Majar-Ziljski-Symposium vom 6. bis 10. Juli 1992 in Tratten/Pošišče, Kärnten / hrsg. von A. Moritsch. – Bratislava : Slovak Academic Press, 1993. – S. 49–54.
659. Šťastný, V. Počátky tzv. pokrokového hnutí slovanských národů habsburské monarchie v 80. a 90. letech 19. století / Vladislav Šťastný // Slovanský Přehled. – Praha, 1977. – Roč. 63. – S. 143–161.
660. Šťastný, V. Vliv tzv. slovanské politiky Ruska v českém prostředí / V. Šťastný // Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / red. Vladislav Šťastný. – Praha : Melantrich, 1968. – S. 256–264
661. Štefánek, A. Kollarův nacionalismus : (homoetnologická štúdia) / Ant. Štefánek // Slovanská vzájemnost, 1836–1936 : sborník prací k 100. výročí vydání rozpravy Jana Kollára o slovanské vzájemnosti / uspoř. Jiří Horák. – Praha : nákladem České akademie věd a umění : Slovanský ústav, 1938. – S. 339–389.
662. Stourzh, G. The multinational empire revisited: reflections on the late imperial Austria / Gerald Stourzh // Austrian history yearbook. – Houston, 1992. – Vol. 23. – P. 1–22.
663. Sumner, B. H. Russia and the Balkans, 1870–1880 / by B. H. Sumner. – Oxford : Clarendon Press, 1937. – XII, 724 p.
664. Suppan, A. Der Illyrismus zwischen Wien und Ofen-Pest. Die illyrischen Zeitungen im Spannungsfeld der Zensurpolitik (1833 bis 1843) / Arnold Suppan // Der Austroslavismus : ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas / Andreas Moritsch (Hg.). – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 1996. – S. 102–125.
665. Sypniewski, A. R. von. Fünfzig Jahre Kaiser : für die Völker Österreich-Ungarns : mit vier Porträts / von Alfred Ritter von Sypniewski. – Wien : Teufen, 1898. – 438 S.
666. Telesko, W. Das Haus Habsburg und seine dynastischen "Helden" im 19. Jahrhundert / Werner Telesko // Zeitreise Heldenberg – lauter Helden : Katalog zur Niederösterreichischen Landesausstellung 2005 / Wolfgang Müller-Funk, Kugler G. (Hg.). – Horn ; Wien : Berger, 2005. – S. 67–74.
667. Telesko, W. Die Rezeption der Ikonographie Kaiser Josephs II. im Spannungsfeld tschechischer und deutscher Identitätsstrategien im späten 19. Jahrhundert / Werner Telesko // Kultur als Vehikel und als Opponent politischer Absichten : Kulturkontakte zwischen Deutschen, Tschechen und Slowaken von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis in die 1980er Jahre / hrsg. von Michaela Marek [et al.]. – Essen : Klartext, 2010. – S. 421–444.
668. Telesko, W. Kulturraum Österreich : die Identität der Regionen in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts / Werner Telesko. – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 2008. – 632 S.

669. The Crimean war, 1853–1856 : colonial skirmish or rehearsal for world war? : empires, nations, and individuals / ed. by Jerzy W. Borejsza. – Warszawa : Neriton, 2011. – 536 p.
670. The Emergence of Russian Pan-Slavism, 1856–1870 / Michael Boro Petrovich. – New York : Columbia University Press, 1956. – XIV, 312 p. – (Studies of the Russian Institute of Columbia University).
671. The mind of modern Russia : historical and political thought of Russia's great age / ed. by H. Kohn. – New Brunswick, N. J. : Rutgers University Press, 1955. – 298 p.
672. Treue, W. Eisenbahnen und Industrialisierung : ein Beitrag zur preußischen Wirtschafts- und Technikgeschichte im 19. Jahrhundert / von Wilhelm Treue. – Dothmund, 1987. – 34 S. – (Vortragsreihe der Gesellschaft für Westfälische Wirtschaftsgeschichte).
673. Tůma, K. Karel Havlíček Borovský : nejslavnější publicista českého národa / napsal Karel Tůma. – V Hoře Kutné : Nákladem knihkupectví Karla Šolce, 1883–1885. – 2 sv.
674. Ulbert, C. Sozialkonstruktivismus / Cornelia Ulbert // Theorien der internationalen Beziehungen / Siegfried Schieder, Manuela Spindler (Hg.). – Opladen : Leske und Budrich, 2003. – S. 391–420.
675. Unowsky, D. L. The pomp and politics of patriotism : imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916 / Daniel L. Unowsky. – West Lafayette : Purdue University Press, 2005. – XIII, 263 p. – (Central European studies).
676. Urban, O. Česká společnost, 1848–1918 / Otto Urban. – Praha : Svoboda, 1982. – 690 s. – (Členská knihnice).
677. Urban, O. Vzpomínka na Hradec Králové : (drama roku 1866) / Otto Urban. – Praha : Panorama, 1986. – 424 s. – (Stopy, fakta, svědectví).
678. Urbanitsch, P. Pluralist myth and nationalist realities: the dynastic myth of the Habsburg monarchy – a futile exercise in the creation of identity? / Peter Urbanitsch // Austrian history yearbook. – Houston, 2004. – Vol. 35. – P. 101–141.
679. Valenta, A. Karel Kramář / Aleš Valenta // Střední Evropa : revue pro středoevropskou kulturu a politiku. – Praha, 1995. – Roč. 11, № 51. – S. 44–65.
680. Vlček, R. Ruský panslavismus – realita a fikce / Radomír Vlček. – Praha : Historický ústav AV ČR, 2002. – 291 s. – (Práce Historického ústavu AV ČR. Řada A, Monographia ; sv. 19).
681. Vocelka, K. Glanz und Untergang der höfischen Welt : Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat / Karl Vocelka. – Wien : Ueberreuter, 2001. – 542 S. – (Österreichische Geschichte. 1699–1815).
682. Vojtěch, T. Mladočeši a boj o politickou moc v Čechách / Tomáš Vojtěch. – Praha : Academia, 1980. – 198 s.
683. Vyšný, P. Neo-Slavism and the Czechs, 1898–1914 / Paul Vyšný. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1977. – XIV, 287 p. – (Soviet and East European studies).
684. Wakounig, M. Ein Grandseigneur der Diplomatie : die Mission von Franz de Paula Prinz von und zu Liechtenstein in St. Petersburg 1894–1898 / Marija Wakounig. – Wien ; Berlin ; Münster : Lit, 2007. – 350 S.
685. Walicki, A. W kręgu konserwatywnej utopii : struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa / Andrzej Walicki. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. – 493 s.
686. Walters, E. Austrian-Russian relations under Goluchowski, 1895–1906 / Eurof Walters // The Slavonic and East European Review. – London, 1952. – Vol. 31, № 76. – P. 212–231.

687. Wandruszka, A. Ein vorbildlicher Rechtsstaat? / Adam Wandruszka // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. – Bd. 2 : Verwaltung und Rechtswesen / hrsg. von Adam Wandruszka und Peter Urbanitsch. – S. IX–XVIII.
688. Wandruszka, A. Planung und Verwirklichung / Adam Wandruszka // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. – Bd. 1 : Die wirtschaftliche Entwicklung / hrsg. von Alois Brusatti. – S. XI–XIX.
689. Weber, J. Eötvös und die ungarische Nationalitätenfrage / Johann Weber. – München : Oldenbourg, 1966. – 154 S. – (Sudosteuropäische Arbeiten ; 64).
690. Weingart, M. Slovanská vzájemnost : úvahy o jejích základech a osudech / Miloš Weingart. – Bratislava : Academie, 1926. – 256 s. – (Sbirka přednáša rozprav extense University Komenského v Bratislavě ; 2).
691. Wendt, A. Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics / Alexander Wendt // International organization. – Cambridge, 1992. – Vol. 46, № 2. – P. 391–425.
692. Wendt, A. The agent-structure-problem in international relations theory / Alexander E. Wendt // International organization. – Cambridge, 1987. – Vol. 41, № 3. – P. 335–370.
693. Wien als Magnet? : Schriftsteller aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa über die Stadt / hrsg. von Gertraud Marinelli-König, Nina Pavlova. – Wien : Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1996. – 613 S.
694. Winkler, M. Karel Kramář (1860–1937) : Selbstbild, Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers / Martina Winkler. – München: Oldenbourg, 2002. – 413 S. – (Ordnungssysteme ; Bd. 10).
695. Wirth, M. Geschichte der Handelskrisen / von Max Wirth. – Frankfurt am Main : J. D. Sauerländer, 1890. – 716 S.
696. Wiskemann, E. Czechs and Germans : a study of the struggles in the historic provinces of Bohemia and Moravia / by Elizabeth Wiskemann. – London ; New York : Oxford University Press, 1938. – VIII, 299 p.
697. Wollman, F. K metodologii srovnávací slovesnosti slovanské / Frank Wollman. – Brno : Filosofická fakulta, 1936. – 154 s. – (Spisy filosofické fakulty Masarykovy university v Brně ; č. 43).
698. Wollman, F. Kollárův mesianismus / F. Wollmann // Slovanská vzájemnost, 1836–1936 : sborník prací k 100. výročí vydání rozpravy Jana Kollára o slovanské vzájemnosti / uspoř. Jiří Horák. – Praha : nákladem České akademie věd a umění : Slovanský ústav, 1938. – S. 34–59.
699. Wollman, F. Slavismy a antislavismy za jara národů / Frank Wollman. – Praha : Academie, 1968. – 494 s.
700. Wörterbuch der Ethnologie / Bernhard Streck (Hrsg.) ; mit Beiträgen von: John Eidson [et al.]. – 2. und erw. Aufl. – Wuppertal : Hammer, 2000. – 431 S.
701. Wysocky, J. Die österreichische Finanzpolitik / Josef Wysocki // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. – Bd. 1 : Die wirtschaftliche Entwicklung / hrsg. von Alois Brusatti. – S. 68–104.
702. Žáček, V. Doznívání myšlenky slovanských sjezdů po roce 1867 / Václav Žáček // Slavia : časopis pro slovanskou filologii. – Praha, 1981. – Roč. 50. – S. 395–407.

703. Žáček, V. Josef Bárak / Václav Žáček. – Praha : Melantrich, 1983. – 309 s. – (Odkazy pokrokových osobností naší minulosti ; sv. 71).
704. Žáček, V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách / Václav Žáček. – Praha : Slovanský ústav, 1935. – 234 s. – (Práce Slovanského ústavu v Praze ; sv. 14).
705. Žáček, V. Polonofilství a rusofilství – dvě alternativy českého slovanství let šedesátých / V. Žáček // Slovanství v národním životě Čechů a Slováků / red. Vladislav Št'astný. – Praha : Melantrich, 1968. – S. 227–247.